А. Б.

744

ГАЛЛЕРЕЯ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ РОССІИ

ВЪ

ПОРТРЕТАХЪ И БІОГРАФІЯХЪ:

48

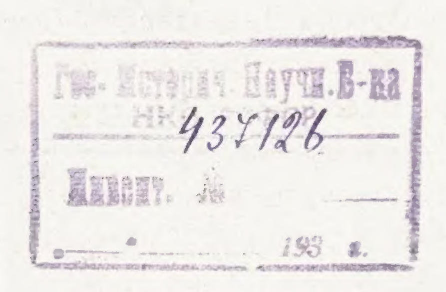
ПОРТРЕТОВЪ

СЪ

БІОГРАФИЧЕСКИМИ ОЧЕРКАМИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1886.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 января 1886 года.

Типографія „Петерб. Газ"., Литейн. пр. № 52.

СОДЕРЖАНІЕ:

31. Василій Андреевичъ *Жуковскій.*
32. Пафнутій Львовичъ *Чебышевъ.*
33. Александръ Абрамовичъ *Воскресенскій.*
34. Михаилъ Евграфовичъ *Салтыковъ.*
35. Алексѣй Федоровичъ *Львовъ.*
36. Валерій Ивановичъ *Якоби.*
37. *Платонъ,* митрополитъ московскій.
38. Петръ Александровичъ *Валуевъ.*
39. Андрей Александровичъ *Сабуровъ.*
40. Государственный контролеръ *В. Татариновъ.*
41. Князь Михаилъ Илларіоновичъ *Голенищевъ-Кутузовъ.*
42. Алексѣй Васильевичъ *Кольцовъ.*
43. Викторъ Яковлевичъ *Буняковскій.*
44. Николай Александровичъ *Добролюбовъ.*
45. Алексѣй Николаевичъ *Савичъ.*
46. Константинъ Дмитріевичъ *Ушинскій.*
47. Профессоръ Сергѣй Петровичъ *Боткинъ.*
48. Александръ Сергѣевичъ *Даргомыжскій.*

[illegible] Архиепископъ Пермский

ИННОКЕНТІЙ

Архіепископъ Херсонскій и Таврическій.

1800—1857.

Мы начинаемъ настоящій томъ «Русскихъ дѣятелей» [illegible] біографіи одного изъ замѣчательнѣйшихъ архипасты-рей [illegible]. Личности Иннокентія, въ мірѣ Ивана [illegible] энергіи, ума и таланта, принадлежитъ [illegible] и рус-[illegible] и вообще русской культуры. Какъ архи-[illegible] неоцѣнимыя услуги развитію духов-наго просвѣщенія и истинной религіозности всюду, куда [illegible]ѣ. Въ [illegible] помимо [illegible] ап.-стола Павла [illegible] Господа [illegible]ьныхъ [illegible] чрезвычайную [illegible] свою славу пріобрѣлъ [illegible] давъ намъ образцы краснорѣчія, вслѣдствіе которыхъ, по свидѣтельству представителя втораго отдѣленія Академіи Наукъ, имя Иннокентія, какъ проповѣдника, останется безсмертнымъ и

займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между духовными витіями всѣхъ временъ и народовъ.

Иванъ Борисовъ родился въ г. Ельцѣ, въ 1800 году. Отецъ его былъ священникъ г. Сѣвска, Орловской губерніи.

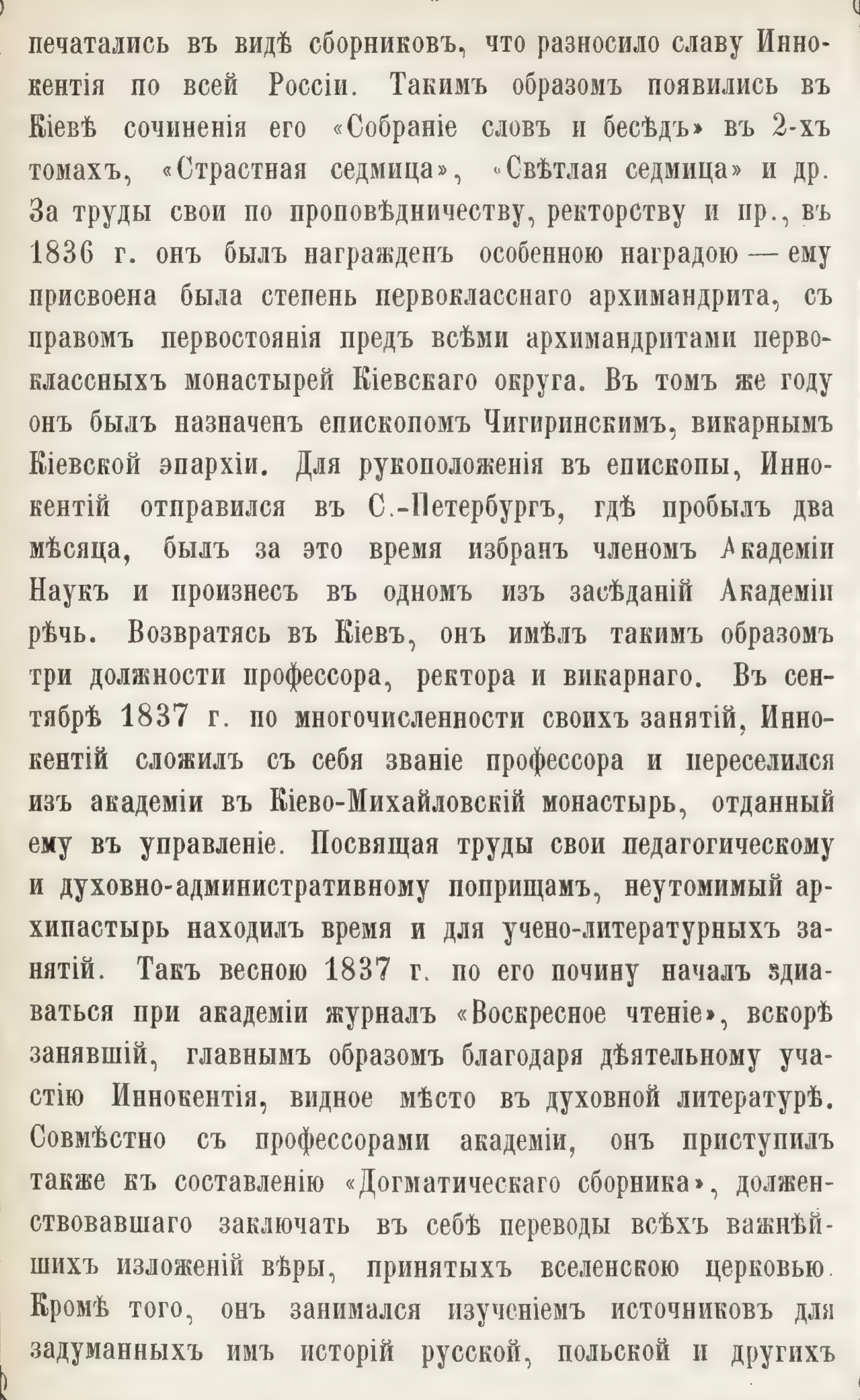
Получивъ элементарное образованіе подъ его руководствомъ Иванъ Борисовъ поступилъ въ Воронежское духовное уѣздное училище, а оттуда перешелъ въ Орловскую семинарію, находившуюся въ г. Сѣвскѣ. Извѣстно, что духовныя училища и семинаріи того времени стояли на очень низкой степени развитія. Программы семинарій отличались необыкновенною «многопредметностью», а это вело, конечно, къ тому, что науки не проходились толково. Хотя Орловская семинарія и представляла исключеніе—программа ея была очень не обширна, но къ сожалѣнію преподаваніе было не менѣе небрежно. Живому и рѣзвому Борисову, съ дѣтства выказавшему блестящія способности, одолѣніе курса названныхъ училищъ не представляло никакихъ трудностей. Онъ занимался мало, но тѣмъ не менѣе въ 1819 г. окончилъ курсъ семинаріи лучшимъ воспитанникомъ, а сочиненія, разсужденія и проповѣди его нерѣдко поражали наставниковъ своими достоинствами. По окончаніи курса семинаріи, счастливая случайность дала возможность Борисову продолжать образованіе и развить свои умственныя силы. 28-го сентября 1819 г. послѣдовало преобразованіе Кіевской духовной академіи, на основаніи новаго устава учебныхъ заведеній духовнаго вѣдомства, причемъ положено было вызвать въ нее лучшихъ воспитанниковъ изъ нѣсколькихъ семинарій, для высшаго образованія. Въ числѣ шести воспитанниковъ Орловской семинаріи отправленъ былъ и Борисовъ. Преобразованіе академіи было проведено удачно. Программы предметовъ состав-

лены весьма толково, а преподаваніе обставлено даровитыми личностями. Помимо замѣчательнаго ученаго и профессора—Ивана Михайловича Скворцева, читавшаго исторію философіи, логику, психологію, метафизику и нравственную философію, и читавшаго, прибавимъ, всѣ эти предметы прекрасно, благодаря знаніямъ своимъ и крайне—добросовѣстному отношенію къ дѣлу, особенно выдавались профессора богословскихъ наукъ — ректоръ академіи Моисей и инспекторъ Мелетій, а затѣмъ преемникъ послѣдняго Смарагдъ. Мало подготовленному Борисову первое время пришлось много потрудиться, но этотъ трудъ и развернулъ его силы. Слѣдя за преподаваніемъ, онъ много читалъ, даже ночи проводилъ за чтеніемъ, и вскорѣ сдѣлался первымъ по успѣхамъ. Вообще пребываніе въ академіи было въ высшей степени благотворно для него. Въ высшемъ отдѣленіи академіи, отдаваясь склонности своей, Борисовъ болѣе всего занимался составленіемъ проповѣдей. Четыре проповѣди его напечатаны въ числѣ 11-ти словъ воспитанниковъ академіи 1-го курса. Онѣ обнаруживаютъ уже высокое дарованіе автора, хотя и написаны подъ несомнѣннымъ вліяніемъ сочиненій Массильона. Въ 1823 г. онъ окончилъ курсъ академіи первымъ магистромъ и былъ опредѣленъ въ С.-Петербургскую духовную семинарію инспекторомъ и профессоромъ двухъ предметовъ—церковной исторіи и греческаго языка. Такое назначеніе не вполнѣ соотвѣтствовало блестящему окончанію Борисовымъ курса, но скоро рядъ быстрыхъ повышеній вознаградилъ его. Чрезъ три мѣсяца онъ былъ назначенъ ректоромъ Александро-Невскаго училища, оставаясь при прежней должности въ семинаріи. Въ концѣ того-же 1823 года онъ принялъ монашество, подъ именемъ Иннокентія, и былъ подстриженъ въ іеродіаконы, а черезъ нѣсколько недѣль—въ іеромонахи. 16-го де-

кабря 1824 г. начался тотъ рядъ повышеній, о которомъ мы говорили выше, въ этотъ день Иннокентій былъ назначенъ баккалавромъ богословскихъ наукъ въ С.-Петербургской духовной академіи. Въ сентябрѣ слѣдующаго года онъ былъ опредѣленъ инспекторомъ академіи и членомъ «внѣшняго академическаго правленія», а черезъ три недѣли утвержденъ дѣйствительнымъ членомъ академической конференціи. Наконецъ въ январѣ 1826 г. «за отличное преподаваніе богословскихъ уроковъ» онъ былъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ, а въ мартѣ того-же года посвященъ въ санъ архимандрита. Преподавателемъ былъ Иннокентій въ высшемъ степени замѣчательнымъ. Лекціи онъ читалъ наизусть, живою и изящною рѣчью; ими затмилъ онъ всѣхъ своихъ сотоварищей и увлекъ студентовъ. Онъ не записывалъ своихъ лекцій, но несомнѣнно, что нѣкоторые учено-богословскіе трактаты десятаго тома его сочиненій и особенно «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Іисуса Христа» были предметами ихъ. Помимо трудовъ въ академіи, въ этомъ періодѣ жизни онъ выступилъ и проповѣдникомъ. Его проповѣди въ Александро-Невской лаврѣ и Казанскомъ соборѣ привлекали многочисленныхъ слушателей. По произношеніи Иннокентій помѣщалъ ихъ въ журналѣ «Христіанское Чтеніе» вмѣстѣ съ другими своими сочиненіями («Жизнь св. апостола Павла», «Послѣдніе дни жизни Господа и пр.») и тѣмъ очень поддержалъ это изданіе, клонившееся тогда къ полному упадку. За ученые труды свои въ 1829 г. онъ былъ утвержденъ докторомъ богословія и награжденъ орденомъ св. Анны 2-й ст. съ Императорскою короною. Въ августѣ 1830 г. покончились его занятія въ С.-Петербургской академіи и послѣдовало назначеніе его въ Кіевскую духовную академію ректоромъ и профессоромъ богословскихъ наукъ.

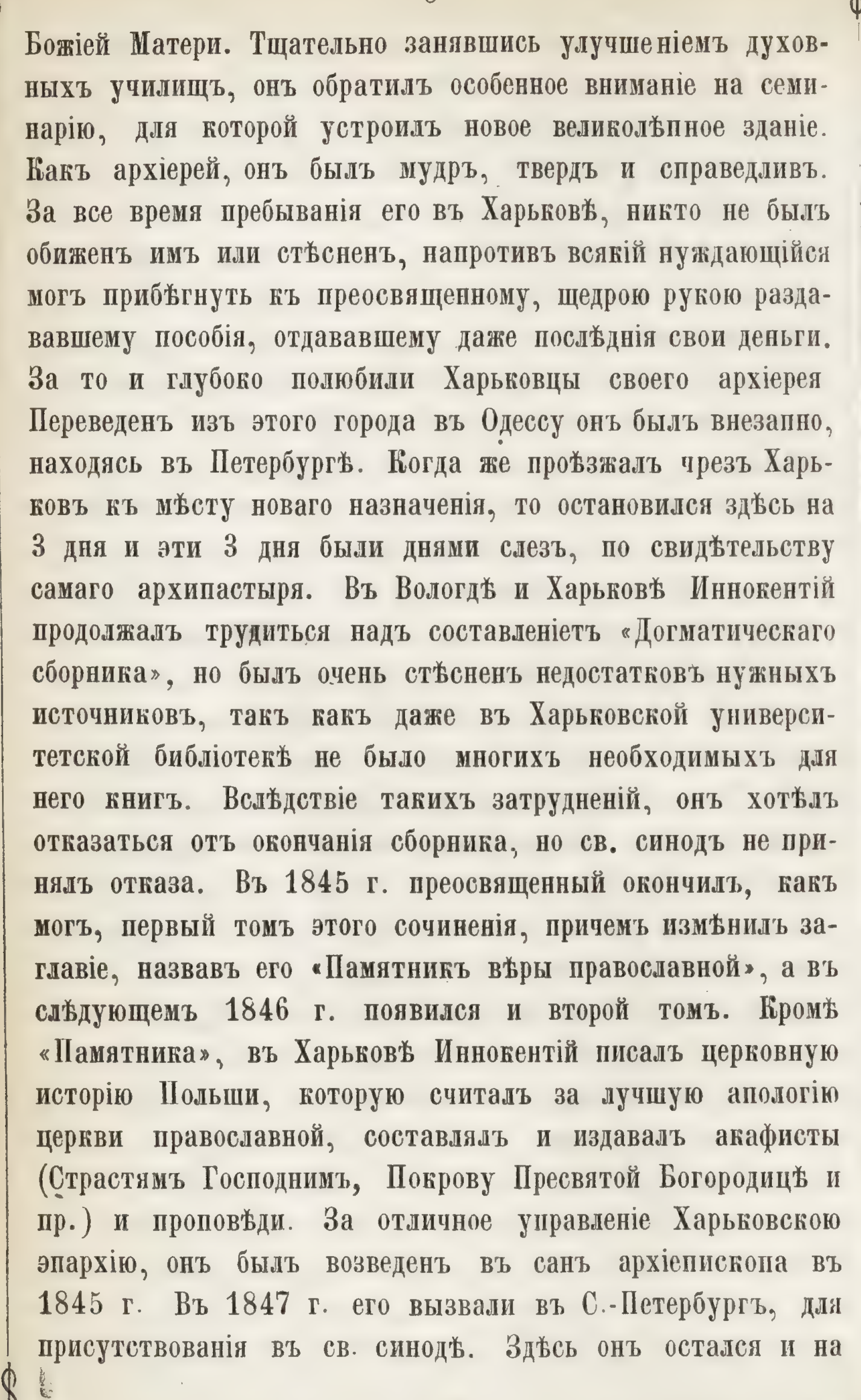
Ректорство Иннокентія представляетъ свѣтлую эпоху въ исторіи Кіевской академіи. Новый ректоръ внесъ въ нее тотъ духъ науки и трудолюбія, которымъ исполненъ былъ самъ. Стараясь по возможности изгнать всякую рутину и схоластику, онъ первымъ долгомъ замѣнилъ въ преподаваніи богословскихъ наукъ латинскій языкъ—русскимъ, что конечно несказанно увеличило интересъ этихъ наукъ. Затѣмъ онъ расширилъ курсъ философіи, ввелъ экклезіастику и церковное законовѣдѣніе и пр. Но не объ одномъ только преподаваніи наукъ заботился онъ. Въ улучшеніи помѣщеній студентовъ, стола и пр. вездѣ видѣнъ былъ заботливый глазъ архипастыря.

Положительно неизмѣрима наконецъ та нравственная польза, которую Иннокентій принесъ академіи, удачно выбирая профессоровъ и постоянно возбуждая собственнымъ примѣромъ и краснорѣчіемъ въ нихъ и студентахъ энергію къ научнымъ занятіямъ. Къ студентамъ онъ былъ отечески добръ, хотя и твердъ въ наказаніяхъ за проступки; чрезвычайно заботился объ умственномъ развитіи ихъ, рекомендуя не только усвоеніе курсовъ, но даже занятіе другими науками, не входившими въ программу академіи. Въ награду за блестящее состояніе управляемаго имъ учрежденія, Иннокентій получилъ въ разное время ордена св. Владиміра 3-й ст., св. Анны 1-й ст. и удостоенъ признательности св. синода. Съ ректорствомъ совпадаетъ и наиболѣе блестящій періодъ его дѣятельности и славы, какъ проповѣдника. Часто и съ любовію совершая священнодѣйствія въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, въ Печерской лаврѣ, а больше всего въ Кіево-Братскомъ монастырѣ, онъ заключалъ ихъ всегда проповѣдями. Знаменитаго оратора стекались слушать не только Кіевляне, но многіе пріѣзжали даже изъ дальнихъ мѣстъ. Проповѣди записывались и затѣмъ

печатались въ видѣ сборниковъ, что разносило славу Иннокентія по всей Россіи. Такимъ образомъ появились въ Кіевѣ сочиненія его «Собраніе словъ и бесѣдъ» въ 2-хъ томахъ, «Страстная седмица», «Свѣтлая седмица» и др. За труды свои по проповѣдничеству, ректорству и пр., въ 1836 г. онъ былъ награжденъ особенною наградою — ему присвоена была степень первокласснаго архимандрита, съ правомъ первостоянія предъ всѣми архимандритами первоклассныхъ монастырей Кіевскаго округа. Въ томъ же году онъ былъ назначенъ епископомъ Чигиринскимъ, викарнымъ Кіевской эпархіи. Для рукоположенія въ епископы, Иннокентій отправился въ С.-Петербургъ, гдѣ пробылъ два мѣсяца, былъ за это время избранъ членомъ Академіи Наукъ и произнесъ въ одномъ изъ засѣданій Академіи рѣчь. Возвратясь въ Кіевъ, онъ имѣлъ такимъ образомъ три должности профессора, ректора и викарнаго. Въ сентябрѣ 1837 г. по многочисленности своихъ занятій, Иннокентій сложилъ съ себя званіе профессора и переселился изъ академіи въ Кіево-Михайловскій монастырь, отданный ему въ управленіе. Посвящая труды свои педагогическому и духовно-административному поприщамъ, неутомимый архипастырь находилъ время и для учено-литературныхъ занятій. Такъ весною 1837 г. по его почину началъ здиаваться при академіи журналъ «Воскресное чтеніе», вскорѣ занявшій, главнымъ образомъ благодаря дѣятельному участію Иннокентія, видное мѣсто въ духовной литературѣ. Совмѣстно съ профессорами академіи, онъ приступилъ также къ составленію «Догматическаго сборника», долженствовавшаго заключать въ себѣ переводы всѣхъ важнѣйшихъ изложеній вѣры, принятыхъ вселенскою церковью. Кромѣ того, онъ занимался изученіемъ источниковъ для задуманныхъ имъ исторій русской, польской и другихъ

гсавянскихъ церквей. Историческія изысканія навели его на мысль учредить въ Кіевѣ историческое общество, но дѣло затормозилось и Иннокентій не дождался его исполненія: 1-го марта 1841 г. онъ былъ назначенъ архіереемъ Вологодской эпархіи. На пути въ Вологду и по пріѣздѣ туда онъ былъ встрѣченъ съ большимъ почетомъ. Слава его, какъ ученаго духовнаго писателя, и особенно, какъ проповѣдника, уже успѣла далеко распространиться по Россіи. Не смотря на кратковременное—всего 9 мѣсяцевъ—пребываніе въ новомъ мѣстѣ назначенія Иннокентій сдѣлалъ много добра эпархіи, бывшей до него очень неустроенной. Онъ обратилъ вниманіе на дѣла мѣстной консисторіи, заботился объ улучшеніи духовныхъ училищъ, объ обновленіи соборнаго храма, занялся обозрѣніемъ и отчасти собираніемъ вологодскихъ древностей. Каждое воскресенье и праздники онъ говорилъ проповѣди въ соборѣ и другихъ церквахъ. Оцѣнивая труды его въ этотъ періодъ, св. синодъ выразилъ ему признательность за особую попечительность о благѣ паствы. Пребываніе Иннокентія въ Вологдѣ было, какъ мы уже говорили, кратковременное—31-го декабря 1841 г. онъ былъ переведенъ въ эпархію Харьковскую, съ оставленіемъ при той же степени въ іерархіи. Въ Харьковѣ преосвященный оставался продолжительное время (до 1847 г.) и оставилъ по себѣ неизгладимый слѣдъ въ рядѣ различныхъ начинаній и въ сердцахъ паствы. Онъ провелъ здѣсь рядъ мѣръ для поднятія религіозности въ краѣ—возстановилъ нѣсколько древнихъ и особенно чтимыхъ въ народѣ монастырей напр. Ахтырскій и Святогорскій, содѣйствовалъ открытію на частныя средства Харьково-Николаевскаго монастыря, учредилъ совершаемый съ тѣхъ поръ ежегодно, 30-го сентября, крестный ходъ, по случаю перенесенія въ Харьковъ изъ Куряжскаго монастыря чудотворной иконы

Божіей Матери. Тщательно занявшись улучшеніемъ духовныхъ училищъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на семинарію, для которой устроилъ новое великолѣпное зданіе. Какъ архіерей, онъ былъ мудръ, твердъ и справедливъ. За все время пребыванія его въ Харьковѣ, никто не былъ обиженъ имъ или стѣсненъ, напротивъ всякій нуждающійся могъ прибѣгнуть къ преосвященному, щедрою рукою раздававшему пособія, отдававшему даже послѣднія свои деньги. За то и глубоко полюбили Харьковцы своего архіерея Переведенъ изъ этого города въ Одессу онъ былъ внезапно, находясь въ Петербургѣ. Когда же проѣзжалъ чрезъ Харьковъ къ мѣсту новаго назначенія, то остановился здѣсь на 3 дня и эти 3 дня были днями слезъ, по свидѣтельству самаго архипастыря. Въ Вологдѣ и Харьковѣ Иннокентій продолжалъ трудиться надъ составленіетъ «Догматическаго сборника», но былъ очень стѣсненъ недостатковъ нужныхъ источниковъ, такъ какъ даже въ Харьковской университетской библіотекѣ не было многихъ необходимыхъ для него книгъ. Вслѣдствіе такихъ затрудненій, онъ хотѣлъ отказаться отъ окончанія сборника, но св. синодъ не принялъ отказа. Въ 1845 г. преосвященный окончилъ, какъ могъ, первый томъ этого сочиненія, причемъ измѣнилъ заглавіе, назвавъ его «Памятникъ вѣры православной», а въ слѣдующемъ 1846 г. появился и второй томъ. Кромѣ «Памятника», въ Харьковѣ Иннокентій писалъ церковную исторію Польши, которую считалъ за лучшую апологію церкви православной, составлялъ и издавалъ акафисты (Страстямъ Господнимъ, Покрову Пресвятой Богородицѣ и пр.) и проповѣди. За отличное управленіе Харьковскою эпархію, онъ былъ возведенъ въ санъ архіепископа въ 1845 г. Въ 1847 г. его вызвали въ С.-Петербургъ, для присутствованія въ св. синодѣ. Здѣсь онъ остался и на

начало слѣдующаго 1848 г., въ февралѣ котораго послѣдовало назначеніе его архіепископомъ Херсонскимъ и Таврическимъ, а въ апрѣлѣ—ему пожалованъ орденъ св Владиміра 2-й ст. 29-го мая Иннокентій былъ уже въ Одессѣ, и на другой же день совершилъ торжественное богослуженіе и сказалъ первую проповѣдь, привлекшую массу слушателей. Служеніе архипастыря въ Одессѣ было очень неудобно для него, такъ какъ почти каждую осень онъ былъ вызываемъ въ С.-Петербургъ, для присутствованія въ св. синодъ. Но, несмотря на это, и въ Одессѣ сдѣлалъ онъ не мало хорошаго по устройству духовныхъ училищъ, консисторіи и пр. По примѣру Харькова, онъ учредилъ здѣсь два торжественныхъ крестныхъ хода въ день основанія города (22-го августа) и въ день перенесенія въ Одессу Касперовской иконы Божіей Матери. Въ первомъ изъ нихъ были несомы между прочимъ точныя копіи съ различныхъ чудотворныхъ иконъ, изъ которыхъ имъ былъ составленъ въ Одессѣ своеобразный священный музей. Самымъ замѣчательнымъ дѣломъ Иннокентія въ періодѣ архіепископства его было возстановленіе древнихъ христіанскихъ памятниковъ Крыма. Его мысль была создать на этомъ полуостровѣ національное святое мѣсто, на подобіе Афона, съ тою-же монашескою жизнію.

Св. синодъ и Государь Императоръ одобрили его предпріятіе, и 15-го августа 1850 г. послѣдовало торжественное открытіе главнаго скита на скалѣ Успенской, близь Бакчисарая, затѣмъ постепенно открывались и др. скиты въ Херсонесѣ, Инкерманѣ и пр. По случаю частыхъ разъѣздовъ въ Петербургъ, въ Крымъ и по эпархіи, Иннокентій за это время менѣе занимался учено-литературными трудами. Онъ продолжалъ составлять акафисты, выдавалъ въ свѣтъ проповѣди, а въ 1851 г. занялся пересмотромъ

прежнихъ своихъ сочиненій, между прочимъ и «Послѣднихъ дней жизни Господа нашего Іисуса Христа». 10-го апрѣля 1853 г., за отличное служеніе церкви, онъ получилъ орденъ св. Александра Невскаго. Въ восточную войну Иннокентій выказалъ себя доблестнымъ архипастыремъ и мужественный патріотомъ. Въ день бомбардированія Одессы, 10-го апрѣля 1854 г., онъ совершалъ въ соборѣ литургію. Ни ядра, падавшія у самыхъ дверей храма, ни взрывъ пороховаго ящика на батареѣ, потрясшій основанія церкви, не помѣшали ему дослужить литургію и сказать прочувствованное, краснорѣчивое слово. Послѣ несчастнаго для насъ сраженія при р. Альмѣ, наведшаго большое уныніе на мѣстныхъ жителей Крыма, онъ счелъ долгомъ своимъ отправится въ эту часть эпархіи. Появленіе его въ Симферополѣ, безъ зова и безъ свиты, удивило и обрадовало паству, а сказанная имъ въ соборѣ проповѣдь съ упреками въ малодушіи, произвела глубокое впечатлѣніе. Сказавъ на другой день слово утѣшенія, Иннокентій отправился далѣе въ Севастополь. По прибытіи туда, онъ служилъ ѳбѣдни и молебствія, говорилъ проповѣди и воодушевлялъ славныхъ защитниковъ города. Интересуясь всѣми деталями военныхъ дѣйствій, Иннокентій съ горы Сѣвернаго укрѣпленія разсматривалъ всю линію защиты и распрашивалъ о каждомъ бастіонѣ. Для воодушевленія солдатъ, онъ хотѣлъ даже идти по траншеямъ, но былъ удержанъ представленіями окружающихъ, которые указывали на опасность этого подвига и тяжелое впечатлѣніе, если онъ будетъ раненъ. Архипастырь былъ и на южной сторонѣ укрѣпленій, переправившись на катерѣ чрезъ рейдъ, обстрѣливаемый въ моментъ переправы непріятелемъ.

За доблестные подвиги во время войны, Иннокентій получилъ нѣсколько наградъ. Такъ въ 1854 г., за дѣй-

ствія свои во время бомбардированія Одессы — алмазный крестъ, для ношенія на клобукѣ, а за попеченіе о раненыхъ въ Крыму—признательность св. синода. Въ 1855 г. послѣдовала Высочайшая ему благодарность за посѣщеніе Севастополя; наконецъ въ 1856 г., за просвѣщенное пастырское служеніе, ознаменованное отличными произведеніями дара слова и подвигами самоотверженія, онъ былъ возведенъ въ званіе члена святѣйшаго синода. Помимо этихъ наградъ, въ 1854 г., за сочувствіе восточнымъ христіанамъ и проповѣди свои, переведенныя на греческій языкъ, Иннокентій получилъ греческій орденъ Спасителя 1-й ст., а въ 1855 г. благодарственный рескриптъ Вел. Кн. Елены Павловны, за участіе въ благоустроеніи Крестовоздвиженской общины сестеръ милосердія. Даже въ тревожное военное время дѣятельный архипастырь все-таки не оставлялъ своихъ духовно-литературныхъ и ученыхъ занятій, такъ онъ изготовилъ между прочимъ «Собраніе словъ и рѣчей по случаю нашествію непріятеля», собиралъ свѣдѣнія для историческаго описанія древностей Крыма и пр. Многочисленныя занятія и частыя разъѣзды, при которыхъ приходилось зиму проводить на сѣверѣ въ Петербургѣ, а лѣто на югѣ, въ Одессѣ, разстроили здоровье преосвященнаго, особенно ухудшившееся къ началу 1857 г. Но тѣмъ не менѣе, задумавъ въ этомъ году поѣздку въ Крымъ онъ выѣхалъ туда 17-го апрѣля. Въ Евпаторіи онъ совершалъ литургію и сказалъ слово, тоже и въ Симферополѣ, при чемъ темою проповѣди въ этомъ городѣ, произнесенной съ особеннымъ одушевленіемъ, была загробная жизнь. Послѣ Симферополя, преосвященный посѣтилъ мѣсто Альмскаго сраженія и внимательно осматривалъ его. У моста, гдѣ была наиболѣе сильная схватка, онъ велѣлъ поставить часовню, для ежегоднаго поминовенія убитыхъ. Въ послѣд-

нихъ числахъ апрѣля болѣзнь архипастыря чрезвычайно усилилась, съ нимъ стали дѣлаться частые обмороки. Опасаясь умереть въ дорогѣ, онъ поѣхалъ изъ Балаклавскаго монастыря обратно въ Одессу, но и на обратномъ пути продолжалъ заниматься дѣлами, такъ между прочимъ осмотрѣлъ Корсунскій монастырь. По прибытіи Иннокентія въ Одессу, 11-го мая, немедленно созванъ былъ консиліумъ докторовъ. Болѣзнь преосвященнаго найдена не очень опасной, но онъ все продолжалъ слабѣть, не бросая впрочемъ занятій. Даже наканунѣ смерти, 25-го мая, онъ былъ на своей дачѣ, осматривалъ садъ и хозяйство, читалъ корректуру сочиненія «Послѣдніе дни земной жизни Спасителя», а затѣмъ въ городѣ принималъ одного знатнаго посѣтителя. Въ Троицынъ день, 26-го мая, онъ всталъ въ 5-мъ часу, прошелся по комнатѣ, поддерживаемый служителями, затѣмъ прилегъ, но, почувствовавъ приближеніе смерти, велѣлъ приподнять себя и спокойно скончался, колѣнопреклоненный, на рукахъ двухъ келейниковъ.

[illegible]

Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

([illegible] 1802 г.)

[illegible] исленной [illegible] рины II. [illegible] вигахъ, [illegible] родинѣ [illegible] русскаго [illegible] началь- [illegible] мъ одно- [illegible] Смолен- [illegible] а только [illegible] рахъ из- [illegible] ѣе, про- [illegible] енскій счи- [illegible] о — первымъ своимъ покровителемъ.

Иванъ Логиновичъ былъ потомкомъ прусскаго выходца Гавріила, поселившагося въ XIII вѣкѣ въ Новгородѣ. Онъ родился 1-го сентября 1729 года въ Торопецкомъ уѣздѣ,

II.

АДМИРАЛЪ I-го КЛАССА

Иванъ Логиновичъ Голенищевъ-Кутузовъ.

1729—1802 гг.

Иванъ Логиновичъ принадлежалъ къ многочисленной плеядѣ замѣчательныхъ дѣятелей времени Екатерины II. Не участвуя въ блестящихъ морскихъ подвигахъ, онъ тѣмъ не менѣе чрезвычайно послужилъ своей родинѣ и оставилъ по себѣ добрую память въ исторіи русскаго флота и морскаго кадетскаго корпуса, которымъ начальствовалъ около сорока лѣтъ. Со своимъ знаменитымъ однофамильцемъ, княземъ Голенищевымъ - Кутузовымъ - Смоленскимъ, Иванъ Логиновичъ не состоялъ въ родствѣ, а только въ свойствѣ, такъ-какъ оба были женаты на сестрахъ извѣстнаго генералъ-аншефа Бибикова. Тѣмъ не менѣе, проживавшій въ молодости въ домѣ его, князь Смоленскій считалъ его семью какъ бы своею, а его самого — первымъ своимъ покровителемъ.

Иванъ Логиновичъ былъ потомкомъ прусскаго выходца Гавріила, поселившагося въ XIII вѣкѣ въ Новгородѣ. Онъ родился 1-го сентября 1729 года въ Торопецкомъ уѣздѣ,

Псковской губерніи. Въ раннемъ дѣтствѣ Голенищевъ потерялъ отца, умершаго въ чинѣ лейтенанта отъ чумы подъ Очаковымъ и безъ него уже былъ опредѣленъ, въ 1742 г., въ сухопутный кадетскій корпусъ, откуда черезъ годъ перешелъ въ морской корпусъ. Здѣсь онъ былъ назначенъ въ 1744 г. гардемариномъ, участвовалъ затѣмъ въ практическихъ плаваніяхъ и наконецъ, въ 1746 г. произведенъ въ мичманы.

Иванъ Логиновичъ замѣтно выдѣлялся изъ среды сотоварищей своимъ образованіемъ и способностями. Отлично владѣя иностранными языками, онъ основательно изучилъ избранную французскую и нѣмецкую литературы, а также интересовался и отечественной, былъ лично знакомъ съ знаменитѣйшими нашими писателями той эпохи—Ломоносовымъ, Тредьяковскимъ и Сумароковымъ, наконецъ самъ сочинялъ стихи и дѣлалъ переводы. О познаніяхъ же его въ морскомъ дѣлѣ свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что не смотря на молодость свою, онъ командовалъ въ 1753 и 1754 годахъ небольшимъ фрегатомъ и совершалъ съ нимъ рейсы изъ Петербурга въ Архангельскъ, считавшіеся въ то время не легкими. Вслѣдъ затѣмъ Голенищевъ былъ назначенъ адъютантомъ къ адмиралу Мишукову, что было началомъ его военной карьеры. Въ 1762 г. мы видимъ его уже состоящимъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ въ чинѣ капитана 2-го ранга; въ этотъ чинъ онъ былъ выбаллотированъ прямо изъ капитанъ-лейтенантовъ, помимо существовавшаго тогда 3-го ранга.

Съ воцареніемъ Екатерины II возвышеніе Ивана Логиновича пошло очень быстро. Въ томъ-же 1762 году Императрица поручила ему преподавать морское дѣло Великому Князю Павлу Петровичу, въ слѣдующемъ году онъ былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга, въ 1764 г. сдѣланъ

директоромъ морскаго кадетскаго корпуса, а въ 1766 г. пожалованъ въ генералъ-маіоры, причемъ кромѣ должности директора корпуса на него возложено было состоять генералъ-интендантомъ флота и членомъ адмиралтействъ-коллегіи, и вскорѣ затѣмъ также членомъ морской россійскихъ флотовъ коммисіи. Иванъ Логиновичъ участвовалъ и въ извѣстной коммисіи 1767—68 годовъ для составленія новаго уложенія, въ качествѣ депутата холмскаго и торопецкаго уѣздовъ. Какъ интендантъ флота, Голенищевъ заявилъ себя энергичною дѣятельностію, построивъ свыше ста судовъ, а именно 25 линейныхъ кораблей, 14 фрегатовъ, бригантинъ и бомбардирскихъ судовъ, 44 галеры и болѣе 20 различныхъ мелкихъ. Императрица до самого конца своего царствованія относилась къ Ивану Логиновичу все съ тѣмъ же благоговѣніемъ. Въ 1772 году онъ былъ пожалованъ въ вице-адмиралы, въ 1775 г. награжденъ лентой ордена св. Анны, въ 1782 г.—чиномъ адмирала и орденомъ св. Александра Невскаго, а въ 1787 г.—орденомъ св. Владиміра 1-го класса. Въ 1792 г. Голенищевъ получилъ еще назначеніе—состоять предсѣдателемъ комитета о построеніи Ревельской гавани, въ 1793 г. онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета для составленія новыхъ штатовъ кадетскимъ корпусомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ командующимъ всѣмъ Балтійскимъ гребнымъ флотомъ.

Императоръ Павелъ при восшествіи своемъ на престолъ въ 1796 г. пожаловалъ Ивану Логиновичу орденъ св. Андрея Первозваннаго, въ слѣдующемъ году назначилъ его вице-президентомъ, а въ 1798 г.—президентомъ адмиралтействъ-коллегіи, причемъ ему былъ присвоенъ чинъ адмирала 1-го класса, равный фельдмаршальскому. Воцареніе Императора Александра въ 1802 г. застало адмирала уже въ преклонныхъ лѣтахъ, черезъ годъ 12-го апрѣля 1802 г.,

онъ скончался на 73-мъ году отъ рожденія и былъ погребенъ въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры.

И. Л. Голенищевъ-Кутузовъ оставилъ по себѣ слѣдъ и въ ученой морской литературѣ; такъ имъ были написаны и изданы слѣдующія сочиненія: «Рѣчь отъ лица морскаго кадетскаго корпуса, говоренная Императрицѣ Екатеринѣ II», «Предисловіе и приношеніе при морскомъ атласѣ Чернаго моря», «Разныя примѣчанія, до морскаго искуства касающіяся», а также переведена «Морская тактика» Госта.

Павелъ Нахимовъ

III.

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] Нахимова [illegible] Суворова. Храбрый [illegible] чести и долгу, энер[illegible] онъ отли[illegible] многихъ [illegible] посвящена [illegible] геройскою [illegible]

[illegible], Вязем[illegible] небогатый [illegible] Михай[illegible]ловичъ, опредѣлилъ [illegible] Павла, въ раннемъ возра[illegible] [illegible]ончаніи курса въ которомъ, въ 1818 г., молодой Нахимовъ былъ произведенъ въ мичманы. Морской корпусъ того времени былъ учили-

III.

АДМИРАЛЪ

Павелъ Степановичъ Нахимовъ.

1803—1855 гг.

Въ высшей степени симпатичная личность Нахимова нѣкоторыми чертами напоминаетъ Суворова. Храбрый морякъ, непоколебимо преданный чести и долгу, энергичный и дѣятельный въ практической службѣ, онъ отличался простотою привычекъ и не лишенъ былъ многихъ странностей. Вся жизнь Павла Степановича посвящена была служенію родинѣ и прекрасно завѣнчалась геройскою смертію на твердыняхъ Севастополя...

Нахимовъ родился въ 1803 г., въ с. Городкѣ, Вяземскаго уѣзда, Смоленской губерніи. Отецъ его, небогатый помѣщикъ, екатерининскій секундъ-маіоръ Степанъ Михайловичъ, опредѣлилъ маленькаго Павла, въ раннемъ возрастѣ, въ морской кадетскій корпусъ, по окончаніи курса въ которомъ, въ 1818 г., молодой Нахимовъ былъ произведенъ въ мичманы. Морской корпусъ того времени былъ учили-

щемъ вполнѣ спеціальнымъ: прошедшіе курсъ его далеко не были подготовлены умственно и нравственно къ жизни. Можно сказать, что и сформированіе нравственнаго характера Нахимова произошло не подъ вліяніемъ корпуса, а вслѣдствіе природныхъ прекрасныхъ задатковъ и счастливой случайности, приведшей его подъ начальство такого замѣчательнаго человѣка, какъ М. П. Лазаревъ. Опредѣленный на 36-ти пушечный фрегатъ «Крейсеръ», состоявшій подъ командою Лазарева, Павелъ Степановичъ отплылъ на немъ, 17 августа 1822 г., въ кругосвѣтное плаваніе, продолжавшееся до 1825 г. Эти три года и были основаніемъ нравственнаго воспитанія Нахимова. Подъ вліяніемъ моряка-энтузіаста, командира «Крейсера», человѣка съ сердцемъ и возвышеннымъ характеромъ, не искательствами, а дѣйствительными заслугами пробивавшаго себѣ дорогу, образовалась изъ Нахимова та свѣтлая личность, память о которой сохранится навсегда въ исторіи русскаго флота. Во время плаванія, въ 1823 г., Павелъ Степановичъ былъ произведенъ въ лейтенанты, а по возвращеніи на родину въ 1825 г., получилъ орденъ св. Владиміра 4-го класса, съ назначеніемъ ему лейтенантскаго оклада въ пансіонъ.

Подъ командою Лазарева, Нахимовъ принялъ и боевое крещеніе. Въ годъ возвращенія изъ кругосвѣтнаго плаванія, онъ былъ отправленъ въ Архангельскъ и вернулся оттуда, въ 1826 г., на знаменитомъ впослѣдствіи кораблѣ «Азовъ», которымъ начальствовалъ Лазаревъ. Въ слѣдующемъ году корабль «Азовъ» состоялъ въ эскадрѣ контръ-адмирала графа Гейдена, принявшей участіе, вмѣстѣ съ эскадрами французскою и англійскою, въ славной Наваринской битвѣ, окончившейся, какъ извѣстно, почти полнымъ уничтоженіемъ турецкаго флота. Въ этомъ сраженіи

корабль «Азовъ» особенно отличился, и Нахимовъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 4-го класса и чиномъ капитана-лейтенанта, а впослѣдствіи получилъ еще греческій орденъ Спасителя. Въ 1829 г., Павелъ Степановичъ былъ назначенъ командиромъ отнятаго у турокъ корвета «Наваринъ», и привелъ его, въ 1830 г., въ Кронштадтъ, гдѣ удостоился новой награды—ордена св. Анны 2-го класса.

Многіе годы пришлось такимъ образомъ Нахимову пробыть подъ начальствомъ Лазарева, что породило дружескія отношенія между ними. Павелъ Степановичъ чрезвычайно любилъ и почиталъ своего начальника и считалъ его идеаломъ для себя. «Михаилъ Петровичъ Лазаревъ—вотъ кто сдѣлалъ все-съ!» часто говорилъ онъ. Этой любви онъ остался вѣренъ до смерти Михаила Петровича, не смотря на послѣдовавшее со стороны послѣдняго нѣкоторое охлажденіе къ нему. Въ зрѣлыхъ лѣтахъ, когда уже впрочемъ и трудно было учиться новому, Нахимовъ обнаружилъ извѣстный консерватизмъ, боязнь новизны. Лазаревъ-же, всегда ставившій службу выше отношеній частныхъ, сталъ въ послѣдніе годы жизни болѣе цѣнить нѣкоторыхъ своихъ сотрудниковъ, тщательнѣе слѣдившихъ за усовершенствованіями во флотѣ. Это низвело Нахимова въ глазахъ сослуживцевъ, но не повліяло на любовь его къ Лазареву. Когда послѣдній серьезно заболѣлъ, старый морякъ дни и ночи проводилъ у постели его и заливался горькими слезами слѣдуя за прахомъ его при погребеніи.

Мы остановились на 1830 г. въ разсказѣ о жизни Нахимова. Въ 1831 г. онъ крейсировалъ по Балтійскому морю, а въ 1832 г. назначенъ былъ членомъ комитета, учрежденнаго для предохраненія Кронштадта отъ холеры. Въ этомъ званіи онъ восемь разъ получилъ Высочайшее благоволѣніе. Въ 1833 г. Павелъ Степановичъ принялъ въ

свое завѣдываніе фрегатъ «Палладу», имъ же отстроенный на Охтенской верфи. Судно это подъ командою Нахимова считалось во всѣхъ отношеніяхъ образцовымъ. Въ 1834 г. онъ былъ переведенъ въ Черное море, назначенъ капитаномъ 2-го ранга и сдѣланъ командиромъ корабля «Силистрія». Въ 1837 г. Павелъ Степановичъ получилъ орденъ св. Анны 2-го класса съ Императорскою короною и чинъ капитана 1-го ранга, а въ слѣдующемъ году послѣдовало увольненіе его, съ полнымъ содержаніемъ, за границу, для леченія на водахъ, гдѣ онъ пробылъ около года, до августа 1839 г. По возвращеніи изъ-за границы, Нахимовъ снова завѣдывалъ кораблемъ «Силистрія» и участвовалъ съ нимъ, въ 1840 г., въ перевозкѣ сухопутныхъ войскъ къ черноморскимъ берегамъ, причемъ командовалъ лѣвымъ флангомъ десанта, а на возвратномъ пути содѣйствовалъ истребленію контрабанднаго судна между Анапою и Новороссійскомъ. Слѣдующіе годы, по 1844 г., онъ провелъ большею частію въ крейсерствѣ по Черному морю, причемъ въ 1842 г. былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-го класса. Въ 1844 г. Павелъ Степановичъ ходилъ на помощь Головинскому укрѣпленію противъ горцевъ; въ концѣ же слѣдующаго 1845 г. онъ былъ произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ командиромъ 1-ой бригады 4-ой флотской дивизіи.

По произведеніи въ контръ-адмиралы, до конца жизни своей Нахимовъ служилъ въ Черноморскомъ флотѣ. Всѣ дальнѣйшіе годы до 1853 г. были проведены имъ преимущественно въ крейсерованіяхъ по Черному морю. За отличную распорядительность свою онъ былъ награжденъ въ 1847 г. орденомъ св. Станислава 1-й ст., въ 1849 г.— св. Анны 1-го кл., а въ 1852 г. назначенъ командующимъ 5-ю флотскою дивизіею и произведенъ въ вице-адмиралы.

При началѣ Восточной войны, лѣтомъ 1853 г., Павелъ Степановичъ участвовалъ въ однонедѣльномъ перевезеніи на 33-хъ судахъ изъ Севастополя въ Сухумъ-Кале и Алякрію, тринадцатой пѣхотной дивизіи, состоявшей изъ 16 т. человѣкъ, съ полнымъ вооруженіемъ, двумя баттареями, 827 лошадьми и 30-ти дневнымъ провіантскимъ довольствіемъ. За эту переправу онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-го класса, при лестномъ Высочайшемъ рескриптѣ. Съ именемъ Нахимова связаны наиболѣе славные и печальные дни въ исторіи Черноморскаго флота — Синопъ и Севастополь, гдѣ послѣдовало уничтоженіе судовъ, хотя для экипажа и послѣдній былъ источникомъ новой славы. Послѣ упомянутой выше переправы, отрядъ Павла Степановича крейсеровалъ между Крымомъ и Анатоліею. 4-го ноября 1853 г., онъ захватилъ турецкій пароходъ въ 200 силъ, а 18-го ноября, вмѣстѣ съ адмираломъ Корниловымъ, совершенно уничтожилъ турецкій флотъ у Синопа. У насъ было въ строю 6 линейныхъ кораблей съ 624 орудіями и 5285 человѣкъ команды, у турокъ 7 фрегатовъ, 3 корвета и 2 парохода съ 4200 человѣкъ. Особенный перевѣсъ въ силѣ давала турецкому флоту защита кораблей 6-ю береговыми баттареями. Но не смотря на это, послѣ $2^1/_2$ часоваго сраженія не осталось ни однаго турецкаго судна, ни одной баттареи—все было потоплено, сожжено и уничтожено. Побѣда эта сдѣлала имя Нахимова въ высшей степени популярнымъ и доставила ему орденъ св. Георгія 2-го класса.

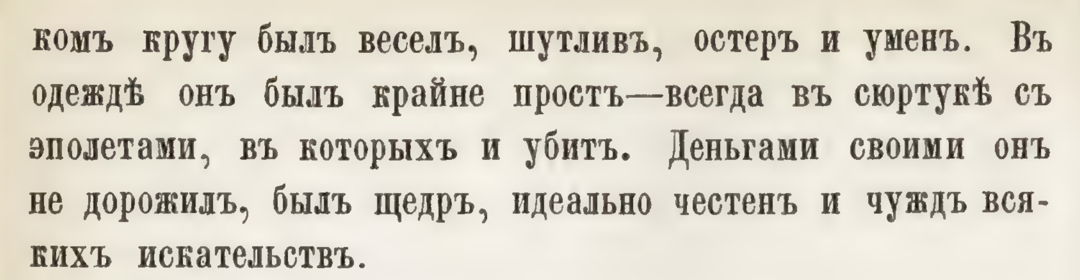
Въ 1854 г., по вступленіи флота западныхъ державъ въ Черное море, нашъ флотъ долженъ былъ укрыться въ Севастополѣ, и Нахимову пришлось принять участіе въ славной геройской защитѣ этого города. Въ ряду участниковъ обороны имя его стоитъ на одномъ изъ первыхъ

мѣстъ. За храбрость и распорядительность, онъ получилъ здѣсь двѣ награды: въ январѣ 1855 г. — орденъ Бѣлаго Орла, а въ мартѣ — пожалованъ адмираломъ. Послѣднее званіе ему пришлось носить короткое время: чрезъ два мѣсяца непріятельская пуля прервала дальнѣйшее служеніе его родинѣ.

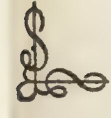
28-го іюня адмиралъ съ нѣкотовыми близкими къ нему личностями объѣзжалъ бастіоны, во время бомбардированія. Мѣстами приходилось ѣхать подъ градомъ прицѣльныхъ бомбъ, ядеръ и пуль. Нахимовъ былъ чрезвычайно веселъ и даже любезенъ противъ обыкновенія—въ службѣ онъ былъ суровъ и требователенъ. Переѣзжая шагомъ изъ 3-го отдѣленія въ четвертое, во время сильнѣйшей перестрѣлки, онъ говорилъ сопутнику. «Какъ пріятно ѣхать такими молодцами, какъ мы съ вами; такъ нужно, другъ мой, вѣдь на все воля Бога, и ежели Ему угодно, то все можетъ случиться: чтобы вы тутъ ни дѣлали, за чтобы ни прятались, чѣмъ бы ни укрывались, ничто бы не противостояло Его велѣнію, а этимъ показали бы мы только слабость характера своего. Чистый душой и благородный человѣкъ будетъ всегда ожидать смерти спокойно и весело, а трусъ боится смерти, какъ трусъ». Вездѣ по дорогѣ, ласковыми словами, онъ старался поднять духъ солдатъ и матросовъ, впрочемъ одно уже присутствіе любимаго начальника дѣлало послѣднихъ болѣе веселыми и энергичными. Въ башнѣ Малахова кургана служили вечерню. Начальникъ 3-го отдѣленія укрѣпленій Кернъ, отрапортовавъ, что все благополучно, предложилъ посѣтить богослуженіе, но адмиралъ захотѣлъ осмотрѣть, по обыкновенію, новыя непріятельскія работы. Войдя на банкетъ, онъ взялъ трубу у сигнальщика и сталъ смотрѣть не въ амбразуру изъ мѣшковъ, нарочно для этого сдѣланную, а прямо черезъ брустверъ,

открывъ себѣ почти по поясъ. На убѣжденія окружающихъ, по крайней мѣрѣ пригнуться, онъ не обратилъ, какъ и всегда, вниманія. Въ это время двѣ пули ударили близь него. Видя, что это прицѣльныя пули, окружающіе снова стали просить Нахимова сойти съ банкета, но онъ не хотѣлъ, говоря однако-жъ, что «они сегодня довольно мѣтко стрѣляютъ». Только что онъ произнесъ эти слова, какъ былъ раненъ въ лѣвый високъ на вылетъ и мгновенно упалъ безъ крика стона. Послѣ пораненія, Павелъ Степановичъ уже не приходилъ болѣе въ себя — пуля задѣла мозгъ и произошелъ параличъ правой стороны и легкихъ. Единственныя слова, произнесенныя имъ едва внятнымъ голосомъ, были «эхъ, Боже мой, что за вздоръ»; онъ проговорилъ ихъ 29-го іюня, когда ему мѣшали прикладывать лѣвую руку къ ранѣ. Нахимовъ скончался 30-го іюня 1855 г., въ 11 часовъ утра. Тѣло его погребено въ Севастополѣ, по его собственному указанію, рядомъ съ могилами двухъ другихъ морскихъ героевъ—Лазарева и Корнилова, на мѣстѣ, гдѣ воздвигнутъ потомъ храмъ св. Равноапостольнаго князя Владиміра.

Для характеристики Павла Степановича, прибавимъ нѣсколько чертъ его частной жизни. Адмиралъ не былъ женатъ. Семью для него замѣняли адъютанты, подчиненные, матросы; послѣдніе любили его, какъ отца, не смотря на то, что Нахимовъ, добрый и простой, доступный для всякаго въ частныхъ сношеніяхъ, въ службѣ былъ очень строгъ и требователенъ. Энергическій и дѣятельный въ практической службѣ, онъ совершенно терялся въ канцеляріи. Бумагъ не любилъ, часто повторяя съ досадою «заваливаютъ-съ»; вообще, коль скоро дѣло доходило до переписки, то какъ-то жался, не придавалъ себѣ никакой власти и соглашался со всякимъ мнѣніемъ. Но въ близ-

комъ кругу былъ веселъ, шутливъ, остеръ и уменъ. Въ одеждѣ онъ былъ крайне простъ—всегда въ сюртукѣ съ эполетами, въ которыхъ и убитъ. Деньгами своими онъ не дорожилъ, былъ щедръ, идеально честенъ и чуждъ всякихъ искательствъ.

Графъ Блудовъ

IV.

Графъ

Дмитрій Николаевичъ Блудовъ

[illegible] предсѣ-
[illegible] минис-
[illegible]

[illegible] гг.

[illegible] му роду [illegible]ся 5-го [illegible]еко отъ [illegible] пожалован- [illegible] Михаи- [illegible] противъ поля- [illegible] Блудовъ [illegible] надзоромъ [illegible] урожденной [illegible], жен- [illegible] высоко-нравственной и [illegible] Катерина [illegible]аевна осталась послѣ смерти [illegible] брака и [illegible] еще дочь, [illegible] которая вышла [illegible], когда онъ былъ еще ребенкомъ. Блудовъ получилъ основательное домашнее воспитаніе; мать его не щадила въ этомъ отношеніи никакихъ издержекъ. По пере-

[illegible]

IV.

ГРАФЪ

Дмитрій Николаевичъ Блудовъ.

Президентъ Императорской Академіи наукъ, предсѣдатель государственнаго совѣта и комитета министровъ.

1785—1864 гг.

Дмитрій Николаевичъ принадлежалъ къ старинному роду столбовыхъ дворянъ Блудовыхъ. Онъ родился 5-го апрѣля 1785 г., во Владимірской губерніи, недалеко отъ г. Шуи, въ родовомъ имѣніи, селѣ Романовѣ, пожалованномъ его предку, Назарію Беркуту Блудову, царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, за участіе въ походѣ противъ поляковъ подъ начальствомъ князя Пожарскаго. Отца Блудовъ потерялъ въ раннемъ дѣтствѣ; онъ выросъ подъ надзоромъ матери, Катерины Ермолаевны, урожденной Тишиной, женщины необыкновенно красивой, высоко-нравственной и очень умной. Катерина Ермолаевна осталась послѣ смерти мужа еще молодою, но отказалась отъ втораго брака и посвятила себя воспитанію сына. У нея была еще дочь, значительно старше Дмитрія Николаевича, которая вышла замужъ, когда онъ былъ еще ребенкомъ. Блудовъ получилъ основательное домашнее воспитаніе; мать его не щадила въ этомъ отношеніи никакихъ издержекъ. По пере-

ѣздѣ въ Москву; кромѣ гувернеровъ, приглашались для уроковъ лучшіе учителя, профессоры университета и университетскаго пансіона. Способностями Дмитрій Николаевичъ обладалъ прекрасными. Его память поражала въ дѣтствѣ учителей, какъ впослѣдствіи его знакомыхъ. Онъ любилъ научныя занятія, но съ особенною страстію предавался чтенію: его не легко было оторвать отъ какой-нибудь исторической книги. Изъ языковъ онъ отлично зналъ французскій, хорошо нѣмецкій и италіанскій, англійскому-же выучился, будучи совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ. Онъ занимался также серьезно классическими языками—греческимъ и латинскимъ, которые не забылъ до старости.

Подобно другимъ столбовымъ дворянамъ того времени, Блудовъ былъ записанъ въ Измайловскій гвардейскій полкъ, чуть не съ пеленокъ, но мать его, не желая предназначать его для военной службы, испросила ему увольненіе изъ полка, и онъ поступилъ въ 1800 г. юнкеромъ въ московскій архивъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ. Здѣсь необыкновенныя способности Дмитрія Николаевича и знаніе имъ языковъ скоро обратили на него вниманіе, черезъ полгода онъ былъ произведенъ въ переводчики, а въ 1801 году пожалованъ въ коллежскіе ассесоры. Въ тѣ тяжелыя времена царствованія императора Павла I много молодыхъ людей лучшихъ московскихъ фамилій, поступали на службу въ упомянутый выше архивъ, для избѣжанія военной службы. Блудовъ особенно сблизился съ братьями Тургеневыми—Андреемъ и Александромъ, а также съ Дашковымъ, съ которымъ сохранилъ дружбу на всю жизнь. Въ архивѣ служилъ и извѣстный Вигель, отозвавшійся о Блудовѣ въ своихъ запискахъ съ особеннымъ увлеченіемъ. По его словамъ, уже тогда Блудовъ произвелъ на него необыкновенное впечатлѣніе своимъ блестящимъ умомъ и

даромъ слова. При посредствѣ Дашкова, Дмитрій Николаевичъ познакомился съ Жуковскимъ, благодаря-же общности ихъ вкусовъ и любви къ театру и къ литературѣ, это знакомство скоро перешло въ тѣсную дружбу, сохранившуюся до самой смерти. Жуковскій, Дашковъ и затѣмъ Карамзинъ имѣли особенное вліяніе на образованіе характера Блудова. Въ ранней молодости онъ обладалъ чрезвычайно пылкимъ характеромъ: его быстрый, ѣдкій умъ навлекалъ на него вражду многихъ; дружба-же съ такими кроткими и благодушными людьми, какъ Жуковскій и Карамзинъ, совершенно измѣнила его.

По смерти въ 1801 г. императора Павла, на престолъ вступилъ кроткій, щедро-одаренный отъ природы Александръ I. При коронаціи, Блудовъ и Жуковскій были дежурными при предъявленіи билетовъ для входа на Кремлевскую площадь. День этотъ произвелъ на нихъ сильное впечатлѣніе: весь народъ былъ полонъ радости, счастія и самыхъ свѣтлыхъ надеждъ на будущее. Черезъ годъ, въ 1802 г., Дмитрій Николаевичъ перешелъ на службу въ Петербургъ, куда вѣроятно влекъ его, между прочимъ, и рядъ реформъ, задуманныхъ новымъ Императоромъ и требовавшихъ много молодыхъ свѣжихъ силъ. Онъ поступилъ здѣсь въ коллегію иностранныхъ дѣлъ. Но и на новомъ мѣстѣ служба мало удовлетворяла его; онъ хотѣлъ одно время перейти въ министерство народнаго просвѣщенія, что не удалось, и даже думалъ было совсѣмъ выйти въ отставку и заняться литературою, но бросилъ затѣмъ это намѣреніе.

Въ 1805 г. Блудовъ ѣздилъ къ опасно заболѣвшей матери въ Москву, гдѣ Жуковскій познакомилъ его съ Карамзинымъ. Это знакомство перешло также мало-по-малу, въ искреннюю пріязнь. По возвращеніи Блудова въ Петер-

бургъ, занятія его въ коллегіи значительно оживились, такъ какъ вновь назначенный товарищъ управляющаго коллегіей графъ Салтыковъ, вскорѣ замѣтилъ способности его, прикомандировалъ его къ себѣ и сталъ занимать постоянными работами, давъ такимъ образомъ случай пріобрѣсти навыкъ къ служебной дѣятельности вообще и къ дипломатической перепискѣ особенно. Въ 1807 г. скончалась мать Дмитрія Николаевича и оставила ему, благодаря своей бережливости, совершенно чистое отъ долговъ, надѣланныхъ ея мужемъ, состояніе, съ 35 тыс. годоваго дохода. Такое наслѣдство было неожиданностью для Блудова, который при жизни матери получалъ отъ нея только очень умѣренную пенсію. Извѣстія объ опасномъ состояніи и затѣмъ смерти Катерины Ермолаевны пришли въ Петербургъ во время серьезной болѣзни Блудова, захворавшаго тифомъ. Ихъ сообщили Дмитрію Николаевичу только по выздоровленіи, но и тогда ударъ былъ такъ силенъ для него, что едва снова не сразилъ его. Графъ Салтыковъ, принимавшій въ немъ живое участіе, желая разсѣять его, воспользовался случаемъ и далъ ему порученіе ѣхать въ Голландію, для доставленія трехъ орденовъ св. Андрея Первозваннаго въ распоряженіе короля Людовика, взамѣнъ предоставленныхъ этимъ послѣднимъ нѣсколькихъ орденовъ «Согласія» первой степени, въ распоряженіе императора Александра. Блудовъ былъ принятъ королемъ очень ласково и награжденъ орденомъ «Согласія», украшеннымъ брилліантами.

Въ 1810 г. Блудовъ получилъ снова особенное назначеніе. Его мать была очень близка съ Каменскими и молодой графъ Николай Михайловичъ, стяжавшій себѣ славу отличнаго полководца блистательными побѣдами надъ шведами, очень любилъ его. Въ 1810 г. графъ Каменскій былъ назначенъ главнокомандующимъ молдавскою арміею и при-

гласилъ Дмитрія Николаевича въ правители дипломатической канцеляріи своей. Это назначеніе было, конечно, очень лестно для молодаго Блудова. Послѣ неудачнаго штурма Рущука, стоившаго намъ около 9000 человѣкъ, выбывшихъ изъ строя, Каменскій, для отраженія многочисленныхъ доносовъ и объясненія нашего положенія, которое далеко не было отчаянно, отправилъ Блудова въ Петербургъ. Блистательная побѣда надъ турками при Батинѣ совершенно возстановила воинскую репутацію графа Каменскаго, но миссія Дмитрія Николаевича была все-таки полезна въ другомъ отношеніи. Каменскому было предписано окончить войну возможно-скорѣе, въ виду опасности со стороны Франціи, и притомъ на условіяхъ черезъ чуръ тяжелыхъ для Турціи. Блудовъ личными объясненіями поддержалъ многократныя представленія графа и условія были измѣнены. Каменскому не пришлось, какъ извѣстно, предпринять новый походъ противъ турокъ—онъ скончался на 34 году отъ рожденія, 4 мая 1811 года. Изъ дѣятельности своей въ Молдавіи, Дмитрій Николаевичъ вынесъ сочувствіе къ славянскимъ племенамъ, интересы которыхъ всегда отстаивалъ, гдѣ только могъ.

Въ апрѣлѣ 1812 г. Блудовъ женился на княжнѣ Аннѣ Андреевнѣ Щербатовой, въ которую былъ влюбленъ въ теченіи 11 лѣтъ, но постоянно встрѣчалъ препятствія къ браку въ гордой княгинѣ Щербатовой, находившей эту партію не соотвѣтственной положенію дочери. Наконецъ его постоянная любовь и твердость молодой дѣвушки, отказывавшейся отъ всѣхъ предложеній, побѣдили упорство матери. Къ тому-же княгиня была серьезно больна, и опасаясь смерти, желала пристроить дочерей, уже лишившихся отца. Послѣ устройства своихъ дѣлъ и женитьбы, ничто не удерживало болѣе Блудова въ С.-Петербургѣ и онъ сталъ искать

порученій за-границу, отъ которыхъ прежде отказывался. Вслѣдствіе чего ему предложено было въ сентябрѣ 1812 г. мѣсто совѣтника русской миссіи въ Стокгольмѣ, которое онъ и принялъ. Такъ какъ постъ этотъ былъ важенъ, а чинъ Дмитрія Николаевича невеликъ, то его произвели въ коллежскіе совѣтники. Нашъ посолъ—Сухтеленъ—долженъ былъ сопутствовать шведскому наслѣдному принцу Бернадоту въ его путешествіи по Швеціи и предполагаемой высадкѣ противъ Наполеона или Даніи и поддерживать его вражду противъ Франціи, Блудову-же приходилось быть повѣреннымъ въ дѣлахъ во время отсутствія посла. Положеніе Дмитрія Николаевича въ Стокгольмѣ было затруднительно, въ виду сильной французской партіи въ Швеціи, къ тому-же на немъ лежала еще трудная обязанность добывать всѣ свѣдѣнія о томъ, что дѣлалось въ Европѣ, такъ какъ сношенія черезъ Германію были прерваны и даже иностранные журналы получались чрезъ Швецію. Въ тяжелый для родины 1812 г. грустно жилось Блудову въ столицѣ Швеціи. Личные интересы его также очень пострадали, такъ какъ деревни его, лежавшія въ полосѣ непріятельскаго нашествія, были уничтожены до тла пожаромъ, а изъ крестьянъ — половина истреблена. Его поддерживали жена, твердо вѣрившая въ спасеніе Россіи, и немногіе близкіе знакомые, между которыми выдавалась замѣчательная личность баронессы Сталь-Голштейнъ, съ которой Блудовы очень сошлись. Въ іюнѣ 1813 г., въ Стокгольмъ прибылъ вновь назначенный посломъ баронъ Строгоновъ, и Блудовъ, опредѣленный совѣтникомъ миссіи только для того, чтобы управлять ею, во время отсутствія посланника, вскорѣ вернулся обратно въ Петербургъ. Въ наступившей затѣмъ блестящей эпохѣ царствованія Александра I, состоявшей въ разгромленіи власти Наполеона и возстановленіи прежнихъ поли-

тическихъ отношеній въ Европѣ на вѣнскомъ конгрессѣ, Блудовъ принималъ также нѣкоторое участіе, состоя напр. между прочимъ, въ канцеляріи графа Каподистріи.

По замиреніи, наступило время оживленія внутренней жизни государства, а слѣдовательно и литературы. Постоянная любовь къ послѣдней и близкія отношенія съ корифеями ея, Карамзинымъ и Жуковскимъ, поставили Дмитрія Николаевича въ ряду первыхъ бойцевъ вступавшаго тогда въ жизнь новаго направленія литературы, извѣстнаго подъ именемъ романтизма. Такъ мы видимъ его въ числѣ первыхъ основателей (вмѣстѣ съ Дашковымъ и Жуковскимъ) и дѣятельныхъ сотрудниковъ литературнаго общества «Арзамасъ», возникшаго ради противодѣйствія литературному обществу «Бесѣды любителей русскаго слова», преслѣдовавшаго всякую новизну, главнымъ образомъ сочиненія Карамзина, Жуковскаго, а затѣмъ Пушкина. Поводомъ къ названію новаго общества была статья Блудова «Видѣніе въ Арзамасѣ». Протоколы засѣданій новаго общества велись большею частію Жуковскимъ, но иногда и Дмитріемъ Николаевичемъ. Въ «Арзамасѣ» царили, въ противуположность «Бесѣдамъ», непринужденность и шутки. Каждый членъ имѣлъ свой псевдонимъ, такъ Блудовъ назывался Кассандрой. Собранія общества бывали большею частію у Блудова и Уварова.

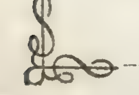
Въ концѣ 1817 г., Блудовъ вновь получилъ дипломатическое назначеніе за границу—онъ былъ сдѣланъ совѣтникомъ посольства въ Лондонѣ. Скоро и здѣсь, какъ ранѣе въ Стокгольмѣ, ему пришлось быть повѣреннымъ въ дѣлахъ, такъ какъ нашъ посланникъ, графъ Ливенъ, долженъ былъ ѣхать на Ахенскій конгрессъ. Въ Лондонѣ Блудовъ пробылъ болѣе двухъ лѣтъ и оказалъ многія существенныя услуги родинѣ. Но тотъ образъ жизни, который ему при-

ходилось по положенію и связямъ вести въ этомъ городѣ, разстраивалъ его состояніе, а чуждый климатъ и сидячая жизнь, при усиленныхъ занятіяхъ, вредно вліяли на его здоровье; онъ серьезно заболѣлъ и нѣсколько поправившись, порѣшилъ возвратиться въ Петербургъ, куда и прибылъ лѣтомъ 1820 года. На родинѣ ждала Дмитрія Николаевича новая работа. Государь Императоръ задумалъ, посредствомъ обнародыванія важнѣйшихъ политическихъ актовъ и инструкцій своимъ уполномоченнымъ, положить конецъ взводимымъ на него обвиненіямъ въ какихъ то тайныхъ замыслахъ противъ независимости и цѣлости Европы. При этомъ онъ пожелалъ издать документы въ переводѣ на русскій языкъ, чтобы сдѣлать ихъ доступными всѣмъ русскимъ и положить вмѣстѣ съ тѣмъ начало введенія русскаго языка въ дипломатической перепискѣ Эта работа и была поручена Блудову, какъ человѣку близко стоящему къ литературѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дипломату. Блудовъ избралъ себѣ помощниковъ и дѣятельно приступилъ къ работѣ. Черезъ десять мѣсяцевъ первый томъ перевода былъ оконченъ и представленъ Государю, который остался имъ очень доволенъ и произвелъ Дмитрія Николаевича въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Книга эта появилась въ свѣтъ подъ названіемъ «Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными державами европейскими отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 г. до конгресса въ Веронѣ въ 1822 г.». Первый томъ вышелъ въ свѣтъ въ 1823 г.; второй, приготовленный также Блудовымъ, изданъ былъ, за отъѣздомъ его за границу, главнымъ его сотрудникомъ по переводу—Дашковымъ. Въ 1822 г., съ удаленіемъ графа Каподистрія отъ дѣлъ произошла перемѣна и въ службѣ Дмитрія Николаевича: онъ былъ откомандированъ къ управляющему Министерствомъ Внутреннихъ дѣлъ,

по дѣламъ Бессарабіи, и уже больше не возвращался на дипломатическое поприще.

Между тѣмъ событія шли и 19 ноября 1825 г. послѣдовала смерть Императора Александра I, а 14 декабря того же года произошли извѣстные безпорядки на Сенатской площади въ С.-Петербургѣ. По воцареніи на престолъ Императоръ Николай I, нуждаясь въ дѣятельныхъ сотрудникахъ и помощникахъ, обратился за совѣтомъ къ Карамзину, въ виду уваженія, которое питалъ къ этому послѣднему Императоръ Александръ I. Карамзинъ указалъ особенно на двоихъ—Блудова и Дашкова. Вслѣдствіе чего и послѣдовало Высочайшее назначеніе Дмитрія Николаевича въ слѣдственную коммисію о злоумышленныхъ обществахъ, при чемъ ему же поручено было составлять общее донесеніе о дѣйствіяхъ коммисіи. По исполненіи этого порученія, онъ былъ пожалованъ въ статсъ-секретари и въ томъ же 1826 г. назначенъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и главноуправляющаго дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Это было начало служенія Блудова въ высшихъ служебныхъ должностяхъ. Въ слѣдующемъ 1827 г. онъ получилъ кромѣ того назначеніе управлять дѣлами комитета по злоупотребленіямъ при поставкѣ корабельныхъ лѣсовъ, а въ 1828 г., сдѣланъ главноуправляющимъ иностранныхъ исповѣданій. Въ этомъ послѣднемъ званіи онъ удостоился Высочайшей благодарности за устройство греко-уніатскихъ церквей въ Россіи. Въ томъ же 1828 г., онъ былъ пожалованъ въ тайные совѣтники. Наконецъ во второй половинѣ 1830 г., помимо другихъ своихъ обязанностей, онъ завѣдывалъ временно министерствомъ юстиціи. Около этого времени Дмитрій Николаевичъ занимался еще пересмотромъ историческихъ документовъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, особенно въ архивѣ кабинета Его Величества. Всѣ

возлагаемыя на него порученія были исполняемы съ самою строгою добросовѣстностью, о чемъ свидѣтельствуетъ лестный для Блудова Высочайшій рескриптъ отъ 13 января 1831 года. Въ этомъ году онъ былъ назначенъ членомъ комитетовъ по дѣламъ царства Польскаго и западныхъ губерній, а въ слѣдующемъ 1832 г., получилъ въ свое управленіе министерство внутреннихъ дѣлъ, которымъ завѣдывалъ до 1838 г., состоя кромѣ того статсъ-секретаремъ при Императорѣ и участвуя въ различныхъ комитетахъ, напр. для пересмотра существующихъ законовъ о пріемѣ въ учебныя заведенія людей несвободныхъ состояній, для разсмотрѣнія проэкта положенія объ управленіи государственными имуществами и пр. Помимо этихъ многочисленныхъ занятій, въ 1837 г., онъ снова временно завѣдывалъ около полугода министерствомъ юстиціи, которое наконецъ и было ввѣрено ему, указомъ отъ 15 февраля 1838 г., взамѣнъ министерства внутреннихъ дѣлъ, за дѣятельность свою по которому Дмитрій Николаевичъ вновь удостоился лестнаго Высочайшаго рескрипта. Министромъ юстиціи Блудовъ былъ недолгое время. Въ началѣ 1839 г., онъ былъ пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, а въ концѣ этого года назначенъ управляющимъ II отдѣленіемъ Собственной Его Величества канцеляріи, членомъ государственнаго совѣта и предсѣдателемъ департамента законовъ. Въ началѣ 1840 г. ему поручено было присутствовать въ департаментѣ дѣлъ царства Польскаго и при отсутствіи предсѣдателя, замѣнить его; кромѣ того въ томъ же году онъ участвовалъ во многихъ комитетахъ: по разграниченію губерній, по устройству Закавказскаго края и пр. Въ 1842 г., за многолѣтнія служебныя труды свои онъ былъ награжденъ возведеніемъ въ потомственное графское достоинство. Не смотря на болѣе чѣмъ сорока лѣтнюю дѣя-

тельность на поприщѣ служебномъ, Блудовъ продолжалъ трудиться съ тою же непоколебимою энергіею: 15 апрѣля 1845 г., онъ окончилъ проэктъ уголовнаго положенія для Имперіи и для царства Польскаго, а въ 1847 г., въ качествѣ уполномоченнаго, онъ заключилъ важный конкордатъ съ римской куріей. По воцареніи Императора Александра II, Дмитрій Николаевичъ былъ назначенъ, въ 1855 году, президентомъ академіи наукъ. Въ 1856 г., онъ былъ назначенъ предсѣдателемъ еврейскаго комитета, въ 1857 г.— предсѣдателемъ комитета дѣтскихъ пріютовъ, а 1 января 1862 г., — предсѣдателемъ государственнаго совѣта и комитета министровъ, хотя эти послѣднія обязанности возложены были на него временно еще ранѣе, именно на 1861 годъ. Въ великой реформѣ настоящаго царствованія, въ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости Блудовъ также принималъ непосредственное участіе. Съ 1857 г. онъ состоялъ въ комитетѣ для разсмотрѣнія постановленій и предположеній о крѣпостномъ состояніи въ Россіи, а въ 1861 г., Государь Императоръ выразилъ ему свою искренюю признательность за его труды вообще и въ особенности за скорое успѣшное окончаніе дѣла освобожденія крестьянъ.

Такова многотрудная служебная дѣятельность замѣчательнаго администратора нашего представленная нами въ краткомъ очеркѣ, содержащемъ только главные факты, безъ частностей. Прекрасно владѣя перомъ, Дмитрій Николаевичъ оставилъ послѣ себя нѣкоторые памятники и въ литературѣ. Такъ ему принадлежитъ редакція послѣдняго тома исторіи Карамзина, оставшагося послѣ смерти исторіографа не вполнѣ готовымъ къ печати; подъ его редакціей вышли также два изданія свода законовъ (1842 г. и 1857 года). Далѣе имъ же написано было множество журналь-

ныхъ статей въ періодическихъ изданіяхъ двадцатыхъ годовъ и наконецъ брошюра «Послѣдніе часы жизни Императора Николая».

Графъ Д. Н. Блудовъ скончался отъ нервнаго удара 22-го февраля 1864 г. и погребенъ въ с.-петербургской Александро-Невской лаврѣ.

Н. Карамзинъ.

[illegible]

Карамзинъ

[illegible]

[illegible] декабря [illegible] Михай- [illegible] уѣзда. [illegible] по [illegible] царей [illegible] въ [illegible] Ка- [illegible] въ [illegible] енъ [illegible] Орен- [illegible] илъ [illegible] ай- [illegible] съ [illegible]

Карамзинъ [illegible] младенчествѣ и росъ подъ наблюденіемъ отца и мачихи, Евдокіи Гавриловны, урожденной Дмитріевой, родной тетки извѣстнаго поэта Ив.

V.

ИСТОРІОГРАФЪ

Николай Михайловичъ Карамзинъ.

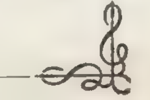
1766—1826 гг.

Николай Михайловичъ Карамзинъ родился 1-го декабря 1766 г., въ селѣ Преображенскомъ-Карамзинѣ, Михайловка тожъ, Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда. Родъ Карамзиныхъ происходитъ отъ татарскаго мурзы, по имени Кара-мурза, который поступилъ на службу царей московскихъ, принялъ св. крещеніе и былъ награжденъ въ 1606 г. землями въ Нижегородской губерніи. Отецъ Карамзина, Михаилъ Егоровичъ служилъ въ молодости въ Оренбургѣ, въ легкомъ полевомъ баталіонѣ, былъ уволенъ въ отставку капитаномъ и награжденъ имѣніемъ въ Оренбургской, а нынѣ Самарской губерніи, гдѣ и устроилъ особую усадьбу. Онъ былъ женатъ дважды. Николай Михайловичъ былъ вторымъ сыномъ его, отъ перваго брака съ дѣвицей Екатериной Петровной Пазухиной.

Карамзинъ потерялъ мать въ младенчествѣ и росъ подъ наблюденіемъ отца и мачихи, Евдокіи Гавриловны, урожденной Дмитріевой, родной тетки извѣстнаго поэта Ив.

Ив. Дмитріева, на которой отецъ его женился въ 1770 г. Грамотѣ Николай Михайловичъ выучился у мѣстнаго дьячка, подъ руководствомъ котораго въ нѣсколько мѣсяцевъ вполнѣ одолѣлъ чтеніе церковной печати, а затѣмъ познакомился съ гражданскою печатью и письмомъ. Этимъ и закончилось было элементарное образованіе маленькаго Николая, такъ какъ къ дальнѣйшимъ трудамъ его никто не принуждалъ, но онъ былъ мальчикъ любознательный, сталъ много читать и двинулся впередъ. Вотъ какъ самъ Карамзинъ описываетъ свою страсть къ чтенію въ дѣтствѣ въ повѣсти «Рыцарь нашего времени», которая по его собственнымъ словамъ (въ примѣчаніи IX—XIII главамъ) основана на личныхъ воспоминаніяхъ. «Первая свѣтская книга, которую маленькій герой нашъ, читая и читая, наизусть вытвердилъ, была Езоповы басни. Скоро отдали Леону ключъ отъ желтаго шкафа, въ которомъ хранилась библіотека покойной его матери, и гдѣ на двухъ полкахъ стояли романы, а на третьей нѣсколько духовныхъ книгъ: важная эпоха въ образованіи его ума и сердца! Даира, восточная повѣсть, Селимъ и Дамассина, Мирамондъ, исторія лорда N, все было прочтено въ одно лѣто, съ такимъ любопытствомъ, съ такимъ живымъ удовольствіемъ... Маленькій нашъ герой, въ шесть или семь часовъ лѣтняго утра, поцѣловавъ руку у своего отца, спѣшилъ съ книгою на высокій берегъ Волги, въ орѣховые кусточки, подъ сѣнь древняго дуба! Тамъ въ бѣленькомъ своемъ камзольчикѣ, бросаясь на зелень, читалъ»...

Раннее чтеніе романовъ чрезвычайно дѣйствовало на возбужденіе воображенія маленькаго Карамзина. Понятно, книги эти интересовали 8—9-ти-лѣтняго мальчика не чувствами романической любви, а самой фабулой разсказа. Онѣ были также не безъ извѣстнаго нравственнаго вліянія

на впечатлительнаго читателя, такъ какъ состояли преимущественно изъ повѣстей съ добродѣтельными героями и злодѣями, съ увѣнчаніемъ добродѣтели и наказаніемъ порока. Приведемъ еще выписку изъ упомянутой выше повѣсти «Рыцарь нашего вреиени», вѣрность сообщенныхъ въ ней фактовъ подтверждается къ тому-же и свидѣтельствомъ И. И. Дмитріева. «Леонъ на десятомъ году отъ рожденія могъ уже часа по два играть воображеніемъ и строить замки на воздухѣ. Опасности и героическая дружба были любимою его мечтою. Достойно замѣчанія, что онъ въ опасностяхъ всегда воображалъ себя избавителемъ, а не избавленнымъ: знакъ гордаго, славолюбиваго сердца! Герой нашъ мысленно летѣлъ во мракѣ ночи на крикъ путешественника, умерщвляемаго разбойниками, или бралъ штурмомъ высокую башню, гдѣ страдалъ въ цѣпяхъ другъ его. Такое Донъ-Кихотство воображенія заранѣе опредѣляло моральный характеръ Леоновой жизни». Помимо домашней библіотеки, Карамзинъ доставалъ книги, гдѣ только могъ, и поглощалъ ихъ. Такъ между прочимъ у сосѣда по мнѣніямъ—Пушкина, который далъ ему прочитать въ числѣ другихъ книгъ исторію Ролленя, въ переводѣ Тредьяковскаго.

Кромѣ чтенія, Николай Михайловичъ занимался изученіемъ языковъ—французскаго, у жены упомянутаго выше Пушкина, и нѣмецкаго—у мѣстнаго врача нѣмца-горбуна, замѣчательно кроткой и человѣколюбивой личности. Нѣкоторое время онъ пробылъ въ Симбирскѣ, въ пансіонѣ Фовеля, гдѣ былъ первымъ ученикомъ по успѣхамъ.

Первыя понятія о русской исторіи были пріобрѣтены Карамзинымъ также въ раннемъ дѣтствѣ, въ кругу пріятелей своего отца, всегда радушно принимавшаго и угощавшаго ихъ. Маленькій Николай прислушивался къ раз-

сказамъ и спорамъ этихъ гостей, которымъ деревенское хозяйство, извѣстныя тяжбы въ губерніи и анекдоты старины давали обильный матеріалъ для разсужденій. Между наиболѣе выдававшимися личностями изъ нихъ, онъ вспоминалъ впослѣдствіи объ одномъ воеводскомъ товарищѣ отца, который, опираясь на длинную трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, подаренную ему фельдмаршаломъ Минихомъ, разсказывалъ о временахъ Бирона и Тайной канцеляріи. Съ восьмилѣтняго возраста (въ 1774 г.) Карамзинъ, по примѣру всѣхъ прочихъ дворянскихъ семействъ, былъ записанъ на службу въ одинъ изъ армейскихъ полковъ. При наступленіи-же юношескаго возраста, на 14-мъ году, его отправили въ Москву, въ учебное заведеніе Шадена, одного изъ лучшихъ въ то время профессоровъ Московскаго университета, читавшаго нравственную философію, естественное и народное права и политику. Въ пансіонѣ Шадена было всего восемь воспитанниковъ; въ немъ обращалось особенное вниманіе на изученіе языковъ, въ которыхъ Карамзинъ вскорѣ сдѣлалъ значительные успѣхи. Пользуясь уроками учителей пансіона, онъ посѣщалъ также и университетскіе лекціи; самъ Шаденъ читалъ наконецъ своимъ пансіонеромъ мораль по Геллертовымъ лекціямъ. Карамзинъ впослѣдствіи въ «Письмахъ русскаго путешественника», вспоминаютъ при посѣщеніи памятника Геллерта, о времени когда онъ былъ проникнутъ его ученіями; Шаденъ, чрезвычайно чтившій этого поэта и моралиста, говаривалъ съ жаромъ своимъ пансіонерамъ: «Друзья мои, будьте таковыми, каковыми учитъ васъ быть Геллертъ, и вы будете счастливы». Замѣтивъ въ Карамзинѣ необыкновенный даръ слова, Шаденъ началъ давать ему читать хорошія книги, для образованія его вкуса, и уже тогда предвидѣлъ въ немъ литератора. Въ пансіонѣ Карамзинъ

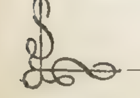
оставался въ теченіи четырехъ лѣтъ, послѣ чего намѣревался, вѣроятно по совѣту Шадена, ѣхать въ Лейпцигскій университетъ. Вспоминая впослѣдствіи объ этомъ, онъ говорилъ «Но судьба не хотѣла исполнить моего желанія. Воображая, какъ бы я могъ провести тѣ лѣта, въ которыя такъ сказать, образуется душа наша, и какъ я провелъ ихъ, чувствую горесть въ сердцѣ и слезы на глазахъ. Нельзя возвратить прошедшаго!»

По окончаніи курса въ пансіонѣ, Карамзинъ, по настояніямъ отца и общей рутинѣ, поступилъ въ дѣйствительную военную службу. 28-го апрѣля 1871 г., онъ былъ переписанъ изъ армейскихъ сержантовъ подпрапорщикомъ въ Преображенскій полкъ и отправился въ С.-Петербургъ. Карамзинъ служилъ около трехъ лѣтъ, причемъ въ 1782 г. былъ переведенъ изъ 14-й роты Преображенскаго полка въ бомбардирскую, что равнялось повышенію, затѣмъ пожалованъ въ каптернармусы, и наконецъ 6-го февраля 1783 г. уволенъ въ отпускъ, который продолжался 11 мѣсяцевъ. Въ теченіи этого времени онъ потерялъ отца и, призываемый домашними дѣлами, окончательно подалъ въ отставку, вслѣдствіе чего и послѣдовало, 1-го января 1784 г., увольненіе его отъ службы, съ чиномъ арміи поручика. Ко времени пребыванія Николая Михайловича на службѣ, относится сближеніе его съ его родственникомъ Ив. Ив. Дмитріевымъ, тогда сержантомъ Семеновскаго полка. Помимо родства, дружескія отношенія между ними были поддержаны общею склонностью къ литературѣ и сходствомъ въ нравственныхъ качествахъ. Дмитріевъ занимался переводами; слѣдуя его примѣру, принялся за нихъ и Карамзинъ. Согласно запискамъ Ивана Ивановича, первымъ опытомъ Карамзина былъ переводъ съ нѣмецкаго «Разговора австрійской Маріи Терезіи съ русскою императрицею Елизаветою

въ Елисейскихъ поляхъ». По совѣту Дмитріева, онъ показалъ свой трудъ книгопродавцу Миллеру, покупавшему и печатавшему переводы, платя за нихъ книгами изъ своей книжной лавки. «Не могу безъ улыбки вспомнить, съ какимъ торжественнымъ видомъ, разсказываетъ Дмитріевъ, добрый и милый юноша — Карамзинъ вбѣжалъ ко мнѣ, держа въ обѣихъ рукахъ по два томика Фильдингова Томаса Іонеса (Tom Iones), въ маленькомъ форматѣ, съ картинками, перевода Харламова. Это было первымъ возмездіемъ за словесные труды его». Такъ пишетъ И. И. Дмитріевъ, но первымъ печатнымъ трудомъ Карамзина былъ переводъ идилліи Геснера «Деревянная нога», изданный имъ самимъ въ 1783 г., въ С.-Петербургѣ.

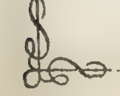
По оставленіи службы, Николай Михайловичъ поселился въ Симбирскѣ и жадно накинулся на чтеніе. Такая впечатлительная и даровитая личность, какъ онъ, не могла, конечно, остаться внѣ умственнаго возбужденія, которымъ ознаменовалась въ Европѣ вторая половина XVIII столѣтія. Европейская литература того времени была весьма богата: идиллія Томсона, повѣсти Жанлисъ, трагедіи Вольтера — и проч., давали обильный и интересный матеріалъ любознательному читателю.

Пребываніе Карамзина въ Симбирскѣ было впрочемъ недолгое, такъ-какъ посѣтившій въ 1784 г. этотъ городъ Иванъ Петровичъ Тургеневъ, мѣстный помѣщикъ и просвѣщенный московскій баричъ, уговорилъ его переселиться въ Москву. Тургеневъ былъ однимъ изъ старшихъ членовъ Новиковскаго «Дружескаго Общества» и ввелъ Николая Михайловича въ кружокъ московскихъ масоновъ. Карамзинъ вскорѣ былъ принятъ въ члены, какъ «Общества», такъ и образовавшейся изъ среды его «Типографской компаніи», имѣвшей цѣль издавать и распространять мистическія со-

чиненія. Тогдашніе московскіе масоны были такъ называемые мартинисты — христіанскіе мистики. Они толковали природу и человѣка, искали таинственнаго смысла въ ветхомъ и новомъ завѣтѣ, унижали школьную мудрость и пр., но требовали отъ учениковъ своихъ истинныхъ христіанскихъ добродѣтелей, не вмѣшивались въ политику и ставили въ законъ вѣрность государю. Къ мартинистамъ принадлежало много замѣчательныхъ людей того времени, начиная съ главы ихъ, Новикова, въ высшей степени свѣтлой личности. Новиковъ и друзья его воспитывали на свои средства бѣдныхъ молодыхъ людей въ школахъ и университетахъ и вообще употребляли значительныя суммы на благотворительность. Близкія отношенія къ мартинистамъ оставили неизгладимый слѣдъ въ Карамзинѣ и довершили нравственное воспитаніе его. Ив. Ив. Дмитріевъ разсказываетъ, что по пріѣздѣ своемъ въ Москву въ 1786 г., онъ нашелъ Николая Михайловича совсѣмъ инымъ человѣкомъ: «Тогда я», говоритъ Дмитріевъ, «почувствовалъ передъ нимъ всю мою незначительность и дивился, за что онъ любитъ меня еще по прежнему».

Между молодыми людьми, которыхъ Новиковъ употреблялъ для перевода книгъ съ разныхъ языковъ, Карамзинъ нашелъ себѣ искренняго друга, въ лицѣ умнаго и образованнаго Александра Андреевича Петрова. По запискамъ Дмитріева, Петровъ былъ знакомъ съ древними и новыми языками, глубоко зналъ родной, обладалъ необыкновеннымъ умомъ и способностію къ здравой критикѣ, но, къ сожалѣнію, ничего не писалъ для публики, а занимался только переводами. Характеръ его былъ совершенно иной, чѣмъ у Карамзина. Послѣдній въ одномъ письмѣ изъ Курляндіи, писанномъ во время путешествія, говоритъ: «Одинакіе вкусы могутъ быть при различныхъ свойствахъ души:

Агатонъ (Петровъ) и я, любили одно, но любили различнымъ образомъ: гдѣ онъ одобрялъ съ покойною улыбкою, тамъ я восхищался; огненной пылкости моей противополагалъ онъ холодную свою разсудительность; я былъ мечтатель, онъ былъ дѣятельный философъ. Часто въ меланхолическихъ припадкахъ свѣтъ казался мнѣ унылъ и противенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ; но онъ никогда не жаловался, никогда не вздыхалъ и не плакалъ; всегда утѣшалъ меня, но самъ никогда не требовалъ утѣшенія; я былъ чувствителенъ, какъ младенецъ; онъ былъ твердъ какъ мужъ; но онъ любилъ мое младенчество такъже, какъ я любилъ его мужество». Дружескія отношенія съ Петровымъ имѣли благодѣтельное вліяніе на умственное и нравственное развитіе Николая Михайловича: твердый характеромъ другъ постоянно поддерживалъ его на пути самообразованія и Карамзинъ въ этотъ періодъ своей жизни много читалъ, учился, переводилъ и сочинялъ. Такъ ознакомился онъ въ Москвѣ почти со всѣми первоклассными европейскими писателями. Любимѣйшими авторами его были Гердеръ, Лафатеръ, Геснеръ, Шекспиръ, Стернъ, котораго онъ зналъ чуть-ли не наизусть, и др. По порученію «Дружескаго Общества» онъ перевелъ, согласно свидѣтельству Дмитріева, два или три тома «Размышленій о дѣлахъ Божіихъ» Штурма и сочиненіе Галлера «О происхожденіи зла», изданное въ 1786 г. отдѣльною книжкою. Многіе переводы были имъ затѣмъ сдѣланы и изданы по собственной иниціативѣ, напр. «Юлій Цезарь» Шекспира, «Эмилія Галотти» Лессинга и проч. Съ 1785 по 1789 г. Новиковъ издавалъ и раздавалъ безденежно при Московскихъ Вѣдомостяхъ сборникъ, подъ названіемъ «Дѣтское чтеніе». Сборникъ этотъ редактировался Петровымъ, а Карамзинъ дѣятельно сотрудничалъ въ немъ, помѣстивъ многіе переводные и ориги-

нальные труды свои въ прозѣ и стихахъ. Участіе Николая Михайловича въ «Дѣтскомъ чтеніи» было важно въ томъ отношеніи, что онъ выработалъ здѣсь свой слогъ. Изъ числа многочисленныхъ его сочиненій въ этомъ журналѣ, упомянемъ о повѣсти «Евгенія и Юлія», положившей начало сентиментальнымъ повѣстямъ.

Въ 1789 г. начались административныя преслѣдованія «Дружескаго Общества» и изданія «Типографской компаніи» прекратились, Карамзинъ-же собрался ѣхать за-границу на собственныя средства, вырученныя отъ запродажи брату деревни. Передъ отъѣздомъ онъ разошелся съ мартинистами: ему уже давно не нравилась обрядовая сторона и крайности масонства. Темная область таинственныхъ гаданій была не по его вкусу: по своей природѣ онъ любилъ ясность и наглядность. Онъ заявилъ въ «Обществѣ», что при всемъ уваженіи къ членамъ его и благодарности за доброе расположеніе къ нему, онъ по своимъ убѣжденіямъ не можетъ болѣе быть сочленомъ. Прощаніе Карамзина съ мартинистами было вполнѣ дружеское; ему дали обѣдъ, сожалѣли, но не удерживали.

18-го мая 1789 г., Николай Михайловичъ выѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ, гдѣ прожилъ 5 дней и затѣмъ отправился чрезъ Ригу въ Кенигсбергъ. Такъ началось путешествіе его, которое онъ прославилъ своими письмами. Благодаря тщательному изученію памятниковъ искусства, нравовъ и проч., а также постояннымъ бесѣдамъ съ мѣстными знаменитостями науки и литературы, Карамзинъ чрезвычайно обогатилъ свой умъ и вернулся во многомъ измѣнившимся. Путешествіе его продолжалось до сентября 1790 г. За это время онъ побывалъ въ Пруссіи, Саксоніи и др. частяхъ Германіи, въ Швейцаріи, Франціи, Англіи и вернулся изъ Лондона на пароходѣ въ С.-Петербургъ.

Изъ знаменитостей онъ посѣтилъ Канта въ Кенигсбергѣ, Рамлера, Филиппа Морица и др. въ Берлинѣ, Платнера въ Лейпцигѣ, Гердера и Виланда въ Веймарѣ, многократно бесѣдовалъ съ Лафатеромъ въ Цюрихѣ, съ которымъ уже раньше, въ 1787 г., размѣнялся нѣсколькими письмами изъ Москвы, былъ ласково принятъ Боннетомъ въ Женевѣ и получилъ отъ него разрѣшеніе переводить на русскій языкъ «Созерцанія природы», видѣлся въ Парижѣ со многими знаменитостями, какъ напр. Бартелеми, Лавуазье, Лагарпомъ и проч. Что Карамзинъ уже тогда стоялъ на высотѣ умственнаго уровня своего вѣка свидѣтельствуетъ то, что онъ находилъ со всѣми этими учеными и писателями темы для многочасовыхъ, живыхъ бесѣдъ, многими былъ обласканъ и почти всѣхъ умѣлъ заинтересовать собою. Онъ останавливался наиболѣе продолжительное время въ главныхъ центрахъ — Берлинѣ, Лейпцигѣ, Парижѣ, Лондонѣ и особенно Женевѣ, гдѣ пробылъ около 5-ти мѣсяцевъ.

По возвращеніи на родину, Николай Михайловичъ познакомился въ Петербургѣ, чрезъ Дмитріева, съ Гавріиломъ Романовичемъ Державинымъ, которому сообщилъ о своемъ намѣреніи издавать журналъ. Державинъ одобрилъ его предпріятіе и обѣщалъ сотрудничество. Отправившись затѣмъ въ Москву, Карамзинъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года уже выпустилъ объявленіе о «Московскомъ журналѣ», имѣвшемъ выходить съ января 1791 года, съ программой, обнимавшей различныя сочиненія въ прозѣ и стихахъ, оригинальныя и переводныя, критическія обозрѣнія, извѣстія о театральныхъ піесахъ и пр.; не должны были входить въ журналъ «только: теологическія, мистическія, педантическія, сухія піесы». Журналъ Карамзина былъ по истинѣ замѣчательный для своего времени. Въ немъ выказалъ онъ чрезвычайную талантливость свою, не только въ качествѣ

писателя, но и издателя. Въ журналѣ помѣщались новѣйшія сочиненія Державина, Дмитріева, Нелединскаго и многочисленныя труды самого издателя. Всѣ статьи и стихотворенія Карамзина вообще имѣли успѣхъ, но особенный выпалъ на долю «Писемъ русскаго путешественника» и чувствительныхъ повѣстей «Бѣдная Лиза» и «Наталья боярская дочь». Извѣстно, что московскія жители толпами съѣзжались на мѣсто воображаемаго дѣйствія повѣсти «Бѣдная Лиза», подъ Симоновъ монастырь, для сентиментальныхъ воспоминаній и даже слезъ. Деревья во-кругъ пруда, прозваннаго «Лизинымъ», всѣ были исчерчены надписями, между ними были и забавныя, въ родѣ такой какого-то шутника:

Здѣсь бросилася въ прудъ Эрастова невѣста.
Топитесь, дѣвушки: въ пруду довольно мѣста!

«Письма русскаго путешественника», помимо богатства внутренняго содержанія, полнаго замѣчательныхъ описаній красотъ природы и памятниковъ искуства, а также разбросанныхъ въ нихъ мыслей и идей, въ бесѣдахъ съ великими людьми Европы, отличались удивительнымъ для того времени простымъ, живымъ и яснымъ слогомъ, который былъ положительною новостью. Всѣхъ занималъ вопросъ, какимъ образомъ авторъ выработалъ его. По этому поводу приведемъ слѣдующій характерный анекдотъ. Извѣстный поэтъ и мыслитель Ѳ. Н. Глинка, обратился однажды въ разговорѣ къ Карамзину съ вопросомъ: «Откуда взяли вы такой чудесный слогъ?» «Изъ камина», отвѣчалъ Николай Михайловичъ. «Какъ изъ камина»? «Вотъ какъ: я переводилъ одно и то же раза по три, и по прочтеніи бросалъ въ каминъ, пока наконецъ доходилъ до того, что оставался довольнымъ и пускалъ въ свѣтъ». Въ разговорѣ же Карамзинъ выразился такъ: «до изданія Московскаго жур-

нала много бумаги мною перемарано, и не иначе можно хорошо писать, какъ писавши прежде худо и посредственно».

Въ апрѣлѣ 1792 г., разразилась гроза надъ московскими мартинистами: Новиковъ былъ арестованъ, отвезенъ въ Петербургъ и посаженъ въ Петропавловскую крѣпость на 15 лѣтъ. Сотоварищи его были также разосланы по отдаленнымъ городамъ и деревнямъ. Нельзя не отмѣтить благородной черты Карамзина, рѣшившагося въ такое критическое время сказать смѣлое слово въ защиту бывшихъ своихъ друзей. Послѣ ареста Новикова, онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ извѣстную «Оду къ милости», въ которой почти прямо призывалъ Императрицу къ милосердію.

«Московскій журналъ» Карамзинъ издавалъ только въ продолженіи двухъ лѣтъ. Не смотря на то сочувствіе, которымъ онъ пользовался, подписчиковъ было очень немного—удѣлъ нашихъ писателей того времени былъ не легокъ: приходилось еще создавать читателей. Имѣть огромную и многочисленную работу при какихъ-нибудь 300 *) подписчикахъ было конечно тягостно для Николая Михайловича и онъ порѣшилъ издавать вмѣсто ежемѣсячнаго журнала, повременные литературные сборники. Въ 1793 г. онъ приступилъ къ составленію такого сборника, подъ названіемъ «Аглая», но болѣзнь и смерть друга его А. А. Петрова скоро отвлекли его отъ этихъ занятій. Карамзинъ очень грустилъ по Петровѣ и отправился въ с. Знаменское, Орловское имѣніе друзей его Плещеевыхъ, гдѣ и прожилъ до глубокой осени. Общество мужа и жены Плещеевыхъ, осо-

*) Въ концѣ 1791 г. Карамзинъ говорилъ въ Московскомъ журналѣ: „Если бы у меня на сей годъ не 300 субскрибентовъ, а 500, то я постарался бы на тотъ годъ сдѣлать наружность журнала пріятнѣе для глазъ читателей и пр.»

бенно послѣдней, дѣйствовало на него всегда успокоительно и благотворно; по словамъ Дмитріева Настасья Ивановна Плещеева питала къ Николаю Михайловичу чувства нѣжнѣйшей матери. Въ Знаменскомъ Карамзинъ продолжалъ собирать «Аглаю», но она вышла въ свѣтъ значительно позже, въ декабрѣ 1784 г. По возвращеніи же въ Москву въ 1793 г., онъ издалъ отдѣльной книжкой всѣ свои сочиненія и переводы подъ именемъ «Мои бездѣлки», въ двухъ частяхъ. Это изданіе было принято публикою съ восторгомъ и вызвало, какъ извѣстно, такое-же собраніе сочиненій Дмитріева, подъ заглавіемъ «И мои бездѣлки».

Весною 1794 г. Карамзинъ снова отправился въ Знаменское, гдѣ въ іюнѣ получилъ извѣстіе, очень встревожившее его, что найдена въ Москвѣ одна лавка мартинистовъ, забытая при слѣдствіи надъ Новиковымъ въ 1792 г., и найденныя въ этой лавкѣ книги, въ томъ числѣ и его переводъ «Юлія Цезаря» Шекспира, сожжены по распоряженію московскаго главнокомандующаго князя Прозоровскаго. Тревога оказалась напрасною—Карамзинъ никогда не привлекался къ дѣлу масоновъ,—но какъ бы то ни было, онъ былъ испуганъ, огорченъ и остался въ Знаменскомъ до глубокой осени. Въ декабрѣ 1794 г., по возвращеніи въ Москву, онъ издалъ первую книжку «Аглаи», вторая же появилась въ январѣ 1795 года. Въ «Аглаѣ» помѣщено продолженіе «Писемъ русскаго путешественника» и нѣкоторыя новыя статьи и стихотворенія Карамзина, между прочимъ «Цвѣтокъ на гробъ моего «Агатона», посвященный воспоминаніямъ о Петровѣ.

Въ февралѣ 1795 г. Карамзинъ отправился въ Симбирскъ, для продажи своего имѣнія, что и покончилъ, отдавъ имѣніе за 16 тыс. рублей братьямъ. Участіе его въ текущей литературѣ, впрочемъ, продолжалось, такъ какъ

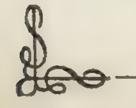
во всѣхъ нумерахъ «Московскихъ вѣдомостей» этого года въ отдѣлѣ смѣси, помѣщены различныя переводныя статьи его. Болѣзнь Н. И. Плещеевой вызвала его затѣмъ въ Знаменское, гдѣ онъ оставался до зимы, такъ что прошелъ даже слухъ, что онъ удаленъ на житье въ деревню. Въ декабрѣ 1795 г. онъ вернулся въ Москву съ новою мыслею издать сборникъ въ родѣ альманаха. Мысль эта была приведена имъ въ исполненіе не тотчасъ а чрезъ нѣкоторое время, такъ какъ до изданія альманаха «Аониды», онъ выдалъ въ свѣтъ свои повѣсти «Юлію», переводную «Мелина» и второе изданіе «Аглаи». Въ 1796 г. скончалась Императрица Екатерина II. Вступленіе на престолъ Императора Павла I Карамзинъ привѣтствовалъ одою («На случай присяги московскихъ жителей»), но затѣмъ въ это царствованіе почти ничего не писалъ новаго, а продолжалъ только издавать свои прежнія сочиненія. Такъ вышли въ 1797 и 1798 годахъ новыя изданія сочиненій его «Мои бездѣлки», «Бѣдная Лиза», «Письма русскаго путешественника» и пр. Карамзинъ не избѣжалъ все-таки ложнаго доноса на него Императору. Гроза была отклонена, благодаря графу Ростопчину, женатому на двоюродной сестрѣ Н. И. Плещеевой, урожденной Протасовой. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ Бантышъ-Каменскій. Одинъ недоброжелатель (изъ противной партіи) прислалъ Императору Павлу ложный доносъ на Карамзина, выставляя его человѣкомъ вреднымъ для правительства и безбожникомъ. «Знаешь ли ты Карамзина»? спросилъ Императоръ дежурнаго своего генералъ-адъютанта Ростопчина, давъ ему прочесть полученную бумагу.—«Знаю», отвѣчалъ послѣдній,—«съ отличной стороны по сочиненіямъ его, и не узнаю въ семъ сочиненіи».—«Я ожидалъ этого»,—продолжалъ Паяелъ I-й, ибо мнѣ извѣстенъ доноситель; вотъ и рѣшеніе мое».—Произ-

неся эти слова, Государь бросилъ доносъ въ каминъ». Въ 1799 г. Карамзинъ издалъ третью и послѣднюю книжку «Аонидъ». Мы имѣли свидѣтельство, что въ это время онъ уже началъ вчитываться въ русскія лѣтописи. Отъ 2-го мая 1800 г. онъ пишетъ Дмитріеву: «Я по уши влѣзъ въ Русскую Исторію, сплю и вижу Никона съ Несторомъ».

Съ вошествіемъ на престолъ Императора Александра I, 12-го марта 1801 г., началось чрезвычайное оживленіе литературной дѣятельности Николая Михайловича. Новаго Императора онъ привѣтствовалъ одою, замѣчательною по мыслямъ и желаніямъ, выраженнымъ въ ней. За оду онъ получилъ Высочайшій подарокъ — бриліантовый перстень. Поощренный этою наградою, Карамзинъ написалъ еще оду на коронацію, въ которой выражался еще тверже и яснѣе. Ее онъ поднесъ при посредствѣ Трощинскаго молодому Императору и удостоился вторичной награды — опять перстня. Вслѣдъ затѣмъ онъ написалъ «Слово похвальное Екатеринѣ II», пользуясь оффиціальными актами. Это сочиненіе его замѣчательно по многимъ мыслямъ, проведеннымъ въ немъ и какъ первый оригинальный трудъ въ историческомъ родѣ. За него онъ удостоенъ былъ новаго Высочайшаго подарка—драгоцѣнной табакерки.

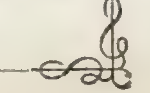
Въ апрѣлѣ 1801 г. Карамзинъ женился на Елизаветѣ Ивановнѣ Протасовой, родной сестрѣ его друга, Настасьи Ивановны Плещеевой. Въ письмѣ къ брату онъ говоритъ, что любилъ и зналъ свою молодую жену уже 13 лѣтъ. Невѣста Карамзина не была богата, имѣла всего 150 душъ. Въ этомъ первомъ бракѣ своемъ Николай Михайловичъ былъ вполнѣ счастливъ, но счастіе это не было продолжительнымъ. Скоро, какъ мы увидимъ ниже, судьба приготовила ему тяжелое испытаніе.

Между тѣмъ съ перемѣною литературныхъ обстоя-

тельствъ и большею свободою слова, книгопродавцы и типографщики начали приступать къ Карамзину съ просьбою издавать журналъ, надѣясь на большія выгоды, такъ какъ потребность въ хорошихъ изданіяхъ была тогда большая: кругъ читателей уже разросся, а онъ любимый публикою писатель, такъ долго молчалъ. Другъ Карамзина, Дмитріевъ, также вызывалъ его на литературное поприще. Николай Михайловичъ уступилъ этимъ просьбамъ и началъ изданіе «Вѣстника Европы». Новый журналъ имѣлъ иной характеръ, чѣмъ «Московскій Журналъ». Въ немъ первое мѣсто занимали вопросы общественные, а не литературные или отвлеченные вообще. Главная цѣль «Вѣстника» была знакомить съ Европою и сообщать свѣдѣнія обо всемъ, что въ ней происходило замѣчательнаго и любопытнаго, хотя литературный отдѣлъ имѣлъ тамъ свое мѣсто, также какъ и внутренній. Журналъ выходилъ двумя книжками въ мѣсяцъ и почти въ каждой книжкѣ было по собственной оригинальной статьѣ Карамзина, кромѣ мелочей и переводовъ. Сочиненія Николая Михайловича, помѣщаемыя въ журналѣ, имѣли отчасти совершенно новый характеръ; такъ онъ выступилъ въ «Вѣстникѣ», между прочимъ, съ замѣчательными статьями по политическимъ и внутреннимъ вопросамъ и помѣщалъ отъ времени до времени разные историческіе опыты, одинъ другого удачнѣе. «Вѣстникъ Европы» имѣлъ успѣхъ въ публикѣ и приносилъ Карамзину матеріальныя выгоды: въ 1803 г., въ письмѣ къ М. Н. Муравьеву, онъ упоминаетъ, что журналъ приноситъ ему до 6,000 руб. въ годъ.

Въ это время онъ былъ вполнѣ доволенъ своими занятіями, счастливъ въ семейной жизни и матеріально обезпеченъ, такъ что отказался отъ каѳедры русской исторіи въ Дерптѣ, ему предложенной, но скоро постигъ его ударъ

судьбы: 4-го апрѣля 1802 г. скончалась его супруга, а вскорѣ затѣмъ онъ потерялъ и младенца — дочь. Николай Михайловичъ былъ чрезвычайно потрясенъ этими потерями. Въ день погребенія жены онъ шелъ, съ открытою головою, блѣдный около пятнадцати верстъ (отъ Свирлова до Донскаго монастыря) за гробомъ ея; самъ опустилъ его въ могилу и бросилъ первую горсть земли. «Все для меня исчезло» пишетъ онъ брату, «въ предметѣ остается одна могила. Стану заниматься трудами, сколько могу. Лизанька того хотѣла».

Въ 1803 г. Карамзинъ помѣстилъ въ своемъ журналѣ второй полуисторическій трудъ—повѣсть «Марѳа Посадница», которая имѣла успѣхъ не менѣе «Бѣдной Лизы». Занятія его исторіей все усиливались. Повидимому мысль писать исторію родины была еще юношескою его мечтою, къ этому-же времени она вполнѣ опредѣлилась. По совѣту Дмитріева, онъ не сталъ болѣе медлить въ исполненіи своего намѣренія и обратился, 28-го сентября 1803 г., съ письмомъ къ товарищу министра просвѣщенія Михаилу Никитичу Муравьеву, воспитателю Императора Александра, въ которомъ заявлялъ о желаніи своемъ писать исторію Россіи и просилъ о пенсіи, въ виду недостаточности своихъ средствъ. Письмо имѣло полный успѣхъ—31-го октября 1803 г. послѣдовалъ Высочайшій указъ о назначеніи его исторіографомъ, съ ежегоднымъ пенсіономъ въ двѣ тысячи руб. Карамзинъ додержалъ «Вѣстникъ Европы» до конца года, затѣмъ передалъ его своему бывшему сослуживцу П. П. Сумарокову и съ 1804 годомъ выступилъ на новое поприще.

Въ январѣ этого года онъ сочетался вторымъ бракомъ съ Екатериною Андреевною Колывановою, дочерью князя Вяземскаго, съ которою и прожилъ въ полной дружбѣ и

счастіи до самой своей смерти. Бракъ этотъ улучшилъ матеріальное положеніе Карамзина, такъ какъ Екатерина Андреевна имѣла приданое въ 800 душъ въ Нижегородской губ.

Николай Михайловичъ выступилъ на поприще исторіографа съ весьма малой подготовкой, онъ былъ замѣчательный писатель, но не получилъ все-таки классическаго образованія и не имѣлъ никакой ученой подготовки. Поле, которое приходилось ему, такъ сказать, воздѣлать, почти совершенно не было подготовлено. Источники лежали разбросанными по монастырямъ, архивамъ и библіотекамъ; лѣтописи не были изслѣдованы, объяснены, даже изданы ученымъ образомъ; хронографовъ никто не зналъ; для древней географіи не сдѣлано никакихъ приготовленій; хронологія перепутана и пр. и пр. Самъ Карамзинъ не предвидѣлъ всѣхъ трудностей, предстоящихъ ему. «Въ пять шесть лѣтъ», пишетъ онъ Муравьеву, «я надѣюсь дойти до Романовыхъ»! Онъ не дошелъ до нихъ послѣ двадцатилѣтнихъ трудовъ... Подивимся-же тому, что сдѣлалъ нашъ знаменитый историкъ, и забудемъ о недостаткахъ его творенія...

Окончивъ въ 1804 году изданіе «Сочиненій» своихъ, въ 8 частяхъ, начатое въ 1804 г., Николай Михайловичъ энергично приступилъ къ выполненію взятой на себя задачи. По Высочайшему повелѣнію ему были открыты всѣ архивы и библіотеки. Онъ чрезвычайно углубился въ свой предметъ. По свидѣтельству Дмитріева, Карамзинъ на первыхъ порахъ, кромѣ исторіи, ни объ чемъ не могъ думать и говорить. 14-го сентября онъ уже пишетъ Муравьеву: «Я кончилъ введеніе; оно состоитъ въ отвѣтѣ на вопросы: Кто были древніе обитатели въ Россіи? Кто были наши предки — Славяне, Варяги и Варяга-Русь! Шагъ самый

трудный! Въ разгаръ этихъ занятій, въ ноябрѣ 1804 г., ему предложена была совѣтомъ Харьковскаго университета, профессура русской исторіи, географіи и статистики. Карамзинъ отказался отъ нея. Въ томъ-же году ему пожалованъ былъ чинъ надворнаго совѣтника, согласно просьбѣ его, обращенной къ Муравьеву, чтобы исторіографъ былъ уравненъ въ порядкѣ чиновъ съ профессорами; до тѣхъ поръ онъ все еще числился отставнымъ поручикомъ.

Въ 1805 г. Карамзинъ продолжалъ трудиться и оканчивалъ второй томъ исторіи, не обращая вниманія на злобные выходки Шмиковской партіи: въ Петербургскомъ Маломъ театрѣ была сыграна комедія Шаховскаго «Новый Стернъ», содержавшая явныя насмѣшки надъ сентиментальностью Николая Михайловича По принятому на себя правилу, Карамзинъ никогда не отвѣчалъ на нападки на него, чѣмъ даже сердилъ друзей, напр.: впослѣдствіи Дмитріева при рѣзкихъ нападкахъ Каченовскаго въ «Вѣстникѣ Европы». Несмотря впрочемъ на эти нападки, передѣланная С. Н. Глинкою драма «Наталья боярская дочь» изъ повѣсти Карамзина того-же названія имѣла большой успѣхъ при представленіи 30 го августа 1805 г. Времена сентиментальности еще не миновалась. Весь 1806 годъ Николай Михайловичъ снова проработалъ надъ своимъ трудомъ, впрочемъ откликнулся на манифестѣ 30-го ноября, призывавшій русскихъ къ составленію милиціи для борьбы съ Наполеономъ и написалъ «Пѣснь воиновъ». Въ 1807 году скончался покровитель исторіографа М. Н. Муравьевъ и Карамзинъ обратился къ могущественному тогда статсъ-секретарю Н. И. Новосильцеву, прося доложить государю, что онъ ревностно исполняетъ должность исторіографа и заключилъ IV томъ описаніемъ нашествія Батыя. 1808 и 1809 года прошли въ тѣхъ-же историческихъ трудахъ.

Въ концѣ 1809 г. былъ въ Москвѣ Императоръ Александръ, вмѣстѣ съ Великою Княгинею Екатериною Павловною. Императоръ, встрѣтясь съ Карамзинымъ на балѣ, сказалъ ему нѣсколько привѣтственныхъ словъ, а Великая Княгиня, познакомясь съ нимъ чрезъ графа Ростопчина, осыпала его ласками и пригласила къ себѣ въ Тверь. Такъ началось сближеніе Николая Михайловича съ Императорскою фамиліею. Въ декабрѣ того-же года Карамзинъ ѣздилъ въ Тверь, прожилъ тамъ шесть дней и всякій день по вечерамъ читалъ исторію Россіи Великой Княгинѣ и Великому Князю Константину Павловичу. «Они плѣнили меня своею милостію», пишетъ онъ брату.

Въ 1810 году Карамзинъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й ст., при лестномъ Высочайшемъ рескриптѣ. Онъ хворалъ въ этомъ году и трудился менѣе. Въ письмѣ къ брату отъ 19-го сентября онъ пишетъ. «Въ нынѣшній годъ я почти совсѣмъ не подвинулся впередъ, описавъ только княженіе Василія Дмитріевича, сына Донскаго...» Въ ноябрѣ этого года онъ былъ снова у Великой Княгини въ Твери, и между прочимъ бесѣдовалъ съ нею о положеніи дѣлъ въ Россіи. Ея Высочество просила его изложить высказанныя имъ мысли на бумагѣ, что онъ и исполнилъ затѣмъ въ Москвѣ. Такъ произошла знаменитая «Записка о древней и новой Россіи», отвезенная имъ въ Тверь въ февралѣ 1811 года. По полученіи ея, говорятъ, Великая Княгиня предложила Карамзину мѣсто тверскаго губернатора, но онъ отказался.

Въ мартѣ того-же года посѣтилъ Тверь Императоръ, и Николай Михайловичъ читалъ здѣсь впервые Государю оконченные томы «Исторіи». Государь плѣнился слышаннымъ и обласкалъ исторіографа, но когда Великая Княгиня передала ему упомянутую выше «Записку» тайкомъ отъ

автора, то вдругъ охладѣлъ къ нему и даже не простился при отъѣздѣ. Великая Княгиня продолжала относиться къ Николаю Михайловичу все съ тою-же благосклонностью и постоянно поддерживала съ нимъ дружескую переписку. Въ іюнѣ 1811 г. онъ былъ снова въ Твери, чтобы откланяться Великой Княгинѣ, уѣзжавшій съ мужемъ принцемъ Ольденбургскимъ въ Вышній Волочекъ. Въ іюнѣ 1812 г. Карамзинъ былъ произведенъ въ коллежскіе совѣтники.

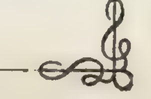
При нашествіи Наполеона, онъ оставался въ Москвѣ до послѣдней крайности и покинулъ ее только 1 сентября, отправившись въ Нижній Новгородъ, гдѣ ожидала его семья, выбывшая изъ города значительно ранѣе. Покидая Москву, онъ не принялъ никакихъ мѣръ для сохраненія своей библіотеки, собранной годами — она погибла при пожарѣ города. Николай Михайловичъ сохранилъ только свою «Исторію», достигшую уже VI-го тома. Одинъ экземпляръ ея былъ отданъ имъ супругѣ, а другой въ архивъ иностранной коллегіи, заблаговременно спасенной отъ огня. Въ это время Карамзинъ, конечно, не могъ заниматься своимъ трудомъ. Къ тому же присоединились и денежныя затрудненія, вслѣдствіе общей дороговизны и раззоренія крестьянъ. Тѣмъ не менѣе Карамзины участвовали по мѣрѣ силъ въ общихъ пожертвованіяхъ на борьбу съ врагомъ. «Жена моя», пишетъ историографъ Дмитріеву, 18-го декабря, «представила на службу 70 человѣкъ, которыхъ вооруженіе и прочее стоило намъ около 10,000 руб.: вотъ весь нашъ доходъ годовой. Даже и пенсіи не получаю, ибо казенная палата еще не открылась».

Въ іюнѣ 1813 г. Карамзины переѣхали въ Москву и Николай Михайловичъ думалъ ѣхать въ Петербургъ, для печатанія написанныхъ уже томовъ. Трудъ его остановился на описаніи царствованія Василія Іоанновича. «Едва ли

могу продолжать ее (исторію)», писалъ онъ брату. «Лучше выдать, пока я живъ». Однако послѣдовавшія событія и взятіе Парижа въ 1814 г. оживили его и онъ привѣтствовалъ возвращеніе Императора на родину одою: «Освобожденіе Европы и слава Александра I.» Ода эта произвела большой эффектъ и была послѣднимъ стихотворнымъ произведеніемъ Карамзина. Императрица Марія Ѳеодоровна прислала ему за нее розу, сорванную собственною рукою. Онъ продолжалъ свой трудъ, закончилъ VII томъ и приступилъ къ VIII-му, который окончилъ въ октябрѣ 1815 г. Наконецъ въ началѣ 1816 г. онъ окончательно порѣшилъ ѣхать въ Петербургъ, для представленія Государю восьми написанныхъ томовъ, и отправился туда.

Въ Петербургѣ онъ былъ принятъ необыкновенно ласково всѣмъ высшимъ обществомъ, съ нѣкоторыми представителями котораго, напр. съ графомъ Каподистріа даже очень сблизился. Наибольшее же удовольствіе находилъ въ бесѣдахъ съ членами литературнаго общества «Арзамасъ», въ числѣ членовъ котораго было нѣсколько близкихъ друзей его, напр. Жуковскій, Дашковъ и др. Представиться Государю однако ему не удавалось долгое время. Наконецъ 15 марта Николай Михайловичъ былъ принятъ Императоромъ и осыпанъ милостями. Ему пожалованъ былъ чинъ статскаго совѣтника, Анненская лента—не за «Исторію», а за «Записку», какъ выразился Государь—и 60 тыс. руб. на печатаніе его труда. Карамзинъ долженъ былъ жить въ Петербургѣ, при чемъ Его Величество милостиво предложилъ ему проводить лѣто въ Царскомъ Селѣ. Вслѣдствіе чего, 25-го мая 1816 г., онъ и переѣхалъ, со всею семьею, въ Царское Село, гдѣ Карамзинымъ отвели на жительство два китайскіе домика. Здѣсь исторіографъ ежедневно встрѣчался съ Императоромъ и даже удостоивался

посѣщеній его. Обѣ Императрицы также осыпали его привѣтомъ и ласкою; ко вдовствующей Маріи Ѳеодоровнѣ, имѣвшей жительство въ Павловскѣ, онъ приглашался съ супругою два-три раза въ недѣлю.

Въ это время Николай Михайловичъ совершенно оставилъ свои историческія и литературные труды и занялся исключительно типографскими хлопотами. Исторія печаталась въ военной типографіи, которая имѣла не мало недостатковъ. Много приходилось также преодолѣвать разныхъ частныхъ непріятностей, существованіе которыхъ видно уже изъ того, что повелѣнія печатать на условіяхъ, предложенныхъ авторомъ и безъ цензуры, объявлялись по два раза. Для ускоренія хода дѣла, «Исторія» печаталась впослѣдствіи въ 3-хъ типографіяхъ одновременно, кромѣ военной, еще въ сенатской и въ медицинской, но все таки печатанье шло вяло и Карамзинъ былъ, судя по письмамъ, измученъ, какъ этою безурядицею, такъ и многочисленными корректурами. Въ 1817 г. онъ пишетъ Дмитріеву: «Корректурная моя дѣятельность продолжается и доводитъ меня почти до обморока. Вообрази, что печатаю вдругъ въ трехъ типографіяхъ: въ военной, медицинской и сенатской! но вообрази также, что до сего времени не могу кончить и I тома, хотя печатаютъ уже второй, и третій, и четвертый!».

Въ сентябрѣ 1817 г. Николай Михайловичъ составилъ, по случаю отъѣзда Высочайшаго двора въ Москву, для Императрицы Маріи Ѳеодоровны «Записку о достопамятностяхъ этого города». «Записка» эта не предназначалась къ печатанію, но была все-таки помѣщена затѣмъ въ «Украинскомъ Вѣстникѣ» безъ вѣдома автора и по невѣрному списку, обезображенному многими ошибками, и вызвала сильную критику Каченовскаго въ его «Вѣстникѣ

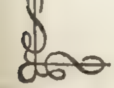
Европы», на которую Николай Михайловичъ, по своему обыкновенію, не возражалъ.

Наконецъ къ февралю 1818 г., изданіе труда Карамзина было окончено: «Исторія государства Россійскаго» появилась въ свѣтъ въ восьми томахъ. Не смотря на дурную печать и бумагу, цѣна была назначена по 55 руб. ассигнаціями за экземпляръ. Все же интересъ публики къ столь давно ожидавшейся «Исторіи» былъ такъ великъ, что всѣ напечатанные 3 тыс. экземпляровъ разошлись менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ, и Карамзинъ продалъ книгопродавцамъ Слениными право на новое изданіе за вознагражденіе въ 50 тыс. руб., которые должны были быть выплачены въ 5 лѣтъ.

Вслѣдъ затѣмъ Карамзинъ снова приступилъ къ продолженію своего труда. «Я снова принялся за 9-й томъ», пишетъ онъ Дмитріеву отъ 25 марта, «пишу ноты къ первой главѣ». Но трудъ подвигался медленно; вращаніе въ высшихъ сферахъ очень отвлекало его отъ дѣла. Къ тому же лѣтомъ начались опять усиленныя корректурныя занятія по второму изданію «Исторіи». 10-го іюля 1818 года Николай Михайловичъ былъ избранъ въ члены Академіи, единодушно въ торжественномъ засѣданіи ея, по предложенію президента А. С. Шишкова, бывшаго его врага, который въ Петербургѣ, при личныхъ свиданіяхъ, вполнѣ помирился съ нимъ, а по прочтеніи «Исторіи» даже сдѣлался его почитателемъ. По просьбѣ Шишкова, Карамзинъ произнесъ въ торжественномъ засѣданіи Академіи 5-го декабря 1818 г. рѣчь, содержавшую много здравыхъ мыслей, но въ то время произведшую скорѣе невыгодное впечатлѣніе—надъ нею даже подсмѣивались. Темою рѣчи была программа занятій Академіи.

Милости Высочайшаго двора къ Карамзину между тѣмъ все увеличивались У обѣихъ Императрицъ онъ становился домашнимъ человѣкомъ, очень часто обѣдалъ, проводилъ вечера и говорилъ искренно о всѣхъ предметахъ. Самъ

Императоръ все болѣе и болѣе сближался съ нимъ. Между прочимъ въ одной изъ искреннихъ бесѣдъ Государь сообщилъ ему о мысли своей возстановить Польшу въ ея древнихъ границахъ. Возвратясь домой, Николай Михайловичъ написалъ извѣстную «Записку противъ возстановленія Польши» и въ тотъ же вечеръ 17 октября 1819 г. прочиталъ ее Императору. На «Запискѣ» оставшейся въ бумагахъ Карамзина, приписано его рукою: «Читано Государю въ тотъ же вечеръ. Я пилъ у него чай въ кабинетѣ, и мы пробыли вмѣстѣ, съ глазу на глазъ, пять часовъ, отъ осьми до часу за полночь. На другой день я у него обѣдалъ, обѣдалъ еще и въ Петербургѣ... но мы душею разстались, кажется, на вѣки... Потомство! достоинъ ли я былъ имени гражданина Россійскаго? Любилъ ли Отечество? вѣрилъ ли добродѣтели, вѣрилъ ли Богу!» Карамзинъ ошибся въ мнѣніи, что онъ разошелся съ Государемъ душею на вѣки— Императоръ Александръ сохранилъ вполнѣ прежнее свое благоволеніе къ нему. Популярность «Исторіи» также возростала и уже появилась первый французскій переводъ ея. Въ началѣ 1820 г. Николай Михайловичъ за «Исторію» удостоенъ почетной награды и отъ Академіи. 8-го января онъ присутствовалъ на торжественномъ засѣданіи ея и читалъ нѣкоторыя главы еще не напечатаннаго IX-го тома. По окончаніи чтенія, А. С. Шишковъ предложилъ собранію поднести исторіографу за труды его по Россійской исторіи большую золотую медаль. Предложеніе это было принято членами единогласно и медаль тутъ же поднесена Карамзину, при громкихъ рукоплесканіяхъ всѣхъ присутствовавшихъ. Къ веснѣ этого года относится заступничество Николая Михайловича за Пушкина, которому за его «рукописныя» сочиненія, распространившіяся во многихъ спискахъ, угрожало серьезное наказаніе. Благодаря ходатайству исторіографа предъ начальникомъ поэта, графомъ Каподистріа, и Императрицей Маріей Θеодоровной, Пуш-

кинъ былъ только удаленъ изъ Петербурга въ Бессарабію, подъ начальство и надзоръ И. Н. Инзова. Въ 1821 году IX-ый томъ «Исторіи» былъ изданъ и Карамзинъ приступилъ къ слѣдующимъ X-му и XI-му томамъ. Онъ писалъ эти томы весь 1822 и часть 1823 года, въ ноябрѣ котораго приступилъ къ печатанію ихъ. Томы эти вышли въ 1824 г., но сбывались вопреки ожиданіямъ, плохо.

Къ пасхѣ въ 1824 г. Карамзинъ былъ пожалованъ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Трудъ его продолжался и вызывалъ многочисленныя критики, какъ напримѣръ: строгая Лелевеля, снисходительная нѣмецкаго ученаго Герена и пр. («Исторія» была уже переведена и на нѣмецкій языкъ). Характеръ-же исторіографа сталъ значительно мѣняться. Въ іюлѣ 1825 г. онъ, по желанію Императора, ѣздилъ съ графомъ Аракчеевымъ осматривать, устроенныя имъ военныя поселенія. Очарованный пріемомъ графа, Николай Михайловичъ, всегда возстававшій противъ поселеній, даже въ откровенныхъ бесѣдахъ съ Государемъ, сталъ вдругъ хвалить ихъ.

1-го декабря 1825 г. скончался благодѣтель Карамзина Александръ I, и исторіографъ былъ глубоко потрясенъ этою неожиданною кончиною. Извѣстный день 14-го декабря, Николай Михайловичъ провелъ въ Зимнемъ дворцѣ у Императрицъ и такъ писалъ о немъ Дмитріеву отъ 19-го декабря: «Я, мирный исторіографъ, алкалъ пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было иного способа прекратить мятежа». Одѣтый по тогдашней модѣ въ чулкахъ и башмакахъ, Карамзинъ вышелъ на площадь, чтобы удостовѣриться лично, гдѣ Государь, и простудился. Эта простуда, а также потрясеніе отъ тяжелыхъ событій не прошли Николаю Михайловичу даромъ — въ началѣ 1826 г. онъ заболѣлъ изнурительною лихорадкою. Въ мартѣ болѣзнь ослабла было, но скоро снова усилилась и медики стали посылать его, для поправленія здоровья, въ Италію. Въ

виду этого Карамзинъ сталъ ходатайствовать о мѣстѣ русскаго резидента во Флоренціи. Императоръ Николай отвѣчалъ милостивымъ письмомъ въ которомъ говорилъ, что «Россійскому исторіографу не нужно подобнаго предлога, дабы имѣть тамъ способъ жить свободно, и заниматься своимъ дѣломъ» и предложилъ заграничный отпускъ на годъ, 50 тыс. руб. на путешествіе и казенный фрегатъ «Елену», для переѣзда моремъ въ Италію. Кромѣ того, чтобы передъ отъѣздомъ больной могъ подышать чистымъ воздухомъ, приказалъ отвести для Карамзиныхъ помѣщеніе въ Таврическомъ дворцѣ, куда они и переѣхали въ началѣ мая 1826 г. Но вотъ получилось новое горестное извѣстіе о смерти Императрицы Елизаветы Алексѣевны, и Николай Михайловичъ не перенесъ новаго удара — состояніе его сдѣлалось безнадежнымъ. Тогда Императоръ Николай, зная о неустроенномъ положеніи его дѣлъ и о неполномъ обезпеченіи его семейства, почтилъ исторіографа 13-го мая 1826 г. слѣдующимъ Высочайшимъ рескриптомъ:

Николай Михайловичъ!

«Разстроенное здоровье Ваше принуждаетъ Васъ покинуть на время Отечество и искать благопріятнѣйшаго для Васъ климата. Почитаю за удовольствіе изъявить вамъ мое искреннее желаніе, чтобы Вы скоро возвратились къ намъ, съ обновленными силами, и могли снова дѣйствовать, для пользы и чести отечества, какъ дѣйствовали донынѣ. Въ тоже время и за покойнаго Государя, знавшаго на опытѣ Вашу благородную, безкорыстную къ нему привязанность, и за себя самого и за Россію, изъявляю вамъ признательность, которую Вы заслуживаете своею жизнію, какъ гражданинъ, своими трудами, какъ писатель. Александръ сказалъ Вамъ: Русскій народъ достоинъ знать свою Исторію. Исторія Вами написанная, достойна Русскаго народа. Исполняю то, что желалъ, но чего не успѣлъ исполнить братъ мой.

Въ приложенной бумагѣ найдете Вы изъявленіе воли моей, которая будучи съ моей стороны одною только справедливостью, есть для меня и священное завѣщаніе Александра. Желаю, чтобъ путешествіе было Вамъ полезно, и чтобы оно возвратило вамъ силы для довершенія главнаго дѣла вашей жизни. Пребываю Вамъ всегда благосклонный Николай».

Въ приложенномъ же указѣ Министру Финансовъ было слѣдующее: «Исторіографу Россійской Имперіи, Дѣйствительному Статскому Совѣтнику Карамзину, отъѣзжающему для излеченія своего заграницу, повелѣваемъ производить отнынѣ по пятидесяти тысячъ рублей въ годъ, съ тѣмъ, чтобы сумма сія, обращаемая ему въ пенсіонъ, была послѣ него производима сполна женѣ его, а по смерти ея также сполна ихъ дѣтямъ—сыновьямъ до вступленія всѣхъ ихъ въ службу, а дочерямъ до замужества послѣдней изъ нихъ».

Карамзинъ былъ глубоко тронутъ этою милостью и отвѣчалъ на другой Государю письмомъ, написанномъ дрожащею рукою. По прочтеніи указа, онъ безпрестанно повторялъ, «это ужъ слишкомъ много». Несмотря на слабость, Николай Михайловичъ все еще надѣялся поправиться. По словамъ близкаго друга его В. А. Жуковскаго, онъ все еще думалъ о будущемъ, о довершеніи своего труда. «Теперь я богатъ», говорилъ онъ, «могу завести себѣ верховую лошадь; постоянное движеніе поможетъ мнѣ возстановить здоровье». Но состояніе его все ухудшалось: 20-го мая онъ впалъ въ безпамятство, а 22-го мая 1826 г. скончался. На другой день посѣтилъ прахъ его, для послѣдняго цѣлованія, Императоръ и горько плакалъ надъ нимъ. Отпѣваніе и погребеніе совершено было 25-го мая, въ Александро-Невскомъ монастырѣ, при многочисленномъ стеченіи народа. Такъ жилъ и умеръ одинъ изъ лучшихъ и благороднѣйшихъ русскихъ людей замѣчательной эпохи Александра I...

Лермонтовъ

прервать молчаніе повѣствуютъ намъ лишь объ одной чи-
сто-внѣшней сторонѣ жизни поэта, о его юнкерскихъ ша-
лостяхъ, о похожденіяхъ въ большомъ свѣтѣ и т. п.

VI.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ.

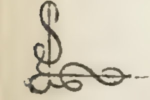
1814—1841 гг.

Нельзя не сознаться, что мы, русскіе, вполнѣ заслуживаемъ упрекъ въ извѣстной доли апатіи, проявляемой нами по отношенію къ судьбѣ нашихъ выдающихся дѣятелей; внѣшнія обстоятельства, несущія на себѣ тоже извѣстную долю отвѣтственности, являются, во всякомъ случаѣ лишь второстепенными факторами. Лучшимъ доказательствомъ справедливости нашихъ словъ можетъ служить такой крупный представитель нашей отечественной литературы, какъ М. Ю. Лермонтовъ, біографія котораго и по сіе время все еще такъ мало извѣстна, такъ отрывочна, что по ней рѣшительно нѣтъ возможности составить себѣ всестороннее и полное понятіе о личности покойнаго поэта. Люди, стоявшіе близко къ нему, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ ревниво сохраняютъ про себя воспоминанія о немъ. Исключеній—немного. Да и тѣ, которые рѣшаются прервать молчаніе повѣствуютъ намъ лишь объ одной чисто-внѣшней сторонѣ жизни поэта, о его юнкерскихъ шалостяхъ, о похожденіяхъ въ большомъ свѣтѣ и т. п.

Между тѣмъ послѣднія именно и будятъ въ насъ множество вопросовъ, не давая отвѣта ни на одинъ изъ нихъ.

Лермонтовъ родился въ Москвѣ, 3-го октября 1814 г. Впрочемъ г-жа Хвостова и г. Лонгиновъ, оба оставившіе о поэтѣ свои воспоминанія, (не безупречныя по точности, прибавимъ къ слову) утверждаютъ, что годъ его рожденія слѣдуетъ отнести къ 1815. Разногласіе это служитъ лишь новымъ подтвержденіемъ того недостатка въ матерьялахъ къ подробной біографіи Лермонтова, о которомъ говорили мы выше. Свѣдѣнія о его семьѣ тоже очень скудны. Мать его, Марья Михайловна, была единственной дочерью Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой, урожденной Столыпиной, страстно привязанной къ дочери и, послѣ ранней утраты ея, перенесшей всю свою привязанность на внука. Марья Михайловна полюбила бѣднаго армейскаго офицера, стоявшаго на общественной лѣстницѣ гораздо ниже ея, и противъ воли матери и родныхъ, вышла за него замужъ. Обстоятельство это, разумѣется, подало поводъ къ цѣлому ряду непріятныхъ столкновеній, породило семейный разладъ. Мать Лермонтова прожила недолго. По рожденіи сына она впала въ изнурительную чахотку и умерла въ 1817 г., когда сыну ея не было еще и трехъ лѣтъ.

По смерти матери Лермонтовъ остался на рукахъ у бабушки, Елизаветы Алексѣевны Арсеньевой. Повидимому между отцомъ и ею по этому поводу происходила нѣкотораго рода борьба. Такъ напр. въ письмахъ Сперанскаго къ Аркадію Алексѣевичу Столыпину, брату Арсеньевой мы находимъ слѣдующія строки: «Елизавету Алексѣевну ожидаетъ крестъ новаго рода: Лермонтовъ *требуетъ* къ себѣ сына, едва согласился оставить еще на два года. Странный и, говорятъ, худой человѣкъ». Какъ бы то ни было Лермонтовъ остался у бабушки. Отецъ лишь изрѣдка пріѣзжалъ въ Москву и бралъ къ себѣ сына по праздникамъ. Семейный разладъ этотъ, конечно, не могъ пройти совер-

шенно безслѣдно для Лермонтова. Въ замѣткахъ, составленныхъ его учителемъ русскаго языка г. А. З. и напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ (1872 г.), мы читаемъ: «очевидно, что положеніе высоко одареннаго мальчика между аристократическою бабушкою и какимъ-то, рѣдко видаемымъ, бѣдно-обстановленнымъ отцомъ, котораго появленіе въ домѣ непріятно бабушкѣ—этимъ объясняется болѣзненная неровность въ характерѣ Лермонтова»...

Объ отцѣ достовѣрныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ. Родственники жены, какъ мы видѣли выше, были о немъ нелестнаго мнѣнія; но безпристрастными судьями мы ихъ считать не можемъ. Нѣкоторые рисуютъ его человѣкомъ любившимъ пожить въ свое удовольствіе. Угроза его взять сына къ себѣ заставила Арсеньеву увезти маленькаго Мишу въ пензенскую деревню Тарханы, гдѣ теперь находится могила поэта и гдѣ протекло его дѣтство.

Г. А. З., свидѣтельство котораго мы приводили выше разсказываетъ, что въ домѣ г-жи Арсеньевой все было разсчитано для пользы и удовольствія ея внука. Кругъ знакомства ограничивался, преимущественно, родственниками.

Сначала Лермонтовъ учился дома. Гувернерами были, конечно, иностранцы. Даже нянька его была нѣмка. Особую привязанность питалъ Лермонтовъ къ французу Жендро, капитану наполеоновской гвардіи. Когда Жендро умеръ, оплаканный Лермонтовымъ, его мѣсто занялъ по отзывамъ весьма ученый еврей, Леви. Но съ Леви Лермонтовъ ладилъ хуже. Англійскому языку онъ выучился у слѣдующаго гувернера, мистера Винсона, впослѣдствіи перешедшаго въ домъ графа Уварова. По свидѣтельству русскаго учителя, Лермонтовъ вообще «учился прекрасно, велъ себя благородно и особенные успѣхи оказывалъ въ русской словесности».

Въ 1826 г. г-жа Арсеньева отвезла внука въ Москву, гдѣ онъ поступилъ въ университетскій благородный пансі-

онъ полупансіонеромъ, такъ какъ бабушка рѣшительно не соглашалась разстаться съ своимъ любимцемъ. Въ университетскомъ пансіонѣ Лермонтовъ продолжалъ учиться хорошо и на публичномъ экзаменѣ получилъ первый призъ. Сверхъ того онъ занимался небезуспѣшно музыкой и рисованьемъ.

Г-жа Хвостова въ своихъ запискахъ описываетъ наружность Лермонтова въ этотъ періодъ жизни не особенно лестно: «неуклюжій, косолапый шестнадцатилѣтній мальчикъ, съ красными, но умными, выразительными глазами, съ вздернутымъ носомъ и язвительною усмѣшкою». Свидѣтельству этому однако противорѣчатъ воспоминанія близкихъ къ Лермонтову лицъ. Такъ, г. А. З. утверждаетъ, что если въ наружности Лермонтова и была нѣкоторая неловкость—онъ былъ сутуловатъ, смотрѣлъ въ землю — но ничего не было неуклюжаго и каррикатурнаго. «Какъ теперь смотрю я на моего милаго питомца, говоритъ онъ, отличившагося на пансіонскомъ актѣ, кажется, 1829 г. Среди блестящаго собранія, онъ прекрасно произнесъ стихи Жуковскаго «Къ Морю» и заслужилъ громкія рукоплесканія. Онъ прекрасно рисовалъ, любилъ фехтованье, верховую ѣзду, танцы, и ничего въ немъ не было неуклюжаго: это былъ коренастый юноша, обѣщавшій сильнаго и крѣпкаго мужа въ зрѣлыхъ лѣтахъ». Далѣе г. А. З. возражаетъ также и противъ того замѣчанія, что Лермонтова грызло честолюбіе, мысль, что онъ дуренъ, незнатнаго происхожденія, желаніе попасть въ люди и быть обязаннымъ въ этомъ только самому себѣ.

Послѣднимъ увѣреніямъ мы, однако, не можемъ дать ни малѣйшей вѣры. Что Лермонтовъ обладалъ этими чертами характера—внѣ всякаго сомнѣнія. Въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ говоритъ прямо: «тайное сознаніе, что я кончу жизнь ничтожнымъ человѣкомъ, меня мучитъ». Раньше, въ томъ-же письмѣ, онъ жалуется на безсонницу.

Если ужъ человѣку не спится отъ мысли о своемъ ничтожествѣ, то значитъ въ душѣ его порядочный запасъ гордости, честолюбія и т. п. страстей Если наставникъ, слѣдившій повидимому за питомцемъ внимательно и съ любовью, не замѣтилъ ихъ въ немъ, то это слѣдуетъ приписать, во первыхъ, тому обстоятельству, что честолюбіе Лермонтова развилось нѣсколько позже, когда его окружала уже иная, особенно способная развить его среда, во вторыхъ тому, что мальчикомъ, какъ и впослѣдствіи, Лермонтовъ былъ мало разговорчивъ, замкнутъ въ себѣ, несообщителенъ.

Развиваться, мыслить, Лермонтовъ сталъ очень рано; свидѣтельство тому его стихотворенія перваго періода, въ которыхъ въ зачаточномъ состояніи мы находимъ всѣ думы, развитыя имъ позднѣе въ лучшихъ его созданіяхъ. И тогда, какъ впослѣдствіи, въ немъ уже сказывалась сильная, порывистая натура. Въ его стихахъ являются печальные, мрачные мотивы. Такъ напримѣръ въ 1832 г., слѣдовательно только 18 лѣтъ, въ одномъ изъ своихъ французскихъ писемъ, писанныхъ имъ изъ юнкерской школы, онъ вставляетъ слѣдующіе стихи:

Конецъ! Какъ звучно это слово!
Какъ много-мало мыслей въ немъ!
Послѣдній стонъ—и все готово,
Безъ дальнихъ справокъ; а потомъ?
Потомъ васъ чинно въ гробъ положатъ,
И черви вашъ скелетъ обгложутъ,
А тамъ наслѣдникъ въ добрый часъ
Придавитъ монументомъ васъ;
Простивъ вамъ каждую обиду,
Отслужитъ въ церкви панихиду,
Которой—(я боюсь сказать)
Не суждено вамъ услыхать;
И если вы скончались въ вѣрѣ,
Какъ христіанинъ, то гранитъ
На сорокъ лѣтъ по крайней мѣрѣ
Названье ваше сохранитъ
Съ двумя плачевными стихами,
Которыхъ, къ счастію вы сами

Не прочитаете во вѣкъ.
Когда жъ чиновный человѣкъ
Захочетъ мѣста на кладбищѣ,
То ваше тѣсное жилище
Разроетъ заступъ похоронъ
И грубо выкинетъ васъ вонъ;
И можетъ быть изъ вашей кости,
Подливъ воды, подсыпавъ крупъ,
Кухмистеръ изготовитъ супъ—
(Все это дружески, безъ злости)
А тамъ голодный аппетитъ
Хвалить васъ будетъ съ восхищеньемъ,
А тамъ желудокъ васъ сваритъ,
А тамъ—но съ вашимъ позволеньемъ
Я здѣсь окончу свой разсказъ,
И этого довольно съ васъ.

Страсти тоже рано пробудились въ поэтѣ. Когда ему было десять лѣтъ, бабушка брала его съ собою на Кавказъ, куда вся семья ѣздила на воды. Лермонтовъ, въ своей ученической тетради, упоминаетъ объ этой поѣздкѣ и разсказываетъ, что тамъ онъ страстно влюбился въ дѣвочку лѣтъ девяти. Замѣтку свою онъ заканчиваетъ словами: «горы Кавказскія для меня священны». Вообще дикая и величественная природа Кавказа произвела на Лермонтова сильное впечатлѣніе.

Кончивъ курсъ въ благородномъ пансіонѣ, Лермонтовъ поступилъ въ московскій университетъ. Здѣсь, впрочемъ онъ оставался не долго. Г-жа Е. А. Ладыженская, сестра г-жи Хвостовой, написавшая свои замѣчанія на «Воспоминанія» послѣдней, утверждаетъ, что удаленіе Лермонтова изъ университета послѣдовало вслѣдствіи желанія его перейти въ Петербургъ. Петербургскій университетъ дозволилъ переходъ не иначе, какъ съ условіемъ, чтобъ Лермонтовъ выдержалъ вступительный экзаменъ. Такое требованіе вывело Лермонтова изъ себя и онъ съ досады поступилъ въ юнкерскую школу. «Шумъ, произведенный этимъ дѣломъ, пишетъ она, совершенно извратившимъ карьеру молодого человѣка, который преимущественно отличался умствен-

ными способностями, вызвалъ начальство установить съ той поры, что студенты могутъ переходить изъ одного университета въ другой, ничего не теряя изъ своихъ ученыхъ годовъ». По другимъ свѣдѣніямъ Лермонтовъ былъ исключенъ изъ университета за шалость.

Какъ бы то ни было, въ 1831 г. Лермонтовъ оставилъ университетъ, переѣхалъ въ Петербургъ и сталъ готовиться въ юнкерскую школу. Что побудило его на столь рѣзкій переходъ? — Отвѣчать можно только догадками. Выше мы приводили отрывки изъ его писемъ, свидѣтельствующія, что несмотря на его юность, жажда славы, отличій, не давала ему покоя. Стремленіе первенствовать, выдвинуться изъ толпы, постоянно руководило имъ. Съ такими задатками онъ неминуемо долженъ былъ тяготиться неопредѣленностью своего положенія въ свѣтѣ. Аристократическая бабушка и отецъ, бѣдный, армейскій секундъ - маіоръ, если такъ можно выразиться, сталкивались безпрестанно въ его мысляхъ и парализовали другъ друга. Кромѣ того надо также взять во вниманіе и то обаяніе, какое производилъ военный мундиръ на молодежь того времени. Всѣ товарищи Лермонтова шли по этой дорогѣ. Очень естественно, что и его увлекъ общій потокъ, тѣмъ болѣе, что военная жизнь, въ ту пору, служила синонимомъ какого-то изъ ряду вонъ веселаго, разудалаго, безшабашнаго и вольнаго существованья. Домашнее воспитаніе, полученное Лермонтовымъ, при всемъ своемъ наружномъ блескѣ, едва-ли можетъ считаться фундаментальнымъ. Скорѣй всего, что оно концетрировалось около знанія иностранныхъ языковъ. Ни подготовкой, ни характеромъ Лермонтовъ не годился для роли ученаго. Кромѣ-же ученой карьеры, существовала только чиновническая, дипломатическая. Очень естественно, что поэтъ не остановился на ней.

Двухгодичное пребываніе Лермонтова въ юнкерской школѣ (1832—1834) ознаменовано цѣлымъ рядомъ не со-

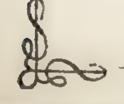
всѣмъ похвальныхъ школьничествъ. Царствовавшій между юнкерами духъ ерничества отразился и на немъ. Слѣды вліянія названной среды, равно какъ и физіономія послѣдней, всего ярче отражаются въ стихотвореніяхъ Лермонтова того періода, принадлежащихъ къ извѣстной категоріи «нескромныхъ». Таковы «Уланша», «Петергофскій праздникъ» и нѣкоторыя другія.

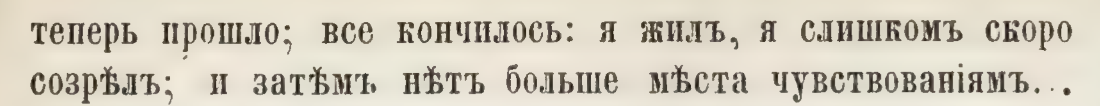
Между товарищами своими, пишетъ одинъ изъ «однокашниковъ» поэта, Лермонтовъ ничемъ не отличался отъ другихъ. Въ школѣ Лермонтовъ имѣлъ страсть приставать съ своими острыми и часто даже злыми насмѣшками къ тѣмъ изъ товарищей, съ которыми онъ былъ болѣе друженъ. Разумѣется, тѣ платили ему тѣмъ-же, и это его очень забавляло». Привычка эта, какъ извѣстно, осталась о Лермонтова навсегда и была отчасти причиной его преждевременнаго конца. Тотъ-же его товарищъ далѣе разсказываетъ: «Лермонтовъ былъ довольно силенъ, въ особенности имѣлъ большую силу въ рукахъ, и любилъ состязаться въ томъ съ юнкеромъ Карачинскимъ, который извѣстенъ былъ по всей школѣ, какъ замѣчательный силачъ — онъ гнулъ шомпола и дѣлалъ узлы, какъ изъ веревокъ. Много пришлось за испорченные шомпола гусарскихъ карабиновъ переплатить ему денегъ унтеръ-офицерамъ, которымъ поручено было сбереженіе казеннаго оружія. Однажды оба они въ залѣ забавлялись подобными tours de force; вдругъ вошелъ туда директоръ школы, генералъ Шлиппенбахъ. Каково было его удивленіе, когда онъ увидалъ подобныя занятія юнкеровъ. Разгорячась, онъ началъ дѣлать имъ замѣчанія»:—Ну, не стыдно-ли вамъ такъ ребячиться! Дѣти что-ли вы, чтобъ такъ шалить! ..Ступайте подъ арестъ? Ихъ арестовали на одни сутки. Послѣ того Лермонтовъ презабавно разсказывалъ намъ про выговоръ, полученный имъ и Карачинскимъ. «Хороши дѣти,—повторялъ онъ,—которыя могутъ изъ желѣзныхъ шомполовъ вязать узлы».

Въ школѣ у всѣхъ почти юнкеровъ были свои шуточныя наименованія. Лермонтовъ носилъ названіе Маёшки вѣроятно вслѣдствіи своей сутуловатости, такъ какъ въ «Notre Dame de Paris» одно изъ дѣйствующихъ лицъ, уродливое и горбатое, носитъ это имя. Подъ этимъ прозвищемъ Маешки Лермонтовъ фигурируетъ въ написанной имъ шуточной и нескромной поэмѣ «Монго» (Мо́нго — Столыпинъ, товарищъ и родственникъ Лермонтова).

Впрочемъ, если общій духъ, царствовавшій въ школѣ и отразился на Лермонтовѣ, то все-таки, онъ не могъ уничтожить въ конецъ тѣхъ лучшихъ задатковъ, которые таились въ душѣ юноши. Отдавая различныя нескромныя поэмы въ журналъ, выходившій одно время въ школѣ, Лермонтовъ не любилъ даже показывать товарищамъ своихъ другихъ стихотвореній. По вечерамъ, послѣ учебныхъ занятій, онъ часто уходилъ въ отдаленныя классныя комнаты, въ то время пустыя, и тамъ одинъ просиживалъ долго и писалъ до поздней ночи, стараясь туда пробраться незамѣченнымъ товарищами. Вообще съ самаго поступленія въ юнкерскую школу въ Лермонтовѣ преобладало мрачное настроеніе. Такъ, письмо свое, гдѣ говоритъ о поступленіи въ юнкерское училище, онъ начинаетъ такъ: «Не умѣю представить себѣ, какое дѣйствіе произведетъ на васъ моя великая новость; до сихъ поръ я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я — воинъ. Быть можетъ тутъ есть особенная воля Провидѣнія; быть можетъ, этотъ путь всѣхъ короче, и если онъ не ведетъ меня къ моей первой цѣли, можетъ быть по немъ дойду до послѣдной цѣли всего существующаго; вѣдь лучше умереть со свинцомъ въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго истощенія. И такъ, если начнется война, клянусь вамъ Богомъ, что я всегда буду впереди». — И далѣе: «Нѣсколько дней я былъ въ тревогѣ,

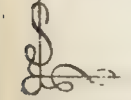

теперь прошло; все кончилось: я жилъ, я слишкомъ скоро созрѣлъ; и затѣмъ нѣтъ больше мѣста чувствованіямъ...

Онъ былъ рожденъ для счастья, для надеждъ
И вдохновеній мирныхъ! Но, безумный,
Изъ дѣтскихъ рано вырвался одеждъ,
И сердце бросилъ въ море жизни шумной:
И міръ не пощадилъ, и Богъ не спасъ!
Такъ сочный плодъ, до времени созрѣлый,
Между цвѣтовъ виситъ осиротѣлый;
Ни вкуса онъ не радуетъ, ни глазъ,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
И жадный червь его грызетъ, грызетъ,
И между тѣмъ какъ нѣжныя подруги
Колеблются не вѣтвяхъ—ранній плодъ
Лишь тяготитъ свою... до первой вьюги!
— Ужасно старикомъ быть безъ сѣдинъ!
Онъ равныхъ не находитъ; за толпою
Идетъ, хоть съ ней не дѣлится душою;
Онъ межъ людьми ни рабъ, ни властелинъ,
И все что чувствуетъ—онъ чувствуетъ одинъ!

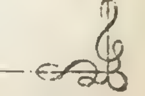
Изъ тѣхъ же писемъ видно также, что въ душѣ Лермонтова произошло какое-то раздвоеніе, внутренній разладъ. Окружающая обстановка неудовлетворяла его. Онъ искалъ внѣшнихъ развлеченій, шумныхъ удовольствій. «Еслибъ вы знали, какую жизнь я намѣренъ повести, пишетъ онъ, это будетъ прелестно! Во первыхъ, развлеченья, шалости всякаго рода и поэзія, залитая шампанскимъ. Я знаю, что вы возопіете; но увы! пора моихъ мечтаній миновала; нѣтъ больше вѣры; мнѣ нужны наслажденія матерьяльныя, счастіе осязательное, такое счастіе, которое покупается золотомъ, чтобъ я могъ носить его съ собой въ карманѣ какъ табакерку, которое бы только обманывало мои чувства, оставляя мою душу въ покоѣ и въ бездѣйствіи». «Впередъ знайте, что я не тотъ, какимъ былъ прежде: и чувствую и говорю иначе, и Богъ вѣсть, что еще изъ меня выйдетъ въ продолженіи года. До сихъ поръ я только и дѣлалъ, что сбивался съ колеи; теперь я смѣюсь надъ этимъ, смѣюсь надъ собою и надъ другими. Я отцвѣлъ

для наслажденій, и они мнѣ надоѣли, хоть я и пользовался ими. Но это очень грустный предметъ»... Нѣсколько ранѣе онъ писалъ: «Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ вамъ, со мной случилось такъ много странныхъ обстоятельствъ, что я право не знаю, какимъ путемъ идти мнѣ—путемъ ли порока или пошлости. Конечно, оба эти пути ведутъ часто къ той-же цѣли. Знаю, что вы станете увѣщевать, постараетесь утѣшать меня—это было бы лишнее! Я счастливѣе чѣмъ когда нибудь, веселѣе любого пьяницы, распѣвающаго на улицѣ! Вамъ не нравятся эти выраженія, но увы: скажи мнѣ, съ кѣмъ ты видишься, и я скажу, кто ты таковъ».

Лермонтовъ поступилъ въ школу лейбъ-гусарскимъ юнкеромъ, такъ какъ въ то время юнкера числились въ полкахъ и носили присвоенный ихъ частямъ мундиръ Поступленіе его на службу унтеръ-офицеромъ считалось съ 13 ноября 1832 г. Въ 1834 г. онъ былъ произведенъ въ корнеты. Съ этого момента начинается для Лермонтова разсѣянная жизнь въ свѣтскомъ кругу, наполненная различными похожденіями, побѣдами надъ женскими сердцами и т. п.

Между матерьяломъ любопытнымъ для біографіи Лермонтова А. Н. Пыпинъ указываетъ на ученическія тетради, идущія отъ 1827 до 1831 г., по которымъ можно хронологически прослѣдить, какъ рано пробудилась въ Лермонтовѣ потребность поэтической дѣятельности, на какихъ мотивахъ она останавливалась, какіе идеалы занимали его и съ какой любовью онъ отдавался своей поэзіи. Между ними мы встрѣчаемъ также и переписки особенно нравившихся Лермонтову вещей (Шильонскій узникъ, Жуковскаго, и Бахчисарайскій фонтанъ, Пушкина). Первая поэма Лермонтова, «Черкесы», относился къ 1827 г. затѣмъ слѣдуютъ «Кавказскій плѣнникъ» куда вошли цѣликомъ нѣкоторыя стихи Пушкина, «Корсаръ», «Мелкія стихотворенія», (1829 г.), переводы изъ Шиллера (Перчатка и др.), поэма

«Преступникъ», первый очеркъ «Демона» и двѣ неоконченныя повѣсти «Олегъ» и «Два брата». Къ 1830 г. относиться второй очекъ «Демона», нѣсколько стиховъ изъ «Каина» Байрона, много мелкихъ стихотвореній, прозаическія переводы изъ Байрона и трагедія въ стихахъ: «Испанцы».

Въ 1831 г. написанъ третій очеркъ «Демона» романтическая драма «Странный человѣкъ», восточная повѣсть въ стихахъ «Ангелъ смерти», первый очеркъ «Бородино» и множество сюжетовъ и плановъ для предполагавшихся, но большею частію не выполненныхъ поэмъ, драмъ и трагедій.

Въ 1832 г. написанъ «Измаилъ-Бей» и цѣлый рядъ поэмъ и повѣстей въ стихахъ. «Хаджи-Абрекъ» написанъ въ юнкерской школѣ

О вліяніи Байрона на поэзію Лермонтова говорено было очень много. Одинъ изъ критиковъ, а именно Дудышкинъ, доходитъ напримѣръ до того, что прямо отрицаетъ самостоятельность мрачного элемента въ поэзіи Лермонтова, всецѣло приписывая ее вліянію великаго британскаго поэта. Нечего говорить, что подобное заключеніе нелѣпо: будь Лермонтовъ въ существеннѣйшей части своего творчества простымъ подражателемъ—никогда не имѣть бы его поэзіи и сотой доли того громаднаго вліянія на современниковъ, какое безспорно имѣлъ онъ. Всего вѣрнѣе, что Байронъ именно оттого и повліялъ такъ на Лермонтова, что послѣдній встрѣтилъ у него много родственнаго, близкаго къ себѣ. Лермонтовъ съ особою любовью останавливается на самыхъ мелкихъ, чисто внѣшнихъ обстоятельствахъ, которыя, по его мнѣнію, сближаютъ его съ излюбленнымъ имъ поэтомъ. «Есть сходство въ жизни моей съ лордомъ Байрономъ, пишетъ онъ напримѣръ. Его матери въ Шотландіи предсказала старуха, что онъ будетъ *великій человѣкъ* и будетъ два раза *женатъ*. Про меня на Кавказѣ предсказала тоже самое старуха моей бабушкѣ. Дай Богъ, что-

бы и надо мной сбылось, хотя-бъ я былъ также несчастливъ, какъ Байронъ. Къ слову прибавимъ, что суевѣріе и фатализмъ были въ довольно сильной степени присущи Лермонтову.

Смерть Пушкина (1837 г.), какъ извѣстно, произвела въ Петербургѣ чрезвычайно сильное впечатлѣніе. Въ особенности волновалась молодежь. Очень естественно, что и Лермонтовъ отнесся къ этому событію небезучастно. Въ извѣстномъ стихотвореніи своемъ онъ явился какъ бы представителемъ общаго негодованія и общей скорби. Хотя стихотвореніе Лермонтова при первомъ своемъ появленія въ публикѣ оканчивалось словами: «Пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ, и на устахъ его печать!» т. е. было безъ заключительной строфы, тѣмъ не менѣе въ извѣстныхъ кружкахъ стихотвореніе это произвело неблагопріятное впечатлѣніе.

Случилось Лермонтову столкнуться съ однимъ изъ своихъ родственникомъ, Н. А. С—мъ, принадлежавшимъ къ той части высшаго общества, которая къ Пушкину относилась холодно, почти враждебно, Дантеса же оправдывала. Возгорѣлся жаркій споръ. Лермонтовъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, тутъ же набрасалъ энергическую, дышащую негодованіемъ заключительную строфу.

Распространеніе въ публикѣ подобнаго стихотворенія при тогдашнихъ условіяхъ грозило серьезными непріятностями для автора. Лермонтовъ кинулся къ А. Н. Муравьеву и просилъ его замолвить за него словечко у Мордвинова. Произошло недоразумѣніе. «На другой день, пишетъ Муравьевъ; я поѣхалъ къ моему родичу. Мордвиновъ былъ очень занятъ и не въ духѣ: «Ты всегда съ старыми вещами, сказалъ онъ, я давно читалъ эти стихи графу Бенкендорфу, и мы не нашли въ нихъ ничего предосудительнаго». Обрадовавшись такою вѣстью, я поспѣшилъ къ Лермонтову, чтобы его успокоить, и не заставъ дома, написалъ ему отъ слова до слова то, что сказалъ мнѣ Мордви-

новъ. Когда же возвратился домой, нашелъ у себя его записку, въ которой онъ опять просилъ моего заступленія, потому что ему грозитъ опасность. Долго ожидая меня, написалъ онъ на томъ же листкѣ чудные свои стихи «Вѣтка Палестины», которые по внезапному вдохновенію у него исторглись въ моей образной, при видѣ палестинскихъ пальмъ, принесенныхъ мною съ востока»...

Дѣло въ томъ, что Мордвинову стихи Лермонтова были извѣстны лишь въ первоначальной редакціи. Вечеромъ того же дня Лермонтова арестовали.

По другимъ свѣдѣніямъ гр. Бенкендорфъ нашелъ нужнымъ доложить о стихахъ на смерть Пушкина Государю, потому что нѣкоторые узнавали себя въ этихъ стихахъ, и о нихъ заговорила съ графомъ одна озлобленная старуха сплетница изъ высшаго круга. Начальнику гвардейскаго штаба, Веймарну, велѣно было произвести у Лермонтова въ Царскомъ селѣ обыскъ. Лермонтовъ, однако, тамъ не жилъ, а постоянно пребывалъ въ Петербургѣ. Потому въ Царскомъ найдена лишь нетопленная квартира, да пустые ящики. Записка А. Н. Муравьева попалась при обыскѣ. Начались новыя недоразумѣнія. Мордвинова потребовали къ гр. Бенкендорфу. Возвратясь оттуда Мордвиновъ накинулся на Муравьева «При тогдашней строгости, замѣчаетъ послѣдній это могло дурно для меня кончиться; но меня выручилъ изъ бѣды бывшій начальникъ штаба жандармскаго корпуса, генералъ Дубельтъ. Когда Веймаръ показалъ ему мою записку, уже пришитую къ дѣлу, Дубельтъ очень спокойно у него спросилъ: «что онъ думаетъ о стихахъ Лермонтова безъ конечнаго къ нимъ прибавленія?» тотъ отвѣчалъ: что въ четырехъ послѣднихъ стихахъ и заключается весь ядъ. «А если Муравьевъ ихъ не читалъ, точно также какъ и Мордвиновъ, который ввелъ его въ такой промахъ? «возразилъ Дубельтъ. Веймаръ одумался и оторвалъ мою записку отъ дѣла».

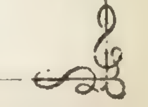
Иные утверждают, что Лермонтовъ не былъ заключаемъ подъ арестъ. Такъ или иначе, но Лермонтова изъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка перевели прапорщикомъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, находившійся на Кавказѣ.

Пребываніе Лермонтова на Кавказѣ было непродолжительно. Арсеньева энергически хлопотала за внука и въ концѣ 1837 г. или въ началѣ 1838 г. съ достовѣрностью неизвѣстно, онъ былъ возвращенъ въ гвардію, сначала въ гродненскій, а затѣмъ и лейбъ-гусарскій полкъ. Изъ писемъ Лермонтова мы видимъ, что ссылка его на Кавказъ, придала ему новый интересъ въ глазахъ свѣта и по возвращеніи своемъ оттуда онъ сталъ положительно львомъ гостиныхъ и салоновъ. Лермонтовъ всецѣло предался вихрю удовольствій и велъ самый разсѣянный, часто свѣтскій образъ жизни. Воспоминанія г. Хвостовой, нѣкоторое время бывшей цѣлью ухаживанья Лермонтова, затѣмъ брошенной имъ, застаютъ его именно въ этотъ періодъ его жизни.

Въ 1835 г. въ Библіотекѣ для Чтенія напечатанъ «Хаджи-Абрекъ». Въ 1837 г. и 1848 г. появились въ Современникѣ «Бородино» и «Казначейша». «Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ» напечатана въ 1838 г въ литературныхъ прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду, «Споръ» въ Москвитянинѣ 1841 г. Первое изданіе «Стихотвореній» вышло въ 1840 г. Въ томъ же и слѣдующемъ году—два изданія «Героя нашего времени».

Появленіе въ печати «Пѣсни о Калашниковѣ» обязано заступничеству Жуковскаго, пришедшаго отъ нея въ совершенный восторгъ.

Въ февралѣ 1840 г. Лермонтовъ дрался на дуэли съ Барантомъ, сыномъ извѣстнаго историка и французскаго посланника при нашемъ дворѣ. Поводомъ послужили какія-то слова, сказанныя Лермонтовымъ, въ которыхъ онъ не хотѣлъ извиниться. Барантъ вызвалъ его на балѣ у

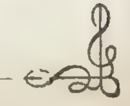
гр. Лаваль. Дуэль была сначала на шпагахъ, потомъ на пистолетахъ, такъ какъ шпага Лермонтова сломалась. Лермонтовъ получилъ легкую царапину; самъ же выстрѣлилъ на воздухъ.

Такъ какъ послѣднее обстоятельство могло служить смягчающимъ вину, то Лермонтовъ и упомянулъ о немъ на слѣдствіи. Баранту объясненіе это не понравилось. Онъ сталъ утверждать, что факты извращены. Лермонтовымъ. Между поэтомъ, заключеннымъ на гауптвахтѣ и сыномъ посланника произошло объясненіе. Лермонтовъ предложилъ послѣднему возобновить дуэль, коль скоро онъ будетъ выпущенъ на свободу. Барантъ удовольствовался объясненіемъ, а Лермонтовъ поплатился за него, такъ какъ оно отягчило его вину.

13-го апрѣля 1840 г. Лермонтовъ былъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ пѣхотный Тенгинскій полкъ на Кавказъ. Тотчасъ по прибытіи къ мѣсту своего назначенія онъ отправился въ экспедицію противъ чеченцовъ. Ранѣе впрочемъ, а именно въ 1837 г. онъ уже бывалъ за Кубанью и участвовалъ въ дѣлѣ подъ начальствомъ генерала Вельяминова.

Въ концѣ 1840 г. Лермонтовъ побывалъ въ Петербургѣ и Москвѣ, а въ началѣ 1841 г. возвратился къ своему посту. Пріѣхавъ на Кавказъ, онъ взялъ отпускъ по болѣзни и поселился въ Пятигорскѣ, въ кругу близкихъ пріятелей, каковы: М. П. Глѣбовъ, С. В. Трубецкой, кн. Васильчиковъ.

О послѣдней дуэли Лермонтова, изъ болѣе или менѣе достовѣрныхъ свѣдѣній, существуетъ только свидѣтельство друга его, кн. Васильчикова. Дравшійся съ нимъ, отставной маіоръ Мартыновъ, отказался отъ разъясненій. Мы, слѣдовательно, можемъ привести здѣсь только разсказъ Васильчикова. Приступая къ изложенію дѣла послѣдній говоритъ: «глубокое уваженіе къ памяти поэта и добраго

товарища не увлечетъ меня до односторонняго обвиненія того, кому, по собственному его выраженію, злой рокъ судилъ быть убійцей Лермонтова». Въ другомъ мѣстѣ тотъ-же Васильчиковъ замѣчаетъ: «Отдавая полную справедливость внутренинимъ побужденіямъ, которыя внушали Лермонтову глубокое отвращеніе къ современному обществу, нельзя однако не сознаться что это настроеніе его ума и чувствъ было невыносимо для людей, которыхъ онъ избиралъ цѣлью своихъ придирокъ и колкостей безъ всякой видимой причины, а просто какъ предметъ, надъ которымъ онъ изощрялъ свою наблюдательность»...

Въ Пятигорскѣ Лермонтовъ и Мартыновъ встрѣчались въ домѣ генеральши Верзилиной. Есть слухи, что одна изъ дочерей послѣдней, красавица, интересовала собой обоихъ молодыхъ людей. Мартыновъ, повидимому, былъ счастливѣе Лермонтова. Онъ отличался стройностью фигуры, выразительностью чертъ и высокимъ ростомъ. Носилъ обыкновенно бѣлый бешметъ и суконную черкеску, рукава которой любилъ засучивать. Послѣднее обстоятельство собственно и послужило ближайшимъ поводомъ къ ссорѣ. Лермонтовъ жестоко преслѣдовалъ Мартынова своими сарказмами. Говорятъ будто онъ знавалъ маіора еще въ Петербургѣ и недоразумѣніе между ними, притомъ не въ пользу поэта, шло и съ этой стороны. Какъ бы то ни было Лермонтовъ, на балу у генеральши Верзилиной при всемъ обществѣ подтрунилъ надъ засученными рукавами Мартынова. Выходя изъ дома на улицу, Мартыновъ подошелъ къ Лермонтову и сказалъ ему очень тихимъ и ровнымъ голосомъ по французски: «Вы знаете, Лермонтовъ, что я очень часто терпѣлъ ваши шутки, но я не люблю, чтобы ихъ повторяли при дамахъ». Лермонтовъ такимъ-же спокойнымъ тономъ отвѣчалъ: «а если не любите, то потребуйте у меня удовлетворенія» оба затѣмъ разошлись и друзья думали, что все дѣло этимъ и окончилось.

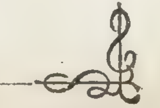

Дуэль, однако, состоялась 15 іюля въ 6½ ч. вечера. Барьеръ былъ отмѣренъ въ 15 шаговъ и отъ него въ обѣ стороны еще по 10 шаговъ. Оба стояли на крайнихъ точкахъ и, по условію, могли стрѣлять когда вздумается, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру. Мартыновъ первый подошелъ къ барьеру. Лермонтовъ остался неподвиженъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ, заслоняясь рукой и локтемъ по всѣмъ правиламъ опытнаго дуэлиста. Въ эту минуту и въ послѣдній разъ, говоритъ кн. Васильчиковъ, я взглянулъ на него и никогда не забуду того спокойнаго, почти веселаго выраженія, которое играло на лицѣ поэта передъ дуломъ пистолета, уже направленнаго на него. Мартыновъ быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и выстрѣлилъ. Лермонтовъ упалъ, какъ будто его скосило на мѣстѣ, не сдѣлавъ движенія ни взадъ, ни впередъ, не успѣвъ даже захватить больное мѣсто, какъ это обыкновенно дѣлаютъ люди раненные или ушибленные. Мы подбѣжали. Въ правомъ боку дымилась рана, въ лѣвомъ—сочилась кровь, пуля пробила сердце и легкія».

Лермонтовъ былъ похороненъ на кладбищѣ въ Пятигорскѣ, но затѣмъ прахъ его перевезенъ въ имѣніе его бабушки, Тарханы, Пензенской губерніи.

Извѣстія о смерти Лермонтова появилось въ Одесскомъ Вѣстникѣ въ слѣдующемъ видѣ: «15 іюля, около 5 часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ молніей и громомъ: въ это самое время, между горами Машукою и Бештау, скончался лечившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ».

Говорятъ что вышеупомянутая гроза разразилась сильнымъ ударомъ грома въ то самое мгновеніе, какъ выстрѣлъ изъ пистолета повергъ Лермонтова на землю.

[illegible] Отецъ
[illegible] й (се-
[illegible] дворян-
[illegible] ы ко-
[illegible] еще въ
[illegible] енномъ
[illegible] стокра-
[illegible] твѣ и,
[illegible] сателя,
[illegible] рибоѣ-
[illegible] тлича-
[illegible] чіямъ,
[illegible] руга и
[illegible] ствую-
[illegible], сильно
[illegible] въ, являв-
[illegible] барина. Подъ его ру-
ководствомъ заключались новыя связи, регулировались привычки и обычаи, дѣлались необходимые визиты и проч.

VII.

Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ.

1795—1829 г.

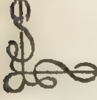
Грибоѣдовъ родился 4 января 1795 г. въ Москвѣ. Отецъ его, Сергѣй Ивановичъ, имѣлъ чинъ не большой (секундъ-майора), но родъ свой велъ отъ старинной дворянской фамиліи, польскаго происхожденія, многіе члены которой занимали важныя государственныя должности еще въ до-петровскія времена. Жили Грибоѣдовы въ собственномъ домѣ (сохранившемся и по настоящее время), въ аристократическомъ кварталѣ, вращались въ высшемъ обществѣ и, вообще, любили тянуться за старой знатью. Мать писателя, Настасья Ѳеодоровна, происходившая тоже изъ рода Грибоѣдовыхъ, но отъ другой его вѣтви, въ особенности отличалась пристрастіемъ своимъ къ родовитости, приличіямъ, связямъ и т. д. Свято блюла она традиціи своего круга и во всемъ подчинялась его законамъ. Въ домѣ первенствующую роль играла она; на нея же, въ свою очередь, сильно вліялъ братъ ея, Алексѣй Ѳеодоровичъ Грибоѣдовъ, являвшійся для сестры образцомъ знатнаго барина. Подъ его руководствомъ заключались новыя связи, регулировались привычки и обычаи, дѣлались необходимые визиты и проч.

Алексѣй Өеодоровичъ впослѣдствіи послужилъ племяннику прототипомъ Фамусова.

Несмотря однако на свои смѣшныя слабости Настасья Өеодоровна къ воспитанію сына относилась совершенно иначе, чѣмъ вообще принято въ родственной ей сферѣ и постаралась дать молодому Грибоѣдову серьезныя, фундаментальныя и обширныя свѣдѣнія. Грибоѣдовъ учился дома. Первымъ наставникомъ его былъ Петрозиліусъ, человѣкъ чрезвычайно ученый, издавшій первый обстоятельный каталогъ московской университетской библіотеки, но нѣсколько педантичный. Грибоѣдовъ, разумѣется, по живости своего ума, не могъ привязаться къ подобному наставнику. Петрозиліуса, впрочемъ, въ скоромъ времени замѣнилъ гувернеръ Богданъ Ивановичъ Іонъ, который кромѣ весьма солидныхъ знаній отличался чрезвычайно симпатичнымъ характеромъ. Для Грибоѣдова онъ сталъ не только наставникомъ, но другомъ, и руководителемъ. Первый во всю свою жизнь хранилъ къ нему самую теплую привязанность. На предполагавшейся дуэли Грибоѣдова съ Якубовичемъ секундантомъ былъ Іонъ. Впослѣдствіи, когда Грибоѣдова не стало, старикъ гувернеръ любилъ сходиться съ его другомъ Бѣгичевымъ и оба вмѣсти оплакивали погибшаго.

Іонъ, впрочемъ, былъ не единственнымъ наставникомъ Грибоѣдова. Трудъ этотъ раздѣляли и другіе преподаватели, дававшіе уроки каждый по своей спеціальности. Оставшіяся послѣ Александра Сергѣевича записныя тетради свидѣтельствуютъ о его усидчивости, способности къ изслѣдованіямъ чисто научныхъ вопросовъ и, вообще, рисуютъ его какъ человѣка, въ которомъ были задатки для замѣчательнаго ученаго.

Кромѣ наукъ съ неменьшимъ усердіемъ Грибоѣдовъ занимался и музыкою, бывшей въ домѣ его родителей въ большемъ почетѣ. Тамъ, по вечерамъ, очень часто собирались любители и составлялись небольшіе домашніе концерты.

впослѣдствіи онъ бралъ уроки у извѣстнаго петербургскаго профессора гармоніи, Іоганна Миллера и такимъ образомъ усвоилъ себѣ не только практическія, но и весьма солидныя теоритическія свѣдѣнія. Любовь къ музыкѣ не покидала Грибоѣдова никогда, онъ остался ей вѣренъ до самой смерти.

Настасья Ѳеодоровна, заботясь о солидномъ образованіи сына не упускала однако изъ виду и чисто практическихъ цѣлей. По ея мнѣнію образованіе это должно было служить первой ступенью для дальнѣйшихъ успѣховъ въ свѣтѣ, открыть дорогу къ блестящей карьерѣ. И вотъ, благодаря этому обстоятельству, Грибоѣдовъ, окончивъ домашнее воспитаніе, въ 1810 г., поступаетъ въ университетъ. Соображенія относительно карьеры заставили Настасью Ѳеодоровну остановиться на этико-политическомъ отдѣленіи, открывавшемъ будущему кандидату путь къ дипломатическому поприщу; но, по существовавшимъ въ то время правиламъ, молодой Грибоѣдовъ, въ свободное отъ юридическихъ лекцій время, могъ посѣщать также и лекціи другихъ профессоровъ, чѣмъ онъ, разумѣется, и пользовался. Ради удаленія вредныхъ вліяній Грибоѣдовъ былъ опредѣленъ въ университетъ вольнослушателемъ и не ѣздилъ туда иначе, какъ въ сопровожденіи гувернера.

Въ ту эпоху московскій университетъ въ числѣ своихъ профессоровъ считалъ нѣсколько замѣчательныхъ ученыхъ спеціалистовъ, относившихся къ дѣлу самымъ добросовѣстнымъ образомъ, перенесшихъ на нашу почву традиціи лучшихъ западныхъ университетовъ. Занятія ихъ не ограничивались чтеніемъ лекцій. Студентовъ они считали своими друзьями, открывали имъ дома свои и входили во всѣ мелочи ихъ быта и потребностей. Нѣкоторые изъ нихъ устраивали даже частные курсы, посвященные подробному изученію отдѣльныхъ вопросовъ исторіи, эстетики и философіи.

Самымъ крупнымъ представителемъ этихъ достойныхъ

профессоръ является Іоганнъ Теофиль Буле, перешедшій въ Москву изъ геттингенскаго университета. По видимому Грибоѣдовъ еще до поступленія въ университетъ посѣщалъ частные курсы этого ученаго, читавшіеся имъ на дому для студентовъ. Буле, между прочимъ, былъ горячимъ поклонникомъ Аристотеля и изучалъ сущность и основы драмы, въ то же время отдавая всю свою симпатію комедіи. Душевной веселости и средству поддерживать и развивать ее онъ посвятилъ цѣлое сочиненіе. Образцомъ ему служили, разумѣется, классики. За собой онъ увлекъ также и Грибоѣдова, который съ особой любовью началъ изучать Плавта и Теренція. Буле умѣлъ цѣнить даровитаго юношу и часто одному ему посвящалъ продолжительныя бесѣды, рано пріучившія Грибоѣдова къ отвлеченному мышленію. Вліяніе Буле именно оттого и было благотворно, что положило прочное основаніе литературному образованію Грибоѣдова. Отъ ложнаго же псевдо-классицизма своего учителя онъ отрѣшился весьма быстро.

Очень естественно, что, вращаясь въ новой, лучшей средѣ, Грибоѣдовъ невольно сталъ сравнивать ее съ той, въ которую судьбѣ было угодно забросить его съ рожденія. Въ душѣ его мало по малу зародились догадки, сомнѣнія, возникъ роковой разладъ. Внѣшней же поддержки искать ему было не у кого. Ближе всего стояла къ нему старшая сестра его, Софья, но и она тоже не могла раздѣлять его новыхъ стремленій. О прочихъ, разумѣется, и говорить нечего. Мать его не только не сочувствовала первымъ попыткамъ сына на литературномъ поприщѣ, но относилась къ нимъ съ явнымъ презрѣніемъ. Какое впечатлѣніе производила на юношу деспотическая опека дяди, можно судить потому, что, какъ говорено выше, дядя этотъ воплощенъ имъ въ послѣдствіи въ Фамусовѣ. Чрезвычайно любопытенъ и характеренъ недавно открытый черновой набросокъ Грибоѣдова, служащій характеристикой личности

Фамусова. «Вотъ характеръ, который почти исчезъ въ наше время, пишетъ въ немъ Грибоѣдовъ, но двадцать лѣтъ тому назадъ былъ господствующимъ, характеръ моего дяди. Историку предоставляю объяснить, отчего въ тогдашнемъ поколѣніи развита была повсюду какая-то смѣсь пороковъ и любезности; извнѣ рыцарство въ чувствахъ, а въ сердцахъ отсутствіе всякаго чувства. Тогда уже многіе дуэллировались, но всякій пылалъ непреодолимою страстью обманывать женщинъ въ любви, мужчинъ въ карты или иначе; по службѣ начальникъ уловлялъ подчиненнаго въ разныя подлости обѣщаніями, которыхъ не могъ исполнить, покровительствомъ, не основанномъ ни на какой истинѣ; но за то какъ и платили ихъ свѣтлостямъ мелкіе чиновники, вѣрные рабы—спутники до перваго затмѣнія! Объяснимся круглѣе: у всякаго была въ душѣ безчестность и лживость на языкѣ. Кажется, ныньче этого нѣтъ, а можетъ быть и есть, но дядя мой принадлежитъ къ той эпохѣ. Онъ какъ левъ дрался съ турками при Суворовѣ, потомъ пресмыкался въ переднихъ всѣхъ случайныхъ людей въ Петербургѣ, въ отставкѣ жилъ сплетнями. Образецъ его нравоученій: «*я*, братецъ!».

Подъ вліяніемъ отношеній къ окружающей средѣ первыя произведенія Грибоѣдова носятъ на себѣ характеръ сатирическій. Напыщенный патріотизмъ Озерова вызвалъ пародію «Дмитрій Дрянской». Затѣмъ Грибоѣдовъ набросалъ было планъ трагедіи «Родамистъ и Зенобія», но не обработалъ его, а перешелъ къ комедіи, уже содержавшей въ себѣ зародышъ той обличительной обрисовки общества, какую встрѣчаемъ мы въ «Горе отъ ума». Комедія эта называлась «Студентъ» и сюжетъ ея заключался въ слѣдующемъ: богатый и вліятельный человѣкъ Звѣздовъ въ Казани познакомился съ стряпчимъ Беневоленскимъ и въ благодарность за веденіе дѣлъ обѣщалъ выдать за его сына-студента свою воспитанницу. Послѣдняя любитъ другого.

Когда студентъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ, чтобы жениться на ней, она, составивъ заговоровъ съ женою Звѣздова и ея братомъ, рядомъ хитростей заставляетъ Звѣздова измѣнить рѣшеніе. Въ Звѣздовѣ встрѣчаются родственныя черты съ Фамусовымъ, въ братѣ его жены, Саблинѣ—съ Скалозубомъ, только тотъ и другой еще блѣдны.

Событія 1812 г. или, говоря правильнѣе, отношенія къ нимъ того общества, гдѣ вращался Грибоѣдовъ, подали поводъ молодому писателю набросать планъ пьесы, въ прологѣ къ которой являются тѣни древнихъ героевъ, Святослава, Мономаха, Петра, въ дальнѣйшихъ же дѣйствіяхъ выступаютъ себялюбивые и мелочные потомки ихъ, ничего общаго съ первыми не имѣющіе.

Къ этой же эпохѣ принадлежитъ и первоначальный планъ комедіи «Горе отъ ума», читанный Грибоѣдовымъ Іону и одному изъ университетскихъ товарищей. Семнадцати-лѣтній авторъ выливалъ въ своемъ произведеніи все накопившееся на душѣ негодованіе, бичевалъ сатирой окружающую среду, но не умѣлъ еще совладать съ внутренней, серьезной стороной своего творенія. Для изображенія яркой картины цѣлого общества юношескія силы оказывались слабыми.

Грибоѣдовъ не остался безучастнымъ къ военнымъ событіямъ 1812 г. (въ это время онъ уже вышелъ изъ университета). Въ драмѣ своей, о которой говорено выше, онъ громитъ пассивность извѣстной части общества и въ особенности налегаетъ на ополченіе «безъ дворянъ». Самъ онъ потому горѣлъ желаніемъ стать въ ряды народнаго войска; но обстоятельства воспрепятствовали этому намѣренію. Грибоѣдовъ очутился въ гусарскомъ полку графа Салтыкова, сбиравшагося и снаряжаемаго порядочно таки туго и, черезъ время, за смертію графа, вовсе распущеннаго. Неудачи, однако, не охладили патріотическаго порыва Грибоѣдова. Горя желаніемъ принять дѣятельное участіе въ воен-

ныхъ дѣйствіяхъ, онъ поступаетъ въ Иркутскій гусарскій полкъ и 1813 г. застаетъ его уже на стоянкѣ въ одномъ изъ литовскихъ мѣстечекъ.

Неуходившіяся силы юности, относительная свобода, воспослѣдовавшая за цѣлыми годами принужденія въ чопорномъ, помѣшанномъ на приличіяхъ кружкѣ, увлекли Грибоѣдова на путь бурныхъ развлеченій и сомнительныхъ проказъ. Будущій творецъ «Горя отъ ума», вдругъ обратился въ завзятаго гусара, сообразно традиціямъ тогдашняго времени. Чтобъ охарактеризовать этотъ періодъ его жизни, приведемъ примѣръ: разъ Грибоѣдовъ, вмѣстѣ съ товарищами явился въ брестскій монастырь, прогналъ органиста, занялъ его мѣсто, началъ импровизацію, восхитившую всю церковь и затѣмъ, среди католической литургіи, заигралъ камаринскую. Прочія шалости были въ томъ-же родѣ. Къ счастію, однако, увлеченіе гусарскими замашками было непродолжительно. Покочевавъ по различнымъ мѣстечкамъ и городамъ, Грибоѣдовъ наконецъ, очутился въ Брестѣ, состоящимъ при командирѣ кавалерійскихъ резервовъ, генералѣ Кологривовѣ. Кологривовъ былъ человѣкъ новаго направленія. Около него группировались лучшіе люди, собирались представители мѣстной интеллигенціи. Грибоѣдовъ, мало стѣсняемый службой, снова обратился къ прерваннымъ литературнымъ занятіямъ. Въ «Вѣстникѣ Европы» одно за другимъ появляются два его письма, одно, относящееся до организаціи кавалерійскихъ резервовъ, другое, описывающее праздникъ въ честь Кологривова. Въ это же время возраждается у него страсть къ драматическимъ опытамъ, и онъ передѣлываетъ французскія комедіи (Молодые супруги —Le secret du ménage). Поддержку въ страсти своей къ театру молодой писатель нашелъ въ князѣ А. Шаховскомъ, извѣстномъ впослѣдствіи водевилистѣ, служившемъ въ это время тоже въ военной службѣ. Поворотъ Грибоѣдова на болѣе раціональный путь, разумѣется, совершился подъ

вліяніемъ его внутренняго настроенія. Судя по его письмамъ, надо предполагать, что перевороту этому былъ не чуждъ Бѣгичевъ, сначала принимавшій дѣятельное участіе въ различныхъ проказахъ, но затѣмъ скоро сознавшій ихъ пошлость и непривлекательность. Обмѣнъ мыслей, болѣе строгій анализъ окружающей среды повелъ и къ болѣе правильному взгляду, какъ на собственные поступки, такъ и на сотоварищей-гусаръ. Прежніе собутыльники обратились для Грибоѣдова въ «казарменныхъ готтентотовъ». Въ письмахъ своихъ онъ уже досадуетъ на «участь умныхъ людей большую часть жизни проводить съ дураками». Скалозубы, Горичевы, Репетиловы узнаются имъ среди тѣхъ самыхъ людей, вкусъ которыхъ онъ еще недавно раздѣлялъ.

Подъ вліяніемъ нравственнаго переворота Грибоѣдовъ мѣняетъ образъ занятій, и въ 1815 г. перебирается въ Петербургъ. Здѣсь онъ снова сталкивается съ Шаховскимъ и съ жаромъ отдается театру: пишетъ и переводитъ комедіи, водевили, разныя бездѣлки къ бенефисамъ знакомыхъ актеровъ. Такъ въ 1815 г. появляется на сценѣ его «Молодые супруги», въ 1817 г. — «Притворная невѣрность» (Les fausses infidelités, Барта), въ 1818 г. «Своя семья или замужняя невѣста», написанная вмѣстѣ съ Шаховскимъ и Хмѣльницкимъ, въ 1819 г. небольшая сцена «Проба интермедіи».

Раннія произведенія Грибоѣдова (исключеніе дѣлаетъ только «Своя семья») не отличались ни бойкостью, ни легкостью стиха. Загоскинъ напавшій въ «Сѣверномъ Наблюдателѣ» на молодаго драматурга и закончившій свой разборъ стихомъ изъ Мольеровской комедіи: «Такіе, графъ, стихи противъ поэзіи суть тяжкіе грѣхи» поплатился жестоко. Грибоѣдовъ, задѣтый за живое, отвѣтилъ своему зоилу мѣткимъ и злымъ «Лубочнымъ театромъ», бойкіе стихи котораго ужъ никакъ не подходили подъ опредѣленіе Загоскина.

Кромѣ театральныхъ пьесъ, Грибоѣдовъ въ названный

періодъ времени написалъ бездну мелкихъ замѣтокъ, писемъ, эпиграммъ, критическихъ статей, разсѣянныхъ по различнымъ современнымъ журналамъ. Друзей своихъ онъ энергично защищаетъ отъ нападокъ критиковъ. Такъ напримѣръ: на разборъ Гнѣдича Катенинской «Ольги», передѣланной изъ «Леноры» Бюргера, онъ отвѣчаетъ критикой, гдѣ сначала отражаетъ упреки въ нарушеніи правилъ грамматики и логики, а затѣмъ, пародируетъ Гнѣдича и начинаетъ придираться къ мелочамъ. Пародія мѣстами выходитъ очень удачная. Въ литературѣ Грибоѣдовъ не принадлежалъ ни къ одному изъ существовавшихъ лагерей и помѣщалъ статьи въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, не заботясь о ихъ окраскѣ. Цѣня, напримѣръ, Булгарина за готовность его исполнять всевозможныя порученія, онъ охотно отдавалъ свои сочиненія въ «Сынъ Отечества» и «Сѣверную Пчелу». Надо впрочемъ прибавить, что въ то время Булгаринъ не стоялъ еще такъ низко, какъ впослѣдствіи. За Грибоѣдовымъ онъ сильно ухаживалъ.

Въ Петербургѣ жизнь Грибоѣдова протекала довольно шумно. Онъ былъ окруженъ толпой молодежи, вращался среди завзятыхъ театраловъ, не былъ чуждъ и романическихъ похожденій, обыкновенно слагавшихся для него особенно благопріятно. Его бойкая и остроумная рѣчь составила ему быстро блестящую репутацію въ обществѣ. Но все это, тѣмъ не менѣе, не смущало его внутренняго міра, не прерывала его работы надъ собой, не нарушало независимости его взглядовъ и убѣжденій. «Кровь сердца всегда говорила у него въ лицѣ», пишетъ о немъ Бестужевъ (Марлинскій) въ своихъ воспоминаніяхъ, «никто не похвалится его лестью, никто не дерзнетъ сказать, что слышалъ отъ него неправду. Онъ могъ самъ обманываться, но обманывать другихъ—никогда. Твердость, съ которой онъ обличалъ порочныя привычки одного лица, несмотря на знатность особы, показалась бы инымъ Катоновской суровостью, даже

дерзостью». Страстнымъ, увлекающимся, правдивымъ, строгимъ къ другимъ и въ особенности къ себѣ — такимъ является Грибоѣдовъ всегда и всюду Лесть и подслуживанье для него невыносимы. Такъ съ Булгаринымъ, напримѣръ, онъ именно потому порвалъ сношенія, что тотъ засыпалъ его похвалами. Въ письмѣ своемъ къ нему онъ пишетъ: «Мои правила, правила благопристойности и собственное къ себѣ уваженіе не дозволяютъ мнѣ быть предметомъ похвалы незаслуженной». «Вы меня хвалили, какъ автора, а я именно, какъ авторъ, не произвелъ еще ничего истинно изящнаго».

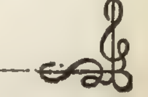
Увлеченный вліяніемъ времени, Грибоѣдовъ не избѣгъ масонства. Его имя значится въ числѣ членовъ ложи «Des-amis réunis» вмѣстѣ съ именами Пестеля, Норова, Чаадаева (1816 г.). Нельзя отрицать, что кружокъ масоновъ, наложилъ на Грибоѣдова также и свою печать. Взгляды его стали суровѣе, требованія отъ жизни строже. Онъ ознакомился съ новыми стремленіями, новыми интересами. Знакомство съ Пушкинымъ укрѣпило въ немъ серьозный взглядъ на призваніе литературы. Сближеніе съ Одоевскимъ расширило умственный горизонтъ.

Подъ вліяніемъ душевнаго перелома, порожденнаго названнымъ кружкомъ, Грибоѣдовъ принялся за передѣлку своего «Горе отъ ума» и набросалъ планъ, въ общихъ чертахъ вполнѣ схожій съ окончательной его редакціей. Общая картина московскаго кружка вылилась рельефно, только личность Чацкаго пока оставалась невыясненной, да нѣкоторыя частности являлись въ неудовлетворительномъ видѣ; нѣкоторыхъ и между прочимъ удачнѣйшихъ лицъ— напримѣръ Репетилова—не было, за то существовали вовсе ненужныя, какъ напримѣръ: жены Фамусова.

Выше мы говорили, что прототипомъ Фамусова послужилъ родной дядя Грибоѣдова, (дочь его — Софьей). Ошибочно, однако, было бы заключать, что авторъ представилъ

намъ фотографическія копіи съ дѣйствительныхъ личностей. Послѣднія служили ему лишь нѣкотораго рода руководной нитью; будучи истиннымъ художникомъ, Грибоѣдовъ заимствовалъ обликъ намѣченнаго лица, типъ же создавалъ самъ. Доказательствомъ тому служатъ догадки современниковъ, узнававшихъ въ одномъ и томъ же лицѣ разныхъ личностей (Хлестова, напримѣръ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, тетка Грибоѣдова, по другимъ — Офросимова, Скалозубъ—Паскевичъ, по другимъ—Аракчеевъ и проч).

Дуэль Шереметьева съ Завадовскимъ изъ-за извѣстной въ то время танцовщицы Истоминой, чуть не повлекшая за собой вторую дуэль между Якубовичемъ и Грибоѣдовымъ, повлекла за собой важную перемѣну въ жизни послѣдняго. Шереметевъ былъ убитъ на поваль. Произошелъ переполохъ. Хотя поединокъ Грибоѣдова съ Якубовичемъ и былъ отсроченъ на неопредѣленное время, въ виду несчастнаго окончанія перваго, но встревоженная семья Александра Сергѣевича стала упорнѣе, чѣмъ когда либо, настаивать на отъѣздѣ его изъ столицы. Поводовъ къ такому желанію было не мало. Во первыхъ, боялись за послѣдствія его участія въ названной исторіи, во вторыхъ, находили лучшимъ удалить его отъ соблазновъ большаго города, такъ какъ шалости молодого человѣка отчасти роняли его во мнѣніи бомонда, наконецъ въ третьихъ, семья, живя не по средствамъ нуждались въ матерьяльной помощи сына. Повѣренный въ дѣлахъ Персіи, Мазаровичъ, убѣждалъ Грибоѣдова принять мѣсто въ посольствѣ. (Съ 1817 г, Грибоѣдовъ былъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ). Послѣ долгой борьбы и колебаній онъ рѣшилъ пожертвовать собой ради семьи и въ послѣднихъ числахъ августа 1818 г. выѣхалъ изъ Петербурга. Въ одномъ изъ своихъ писемъ, разсказывая о всевозможныхъ уловкахъ, придумываемыхъ имъ для того, чтобы остаться въ столицѣ, онъ со смѣхомъ упоминаетъ о требованіи своемъ дать ему сразу два чина; зная,

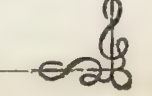

что этого не сдѣлаютъ, онъ нарочно притворялся одержимымъ бѣсомъ честолюбія, хотя никогда въ этомъ грѣхѣ повиненъ не былъ.

Хотя за новое, насильно навязанное дѣло Грибоѣдовъ брался неохотно, но разъ принявъ его на себя, онъ уже не считалъ возможнымъ относиться къ нему спустя рукава, а, по свойственной ему честности, отдался ему всей душой. Охраненіе интересовъ Россіи стало его первой заботой. Энергично заступается онъ за русскихъ подданныхъ, борется съ недоброжелательствомъ персидскихъ властей, отвѣчаетъ отпоромъ на враждебную намъ коалицію съ сыномъ шаха, Аббасъ-мирзой во главѣ, противодѣйствуетъ интригамъ представителей западныхъ европейскихъ державъ, добивается возврата въ Россію насильно задерживаемыхъ въ Персіи русскихъ плѣнныхъ и различныхъ кавказскихъ жителей, бѣжавшихъ во время войны во владѣнія шаха.

Тяжкимъ гнетомъ ложатся ему на душу всевозможныя дрязги; онъ скучаетъ и возмущается окружающей средой, деспотизмомъ и надменностью, тѣсно перепутанныхъ съ рабствомъ и уничиженіемъ. Отдохновеніе Грибоѣдовъ находилъ только въ своихъ литературныхъ занятіяхъ. «Сильная воля его укрѣпилась, говоритъ Бѣгичевъ, всегдашнее его любознаніе не имѣло уже преграды и разсѣянія. Онъ много читалъ по всѣмъ предметамъ, по всѣмъ отраслямъ науки и много учился». Доказательствомъ справедливости этихъ словъ, между прочимъ, можетъ служить усидчиво занятіе Грибоѣдова во время пребыванія въ Персіи, персидскимъ и арабскимъ языками, на столько помогшее ему ознакомиться съ знаніемъ быта и людей Востока, что вскорѣ онъ невольно выдвинулся изъ ряда прочихъ дипломатовъ.

«Горе отъ ума» всецѣло заняло Грибоѣдова въ его «дипломатическомъ монастырѣ», какъ онъ называетъ посольство. Онъ не разставался болѣе съ своимъ твореніемъ и

всѣ досуги посвящалъ тщательной его обработки. Оставаясь вдали отъ рисуемой имъ среды, онъ легче могъ воспроизвести общую ея картину, обогатясь жизненнымъ опытомъ, могъ шире взглянуть на свою задачу. Ярче сознавая недостатки тогдашняго общества, онъ, естественно, опредѣленнѣе сознавалъ и тотъ идеалъ, къ которому слѣдовало стремиться. Личность Чацкаго, такимъ образомъ, сама собой, обрисовалась Грибоѣдову.

Современники много спорили о томъ, кого именно хотѣлъ изобразить Грибоѣдовъ въ лицѣ своего героя. Нѣкоторые указывали на Чаадаева, другіе на Катенина. Творецъ Онѣгина сразу понялъ, что въ этомъ носителѣ всѣхъ лучшихъ стремленій, въ горячемъ и безпощадномъ обличителѣ Фамусовыхъ, Скалозубовъ и проч., могъ воплощаться только самъ Грибоѣдовъ. Другаго толкованія Чацкаго было бы безполезно и искать. Въ немъ авторъ излилъ все, что наболѣло на душѣ, высказалъ все то, что часто и мучило его самого.

Попавъ въ Персію противъ воли, обогатившись лишь печальнымъ опытомъ, Грибоѣдовъ, естественно всей душой рвался оттуда. Наконецъ онъ нашелъ себѣ покровителя въ лицѣ А. П. Ермолова, сначала сердившагося на него за дуэль съ Якубовичемъ, но потомъ оцѣнившаго его за энергію и отвагу. Особенно поразилъ Ермолова одинъ эпизодъ, а именно, когда Грибоѣдовъ сталъ самъ во главѣ колонны измученныхъ плѣнниковъ и бѣглецовъ и, не боясь преслѣдованій, провелъ ее до самой границы Россіи. Въ концѣ 1821 г. Грибоѣдовъ былъ посланъ въ Тифлисъ для сообщенія о войнѣ, вспыхнувшей между Персіей и Турціей. Ермоловъ, зная о желаніи Грибоѣдова не возвращаться болѣе въ Персію, выхлопоталъ ему при себѣ мѣсто секретаря. Предлогомъ къ тому послужило слѣдующее обстоятельство: проѣздомъ изъ Персіи Грибоѣдовъ переломилъ въ двухъ мѣстахъ руку. Врачъ, пользовавшій его, такъ неудачно ис-

полнилъ свою обязанность, что по прибытіи въ Тифлисъ руку пришлось переломить снова. Ермоловъ сослался на необходимость продолжительнаго леченія и просьба его была уважена.

Въ 1822 г. мы находимъ уже Грибоѣдова въ Тифлисѣ. Первое время онъ чувствовалъ себя тамъ относительно счастливымъ. Онъ встрѣтилъ людей, съ которыми могъ бесѣдовать о занимавшихъ его вопросахъ, сошелся съ нѣкоторыми семейными кружками, (въ одномъ изъ нихъ онъ встрѣчался съ княжной Ниной Чавчавадзе, вышедшей за него впослѣдствіи замужъ), наконецъ обрѣлъ столь дорогое ему фортепьяно, по которомъ такъ скучалъ въ Персіи. Въ Тифлисѣ же окончены Грибоѣдовымъ и первыя два дѣйствія «Горе отъ ума».

Скоро, однако, прежняя тоска овладѣла душой Александра Сергѣевича. Въ письмѣ къ Бѣгичеву онъ пишетъ: «меня занимаетъ борьба горной и лѣсной свободы съ барабаннымъ просвѣщеніемъ» и далѣе «обѣщаю, что мы будемъ вѣшать и прощать, и плюемъ на исторію». Здѣсь изъ-подъ шутки слышатся уже слезы. Кромѣ того Грибоѣдовъ начиналъ сознавать, что долгое отсутствіе изъ той среды, которую рисовалъ онъ въ своемъ твореніи, нѣсколько затуманило краски. Оживить хотѣлось ему воспоминанія и онъ, таки, наконецъ, добился отпуска, хотя и кратковременнаго. Побывавъ въ Москвѣ и Петербургѣ въ 1823 г. онъ на слѣдующій годъ, испросивъ заграничный отпускъ, и не воспользовавшись имъ, снова уѣхалъ туда и на этотъ разъ остался тамъ долѣе года.

Свидѣвшись съ Бѣгичевымъ Грибоѣдовъ тотчасъ-же приступилъ къ чтенію своей комедіи. Первый актъ вызвалъ нѣкоторыя замѣчанія. Сначала Грибоѣдовъ нѣсколько обидѣлся на друга, но затѣмъ обдумалъ и сжегъ написанное. «Не безпокойся, сказалъ онъ Бѣгичеву, заставшему его передъ печкой, все готово въ головѣ моей». Черезъ недѣ-

лю актъ былъ оконченъ въ новой редакціи. Москва подѣйствовала на Грибоѣдова возбуждающе. Обиліе матерьяла увлекло его. Онъ усердно сталъ посѣщать балы, пикники, собранія, всюду черпая краски для своей картины. Общество показалось ему сильно измѣнившемся и притомъ въ неблагопріятную сторону. Консервативные элементы, равно какъ и элементы противоположные имъ мало удовлетворяли его. Онъ столкнулся довольно близко съ кружкомъ декабристовъ, по словамъ Бѣгичева, сочувствовалъ желанію нѣкоторыхъ перемѣнъ, но въ общемъ, ясно видѣлъ слабыя стороны тайнаго союза и даже смѣялся надъ второстепенными его дѣятелями. Подъ этими именно впечатлѣніями и созданъ имъ Репетиловъ.

Въ концѣ 1824 г. Грибоѣдовъ переѣхалъ въ имѣніе Бѣгичева, село Дмитріевское (Тульской губ., Ефремовскаго уѣзда) и тамъ, въ уединеніи, приступилъ къ окончательной обработкѣ своего излюбленнаго творенія. Черновой планъ комедіи ясно свидѣтельствуетъ, съ какой тщательностью обработывалъ онъ каждый стихъ, какъ старался достичь возможнаго совершенства даже во внѣшней формѣ.

Первоначально Грибоѣдовъ не предназначалъ своей комедіи для сцены. Разъ, однако, знакомому его сестры, графу Вьельгорскому, попалъ случайно въ руки отрывокъ изъ «Горя отъ ума». Графъ пришелъ въ такой восторгъ, такъ настоятельно требовалъ выдачи остальнаго, что Грибоѣдовъ сдался: это рѣшило участь комедіи. Вьельгорскій сталъ показывать рукопись своимъ знакомымъ, молва разнеслась мигомъ и общей энтузіазмъ поневолѣ увлекъ и самого Грибоѣдова. Онъ поддался искушенію и пріѣхавъ въ Петербургъ лѣтомъ 1824 г. сталъ дѣятельно хлопотать о постановкѣ своей комедіи. Но здѣсь его встрѣтили новыя огорченія: ради цензурныхъ соображеній ему пришлось урѣзывать и смягчать нѣкоторыя изъ лучшихъ мѣстъ. Урѣзки

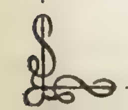
ети, впрочемъ, послужили отчасти на пользу: нѣкоторые немного растянутые стихи сжаты, слогъ выровненъ.

Въ Петербургѣ комедія возбудила общей восторгъ. Въ Москвѣ же извѣстная часть общества заволновалась. Мало по малу усердная агитація, ведомая лицами яко бы узнавшими себя въ осмѣянныхъ личностяхъ, переползла и на берегъ Невы. Къ постановкѣ пьесы на сценѣ возникли серьезныя препятствія, Грибоѣдову пришлось разстаться съ своими иллюзіями. Судьбѣ было угодно, чтобъ авторъ увидѣлъ свое безсмертное произведеніе только разъ, да и то на любительскомъ театрѣ. Въ 1827 г. въ Эривани, въ его присутствіи «Горе отъ ума» было разъиграно офицерами на сценѣ, устроенной по мысли генерала Красовскаго, въ бывшемъ дворцѣ персидскихъ сердарей. Въ Петербургѣ же комедія дана въ первый разъ лишь 26 января 1831 г. въ Москвѣ — 27 ноября того же года, т. е. 2 года спустя послѣ смерти ея автора.

Полное изданіе «Горя отъ ума» появилось тоже лишь въ 1833 г. да и то съ значительными урѣзками. Раньше (1825 г.) оно напечатано въ видѣ отрывковъ въ альманахѣ Булгарина «Русская Талія». Масса читателей ознакомилась съ комедіей изъ рукописныхъ списковъ, которыхъ насчитываютъ до сорока тысячъ.

Въ злобныхъ и явно недоброжелательныхъ критикахъ на «Горе отъ ума» не было не достатка. Особеннымъ усердіемъ въ этомъ направленіи отличался М. А. Дмитріевъ, писавшій въ «Вѣстникѣ Европы» Каченовскаго.

Грубую брань зоиловъ Грибоѣдовъ сносилъ молча, не принимая ни какого участія въ спорахъ. Онъ даже удерживалъ отъ этого и друзей своихъ. За то въ другомъ направленіи литературная дѣятельность его значительно расширяется и онъ съ особеннымъ рвеніемъ придается поэзіи. Въ «Сѣверную Пчелу» и «Сынъ Отечества» онъ еще съ Кавказа присылалъ небольшія корреспонденціи и стихотво-

ренія (Хищники на Кавказѣ). Здѣсь же написаны имъ «Востокъ», отрывки изъ поэмы «Кальянчи» торжественный прологъ на открытіе новаго театра въ Москвѣ, оставшійся впрочемъ неоконченнымъ, «Домовой» дошедшій до насъ только въ отрывкѣ, опера-водевиль: «Кто братъ? Кто сестра? или «За обманомъ обманъ», написанная вмѣстѣ съ кн. П. А. Вяземскимъ.

Когда срокъ заграничнаго отпуска истекъ, Грибоѣдовъ принужденъ былъ возвратиться въ Грузію. Путь туда онъ избралъ объѣздомъ черезъ Кіевъ и Крымъ, гдѣ онъ посѣтилъ всѣ, даже мельчайшіе уголки южнаго берега. По видимому онъ искалъ новыхъ вдохновеній, но послѣднее почему-то не являлось и Грибоѣдовъ приходилъ отъ этого въ отчаяніе, сомнѣваясь даже въ своемъ талантѣ. Плодомъ этого путешествія остался лишь черновой дневникъ, въ которомъ Грибоѣдовъ, въ сжатой формѣ, набрасывалъ свои впечатлѣнія и мысли. Обширность его знаній, острота соображенія, отражающіяся въ этихъ наброскахъ, поражаютъ невольно.

Грибоѣдовъ настигъ Ермолова въ Екатериноградской станицѣ, откуда снаряжалась экспедиція. Здѣсь до него достигла вѣсть о событіяхъ 14 декабря. Вскорѣ къ Ермолову прибылъ фельдъегерь съ приказаніемъ немедленно арестовать Грибоѣдова, захватить всѣ его бумаги и выслать въ Петербургъ. Ермоловъ предупредилъ Грибоѣдова о грозящей опасности, затѣмъ исполнилъ требуемыя формальности и донесъ военному министру, что взялъ Грибоѣдова такъ, что онъ не успѣлъ истребить своихъ бумагъ. При этомъ онъ рѣшился замолвить о Грибоѣдовѣ доброе слово, отозвавшись съ большей похвалой о его служебныхъ и дѣловыхъ способностяхъ.

Въ Петербургѣ Грибоѣдовъ былъ посаженъ въ особомъ помѣщеніи при главномъ штабѣ, откуда его водили въ крѣпость для допросовъ. Мать его, при первомъ извѣстіи объ

арестѣ сына разразилась бранью и упреками. Грибоѣдовъ, не сознавая за собой никакой серьезной вины, томился отъ скуки и ссорился съ надсмотрщиками. Многіе изъ лицъ, имѣвшихъ непосредственное отношеніе къ слѣдствію, принимали участіе въ судьбѣ Грибоѣдова Видя какъ Грибоѣдовъ пишетъ вопросы на вопросные пункты—а онъ писалъ, по своей всегдашней привычкѣ, смѣло и правдиво, одно очень вліятельное лицо сказало ему: «Александръ Сергѣевичъ! Что вы пишете! Пишите: знать не знаю, вѣдать не вѣдую?» Грибоѣдовъ послѣдовалъ совѣту.

Выходки Репетилова по поводу «секретнѣйшаго союза Князя Григорія», показанія виновниковъ катастрофы что они ему, какъ и Пушкину, не говорили *всего*, оберегая талантъ такого человѣка, который можетъ прославить Россію и находя, что его слѣдуетъ оберечь отъ всякихъ невзгодъ и случайностей» значительно облегчили роль слѣдователей и помогли имъ уяснить полную невиновность Грибоѣдова. Послѣдній былъ освобожденъ и даже награжденъ слѣдующимъ чиномъ.

Первое время его вторичнаго пребыванія на Кавказѣ, было крайне тягостно. «Два старшихъ генерала ссорятся, а съ подчиненныхъ перья летятъ» писалъ онъ. Отношенія его къ Ермолову становились все холоднѣе. Онъ сталъ замѣчать въ немъ эгоизмъ и подверженность страстямъ. Наконецъ Паскевичъ принялъ на себя намѣченную роль и тягостное положеніе дѣлъ прекратилось. Грибоѣдовъ занялъ при немъ то же мѣсто, какое занималъ и при предшественникѣ. Начатая еще при Ермоловѣ персидская война, разгорѣлась. Скоро Паскевичу, а съ нимъ и Грибоѣдову, пришлось присоединиться къ дѣйствующей арміи. Грибоѣдовъ участвовавшій во всѣхъ битвахъ, поражалъ всѣхъ своей неустрашимостью. Замѣтивъ разъ въ себѣ волненіе при близкомъ паденіи ядра, Александръ Сергѣевичъ вздумалъ пріучать себя переносить опасность и съ этою цѣлью разъ-

ѣзжалъ въ открытыхъ мѣстахъ, заранѣе назначивъ, сколько именно выстрѣловъ слѣдуетъ переждать ему. Когда Аббасъ-Мирза, разбитый на голову подъ Нахичеванью, сталъ просить о мирѣ, для переговоровъ съ нимъ былъ посланъ Грибоѣдовъ. Зная хорошо персовъ, Грибоѣдовъ не далъ ввести себя въ обманъ и, не смотря на притворную податливость враговъ, въ донесеніи своемъ, предрекъ возобновленіе враждебныхъ дѣйствій. Дальновидность Грибоѣдова, совѣтамъ котораго послѣдовали, ускорила развязку войны. Новое внезапное нападеніе было отражено и, при посредствѣ Грибоѣдова, заключенъ Туркманчайскій договоръ, чрезвычайно выгодный для Россіи. Персія обязалась выплатить большую контрибуцію.

Въ 1828 г. Паскевичъ поручилъ Грибоѣдову доставить оффиціальное отношеніе о результатахъ кампаніи и послѣдній отправился въ Петербургъ.

Пребываніе его въ столицѣ было не долго. Его осыпали почестями и, въ заключеніе, назначили полномочнымъ министромъ въ Тегеранъ. Грибоѣдовъ между тѣмъ, мечталъ совсѣмъ объ иномъ. Въ головѣ его созрѣлъ планъ новаго творенія, къ несчастію сохранившагося лишь въ видѣ отрывка, но обѣщавшаго развиться въ оригинальную вещь, полную поэзіи и силы: Грузинской ночи. Ему хотѣлось сбросить съ себя оффиціальный мундиръ, уединиться, отдаться всецѣло своему вдохновенію. Судьба судила иначе. Въ разговорѣ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ, Грибоѣдовъ, увлекшись соображеніями о благѣ Россіи, горячо доказывалъ необходимость уравнять права русскаго полномочнаго въ Тегеранѣ съ правами представителя Англіи. Соглашаясь съ его доводами подумали, что рѣчь заключаетъ намекъ, полупросьбу. Слѣдствіемъ такого недоразумѣнія явилось вышеозначенное назначеніе.

Грустный, съ недобрыми предчувствіями отправлялся Грибоѣдовъ на свой почетный постъ. Проводы друзей походили скорѣй на похороны.

Увлекая Грибоѣдова на роковой путь, судьба точно пожелала подъ конецъ подарить его минутой счастья. Княжна Нина Чавчавадзе давно уже нравилась Грибоѣдову. Проѣзжая Тифлисъ, Грибоѣдовъ снова встрѣтился съ нею и, неожиданно для себя, сдѣлалъ ей предложеніе. Оно было принято. Затѣмъ Грибоѣдову пришлось присоединиться къ отряду и только по окончаніи кампаніи вернулся онъ, больной лихорадкою, къ невѣстѣ. Свадьба была сыграна и онъ, съ молодой женой, сіяя счастьемъ, пустился далѣе. Письма его ясно отражаютъ то блаженное состояніе, какое испытывалъ онъ, но въ тоже время въ нихъ, то тутъ, то тамъ, проскользаютъ грустныя нотки,—какъ бы предчувствіе близкой смерти.

Въ Таврисѣ Грибоѣдовъ оставилъ жену, а самъ отправился въ Тегеранъ, обѣщая вернуться скоро. Изъ Тегерана прибылъ только обезображенный трупъ его.

Мы знаемъ уже, что ни Грибоѣдовъ къ персіянамъ, ни персіяне къ нему не питали симпатіи. Въ Тегеранѣ онъ сразу принялъ твердое, но вызывающее положеніе, иногда шедшее въ разрѣзъ съ принятыми на Востокѣ приличіями и обычаями. Имъ, разумѣется, главнымъ образомъ руководило желаніе своей твердостью внушить уваженіе къ Россіи. Результаты, однако, получились плачевные. Настойчивость его при требованіи уплаты контрибуціи, освобожденіе русскихъ плѣнныхъ, нарушеніе этикета, все это возстановляло противъ него шаха и способствовало планамъ его личныхъ враговъ, къ числу которыхъ принадлежалъ зять шаха, Ала-Яръ-Ханъ. Къ этому еще присоединялось буйное поведеніе нѣкоторыхъ подчиненныхъ Грибоѣдова, возстановлявшихъ противъ себя народъ. Предлогомъ къ катастрофѣ послужило слѣдующее обстоятельство.

Главный евнухъ гарема шаха, Мирза-Якубъ, бывшій русскій подданный, просилъ Грибоѣдова содѣйствовать возвращенію его на родину. Грибоѣдовъ, по своей привычкѣ,

взялся за дѣло съ жаромъ. Между тѣмъ, опасаясь разоблаченія различныхъ тайнъ, персидское правительство поспѣшило всѣми силами воспрепятствовать этому плану. Якуба то обвиняли въ воровствѣ, то назначали надъ нимъ верховный судъ. Грибоѣдовъ ни останавливался ни передъ чѣмъ. Тогда враждебная партія, съ духовенствомъ во главѣ, стала возбуждать народъ, поджигая его къ явному насилію. Къ несчастью въ это же время въ домѣ посольства укрылись двѣ русскія подданныя. На этотъ фактъ поспѣшили указать, какъ на нѣчто неслыханное, какъ на вмѣшательстно иностранцевъ въ мѣстныя дѣла — и бунтъ вспыхнулъ. 3-го января 1829 г., толпа разъяреннаго народа ворвалась въ посольство, смяла караулъ, одолѣла горсть отстрѣливавшихся казаковъ. Грибоѣдовъ, не знавшій страха, явился во главѣ своихъ людей, съ саблей въ рукѣ. Онъ былъ узнанъ толпой и варварски умерщвленъ. Кромѣ него погибло 37 человѣкъ русскихъ. Домъ разграбленъ. Спасся одинъ секретарь посольства, Мальцевъ, съ неимовѣрными усиліями ускользнувшій изъ Тегерана.

Разогнать толпу власти явились только тогда, когда все было кончено. Есть основаніе думать, что англійское посольство не было совершенно чуждо интриги. Повидимому шахъ и его союзники хотѣли устрашить русскихъ нападеніемъ. Убійствъ не ожидали. Ихъ импровизовала толпа.

Изувѣченное тѣло Грибоѣдова узнали только по пальцу, сведенному вслѣдствіе раны, полученной на дуэли съ Якубовичемъ — перевезли въ Тифлисъ и на дорогѣ ему оказывали большія почести. Сообразно желанію покойнаго, бренныя останки его преданы землѣ въ монастырѣ св. Давида, на той самой горѣ, съ которой онъ любилъ любоваться видомъ Тифлиса. На могилѣ Грибоѣдова стоитъ бронзовый крестъ. Колѣнопреклоненная женская фигура, обхватываетъ его руками. У подножія лежитъ книга «Горе отъ ума».

VIII.

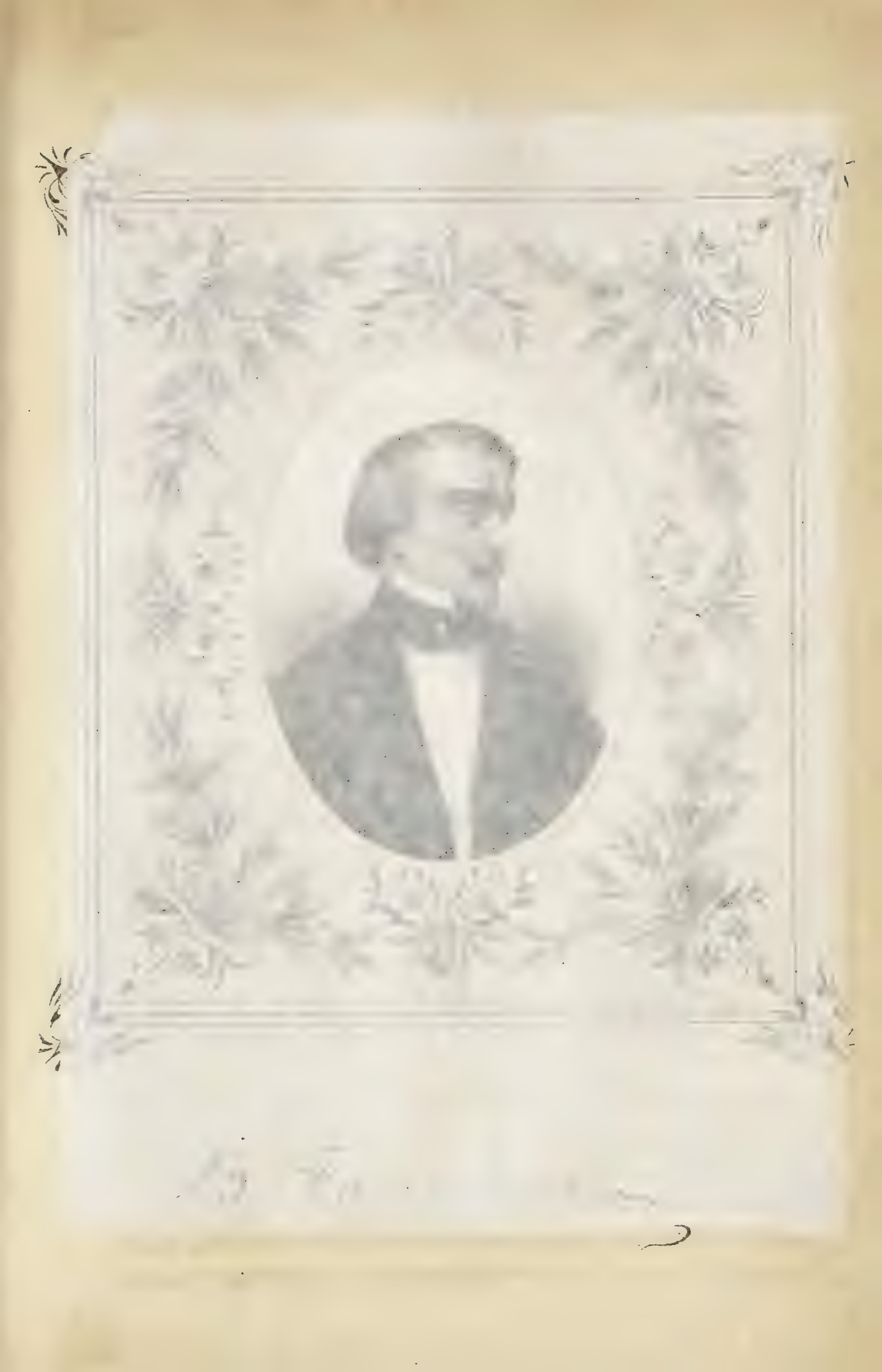
Виссарiонъ Григорьевичъ Бѣлинскiй.

1810—1848 гг.

Виссарiонъ Григорьевичъ родился въ февралѣ 1810 г. Отецъ его, Григорiй Никифоровичъ «Бѣлынскiй», былъ сынъ священника села Бѣлыни, Нижнеломовскаго уѣзда, Пензенской губ. Получивъ первоначальное образованiе въ пензенской семинарiи, гдѣ вѣроятно и дана была ему по имени роднаго села фамилiя, смягченная впослѣдствiи Виссарiономъ Григорьевичемъ, онъ поступилъ въ петербургскую медицинскую академiю, окончилъ въ ней курсъ лекаремъ и и началъ службу свою, въ 1809 г., въ Балтiйскомъ флотѣ. Скоро онъ женился въ Кронштадтѣ, на дочери флотскаго офицера, а въ 1810 г., во время стоянки флотскаго экипажа, въ которомъ служилъ Григорiй Никифоровичъ, въ Свеаборгѣ, у него родился первый сынъ Виссарiонъ. Въ 1816 г., онъ оставилъ службу во флотѣ и былъ назначенъ уѣзднымъ врачемъ въ г. Чембаръ.

Дѣтскiе годы Виссарiона Григорьевича были весьма тяжелы, вслѣдствiе семейнаго разлада и несчастныхъ качествъ его отца. Нельзя сказать, чтобы послѣднiй былъ вполнѣ недостойнымъ человѣкомъ; по свидѣтельству многихъ близ-

VIII.

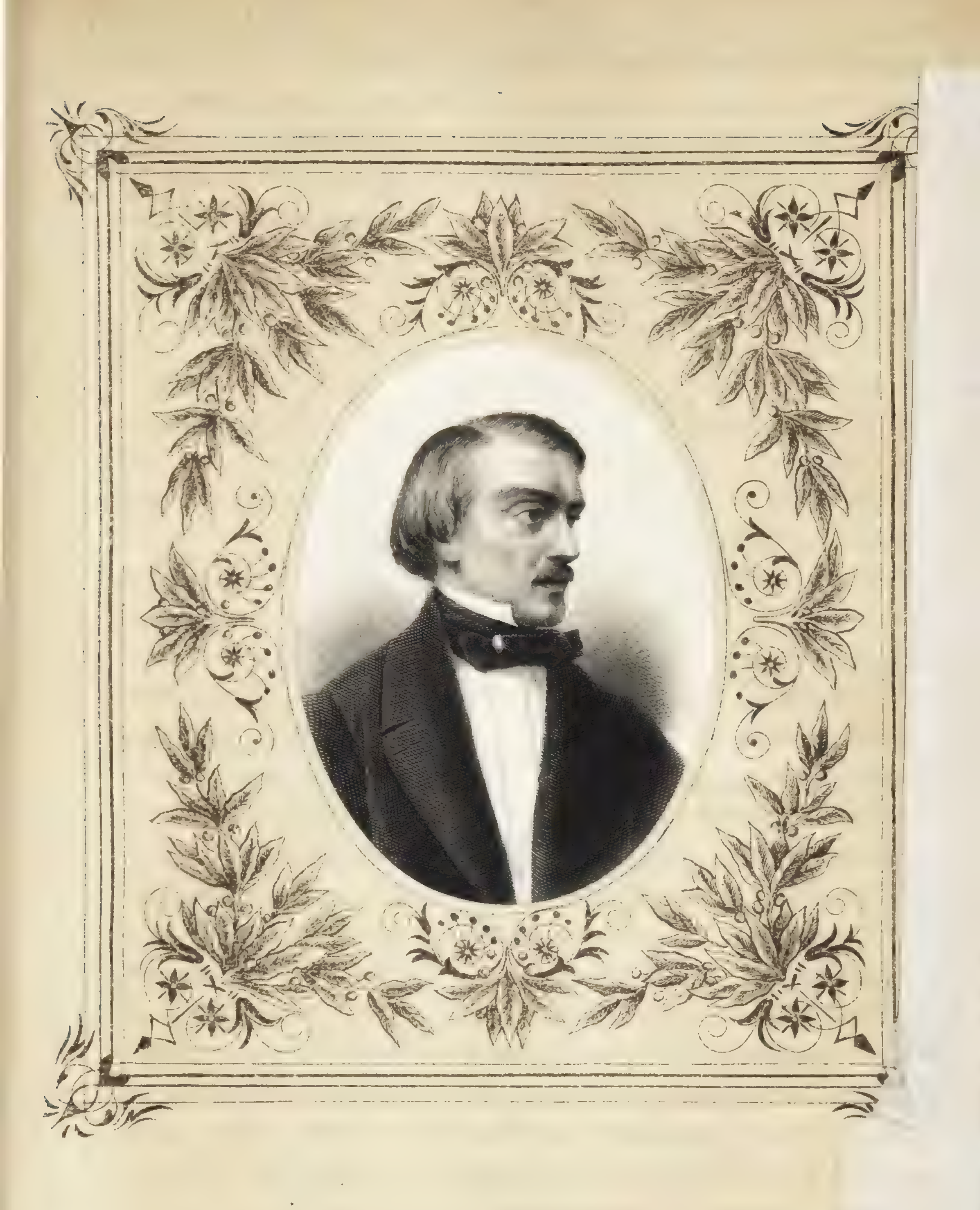
Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій.

1810—1848 гг.

Виссаріонъ Григорьевичъ родился въ февралѣ 1810 г. Отецъ его, Григорій Никифоровичъ «Бѣлынскій», былъ сынъ священника села Бѣлыни, Нижнеломовскаго уѣзда, Пензенской губ. Получивъ первоначальное образованіе въ пензенской семинаріи, гдѣ вѣроятно и дана была ему по имени роднаго села фамилія, смягченная впослѣдствіи Виссаріономъ Григорьевичемъ, онъ поступилъ въ петербургскую медицинскую академію, окончилъ въ ней курсъ лекаремъ и и началъ службу свою, въ 1809 г., въ Балтійскомъ флотѣ. Скоро онъ женился въ Кронштадтѣ, на дочери флотскаго офицера, а въ 1810 г., во время стоянки флотскаго экипажа, въ которомъ служилъ Григорій Никифоровичъ, въ Свеаборгѣ, у него родился первый сынъ Виссаріонъ. Въ 1816 г., онъ оставилъ службу во флотѣ и былъ назначенъ уѣзднымъ врачемъ въ г. Чембаръ.

Дѣтскіе годы Виссаріона Григорьевича были весьма тяжелы, вслѣдствіе семейнаго разлада и несчастныхъ качествъ его отца. Нельзя сказать, чтобы послѣдній былъ вполнѣ недостойнымъ человѣкомъ; по свидѣтельству многихъ близ-

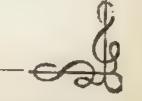

В. Бѣлинскій

кихъ къ Бѣлинскимъ людей, не мало можно было найти въ Григоріѣ Никифоровичѣ и хорошихъ чертъ. Онъ былъ все-таки человѣкъ образованный, чуждый многихъ предразсудковъ, честенъ и прямъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ недовѣрчивъ, лѣнивъ и безпеченъ. Вслѣдствіе послѣднихъ качествъ, онъ разошелся съ уѣзднымъ обществомъ, растерялъ практику, и не находя разумнаго сочувствія въ семействѣ, сталъ болѣе и болѣе предаваться пьянству. Мать Виссаріона Григорьевича была женщина добрая, но неразвитая, раздражительная и сварливая. Различіе характеровъ и взглядовъ, а также недостатокъ матеріальныхъ средствъ вели къ постояннымъ ссорамъ между нею и Григоріемъ Никифоровичемъ. Ссоры эти и общій незаладъ жизни нехорошо отзывались на дѣтяхъ, невинныхъ мученикахъ домашняго ада. Есть свидѣтельства, что Виссаріону Григорьевичу приходилось выносить въ дѣтствѣ даже побои отца... Грамотѣ и письму учился Бѣлинскій у мѣстной чембарской учительницы, дочери чиновника, Цитровской, обучившей на своемъ вѣку цѣлыя поколѣнія горожанъ, шедшихъ къ ней по недостатку школъ. Онъ продолжалъ ученіе дома, занявшись подъ руководствомъ отца латынью, а затѣмъ поступилъ въ открывшееся чембарское уѣздное училище.

Первоначально весь штатъ училища состоялъ изъ одного смотрителя Грекова, добраго и кроткаго человѣка, но затѣмъ были приглашены еще два преподавателя—для закона Божія и русскаго языка. Нравы въ училищѣ были самые патріархальные: учителя нерѣдко оставляли учениковъ и уходили домой, а ученики тогда отправлялись цѣлымъ училищемъ купаться. Въ 1823 г. чембарское училище ревизовалъ Лажечниковъ, извѣстный писатель, бывшій тогда директоромъ училищъ Пензенской губерніи, и тогда-же замѣтилъ Бѣлинскаго, поразившаго его своими выдающимися способностями. Вотъ какъ разсказываетъ объ этомъ самъ Лажечниковъ: «Во время дѣлаемаго мною экзамена высту-

пилъ передо мною, между прочими учениками, мальчикъ лѣтъ 12-ти, котораго наружность съ перваго взгляда привлекла мое вниманіе. Лобъ его былъ прекрасно развитъ, въ глазахъ свѣтлѣлся разумъ не по лѣтамъ; худенькій и маленькій, онъ, между тѣмъ, на лицо казался старѣе, чѣмъ показывалъ его ростъ. Смотрѣлъ онъ очень серьезно... На всѣ дѣлаемые ему вопросы, онъ отвѣчалъ такъ скоро, легко, съ такою увѣренностію, будто налеталъ на нихъ, какъ ястребъ на свою добычу (отчего я тутъ же прозвалъ его ястребкомъ), и отвѣчалъ большею частію, своими словами, прибавляя ими то, чего не было даже въ казенномъ руководствѣ. Доказательство, что онъ читалъ и книги, не положенныя въ классахъ. Я особенно занялся имъ, бросался съ нимъ отъ одного предмета къ другому, связывая ихъ непрерывною цѣпью, и, признаюсь, старался сбить его... Мальчикъ вышелъ изъ труднаго испытанія съ торжествомъ»... Послѣ экзамена Лажечниковъ подарилъ мальчику книгу, которую тотъ принялъ «безъ особеннаго радостнаго увлеченія, какъ должную себѣ дань, безъ низкихъ поклоновъ, которымъ учатъ бѣдняковъ».

Въ августѣ 1825 г. Бѣлинскій перешелъ въ пензенскую гимназію, въ которой пробылъ три съ половиною года. Гимназіи того времени вообще находились въ плохомъ положеніи и пензенская не представляла собой исключенія. Страдали онѣ отъ недостатка въ способныхъ и опытныхъ преподавателяхъ, отъ отсутствія правильныхъ методовъ преподаванія, недостаточнаго контроля надъ нимъ и особенно по совершенному прекращенію надолго преподаванія нѣкоторыхъ предметовъ, вслѣдствіе выхода учителей изъ заведенія. А выходы эти были часты, такъ какъ по плохому матеріальному положенію, учителя изъ своекоштныхъ студентовъ пребывали въ гимназіи только для полученія ассесорскаго чина, дававшаго право на дворянство, казенные же студенты отбывали обыкновенно только обязатель-

ный срокъ. Оставались въ заведенiи болѣе продолжительное время, главнымъ образомъ, менѣе даровитые, неспособные и т. п. Первая сцена, которую встрѣтилъ напр. вновь прiѣхавшiй въ гимназiю директоръ, незадолго до поступленiя туда Бѣлинскаго, было «погребенiе кота мышами», какъ объясняли ученики, выносившiе на рукахъ изъ класса учителя словесности, понятно въ какомъ видѣ. Правда, къ поступленiю въ гимназiю Бѣлинскаго, порядки въ ней улучшились, но во всякомъ случаѣ положенiе училища все еще оставалось очень неблагопрiятнымъ.

Изъ лучшихъ учителей въ то время были двое преподавателей математики Ляпуновъ и Протопоповъ, — латинскаго языка Дмитревскiй и особенно преподаватель естественной исторiи М. М. Поповъ, «кладъ для гимназiи», по выраженiю Лажечникова. Поповъ преподавалъ только въ двухъ высшихъ классахъ гимназiи — третьемъ и четвертомъ, но зналъ Бѣлинскаго и въ младшихъ по дружбѣ его съ одноклассникомъ своимъ, племянникомъ Попова. Замѣтивъ необыкновенную любознательность въ даровитомъ мальчикѣ, Поповъ всячески поощрялъ ее, давалъ ему читать книги и журналы, разрѣшалъ задаваемые имъ вопросы и часто бесѣдовалъ съ нимъ. Интересно свидѣтельство Попова, приводимое, Лажечниковымъ, о даровитости Бѣлинскаго. «По лѣтамъ и тогдашнимъ отношенiямъ нашимъ, онъ былъ неровный мнѣ; но не помню, чтобы въ Пензѣ съ кѣмъ нибудь другимъ я такъ душевно разговаривалъ, какъ съ нимъ, о наукѣ и литературѣ». Уже тогда Бѣлинскiй обнаруживалъ страстную любовь къ литературѣ, которую раздѣлялъ съ нимъ и учитель. Поповъ разсказываетъ, что лекцiи по естественнымъ наукамъ, по поступленiи Бѣлинскаго въ третiй классъ, часто превращались у него въ теорiю и исторiю литературы. «А гербаризацiя? Бывало, когда отправлюсь съ учениками до засѣки, что позади городскаго гулянья, или до рощей, что за рѣкой Темзой, Бѣлинскiй

пристаетъ ко мнѣ съ вопросами о Гете, Вальтеръ-Скоттѣ, Байронѣ, Пушкинѣ, о романтизмѣ и обо всемъ, что волновало въ то доброе время наши молодыя сердца».

Въ гимназіи Бѣлинскій учился далеко не удовлетворительно, хотя и перешелъ изъ перваго во второй классъ, а во второмъ получилъ даже за ученье награду. По словамъ Попова, онъ не чувствовалъ склонности къ математикѣ, а иностранные языки, географія, грамматика и все, что преподавалось по системѣ заучиванія, плохо шло ему въ голову. Вообще умъ Бѣлинскаго мало выносилъ познаній изъ школьнаго ученія, хотя память у него была отличная, сообразительность также очень развитая. Онъ много пріобрѣталъ познаній чтеніемъ и размышленіями. «Бывало проэкзаменуйте его, какъ обыкновенно экзаменуютъ дѣтей — онъ изъ послѣднихъ», говоритъ Поповъ, «а поговорите съ нимъ дома подружески, даже о точныхъ наукахъ — онъ первый ученикъ. Съ 1828 года Бѣлинскій сталъ неглижировать классными занятіями и въ январѣ 1829 г. отмѣчено въ гимназической вѣдомости, что за нехожденіе въ классъ, Бѣлинскій не рекомендуется, а въ февралѣ онъ былъ вычеркнутъ и совсѣмъ изъ списковъ за тоже. Это произошло потому, что Бѣлинскій задумалъ прямо поступить въ университетъ — лѣта ему дозволяли это, вступительный экзаменъ былъ легокъ, къ тому-же въ гимназіи за недостаткомъ учителей терялось много времени, да и вступленіе новаго директора (Протопопова) ознаменовалось непривычными для гимназистовъ строгостями. Къ Рождеству 1828 г. Бѣлинскій уѣхалъ подъ вліяніемъ своей мысли въ Чембаръ и уже не возвращался въ гимназію.

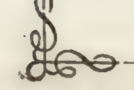
19-го сентября 1829 г. Виссаріонъ Григорьевичъ выдержалъ экзаменъ на поступленіе въ студенты московскаго университета, вскорѣ былъ принятъ, а затѣмъ подалъ просьбу о переходѣ на казенное содержаніе. Рѣшеніе по этой просьбѣ не могло быть раньше Рождества и Бѣлинскому

пришлось очень бѣдствовать за этотъ періодъ времени, къ тому же скоро потребовался значительный расходъ на форменное платье. Прося денегъ на платье, Бѣлинскій разсказываетъ въ письмѣ домашнимъ, «какъ профессоръ и инспекторъ Ч. грозился исключить даже всѣхъ ходящихъ на лекціи въ обыкновенной одеждѣ». Привести свою угрозу въ исполненіе онъ, конечно, не могъ, но Бѣлинскій всетаки опасался «навлечь негодованіе начальства».

Наконецъ Виссаріонъ Григорьевичъ былъ принятъ въ казеннокоштные и остался вначалѣ очень доволенъ новымъ своимъ положеніемъ. Въ письмахъ къ роднымъ онъ хвалитъ и столъ, и комнаты, и инспектора и пр. Скоро однако Бѣлинскому пришлось измѣнить свое мнѣніе. Въ письмѣ отъ 24 сентября 1830 г., мы встрѣчаемъ слѣдующій его отзывъ: «я теперь нахожусь въ такихъ обстоятельствахъ, что лучше бы согласился быть подъячимъ въ чембарскомъ земскомъ судѣ»... Онъ жалуется, что при новомъ инспекторѣ стѣсняютъ помѣщеніе студентовъ, плохо кормятъ ихъ и пр. Положеніе его ухудшилось еще вслѣдствіе личнаго столкновеніе съ начальствомъ. Какъ только я пріѣхалъ, пишетъ Бѣлинскій роднымъ въ февралѣ 1831 г., то ректоръ призвалъ меня въ правленіе и началъ бранить за то, что я поздно пріѣхалъ. Этимъ я обязанъ П. (прежнему инспектору), который тогда очень помнилъ меня и отрекомендовалъ меня ректору и Щ. (новому инспектору). Многіе казенные-же пріѣзжали гораздо позже меня и имъ за это ни слова не сказали. Передъ окончаніемъ холеры я не ночевалъ ночи двѣ или три дома Прихожу къ Щ. за однимъ дѣломъ, и онъ начинаетъ меня ругать!...

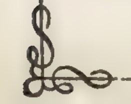
Въ кружкѣ студентовъ, сотоварищей Бѣлинскаго уже на первыхъ порахъ обнаружились литературные интересы. Завязывались безконечные споры о классицизмѣ и романтизмѣ, еще не оставленные тогда и въ литературѣ... Бѣлинскій, отличавшійся необыкновенною горячностью въ спо-

рахъ, былъ самымъ ревностнымъ поборникомъ романтизма, поклонникомъ Жуковскаго, Пушкина и др. и въ то время жестоко преслѣдовалъ онъ всякое литературное старовѣрство, все пошлое и фальшивое и немало доставалось отъ него не только Ломоносову, но и Державину за реторическіе стихи и пустозвонныя фразы. Мало по малу случайныя сходки товарищей въ 11-мъ нумерѣ, гдѣ жилъ Бѣлинскій, приняли болѣе правильный характеръ и образовалось нѣчто въ родѣ общества «Литературныхъ вечеровъ», главными учредителями котораго были Бѣлинскій и М. Б. Чистяковъ, впослѣдствіи извѣстный педагогъ. Члены общества разсуждали о прочитанномъ въ журналахъ, о лекціяхъ профессоровъ, читали также собственныя сочиненія и переводы, при чемъ имена авторовъ не назывались, для свободы критики. Президента общества не было; секретаремъ же былъ Чистяковъ. На этихъ вечерахъ Бѣлинскій прочиталъ написанную имъ около этого времени трагедію, которая была не первымъ произведеніемъ его пера, такъ какъ еще въ гимназіи онъ писалъ стихи, но бросилъ ихъ, убѣдившись въ отсутствіи поэтическаго таланта. На трагедію же онъ возлагалъ большія надежды, думая, что она произведетъ сильное впечатлѣніе въ литературѣ. Но она была совершенно неудачна: Бѣлинскій былъ тогда крайнимъ романтикомъ, трагедія его была наполнена убійствами и раздирательными сценами, очень ходульна и неестественна, хотя во всякомъ случаѣ замѣчательна по вліянію на его судьбу и какъ свидѣтельство о его настроеніи: въ ней былъ горячо затронутъ крѣпостной вопросъ. Въ то время Бѣлинскій очень увлекался театромъ, страсть къ которому у него обнаружилась еще въ Пензѣ, гдѣ онъ посѣщалъ спектакли, доваемые крѣпостными помѣщика Гладкова, содержавшаго пензенскій театръ. По инициативѣ инспектора студентовъ, профессора математики Щепкина, былъ устроенъ въ университетѣ домашній театръ. Костюмы доставались изъ Петров-

скаго театра, а актеръ Щепкинъ объяснялъ студентамъ сценическіе пріемы. Театръ шелъ удачно: искусная игра студентовъ и замѣчательная игра извѣстнаго тогда Радивилова на особой придуманной имъ балалайкѣ привлекали много московской публики. Увлеченіе этимъ театромъ и побудило Виссаріона Григорьевича представить свою трагедію въ цензурный комитетъ, состоявшій изъ университетскихъ профессоровъ, не смотря на предостереженіе Лажечникова и другихъ, что она положительно невозможна. Вотъ какъ самъ Бѣлинскій разсказываетъ въ письмѣ домашнимъ о послѣдовавшемъ результатѣ: «Прихожу черезъ недѣлю въ цензурный комитетъ и узнаю, что мое сочиненіе цензоровалъ Л. А. Ц... Прошу секретаря, чтобы онъ выдалъ мнѣ мою тетрадь; секретарь, вмѣсто отвѣта, подбѣжалъ къ ректору, сидѣвшему на другомъ концѣ стола, и вскричалъ: «Иванъ Алексѣевичъ! Вотъ онъ, вотъ г. Бѣлинскій!» Не буду много распространяться, скажу только, что несмотря на то, что мой цензоръ, въ присутствіи всѣхъ членовъ комитета, расхвалилъ мое сочиненіе и мои таланты какъ нельзя лучше, оно признано было безнравственнымъ, безчестящимъ университетъ, и о немъ составили журналъ!... Но послѣ — это дѣло уничтожено, и ректоръ сказалъ мнѣ, что обо мнѣ ежемѣсячно будутъ ему подаваться особенныя донесенія. — Каково это?... надѣялся на вырученную сумму откупиться отъ казны, жить на квартирѣ и хорошенько экипироваться — и всѣ мои блестящія мечты обратились въ противную дѣйствительность, горькую и бѣдственную...»

По разсказу Лажечникова неудача трагедіи очень тяжело отозвалась на Бѣлинскомъ: «Съ того времени сталъ онъ нерадиво посѣщать лекціи и вскорѣ пересталъ ходить на нихъ. Жизнь его помутилась». Впрочемъ, судя по письмамъ, удрученное состояніе Виссаріона Григорьевича длилось не особенно долго, а впослѣдствіи онъ навѣрно былъ очень

радъ, что трагедія его не вышла въ свѣтъ. Однако вся эта исторія имѣла для него и очень серьезное послѣдствіе—въ сентябрѣ 1832 г. (по другимъ свѣдѣніямъ, впрочемъ менѣе вѣроятнымъ—1831 г.) онъ былъ исключенъ «за неспособность». Главною причиною исключенія надо считать впечатлѣніе, произведенное трагедіей, хотя, какъ мы видѣли, Бѣлинскій мало посѣщалъ лекціи и слишкомъ два года былъ оставляемъ на лекціяхъ перваго курса, но въ то время, по имѣющимся примѣрамъ, одно это еще не могло вести къ исключенію. Виссаріонъ Григорьевичъ былъ чрезвычайно смущенъ постигшей его новой неудачей и около года скрывалъ ее отъ родныхъ, пока дѣла его нѣсколько не улучшились...

Бѣлинскій очень мало вынесъ изъ университета, который въ его время находился еще только на порогѣ возрожденія. Изъ профессоровъ было много нравственно прекрасныхъ личностей, были и серьезные ученые, какъ Каченовскій, но не было живыхъ талантливыхъ людей, могущихъ возбуждать умственно. Единственное исключеніе представлялъ Надеждинъ, но онъ началъ чтеніе лекцій (въ 1831 г.) уже къ концу пребыванія Бѣлинскаго въ университетѣ и хотя имѣлъ на Виссаріона Григорьевича чрезвычайное вліяніе, но больше своими сочиненіями, личнымъ знакомствомъ и т. д. Такъ закончилось школьное образованіе Виссаріона Григорьевича... Но самостоятельно учиться и развиваться онъ продолжалъ всю жизнь, какъ учился и развивался помимо и уроковъ, и лекцій чтеніями и размышленіями въ бытность свою въ гимназіи и университетѣ. .

По выходѣ изъ университета Виссаріонъ Григорьевичъ очутился въ крайней нуждѣ. Онъ поселился со своими земляками и родственниками Ивановыми, изъ которыхъ одинъ служилъ небольшимъ чиновникомъ въ сенатѣ, а другой былъ студентъ, и сталъ искать уроковъ и какой нибудь литературной работы. Въ это время онъ перевелъ

«Монфермельскую молочницу» романъ Поль-де-Кока въ 4-хъ ч. «Къ Рождеству», пишетъ онъ роднымъ, — «съ великими трудами, просиживая иногда напролетъ цѣлыя ночи, а во время дня не слѣзая съ мѣста, перевелъ его, въ надеждѣ пріобрѣсти рублей 300. Но фортуна и тутъ прежестоко подшутила надо мной, въ газетахъ было объявлено о другомъ переводѣ сего самаго сочиненія, и потому я едва-едва могу получить 100 р. асс.» Наконецъ, въ половинѣ великаго поста, онъ познакомился съ Надеждинымъ и сталъ получать постоянную работу для его журналовъ («Телескопъ» и «Молва»), въ видѣ переводовъ съ французскаго. Надо замѣтить, что оригинальными произведеніями Бѣлинскій выступилъ на литературное поприще ранѣе, его стихотвореніе «Русская быль», весьма впрочемъ слабое, и небольшая библіографическая статейка, по поводу одной брошюры о «Борисѣ Годуновѣ» Пушкина, были помѣщены въ весьма курьезномъ журналѣ «Листокъ», выходившемъ нѣкоторое время въ 1831 г.

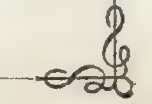
Но работы для Надеждина далеко еще не обезпечивали Бѣлинскаго и онъ продолжалъ искать занятій. Такъ между прочимъ старался получить мѣсто уѣзднаго учителя въ Бѣлоруссіи, но это не удалось. Только къ 1834 г. положеніе его улучшилось: онъ нашелъ выгодные уроки и извѣщаетъ родныхъ, что достаетъ за нихъ 64 руб. въ мѣсяцъ. Переводами онъ также продолжалъ заниматься и перевелъ другой романъ «Поль-де-Кока» «Магдалину», вышедшій въ 1833 г.

Съ сентября 1834 г. начинается серьезная литературная дѣятельность Бѣлинскаго, въ этомъ мѣсяцѣ онъ выступилъ въ «Молвѣ» съ замѣчательной статьей «Литературныя мечтанія», составлявшей живой и талантливый обзоръ судьбы русской литературы. Въ ней Бѣлинскій пришелъ къ выводу, что у насъ «нѣтъ литературы», въ томъ широкомъ смыслѣ, какъ онъ ее понимаетъ; но этотъ отри-

цательный выводъ не страшитъ его, выводъ этотъ важенъ и дорогъ какъ первое сознаніе объ истинномъ значеніи литературы — съ него должны начаться ея дѣйствительное развитіе и успѣхи. Статья эта произвела большое впечатлѣніе. По мыслямъ, заключавшимся въ ней, авторомъ ее считали Надеждина и, дѣйствительно, она во многомъ написана подъ его вліяніемъ. Бѣлинскій, какъ критикъ, былъ продолжатель Надеждина и исходная точка его соприкасалась со взглядами предшественника. Съ другой стороны статью эту считали за выраженіе взглядовъ кружка Станкевича, къ которому тѣсно принадлежалъ тогда Бѣлинскій. Но надо замѣтить, что онъ входилъ въ кружокъ философовъ—идеалистовъ, гдѣ первенствовалъ Станкевичъ, какъ самостоятельный членъ и вообще тогда и послѣ, откуда и гдѣ бы не заимствовалъ онъ познанія свои, онъ ихъ переработывалъ, такъ сказать, въ плоть и кровь свою и дѣлалъ изъ нихъ самостоятельные выводы, до которыхъ часто не додумывался и передавшій основныя понятія Виссаріону Григорьевичу.

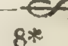
Съ Станкевичемъ нашъ знаменитый критикъ познакомился по всей вѣроятности еще въ университетѣ и былъ съ нимъ друженъ до самой его смерти. Пыпинъ въ біографіи Бѣлинскаго относитъ это знакомство ко времени изданія упомянутаго выше «Листка» т. е. къ 1831 году. Болѣзненный и тихій по характеру, поэтъ и мечтатель, Станкевичъ былъ естественно склоненъ къ отвлеченному мышленію и къ созерцанію болѣе, чѣмъ къ вопросамъ жизненнымъ и практическимъ. Благодаря же своему тонкому художественному пониманію, безспорному философскому таланту и необыкновенному и глубокому уму онъ сталъ центромъ замѣчательнаго кружка чистыхъ идеалистовъ, одинаково съ нимъ отрѣшившихся отъ дѣйствительности и предавшихся изученію важнѣйшихъ философскихъ вопросовъ, въ противоположность другому не менѣе замѣчатель-

ному кружку молодежи, съ самаго начала увлекавшихся общественными теоріями. Заслуга Станкевича несомнѣнна— онъ первый началъ у насъ серьезное изученіе нѣмецкой философіи и ввелъ его въ программу, которую нужно было пройти нашей образованности. Философія и поэзія поглощали всѣ интересы кружка; Шекспиръ, Гете и Шиллеръ былъ предметомъ особеннаго поклоненія. Другимъ предметомъ почитанія былъ еще театръ. Вотъ какъ говорилъ Бѣлинскій о немъ въ первой своей статьѣ—«Театръ! любите ли вы театръ, какъ я люблю его, то-есть всѣми силами души вашей, со всѣмъ энтузіазмомъ, со всѣмъ изступленіемъ, къ которому только способна пылкая молодость, жадная и страстная до впечатлѣній изящнаго?» —Изъ кружка Станкевича Бѣлинскій сблизился особенно и на всю жизнь съ главой кружка и вступившимъ впослѣдствіи въ него В. П. Боткинымъ. Одновременно со Станкевичемъ онъ познакомился съ Кольцовымъ и глубоко полюбилъ его.

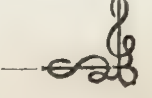
Послѣ «Литературныхъ мечтаній» Виссаріонъ Григорьевичъ сталъ много писать для «Телескопа» и «Молвы», но матеріальное положеніе его все еще продолжало быть неудовлетворительнымъ, тѣмъ болѣе, что на его рукахъ были братъ и племянникъ. Онъ опять давалъ уроки, которыхъ впрочемъ никогда не могъ долго выносить. Надо замѣтить однако, что не всегда обстоятельства были виною затруднительнаго положенія Бѣлинскаго, онъ самъ отличался полною непрактичностью и даже, когда представлялась возможность, не могъ справиться со своими дѣлами.

Въ маѣ 1835 г. Надеждинъ оставилъ службу въ университетѣ и собираясь заграницу передалъ изданіе «Телескопа» и «Молвы» Бѣлинскому и его друзьямъ. Новая редакція энергично принялась за дѣло. Вліяніе ея отразилось на «Телескопѣ», который тотчасъ превратился въ журналъ съ опредѣленнымъ эстетическимъ взглядомъ. Цѣлью журнала стало опредѣлить по понятіямъ кружка тогдашнее со-

8*

стоянiе литературы, преслѣдовать всякую рутину, объяснять истинныя требованiя литературы и указывать явленiя, въ которыхъ совершается ея здравое развитiе. Журналъ оставался въ рукахъ кружка въ продолженiи полугода и имъ было издано 6 книжекъ. И по возвращенiи Надеждина изъ заграницы Бѣлинскiй также дѣятельно участвовалъ въ «Телескопѣ» и «Молвѣ», пока въ октябрѣ 1836 года не послѣдовало неожиданное прекращенiе журнала, происшедшее вслѣдствiе помѣщенiя въ 15-й (предпослѣдней) книжкѣ его «Философскаго письма» Чаадаева.

Послѣ прекращенiя журнала, Бѣлинскiй остался безъ всякихъ средствъ. Надежда его найти постоянную работу въ петербургскомъ журналѣ «Литературныя прибавленiя къ Русскому Инвалиду» осталась тщетною. Послѣ посланныхъ двухъ-трехъ библiогафическихъ статеекъ о повѣстяхъ Н. Ф. Павлова, онъ не сотрудничалъ болѣе въ журналѣ, не сойдясь съ редакторомъ (Краевскимъ) въ характеристикѣ этихъ повѣстей. Не находя другой работы, Бѣлинскiй началъ составлять учебникъ грамматики, мысль о которомъ занимала его впрочемъ уже давно. Онъ напечаталъ учебникъ на свой счетъ и весной 1837 г. онъ появился въ свѣтъ. Надежды Виссарiона Григорьевича на поправленiе этимъ путемъ своихъ обстоятельствъ однако не оправдались. Книга, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, имѣла и существенные недостатки, напр. неправильность нѣкоторыхъ теоритическихъ объясненiй состава предложенiя, а, главное далеко не была удобна для первоначальнаго обученiя. Распродажа учебника шла очень туго. «Бѣлинскiй могъ существовать только при помощи друзей (Боткина) и постоянными займами, которые до нельзя тяготили его. Къ тому онъ заболѣлъ и долженъ былъ ѣхать лечиться на Кавказъ. Замѣчательно, что при этихъ тяжелыхъ личныхъ обстоятельствахъ начался у него рѣшительный поворотъ во взглядахъ, приведшiй его къ полному примиренiю съ дѣйстви-

тельностію. Поворотъ этотъ ясно показываетъ, насколько независимы были взгляды его отъ обстоятельствъ жизни, и какъ несправедливы были объясненія демократизма его послѣдняго, петербургскаго періода—бѣдностью и т. п.

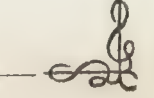
Поклоненіе дѣйствительности началось подъ вліяніемъ изученія кружкомъ, къ которому принадлежалъ Виссаріонъ Григорьевичъ, Гегеля. При всей своей узкости оно было все таки шагомъ впередъ съ абстрактнымъ идеализмомъ, подъ вліяніемъ котораго кружокъ находился до 1837 года.

Поѣздка на Кавказъ освѣжила Бѣлинскаго, но дѣла его не поправились раньше весны 1838 г., когда онъ сдѣлался редакторомъ (впрочемъ не объявленнымъ) журнала «Наблюдатель», перешедшаго въ собственность московскаго типографа Степанова. Такимъ образомъ Виссаріону Григорьевичу пришлось редактировать журналъ, гдѣ прежде сотрудничалъ литературный врагъ его, Шевыревъ. Бѣлинскій участвовалъ въ «Наблюдателѣ» около года и чрезвычайно поднялъ его, сдѣлавъ при помощи своего кружка безъ сомнѣнія однимъ изъ лучшихъ журналовъ того времени, по цѣльности характера, по достоинству литературнаго отдѣла и наконецъ по критикѣ. Но журналъ тѣмъ не менѣе шелъ плохо, такъ какъ для большинства публики онъ былъ мало занимателенъ, однообразенъ; въ журналѣ не было почти русскихъ повѣстей, кромѣ Кудрявцева и т. д. Самъ Бѣлинскій думалъ, что «Наблюдатель» назначается для «аристократіи читающей публики», а эта аристократія оказалась слишкомъ малочисленною. Надо замѣтить впрочемъ, что кружокъ Бѣлинскаго находился тогда въ періодѣ полнаго примиренія съ дѣйствительностію, почему направленіе его не раздѣлялось и частію наиболѣе развитыхъ людей, какъ Грановскій и др. Къ тому-же у издателя не было средствъ, чтобы соперничать съ другими изданіями, напр. съ «Библіотекою для чтенія», платившею авторамъ большой гонораръ, а сотрудники «Наблюдателя» работали даромъ.

Въ этотъ періодъ времени Бѣлинскій началъ обмѣниваться письмами и сблизился съ Панаевымъ, при содѣйствіи котораго и состоялся переходъ Бѣлинскаго къ дѣятельному сотрудничеству въ «Отечественныхъ Запискахъ». Сотрудничество это началось со второй половины 1839 г. Принявъ условія редактора журнала г. Краевскаго, состоявшія въ платѣ 3,500 р. въ годъ за веденіе всего критическаго и библіографическаго отдѣла и въ высылкѣ незначительной суммы впередъ на уплату части долговъ и переѣздъ въ Петербургъ, Бѣлинскій выѣхалъ изъ Москвы. Передъ отъѣздомъ своимъ, онъ имѣлъ въ Москвѣ споры объ учрежденіяхъ съ представителями упомянутаго уже нами другаго кружка молодежи, горячо отстаивалъ свой взглядъ о разумности дѣйствительности и смѣло высказалъ его въ извѣстныхъ статьяхъ о «Менцелѣ» и «Бородинской годовщинѣ», которыя впослѣдствіи такъ мучили его.

Переселеніе въ Петербургъ, было благодѣтельно для дальнѣйшаго развитія воззрѣній Бѣлинскаго. Онъ оторвался отъ кружковыхъ взглядовъ, которые при всемъ достоинствѣ неизбѣжно страдали узкостью, и выступилъ въ практическую жизнь, сталъ лицомъ къ лицу къ той дѣйствительности, абсолютную разумность которой такъ горячо защищалъ—и вотъ скоро начался новый поворотъ въ его мнѣніяхъ. Еще печатались въ исходѣ 1839 г. и въ первой книжкѣ «От. Зап.» 1840 г. его статьи, рѣзко выражавшія его послѣдніе взгляды, а въ письмахъ къ другу, Боткину, замѣтно уже колебаніе, которое все усиливалось, пока наконецъ не завершилось къ исходу 1840 г. полнымъ переворотомъ. Новый взглядъ Бѣлинскаго былъ равно далекъ и отъ прежняго абстрактнаго идеализма, и отъ признанія абсолютной разумности дѣйствительности. Онъ остался идеалистомъ, но идеалистомъ-практикомъ, если можно такъ выразиться и посвятилъ себя на улучшеніе дѣйствительности, на борьбу со всякой рутиной, со всякимъ зломъ.

При перемѣнѣ взглядовъ Виссаріона Григорьевича, послѣдовало полное примиреніе съ другимъ кружкомъ московской молодежи, изучавшимъ общественную жизнь, о которомъ мы нѣсколько разъ упоминали, и дружба съ главою того кружка—авторомъ «Былаго и Думъ».

Личная жизнь Бѣлинскаго за это время была довольно тяжела. Всякій переломъ его воззрѣній сопровождался скукою, апатіею, на которыя мы встрѣчаемъ частыя указанія въ его письмахъ къ Боткину. Къ тому же и положеніе «Отечеств. Записокъ» еще не было упрочено, что конечно отражалось на немъ. Журналъ встрѣчалъ многочисленныя нападки, и несмотря на блестящую постановку, благодаря сотрудничеству кружка друзей Бѣлинскаго, далеко еще не могъ считаться вполнѣ упрочившимся. Къ тому же 1840 г. послѣдовала смерть Станкевича, отозвавшаяся тяжело на Бѣлинскомъ.

Съ 1841 г. начался наиболѣе благотворный періодъ дѣятельности знаменитаго критика. Новыя возрѣнія его раздѣлялись лучшею частію русскихъ развитыхъ людей, видѣвшихъ наше развитіе въ сопричисленіи къ общеевропейской образованности и извѣстныхъ потому подъ именемъ «западниковъ», въ противуположность славянофиламъ. Съ послѣдними Бѣлинскій вступилъ вскорѣ въ жестокую полемику и одной изъ первыхъ статей его въ этомъ направленіи была статья «Педантъ, литературный типъ», направленная противъ Шевырева, начавшаго вмѣстѣ съ Погодинымъ въ 1841 г. изданіи «Москвитянина». Надо замѣтить впрочемъ, что вызовъ былъ сдѣланъ не Бѣлинскимъ, а именно этимъ журналомъ. «Отечественныя Записки» начинали имѣть все большій и большій успѣхъ, главнымъ образомъ благодаря статьямъ Бѣлинскаго, мнѣнія котораго съ каждымъ годомъ пріобрѣтали многочисленныхъ адептовъ среди тогдашней интеллигенціи. Но самъ онъ скоро началъ утомляться тяжелыми условіями журналистики и непомѣрной работой.

Бѣлинскій писалъ очень быстро — статьи его по большей части мгновенныя импровизаціи, но ему приходилось давать отчетъ о всѣхъ выходящихъ тогда книгахъ. «Одинъ разъ, разсказываетъ Панаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, я засталъ Бѣлинскаго ходящимъ по комнатѣ въ волненіи и съ усиліемъ махающимъ правою рукою.—«Что это съ вами?» спросилъ я его. — «Рука отекла отъ писанья... Я часовъ восемь сряду писалъ, не вставая. Говорятъ, я самъ виноватъ, потому что откладываю писанье свое до послѣднихъ дней мѣсяца. Можетъ быть это отчасти и правда, но взгляните, Бога ради, сколько книгъ мнѣ присылаютъ... и какія еще книги—посмотрите: азбуки, грамматики, сонники, гадальныя книжонки! И я долженъ непремѣнно хоть по нѣскольку словъ написать объ каждой изъ этихъ книжонокъ!»

Послѣ такихъ усиленныхъ занятій Виссаріонъ Григорьевичъ нѣкоторое время положительно не могъ браться за перо. Тяжелыя тогдашнія условія литературы также приносили ему много огорченій. Въ это время онъ пристрастился къ игрѣ въ преферансъ, которой предавался съ необыкновеннымъ увлеченіемъ. «Я готовъ играть», пишетъ Бѣлинскій Боткину, «утромъ, вечеромъ, ночью, днемъ, не ѣсть и играть, не спать и играть. Страсть моя къ преферансу ужасаетъ всѣхъ; но страсти нѣтъ, ты поймешь, что есть».

19 октября 1842 г. умеръ Кольцовъ и Бѣлинскій испыталъ, какъ и при смерти Станкевича, тоже сухое чувство горя, которое первое время не находитъ выраженія и тяжело ложится на душу. Лѣто 1843 г. онъ провелъ въ Москвѣ и сблизился здѣсь съ особой, которая вскорѣ стала его супругой.

Семейная жизнь мало измѣнила Виссаріона Григорьевича —онъ сталъ только еще болѣе работать, но жилъ по прежнему среди немногихъ друзей. Вообще всѣ попытки втянуть его въ свѣтское общество были неудачны. Въ то время князь Одоевскій устраивалъ литературные вечера, на которые приглашались писатели и аристократія. Панаевъ пы-

тался ввести на эти вечера Бѣлинскаго, котораго Одоевскій глубоко уважалъ, но все разбилось о чрезвычайную конфузливость Виссаріона Григорьевича. «Бѣлинскій, разсказываетъ Панаевъ, долго не рѣшался появиться въ этомъ салонѣ, несмотря на то, что чувствовалъ большое расположеніе къ его хозяину; доказательствомъ того было то, что онъ высказывался предъ нимъ вполнѣ, иногда даже съ такою энергіею, которая приводила хозяина салона въ большое смущеніе.—«Отчего вы не хотите бывать у меня? Я сердитъ на васъ», говорилъ онъ Бѣлинскому. — «Сказать вамъ правду—отчего? отвѣчалъ улыбаясь Бѣлинскій: — «я человѣкъ простой, неловкій, робкій, отъ роду не бывавшій ни въ какихъ салонахъ... У васъ же тамъ бываютъ дамы, аристократки, а я и въ обыкновенномъ-то дамскомъ обществѣ вести себя не умѣю... Нѣтъ, ужъ избавьте меня отъ этого! Вѣдь вамъ же будетъ нехорошо, если я сдѣлаю какую-нибудь неловкость или неприличіе по вашему». — Но несмотря на это, хозяинъ салона непремѣнно хотѣлъ, чтобъ Бѣлинскій былъ въ числѣ его гостей». — Виссаріонъ Григорьевичъ сдался наконецъ и посѣщеніе его дѣйствительно было неудачно. На вечерѣ онъ по разсѣянности, облокотился на столикъ съ одной ножкой, уставленный бутылками и опрокинулъ его, послѣ чего немедленно отправился домой, «близкій къ кончинѣ». «Вообще, говоритъ Панаевъ,—Бѣлинскій не терпѣлъ разнороднаго, мало знакомаго и большаго общества. Онъ даже, бывало, при появленіи въ нашемъ обычномъ кружкѣ какого-нибудь незнакомаго лица, измѣнялся мгновенно, впадалъ въ дурное расположеніе духа и переставалъ говорить».

Въ послѣдніе годы (1844 и 1845) сотрудничества Бѣлинскаго въ «Отечественныхъ Запискахъ», журналъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ въ блестящемъ положеніи, замѣчательномъ и по направленію, и по достоинству помѣщенныхъ въ немъ статей. Матеріальное положеніе его могло считать-

ся также очень хорошимъ. Всему этому «От. Зап.» были обязаны Виссаріону Григорьевичу и кружку его друзей.

Въ 1844 г. произошло нѣкоторое сближеніе между московскими друзьями его и славянофильской партіей, къ которому Бѣлинскій отнесся строго. Такъ напр., когда Грановскій далъ одну статью свою къ москвитянамъ, то Бѣлинскій писалъ въ Москву. «Я жидъ по натурѣ и съ филистимлянами за однимъ столомъ ѣсть не могу... Грановскій хочетъ знать, читалъ ли я его статью въ «Москвитянинѣ». Нѣтъ и не буду читать: скажи ему, что я не люблю ни видѣться съ друзьями въ неприличныхъ мѣстахъ, ни назначать имъ тамъ свиданія». Бѣлинскій былъ правъ —сношенія эти не повели ни къ чему и кончились полнымъ разрывомъ. Однако друзья его, тѣмъ не менѣе, кое-что позаимствовали изъ взглядовъ лучшихъ славянофиловъ на народъ.

Отношеніи завѣдывавшихъ дѣлами «От. Зап.» къ Виссаріону Григорьевичу были далеко не таковы, какими бы имъ слѣдовало быть. Онъ былъ заваленъ массой журнальной срочной работы, не Богъ вѣсть какъ и вознаграждавшейся, окруженъ многими непріятностями, а здоровье его между тѣмъ все ухудшалось. Наконецъ осенью 1845 г. серьезная болѣзнь, грозившая даже опасностью для жизни, окончательно подкосила силы его. Въ началѣ 1846 г. онъ порѣшилъ оставить журналъ. Выясняя причины своего рѣшенія, Виссаріонъ Григорьевичъ писалъ отъ 2-го января этого года въ Москву: «Журнальная срочная работа высасываетъ изъ меня жизненныя силы, какъ вампиръ кровь... Способности мои тупѣютъ, особенно память, страшно заваленная грязью и соромъ россійской словесности. Здоровье видимо разрушается. Но трудъ не опротивѣлъ. Я больной писалъ большую статью о жизни и сочиненіяхъ Кольцова, и работалъ съ наслажденіемъ; въ другое время я въ три недѣли чуть не изготовилъ къ печати цѣлой книги, и эта работа была мнѣ сладка, сдѣлала меня весе-

лымъ, довольнымъ и бодрымъ духомъ. Стало быть, мнѣ невыносима и вредна только срочная журнальная работа; она тупитъ мою голову, разрушаетъ здоровье, искажаетъ характеръ и безъ того брюзгливый и мелочно-раздражительный, но трудъ не ex officio былъ бы мнѣ отраденъ и полезенъ. Вотъ первая и главная причина»... Для изысканія же средствъ для жизни Вис. Григ. задумалъ издать альманахъ. Предпріятію его благопріятствовалъ вообще бойкій ходъ альманаховъ въ то время и еще то обстоятельство, что половина сороковыхъ годовъ (45, 46 и 47 г.) была богата вновь начинавшими замѣчательными писателями. Такъ въ это время обратился къ повѣстямъ Тургеневъ, начали писать Достоевскій, Гончаровъ, Григоровичъ...

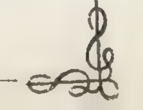
Многіе изъ друзей откликнулись на призывы Бѣлинскаго и у него собрался для альманаха рядъ замѣчательныхъ статей и разсказовъ. Была тутъ напр. «Обыкновенная исторія» Гончарова, «Сорока-воровка» и «Записки д-ра Крупова», замѣчательная статья Кавелина «Юридическій бытъ древней Россіи» и пр. и пр. Весь этотъ матерьялъ поступилъ впослѣдствіи въ распоряженіе редакціи «Современника» и далъ возможность прекрасно поставить журналъ, альманахъ-же такъ никогда и не былъ изданъ... Озабоченные о здоровьи Виссаріона Григорьевича московскіе друзья его вскорѣ посовѣтовали ему совершить поѣздку на югъ Россіи, вмѣстѣ съ отправлявшимся туда извѣстнымъ артистомъ М. С. Щепкинымъ, причемъ прямо предложили даже денежную помощь, извѣщая объ обрѣтеніи «явленныхъ 500 руб.». Бѣлинскій съ восторгомъ принялъ это предложеніе и выѣхалъ въ послѣднихъ числахъ апрѣля изъ Петербурга въ Москву, а 16-го мая отправился со Щепкинымъ на югъ. Въ этой поѣздкѣ Виссаріонъ Григор. посѣтилъ Калугу, Харьковъ, Херсонъ, Одессу и наконецъ Крымъ.

Въ отсутствіи Виссаріона Григорьевича было рѣшено преобразованіе Пушкинскаго «Современника». Послѣ смерти

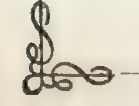
поэта журналъ этотъ перешелъ въ завѣдыванiе его друзей, которые скоро охладѣли къ изданiю и передали журналъ въ полное распоряженiе и собственность Плетневу. «Современникъ» выходилъ тогда тоненькими 12-ю книжками въ годъ, былъ крайне безцвѣтенъ, держался внѣ литературной полемики и не имѣлъ успѣха Вслѣдствiе чего въ 1846 г., Плетневъ согласился передать его въ аренду новой редакцiи, состоявшей изъ людей близкихъ къ Бѣлинскому, порѣшившихъ обновить журналъ участiемъ своего кружка и превращенiемъ въ толстый. По возвращенiи своемъ изъ поѣздки Виссарiонъ Григорьевичъ былъ крайне обрадованъ обновленiемъ «Современника», «Всѣ эти приготовленiя», разсказываетъ Панаевъ, «толки о новомъ изданiи, мысль, что онъ освободясь отъ непрiятной ему зависимости, будетъ теперь свободно дѣйствовать съ людьми, къ которымъ онъ питалъ полную симпатiю, которые глубоко уважали и любили его; наконецъ довольно забавная полемика, возникшая тогда между нами и «Отечественными Записками»,—все это поддерживало его нервы, оживляло и занимало его».

Весь собранный для альманаха матерьялъ Бѣлинскiй передалъ новой редакцiи, чѣмъ доставилъ богатый выборъ замѣчательныхъ произведенiй на нѣсколько книжекъ. Эта передача, а также постоянное дѣятельное сотрудничество его въ журналѣ, привлекавшее къ участвованiю въ «Современникѣ» лучшихъ нашихъ писателей, обусловили успѣхъ уже съ первыхъ нумеровъ. Къ сожалѣнiю дѣло не обошлось безъ новыхъ недоразумѣнiй отчасти между Бѣлинскимъ и редакцiею журнала, отчасти между послѣднею и московскими друзьями критика, которые считали «Современникъ» за журналъ Бѣлинскаго и находили, что интересы его не получали достаточнаго вниманiя. Эти недоразумѣнiя повели къ тому, что московскiе друзья Вис. Григ. стали отдавать свои статьи и въ «Отеч. Зап.», не видя, почему имъ не поддерживать журналъ съ тѣмъ же направленiемъ, какъ и «Современникъ».

Между тѣмъ здоровье Бѣлинскаго, не смотря на поѣздку на югъ, не поправлялось и уже въ самомъ началѣ 1847 г. докторъ, лечившій его, началъ посылать его на воды, въ Силезію. Но по недостатку средствъ, путешествіе Виссаріона Григорьевича за-границу могло устроиться только къ маю и то, благодаря помощи друзей, собранной главнымъ образомъ стараніями Боткина. Весною ему пришлось вынести новый ударъ — потерю сына, послѣ смерти котораго у него оставалась лишь дочь, родившаяся въ 1845 г. Извѣщая Тургенева, въ письмѣ отъ 12-го апрѣля, о кончинѣ сына, Бѣлинскій говоритъ: «Это меня уходило страшно. Я не живу, а умираю медленною смертью». Наконецъ 5-го мая Виссаріонъ Григор. выѣхалъ на пароходѣ въ Штетинъ, куда и прибылъ 9-го мая, а 10-го уже былъ въ Берлинѣ.

Путешествіе мало принесло удовольствія Бѣлинскому; подъ вліяніемъ болѣзни, онъ былъ разсѣянъ, скучалъ и желалъ быть дома. Не мало хлопотъ причиняло ему также незнаніе иностранныхъ языковъ. Такъ напр. въ Берлинѣ онъ долженъ былъ съѣхаться съ Тургеневымъ, но могъ розыскать его только при помощи случайно встрѣтившагося трактирнаго слуги, говорившаго по-русски. Найдя наконецъ Тургенева, Бѣлинскій былъ чрезвычайно радъ: «я почувствовалъ себя въ пристани», пишетъ онъ, «со мною была моя нянька». Изъ Берлина они отправились вмѣстѣ въ Дрезденъ, откуда сдѣлали экскурсію въ Саксонскую Швейцарію. Но и живописная мѣстность не заняла больнаго. «Я ходилъ пѣшкомъ», пишетъ онъ, «ѣздилъ верхомъ, носили меня на носилкахъ... видѣлъ чудную природу, прекрасныя и грандіозныя мѣстоположенія... но все это скоро надоѣло мнѣ». 22-го мая прибыли они въ мѣсто леченія — Зальцбрунъ. Мѣстный докторъ принялся лечить Вис. Григ. минеральною водою и сывороткою изъ козьяго молока, но къ сожалѣнію лѣто было крайне дурное, а докторъ оказался не особенно знающимъ, и леченіе было малоуспѣшно.

Изъ Зальцбруна Бѣлинскій обмѣнялся письмами съ Гоголемъ, по поводу его «Избранныхъ мѣстъ изъ переписки». Книга эта чрезвычайно возмутила Виссаріона Григорьевича и онъ помѣстилъ по поводу ея рѣзкую статью въ «Современникѣ», которая и побудила Гоголя написать ему письмо въ двусмысленномъ тонѣ смиренія и колкости. Бѣлинскій отвѣчалъ изъ Зальцбруна въ высшей степени замѣчательнымъ письмомъ, гдѣ изложилъ свой взглядъ на положеніе Россіи въ то время, на значеніе первыхъ великихъ произведеній Гоголя и проч. Переписка закончилась отвѣтомъ Гоголя, написаннымъ уже въ иномъ тонѣ,—не желая признать, что противникъ его правъ, онъ тѣмъ не менѣе видимо былъ подавленъ тяжестію упрековъ, которыхъ не могъ опровергнуть.

По окончаніи леченія въ Зальцбрунѣ, Бѣлинскій отправился въ Парижъ, чтобы посовѣтоваться съ тамошнимъ врачемъ Тира-де-Мальморъ, который славился тогда леченіемъ чахотки и поправлялъ даже будто бы людей, вполнѣ безнадежныхъ. На дорогѣ равнодушіе Виссаріона Григорьевича не оставляло его, такъ онъ не захотѣлъ осматривать Кельнскій соборъ, дабы не терять лишній день, но Парижъ оживилъ и плѣнилъ его, чему не мало впрочемъ способствовалъ цѣлый рядъ близкихъ друзей, встрѣтившихъ его здѣсь. Тира-де-Мальморъ не нашелъ положеніе Бѣлинскаго опаснымъ и надѣялся вполнѣ вылечить его, только совѣтовалъ поселиться для пользованія чистымъ воздухомъ и удобствомъ леченія въ Пасси, гдѣ была лечебница доктора. Устроившись въ Пасси, Бѣлинскій сталъ дѣятельно лечиться и дѣйствительно скоро сталъ чувствовать себя значительно лучше. Но желаніе скорѣе вернуться домой не оставляло его и 12-го августа, съ разрѣшенія доктора, онъ вышелъ изъ лечебницы; посвятивъ нѣкоторое время на осмотръ Парижа, онъ двинулся въ обратный путь чрезъ Брюссель на Берлинъ, далѣе на Штетинъ, а оттуда на парохо-

дѣ въ Петербургъ, куда и прибылъ въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Тяжелая петербургская осень однако опять отозвалась на немъ и снова ухудшила его здоровье,—очевидно онъ уже рѣшительно не могъ выносить петербургскаго климата. «Я хрипѣлъ, задыхался», пишетъ онъ вскорѣ по возвращеніи, «словомъ это былъ вечеръ хуже самыхъ худыхъ дней прошлой зимы, когда я безпрестанно умиралъ». Тѣмъ не менѣе Вис. Григ. снова принялся за труды и новыя стать и его въ «Современникѣ» показали, что талантъ его еще не угасъ.

Въ началѣ 1848 г. здоровье нашего знаменитаго критика окончательно ухудшилось... онъ уже не въ состояніи самъ писать, а диктуетъ свои письма и статьи женѣ. Но сотрудничество въ журналѣ все еще продолжалось, хотя и съ перерывами. Къ тому же разныя непріятности, послѣдовавшія для него въ новомъ году, тяжело отозвались на немъ. Къ веснѣ Бѣлинскій видимо началъ угасать, а 26-го мая 1848 г. его не стало.

Семейство Виссаріона Григорьевича осталось безъ всякихъ средствъ. Самые похороны его были устроены на деньги собранные у друзей, которые согласились выдавать ежегодно извѣстную сумму на содержаніе семейства. Жена Бѣлинскаго пріѣхала вслѣдъ затѣмъ въ Москву и поступила кастеляншей въ институтъ, гдѣ была прежде классной дамой; дочь-же его начала пользоваться здѣсь уроками. По основаніи литературнаго фонда въ 1860 г. семейству Бѣлинскаго была назначена пенсія, наиболѣе значительная, какія только когда опредѣлялъ фондъ. Г-жа Бѣлинская просила, впрочемъ о сокращеніи его—такъ какъ къ тому времени явился новый источникъ доходовъ для семейства знаменитаго критика, въ изданіи его сочиненій (1859 — 1862 гг.), которымъ окончательно и обезпечена была семья его.

В. Г. Бѣлинскій похороненъ на Волковомъ кладбищѣ; въ 1861 г. рядомъ съ нимъ погребенъ Добролюбовъ, а въ 1868 г.—Писаревъ.

IX.

Юрій Федоровичъ Самаринъ.

1819—1876 гг.

Біографія Юрія Федоровича Самарина, этого безупречнаго и самоотверженнаго дѣятеля на пользу родной страны, человѣка — *земли*, *земства*, какъ опредѣляетъ его И. С. Аксаковъ, богата не фактами, но трудами, плодотворной дѣятельностью, примѣрами высокой, безкорыстной преданности дѣлу. Знакомясь ближе съ его личностью, невольно проникаешься глубокимъ уваженіемъ и горячей симпатіей. Доказательствомъ тому можетъ служить чувство искренней скорби, охватившее самые разнообразные слои русскаго общества при извѣстіи о его внезапной кончинѣ. «Это былъ духъ воинствующій», говоритъ И. С. Аксаковъ о Юріи Федоровичѣ, духъ вѣчно, неослабно стремившійся къ высшей истинѣ—не къ какой-то искомой и неопредѣленной, а опредѣленно вѣруемой и исповѣдуемой. Не скачками, не порывами, увлеченіемъ чувствъ, — онъ сознательно, всѣмъ своимъ существомъ, шелъ неуклонно впередъ,—созрѣвая и совершенствуясь нравственно, водимый мощнымъ умомъ и сильною волею во свѣтѣ религіи. Это былъ христіанинъ во всеоруженіи языческой мудрости и научнаго знанія; это былъ даровитѣйшій дѣятель современной науки общественной жизни во всеоруженіи нравственныхъ, христіанскихъ

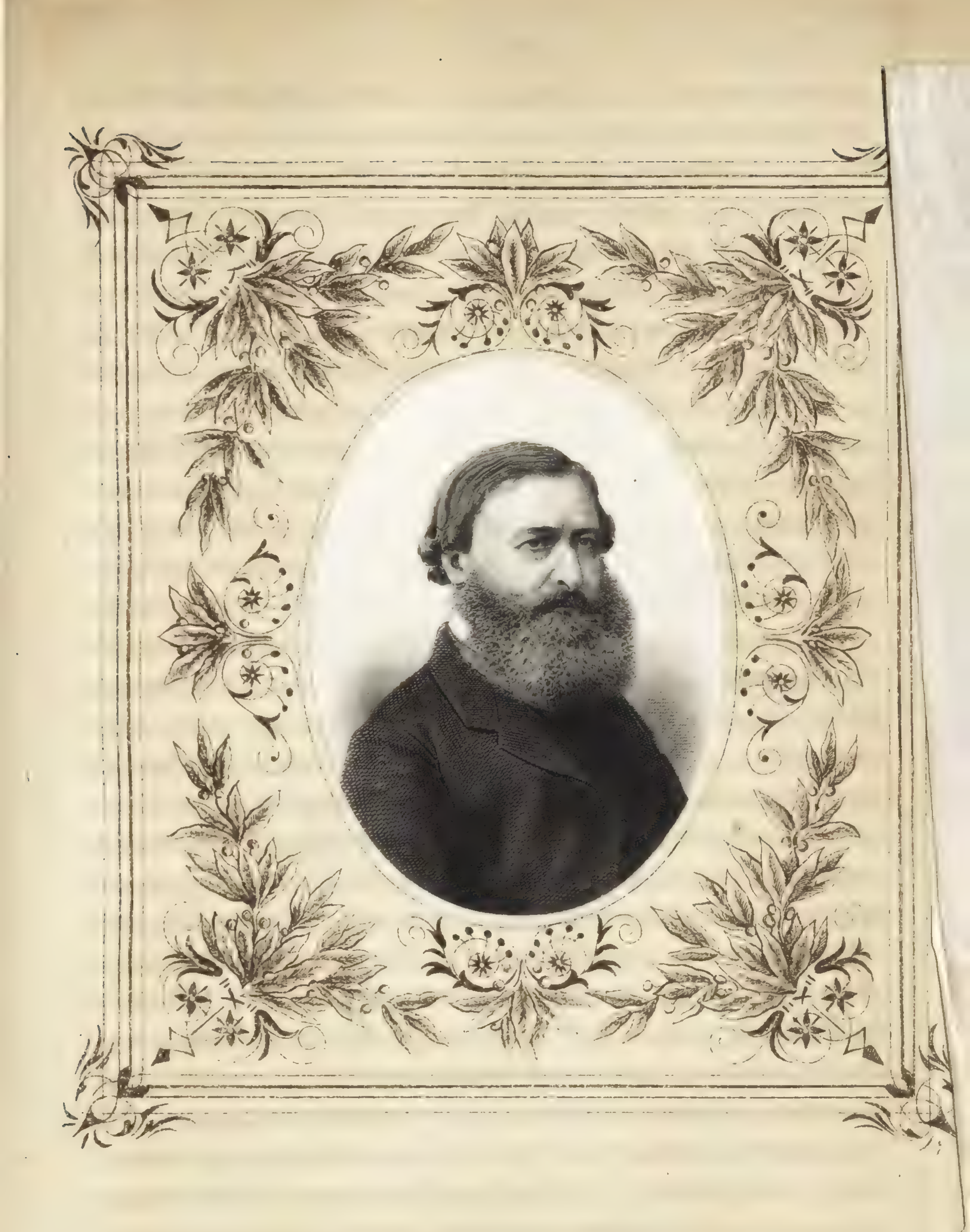

IX.

Юрій Федоровичъ Самаринъ.

1819—1876 гг.

Біографія Юрія Федоровича Самарина, этого безупречнаго и самоотверженнаго дѣятеля на пользу родной страны, человѣка — *земли, земства*, какъ опредѣляетъ его И. С. Аксаковъ, богата не фактами, но трудами, плодотворной дѣятельностью, примѣрами высокой, безкорыстной преданности дѣлу. Знакомясь ближе съ его личностью, невольно проникаешься глубокимъ уваженіемъ и горячей симпатіей. Доказательствомъ тому можетъ служить чувство искренней скорби, охватившее самые разнообразные слои русскаго общества при извѣстіи о его внезапной кончинѣ. «Это былъ духъ воинствующій», говоритъ И. С. Аксаковъ о Юріи Федоровичѣ, духъ вѣчно, неослабно стремившійся къ высшей истинѣ—не къ какой-то искомой и неопредѣленной, а опредѣленно вѣруемой и исповѣдуемой. Не скачками, не порывами, увлеченіемъ чувствъ, — онъ сознательно, всѣмъ своимъ существомъ, шелъ неуклонно впередъ,—созрѣвая и совершенствуясь нравственно, водимый мощнымъ умомъ и сильною волею во свѣтѣ религіи. Это былъ христіанинъ во всеоруженіи языческой мудрости и научнаго знанія; это былъ даровитѣйшій дѣятель современной науки общественной жизни во всеоруженіи нравственныхъ, христіанскихъ

Ю. Самарин

убѣжденій. Это былъ человѣкъ, который, богатъ талантами, никогда не надмѣвался ими, и, пренебрегая славою, не щеголяя духовной красотою; добровольно, по внутреннему свободному побужденію, обращалъ себя въ смиреннаго труженика, если, по его мысли, того требовала общая польза. При блестящемъ общественномъ положеніи, имѣя въ своемъ распоряженіи всѣ блага земныя, онъ въ «святая святыхъ» своей души носилъ запросы аскета и героическую стихію, постоянно совершалъ жертвоприношенія своею личною жизнью, постоянно священнодѣйствовалъ по слову апостола — «духомъ горяще, Господеви работающе». Прибавимъ къ этой краткой характеристикѣ, что Юрій Федоровичъ, будучи ученикомъ и другомъ Хомякова, товарищемъ и другомъ Константина Сергѣевича Аксакова, словомъ будучи славянофиломъ, въ то время высоко цѣнилъ западную цивилизацію, изучилъ основательно классическую древность, зналъ, какъ немногіе, новѣйшіе языки и никогда не поддавался смѣшной и односторонней крайности. Приверженность свою къ доктринѣ онъ лишь выказывалъ въ томъ, что богатый запасъ своего знанія примѣнялъ къ русскому быту съ разборчивостью, принимая одно, отвергая другое, опасаясь и избѣгая лишь ломки, преждевременнаго и легкомысленнаго искаженія народнаго быта. Всѣ тѣ нововведенія, которыя вносили истинный свѣтъ въ русское общество, онъ защищалъ горячо, хотя бы они и исходили изъ чужихъ краевъ. Упрека въ узкости или односторонности, слѣдовательно, никто не можетъ сдѣлать Юрію Федоровичу.

Перейдемъ теперь къ біографическимъ даннымъ, находящимся въ нашихъ рукахъ благодаря любезному содѣйствію брата покойнаго, Дмитрія Федоровича Самарина, котораго просимъ принять здѣсь нашу глубочайшую признательность.

Юрій Федоровичъ родился въ Петербургѣ 21-го апрѣля 1819 г. и принадлежалъ къ богатой дворянской семьѣ. Извѣстный въ свое время поэтъ, Ф. А. Нелединскій-Мелец-

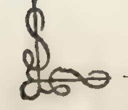
кій приходился ему по матери дѣдомъ. Первоначальное образованіе, до вступленія въ университетъ, Юрій Федоровичъ получилъ дома, подъ руководствомъ отца своего, Федора Васильевича, всецѣло посвящавшаго себя воспитанію своихъ дѣтей. Наставниками его были: С. И. Пако и Н. И. Надеждинъ. Первый изъ нихъ поступилъ въ домъ Самариныхъ въ 1824 г. по личному приглашенію Федора Васильевича, въ то время бывшаго во Франціи. Впослѣдствіи онъ состоялъ лекторомъ въ Московскомъ университетѣ. Юрій Федоровичъ до самой смерти питалъ къ нему дружбу и душевную признательность. Второй поступилъ къ Самаринымъ въ 1826 г. изъ рязанской семинаріи, гдѣ онъ состоялъ профессоромъ словесности и нѣмецкаго языка. Онъ преподавалъ Юрію Федоровичу законъ Божій, русскій и греческій языкъ, географію и исторію. Въ университетѣ Юрій Федоровичъ избралъ словесный или, какъ тогда называли, философскій факультетъ и въ 1838 г. вышелъ оттуда кандидатомъ. Съ первыхъ же шаговъ жизни молодой Самаринъ обнаружилъ самостоятельность мысли, которая и проявилась въ мастерской его диссертаціи: «Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоповичъ», въ сущности состоявшей изъ трехъ частей, но въ печати появившейся только въ одной части.

Въ концѣ 1844 г. Самаринъ поступилъ на службу въ Петербургъ, сначала въ департаментъ министра юстиціи, затѣмъ въ 1 департаментъ сената секретаремъ, и, наконецъ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ, въ то время состоявшее подъ управленіемъ Перовскаго. Въ 1846 г. онъ вошелъ въ составъ особой коммисіи, съ Я. В. Ханыковымъ во главѣ, посланной въ Ригу, для ревизіи тамошняго городскаго управленія. Тайны Остзейскаго края впервые выведены на свѣтъ Божій благодаря трудамъ названной коммиссіи.

Самаринъ занялся изученіемъ архивовъ города Риги, и плодомъ этого изученія явилась исторія Риги. (Общественное устройство города Риги, Спб. 1848), большой томъ, на-

печатанный по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, такъ какъ исторія эта составлена по документамъ секретнаго архива рижскаго магистрата. Кромѣ того, Самаринымъ написано цѣлое сочиненіе «Письма изъ Риги», въ которомъ изложены всѣ обстоятельства тогдашняго положенія дѣлъ, движеніе латышей къ православію и отношенія прибалтійскихъ нѣмцевъ къ Россіи. Письма распространились въ рукописи и чуть было не причинили автору серьезныхъ непріятностей, такъ какъ на него пало обвиненіе въ томъ, что онъ разглашалъ тайны, узнанныя на службѣ изъ секретныхъ архивовъ. Благодаря участію покойнаго Императора, Самаринъ отдѣлался десятидневнымъ арестомъ въ крѣпости и переводомъ на службу (1849 г.) въ Симбирскую губернію, гдѣ находилось имѣніе его отца. Два съ половиною мѣсяца спустя, Самаринъ, по распоряженію министерства, былъ назначенъ къ Бибикову, въ Кіевъ, гдѣ онъ засталъ введеніе инвентарей, опредѣлявшихъ отношенія крестьянъ къ ихъ помѣщикамъ. Бибиковъ оцѣнилъ Самарина по достоинству и сдѣлалъ его правителемъ своей канцеляріи. Судьба какъ будто нарочно бросила Самарина въ такое положеніе, что онъ становился лицомъ къ лицу съ крестьянскимъ вопросомъ и могъ изучить его и отчасти направить въ сторону справедливости.

Въ 1853 г. Самарину было дозволено выйти въ отставку. Онъ занялся управленіемъ имѣнія, жилъ подолгу въ деревнѣ, изучалъ бытъ и хозяйственное положеніе крестьянъ. Необходимость отмѣны крѣпостнаго права все болѣе и болѣе выяснялась предъ нимъ. Онъ принялся изучать процессъ освобожденія крестьянъ при крѣпостной зависимости въ Западной Европѣ вообще, и въ Пруссіи въ особенности. Плодомъ этихъ занятій явилось обширное сочиненіе, оконченное незадолго до крестьянской реформы и появившееся въ журналѣ «Сельское благоустройство».

27-го ноября 1857 г. воспослѣдовало обнародованіе Высочайшихъ рескриптовъ, призывавшихъ дворянство къ составленію проектовъ объ улучшеніи быта крестьянъ. Въ концѣ же слѣдующаго года Юрій Федоровичъ поступаетъ по назначенію правительства, членомъ Самарскаго комитета. Затѣмъ въ 1859 г. онъ получаетъ приглашеніе принять участіе въ трудахъ Редакціонной коммиссіи, открытой въ Петербургѣ.

Предсѣдателемъ коммиссіи былъ, какъ извѣстно, назначенъ Я. И. Ростовцевъ, главный же центръ дѣятельности ея составляли: Н. А. Милютинъ, князь Черкасскій и Самаринъ. Юрію Федоровичу пришлось пережить всѣ перипетіи крестьянскаго вопроса и въ теченіи трехъ лѣтъ, до 1864 г., исполнять званіе члена губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ въ Самарѣ.

Въ 1864 г., во время польскаго возстанія, онъ принялъ дѣятельное участіе, вмѣстѣ съ Н. А. Милютинымъ и кн. Черкасскимъ, въ составленіи положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости въ царствѣ Польскомъ.

Лучшей характеристикой самоотверженной преданности дѣлу Юрія Федоровича можетъ служить свидѣтельство его доктора, г. Виноградскаго, утверждавшаго, что до 1859 г., т. е. до начала его тяжелой, трудолюбивой службы въ Редакціонной коммиссіи, онъ пользовался всегда отличнымъ здоровьемъ и не только не болѣлъ серьезно, но даже не былъ знакомъ и съ легкимъ нездоровьемъ. Страстно любя охоту, будучи отличнымъ стрѣлкомъ, онъ смѣло проводилъ дни подъ дождемъ и вѣтромъ, не платясь за это даже малѣйшей простудой. Но усиленные, безпрерывные труды, которымъ онъ отдавался не щадя себя, наконецъ поколебали и его желѣзный организмъ. Съ 1859 г. силы его навсегда поколебались. Да и немудрено, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія дошли до насъ о его по истинѣ неутомимомъ рвеніи къ дѣлу. Такъ, напримѣръ, камердинеръ его свидѣтельству-

етъ, что онъ почти постоянно оставлялъ Юрія Федоровича въ 12 часу въ кабинетѣ за рабочимъ столомъ и приходя утромъ часу въ 8 для уборки комнаты, находилъ его съ перомъ въ рукѣ при догорающихъ свѣчахъ, несмотря на яркое солнце, привѣтливо свѣтившее въ окно.

Очень естественно, что подобное напряженіе силъ должно было повлечь за собою роковыя послѣдствія. Дѣйствительно, 6-го августа 1859 г., ночью, онъ такъ почувствовалъ себя дурно, что принужденъ быть позвать къ себѣ на помощь слугу. Призванные врачи, поспѣшившіе принять различныя мѣры: піявки, кровопусканіе, нашли у Юрія Федоровича сильнѣйшій приливъ крови къ мозгу или, какъ принято называть, ударъ. Хотя поданная помощь и возстановила равновѣсіе въ организмѣ, но разъ уже надорванныя силы не могли возстановиться вполнѣ. Приливы стали повторяться. Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ перваго удара, случился второй. Поводомъ къ тому послужило извѣстіе о смерти Хомякова. Родные поспѣшили отправить Юрія Федоровича заграницу, откуда онъ вернулся къ концу года, повидимому, съ совершенно возстановившимися силами. Вѣроятнѣе всего предположить, что благодатный организмъ его дѣйствительно пришелъ бы въ прежнее равновѣсіе, еслибъ только Юрій Федоровичъ далъ ему время отдохнуть и оправиться. Но Юрій Федоровичъ былъ не таковъ. Жажда дѣятельности, стремленіе быть полезнымъ родному краю перевѣшивала въ немъ все, даже инстиктъ самосохраненія.

21-го февраля 1861 г., мы застаемъ его уже на пути въ Самару, гдѣ онъ и засѣдаетъ два или три года въ губернскомъ по дѣламъ крестьянъ присутствіи. Въ 1862 г., работаетъ въ Варшавѣ, гдѣ гибельные приливы возобновляются съ новой силой. Въ 1865 г. онъ печатаетъ въ «Днѣ», затѣмъ издаетъ отдѣльной книгой, выдержавшей два изданія, цѣлый рядъ талантливыхъ полемическихъ писемъ объ іезуитахъ Въ декабрѣ 1866 г. онъ съ блескомъ выступа-

етъ въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи. Въ 1868 г., заграницей, печатаетъ два выпуска «Окраины Россіи», посвященныхъ положенію латышей въ Прибалтійскомъ краѣ, въ соціальномъ, религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ и томъ богословскихъ сочиненій Хомякова съ своимъ предисловіемъ. Въ 1871 г. выходитъ третій выпускъ «Окраинъ», въ 1873—75 гг., четвертый и пятый. (Послѣдній, шестой выпускъ, появился уже послѣ смерти Юрія Федоровича въ 1876 г.). Въ 1875-же году издаетъ онъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ полемическихъ сочиненій въ цѣлой русской литературѣ, свой отвѣтъ генералу Фадѣеву, автору книги: «Чѣмъ намъ быть».

Литературными трудами, однако, не исчерпывалась еще вся дѣятельность Юрія Ѳодоровича. Такъ въ 1870—1871 годахъ онъ, въ качествѣ гласнаго московскаго земства, предсѣдательствуетъ въ коммиссіи, назначенной земствомъ для обсужденія податнаго вопроса и составляетъ подробный, тщательно разработанный проектъ о податной реформѣ, въ смыслѣ уравненія всѣхъ сословій. Проектъ этотъ оказался лучшимъ и побудилъ земства многихъ губерній, по названному вопросу, обращаться за совѣтами къ Юрію Ѳодоровичу и даже сгруппироваться вокругъ него.

Въ концѣ декабря 1875 г. Самаринъ уѣхалъ въ Петербургъ, а въ началѣ 1876 г. въ Берлинъ, куда, главнымъ образомъ, влекло его желаніе какъ можно ближе ознакомиться съ прусской финансовой реформой. Выше мы видѣли уже какое дѣятельное участіе принималъ онъ въ засѣданіяхъ коммиссіи по вопросу о замѣнѣ подушной подати съ крестьянъ безсословными и болѣе раціональными налогами. Очень естественно, что онъ, по своей привычкѣ всецѣло отдаваться разъ намѣченному дѣлу, продолжалъ работать надъ этимъ вопросомъ и тогда, когда офиціальное движеніе по немъ на время пріостановилось. Въ письмѣ своемъ отъ 21 сентября 1874 г. изъ Берлина къ брату своему, Дми-

трію Θедоровичу, онъ, между прочимъ, говоритъ: «хочу написать большую статью о прусскихъ личныхъ налогахъ, прежнихъ и теперешнихъ (поголовномъ, классномъ и подоходномъ). Тутъ найдется много для насъ интереснаго и поучительнаго. Почти всѣ матеріалы научные я собралъ, но очень трудно добывать служебные, оффиціальные, какъ-то циркуляры, резолюціи, судебныя рѣшенія. Къ счастію для меня, отыскался Ф. Бринкенъ, совѣтникъ министерства, ученый и практикъ по этой части, который издалъ особое сочиненіе о личномъ налогѣ и, по моей просьбѣ, очень обязательно вызвался сообщить мнѣ свои рукописные матеріалы. Онъ явится ко мнѣ завтра, а я буду ѣздить къ нему въ Потсдамъ. Кромѣ того, къ 11 октября, назначенъ въ Эйзенахѣ съѣздъ нѣмецкихъ экономистовъ для обсужденія вопроса о новомъ подоходномъ налогѣ для Германской имперіи. Хочу побывать и тамъ, если добуду приглашеніе». На съѣздѣ Юрій Θедоровичъ дѣйствительно былъ и съ тѣхъ поръ состоялъ членомъ общества: «Verein für Socialpolitik». Изъ программы засѣданій этого общества на 11 и 12 октября 1874 г. видно, что долженъ былъ обсуждаться вопросъ о личныхъ налогахъ. Докладчикомъ былъ извѣстный экономистъ, профессоръ Нассе. Въ послѣднее свое пребываніе въ Берлинѣ, въ 1876 г. Юрій Θедоровичъ продолжалъ свои занятія по изслѣдованію прусской податной реформы и въ бумагахъ его найдено нѣсколько статей, относящихся до названнаго вопроса, между прочимъ начало второй статьи «Финансовыя реформы въ Пруссіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія», вошедшей въ составъ VI тома «Сборника Государственныхъ знаній».

Докторъ Дитерици, по просьбѣ Юрія Θедоровича, взялся составить записку о податныхъ реформахъ на основаніи архивныхъ, ненапечатанныхъ документовъ. Онъ, между прочимъ, пожелалъ угостить у себя обѣдомъ Юрія Θедоровича, но такъ какъ послѣдній въ это время собирался въ

Парижъ, то обѣдъ былъ отложенъ до его возвращенія. Юрій Өедоровичъ вернулся въ Берлинъ 7 марта и тотчасъ извѣстилъ о томъ Дитерици, прося назначить день. Дитерици назначилъ четвергъ. У Юрія Өедоровича, между тѣмъ, на правомъ предплечіи образовалась небольшая жировая опухоль. Въ среду утромъ дѣлали ему операцію. Не смотря на это, въ назначенный день онъ явился къ Дитерици. По словамъ послѣдняго, ни онъ самъ, ни гости его ничего не подозрѣвали о болѣзни Самарина, такъ какъ Юрій Өедоровичъ былъ веселъ и чрезвычайно привѣтливъ со всѣми. За обѣдомъ, на тостъ хозяина, онъ отвѣтилъ длинной и блестящей рѣчью, въ которой охарактеризовалъ взаимныя отношеніи Пруссіи и Россіи, съ одной стороны указавъ на могущественную поддержку Россіи, оказанную Германіи послѣ 1812 г. и въ теченіи послѣдней франко-прусской войны въ особенности, съ другой на пользу, которую принесла Германія Россіи своимъ просвѣщеніемъ и научнымъ богатствомъ, вслѣдствіе чего каждый образованный русскій питаетъ къ Германіи чувство благодарности, на ту пользу, какую принесло изученіе крестьянской реформы въ Пруссіи при разработкѣ вопроса объ освобожденіи крѣпостныхъ въ Россіи, сказалъ что для предстоящаго преобразованія нашей податной системы тоже приходится обратиться къ Пруссіи, упомянулъ о своемъ уваженіи къ Штейну и о значеніи послѣдняго въ эпоху возрожденія Пруссіи. Рѣчь Самарина привела въ восторгъ всѣхъ присутствующихъ.

Послѣ обѣда Юрій Өедоровичъ, не смотря на настоянія хозяина, скоро уѣхалъ, ссылаясь на то, что ему нужно заняться приведеніемъ въ порядокъ и укладкой вещей, въ виду скораго отъѣзда въ Россію. Дитерици не рѣшился удерживать его, такъ какъ Юрій Өед. казался блѣднымъ и утомленнымъ.

Въ субботу, 14-го марта, Самаринъ принужденъ былъ лечь въ больницу, такъ какъ на больной рукѣ образовалась рожа, затѣмъ гангрена и гнойная горячка. Юрій Өедо-

ровичъ умеръ 19 марта 1876 г. на 57 году отъ рожденія. Отпѣваніе по обряду православной церкви совершалось въ Берлинѣ, въ лютеранской капеллѣ. Тѣло прибыло въ Петербургъ 27 марта, въ 12 часовъ дня, и немедленно было перевезено на станцію Николаевской желѣзной дороги, гдѣ въ $1^1/_2$ по полудни, въ одной изъ залъ, совершена панихида при большемъ стеченіи публики, едва умѣщавшейся въ залѣ. Панихиду совершалъ ректоръ Петербургской Духовной Академіи, протоіерей І. Л. Янышевъ, произнесшій глубоко прочувствованное слово. Кромѣ Янышева, по окончаніи панихиды, говорилъ рѣчь священникъ и професоръ Петербургскаго университета М. И. Горчаковъ.

Въ Москву тѣло прибыло въ понедѣльникъ 29 марта. Родственники, друзья покойнаго, почитатели и нѣкоторые изъ гласныхъ московской думы, провожали погребальную колесницу до кладбища Даниловскаго монастыря, гдѣ и покоятся бренные останки Юрія Ѳедоровича. Петербургскій и московскій славянскіе комитеты, равно какъ и московская городская дума почтили память Самарина особыми засѣданіями.

Въ заключеніе позволяемъ себѣ привести эпизодъ, правда очень мелкій, но который, по нашему мнѣнію, чрезвычайно ярко обрисовываетъ Юрія Ѳедоровича и даетъ ключъ къ правильной оцѣнкѣ его нравственнаго міровоззрѣнія.

Въ бытность свою въ деревнѣ Самарской губерніи, Юрій Ѳедоровичъ, за болѣзнію законоучителя, самъ ходилъ въ приходскую школу для занятій съ дѣтьми по закону Божію и, кромѣ того, велъ воскресныя бесѣды для взрослыхъ крестьянъ. Послѣдніе, въ видѣ вознагражденія за его труды, преподнесли ему рубль. Юрій Ѳедоровичъ, никогда не бравшій никакой платы, отказывавшійся постоянно отъ казеннаго жалованья, пришелъ отъ этого рубля въ неописанный восторгъ и говорилъ о немъ друзьямъ съ чисто дѣтскою радостью.

X.

Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ.

1816—1860 гг.

Подобно многимъ другимъ геніальнымъ личностямъ, знаменитый нашъ комикъ, Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ, не былъ баловнемъ судьбы, довольно рано познакомился съ печальнымъ житейскимъ опытомъ и всю жизнь не переставалъ бороться съ враждебными обстоятельствами. Родился онъ въ Петербургѣ, 12 іюля 1816 г. Отецъ его былъ управляющимъ у Екатерины Александровны Сухозанетъ. Ни по своему общественному положенію, ни по денежнымъ обстоятельствамъ, онъ не могъ дать сыну того воспитанія, какого бы желалъ. Будущаго великаго артиста, казалось, ждала участь мелкаго чиновника или, много, учителя. Вмѣшательство въ это дѣло г-жи Сухозанетъ спасло для Россіи молодой талантъ и направило его на болѣе свойственное для него поприще. Судьба мальчика, нерѣдко потѣшавшаго ее своими оригинальными выходками, заинтересовала Екатерину Александровну и она довольно дѣятельно начала хлопотать объ опредѣленіи его въ театральное училище. Съ этою цѣлью, между прочимъ, пригласила она къ себѣ на обѣдъ членовъ тогдашняго театральнаго комитета: князя Гагарина, графа Вьельгорскаго, графа Кутайсова и князя Долгорукова. Опредѣленіе въ названное училище за-

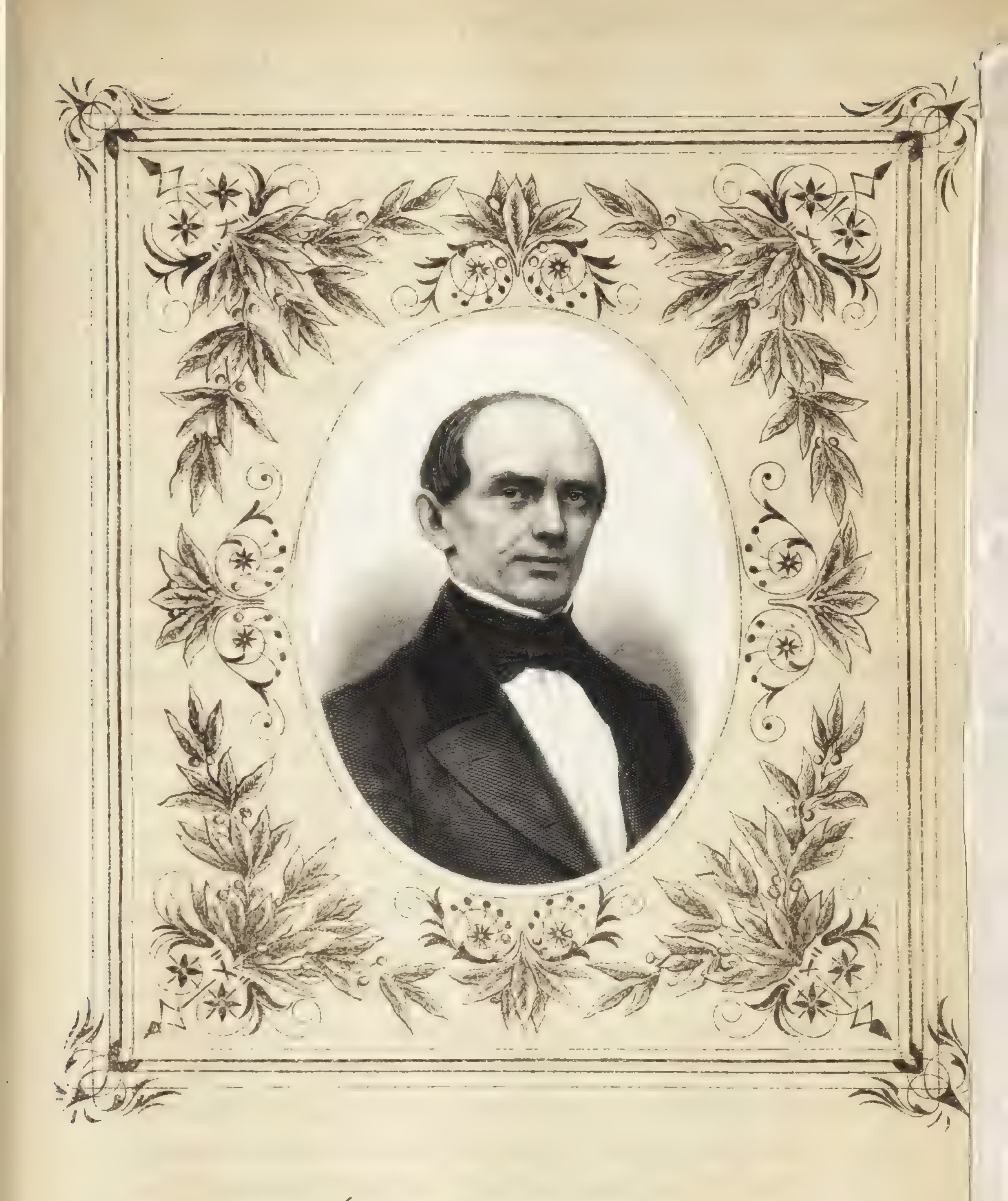

X.

Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ.

1816—1860 гг.

Подобно многимъ другимъ геніальнымъ личностямъ, знаменитый нашъ комикъ, Александръ Евстафьевичъ Мартыновъ, не былъ баловнемъ судьбы, довольно рано познакомился съ печальнымъ житейскимъ опытомъ и всю жизнь не переставалъ бороться съ враждебными обстоятельствами. Родился онъ въ Петербургѣ, 12 іюля 1816 г. Отецъ его былъ управляющимъ у Екатерины Александровны Сухозанетъ. Ни по своему общественному положенію, ни по денежнымъ обстоятельствамъ, онъ не могъ дать сыну того воспитанія, какого бы желалъ. Будущаго великаго артиста, казалось, ждала участь мелкаго чиновника или, много, учителя. Вмѣшательство въ это дѣло г-жи Сухозанетъ спасло для Россіи молодой талантъ и направило его на болѣе свойственное для него поприще. Судьба мальчика, нерѣдко потѣшавшаго ее своими оригинальными выходками, заинтересовала Екатерину Александровну и она довольно дѣятельно начала хлопотать объ опредѣленіи его въ театральное училище. Съ этою цѣлью, между прочимъ, пригласила она къ себѣ на обѣдъ членовъ тогдашняго театральнаго комитета: князя Гагарина, графа Вьельгорскаго, графа Кутайсова и князя Долгорукова. Опредѣленіе въ названное училище за-

висѣло главнымъ образомъ отъ князя Гагарина. Между тѣмъ, случайно, именно онъ-то и не могъ быть на вышеозначенномъ обѣдѣ. Екатерина Александровна, не желая остановиться на полдорогѣ, написала князю письмо, въ которомъ горячо рекомендовала его вниманію своего юнаго протеже; князь принялъ обоихъ Мартыновыхъ чрезвычайно радушно, обѣщалъ свое содѣйствіе и приказалъ имъ явиться къ управляющему императорскими театрами, Остолопову. Остолоповъ, въ свою очередь, послалъ ихъ къ члену театральной конторы Гемнигу. Къ послѣднему Мартыновъ-отецъ явился одинъ. Любезность и вниманіе театральнаго начальства, повидимому, увеличивались сообразно высотѣ поста и уменьшались съ его пониженіемъ. Мартыновъ, обласканный княземъ, былъ встрѣченъ Гемнигомъ такъ сухо, такъ рѣзко отозвался невозможностью исполнить желаніе князя, что Мартыновъ поспѣшилъ отретироваться и даже вовсе отказался отъ надежды видѣть сына своего въ училищѣ. Послѣднему онъ велѣлъ снова начать готовиться къ поступленію въ Петро-павловскую школу, куда намѣревался онъ отдать его ранѣе вмѣшательства г-жи Сухозанетъ. Молодой Мартыновъ, сообразно съ этимъ, переселился даже къ своей теткѣ, жившей у Казанскаго моста и отъ которой, слѣдовательно, ему было ближе ходить въ избранную отцомъ школу. Къ счастію, неожиданный случай помогъ ему снова стать на ту дорогу, съ которой чуть было не столкнулъ его неласковый пріемъ Гемнига. Разъ, идя къ отцу, Александръ Евстафьевичъ столкнулся на улицѣ съ княземъ Гагаринымъ. Князь, воображавшій, что молодой Мартыновъ уже давнымъ давно находится въ театральномъ училищѣ, обратился къ нему съ выговоромъ зачѣмъ онъ не въ классахъ. Дѣло разъяснилось. На слѣдующій день, сообразно волѣ князя, оба Мартынова снова находились у него. Часа черезъ два всѣ формальности были покончены и десятилѣт-

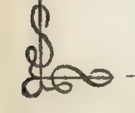

ній Мартыновъ очутился наконецъ казеннокоштнымъ воспитанникомъ театральнаго училища.

Въ началѣ существованія этого училища все вниманіе начальства было концентрировано на балетѣ. Училище имѣло какъ бы спеціальное назначеніе приготовлять танцовщиковъ и танцовщицъ. Драматическій классъ учрежденъ нѣсколько позднѣе, причемъ руководство надъ нимъ поручено извѣстному трагику Дмитревскому, нѣкогда состоявшему въ труппѣ основателя русскаго театра Волкова. Затѣмъ введено преподаваніе пѣнія и инструментальной музыки, а въ 1829 г. окончательно изданъ новый уставъ

Несмотря на существованіе драматическаго и музыкальнаго классовъ, молодому Мартынову, наравнѣ со всѣми прочими воспитанниками пришлось начинать съ хореографическихъ упражненій. Балетмейстеромъ въ то время состоялъ знаменитый, воспѣтый Пушкинымъ Дидло. Въ его классѣ Александръ Евстафьевичъ пробылъ два года и оказалъ такіе успѣхи, что строгій и разборчивый Дидло поставилъ его, наконецъ, въ «первую пору», т. е. открылъ ему дорогу въ первые танцовщики. Весьма вѣроятно, что Мартыновъ такъ бы и остался на этомъ пути, но Дидло умеръ, а преемники его скоро совершенно упустили изъ виду молодого хореографа. Другой талантъ Александра Евстафьевича, между тѣмъ, чуть не увлекъ его на новое, не менѣе чуждое ему, поприще.

Въ описываемое нами время театральною дирекціею былъ приглашенъ извѣстный декораторъ Конопи. Конопи, въ числѣ принятыхъ на себя условій, обязался также обучить своему искуству не менѣе двухъ учениковъ театральнаго училища. Такъ какъ Александръ Евстафьевичъ рисовалъ хорошо и, казалось, подавалъ большія надежды, то его, вмѣстѣ съ воспитанникомъ Горшенковымъ поручили Конопи. Три года провелъ онъ въ изученіи декоративнаго искуства и привелъ учителя своими успѣхами въ такой восторгъ,

что послѣдній сталъ глядѣть на него, какъ на достойнаго себѣ преемника. Очень возможно, что эти уроки послужили Мартынову на пользу, давъ ему впослѣдствіи возможность достичь въ искуствѣ гримировки неподражаемаго совершенства.

Въ 1831 г. Конопи умеръ и Мартыновъ снова остался безъ наставника, въ прежнемъ неопредѣленномъ положеніи. Между тѣмъ ему уже минуло пятнадцать лѣтъ. Нѣкоторые изъ его товарищей разыгрывали разныя пьесы на училищной сценѣ, готовились въ актеры. Мартыновъ отъ всего сердца завидовалъ ихъ участи и, насколько могъ, добивался того-же. Наконецъ усилія его увѣнчались успѣхомъ. Ему стали поручать нѣкоторыя роли, но, какъ новичку, выбирали самыя ничтожныя. Какъ бы то ни было, громадный талантъ Мартынова даже и на столь скудной почвѣ съумѣлъ проявить свою мощь. Съ перваго же раза онъ почувствовалъ себя на сценѣ какъ дома. Ходилъ, дѣйствовалъ совершенно свободно. П. А. Каратыгинъ, состоявшій при училищѣ репетиторомъ, скоро разгадалъ дарованіе Александра Евстафьевича и принялъ его подъ свое покровительство. Мартыновъ всегда съ чувствомъ глубокой признательности вспоминалъ, какъ П. А. Каратыгинъ, оставшись однажды очень доволенъ исполненіемъ роли въ пьесѣ «Хитрость служанки», поцѣловалъ его. «Это была первая награда, меня ободрившая, говорилъ Александръ Евстафьевичъ, и я о ней никогда не забуду». Впослѣдствіи, когда Мартыновъ, будучи еще воспитанникомъ, перешелъ на публичную сцену, П. А. Каратыгинъ продолжалъ ему покровительствовать, остался его постояннымъ защитникомъ и ходатаемъ.

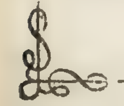
Первымъ дебютомъ своимъ Александръ Евстафьевичъ обязанъ опять таки случаю. Ранѣе ему поручали роли, но дотого ничтожныя, что даже и онъ ничѣмъ не могъ проявить своего таланта. Въ «Дочери волшебнаго міра», напримѣръ, онъ игралъ жокея. Актеръ Воротниковъ, испол-

нявшій роль «Мирошки» въ извѣстномъ въ свое время водевилѣ Григорьева 2 «Филатка и Мирошка, соперники, или четыре жениха и одна невѣста» внезапно заболѣлъ. Роль его передали Мартынову. Такимъ образомъ въ 1832 г. онъ, наконецъ, явился передъ публикой, имѣя возможность развернуть свои настоящія силы и выказать талантъ въ надлежащемъ свѣтѣ. Дебютъ оказался блистательнымъ. Послѣ того ему были поручены роли въ пьесахъ «Глухой или полный трактиръ» (актеръ Величкинъ) и «Женихъ лунатикъ». Въ «Женихѣ лунатикѣ» Мартыновъ въ первый разъ вызванъ одинъ, а не вмѣстѣ съ другими актерами.

Въ 1836 г. Мартыновъ вышелъ изъ училища. Не смотря на возрастающую къ нему симпатію публики, на расположеніе Гедеонова, еще на училищной сценѣ обратившаго на него вниманіе за исполненіе роли въ водевилѣ «Знакомые незнакомцы» и посовѣтовавшаго не покидать драматическаго искуства, Мартыновъ, въ матерьяльномъ отношеніи стоялъ въ чрезвычайно не выгодныхъ условіяхъ. Жалованье его было самое микроскопическое. Такъ напримѣръ извѣстно, что въ виду стѣсненныхъ своихъ обстоятельствъ, онъ принужденъ былъ жить вмѣстѣ съ товарищемъ. Оба они, поочередно, чистили свои сапоги. Роли, за неимѣніемъ сальной свѣчи, учили при свѣтѣ луны и проч. въ этомъ родѣ. Мартыновъ, впрочемъ, не глядя на все это, ухитрялся еще помогать отцу. Вообще въ этомъ періодѣ времени мы находимъ въ жизни Александра Евстафіевича много такихъ чертъ, которыя явно свидѣтельствуютъ, что онъ былъ столь же благородный и добрый человѣкъ, какъ и великій художникъ.

Кромѣ матерьяльной нужды, Мартынову приходилось бороться и съ другими не менѣе неблагопріятными условіями. По вышеприведеннымъ заглавіямъ пьесъ читатели уже могутъ видить до какой степени неудовлетворителенъ былъ тогдашній репертуаръ. Переводы и передѣлки заигранныхъ

и глупѣйшихъ французскихъ водевилей, нѣсколько комедій князя Шаховскаго, Загоскина—вотъ и все. Менѣе могучій талантъ навѣрно бы заглохъ и опошлился на столь неблагопріятной почвѣ. Но Мартыновъ съ честію вышелъ изъ тяжелаго испытанія. Ко всему вышесказанному о положеніи Мартынова, какъ артиста, надо еще присоединить пагубное вліяніе рутиннаго сценическаго обычая, не позволявшаго актеру выходить изъ тѣснаго предѣла своихъ ролей, своего амплуа, по техническому выраженію, и деспотизмъ публики, требовавшей, чтобъ ея любимецъ появлялся на сценѣ почти каждый день. Иногда въ одинъ и тотъ же вечеръ Александръ Евстафьевичъ исполнялъ нѣсколько ролей и въ недѣлю разучивалъ по двѣ и по три новыхъ пьесы, такъ что у него не только не хватало времени на обдумыванье типовъ и характеровъ, но даже и на простое заучиванье. Художническій инстинктъ, вдохновеніе однако всегда выручали его. Разъ, напримѣръ, Александру Евстафьевичу слѣдовало явиться въ роли начальника отдѣленія въ водевилѣ «Приключеніе въ Полюстровѣ». Онъ, между тѣмъ, не успѣлъ даже и поверхностно разучить ее. Какъ быть? Пошептавшись съ суфлеромъ, онъ велѣлъ подать себѣ трубку, одѣлъ вицмундиръ, застегнулъ его до верху, закрутилъ височки и вышелъ. Ходитъ по сценѣ, важно, размѣренно и пускаетъ тоненькія струйки дыма. Суфлеръ тѣмъ временемъ подсказываетъ ему надлежащія реплики, и такъ типиченъ вышелъ солидный чиновникъ, такъ гладко сошла вся роль, что публика пришла въ восхищеніе и новое созданіе своего любимца причла къ самымъ удачнымъ.

Какъ большинство комическихъ актеровъ, Мартыновъ не разъ пытался испробовать свои силы въ трагическихъ роляхъ. Такъ онъ игралъ Гарпагона въ «Скупомъ» Мольера, Михайлу въ драмѣ Потѣхина «Чужое добро въ прокъ не идетъ», Кащея. Во всѣхъ этихъ пьесахъ встрѣчались сцены, когда Мартыновъ потрясалъ зрителей трагизмомъ испо-

ненія. Тѣмъ не менѣе въ общемъ публика оставалась холодна къ этимъ попыткамъ. Она требовала, чтобъ столько уже смѣшившій ее любимецъ продолжалъ смѣшить. До артистическихъ порывовъ его ей не было дѣла. Нѣкоторые, впрочемъ, роптали; извѣстная часть любителей драматическаго искуства и литераторовъ начинали охладѣвать. Мартыновъ повторяется, говорили они, пошлость репертуара подѣйствовала на него гибельно.

Скоро однако толки эти должны были замолкнуть. 30 января 1859 г. поставлена на сцену пьеса Чернышева «Не въ деньгахъ счастье». Роль свою Мартыновъ сыгралъ такъ, что зала задрожала отъ рукоплесканій. Онъ глубоко взволновалъ души зрителей и увлекъ за собой всю публику. Комикъ Мартыновъ заставилъ всѣхъ плакать и содрагаться. Многіе изъ присутствовавшихъ на представленіи литераторовъ и журналистовъ бросились въ уборную Мартынова. И. С. Тургеневъ обнялъ Мартынова и взволнованнымъ голосомъ сказалъ ему: «Что вы со мной сегодня сдѣлали?» Затѣмъ пошли толки о томъ, что слѣдуетъ сблизиться съ Мартыновымъ, дать въ его честь обѣдъ и проч.

Обѣдъ, дѣйствительно, былъ данъ. Дружининъ и Островскій привѣтствовали Александра Евстафьевича рѣчами, Некрасовъ прочелъ стихи. Сверхъ того Мартынову былъ поднесенъ адресъ, покрытый подписями всѣхъ присутствовавшихъ и портфель съ фотографическими портретами почти всѣхъ участвовавшихъ. На портфелѣ находилась надпись: «Александру Евстафьевичу Мартынову отъ почитателей его прекраснаго таланта; 10-го марта 1859 г.» Мартыновъ былъ тронутъ до глубины души. Но отъ смущенія и волненія онъ не нашелся что отвѣчать на обращенныя къ нему рѣчи и едва смогъ пробормотать нѣсколько несвязныхъ словъ. Нѣкоторые изъ г–дъ литераторовъ обидѣлись этимъ и обвинили Александра Евстафьевича, что онъ заранѣе не приготовилъ приличнаго отвѣта. А между тѣмъ

возвратясь съ обѣда домой и отдавъ женѣ рѣчи, стихи и альбомъ, Мартыновъ бросился на диванъ и зарыдалъ.

Примѣромъ тому, какъ относился Мартыновъ къ своему искуству, можетъ служить слѣдующій случай. Разъ какъ-то, тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ «Горькой судьбины» Писемскаго, друзья, въ кругу которыхъ онъ находился, пристали къ нему съ просьбой прочесть эту драму. Александръ Евстафьевичъ отвѣчалъ, что онъ ознакомиться съ нею хорошенько не успѣлъ, а такъ, зря, читать не станетъ. Затѣмъ, однако, взялъ въ руки книгу и прочелъ послѣднія строки, гдѣ скованный Ананій прощается съ окружающимъ его міромъ. Строки эти такъ подѣйствовали на Мартынова, что онъ заплакалъ. Человѣкъ, такъ горячо сочувствующій искуству, долженъ неминуемо оказывать сильное вліяніе на своихъ слушателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ, надо полагать, силою своего артистическаго увлеченія, долженъ также подрывать и свои физическія силы.

Выше мы говорили о тѣхъ неблагопріятныхъ, матеріальныхъ условіяхъ, при которыхъ Мартынову пришлось начинать свою сценическую карьеру. Позднѣе источники его доходовъ нѣсколько увеличились. Такъ, онъ сталъ получать 1,400 руб. жалованья, 4 рубля поспектальной платы и полубенефисъ. Но скоро и эти средства оказались недостаточными. Вообразивъ себя на первыхъ порахъ богачемъ, Мартыновъ женился. Семья скоро увеличилась, дороговизна же петербургской жизни возрасла. Явились снова заботы. Отнюдь неискательный, Мартыновъ перебивался кой-какъ и молчалъ. Въ 1859 г., наконецъ, къ содержанію Самойлова сдѣлана была значительная прибавка. Обстоятельство это побудило и Александра Евстафьевича обратиться къ Гедеонову съ просьбой объ улучшеніи его участи. Гедеоновъ увеличилъ жалованье Мартынова до 1,660 рублей, поспектальную плату—до 35 руб., а полубенефисъ обратилъ

въ бенефисъ. Однако заботы, упорный и добросовѣстный трудъ успѣли уже подорвать силы великаго артиста.

Чахотка, развивавшаяся дотолѣ незамѣтно, обнаружилась лѣтомъ 1857 г. въ Павловскѣ, съ такой силой, что жизнь Мартынова была въ опасности. Однако онъ кое-какъ поправился. Лѣто 1858 г. онъ провелъ заграницей, частью въ Италіи, частью на эмскихъ водахъ. Ему стало лучше. Весной слѣдующаго года онъ снова уѣхалъ. Свидѣтельствовавшіе его извѣстнѣйшіе германскіе врачи сказали ему, что хотя легкія его разстроены, но что ему не грозитъ неминуемая опасность, «если онъ будетъ вести жизнь нормальную и спокойную». Предписаніе это равнялось приказанію оставить сцену. Но для Мартынова жизнь вдали отъ нея равнялась смерти. Потому онъ докторовъ не послушалъ. Въ теченіи 1859 г., онъ чувствовалъ себя прекрасно, много игралъ и въ самыхъ трудныхъ роляхъ своихъ.

Весною 1860 г. Мартыновъ предпринялъ артистическое путешествіе во внутрь Россіи. Прежде всего онъ остановился въ Москвѣ, гдѣ игра его произвела сильный энтузіазмъ. Тамъ имъ внезапно овладѣло страстное, болѣзненное желаніе повидаться съ семьей; воспользовавшись трехдневнымъ антрактомъ между представленіями, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, пробылъ день среди своихъ и вернулся въ Москву къ самому спектаклю.

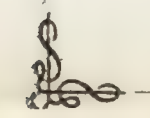
Изъ Москвы Мартыновъ, вмѣстѣ съ извѣстнымъ драматургомъ Островскимъ, который былъ съ нимъ въ самой тѣсной дружбѣ и заботился о немъ въ дорогѣ, какъ о родномъ братѣ, отправился на югъ, игралъ въ Воронежѣ и Одессѣ, но силы его начали замѣтно слабѣть. Въ Ялтѣ онъ лечился кумысомъ, но послѣдній скоро ему опротивѣлъ. Изъ Крыма онъ направился прежней дорогой. Не доѣзжая Харькова, онъ почувствовалъ себя такъ дурно, что сказалъ своему слугѣ, Степану: «я умру въ Харьковѣ». Отъѣздъ изъ послѣдняго города былъ назначенъ 14-го августа. Въ этотъ

день, однако, Мартыновъ былъ уже такъ слабъ, что не могъ перейти отъ кровати до дивана, на которомъ онъ обыкновенно лежалъ днемъ. 16-го числа созванъ былъ консиліумъ, но искуство врачей оказывалось безсильно: у Мартынова уже не было легкихъ. Въ пять часовъ онъ принялъ еще лекарство, въ шесть же не принималъ болѣе. Когда его спросили не зажечь ли огонь, онъ проговорилъ «зажгите». Это были его послѣднія слова. Часовъ въ семь больной, какъ-то странно обвелъ глазами комнату. Степанъ, думая, что онъ ищетъ его, всталъ передъ нимъ. Но глаза умирающаго уже ничего не видѣли. Дыханіе его становилось все тише, наконецъ черезъ полчаса его пе стало.

Мартыновъ умеръ въ пятницу, 16-го августа 1860 г. въ половинѣ восьмаго, пополудни, на 45 г. отъ рожденія.

4 го сентября тѣло Мартынова перевезено въ Москву. Артисты тамошняго театра встрѣтили прахъ своего великаго собрата за заставой. Въ Петербургъ тѣло привезено 11-го сентября, 13-го совершена заупокойная литургія въ Знаменской церкви. По выносѣ тѣла, народъ выпрягъ изъ погребальной колесницы лошадей и везъ гробъ на себѣ до Смоленскаго кладбища. Поровнявшись съ Александринскимъ театромъ, колесница была обвезена вокругъ зданія. На могилѣ, товарищъ покойнаго, П. И. Григорьевъ прочелъ глубоко прочувствованнос стихотвореніе.

Лучшей характеристикой того вліянія, какое производилъ Мартыновъ на зрителей, можетъ служить случай съ Лаблашемъ. Смотря на игру Мартынова, послѣдній хохоталъ отъ души. «Да развѣ вы понимаето по русски, что такъ смѣетесь»? спросили его.—Нѣтъ, по русски я не понимаю, отвѣчалъ пѣвецъ,—но я понимаю Мартынова.

XI.

Александръ Андреевичъ Ивановъ.

1806—1858 гг.

Александръ Андреевичъ Ивановъ былъ сынъ профессора исторической живописи, Андрея Ивановича (1777—1848 гг.) и родился въ Петербургѣ 16-го іюля 1806 г. Артистическія способности развились въ немъ чрезвычайно рано. Такъ, напримѣръ, на 12 году отъ роду онъ уже посѣщалъ гипсовый классъ академіи, а 18-ти лѣтъ, вмѣстѣ съ А. А. Нотбекомъ и А. Т. Марковымъ, старшими его на нѣсколько лѣтъ, принималъ участіе въ конкурсѣ по программѣ «Пріамъ проситъ у Ахиллеса тѣло Гектора», причемъ пальма первенства была отдана критикой Иванову, какъ оказавшему больше самостоятельности и выказавшему больше техническихъ знаній. Въ 1827 г. Ивановъ былъ удостоенъ 1-ой золотой медали за выполненіе программы «Іосифъ въ темницѣ». Этотъ трудъ молодаго художника уже отличался характеристическими особенностями его таланта. Лица фигуръ поражаютъ своей экспрессивностью, характеръ каждаго выраженъ ярко и тонко. Кромѣ программы, Ивановымъ въ томъ же году выставленъ картонъ карандашемъ съ извѣстной группы «Лаоконъ», удостоившійся полнаго одобренія профессоровъ.

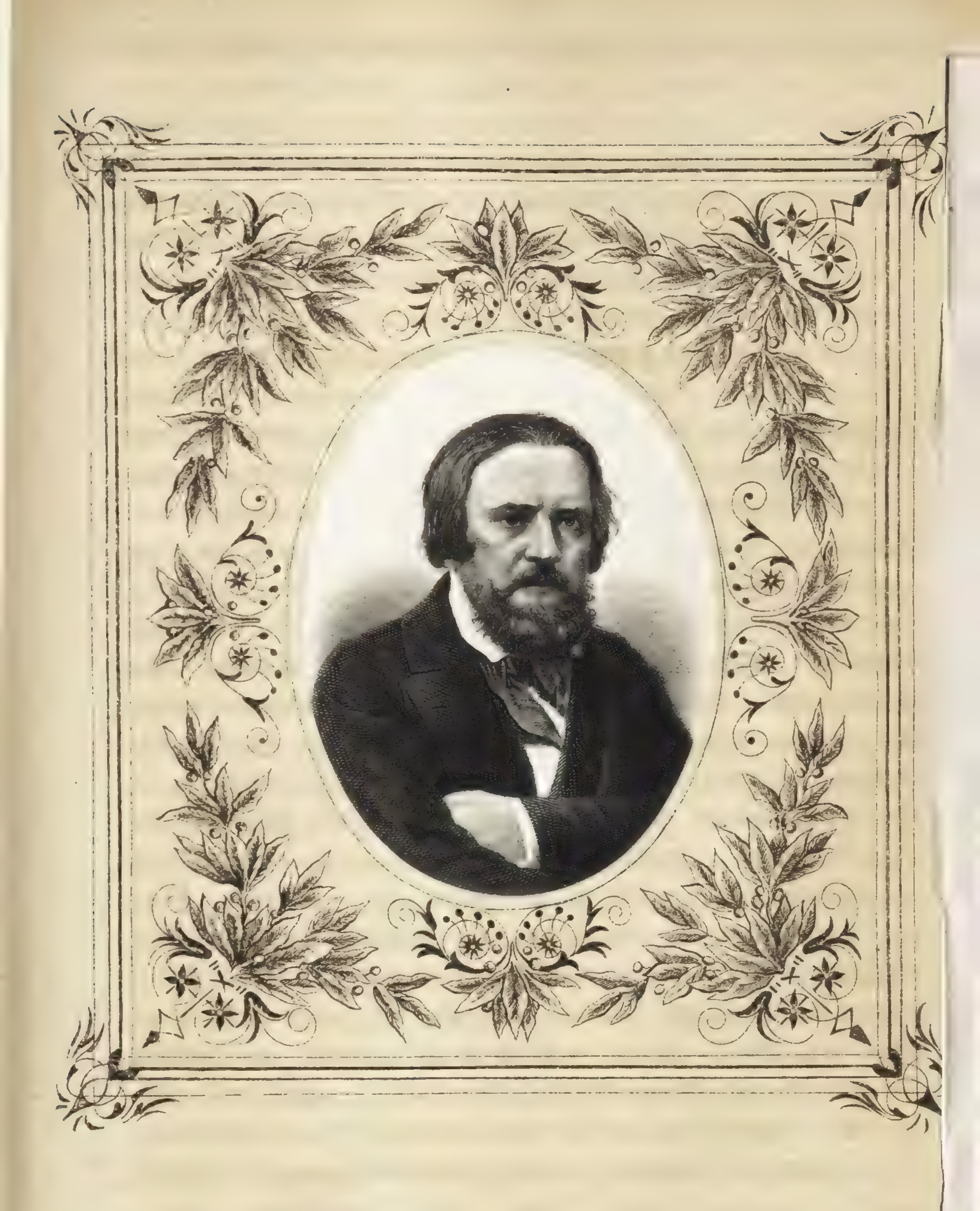

XI.

Александръ Андреевичъ Ивановъ.

1806 — 1858 гг.

Александръ Андреевичъ Ивановъ былъ сынъ профессора исторической живописи, Андрея Ивановича (1777—1848 гг.) и родился въ Петербургѣ 16-го іюля 1806 г. Артистическія способности развились въ немъ чрезвычайно рано. Такъ, напримѣръ, на 12 году отъ роду онъ уже посѣщалъ гипсовый классъ академіи, а 18-ти лѣтъ, вмѣстѣ съ А. А. Нотбекомъ и А. Т. Марковымъ, старшими его на нѣсколько лѣтъ, принималъ участіе въ конкурсѣ по программѣ «Пріамъ проситъ у Ахиллеса тѣло Гектора», причемъ пальма первенства была отдана критикой Иванову, какъ оказавшему больше самостоятельности и выказавшему больше техническихъ знаній. Въ 1827 г. Ивановъ былъ удостоенъ 1-ой золотой медали за выполненіе программы «Іосифъ въ темницѣ». Этотъ трудъ молодаго художника уже отличался характеристическими особенностями его таланта. Лица фигуръ поражаютъ своей экспрессивностью, характеръ каждаго выраженъ ярко и тонко. Кромѣ программы, Ивановымъ въ томъ же году выставленъ картонъ карандашемъ съ извѣстной группы «Лаоконъ», удостоившійся полнаго одобренія профессоровъ.

Александръ Ивановъ

Нѣсколько ранѣе, а именно ко дню коронаціи императора Николая Павловича, молодымъ художникомъ былъ выполненъ аллегорическій рисунокъ «Благоденствіе Россіи» и поднесенъ Его Величеству. Императоръ, какъ извѣстно, любившій поощрять таланты, но, въ тоже время, вѣрный цѣнитель искуства, остался недоволенъ композиціей и приказалъ рисунокъ возвратить съ замѣчаніемъ: «въ исторіи нашей есть довольно предметовъ для живописца; полезнѣе было бы молодому Иванову заниматься ими». Послѣ этой первой неудачной попытки, Ивановъ къ аллегорическимъ картинамъ болѣе не возвращался.

Получивъ 1-ю золотую медаль, Александръ Андреевичъ сталъ мечтать о поѣздкѣ въ Италію. Средства для осуществленія этого плана были ему даны обществомъ поощренія художниковъ, основанномъ въ 1820 г. Нѣкоторыя постороннія обстоятельства, однако, замедлили его отъѣздъ на цѣлыхъ три года. Молодой Ивановъ, живя у отца въ академіи и беря уроки музыки у извѣстнаго въ свое время музыкальнаго учителя Гюльпена, влюбился въ его дочь. Увлеченіе было такъ сильно, что юноша рѣшался даже растаться съ мечтами о славѣ и отказаться отъ поѣздки въ Италію. Такой именно романъ розыгрался нѣкогда въ жизни его отца. Другъ Иванова, пейзажистъ Рабусъ, однако, успѣлъ отговорить его отъ подобнаго нравственнаго самоубійства и съумѣлъ разбудить въ немъ дремавшую страсть къ искуству. Весной 1829 г. Ивановъ сильно заболѣлъ, вѣроятно вслѣдствіе душевныхъ волненій и борьбы съ самимъ собою, оправившись же, съ новымъ жаромъ принялся за работу. Въ это время по заказу общества поощренія художниковъ, исполненъ имъ громадный картонъ античнаго «бойца, играющаго въ мячъ» и «Беллерофонтъ, отправляющійся въ походъ противъ Химеры». Первый картонъ вышелъ чрезвычайно удаченъ, композиція же Беллерофонта не удовлетворила общество и послѣднее сдѣлало даже моло-

дому своему пансіонеру рѣзкій выговоръ за «неслушанье совѣтовъ» и грозило лишить его своего покровительства. Обстоятельство это Ивановъ приписывалъ неудовольствію общества на К. И. Брюллова, которому оно дало возможность пробыть первыя восемь лѣтъ въ Италіи, и который затѣмъ порвалъ съ нимъ всякую связь. Какъ бы то ни было, непріятность эта снова уложила плохо оправившагоси Иванова въ постель. Тѣлесная немощь, впрочемъ, не прерывала его занятій, и онъ, больной, писалъ иконостасъ, читалъ Зульцера и бралъ уроки французскаго языка. Для общества покровительства художниковъ выполненъ имъ третій картонъ съ Венеры Медичійской. Лѣтомъ, 1830 г., когда Александръ Андреевичъ былъ уже на пути въ Римъ, «Венера» и «Боецъ» появились на выставкѣ въ академіи. Посвятивъ первые мѣсяцы на подробный осмотръ всѣхъ сокровищъ вѣчнаго города, Ивановъ принялся за тѣмъ по заказу общества за копію съ картона Микель-Анджело «Сотвореніе человѣка», находящагося въ Сикстинской капеллѣ. Въ 1833 г. копія была окончена, прислана въ Россію и выставлена въ залахъ академіи художествъ.

Идея картины «Явленіе Христа народу» зародилась уже давно въ головѣ художника. Но первыя попытки воплощенія ея относятся именно къ этому времени. Работалъ надъ ею Ивановъ не спѣша, всѣ свои силы, всю свою душу влагая въ дѣло. Онъ начиналъ одинъ эскизъ за другимъ, бросалъ ихъ подъ впечатлѣніемъ замѣчаній Торвальдсена, Корнеліуса, Овербека и Камуччини, изучалъ образцы великихъ мастеровъ, набрасывалъ отдѣльные этюды съ натуры; жилъ отшельникомъ; размышлялъ, доискивался простоты, художественной правды. Параллельно трудился онъ надъ другимъ своимъ произведеніемъ, составляющимъ какъ бы переходную ступень отъ первыхъ его работъ къ Мессіи. «Явленіе Спасителя Магдалинѣ», равно какъ и надъ не большой картиной «Аполлонъ среди любимцевъ своихъ,

Гіацинта и Кипариса». Между тѣмъ четырехлѣтній срокъ, на который была положена обществомъ пенсія, близился къ концу. Опасаясь, что недостатокъ матеріальныхъ средствъ заставитъ его отказаться отъ задуманнаго произведенія, Ивановъ, въ отчаяніи, рѣшился умолять общество продолжить пенсію, обѣщая окончаніемъ «Явленіе Спасителя Магдалинѣ». Въ ожиданіи отвѣта, окончивъ эскизъ «Аполлона», Ивановъ счелъ нужнымъ ближе ознакомиться съ твореніями великихъ колористовъ сѣверной Италіи и съ этою цѣлью объѣхалъ Флоренцію, Болонью, Парму, Миланъ и Венецію. Къ счастію, общество не отвергло просьбы Иванова и по возвращеніи своемъ въ Римъ художникъ нашелъ тамъ согласіе на продолженіе пенсіи. Съ новыми силами, подъ живымъ впечатлѣніемъ высокихъ образцовъ, принялся за свою картину «Явленіе Спасителя Магдалинѣ» и чрезъ короткое время окончилъ ее. Картина была поспѣшно отправлена въ Петербургъ и въ 1836 г. появилась на академической выставкѣ. Успѣхъ Иванова оказался громадный. Академія поспѣшила признать его своимъ членомъ, общество-же рѣшило продолжить срокъ пенсіи еще на два года. Радостныя извѣстія эти подоспѣли какъ нельзя болѣе кстати, такъ какъ Ивановъ снова лежалъ на одрѣ болѣзни. Ободренный, обрадованный художникъ снова принялся за кисть и, стремясь, какъ можно ближе ознакомиться съ твореніями древнихъ мастеровъ, Джотто, Гирландайо, Фіэзоле и Синьорелли, предпринялъ поѣздку въ Ассизи и Орвіэто. Здѣсь набросанъ имъ мастерской этюдъ группы деревьевъ, украшающихъ лѣвый планъ картины.

Работая съ жаромъ надъ своимъ любимымъ произведеніемъ, Ивановъ убѣдился что небольшихъ средствъ, отпускаемыхъ ему обществомъ, не хватаетъ для найма необходимаго количества натурщиковъ. Желая помочь бѣдѣ, онъ обратился въ общество съ предложеніемъ выполнить по заказу копію съ фрески Рафаэля: «Умѣренность, Сила и

Благоразуміе». Общество, однако, отвѣчало, что болѣе 3,000 р. ассигнаціями оно за копію предложить не можетъ. Тогда Ивановъ предпочелъ лучше прямо объяснить обществу свои затрудненія и просить его поддержки. Съ этою цѣлью послано имъ, 20-го апрѣля 1838 г., письмо съ приложеніемъ эскиза картины. Общество вмѣсто экстренной поддержки отвѣчало Иванову разрѣшеніемъ пенсіи още на одинъ и *послѣдній* годъ.

Такъ какъ обстоятельство это совпало съ пріѣздомъ въ Римъ Наслѣдника Цесаревича (нынѣ благополучно царствующаго Императора), то Ивановъ увѣдомилъ общество, что «онъ рѣшился отдать картину Государю за трехлѣтнее пенсіонерское содержаніе». Высочайшая поддержка дѣйствително была оказана художнику, но и по прошествіи трехъ назначенныхъ лѣтъ трудъ его все-таки не былъ доведенъ до конца.

Лѣтомъ 1842 г. Ивановъ заболѣлъ глазами. Болѣзнь эта была причиной тому, что онъ, наконецъ согласился открыть двери своей мастерской для публики. Картина, хотя еще не оконченная, произвела сильное впечатлѣніе и вѣсть о ней быстро разнеслась по Европѣ. Болѣзнь Иванова продолжалась не долго. Къ несчастью. только она не прошла безслѣдно и впослѣдствіи Иванову не разъ приходилось на цѣлые мѣсяцы отрываться отъ работы, благодаря повторявшимся припадкамъ ослабленія зрѣнія.

Въ тяжкое для Иванова время его единственной нравственной поддержкой является Гоголь, познакомившійся съ нимъ еще въ 1838 г. О томъ впечатлѣніи, какое произвело на послѣдняго «Явленіе Христа народу» хорошо извѣстно изъ «Переписки съ друзьями». Восторженныя похвалы знаменитаго писателя, въ одно и то же время, поднимали духъ впадшаго въ отчаяніе художника, и приготовляли ему въ будущемъ новыя разочарованія. Подзадоренная ими публика

ждала чудесъ и встрѣтила, вмѣсто того, произведеніе, лишенное рѣшительно всякихъ эффектовъ, всякихъ погремушекъ, правдивое и строгое какъ сама природа.

Нуждаясь въ матерьяльной поддержкѣ, Ивановъ не разъ пытался взять на себя выполненіе тѣхъ или другихъ заказовъ, но дѣло это какъ-то не клеилось. Въ 1843 г. правительство наше вызывало русскихъ художниковъ изъ Рима для работъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Ивановъ, однако, не пожелалъ покинуть Италіи и оторваться отъ своего произведенія. Въ томъ же году, онъ соглашался, по заказу Тона, написать запрестольный образъ для храма Спасителя въ Москвѣ; но переговоры относительно этого продмета кончились ничѣмъ.

Матерьяльное благосостояніе художника измѣнилось къ лучшему, благодаря предстательству Жуковскаго, выхлопотавшаго Иванову отъ правительства четырехлѣтнюю пенсію, которая дала ему средства продолжать свои труды и изученія. До какой степени отдавался Ивановъ своей картинѣ, какъ тщательно подготовлялъ матерьялъ, можно судить по тѣмъ фактамъ, которые дошли до насъ. Такъ, напримѣръ, онъ цѣлые дни проводилъ въ Понтійскихъ болотахъ, изучая характеръ пустынной, меланхолической мѣстности. На улицахъ пристально вглядывался въ лица прохожихъ, стараясь уловить оттѣнки душевныхъ движеній. Въ церквахъ, подолгу слѣдилъ за «молитвой человѣка». Но чѣмъ выше стоялъ идеалъ художника, тѣмъ строже относился онъ къ выполненію, тѣмъ яснѣе сознавалъ свое безсиліе предъ начертанной задачей. Нерѣдко казалось ему, что кисть его слишкомъ слаба, слишко блѣдна и отчаяніе, глубокое отчаяніе, знакомое только геніальнымъ личностямъ, охватывало его душу.

Въ 1845 г. въ Римъ пріѣхалъ К. А. Тонъ, строитель храма Спасителя въ Москвѣ. Художники пожелали почтить его обѣдомъ. На обѣдѣ Тонъ предложилъ Иванову напи-

сать Евангелистовъ для храма. Такъ какъ ранѣе Александръ Андреевичъ разсчитывалъ исполнить запрестольный образъ, т. е. гораздо болѣе важную работу, то предложеніе это оскорбило его. Онъ отвѣчалъ отказомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ огорченія, онъ захворалъ. Присылка денегъ изъ Петербурга, однако, ободрила его. Онъ снова началъ работать, но не надолго. Въ 1848 г. онъ опять занемогъ, а когда оправился, послѣдовала осада Рима и ему пришлось надолго отказаться отъ работы.

Въ 1858 г. «Явленіе Христа народу» было окончено. Послѣ двадцати-восьми-лѣтняго пребыванія на чужбинѣ, Ивановъ возвращался въ Петербургъ. Въ маѣ онъ имѣлъ уже счастіе представить свое произведеніе Государю. Милостивое вниманіе Монарха породило въ художникѣ самыя радужныя мечты. Онъ надѣялся, что трудъ его будетъ оцѣненъ по достоинству какъ собратіями по искуству, такъ и публикою. Но надеждамъ его не суждено было осуществиться. Профессора академіи (нынѣ уже сошедшіе со сцены) отнеслись къ картинѣ Иванова съ недовѣріемъ и неодобреніемъ. Ихъ она не удовлетворяла. Напротивъ, она стояла въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тѣми понятіями, какія выработала долговременная, излюбленная ими рутина. Въ Римѣ одинъ англичанинъ предлагалъ Иванову за его картину цѣлое состояніе. Академія не сочла возможнымъ заплатить за нее даже нѣсколько тысячъ. Разочарованный, лишенный всякой энергіи, Ивановъ страдалъ глубоко. Счастье, однако, снова улыбнулось ему. Ея высочество, великая княгиня Марія Николаевна, президентъ академіи, изволила обратить свое милостивое вниманіе на художника. Благодаря ея высокому вмѣшательству, на трудъ Иванова иначе взглянули и члены академіи. Геніальнаго труженика признали профессоромъ исторической живописи, но только, къ несчастью, признаніе это явилось слишкомъ поздно. На похоронахъ Монферрана, строителя Исаакіевскаго собора, Ивановъ простудил-

ся, почувствовалъ первые приступы холеры и 3-го іюля 1858 г. его не стало.

Прахъ знаменитаго художника, проложившаго новый путь отечественному искуству, родоначальника новой реальной школы, покоится на кладбищѣ Новодѣвичьяго монастыря. Произведеніе же его, купленное Государемъ Императоромъ, пожертвовано Его Величествомъ Московскому музеуму.

XII.

Дмитрій Степановичъ Бортнянскій.

1751—1825 гг.

Бортнянскій былъ не только самымъ замѣчательнымъ русскимъ духовнымъ композиторомъ, но и преобразователемъ церковнаго пѣнія. Въ качествѣ послѣдняго, онъ можетъ по-истинѣ быть названъ русскимъ Палестрино какъ подобно знаменитому автору Stabat Mater, введшему, такъ въ XVI вѣкѣ, въ католическую духовную музыку простоту и правильность, взамѣнъ царившей до него вычурности, Дмитрій Степановичъ избавилъ наше богослужебное пѣніе отъ вычурнаго направленія, приданнаго ему оперными композиторами: Арайя, Керцелли, Галуппи и Сарти. Онъ далъ намъ пѣніе простое, но тѣмъ не менѣе полное величія, красоты, увлекающее къ молитвѣ и трогающее до слезъ.

Бортнянскій родился въ 1751 г. въ городѣ Глуховѣ, Черниговской губерніи. Благодаря своему замѣчательному дисканту, онъ былъ выбранъ съ семилѣтняго возраста въ придворный хоръ пѣвчимъ и здѣсь вскорѣ замѣченъ Императрицей Елизаветой Петровной, поручившей придворному капельмейстеру Галуппи заняться музыкальнымъ образованіемъ маленькаго пѣвца. Но Галуппи чрезъ непродолжительное время оставилъ Россію и вернулся на родину, въ Венецію, вслѣдствіе чего образованіе Бортнянскаго прервалось до воцаренія Екатерины II. Великая Императрица, заботившаяся о талантливыхъ личностяхъ всѣхъ поприщъ, не

XII.

Дмитрій Степановичъ Бортнянскій

(1751—1825 г.)

Бортнянскій былъ не только самымъ замѣчательнымъ русскимъ духовнымъ композиторомъ, но и преобразователемъ церковнаго пѣнія. [illegible] онъ [illegible] былъ [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] простоту [illegible] вычурности. [illegible] вычурнаго направленія, приданнаго ему оперными композиторами: [illegible], [illegible], Галуппи и [illegible], онъ далъ [illegible] пѣніе простое, но тѣмъ не менѣе полное величія, красоты, увлекающее къ молитвѣ и трогающее до [illegible]

Бортнянскій родился въ 1751 г. въ городѣ Глуховѣ, [illegible]иговской губерніи. Благодаря своему [illegible] таланту, онъ былъ выбранъ съ семи[illegible] въ [illegible] хоръ пѣвчихъ и здѣсь [illegible] Императрицей Елизаветой Петровной, [illegible] придворному [illegible] Галуппи [illegible] [illegible] пѣвца. Но Галуппи [illegible] продолжительное [illegible] и вернулся на родину, въ Венецію, вслѣдствіе чего образованіе Бортнянскаго прервалось до воцаренія Екатерины II. Великая Императрица, заботившаяся о талантливыхъ личностяхъ всѣхъ поприщъ, не

Бортнянскій

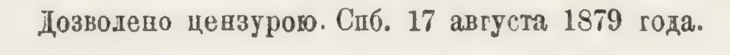
оставила безъ своего покровительства Дмитрія Степановича и послала его, въ 1768 г., въ Венецію, гдѣ онъ продолжалъ занятія музыкою, подъ руководствомъ того-же Галуппи. Всего въ Италіи Бортнянскій пробылъ 11-ть лѣтъ, постоянно занимаясь изученіемъ музыкальнаго искусства въ Венеціи, Римѣ и Неаполѣ, и наконецъ возвратился, въ 1779 г., обратно на родину. Императрица встрѣтила его очень ласково и назначила композиторомъ придворнаго пѣвческаго хора; по смерти же директора хора, Полторацкаго, въ 1795 г., Дмитрій Степановичъ занялъ его мѣсто. Онъ управлялъ пѣвчими и во время царствованія Императора Павла; Императоръ-же Александръ I, переименовавъ его въ директоры вокальной музыки, пожаловалъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ и почетнымъ членомъ С.-Петербургской Академіи Художествъ. Въ этихъ званіяхъ Бортнянскій и умеръ, 28-го сентября 1825 г., на 75-мъ году отъ рожденія. Смерть его была прекрасна. Почувствовавъ приближеніе ея, онъ позвалъ къ себѣ хоръ пѣвчихъ и велѣлъ пѣть свой концертъ: «*Вскую прискорбна еси*». Когда регентъ хотѣлъ дирижировать, Дмитрій Степановичъ остановилъ его, сказавъ: «Пускай поютъ сами». Пѣвчіе запѣли. — «Тише, тише; подите въ другую комнату!» проговорилъ больной. Его желаніе исполнили, пѣніе возобновилось, и когда замолкли послѣдніе звуки голосовъ, Бортнянскаго уже не было въ живыхъ.

Изъ простыхъ элементовъ русскаго стариннаго пѣнія на одинъ голосъ, при помощи приложенія къ дѣлу началъ гармоніи Палестрино, Дмитрій Степановичъ создалъ свой особый стиль церковнаго пѣнія. Въ основаніе своего творчества онъ положилъ, подобно знаменитому италіанскому маэстро, элементарное употребленіе аккорда. По словамъ одного авторитетнаго цѣнителя, «музыка его древняя: въ ней вы чувствуете постоянно дѣтище нашего древняго церковнаго пѣнія; это музыка восточная, это типъ. Въ ней отражается духъ системы Іоанна Дамаскина и характеръ греческаго чтенія, прозы нараспѣвъ, безъ соблюденія числа просодическихъ словъ... Сочетать это отсутствіе просодіи съ музыкальнымъ ритмомъ — было дѣломъ генія». Исклю-

ченіе изъ сказаннаго составляютъ только фуги нѣкоторыхъ аллегро въ духовныхъ концертахъ, которыя замѣчательны въ свою очередь по выразительности, приданной имъ авторомъ, несмотря на обстрактность фугированнаго стиля. Въ музыкѣ Бортнянскаго далѣе замѣчательно полное соотвѣтствіе ея съ текстомъ, до того совершенное, что даже не слыша словъ, мы понимаемъ какъ бы смыслъ пѣнія. Впрочемъ, едва-ли нужно много распространяться о достоинствѣ твореній Дмитрія Степановича — кто не восхищался общеизвѣстными священными композиціями его, какъ напр. «Да исправится», «Вѣрую» и др. Прибавимъ только, что онъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ побѣдилъ трудныя требованія священнопѣній нашей церкви, а именно отсутствіе оркестра, выполненіе высшихъ голосовъ малолѣтними пѣвчими, неимѣющими понятія о выразительности и пр.

Компонировалъ Бортнянскій очень быстро и оставилъ, послѣ себя значительное количество музыкальныхъ произведеній. По счету А. Ѳ. Львова, всего имъ было написано 35 четырехголосныхъ концертовъ, 10 двухоровыхъ, трехголосная литургія, многіе причастны и другія священныя пѣсни, далѣе нѣсколько гимновъ, кантатъ и много хоровъ на разные торжественные случаи. О быстротѣ сочиненія имъ пьесъ свидѣтельствуетъ слѣдующій разсказъ. Однажды Императоръ Павелъ позвалъ къ себѣ Дмитрія Степановича и приказалъ ему приготовить къ назначенному на другой день какому-то торжеству концертъ на стихъ „*Господи, силою твоею возвеселится царь*“. Концертъ былъ сочиненъ къ назначенному времени, несмотря на то, что состоялъ изъ двадцати страницъ нотъ, и исполненъ пѣвчими за обѣдней. Первое аллегро его—прекрасная фуга, была написана Бортнянскимъ въ каретѣ, при возвращеніи изъ дворца.

Безъ сомнѣнія имя Д. С. Бортнянскаго занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи нашего музыкальнаго искуства и остается навсегда незабвеннымъ.

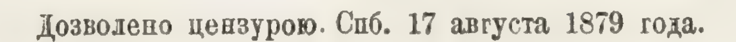
Дозволено цензурою. Спб. 17 августа 1879 года.

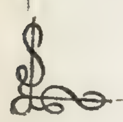
ченіе изъ сказа...
аллегро въ ...
въ свою оч...
ромъ, несм...
музыкѣ Борт...
ствіе ея съ ...
слыша слов...
чемъ, едва-...
твореній Д...
извѣстными ...
исправится» ...
съ замѣчате...
священнопѣ...
выполненіе ...
имѣющими ...

Компони...
послѣ себя ...
веденій. По ...
35 четырех...
голосная лит...
пѣсни, далѣ ...
на разные т...
пьесъ свидѣ...
ператоръ П...
приказалъ е...
какому-то т...
твоею возв...
назначенном...
двадцати ст...
Первое алле...
нянскимъ въ ...

Безъ сом...
изъ почетнѣйш...
искуства и остается ...

Дозволено цензурою. Спб. 17 августа 1879 года.

Князь В. Долгоруковъ

I.

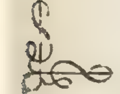
Князь Владиміръ Андреевичъ Долгоруковъ.

Московскій генералъ-губернаторъ.

Четырнадцатаго апрѣля настоящаго года Москва чествовала пятидесятилѣтіе служенія въ офицерскихъ чинахъ своего начальника, Высочайшіею волею четырнадцать лѣтъ тому назадъ поставленнаго во главѣ первопрестольной столицы нашей. Въ многолѣтнее служеніе свое въ городѣ князь Владиміръ Андреевичъ съумѣлъ пріобрѣсти любовь и уваженіе всѣхъ, которыя и выражались въ многочисленныхъ адресахъ и подношеніяхъ, для увѣковѣчиванія достопамятнаго дня, отъ всѣхъ сословій, учрежденій и пригородовъ Москвы. Рѣдкіе, избранные, по художественности и цѣнности, подарки поднесла столица своему любимому губернатору, но не они придавали особенный блескъ торжеству, а то искренное, не заказное чувство, которое слышалось во всѣхъ пожеланіяхъ и привѣтствіяхъ. И достойно, скажемъ мы, чествовала Москва вѣрнаго слугу престола и отечества, князя Владиміра Андреевича. Вся жизнь его являетъ примѣръ непоколебимой преданности долгу. Всюду, куда только ни бросала его служба, въ бояхъ ли при усмиреніи Польскаго мятежа 1831 г., въ походахъ противъ горцевъ на Кавказѣ, въ должности ли генералъ-провіантмейстера во время Восточной войны пятидесятыхъ годовъ, — вездѣ онъ от-

личался высшею, ничѣмъ неподкупною, честностію и строгимъ, точнымъ, добросовѣстнымъ исполненіемъ возлагавшихся на него обязанностей и порученій. Не смотря на громкій титулъ и историческое имя, повышеніе его по службѣ шло не скачками, при помощи протекцій, а добывалось шагъ за шагомъ личными заслугами. Поставленный наконецъ, послѣ долгаго служенія арміи, во главѣ столичнаго города, своимъ спокойнымъ и твердымъ образомъ дѣйствій, все улаживая и все содержа въ порядкѣ, онъ снискалъ и всѣ симпатіи общества, и высшія правительственныя отличія.

По примѣру всѣхъ дворянъ прежнихъ лѣтъ, князь Владиміръ Андреевичъ былъ предназначенъ къ военной службѣ. Онъ получилъ воспитаніе въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (Николаевское училище гвардейскихъ юнкеровъ), по окончаніи курса въ которой, былъ произведенъ, 14 апрѣля 1829 года, въ корнеты. Начавшееся въ 1830 г. возстаніе въ Польшѣ скоро дало возможность молодому офицеру выказать первыя боевыя отличія. 5-го марта 1831 г. онъ переправился чрезъ Нѣманъ въ Царство Польское, въ маѣ участвовалъ при отступленіи гвардейскаго корпуса отъ мѣстечка Снядева за рѣку Наревъ, 9-го числа этого мѣсяца получилъ первое боевое крещеніе въ сраженіи подъ Жолтками, находился затѣмъ при преслѣдованіи мятежниковъ въ городъ Остроленко и стычкѣ подъ Старымъ Якапземъ. Въ началѣ іюля онъ былъ откамандированъ на ординарцы къ генералъ квартирмейстеру дѣйствующей арміи генералъ-адъютанту Нейдгарту. Между тѣмъ, первоначальные успѣхи поляковъ скоро смѣнились полнымъ торжествомъ русскаго оружія. Начался извѣстный походъ Паскевича на Варшаву и мы видимъ уже Владиміра Андреевича участвующимъ, 25-го и 26-го августа, въ генеральномъ сраженіи при взятіи приступомъ передовыхъ варшавскихъ укрѣпленій и го-

родскаго вала, и 27-го при покореніи столицы Польши и вступленіи въ нее русской арміи. Въ сентябрѣ 1831 г. онъ былъ при преслѣдованіи остатковъ польской арміи къ прусской границѣ и вогнаніи ихъ въ предѣлы Пруссіи. За кампанію 1831 года князь Долгоруковъ былъ награжденъ польскимъ знакомъ отличія за военное достоинство 4-й степени, серебряною медалью за взятіе города Варшавы и, наконецъ, 5-го мая 1832 г. Всемилостивѣйше пожалованъ въ возданіе отличнаго мужества и храбрости, оказанныхъ при штурмѣ варшавскихъ укрѣпленій, кавалеромъ ордена св. Анны 3-й степени съ бантомъ.

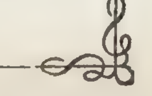
1-го января 1833 г., князь Владиміръ Андреевичъ былъ назначенъ адъютантомъ къ военному министру генералъ-адъютанту князю Чернышеву, съ оставленіемъ въ лейбъ-гвардіи Конномъ полку, а черезъ мѣсяцъ послѣ назначенія произведенъ въ поручики. На новомъ мѣстѣ служенія князь впервые ознакомился практически съ различными отраслями военнаго хозяйства, такъ какъ большее число даваемыхъ ему порученій относились именно до этого хозяйства. Такъ, удостоившись черезъ три мѣсяца по назначеніи, 9-го апрѣля, Высочайшаго благоволенія за переводъ на французскій языкъ положенія о преобразованіи армейской пѣхоты и кавалеріи, въ маѣ 1833 г. онъ былъ командированъ, для осмотра Рижской и Виленской коммиссаріатской коммиссіи и Динабургскаго военнаго госпиталя. Исполнивъ эти порученія, въ октябрѣ онъ получилъ уже новое назначеніе—состоять при генералъ-губернаторѣ Остъзейскихъ провинцій въ помощь при заготовленіи, покупкою у помѣщиковъ продуктовъ на 1834 г., затѣмъ, въ февралѣ 1834 г. ему же былъ порученъ надзоръ за пріемомъ этихъ продуктовъ въ провіантское вѣдомство. Порученія эти были исполнены имъ не только съ полнымъ успѣхомъ, но и къ удовольствію дворянства, какъ было выражено въ письмѣ курляндскаго-губернскаго предводителя,

вслѣдствіе чего, князь былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 4-й степени и кромѣ того, въ іюнѣ ему объявлено было Высочайшее благоволеніе. Въ концѣ 1834 г., мы видимъ Владиміра Андреевича снова въ командировкѣ въ Москву, для осмотра госпиталя, и въ Гжатскъ, для наблюденія за дѣствіями провіантскихъ коммиссіонеровъ. За отличное исполненіе этихъ порученій онъ былъ удостоенъ новаго Высочайшаго благоволенія. Въ 1835 г. онъ осматривалъ коммиссаріатскіе запасы въ Дубнѣ, Кіевѣ и Балтѣ, а также наблюдалъ за своевременнымъ снабженіемъ вещами безсрочно-отпускныхъ и за приготовленіемъ госпитальныхъ вещей въ м. Бѣлая-Церковь. Въ 1836 г., въ награду отлично-усердной службы, онъ былъ пожалованъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени и въ томъ же году временно оставилъ военно-хозяйственныя занятія, перейдя снова къ боевой службѣ.

Въ половинѣ 1836 г., князь Долгоруковъ находился уже на Кавказѣ и участвовалъ въ бывшей въ томъ году экспедиціи за Кубанью. Въ началѣ іюля онъ былъ при движеніи изъ Ольгинскаго укрѣпленія къ Абинскому и обратно, затѣмъ, при движеніи всего отряда къ Абинску и части отряда подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Вельяминова къ берегу Чернаго моря, для устройства Александровскаго укрѣпленія на рѣкѣ Добѣ; далѣе подъ командою полковника Горскаго въ движеніи отъ Доба къ Ольгинскому укрѣпленію и обратно и, наконецъ, въ обратномъ слѣдованіи отряда, по сооруженіи Александровскаго укрѣпленія отъ Доба къ Ольгинекому. Въ сентябрѣ онъ принялъ еще участіе въ движеніи отряда отъ Ольхинскаго укрѣпленія до рѣки Анапы въ перестрѣлкахъ, бывшихъ во время этого слѣдованія, при истребленіи ауловъ. За дѣятельность свою на Кавказѣ князь былъ произведенъ 9-го мая 1837 г. въ штабъ-ротмистры.

Въ 1838 г. Владиміръ Андреевичъ обратился къ своимъ

прежнимъ занятіямъ по военному хозяйству и былъ командированъ, въ мартѣ мѣсяцѣ, въ Моршанскъ, для наблюденія за ходомъ поставки провіанта, а въ сентябрѣ отправился по Высочайшему повѣленію въ Мюнхенъ, для представленія Баварскому королю образцовъ оружія и нѣкоторыхъ коммиссаріатскихъ вещей, за что получилъ отъ короля орденъ Баварской короны. Въ слѣдующемъ, 1839 г., онъ былъ награжденъ орденомъ св. Станислава 3-й степени, что нынѣ 2-й, а въ 1841 г. произведенъ въ ротмистры и получилъ шведскій орденъ Меча. Въ 1841 и 1842 гг. онъ имѣлъ командировки въ юго-восточныя и низовыя губерніи, для собранія свѣдѣній о видахъ урожая и для наблюденія за ходомъ поставки провіанта, при чемъ былъ награжденъ, 19-го апрѣля 1842 г., орденомъ св. Анны 2-й степени. Въ 1843 г. онъ былъ снова въ командировкѣ въ низовыя губерніи и награжденъ, 11-го апрѣля, орденомъ св. Анны 2-й степени съ императорскою короною. Затѣмъ, въ томъ же году производилъ слѣдствіе о буйственныхъ поступкахъ нижнихъ чиновъ 1-го с.-петербургскаго военнаго сухопутнаго госпиталя и предсѣдательствовалъ во временной коммиссіи учрежденной для производства торговъ по заготовленію на 1844 годъ продовольственныхъ припасовъ для с.-петербургскихъ и попутныхъ магазиновъ. 6-го декабря 1844 г., за отличіе по службѣ, онъ былъ произведенъ въ полковники, съ назначеніемъ для особыхъ порученій къ военному министру князю Чернышеву. Въ началѣ 1844 г. князь былъ командированъ въ г. Казань, для устройства заготовленія; за исполненіе этаго порученія объявлено было ему Высочайшее благоволеніе.

Съ 1845 г. началось служеніе князя Долгорукова въ высшихъ административныхъ учрежденіяхъ по военному хозяйству: 3-го мая этого года Владиміръ Андреевичъ былъ назначенъ, по Высочайшему повелѣнію, временно, впредь до возвращенія вице-директора провіантскаго департамента,

генералъ-маіора Вохина, исправлять его должность, съ правомъ голоса въ общемъ присутствіи департамента. Въ октябрѣ того же года онъ предсѣдательствовалъ въ коммиссіи для производства торговъ въ Казани, а 7-го апрѣля 1846 г. награжденъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени. Въ этомъ году онъ былъ командированъ въ Финляндію, для осмотра магазиновъ, исправлялъ, затѣмъ временно должность генералъ-провіантмейстера, участвовалъ въ торгахъ и хозяйственныхъ заготовкахъ и былъ награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XV лѣтъ.

Въ 1847 г. началось особенно быстрое движеніе князя Долгорукова по службѣ: 13-го января этого года онъ былъ назначенъ вице-директоромъ провіантскаго департамента, а 30-го апрѣля—флигель-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, съ оставленіемъ прежней должности. Въ началѣ 1848 г. онъ былъ сдѣланъ исправляющимъ должность генералъ-провіантмейстера и въ этомъ званіи принялъ участіе въ подготовленіяхъ арміи къ Венгерской кампаніи, давшихъ ему возможность выказать свое умѣніе и опытность. Вскорѣ послѣ новаго пазначенія, въ награду за постоянно ревностную службу и неутомимую дѣятельность, князь былъ Всемилостивѣйше пожалованъ брилліантовымъ перстнемъ съ вензелевымъ изображеніемъ имени Его Императорскаго Величества, далѣе въ маѣ и въ августѣ получилъ Монаршія благоволенія за успѣшное и благовременное сформированіе резервныхъ баталіоновъ, наконецъ, въ декабрѣ 1848 года пожалованъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ свиту Его Величества и утвержденъ въ должности генералъ-провіантмейстера. Въ слѣдующемъ 1849 г., онъ былъ награжденъ орденъ св. Станислава 1-й степени, а въ 1851 г. за «ревностное служеніе и неусыпную заботливость о соблюденіи выгодъ казны, съ пользою для государственной хлѣбной промышленности» пожалованъ орденомъ св. Анны 1-й степени и знакомъ отличія безпороч-

ной службы за XX лѣтъ. 26 ноября 1842 онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-й степени за безпорочную выслугу 25 лѣтъ въ офицерскихъ чинахъ.

Во время Восточной войны 1853—55 гг. важная дѣятельность князя Владиміра Андреевича, въ качествѣ генералъ-провіантмейстера, принесла много пользы отечеству и была высоко оцѣниваема въ Бозѣ почившимъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ. Въ 1853 г. за труды по снабженію войскъ предметами довольствія, во изъявленіе особеннаго Монаршаго благоволенія, князь Долгоруковъ былъ пожалованъ орденомъ Св. Владиміра 2 ст. Въ 1854 г. онъ удостоился двукратно, въ апрѣлѣ и маѣ, получить Высочайшія благоволенія, первое вообще за полезные труды по ввѣренному ему вѣдомству, а послѣднее послѣ того, какъ Государь Императоръ личными осмотрами и изъ всеподданнѣйшихъ донесеній убѣдился, что войска и крѣпости приведены на военное положеніе вполнѣ согласно указаніямъ Его Величества.

Въ 1854 г. князь Долгоруковъ былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству, нынѣ благополучно царствующему Государю Императору, съ оставленіенъ въ прежней должности, а также награжденъ знакомъ отличія безпорочной службы за XXV лѣтъ и серебряною медалью въ память состоянія въ свитѣ Императора Николая Павловича. Въ 1856 г. онъ получилъ бриллiантовую табакерку съ портретомъ Его Величества и былъ сдѣланъ членомъ Военнаго Совѣта, въ 1857 г. — пожалованъ въ генералъ-лейтенанты. Въ 1860 г. онъ былъ командированъ въ Москву, для повѣрки дѣйствій московской сортировочной коммиссіи, въ апрѣлѣ того же года за отлично-ревностное служеніе во время управленія Провіантскимъ департаментомъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла и наконецъ въ 1864 г. Всемилостивѣйше пожалованъ орденомъ св. Благовѣрнаго Вел. Кн. Александра Невскаго.

30-го августа 1865 г. князь Владиміръ Андреевичъ перешелъ на новое служебное поприще—онъ былъ назначенъ въ этотъ день московскимъ генералъ-губернаторомъ, съ оставленіемъ впрочемъ членомъ Военнаго Совѣта и генералъ-адъютантомъ. Въ томъ же 1865 г. князь былъ избранъ почетнымъ мировымъ судьею Звенигородскаго уѣзда, Московской губ. Дѣятельность его за этотъ послѣдній періодъ служенія государству чрезвычайно богата правительственными отличіями. Ежегодно, во время 14 лѣтъ управленія городомъ, иной годъ по два раза, объявлялись ему Высочайшія благодарности, въ Москвѣ же былъ онъ произведенъ, въ 1867 г., въ чинъ генерала отъ кавалеріи и награжденъ высшими россійскими орденами: такъ въ 1866 г. онъ получилъ алмазные знаки къ ордену св. Александра Невскаго; въ 1870 г. пожалованъ орденомъ св. Владиміра 1 степ., а въ 1874 г.—орденомъ св. Апостола Андрея Первозваннаго. Кромѣ того князь получилъ въ 1869 г. по званію члена Военнаго Совѣта знакъ отличія и золотую медаль за труды по устройству государственныхъ крестьянъ и цѣлый рядъ иностранныхъ орденовъ: въ 1667 г. — датскій Данеброга Большаго креста, италіанскій св. Маврикія и Лазаря Большаго креста, греческій Спасителя большаго креста и черногорскій Даніила 1 ст. съ алмазами; въ 1869 г.—прусскій, Краснаго Орла большаго креста; въ 1872 г.—австрійскій, Леопольда большаго креста и персидскій, Льва и Солнца 1 ст.; въ 1873 г.—портретъ персидскаго шаха, осыпанный бриллiантами; въ 1874 г. — саксонскій орденъ Эрнестинскаго дома большаго креста и мекленбургъ - шверинскій, Вендской Короны; въ 1875 г.—шведскій, Серафимовъ и датскій, Слона.

Оцѣнка дѣятельности князя Долгорукова со стороны общества выразилось въ торжественномъ праздновании десятилѣтняго юбилея губернаторства его въ 1875 г. и въ чествованіи пятидесятилѣтія служенія въ офицерскихъ чинахъ въ

настоящемъ году, о которомъ мы уже говорили. Въ 1875 году князя привѣтствовали многочисленныя депутаціи и онъ былъ избранъ въ почетные граждане Москвы и всѣхъ городовъ московской губерніи. Празднованіе юбилея 14-го апрѣля настоящаго года было еще торжественнѣе. Его Величество Государь Императоръ, Ея Величество Государыня Императрица и Его Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ почтили князя поздравительнымъ телеграммами. Данный на имя князя въ этотъ день, Высочайшій рескриптъ выражалъ Монаршую признательность ему и объявилъ о зачисленіи его въ лейбъ-гвардіи конный полкъ, въ которомъ Владиміръ Андреевичъ началъ свое служебное поприще. Кромѣ представителей Москвы и всей московской губерніи, его привѣтствовали депутаціи отъ всѣхъ тѣхъ учрежденій, гдѣ онъ служилъ втеченіи пятидесяти лѣтъ. До 2000 человѣкъ принялъ въ этотъ день князь Владиміръ Андреевичъ, неутомимо отвѣчая мѣткимъ словомъ каждой депутаціи.

Князь Долгоруковъ состоитъ съ 25 января 1868 г. предсѣдателемъ московскаго мѣстнаго управленія общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. При содѣйствіи его организовано въ Москвѣ 7, а въ уѣздахъ 12 комитетовъ общества Краснаго Креста, собрано около полутора милліона рублей пожертвованій, устроено госпитальныхъ помѣщеній болѣе чѣмъ на 2400 кроватей, снаряжены два санитарныхъ поѣзда на 170 человѣкъ каждый, перевезшіе свыше 12600 больныхъ и раненыхъ. Въ мартѣ 1878 г., по желанію Его Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича князь принялъ на себя предсѣдательство въ главномъ комитетѣ по сбору пожертвованій для пріобрѣтенія морскихъ судовъ добровольнаго флота и при содѣйствіи его собрано комитетомъ свыше 2.220.000 руб.

Такова многотрудная дѣятельность одного изъ наиболѣе видныхъ и популярнѣйшихъ современныхъ администраторовъ нашихъ, посвятившаго полъ-вѣка на служеніе отечеству изъ нихъ свыше четырнадцати лѣтъ сердцу Россіи — Москвѣ.

II.

Академикъ Оттонъ Николаевичъ

Бетлингъ.

Еще при Петрѣ Великомъ въ 1718 году основанъ въ С.-Петербургѣ торговый домъ Бетлинга, существовавшій до 1823 года; кромѣ денежныхъ оборотовъ и разныхъ торговыхъ предпріятій отдѣльнымъ членамъ этого семейства свойственно было стремленіе къ усовершенствованію по разнымъ предметамъ высшаго образованія; почему имя Бетлинга встрѣчается не рѣдко въ спискахъ студентовъ германскихъ университетовъ, равно какъ и лейденскаго. Такъ и послѣдній представитель этого банкирскаго дома, Николай учился въ іенскомъ университетѣ и послѣ того, какъ вслѣдствіе континентальной системы дѣйствія торговаго дома должны были прекратиться, Николай Бетлингъ посвятилъ часы досуга составленію сокращенной исторіи Венеціи по извѣстному сочиненію Дарю. Младшимъ сыномъ этого высоко-образованнаго негоціанта, котораго сестра была женою знаменитаго Лагарпа, воспитателя Александра I, родился Оттонъ Николаевичъ 30 мая 1815 года. Начавъ свое образованіе въ Петропавловскомъ училищѣ и кончивъ курсъ въ Дерптской гимназіи, Оттонъ Николаевичъ намѣревался учиться восточнымъ языкамъ въ Санктпетербургскомъ университетѣ, но вскорѣ переселился сначала въ Берлинъ, гдѣ былъ слушателемъ знаменитаго санскритолога профессора Боппа, и

О. Бетлингъ.

II.

А[illegible] Оттонъ Н[illegible]

Бетлингъ.

Еще при [illegible] въ 1718 году осно[illegible] Петербург[illegible] домъ Бетлинга, [illegible] 1823 г[illegible] говыхъ пр[illegible] свойственн[illegible] къ усовершенствованію по [illegible] нымъ предм[illegible] встрѣчаетс[illegible] рѣдко въ спискахъ студенто[illegible] университе[illegible] такъ и послѣдни[illegible] представит[illegible] кого дома. [illegible] учился въ іенскомъ у[illegible] нентальной [illegible] прекратить[illegible] составлені[illegible] [illegible]енной истори[illegible] чиненію Да[illegible]. Младшимъ сыно[illegible] наго негоці[illegible]нта, котораго сестра была [illegible] Лагарпа, в[illegible]питателя Александра I, [illegible] Николаевичъ 3[illegible] мая 18[illegible] года. Начавъ [illegible] образован[illegible] въ Петропавло[illegible] ской гимназіи, Оттонъ Николаевичъ намѣревался учиться восточнымъ языкамъ въ Санктпетербургскомъ университетѣ, но вскорѣ переселился сначала въ Берлинъ, гдѣ былъ слушателемъ знаменитаго санскритолога профессора Боппа, и

О. Бетлингъ.

потомъ въ Боннѣ, гдѣ воспользовался наставленіемъ Августа Вильгельма фонъ Шлегеля и Лассена. Въ Боннѣ онъ издалъ въ 1839 и 1840 годахъ восемь книгъ грамматическихъ правилъ знаменитаго Панини съ ученымъ комментаріемъ. Этотъ трудъ, посвященный Сергѣю Семеновичу Уварову, обратилъ на него вниманіе Императорской Академіи Наукъ, которая выбрала его въ адъюнкты 5 марта 1842 г.; послѣ чего въ 1845 году онъ произведенъ въ экстраординарные, а въ 1855 году въ ординарные академики.

Главнымъ занятіемъ Оттона Николаевича были разныя изслѣдованія по части грамматики и лексикологіи санскритскаго языка, именно писалъ онъ объ удареніи, о склоненіи, объ афиксахъ называемыхъ *Унади* о разныхъ звуковыхъ отношеніяхъ и проч., составилъ критическія замѣтки къ санскритской грамматикѣ Боппа и издалъ въ 1845 г. санскритскую христоматію, по которой преподавали санскритскому языку въ разныхъ германскихъ университетахъ и которая теперь принадлежитъ къ библіографическимъ рѣдкостямъ. Чтобы удовлетворить всеобщему желанію, О. Ник. рѣшился издать въ 1877 г. новую христоматію, которая отъ прежней отличается большимъ разнообразіемъ и множествомъ критическихъ примѣчаній. Вмѣстѣ съ Шарлемъ Ріэ О. Н, издалъ въ 1847 г. словарь Хемачандры и въ томъ же году грамматику Вопадевы. Всѣ эти труды предшествовали настоящей жизненной задачѣ Бетлинга, составленію большаго санскритскаго словаря, для котораго имъ собраны были матеріалы въ теченіи многихъ лѣтъ. Печатаніе этого громаднаго семитомнаго труда началось въ 1852-мъ году и продолжалось до 1875 года. Сознавая важность этого предпріятія для санскритской филологіи и для сравнительнаго изученія индо-европейскихъ языковъ, почти всѣ извѣстные санскритологи изъявили свою готовность сообщить свои матеріалы. Главными сотрудниками были профессоръ Тюбингенскаго университета, глубочайшій знатокъ и геніальный

изслѣдователь ведовъ Рудольфъ Ротъ, потомъ отличающійся многостороннею начитанностію по разнымъ предметамъ индійской литературы Альбрехтъ Веберъ, проф. Берлинскаго университета, профессоръ Уитней въ Нью-Гевенѣ въ Америкѣ, проф. лейденскаго университета Кернъ и многіе другіе. Академія Наукъ, печатая этотъ добросовѣстный и отличный трудъ, этимъ самымъ оказала весьма важную услугу наукѣ и упрочила за Россіею славу щедрости по дѣламъ, превышающимъ средства частныхъ предпріятій. Кромѣ этого большаго словаря, Бетлингъ въ 1878 г. началъ изданіе другаго словаря, болѣе доступнаго средствамъ начинающихъ.

Еще во время своего пребыванія въ Боннѣ, Бетлингъ издалъ въ 1842 году знаменитую драму Калидасы «Сакунтала» и послѣ окончанія большаго словаря напечаталъ въ 1877 году переводъ драмы Мриччакатика, т. е. глиняной тележки. Оба сочиненія принадлежатъ къ классическимъ періодамъ санскритской литературы, куда и относятся по большой части индійскія изреченія, изданныя Бетлингомъ въ двухъ изданіяхъ, именно въ 1863—65 гг. и въ 1870—73 годахъ въ трехъ томахъ. То и другое изданія составляютъ дорогой вкладъ въ науку по множеству остроумныхъ критическихъ замѣчаній и весьма удачныхъ исправленій испорченныхъ мѣстъ.

Но не только санскритскій языкъ и санскритская литература были предметами его занятій. По возвращенію А. Ѳ. Миддендорфа изъ своего сибирскаго путешествія въ 1846 году Бетлингъ принялъ на себя обработку матеріаловъ, собранныхъ путешественникомъ для якутскаго языка. Счастливый случай доставилъ Бетлингу возможность воспользоваться при этомъ занятіи помощью русскаго, рожденнаго и жившаго долгое время между якутами, Уваровскаго; но не довольствуясь изученіемъ этого языка, Бетлингъ доставилъ ученому міру отличный примѣръ всесторонняго и точнаго изслѣдованія всѣхъ дотолѣ извѣстныхъ тюрко-татар-

скихъ языковъ, такъ что трудъ его вышедши въ 1851 году, составлялъ новую эпоху въ пониманіи звуковыхъ отношеній и грамматическаго строя въ этой области лингвистики. Въ связи съ этимъ сочиненіемъ, замѣтки Бетлинга ко второму изданію тюрко-татарской грамматики Казембека въ 1848 г., и статья касающаяся тюрко-татарской грамматики въ 1849 году.

Занимавшись долгое время изученіемъ звуковыхъ отношеній санскритскаго и тюрко-татарскихъ языковъ, Оттонъ Николаевичъ счелъ своимъ долгомъ сообщить ученой публикѣ разныя остроумныя замѣтки на счетъ русской фонологіи, при чемъ главною его задачею было представить настоящее число звуковъ, встрѣчающихся въ русскомъ говорѣ независимо отъ письменнаго ихъ изображенія и показать причину разныхъ оттѣнковъ и измѣненій. Эти статьи напечатаны были въ бюлетенѣ Академіи въ 1851 году, гдѣ и изданы въ 1852 году замѣтки Бетлинга о языкѣ русскихъ цыганъ.

III.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій.

Нашъ маститый славянистъ-филологъ, И. И. Срезневскій, праздновалъ въ настоящемъ году пятидесятилѣтіе своей ученой дѣятельности. Полвѣка истекло съ того времени, какъ онъ получилъ въ 1829 г. первую ученую степень—кандидата и этотъ періодъ времени ознаменовался массою высоко-цѣнимыхъ знатоками научныхъ трудовъ его, ставящихъ имя Срезневскаго въ рядъ съ именами первыхъ дѣятелей по изученію славянской филологіи и археологіи, какъ Шафарикъ, Востоковъ, Палацкій и др.

Измаилъ Ивановичъ родился въ 1811 году. Онъ сынъ профессора харьковскаго университета, въ которомъ и самъ получилъ высшее образованіе, по окончаніи первоначальнаго у родителей. Прослушавъ курсъ юридическаго факультета, онъ выдержалъ въ 1829 г. выпускной экзаменъ и былъ удостоенъ степени кандидата. Послѣ университета онъ служилъ нѣсколько лѣтъ въ различныхъ присутственныхъ мѣстахъ г. Харькова, не оставляя впрочемъ своихъ научныхъ занятій политическою экономіею и статистикою. Кромѣ того онъ интересовался въ это время также мѣстной стариной и народной словесностью и началъ пробовать свои силы въ небольшихъ литературныхъ произведеніяхъ. Такъ имъ были

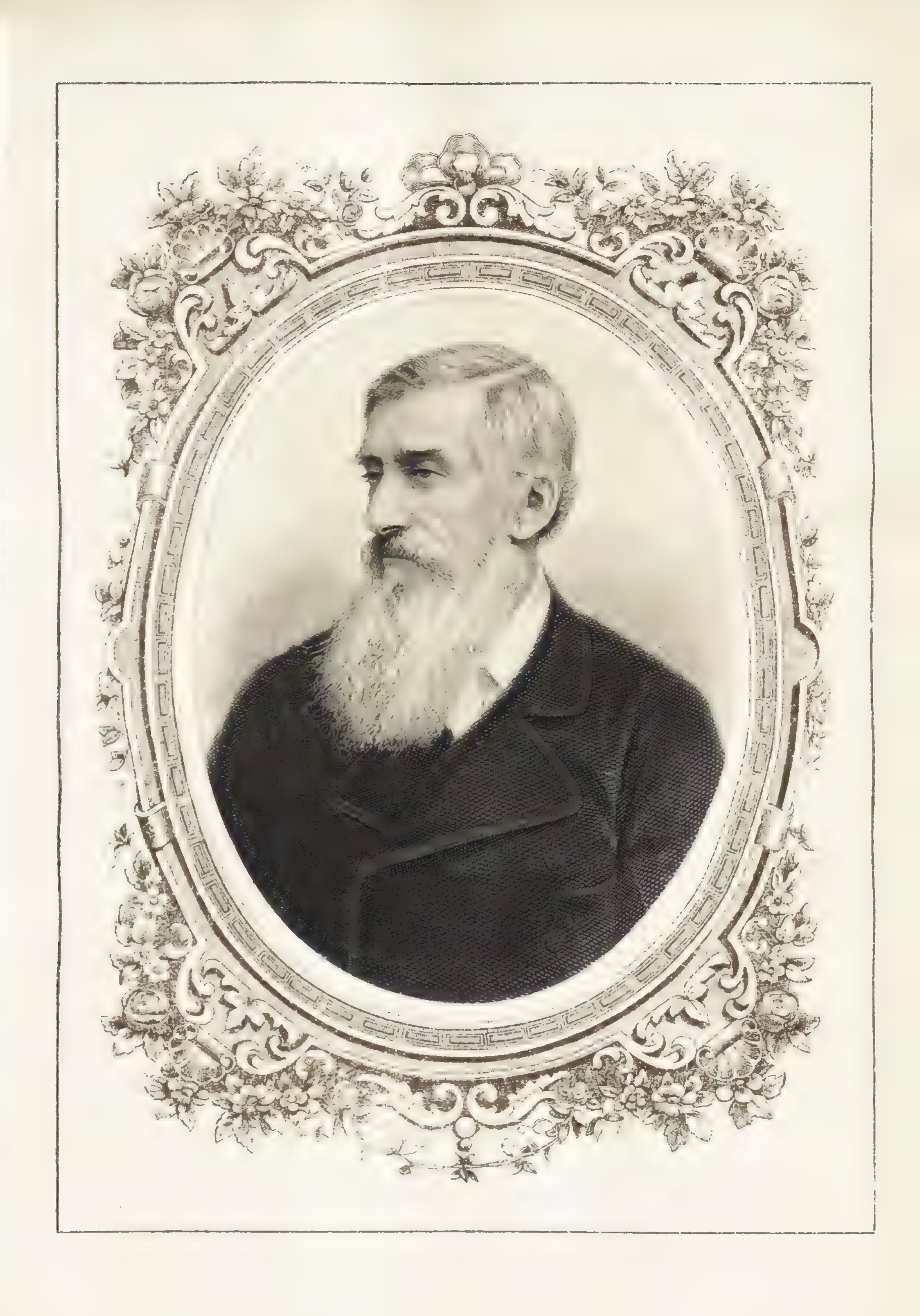
И. Срезневскій.

III.

Измаилъ Ивановичъ Срезневскій

Нашъ ма[illegible]тый славянистъ-филологъ, И. И. [illegible] скій, праздновалъ въ настоящемъ году [illegible] своей у[illegible] дѣятельности. [illegible] времени, ка[illegible] получилъ въ 1829 г. [illegible] степень—ка[illegible] и этотъ [illegible] времени [illegible] массою выс[illegible]цѣнимыхъ [illegible] научныхъ трудовъ [illegible] ставящихъ [illegible] дѣятелей п[illegible] славянской филологіи и археологіи, какъ Шафарикъ, Востоковъ, Палацкій и др.

Измаил[illegible] 1811 году [illegible] профессора [illegible] университета, [illegible] получилъ высшее образованіе, [illegible] у родителе[illegible] онъ выдержалъ въ 1829 г. выпускн[illegible] и былъ удостоенъ степени кандидата. Посл[illegible] жилъ нѣсколь[illegible] въ различныхъ [illegible] мѣстахъ г. Харькова, не оставляя [illegible] научныхъ занятій политическою экономіею и статистикою. Кромѣ того онъ интересовался въ это время также мѣстной стариной и народной словесностью и началъ пробовать свои силы въ небольшихъ литературныхъ произведеніяхъ. Такъ имъ были

И. Срезневскій.

изданы слѣдующіе сборники: въ 1831 г. — «Украинскій альманахъ», въ 1832 г.—«Словацкія пѣсни», записанныя отъ заходившихъ въ Харьковъ словаковъ, въ 1833 г. — первая часть «Запорожской Старины» и наконецъ въ 1835 г. — «Украинская лѣтопись»; нѣсколько статей — и разсказовъ помѣщены также въ періодическихъ изданіяхъ: напр. въ Сынѣ Отечества» въ 1834 г. — «Палій», въ 1835 г. — «Жолкѣвскій и Украйнцы»; въ «Современномъ Наблюдателѣ» 1836 г.—«Маіоръ, маіоръ», разсказъ, и т д.

Въ началѣ 1837 г. Измаилъ Ивановичъ, по защитѣ диссертаціи «Основныя мысли о сущности и содержаніи теоріи въ наукахъ политическихъ», былъ удостоенъ степени магистра и осенью того же года принятъ въ Харьковскій университетъ адъюнктомъ по кафедрѣ политической экономіи и статистики. Его первая лекція подъ заглавіемъ «Вступительное чтеніе въ курсъ статистики государствъ европейской системы просвѣщенія въ ихъ современномъ состояніи» была напечатана въ «Журналѣ Министерства Нар. Просв.» за 1838 г. Въ томъ-же году онъ издалъ вторую часть «Запорожской Старины», «Украинскій сборникъ», писалъ статьи для журналовъ и энциклопедическаго словаря Плюшара. Въ 1839 г. имъ были написаны: «Историческое обозрѣніе «Слободской Украйны», «Опытъ о предметѣ статистики и политической экономіи сравнительно» и двѣ небольшія журнальныя статьи.

Изслѣдованія, сдѣланныя И. И. Срезневскимъ въ 1839 г., по наукамъ государственнымъ были послѣдними отголосками его первой спеціальности, въ 1840 г. онъ перешелъ къ новой отрасли наукъ — филологіи и археологіи, увлеченный, вѣроятно, работами надъ малороссійскими древностями. Лѣтомъ 1840 г. онъ былъ отправленъ заграницу, съ цѣлію приготовиться мѣстнымъ изученіемъ нарѣчій и памятниковъ литературы Славянъ къ занятію кафедры Славянской Филологіи и Археологіи въ Харьковскомъ университетѣ. Пе-

чатные труды Измаила Ивановича за этотъ годъ всѣ принадлежатъ уже новой его спеціальности, напр. «Далмато-сербское преданіе о Радославѣ» (Журналъ Министерства Нар. Просв.), «Извлеченія изъ краледворской рукописи», (тамъ-же), и пр. Путешествіе И. И. Срезневскаго, продолжавшееся до осени 1842 г., было весьма плодотворно для него въ научномъ отношеніи, какъ то свидѣтельствуютъ отчеты его за это время, помѣщавшіеся своевременно въ «Журналѣ Министерства Нар. Просв.» Въ Славянскихъ земляхъ онъ часто встрѣчался и работалъ вмѣстѣ съ другимъ молодымъ, русскимъ ученымъ, П. И. Прейсомъ, командированнымъ заграницу въ 1839 г. отъ с.-петербургскаго университета, съ тою же цѣлію, какъ и Измаилъ Ивановичъ отъ харьковскаго. Слѣды работъ И. И. Срезневскаго въ этотъ періодъ времени, помимо отчетовъ, мы видимъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ имъ въ 1841 и 1842 гг. въ славянскихъ журналахъ и сборникахъ «Часописи Чешскаго музея», «Татранка» и «Денница» (издававшаяся въ Варшавѣ).

По возвращеніи изъ путешествія, осенью 1842 г., въ Харьковъ, Измаилъ Ивановичъ былъ немедленно сдѣланъ исправляющимъ должность экстра-ординарнаго профессора. Въ новомъ званіи, кромѣ чтенія лекцій, онъ продолжалъ также неутомимо трудиться надъ различными сторонами избранной имъ науки, о чемъ свидѣтельствуютъ между прочимъ многочисленныя журнальныя статьи, помѣщенныя имъ съ 1843 г. по 1846 г. въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, въ «Журналѣ Министерства Нар. Просв.», «Денницѣ», «Москвитянинѣ» и «Молодикѣ». Въ началѣ 1847 г. онъ получилъ докторскую степень, былъ утвержденъ въ должности экстраординарнаго профессора и вслѣдъ затѣмъ переведенъ въ с.-петербургскій университетъ, гдѣ съ весны 1846 г., за смертію П. И. Прейса, кафедра исторіи и литературы славянскихъ нарѣчій не имѣла вполнѣ подготов-

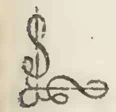
леннаго представителя. Въ 1848 году И. И. Срезневскій занялъ ту же каѳедру въ Главномъ Педагогическомъ институтѣ, а въ 1849 г. былъ принятъ членомъ II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ.

Программа курса исторіи и литературы Славянскихъ Нарѣчій была далеко еще не выработана вполнѣ въ С.-Петербургскомъ Университетѣ и Измаилъ Ивановичъ внесъ въ нее много новаго. Еще въ Харьковѣ принялъ онъ слѣдующій порядокъ: начальный курсъ чтеній постоянно былъ имъ посвящаемъ энциклопедическому введенію, для ознакомленія слушателей съ Славянскимъ племенемъ, какъ частію кореннаго народонаселенія Новой Европы; съ его общими судьбами въ политическомъ, религіознемъ и бытовомъ отношеніяхъ; съ характеристическими отличіями его нарѣчій; съ важнѣйшими явленіями народной его словесности и книжной литературы, а вмѣстѣ съ тѣмъ и съ главными пособіями для изученія Славянства. Вслѣдъ за этимъ, вводнымъ курсомъ, слѣдовали постоянно черезъ годъ два другіе: курсъ Славянскихъ Древностей и курсъ исторіи языка и литературы Западныхъ Славянъ. Курсъ Древностей состоялъ изъ разсмотрѣнія иностранныхъ и домашнихъ свидѣтельствъ, оставшихся о Славянахъ древняго времени и систематическаго обозрѣнія быта, общественнаго устройства и религіи, каждаго изъ Славянскихъ народовъ до введенія между ними христіанства. Курсъ исторіи языка и литературы состоялъ изъ разсмотрѣнія измѣненій, которымъ подвергалось въ народномъ и письменномъ употребленіи каждое изъ главныхъ нарѣчій Славянскихъ и судебъ народной поэзіи и литературы у каждаго изъ главныхъ народовъ Славянскихъ. Заключительный четвертый курсъ посвящаемъ былъ древностямъ русскаго языка съ подобнымъ объясненіемъ главнѣйшихъ его памятниковъ. Въ общую программу, данную И. И. Срезневскимъ, вошли также и практическія занятія, которыя велись постоянно подъ его личнымъ руководствомъ

и имѣли цѣль пріучить слушателей къ разработкѣ памятниковъ языка и письменности. Труды Измаила Ивановича, какъ профессора, увѣнчались полнымъ успѣхомъ: можно указать на цѣлый рядъ учениковъ его, бывшихъ вполнѣ подготовленными къ самостоятельнымъ научнымъ изслѣдованіямъ.

Число печатныхъ трудовъ И. И. Срезневскаго, появившихся съ 1847 г., т. е. со времени перехода его въ С.-Петербургскій университетъ, по настоящій годъ чрезвычайно велико. По «Библіографическому списку» сочиненій и изданій его, составленному ко дню пятидесятилѣтія его ученой дѣятельности всѣхъ статей и замѣтокъ Измаила Ивановича съ 1847 г. по 1879 г. — 275; написанныя до 1852 г., разбросаны въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, а появившіяся въ этомъ и послѣдующихъ годахъ помѣщены исключительно въ изданіяхъ Академіи Наукъ. Труды эти, разработывающіе различные вопросы отечественнаго и другихъ славянскихъ языковъ, описывающіе тѣ или другіе литературные памятники или относящіеся къ исторіи и библіографіи славянскихъ литературъ, по большей части составляютъ цѣнные вклады въ сокровищницу науки.

Въ настоящее время И. И. Срезневскій состоитъ ординарнымъ академикомъ Императорской Академіи Наукъ и заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С.-Петербургскаго Университета.

и имѣли цѣль [illegible]
никовъ язы[illegible]
какъ профе[illegible]
указать на [illegible]
подготовлен[illegible]
ніямъ.

Число [illegible]
шихся съ [illegible]
Петербургс[illegible]
велико. По [illegible]
ній его, со[illegible]
дѣятельности [illegible]
съ 1847 г [illegible]
разбросаны [illegible]
явившіяся [illegible]
исключите[illegible]
разработы[illegible]
гихъ слав[illegible]
тературные [illegible]
ліографіи [illegible]
ставляютъ [illegible]

Въ на[illegible]
нарнымъ [illegible]
заслуженн[illegible]
Университ[illegible]

А. Потебня

IV.

Александръ Николаевичъ Пыпинъ.

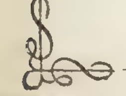
Александръ Николаевичъ Пыпинъ, сынъ небогатаго помѣщика Саратовской губерніи, родился въ Саратовѣ, въ мартѣ 1833 г. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ мѣстной гимназіи, въ которой пробылъ съ 1842 г. по 1849 г. Не надѣясь поступить, какъ предполагалъ ранѣе, въ С.-Петербургскій университетъ, въ виду послѣдовавшаго въ 1849 г. ограниченія въ немъ комплекта студентовъ тремя стами, г. Пыпинъ поступилъ сначала на историко-филологическій факультетъ въ Казанскомъ университетѣ и только въ 1850 г. перешелъ въ Петербургъ, гдѣ и кончилъ курсъ въ 1853 г. Избранною г. Пыпиномъ специальностію была русская литература, но еще въ Казани извѣстный славистъ-энтузіастъ В. И. Григоровичъ возбудилъ въ немъ сильный интересъ къ изученію Славянскихъ литературъ. Наклонность эта, поддержанная въ Петербургѣ лекціями И. И. Срезневскаго, осталось въ г. Пыпинѣ до послѣдняго времени.

Уже студентомъ г. Пыпинъ обращалъ на себя вниманіе серьезностію занятій и достоинствами первыхъ попытокъ въ научнымъ изслѣдованіяхъ. Такъ еще въ 1853 г. былъ напечатанъ Отдѣленіемъ Русскаго языка и Словесности Император. Академіи Наукъ его *«Словарь къ Новгородской первой лѣтописи»*. Второю студенческою ра-

ботою его была диссертація на факультетскую тему «О старой русской комедіи», за которую г. Пыпинъ получилъ золотую медаль. Отрывокъ этой диссертаціи подъ заглавіемъ *«Владимiръ Лукинъ»* былъ напечатанъ въ Отеч. Зап. 1853 г. (двѣ статьи).

По окончаніи университетскаго курса г. Пыпинъ обратился въ особенности къ изученію старой русской литературы. Избранный имъ предметъ изслѣдованій была почти неизвѣстная до того времени, никѣмъ не тронутая сторона старой русской письменности, именно литература повѣстей и сказокъ. Эти произведенія, частію приходившія къ намъ изъ Византіи, черезъ южное славянство, и съ Востока, частію занесенныя позднѣе при посредствѣ польской литературы, обращавшіяся въ рукописяхъ, попадавшія въ сборники и хронографы, были въ старину любимымъ популярнымъ чтеніемъ и старѣйшія изъ нихъ вошли въ область чисто народныхъ произведеній, даже въ народную миѳологію... Первыя изысканія г. Пыпина въ указанномъ направленіи помѣщены были въ Извѣстіяхъ Отдѣленія Русскаго языка Академіи Наукъ (т. III и IV) и въ журналахъ *); общимъ же результатомъ его работъ было обширное сочиненіе, изданное въ 1857 г. подъ заглавіемъ *«Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ»*. Сочиненіе это служило магистерской диссертаціей г. Пыпина и было удостоено отъ Академіи Наукъ половинной Демидовской преміи. Для указанія научной цѣнности «Очерка», приведемъ слѣдующіе отзывы изъ разбора этой книги, сдѣланнаго при присужденіи академической награды. «Трудъ г. Пыпина—дорогой вкладъ въ запасъ историческихъ изслѣдованій о русской литературѣ, какъ разработка по той долѣ памятниковъ нашей древней и старинной письменности, которая всегда менѣе была

*) *«О романахъ въ старинной русской литературѣ»*. (Современникъ 1854); *«Очерки изъ старинной русской литературы»*. (От. Зап. 1855, двѣ статьи).

разработана. Дорожить имъ мы можемъ тѣмъ болѣе, что онъ не могъ быть веденъ безъ особеннаго самоотверженія и былъ веденъ съ внимательностію достойною подражанія... Книга г. Пыпина и въ томъ видѣ, какъ она вышла въ первый разъ, есть необходимая настольная книга для всякаго, кто научно занимается русской исторіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и старославянской литературой». Впослѣдствіи какъ бы открытая капитальнымъ трудомъ г. Пыпина область русской литературы, благодаря дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ другихъ ученыхъ и его самаго *), доставила одинъ изъ любопытнѣйшихъ источниковъ для историческаго изученія русской народности.

Въ 1858 г. г. Пыпинъ былъ отправленъ заграницу отъ С.-Петербургскаго университета, для приготовленія къ занятію каѳедры всеобщей литературы. Посылка эта состоялась благодаря участію князя Г. А. Щербатова, извѣстнаго своей просвѣщенной дѣятельностію въ должности попечителя петербургскаго учебнаго округа, которую онъ тогда занималъ. За границею г. Пыпинъ оставался до 1860 г. и не малую долю этого времени провелъ въ Славянскихъ земляхъ. Сотрудничество его въ русскихъ періодическихъ изданіяхъ за эти года ограничивается двумя статьями по русской литературѣ въ Отеч. Зап. (1858 г. «*Народные стихи и пѣсни*» и 1859 г. «*Шемякинъ судъ*») и двумя корреспонденціями изъ Флоренціи и Венеціи въ Современникѣ 1859 г. (№ № 10 и 11), представляющими интересные очерки общественной жизни возраждавшейся тогда Италіи. Живя въ Прагѣ онъ помѣстилъ нѣсколько статей о русской литературѣ въ журналѣ «Часопись Чешскаго Музея», 1858—59 г.

---

*) См. напр. его критическія статьи: I. *Народныя сказки, изд. А. Афанасьева, вып. 1-й;* II. *Русскія народныя сказки, ч. 1-я 1841 г.* (От. Зап. 1856, двѣ статьи); «*Древняя русская литература.* I. *Старинные апокрифы.* II. *Сказаніе о хожденіи Богородицы по мукамъ.* (От. Зап. 1857.) и мн. др., о которыхъ ниже.

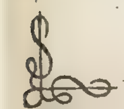

По возвращеніи изъ путешествія въ 1860 г. г. Пыпинъ занялъ каѳедру всеобщей литературы, въ качествѣ и. д. экстраординарнаго профессора и читалъ исторію провансальской и французской литературы въ средніе вѣка. Пребываніе его въ университетѣ было, къ сожалѣнію, недолгое.

Учено-литературная дѣятельность г. Пыпина между тѣмъ продолжалась съ прежнею энергіею. Съ 1861 г. по 1863 г. онъ состоялъ членомъ Археографической Коммиссіи, причемъ завѣдывалъ редакціей небольшаго сборника, основаннаго тогда подъ названіемъ «Лѣтописи Занятій Археографической Коммисіи». Къ началу шестидесятыхъ годовъ относятся также рядъ журнальныхъ статей г. Пыпина въ Современникѣ *) и изданіе имъ 3-го выпуска «Памятниковъ старинной русской литературы», заключающаго «Ложныя и Отреченныя книги русской старины» (Спб. 1862). Выпускъ этотъ состоитъ изъ неизданныхъ до того времени любопытныхъ текстовъ, важныхъ для исторіи народной религіозности, повѣрій и преданій старой русской жизни. Нѣсколько изслѣдованій объ этой «ложной» литературѣ было помѣщено имъ кромѣ того въ упомянутомъ выше сборникѣ Археографической Коммиссіи, въ журналѣ Русское Слово и въ Архивѣ историческихъ и практическихъ свѣденій г. Калачова (1860—61).

Съ 1863 по 1866 г. г. Пыпинъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ Салтыковымъ, Ю. Жуковскимъ, Елисѣевымъ и Антоновичемъ участвовалъ въ изданіи «Современника,» отличавшагося въ эти года, какъ извѣстно, большимъ интересомъ и пользовавшійся значительною популярностію. Къ этому періоду времени относится также рядъ переводовъ избранныхъ

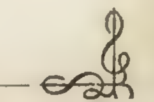
*) *«Русскія народныя легенды»* и *«Новыя славянскія изслѣдованія»* (Современникъ 1860); *«По поводу изслѣдованія г. Буслаева о русской старинѣ»*; *«Вячеславъ Ганка»*; *«Новыя изслѣдованія о французской литературѣ XVIII в.»* (Современникъ 1861); *«Народное образованіе во Франціи»* (Современникъ 1862 г.).

историческихъ сочиненій, сдѣланныхъ отчасти самимъ г. Пыпинымъ, отчасти имъ проредактированныхъ, что, при бѣдности нашей литературы въ этомъ отношеніи, можетъ быть вмѣнено ему въ положительную заслугу. Таковы: образцовый трудъ Геттнера «*Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка*», (т. I и II, 1863—66), «*Всеобщая исторія литературы*», Шерра (1863, 2-е изд. 1867), «*Исторія интеллектуальнаго развитія Европы*» Дрэпера (1865—66), «*Исторія Франціи отъ низверженія Наполеона I до возстановленія имперіи*», Рохау (1865). *) Впослѣдствіи онъ перевелъ также сочиненіе извѣстнаго англійскаго писателя Гартполя Лекки «*Исторія Раціонализма*» (1871, т. 1-й); къ сожалѣнію 2-й томъ этой замѣчательной книги, уже напечатанный, подвергся уничтоженію.

Въ 1865 г. вышелъ второй капитальный трудъ г. Пыпина «*Обзоръ славянскихъ литературъ*». Поводомъ къ составленію этого акта послужило то обстоятельство, что въ переведенной тогда «Исторіи всеобщей литературы» Шерра отдѣлъ о литературахъ славянскихъ, былъ крайне недостаточенъ, и г. Пыпинъ рѣшилъ замѣнить его собственнымъ изложеніемъ, причемъ пригласилъ къ участію В. Д. Спасовича, которымъ была написана глава о польской литературѣ. Книга разрослась въ большой томъ. Трудъ этотъ пополнилъ существенный пробѣлъ въ нашей литературѣ; онъ не имѣетъ себѣ подробнаго и у другихъ славянскихъ народовъ. При составленіи его имѣлась двоякая цѣль—дать общій обзоръ для читателей неспеціалистовъ, а вмѣстѣ руководство, указаніе фактовъ и пособій изученія, для желающихъ познакомиться съ предметамъ ближе. Значеніе книги

*) Сочиненіе Рохау переведено г. Пыпинымъ вмѣстѣ съ г. Антоновичемъ.— Кромѣ поименованныхъ книгъ, г. Пыпинъ перевелъ книжку «*О значеніи естественныхъ наукъ*» Э. Росмесслера и первый томъ «*Исторіи индуктивныхъ наукъ*» Уэвелля. Имъ же изданъ переводъ, сдѣланный другимъ лицомъ, «*Основаній политической экономіи*, Джона Стюрта Милля (1865, 2-е изд. 1874), печатавшійся прежде въ Современникѣ.

видно изъ слѣдующихъ словъ предисловія: «Славянскій вопросъ», говоритъ г. Пыпинъ, «вообще извѣстенъ у насъ мало и принимается нашимъ обществомъ довольно равнодушно или слишкомъ на-вѣру, но онъ безъ сомнѣнія способенъ возбудить большой историческій интересъ, и поставленный въ извѣстномъ соціальномъ значеніи можетъ быть и очень близкимъ для насъ общественнымъ вопросомъ. Знакомство съ цѣлымъ его объемомъ можетъ навести на правильное рѣшеніе частныхъ вопросовъ того же свойства, которые могутъ представиться и въ самомъ дѣлѣ представляются въ современной русской дѣйствительности. Извѣстная часть нашей литературы старается особеннымъ образомъ связать нашъ общественный вопросъ съ славянскимъ; она проповѣдуетъ извѣстное панславянское сліяніе раздѣленныхъ народовъ въ одну національную массу и принимается благодѣтельствовать «славянскимъ братьямъ», не спрашиваясь ихъ самихъ — съ своей собственной точки зрѣнія; мы желали бы, чтобы факты, которые читатель найдетъ въ этой книгѣ, дали ему понятіе о томъ, каково должно быть въ этомъ смыслѣ наше разумное отношеніе къ «братьямъ». Академія Наукъ признала трудъ г. Пыпина достойнымъ Уваровской преміи. Подробный разборъ книги, былъ сдѣланъ профессоромъ П. Лавровскимъ, смотрѣвшимъ на цѣлый вопросъ съ другой точки звѣнія. Разборъ этотъ помѣщенъ въ отчетѣ о IX присужденіи наградъ графа Уварова.

Неполноты въ изложеніи книги г. Пыпина, очень естественныя въ подобной работѣ, между прочимъ происходили по собственному указанію автора, отъ весьма элементарной, но существенной причины: это—трудность составить у насъ достаточную славянскую библіотеку и почти совершенное отсутствіе книгопродавческихъ сношеній съ южными и западными славянскими землями, — обстоятельство, иногда лишавшее г. Пыпина возможности пользоваться нѣкоторыми любопытными книгами. Прибавимъ, что въ на-

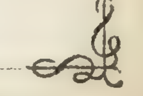

стоящемъ году появился уже 1-й томъ втораго изданія *Обзора славянскихъ литературъ»*, совершенно переработаннаго и значительно дополненнаго авторомъ.

По прекращеніи изданія Современника г. Пыпинъ сдѣлался съ 1867 г. дѣятельнымъ сотрудникомъ «Вѣстника Европы», возобновленнаго г. Стасюлевичемъ въ 1866 г. сначала въ видѣ историческаго сборника, но вскорѣ превращеннаго въ ежемѣсячный журналъ съ обширной програмой. Вмѣстѣ съ тѣмъ г. Пыпинъ расширилъ область своихъ изслѣдованій: не ограничиваясь, какъ было до сихъ поръ исторіей литературы, онъ написалъ рядъ статей по исторіи общественной. Сюда принадлежатъ его изслѣдованія о масонствѣ *) и интересные монографическіе очерки изъ эпохи Александра I: *Россійское Библейское Общество 1812—1826 г.* В. Е. 1868 г., (четыре статьи). *Русскія отношенія Бентама.* В. Е. 1869 г. (двѣ статьи). *Г-жа Крюднеръ* В. Е. 1869 г., (двѣ статьи). *Императоръ Александръ I и квакеры* В. Е. 1869 г. кн. 10; *Времена реакціи 1820 — 1830 гг.* В. Е. 1869 г. (двѣ статьи). *Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I* В. Е. 1870 г.,—1871, вышедшіе потомъ отдѣльной книгой, 1871. *Библейская секта двадцатыхъ годовъ.* В. Е 1871, кн. 3.

Историческія изслѣдованія г. Пыпина выдаются изъ ряда обыкновенныхъ журнальныхъ статей по серьезной научной обработкѣ. Изученіе эпохи Александра I, столь богатой политическими и интеллектуальными движеніями, далеко притомъ не разъясненными, безъ сомнѣнія весьма важно для пониманія многихъ явленій настоящаго времени. Насколько цѣнитъ ученый міръ труды г. Пыпина въ этомъ направленіи, показываетъ тотъ фактъ, что въ 1871 г. Академія Наукъ выбрала его на каѳедру русской исторіи, но по при-

*) *Русское масонство въ XVIII вѣкѣ.* В. Е. 1867 г., кн. 2—4; *Русское масонство до Новикова.* В. Е. 1868 г., кн. 6 и 7; *Матеріалы для исторіи масонскихъ ложъ.* В. Е. 1872 г., кн. 1, 2 и 7.

чинамъ, которыхъ мы не умѣемъ объяснить, г. Пыпинъ нашелъ нужнымъ отказаться отъ этого почетнаго избранія. Записка объ ученыхъ заслугахъ его, составленная по этому поводу, была напечатана въ Запискахъ Академіи Наукъ, 1872 г. (Т. XX).

Другой рядъ статей г. Пыпина, помѣщенныхъ въ «Вѣстникѣ Европы», относится къ исторіи русской литературы: «*Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ*» (В. Е. 1871—1873 гг. и въ отдѣльномъ изданіи, 1875 г.). «*Бѣлинскій. Опытъ біографіи*». (В. Е. 1874—1875). «*О сравнительно историческомъ изученіи русской литературы*». (В. Е. 1875 г. кн. 10); «*Древній періодъ русской литературы и образованности*» (В. Е. 1875 г. кн. 11, 12, и 1876 г. кн. 6, 9) «*Средніе вѣка русской литературы и образованности*» (В. Е. 1876 г. кн. 11 и 1877 г. кн. 2 и 4) *).

Изъ этихъ статей особенно выдаются: чрезвычайно обстоятельная біографія Бѣлинскаго, написанная по письмамъ его и другимъ неизданнымъ матеріаламъ (отдѣльное изданіе Спб. 1876 г.) и обширное сочиненіе «Характеристики литературныхъ мнѣній». Въ послѣднемъ г. Пыпинъ высказалъ спокойный анализъ и извѣстную широту воззрѣній. Будучи «западникомъ» и «реалистомъ», по основнымъ своимъ убѣжденіямъ, онъ тѣмъ не менѣе относится съ уваженіемъ ко всякому *искреннему* міросозерцанію; указываетъ хорошія стороны славянофильства и слабыя крайняго западничества.

Статьи г. Пыпина, начиная съ конца 1876 г. по настоящее время, почти всѣ посвящены Славянскимъ литера-

*) Укажемъ еще замѣтки *Крыловъ и Радищевъ». Кто писалъ въ Почтѣ Духовъ».* (В. Е. 1868 г., кн. 5)

Г. Пыпинымъ написана кромѣ того біографія Лермонтова, при 2-мъ изданіи его сочиненій (1873 г.).

турамъ и Славянскому вопросу: «*Первые слухи о сербской народной поэзіи*» (В. Е. 1876 г. кн. 12); «*Герцеговинскіе гайдуки сто лѣтъ назадъ*» (В. Е. 1877 г. кн. 6); «*Замѣтка къ статьѣ г. Всеволода Миллера о пѣсняхъ македонскихъ Болгаръ*» (В. Е. 1878 г. кн. 7); «*Путешествія г-жъ Мэккензи и Ирби по славянскимъ землямъ Турціи*» (В. Е. 1877 г. кн. 9,—11); «*Болгарія и Болгары передъ войною*» (В. Е. 1878 г. кн. 3—4); «*Панславизмъ въ прошломъ и настоящемъ*» (В. Е. 1878 г. кн. 9,—12); «*Литратурный панславизмъ*» (В. Е. 1879 г. кн. 6, 8 и 9).

Изъ поименованныхъ статей особенно интересны двѣ послѣднія, какъ выраженіе мнѣній о панславизмѣ выдающагося противника славянофильской партіи.

Заканчивая нашъ краткій очеркъ учено-литературной дѣятельности г. Пыпина, считаемъ не лишнимъ оговорить, что нами исчислены только болѣе или менѣе выдающіеся труды его, не мало мелкихъ замѣтокъ и статей можно найти еще въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ *).

---

*) Напр. въ «Современникѣ» 1865 г. статья «*Нѣсколько словъ о народныхъ началахъ и цивилизаціи*». По поводу рецензіи О. Миллера на обзоръ славянскихъ литературъ;

Въ «Археолог. Вѣстникѣ» 1867 г. вып. 3 «*Замѣтки по литературной археологіи*».

Въ «Вѣстникѣ Европы»: *Критика. Ѳеофанъ Прокоповичъ и его противники* 1869 г. кн. 6); *Замѣтки. Идеалисты и реалисты. Щебальскаго* (1871 г. кн 10); *Русскій путешественникъ 20-хъ годовъ* (1871 г. кн. 8); *По поводу Толковаго Словаря Даля* (1873 г. кн. 12); *По поводу quasi-литературной критики «Русскаго Вѣстника»* (1874 г. кн. 2); *Объ упадкѣ современной критики. Отвѣтъ на письмо Кавелина въ «Недѣлѣ»* (1876 г. кн. 1); *Новые опыты построенія русской исторіи* по поводу книги г. Забѣлина(1876 г. кн. 8).

V.

Левъ Николаевичъ Толстой.

Левъ Николаевичъ Толстой родился въ 1828 году 28 августа, въ родовомъ имѣніи своей матери, Тульской губерніи, Крапивенскаго уѣзда, сельцѣ «Ясная Поляна».

Отецъ Льва Николаевича, графъ Николай Ильичъ Толстой, былъ праправнукомъ графа Петра Андреевича, сподвижника Петра I-го. Онъ участвовалъ въ кампаніяхъ 1812—1813 годовъ и умеръ въ 1837 году, полковникомъ въ отставкѣ.

Мать Льва Николаевича, урожденная Волконская, Марья Николаевна, единственная дочь князя Николая Сергѣевича, умерла въ 1830 году.

Послѣ смерти ея, воспитаніемъ Льва Николаевича, которому небыло тогда еще и двухъ лѣтъ, также какъ и трехъ старшихъ братьевъ его: Николая, Сергѣя, Дмитрія и сестры Маріи, занялась ихъ дальняя родственница, Татьяна Александровна Ергольская, воспитанница дѣда ихъ, графа Ильи Андреевича Толстаго. Она и графиня Александра Ильинична Остенъ-Сакенъ, родная сестра отца Льва Николаевича, были его первыми преподавательницами русскаго и французскаго языковъ; когда же въ 1837 году семейство Толстыхъ переѣхало изъ ихъ имѣнія въ Москву, для приготовленія старшаго сына въ университетъ, учите-

Левъ Нико [illegible]
августа, [illegible]
губерніи, [illegible]
Отецъ Ль [illegible]
стой, былъ п [illegible]
вижника Петра [illegible]
1813 годовъ [illegible]
ставкѣ.

Мать Льва [illegible]
Николаевна, е [illegible]
умерла въ 18 [illegible]

Послѣ сме [illegible]
торому небыло [illegible]
трехъ старших [illegible]
и сестры Ма [illegible]
Татьяна Алекс [illegible]
графа Ильи Андр [illegible]
сандра Ильинична [illegible] Николаевича, были его первыми преподавательницами русскаго и французскаго языковъ; когда же въ 1837 году семейство Толстыхъ переѣхало изъ ихъ имѣнія въ Москву, для приготовленія старшаго сына въ университетъ, учите-

Гр. Л. Толстой

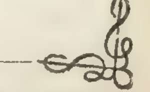
лями были: нѣмецъ Ѳедоръ Ивановичъ Рессель, французъ Просперъ Сенъ-Тома и нѣкоторые другіе приходившіе къ нимъ на домъ.

Вслѣдствіе скоропостижной смерти отца Льва Николаевича, дѣла по опекѣ были запутаны, и требовалось уменьшить расходы, почему часть семейства: Дмитрій, Левъ и Марія Толстые, сопровождаемые теткой ихъ, Татьяной Александровной Ергольской, переѣхали опять въ деревню. Въ то время учителями дѣтей были то нѣмцы, то русскіе семинаристы.

Въ 1840 году скончалась опекунша дѣтей, графиня Александра Ильинична Остенъ-Сакенъ, опеку приняла сестра ея, Пелагея Ильинична Юшкова, жившая со своимъ мужемъ въ Казани, куда въ 1841 году она перевезла и все семейство Толстыхъ, ради чего, старшій сынъ, Николай, долженъ былъ перейти изъ московскаго университета въ казанскій.

Въ Казани, Левъ Николаевичъ, вмѣстѣ съ своими братьями Сергѣемъ и Дмитріемъ, готовился къ поступленію въ университетъ у приходящихъ учителей и въ 1843 году поступилъ на факультетъ восточныхъ языковъ, братья же его, годомъ раньше, на математическій. Черезъ годъ, Левъ Николаевичъ, перешолъ на юридическій факультетъ, пробывъ на которомъ до третьяго курса, оставилъ вовсе университетъ и вмѣстѣ съ братьями, уже кончившими курсъ, уѣхалъ въ «Ясную Поляну», которая ему досталась по раздѣлу. Тамъ онъ прожилъ до 1851 года, только изрѣдка пріѣзжая въ Москву и Петербургъ.

Въ 1851 году Левъ Николаевичъ поѣхалъ на Кавказъ вмѣстѣ съ служившимъ тамъ братомъ Николаемъ и пріѣзжавшемъ къ нему въ отпускъ. Предпринявъ эту поѣздку только ради путешествія, онъ такъ полюбилъ Кавказъ, что не захотѣлъ съ нимъ разстаться и въ томъ же 1851 году поступилъ на службу, гдѣ былъ зачисленъ въ 4-ю бата-

рею 20-й артиллерійской бригады, стоявшую на Терекѣ въ станицѣ Старогладовской. Въ этой же батареѣ служилъ и братъ его.

Пробывъ на Кавказѣ съ 1851 до 1853 года, и участвуя ежегодно въ зимнихъ экспедиціяхъ, Левъ Николаевичъ, въ 1853 году, согласно своей просьбѣ, былъ переведенъ въ Дунайскую армію, въ штабъ князя Михаила Дмитріевича Горчакова, принявъ такимъ образомъ участіе въ кампаніи 1854 года.

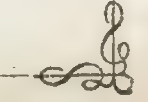
Въ маѣ 1855 года онъ былъ назначенъ командиромъ горнаго дивизіона и участвовалъ въ ракетной батареи 4-го августа въ сраженіи на Черной-Рѣчкѣ, а 27-го августа при штурмѣ Севастополя, послѣ котораго былъ посланъ въ Петербургъ курьеромъ.

Въ 1855 году, Левъ Николаевичъ, вышелъ въ отставку; проводилъ зимы въ Москѣ и Петербургѣ, лѣтніе же мѣсяцы въ «Ясной Полянѣ», въ которую окончательно переселился съ 1861 года, послѣ своихъ поѣздовъ за-границу.

Въ 1862 году Левъ Николаевичъ женился въ Москвѣ, на Софьѣ Андреевнѣ Берсъ; отецъ ея докторъ Андрей Евстафьевичъ Берсъ, былъ женатъ на одной изъ дочерей Александра Михайловича Исленьева, состоявшаго съ отцомъ Льва Николаевича въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ и бывшаго съ Толстыми сосѣдомъ по имѣнію.

Со времени женитьбы, Левъ Николаевичъ безъвыѣздно живетъ въ «Ясной Полянѣ», имѣетъ шестерыхъ дѣтей, воспитаніемъ которыхъ занимается лично. Въ 1861 году онъ издавалъ педагогическій журналъ «Ясная Поляна». Въ этомъ же году онъ былъ избранъ въ мировые посредники.

Начало литературной дѣятельности Льва Николаевича, относится ко времени его пребыванія на Кавказѣ. Въ 1852 году тамъ было написано слѣдующее: «Набѣгъ», «Отрочество», «Дѣтство», былъ начатъ «Романъ русскаго помѣщика», изъ котораго позднѣе были напечатаны нѣсколько

главъ, подъ заглавіемъ «Утро помѣщика», и начата «Кавказская повѣсть», часть которой была напечатана подъ заглавіемъ «Казаки».

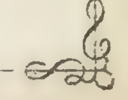
Къ 1853—1855 годамъ относятся: «Севастополь въ декабрѣ», «Севастополь въ маѣ», «Рубка лѣса».

Къ 1856—1861 годамъ — «Юность», «Севастополь въ августѣ», «Два гусара», «Альбертъ», «Люцернъ», «Семейное счастіе», «Поликушка». Къ послѣднему періоду: «Война и миръ», «Азбука», «Книги для чтенія», «Анна Каренина».

Левъ Николаевичъ принадлежитъ безспорно къ однимъ изъ самыхъ крупныхъ, выдающихся писателей и пытаться обрисовать его значеніе въ краткомъ біографическомъ очеркѣ было бы совершенно безполезно. Послѣднія произведенія его ясно указываютъ на то, что талантъ его находится въ полной силѣ развитія и что далеко еще то время, когда можно будетъ думать о подведеніи итоговъ его творческой дѣятельности. Потому оставляя въ сторонѣ всякія критическія оцѣнки, мы остановимся здѣсь лишь на нѣкоторыхъ частностяхъ, по нашему мнѣнію, болѣе или менѣе характеризующихъ личныя взгляды Льва Николаевича и отмѣчающихъ тотъ идеалъ, носителемъ котораго онъ является.

Какъ самобытный талантъ, Толстой, менѣе всего можетъ быть названъ писателемъ тенденціознымъ. Для истиннаго художника не мыслимо нанизыванье преднамѣренно измышленныхъ фактовъ, пригонка манекеновъ ради проведенія извѣстныхъ идей. Вниманіе его, прежде всего, поглощается тѣми или другими личностями, почему либо отдѣлившимся отъ общаго фона, затѣмъ является рядъ картинъ служащихъ какъ бы естественной для нихъ рамкой. Художникъ настолько же рабъ своей собственной творческой способности, на сколько послѣдняя раба его.

Такое отношеніе, однако, ни чуть не мѣшаетъ писателю вносить въ свое произведеніе извѣстную долю субъективности. Какъ ни строго подчиняется онъ дѣйствительности,

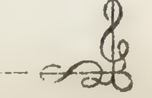
какъ ни тщательно рисуетъ се—личныя его симпатіи и антипатіи легко могутъ проскользнуть тутъ и тамъ и освѣтить особымъ свѣтомъ нѣкоторыя частности. Во всѣхъ почти произведеніяхъ Льва Николаевича, мы наталкиваемся на личности, (играющія въ разсказѣ выдающіяся роли) которыя легче всего охарактеризовать названіемъ «ищущихъ правды». Какъ на самаго рельефнаго укажемъ на Левина въ Аннѣ Карениной. Съ перваго своего появленія на страницахъ романа и вплоть до конца, Левинъ рисуется человѣкомъ страстно добивающимся отвѣтовъ на тѣ вопросы, которые одинъ за однимъ возникаютъ въ немъ подъ вліяніемъ окружающихъ явленій, не довольствующимся рѣшеніями даваемыми обществомъ и, къ концу концовъ, находящимъ ключъ къ загадкѣ тамъ, гдѣ менѣе всего можно бы было искать его, въ средѣ людей темныхъ, простыхъ.

Едвали мы ошибемся, если скажемъ, что Левина могъ создать только тотъ человѣкъ, который подобно ему, мучительно искалъ правды. Едва ли мы ошибемся прибавивъ, что «простой и темный человѣкъ», играющій такую замѣтную роль и въ жизни Левина, и въ жизни Пьера Безухова и въ жизни десятка другихъ героевъ Толстого, не можетъ быть далекъ сердцу самаго автора.

Для подтверженія нашего мнѣнія, дѣлаемъ небольшія выписки изъ «Севастополя» и «Войны и Мира».

«Ты куда раненъ? — спрашиваете вы нерѣшительно и робко у одного стараго, исхудалаго солдата; который, сидя на койкѣ, слѣдитъ за вами добродушнымъ взглядомъ и какъ будто приглашаетъ подойти къ себѣ. Я говорю: «робко спрашиваете», потому что страданія, кромѣ глубокаго сочувствія, внушаютъ почему-то страхъ оскорбить и высокое уваженіе къ тому, кто переноситъ ихъ.

— Въ ногу,—отвѣчаетъ солдатъ; во въ это самое время вы сами замѣчаете по складкамъ одѣяла, что у него ноги нѣтъ выше колѣна.

— Слава Богу теперь,—прибавляетъ онъ,—на вышку хочу.

— А давно ты уже раненъ?

— Да вотъ шестая недѣля пошла, ваше благородіе!

— Что же болитъ у тебя теперь?

— Нѣтъ, теперь не болитъ ничего; только какъ будто въ икрѣ ноетъ, когда непогода, а то ничего.

— Какъ же ты это былъ раненъ?

— На пятомъ батсіонѣ, ваше благородіе, какъ первая бандировка была: навелъ пушку, сталъ отходить, этакимъ манеромъ, къ другой амбразурѣ, какъ *онъ* ударитъ меня по ногѣ, ровно какъ въ яму оступился: глядь, а ноги— нѣтъ.

— Неужели больно не было въ эту первую минуту?

— Ничего; только какъ горячимъ чѣмъ меня ахнули въ ногу.

— Ну, а потомъ?

— И потомъ ничего; только какъ кожу натягивать стали, такъ саднило какъ будто. Оно, первое дѣло, ваше благородіе, не думать ничего: какъ не думаешь, оно тебѣ и ничего. Все больно отъ того, что думаетъ человѣкъ.

Въ это время къ намъ подходитъ женщина въ сѣренькомъ полосатомъ платьѣ и подвязанная чернымъ платкомъ; она вмѣшивается въ нашъ разговоръ съ матросомъ и начинаетъ разсказывать про него, про его страданія, про его отчаянное положеніе, въ которомъ онъ былъ четыре недѣли, про то, какъ былъ и раненъ, остановилъ носилки съ тѣмъ, чтобы посмотрѣть на залпъ нашей батареи, какъ Великіе Князья говорили съ нимъ и пожаловали 25 руб., и какъ онъ сказалъ имъ, что онъ опять хочетъ на бастіонъ съ тѣмъ, чтобы учить молодыхъ, ежели ужъ самъ работать не можетъ. Говоря все это однимъ духомъ, женщина эта смотритъ то на васъ, то на матроса, который повернувшись и какъ будто не слушая ея, щиплетъ у себя на по-

душкѣ корпію, и глаза ея блестятъ какимъ-то особеннымъ восторгомъ.

— Это хозяйка моя, ваше благородіе! — замѣчаетъ вамъ матросъ, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто говоритъ: «ужъ вы ее извините: извѣстно — бабье дѣло, глупыя слова говоритъ».

Вы начинаете понимать защитниковъ Севастополя: вамъ становится почему-то совѣстно за самого себя передъ этимъ человѣкомъ. Вамъ хотѣлось бы сказать ему слишкомъ многое, чтобы выразить ему свое сочувствіе и удивленіе; но вы не находите словъ или недовольны тѣми, которыя приходятъ вамъ въ голову, — и вы молча склоняетесь передъ этимъ молчаливымъ, безсознательнымъ величіемъ и твердостью духа, этою стыдливостью передъ собственнымъ достоинствомъ.

Приступая къ выпискѣ изъ «Войны и мира», мы считаемъ нужнымъ сказать два слова объясненія: эпизодъ, относящійся до Каратаева, въ художественномъ отношеніи слабъ. Но мы его и приводимъ не въ видѣ образца. Онъ рельефнѣе всего выставляетъ только ту особенность міровоззрѣнія Толстого, о которой мы говорили; онъ, такъ сказать, служитъ воплощеніемъ идеала, которому поклоняется Левъ Николаевичъ. Вотъ почему мы считаемъ необходимымъ остановиться на слѣдующихъ строкахъ.

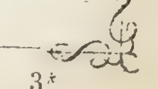
«Въ балаганѣ, въ который поступилъ Пьеръ, и въ которомъ онъ пробылъ четыре недѣли, было 23 человѣка плѣнныхъ солдатъ, 3 офицера и 2 чиновника.

Всѣ они потомъ, какъ въ туманѣ, представлялись Пьеру, но Платонъ Каратаевъ остался навсегда въ душѣ Пьера самымъ сильнымъ и дорогимъ воспоминаньемъ и олицетвореніемъ всего русскаго, добраго и круглаго. Когда на другой день, на разсвѣтѣ, Пьеръ увидѣлъ своего сосѣда, первое впечатлѣніе чего-то круглаго подтвердилось вполнѣ: вся фигура Платона, въ его подпоясанной фран-

цузской шинели, въ фуражкѣ и лаптяхъ, была круглая; голова была совершенно круглая, спина, грудь, плечи, даже руки, которыя онъ носилъ, какъ бы всегда собираясь обнять что-то, были круглыя; пріятная улыбка и большіе каріе нѣжные глаза были круглые.

Платону Каратаеву должно было быть за 50 лѣтъ, судя по его разсказамъ о походахъ, въ которыхъ онъ участвовалъ давнишнимъ солдатомъ. Онъ самъ не зналъ и никакъ не могъ опредѣлить, сколько ему было лѣтъ; но зубы его ярко бѣлые и крѣпкіе, которые всѣ выказывались своими двумя полукругами, когда онъ смѣялся (что онъ часто дѣлалъ), были всѣ хороши и цѣлы; ни одного сѣдого волоса не было въ его бородѣ и волосахъ, и все тѣло имѣло видъ гибкости и въ особенности твердости и сносливости. Лицо его, не смотря на мелкія круглыя морщины, имѣло выраженіе невинности и юности; голосъ у него былъ пріятный и пѣвучій. Но главныя особенности его рѣчи состояли въ непосредственности и скорости. Онъ, видимо, никогда не думалъ о томъ, что онъ сказалъ и что скажетъ; и отъ этого въ быстротѣ и вѣрности его интонаціи была особенная неотразимая убѣдительность. Физическія силы его и поворотливость были таковы въ первое время плѣна, что, казалось, онъ не понималъ, что такое усталость и болѣзнь. Каждый день, утромъ и вечеромъ, онъ, ложась, говорилъ: «положи Господи камушкомъ, подними калачикомъ»; по утру, вставая, всегда одинаково пожимая плечами, говорилъ: «легъ — свернулся, всталъ — встряхнулся». И дѣйствительно, стоило ему лечь, чтобы тотчасъ же заснуть камнемъ, и стоило встряхнуться, чтобы тотчасъ же, безъ секунды промедленія, взяться за какое нибудь дѣло, какъ дѣти, вставши, берутся за игрушки. Онъ все умѣлъ дѣлать не очень хорошо, и не дурно. Онъ пекъ, варилъ, шилъ, строгалъ, точалъ сапоги. Онъ всегда былъ занялъ и только по ночамъ позволялъ себѣ разгово-

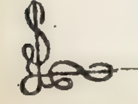

ры, которые онъ любилъ, и пѣсни. Онъ пѣлъ пѣсни не такъ, какъ поютъ пѣсенники, знающіе, что ихъ слушаютъ, но пѣлъ,—какъ поютъ птицы, очевидно потому, что звуки эти ему было также необходимо издавать, какъ необходимо бываетъ потянуться или расходиться; и звуки эти всегда бывали тонкіе, нѣжные, почти женскіе, заунывные и лицо его при этомъ бывало очень серьезно.

Попавъ въ плѣнъ и обросши бородою, онъ, видимо, отбросилъ отъ себя все напущенное на него, чуждое, солдатское, и невольно возвратился къ прежнему, крестьянскому народному складу.

— Солдатъ въ отпуску—рубаха изъ портовъ, говаривалъ онъ. Онъ не охотно говорилъ про свое солдатское время, хотя не жаловался и часто повторялъ, что онъ всю службу ни разу битъ не былъ. Когда онъ разсказывалъ, то преимущественно разсказывалъ изъ своихъ старыхъ и видимо дорогихъ ему воспоминаній «христіанскаго», какъ онъ выговаривалъ крестьянскаго быта. Поговорки, которыя наполняли его рѣчь, не были тѣ, большею частью неприличныя и бойкія поговорки, которыя говорятъ солдаты, но это были тѣ народныя изреченія, которыя кажутся столь незначительными, взятыя отдѣльно, и которыя получаютъ значеніе глубокой мудрости, когда онѣ сказаны кстати.

Часто онъ говорилъ совершенно противоположное тому, что онъ говорилъ прежде, но то и другое было справедливо. Онъ любилъ говорить и говорилъ хорошо, украшая свою рѣчь ласкательными словами и пословицами, которыя, Пьеру казалось, онъ самъ выдумывалъ; но главная прелесть его разсказовъ состояла въ томъ, что въ его рѣчи событія самыя простыя, иногда тѣ самыя, которыя, не замѣчая ихъ, видѣлъ Пьеръ, получали характеръ торжественнаго благообразія. Онъ любилъ слушать сказки, которыя разсказывалъ по вечерамъ (все однѣ и тѣ же) одинъ солдатъ, но больше всего онъ любилъ слушать разсказы о на-

стоящей жизни. Онъ радостно улыбался, слушая такіе разсказы, вставляя слова и дѣлая вопросы, клонившіеся къ тому, чтобы уяснить себѣ благообразіе того, что ему разсказывали. Привязанностей, службы, любви, какъ понималъ Пьеръ, Каратаевъ не имѣлъ никакихъ; но онъ любилъ и любовно жилъ со всѣмъ, съ чемъ сводила его жизнь, и въ особенности съ человѣкомъ — не съ извѣстныхъ какимъ нибудь человѣкомъ, а съ тѣми людьми, которые были предъ его глазами. Онъ любилъ свою шапку, своихъ товарищей, французовъ, любилъ Пьера, который былъ его сосѣдомъ; но Пьеръ чувствовалъ, что Каратаевъ, не смотря на всю свою ласковую нѣжность къ нему (которою онъ невольно отдавалъ должное духовной жизни Пьера), ни на минуту не огорчился бы разлукой. И Пьеръ тоже чувство начиналъ испытывать къ Каратаеву.

Платонъ Каратаевъ былъ для всѣхъ остальныхъ плѣннымъ самымъ обыкновеннымъ солдатомъ: его звали соколикъ или Платоша, добродушно трунили надъ нимъ, посылали его за посылками. Но для Пьера, какимъ онъ представился въ первую ночь, непостижимымъ, круглымъ и вѣчнымъ олицетвореніемъ духа простоты и правды, такимъ онъ остался на всегда.

Платонъ ничего не зналъ наизусть, кромѣ своей молитвы. Когда онъ говорилъ свои рѣчи, онъ, начиная ихъ, казалось, не зналъ, чѣмъ онъ ихъ кончитъ.

Когда Пьеръ, иногда пораженный смысломъ его рѣчи, просилъ повторить сказаное, Платонъ не могъ вспомнить того, что онъ сказалъ минуту тому назадъ, также какъ онъ никакъ не могъ словами сказать Пьеру свою любимую пѣсню. Тамъ было: «родимая», «березанька» и «тошнехонько мнѣ», но на словахъ не выходило никакого смысла. Онъ не понималъ и не могъ понять значенія словъ отдѣльно взятыхъ изъ рѣчи. Каждое слово его и каждое дѣйствіе было проявленіемъ неизвѣстной ему дѣятельности, которая была его

жизнь. Но жизнь его, какъ онъ самъ смотрѣлъ на нее, не имѣла смысла какъ отдѣльная жизнь. Она имѣла смыслъ только какъ частица цѣлаго, которое онъ постоянно чувствовалъ. Его слова и дѣйствія выливались изъ него также равномѣрно, необходимо и непосредственно, какъ запахъ отдѣляется отъ цвѣтка. Онъ не могъ понять ни цѣны, ни значенія отдѣльно взятаго дѣйствія или слова».

Надѣемся, что читатели не посѣтуютъ на насъ за то, что мы остановились на этой именно чертѣ творчества Льва Николаевича. По нашему мнѣнію она служитъ лучшей характеристикой его личнаго міровоззрѣнія, намѣчаетъ, такъ сказать, того Бога, которому онъ поклоняется. А чѣмъ же лучше можно обрисовать самого человѣка, какъ не указаніемъ на его симпатіи или антипатіи?

Д. Григорович

V.

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ.

Если, съ одной стороны, въ настоящее время весьма часто раздаются у насъ жалобы на отсутствіе критики, то, съ другой стороны, нельзя не прибавить, что критика наша, за малыми исключеніями, во всѣ періоды своего существованія, далеко не свободна отъ упрека въ слишкомъ сильныхъ увлеченіяхъ, односторонности и отсутствіи безпристрастія. Стоитъ, напримѣръ, припомнить рядъ статей, появившихся въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ шестидесятыхъ годовъ, въ которыхъ съ жаромъ, достойнымъ лучшей участи, уничтожались всѣ заслуги Д. В. Григоровича, какъ писателя, отрицалась въ немъ всякая искра таланта и творческая его дѣятельность низводилась на степень неудачнаго малеванья выдуманной жизни искусственныхъ пейзановъ и пейзанокъ. Не желая вовсе писать здѣсь панегирика, мы, опираясь на факты, должны неминуемо сознаться, что жизнь Д. В. Григоровича имѣетъ право прежде всего назваться служеніемъ искусству въ самомъ широкомъ и благодарнѣйшемъ значеніи слова, равно какъ и въ томъ, что литературная его дѣятельность, съ исторической точки зрѣнія, оставила по себѣ весьма замѣтный слѣдъ и отъ потомства заслужила не малую долю признательности.

Первыя повѣсти г. Григоровича появились съ сороковыхъ годахъ. Если читатели припомнятъ, какой тонъ царилъ въ то время въ нашей беллетристикѣ, если они не забыли

еще похожденій различныхъ графовъ Звѣздичей съ очаровательными Надинами и Александринами, то они, конечно, легко поймутъ какое впечатлѣніе должно было произвести появленіе «Деревни» или «Антона горемыки». Вотъ напримѣръ, что пишетъ нѣсколько позднѣе одинъ изъ обозрѣвателей въ «Современникѣ»:

«Превосходный романъ г. Григоровича, явившійся въ концѣ прошлаго года отдѣльной книжкой, невольно возбуждаетъ потребность отдать отчетъ о рядѣ литературныхъ произведеній съ тѣмъ же направленіемъ, какимъ онъ отличается. Созданія, въ основаніи которыхъ лежитъ жизнь и обычаи простаго народа, замѣтно расплодились у насъ во всѣхъ формахъ и уже начали составлять яркую и, скажемъ, утѣшительную черту современной литературы. Много новыхъ элементовъ для романа, повѣсти и комедіи открыли даровитые писатели на этомъ поприщѣ; много оригинальныхъ лицъ и физіономій, принадлежащихъ исключительно русскому міру, ввели они въ дѣло, и на многіе, доселѣ еще невѣдомые источники патетическаго, страстнаго и комическаго успѣли они указать намъ. Бодрость и сила, отличающія всегда плоды свѣжей, нетронутой почвы, составляютъ достояніе и этихъ народныхъ произведеній и чувствуются даже тогда, когда, отстранивъ мыслено и съ усиліемъ, разумѣется, родовую привязанность къ лицамъ, выводимымъ ими, вы стараетесь взглянуть на нихъ, какъ чужой на чужого. Слышно біеніе оригинальной мысли, и вы ясно видите, что ухомъ и глазомъ автора завладѣлъ міръ, которому онъ отдался со страстію открывателя или по крайней мѣрѣ перваго изыскателя. Исключительная привязанность къ предмету описанія выдаетъ предметъ полно, съ жаромъ, безъ разсужденій, безъ сличенія съ другими явленіями жизни, безъ провѣрки чѣмъ либо постороннимъ. Онъ является передъ вами наголо, въ оригинальной особенности, и сила привлекательности заключающейся въ немъ, особенно

доказывается тѣмъ, что вырванный изъ общаго теченія жизни, онъ сосредоточиваетъ на себѣ все ваше вниманіе, все участіе ваше. Правда, причина этого столько же заключается въ близости къ намъ самого предмета и въ народной симпатіи, какую вы къ нему чувствуете, сколько и въ талантахъ авторовъ, но мы уже не имѣемъ права разделять то, что разомъ вышло изъ обѣихъ поименованныхъ причинъ. Яркая самостоятельность, сообщаемая представленіями изъ одного отдѣла русской жизни, тутъ нисколько не насильственна и не противна чувству; это не снисходительная идиллія, за которой отдыхаетъ авторъ послѣ ощущенія и подвиговъ другаго рода, это также не tour de force писателя, которому надоѣли обыкновенные пріемы и условія литературной дѣятельности. Въ произведеніяхъ авторовъ нашихъ видно, какъ уже сказано, изученіе предмета, любовь къ нему, живая потребность высказать его полнѣе и прямѣе. Отсюда также и недостатки, о которыхъ послѣ, но отсюда также и смѣлость кисти, которая уже не ищетъ и не хочетъ искать красокъ внѣ избраннаго предмета. Такимъ образомъ, на новыхъ произведеніяхъ нашихъ лежитъ тотъ своеобычный, энергическій характеръ, который составляетъ ихъ отличіе отъ разсказовъ и романовъ, перемѣшанныхъ съ разнородными кругами общества, скатывающихся по многимъ ступенямъ жизни, если смѣю выразится такъ. Они сжатѣе и сосредоточеннѣе, потому и дѣйствуютъ сильнѣе; они не имѣютъ причинъ заниматься анализомъ тонкихъ душевныхъ ощущеній и потому кажутся здоровѣе на видъ, они наконецъ простѣе въ изобрѣтеніи завязки, которая не можетъ быть сложна по существу самого дѣла, и потому кажутся особенно величавыми на первый взглядъ».

Первымъ поборникомъ этого новаго направленія, первымъ изыскателемъ на народной почвѣ и, главное, первымъ противникомъ крѣпостнаго права явился въ лите-

ратурѣ Д. В. Григоровичъ. Заслуга важная, неотъемлемая. Вслѣдъ за нимъ, правда, по той же дорогѣ, пошли другіе. Нашлись таланты ярче и крупнѣе его; но честь перваго почина осталась за нимъ.

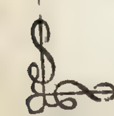
Переходя къ характеристикѣ таланта г. Григоровича, мы считаемъ за лучшее указать на мнѣніе Бѣлинскаго, высказанное имъ по поводу «Деревни». Перечисливъ сначала тѣ недостатки, которые найдены имъ въ повѣсти (относительная безцвѣтность главной героини, вычурность нѣкоторыхъ описаній природы и проч.), Бѣлинскій заканчиваетъ: «что касается до очерковъ крестьянскаго быта, это блестящая сторона произведенія г. Григоровича. Онъ обнаружилъ тутъ много наблюдательности и знанія дѣла, и умѣлъ выказать то и другое въ образахъ простыхъ, истинныхъ, вѣрныхъ, съ замѣчательнымъ талантомъ. Его «Деревня»—одно изъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній прошлаго года».

Чтобы окончательно обрисовать свойство таланта г. Григоровича, мы дѣлаемъ выписку изъ повѣсти «Пахотникъ и бархатникъ», тѣхъ сценъ, гдѣ выведенъ Ѳедотъ, личность чрезвычайно живая, рельефная, удавшаяся автору въ совершенствѣ. (Читатели вѣроятно помнятъ содержаніе повѣсти. Дѣлится она на двѣ части: въ первой говорится о томъ переполохѣ, какой произвело въ деревнѣ Антоновки несвоевременное требованіе оброка, гибельно подѣйствовавшее на благосостояніе всѣхъ ея обитателей, во второй безалаберный образъ существованія владѣльца и не мѣнѣе безалаберное употребленіе полученнаго оброка на кутежъ).

— Никакъ подсобить хочешь?... произнесъ сосѣдній мужикъ.

— Намъ это дѣло въ привычку! хвастливо возразилъ Ѳедотъ: въ нашихъ мѣстахъ, — мы на Окѣ живетъ, — луга такіе: конца-краю не видно, глазомъ не обведешь!... Мѣсяцъ цѣлый косимъ: весь міръ коситъ, а все остается верстъ на десять нескошеннаго мѣста... такъ и оставляемъ... скотъ травимъ!...

Сказавъ это, Ѳедотъ снова поправилъ картузъ, снова попле-

валъ въ ладонь и молодецки махнулъ косою; но луга косить, видно, не то что рожь; подъ косою Ѳедота жнивья осталось вдвое больше, чѣмъ слѣдовало, и колосья, захваченные имъ, легли не въ рядъ, а раскидались на стороны.

Два молодые парня, работавшіе слѣва, громко засмѣялись.

Ѳедотъ повернулся къ нимъ спиною и осмотрѣлъ косу.

— Ну, ужъ коса! сказалъ онъ съ усмѣшкою, обращаясь къ мужику, который началъ разговоръ: — диковинное дѣло, какъ только Карпъ управляется... Какъ есть, ничего не беретъ! Дайка братецъ ты мой, точило... Эхъ была у меня коса,—вотъ такъ ужь точно коса! подхватилъ Ѳедотъ, принимаясь водить брускомъ по лезвею: — и теперь еще двѣ такія же дома остались, — вотъ такъ косы! Случается, найдешь на такое мѣсто—конятникомъ заросло, такія мѣста есть, — махнешь косою — словно трава валится! Въ нашихъ мѣстахъ все такія-то косы; по два рубля платимъ; этихъ, какими вы косите, у насъ въ заводѣ нѣтъ, впервые вижу...

— Слышь, братъ, сказалъ словоохотливый мужичокъ: — ты этакъ по одной-то половинѣ не води точиломъ... этакъ совсѣмъ косу затупишь...

— Ничего, ладно, живетъ! возразилъ Ѳедотъ, возвращая ему точило.

Не поворачиваясь къ двумъ смѣявшимся парнямъ, Ѳедотъ снова принялся за работу; но дѣло попрежнему не клеилось; чѣмъ больше онъ храбрился, чѣмъ сильнѣе махалъ косою, тѣмъ дѣло меньше спорилось,—выходило и криво и косо.

— А, Ѳедотъ, отколь Богъ принесъ? неожиданно спросилъ Гаврило.

— Къ Карпу за дѣломъ пришелъ... Онъ отошелъ кваску испить подсобить просилъ...

— Да что ты, братъ; косы, что-ли, въ руки не бралъ? сказалъ Гаврило.—Смотри-ка, что натворилъ...

Молодые парни опять засмѣялись; даже словоохотливый мужичокъ началъ ухмыляться.

— Натворишь поневолѣ! возразилъ Ѳедотъ, тыкая съ сердцемъ косу въ землю:—вишь, у васъ косы-то какія... не въ привычку...

— А какъ же Карпъ-то коситъ? вѣдь ладно же выходитъ, не по твоему!...

— Не такую мы косьбу видали! сказалъ Ѳедотъ тономъ надменнаго пренебреженья, скрывавшимъ обиженное чувство: — въ степи жить приводилось, рожь-то вдвое повыше вашей, — косили

не хуже другихъ!.. По два цѣлковыхъ въ день получалъ... стало, не даромъ; дѣло свое знаемъ...

Онъ замолкъ, увидѣвъ приближающагося Карпа.

Гаврило и сосѣдніе ребята начали-было трунить надъ Ѳедотомъ, указывая Карпу на работу его родственника; но ни Карпъ, ни Ѳедотъ ничего не отвѣчали. Первый молча взялъ свою косу и продолжалъ работу, которая пошла какъ маслу; второй, поправивъ картузъ, обратился къ старику и громко вымолвилъ:

— Приходи же, смотри, какъ я сказывалъ...

— Ладно, приду, отвѣчалъ Карпъ, не поворачиваясь.

Такая невнимательная выходка со стороны старика, — и еще при людяхъ, — въ конецъ повидимому разобидѣла Ѳедота; куда ни обращались глаза, онъ всюду встрѣчалъ ухмыляющіяся лица. Помявшись съ минуту на мѣстѣ, какъ человѣкъ, который ищетъ угла, чтобы спрятаться, Ѳедотъ вдругъ повернулся спиною и, никому не поклонившись, никому не сказавъ слова, пустился мелкимъ, пристыженнымъ шажкомъ въ обратный путь.

По мѣрѣ того, однакожъ, какъ удалялся онъ отъ мѣста, гдѣ претерпѣлъ столько неудачъ, станъ его замѣтно выпрямлялся и глаза снова начали посматривать сверху внизъ; проходя мимо подводъ и бабъ, онъ выступалъ уже величественнымъ, сдержаннымъ шагомъ; дальше онъ началъ насвистывать; еще дальше— вся фигура его приняла беззаботный видъ человѣка, который вышелъ прогуляться для собственнаго удовольствія; наконецъ Ѳедотъ окончательно пропалъ изъ виду».

«Голосъ Ѳедота громко раздавался; замѣтно было, онъ говорилъ съ жаромъ и увлеченіемъ.

Карпъ невольно замедлилъ шагъ, минуту спустя, онъ остановился и насторожилъ слухъ: любопытно стало ему послушать, о чемъ это такъ горячо тараторилъ его родственникъ.

— Эка невидаль пять пудовъ поднять! какъ жилъ я на крупчатной мельницѣ подъ Коломной, такіе у насъ батраки были, мѣшка по четыре пшеницы въ третій верхъ таскали! Значитъ, пудовъ по девяти! Самому, бывало, не однова случалось... Извѣстно, былъ я въ ту пору помоложе!.. Да это что, братцы, — вотъ дѣдъ у меня, такъ ужь точно была силища! Супротивъ него теперь и людей нѣтъ! Пойдетъ, бывало, на пристань въ базарный день, распоясается: — «выходи!» кричитъ; перваго, кто покуражился, хлобыснетъ, бывало, подъ сусолы, либо подъ микитки,—

тутъ тому и конецъ... Бывало, часа по три безъ отдыха бьется, весь даже синій сдѣлается, словно чугунный котелъ; а все, кто ни подвернется,—такъ и кладетъ лоскомъ. «Нѣтъ еще, говоритъ, человѣка такого, кто бы побѣдилъ меня! Былъ бы только, говоритъ, крестъ на человѣкѣ, со всякимъ буду драться, никого не боюсь!...» Такая была крѣпкая скотина!.. А на счетъ того, о чемъ прежде спрашивали, братцы,—это мнѣ наплевать! Я бы и самъ у Герасима (такъ звали люблинскаго мельника),—ни за что не остался! Нанялся я у него потому больше, что надо какъ нибудь время проволочить недѣльки еще на четыре! съ увѣренностію продолжалъ Ѳедотъ:—такой уговоръ былъ у меня съ купцомъ Бахрушинымъ... Прокофій Андреичъ — звать... Вы, чай, объ немъ слыхали? первѣйшій купецъ въ Коломнѣ, мильонщикъ, торгуетъ на первый сортъ, и въ Москвѣ также лавку свою содержитъ... Такой уговоръ былъ у насъ:—«какъ подѣлюсь, говоритъ, съ братомъ, ты, Ѳедотъ Васильичъ, ко мнѣ поступай, и жалованье, примѣрно, и все такое, говоритъ, будетъ тебѣ по самому настоящему положенью...» Онъ сродни мнѣ доводится... по женѣ... Потому жена моя купеческаго званія... Жду, значитъ, теперича этого раздѣла промежъ братьевъ; по той самой причинѣ и поступилъ сюда... Главная причина, мы къ этой мельницкой должности не пріучены; жили все по торговой части, этимъ больше съ измалѣтства занимались, и родители мои также... Упокойный родитель трактиръ содержалъ; также лавку съ краснымъ товаромъ.

— Вы, значитъ, въ городѣ жили? спросилъ одинъ изъ слушателей.

— Нѣтъ, дома; только у насъ село больше другаго города; церквей однихъ семь и всѣ каменныя; дома также всѣ каменные; фабрикъ однѣхъ никакъ пять или шесть... Все богачи содержатъ, купцы московскіе и серпуховскіе... Мы къ торговлѣ съ малыхъ лѣтъ пріобучены... Во всемъ, значитъ, привычка требуется... Посади теперь любаго изъ васъ, братцы, въ лавку, либо въ трактиръ, какъ есть ни одинъ не управится,—въ лѣсу все единственно!..

— Гдѣ? куда тебѣ! Ужь это какъ есть! отозвалось нѣсколько слушателей.

— Главная причина, Прокофій Андреичъ потому и звалъ меня: знаетъ, я ихнее дѣло наскрозь произошелъ... Хозяйка моя тѣмъ временемъ своимъ домомъ станетъ управляться... У нея двѣ батрачки... да еще дѣвочку нанимаемъ для подмоги.

— Что-жь такъ много? спросилъ кто-то.

— А ты думаешь, какъ?.. еще словоохотливѣе заговорилъ Ѳе-

дотъ: — у меня домъ-то не малое количество: въ три сруба выстроенъ!.. Въ нашихъ мѣстахъ всѣ такъ строятъ; нѣтъ этихъ здѣшнихъ избъ... Внизу стряпаютъ; работницы и батраки живутъ.

— Ты развѣ и батраковъ держишь?

— А то какже? Двухъ нанимаю... Кто-жь бы землю-то сталъ пахать?!.. У насъ земли и луговъ не то, что здѣсь... Ну внизу батраки, вверху горница,—мы съ женою занимаемъ... Вотъ, братцы, коли кто изъ васъ въ Москву пойдетъ, заходите дорогой... Меня не будетъ, все единственно къ хозяйкѣ моей зайдите; скажите: «Ѳедотъ, молъ, прислалъ»; сами посмотрите наше житье... Прошлаго года домъ мой подъ трактиръ нанимали, только не отдалъ: несходно... И хозяйка такъ говоритъ: «не отдавай, говоритъ, Ѳедотъ Васильичъ; самимъ потомъ нанимать надо, одно на одно выйдетъ...» Заходите-же, братцы; посмотрите на мое житье, сами скажите: изъ какого, молъ, дьявола таскаться такъ-то Ѳедоту по мельницамъ!..

— То-то и я такъ думаю... проговорилъ тономъ недовѣрія и насмѣшки одинъ изъ слушателей:—хошь бы теперича набиваешься ты къ Аксену въ работники... Изъ какой такой неволи?..

— Эхъ, братецъ ты мой! произнесъ Ѳедотъ съ такимъ выраженіемъ, что можно было думать, онъ обращался къ пустому и вздорному малому, который совался въ разговоръ затѣмъ только, чтобы противорѣчить.—Говорю вамъ, братцы, пуще всего надо проволочить время. Пока Прокофій Андреичъ съ братомъ не подѣлятся, — все же одно, дѣлать нечего; деньги свои понапрасну проживать, что ли?

— Денежки-то, стало, водятся?..

— Да, промолвилъ Ѳедотъ съ какою-то густотою въ голосѣ:—послѣ упокойнаго родителя тысьченки двѣ можетъ осталось... и теперича есть...

— Врешь! отозвались почти всѣ въ одинъ голосъ.

— Приходите, покажу... И больше было, только домъ дорого сталъ, на стройку много пошло...

— Гдѣ-жъ у тебя эти деньги? спросилъ кто-то.

— Извѣстно, въ сундукѣ спрятаны; гдѣ-жь имъ больше быть?..

— Ужь подлинно: охота пуще неволи! снова замѣтилъ собесѣдникъ, обращавшійся съ недовѣрчивостью:—будь у меня такія деньги, сталъ бы я какже по чужимъ людямъ шляться...

— Говоришь такъ, братецъ ты мой, потому,—денегъ у тебя нѣтъ своихъ, — вотъ что! были бы, сталъ беречь ихъ все единственно... Коли сила есть въ тебѣ, почему-жь и не поработать?

разсудительно продолжалъ Ѳедотъ:—бережешь пуще къ старости, было бы тогда чѣмъ прожить, вотъ что! Хоронишь также деньги изъ осторожности: люди бы не зарились, взаймы не просили; покажи только; тотъ: «Ѳедотъ Васильичъ, ссуди»; другой: «Ѳедотъ Васильичъ, ссуди...» Дашь, — поди ищи потомъ, не то и вовсе пропали... Ужь вѣдь бывали статьи такія! У меня сродство большое... Есть богатые, есть и бѣдные... всякіе есть!... Вотъ хошь бы теперь въ Антоновкѣ, можетъ знаете, старикъ живетъ, Карпомъ звать?.. сродни приводится... Также не мало ему отъ меня денегъ-то перепало... почитай, я его и поправилъ... Теперь избу торгуетъ... Покажи только деньги, вынь ихъ, сейчасъ пристанетъ: «дай, да дай!...» Потому больше ихъ и хоронишь!...

Карпъ слушалъ-слушалъ, и только качалъ головою, пожималъ губами и время отъ времени ударялъ ладонями по колѣнямъ. При послѣднихъ словахъ Ѳедота онъ только плюнулъ.

— Ахъ ты, провалъ тебя возьми! собака ты этакая, непутная!!.. проговорилъ онъ, выходя на дорогу и ускоряя шагъ.

Перебирая все, что привелось теперь слышать, старикъ невольно забылъ на минуту свое горе; онъ началъ даже усмѣхаться.

Дѣйствительно, было надъ чѣмъ потѣшиться. Во всемъ, что говорилъ Ѳедотъ, не было правды на маковую росинку. Жилъ онъ въ маленькой разореной деревушкѣ, гдѣ не было даже часовни; домъ его состоялъ изъ полуобвалившейся дымной лачужки, имѣвшей видъ заплаты даже въ сосѣдствѣ невзрачныхъ избенокъ; не было у него ни сохи, ни лошади, ни коровы; землю свою отдавалъ онъ за девять рублей въ годъ одному изъ сосѣдей. Жена Ѳедота доводилась, какъ извѣстно, Карпу племянницей; она была круглая сирота и самъ же Карпъ снарядилъ ей, по силѣ своей, кой-какое приданое. Она существовала тѣмъ, что ходила работать то къ одной сосѣдкѣ, то къ другой, и жила въ страшной бѣдности. Ѳедотъ не заглядывалъ домой по цѣлымъ полугодамъ. Къ какому бы мѣсту онъ ни прилаживался, ему нигдѣ не уживалось; онъ самъ отходилъ, или его разсчитывали.

Въ первые два-три дня онъ приводилъ въ восхищеніе самаго взыскательнаго хозяина; расторопность его и усердіе въ работѣ—не имѣли границъ; онъ разомъ хватался за все, и все кипѣло и выправлялось въ рукахъ его; не только прикладывалъ онъ стараніе къ той части, для которой собственно его наняли, но радѣлъ и надсаживался тамъ, гдѣ, казалось, его вовсе не спрашивали; онъ выметалъ дворъ, чистилъ хозяйскій самоваръ, приколачивалъ

жерди или доски тамъ, гдѣ онѣ доставляли удобство; и вдругъ, на третій или четвертый день, все это радѣніе плашмя падало; онъ ни съ того, ни съ сего насупивался, переставалъ говорить, словно его чѣмъ обидѣли, и наконецъ вовсе бросалъ заниматься дѣломъ: проводилъ день-деньской, сидя у воротъ или такъ билъ баклуши. И все это происходило вовсе не потому, чтобы дѣйствительно нашелъ онъ поводъ быть чѣмъ нибудь недовольнымъ; такой ужь видно капризъ нападалъ. Вдругъ казалось ему, что хозяева не довольно его цѣнятъ и не отдаютъ ему должнаго уваженія; или выходило все изъ того, что онъ вдругъ обижался, зачѣмъ при возвращеніи съ работы, хозяева не поставили ему самовара, тогда какъ онъ прежде вовсе не думалъ объ этомъ, никогда этого не случалось, никогда даже не думали уговариваться насчетъ самовара ни хозяева, ни самъ Ѳедотъ. Какъ только такая дурь попадала Ѳедоту въ голову, онъ дѣлался невыносимъ. Онъ начиналъ смотрѣть на всѣхъ свысока, дѣлался недоступно гордымъ и уже съ этой минуты никого не удостоивалъ словомъ; едва-едва даже отвѣчалъ хозяевамъ, когда тѣ спрашивали о самомъ важномъ дѣлѣ».

Теперь перейдемъ къ фактической сторонѣ нашего біографическаго очерка:

Дмитрій Васильевичъ Григоровичъ родился въ Симбирскѣ, 19-го марта 1822 г. Отецъ его былъ полтавскій помѣщикъ, отставной гусаръ Изюмскаго полка, мать, по происхожденію, француженка. Дѣдъ съ материнской стороны, де-Вармонъ, погибъ на гильотинѣ во время первой французской революціи. Вдова его, женщина умная, высоко-образованная, пріятельница г-жи Тальенъ, эмигрировала въ Голландію, гдѣ сочеталась вторымъ бракомъ съ банкиромъ Ледантю. Семейныя несчастія, впрочемъ, преслѣдовали ее. Ледантю скоро раззорился и умеръ. Овдовѣвъ вторично, г-жа Ледантю вмѣстѣ съ дѣтьми переѣхала въ Петербургъ. Отъ всего прежняго богатства у нея оставалась лишь цѣнная художественная галлерея. Она, разумѣется, поспѣшила обратить послѣднюю въ деньги. Галлерея была распродана по частямъ въ Петербургѣ, при чемъ въ числѣ пріобрѣтателей былъ и графъ Строгоновъ, образовавшій впослѣдствіи свою собственную, столь извѣстную

картинную галлерею. Въ Петербургѣ же г-жа Ледантю сошлась съ семействомъ Ивашевыхъ, радушно пригласившихъ и ее и дѣтей въ свое Симбирское имѣніе. Дочь г-жи Ледантю отъ перваго брака въ Симбирскѣ познакомилась съ г. Григоровичемъ, отцемъ нашего писателя, за котораго нѣсколько времени спустя вышла замужъ. Г. Григоровичъ купилъ имѣнье въ Каширскомъ уѣздѣ, Тульской губерніи, перевезъ туда молодую жену, а затѣмъ и все семейство Ледантю. О судьбѣ послѣдняго можно найти весьма интересныя подробности въ романѣ А. Дюма-отца «Maitre d'armes».

Г. Григоровичъ умеръ рано; Дмитрій Васильевичъ былъ еще въ то время ребенкомъ. Мать переселилась съ нимъ въ Москву и въ 1830 г. отдала его, для приготовленія въ инженерное училище, въ пансіонъ Монигетти. Страсть къ искусству пробудилась въ Дмитріѣ Васильевичѣ еще въ дѣтскомъ возрастѣ. Отъ прежнихъ художественныхъ сокровищъ Ледантю въ семьѣ сохранился небольшой портфель. Маленькій Григоровичъ безпрестанно рылся въ немъ. Немудрено потому, что поступивъ въ пансіонъ онъ съ особеннымъ жаромъ занялся рисованіемъ. Вмѣстѣ съ другомъ своимъ, сыномъ Монигетти, впослѣдствіи извѣстнымъ архитекторомъ, онъ, сверхъ того, посѣщалъ по воскресеньямъ Строгоновское училище. Успѣхи молодаго Григоровича были такъ велики, что когда, на вступительномъ экзаменѣ въ инженерномъ училищѣ ему поручили нарисовать на доскѣ орнаментъ, искусство его поразило всѣхъ присутствующихъ. Особенное вниманіе обратилъ на него преподаватель Зацѣпинъ, сошелся съ нимъ и, затѣмъ, во все время пребыванія Григоровича въ училищѣ, слѣдилъ за его художественными занятіями, развивалъ его техническія познанія.

Будучи отличнымъ ученикомъ во всѣхъ отношеніяхъ, Дмитрій Васильевичъ, однако, не чувствовалъ въ себѣ призванія къ тому роду дѣятельности, къ которой готовил-

ся. Любовь къ искуству увлекала его на иной путь. Потому онъ курса не кончилъ.

Прежде, впрочемъ, чѣмъ перейти къ дальнѣйшимъ событіямъ, приведемъ здѣсь весьма характерный эпизодъ, отмѣтившій собой пребываніе Дмитрія Васильевича въ инженерномъ училищѣ.

Разъ какъ-то, въ субботу, шелъ онъ къ матери, въ то время жившей въ Петербургѣ. Проходя по Большой Морской, онъ, по обыкновенію, увлекся любовью къ искусству, остановился передъ эстаминымъ магазиномъ и погрузился весь въ созерцаніе выставленныхъ картинъ. Проѣзжавшій мимо великій князь, Михаилъ Павловичъ, обратилъ на него вниманіе. Очень возможно, что причиной тому была какая нибудь неисправность въ форменной одеждѣ Григоровича. Какъ бы то ни было, Его Высочество остановился и крикнулъ юношѣ: «поди сюда!» Грозный тонъ этого оклика такъ подѣйствовалъ на Григоровича, что онъ вовсе забывъ о важности подобнаго проступка, подгоняемый лишь страхомъ машинально кинулся въ магазинъ, пробѣжалъ тамъ по какой-то лѣстницѣ и спрятался на чердакѣ. Къ матери онъ вернулся лишь въ полночь, когда въ домѣ всѣ уже спали, проскользнулъ къ себѣ и улегся въ постель. Можно представить себѣ ужасъ юноши, когда ночью его разбудили и по приказанію начальства, велѣли наравнѣ съ другими явиться къ девяти часамъ въ училище. чувствуя, что вина его такъ или иначе откроется, Дмитрій Васильевичъ предпочелъ добровольно покаяться во всемъ директору, барону Розену. Послѣдній поѣхалъ съ нимъ къ Великому Князю, разсказалъ весь ходъ обстоятельствъ и отозвался о Григоровичѣ, какъ о лучшемъ и исправнѣйшемъ ученикѣ. Михаилъ Павловичъ ограничился строгимъ выговоромъ.

Ко времени пребыванія Григоровича въ училищѣ относится также его первое знакомство съ Некрасовымъ. Ѳ.

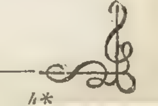

М. Достоевскій, какъ извѣстно, тоже готовившійся въ инженеры, далъ Григоровичу томикъ стихотвореній Перепельскаго (таковъ былъ въ то время псевдонимъ Некрасова) и объяснилъ, что авторъ—еще очень молодой человѣкъ, притомъ сильно нуждающійся. Фактъ этотъ самъ по себѣ, показываетъ, что Григоровичъ, въ названную эпоху, уже начиналъ интересоваться литературой. Дмитрій Васильевичъ тотчасъ-же выразилъ желаніе познакомиться съ молодымъ поэтомъ и отправился къ нему на Петербургскую.

Знакомство, впрочемъ, на сей разъ этимъ и ограничилось. Вскорѣ Григоровичъ захворалъ и вышелъ изъ училища, перебрался не на долго въ академію художествъ, гдѣ нанялъ комнату, а затѣмъ уѣхалъ въ деревню отдыхать и поправляться.

Возвратившись въ Петербургъ, онъ уже началъ серьезно заниматься живописью. Ранѣе, изъ училища, онъ приходилъ по праздникамъ къ художнику Тамаринскому, взявшемуся за 20 рублей учить его; но у Тамаринскаго Григоровичъ лишь копировалъ все одну и ту же «Дѣвочку съ тамбуриномъ» и только. Теперь же онъ поступилъ въ академію художествъ и сталъ работать, вмѣстѣ съ Т. Г. Шевченко, подъ руководствомъ Брюлова. Этотъ періодъ жизни подробно и талантливо описанъ самимъ Григоровичемъ въ его повѣсти:» Неудавшаяся жизнь».

Впрочемъ въ академіи Григоровичъ пробылъ недолго. Новая страсть охватила его и увлекла на тотъ путь, на которомъ ему было суждено стяжать столь почетное имя. Ближайшимъ поводомъ къ этому перевороту послужило знакомство Григоровича съ Плюшаромъ. Изъ академіи Дмитрій Васильевичъ переѣхалъ къ послѣднему и, затѣмъ, мало по малу, сталъ пробовать свои силы на литературномъ поприщѣ. Началъ онъ съ перевода «Сто одна повѣсть и сорокъ сороковъ анекдотовъ», сдѣланнаго по указанію Плюшара. Потомъ, познакомившись съ Гречемъ, вступилъ въ число

сотрудниковъ «Сѣверной Пчелы» и писалъ для нея театральные фельетоны. Наконецъ въ 1845 г. появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» его первая большая повѣсть, «Деревня». Говорятъ, что повѣсть эта подала поводъ къ столкновенію между Бѣлинскимъ и Некрасовымъ, въ то время уже стоявшимъ во главѣ «Современника». Бѣлинскій былъ въ восторгѣ отъ «Деревни», Некрасовъ же не только не раздѣлялъ энтузіазма знаменитаго критика, но даже не пожелалъ помѣстить повѣсть г. Григоровича въ своемъ журналѣ. Какъ бы то ни было, литературная дѣятельность Дмитрія Васильевича упрочилась именно съ появленія «Деревни».

За «Деревней» послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ талантливыхъ очерковъ и повѣстей. Такъ въ 1845 г. напечатана въ Современникѣ «Кошка и Мышка», въ 1847 — «Бобыль», «Антонъ Горемыка», въ 1848 — «Капельмейстеръ Сусликовъ», «Четыре времени года», въ 1849 — Похожденія Накатова», въ 1850 — «Неудачи» (Отеч. Зап.), въ 1851 — «Свѣтлое Воскресенье» (Современникъ), «Мать и Дочь», въ 1852 — «Рыбаки», «Смедовская долина», (Современникъ), «Проселочныя дороги» (Отеч. Зап.), въ 1855— «Переселенцы» (Отеч. Зап.), «Свистулькинъ», «Школа гостепріимства» (Библіотека для Чтенія), въ 1856 — «Пахарь» (Современникъ), въ 1858 — «Очерки современныхъ нравовъ» (Современникъ), въ 1860—«Парижскія впечатлѣнія» (Современникъ), «Пахатникъ и Бархатникъ» (тамъ же) и въ 1861—«Два генерала».

Литературныя занятія поглощали все время у г. Григоровича; но, тѣмъ не менѣе, и они даже не могли погасить въ душѣ врожденной любви къ искусству. Въ 1862 году мы застали Дмитрія Васильевича уже секретаремъ общества поощренія художествъ.

Общество это основано въ 1820 г. извѣстнымъ П. А. Кикинымъ, съ цѣлью содѣйствовать успѣхамъ изящныхъ

искусствъ въ Россіи. Въ прежнія времена оно имѣло множество пансіонеровъ-художниковъ, давало имъ квартиру и содержаніе, посылало ихъ за границу, поддерживало недостаточныхъ заказами, пособіями и т. д. Братья Брюлловы, Александръ и Карлъ, Чернецовы, А. Ивановъ, бар. Клодтъ Лагоріо, Шевченко, Флавицкій, К. Маковскій и многіе другіе состояли въ числѣ его пансіонеровъ. Обществу же обязана Россія устройствомъ и развитіемъ литографическаго и ксилографическаго искусства, различными художественными изданіями, вродѣ образцовыхъ плановъ, фасадовъ и профилей каменныхъ церквей, видовъ Петербурга, сценъ изъ простонароднаго быта, костюмовъ кавказскихъ горцевъ и проч. и проч.

Занявъ должность секретаря, Дмитрій Васильевичъ отдался дѣлу со всѣмъ пыломъ истиннаго любителя и знатока искусства. Не довольствуясь результатами, добытыми ранѣе, онъ, не щадя трудовъ, старался расширить кругъ дѣятельности общества, ввести въ него новые элементы, придать болѣе практическое направленіе. При обществѣ состояла школа рисованія, нѣкогда находившаяся подъ вѣдѣніемъ министерства финансовъ, предназначавшаяся послѣднимъ къ закрытію и сохраненная, благодаря обществу, взявшему ее на себя. Школа эта, по иниціативѣ г. Григоровича, была дополнена новыми классами: композиціи, орнаментовъ, лѣпного, рѣзьбы на деревѣ, эмальернаго и др. Сверхъ того ей придано иное, художественно-техническое направленіе. Вотъ какимъ образомъ характезируетъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ самъ г. Григоровичъ полученные результаты.

«Успѣхъ, обнаруживаемый учениками школы, знаменательно подтверждаетъ состоятельность новаго направленія, даннаго этому заведенію, посѣщаемому преимущественно лицами ремесленнаго званія. Прежде лица эти, пройдя классы общаго рисованія, не видали для себя другаго пути, какъ

поступленіе въ академію; часто, не имѣя врожденнаго призванія, они умножали только число безполезныхъ, не производящихъ ничего тружениковъ и ставили себя въ тяжелое, почти безвыходное положеніе. Направленіе, принятое теперь школою, имѣетъ то важное преимущество, что оно прямо указываетъ ученику опредѣленное направленіе. Съ самыхъ элементарныхъ классовъ рисунокъ преподается въ тѣсной связи съ практическимъ приложеніемъ и тою пользою, которую ученикъ-ремесленникъ можетъ извлечь при усовершенствованіи себя въ рисовальномъ искусствѣ. Художественная сторона въ ремеслѣ, которой онъ прежде не подозрѣвалъ, постепенно открывается его внутреннему чувству и дѣйствуетъ на него притягательно. Уже теперь многіе ученики примирились съ мечтами, направленными къ чистому искусству, для котораго не чувствуютъ себя призванными; они ревностно изучаютъ рисованіе, имѣя въ виду его приложеніе къ усовершенствованію ремесленнаго художественнаго производства. Съ развитіемъ школы цифра такихъ лицъ, конечно, увеличится; она дастъ въ результатѣ дѣятелей, которые постепенно будутъ содѣйствовать художественному возвышенію ремеслъ въ Россіи».

Дмитрію же Васильевичу обязана названная школа введеніемъ новаго раціональнаго метода преподаванія, открытію при ней постоянной выставки и устройствомъ музея по всѣмъ отраслямъ художества въ его примѣненіи къ промышленному производству, служащаго къ наглядному ознакомленію учениковъ съ совершеннѣйшими образцами и къ развитію въ нихъ воображенія и вкуса.

Въ домѣ, всемилостивѣйше пожалованнымъ обществу Государемъ Императоромъ, нынѣ помѣщается школа, музей, мастерскія и постоянная выставка. Число учениковъ по послѣднимъ отчетамъ достигаетъ 700 человѣкъ. Кромѣ классовъ рисованія съ эстамповъ и гипсовыхъ фигуръ имѣются классы: натурный, композицій, гравюры на деревѣ (ксило-

графіи), скульптуры, рѣзьбы изъ дерева, живописи на фарфорѣ, стеклѣ и эмали, перспективы, основныхъ началъ архитектуры, исторіи искусства и различныхъ ремеслъ, нѣкоторыхъ отдѣловъ строительнаго искусства, химіи въ ея примѣненіи къ составамъ эмали и минеральныхъ красокъ. Устройство школы — образцовое. Классные модели чрезвычайно разнообразны. Библіотека составлена лишь изъ цѣнныхъ изданій, частію пожертвованныхъ, частію пріобрѣтенныхъ обществомъ на собственныя средства. Музей заключаетъ замѣчательнѣйшіе образцы рѣзьбы изъ дерева и кости, ювелирныхъ произведеній, живописи по фарфору, севра, маіолики, различныхъ тканей, старинныхъ вышивокъ, кружевъ, финифти, изразцовъ и проч. предметовъ художественной промышленности, числомъ до 7,217, систематически разложенныхъ, пронумерованныхъ, съ печатнымъ объясненіемъ при каждомъ.

Школа, музей, библіотека, мастерскія—все это обязано своимъ устройствомъ исключительно одному г. Григоровичу. Государю Императору благоугодно было наградить труды Дмитрія Васильевича пожалованіемъ ордена св. Владиміра и пожизненной пенсіей въ полторы тысячи рублей. Потомство же безъ сомнѣнія почтитъ его полезную дѣятельность вѣчной признательностью.

VII.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій родился 10-го марта 1820 года, въ сельцѣ Раменье, Костромской губерніи, Чухломскаго уѣзда, учился въ Костромской гимназіи, а потомъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ по 2-му отдѣленію философскаго факультета.

Литературная дѣятельность г. Писемскаго началась въ Москвѣ въ 1846 году, романомъ «Боярщина», ходившимъ въ то время по рукамъ въ рукописи и только въ 1858 г. появившейся въ Библіотекѣ для Чтенія. Въ 1850 году въ Москвитянинѣ была напечатана повѣсть: «Тюфякъ», потомъ тамъ же повѣсть: «Бракъ по страсти» и «М-ръ Батмановъ», комедія «Ипохондрикъ» и разсказы: «Комикъ» и «Питерщикъ». Почти одновременно съ этимъ были помѣщены въ Современникѣ романъ: «Богатый женихъ», повѣсть «Виновата-ли она?» и два разсказа: «Лѣшій» и «Фанфаронъ», а въ Отечественныхъ Запискахъ піэска: «Ветеранъ и новобранецъ», «Плотничья артель» и критическая статья о Гоголѣ.

Въ 1856 году г. Писемскій былъ командированъ отъ Морскаго Министерства въ Астраханскую губернію и, какъ результатъ этого путешествія, онъ напечаталъ въ Морскомъ Сборникѣ и въ Библіотекѣ для Чтенія рядъ статей подъ названіемъ: «Астрахань», «Таксары», «Астрахан-

Алексѣй Писемскій

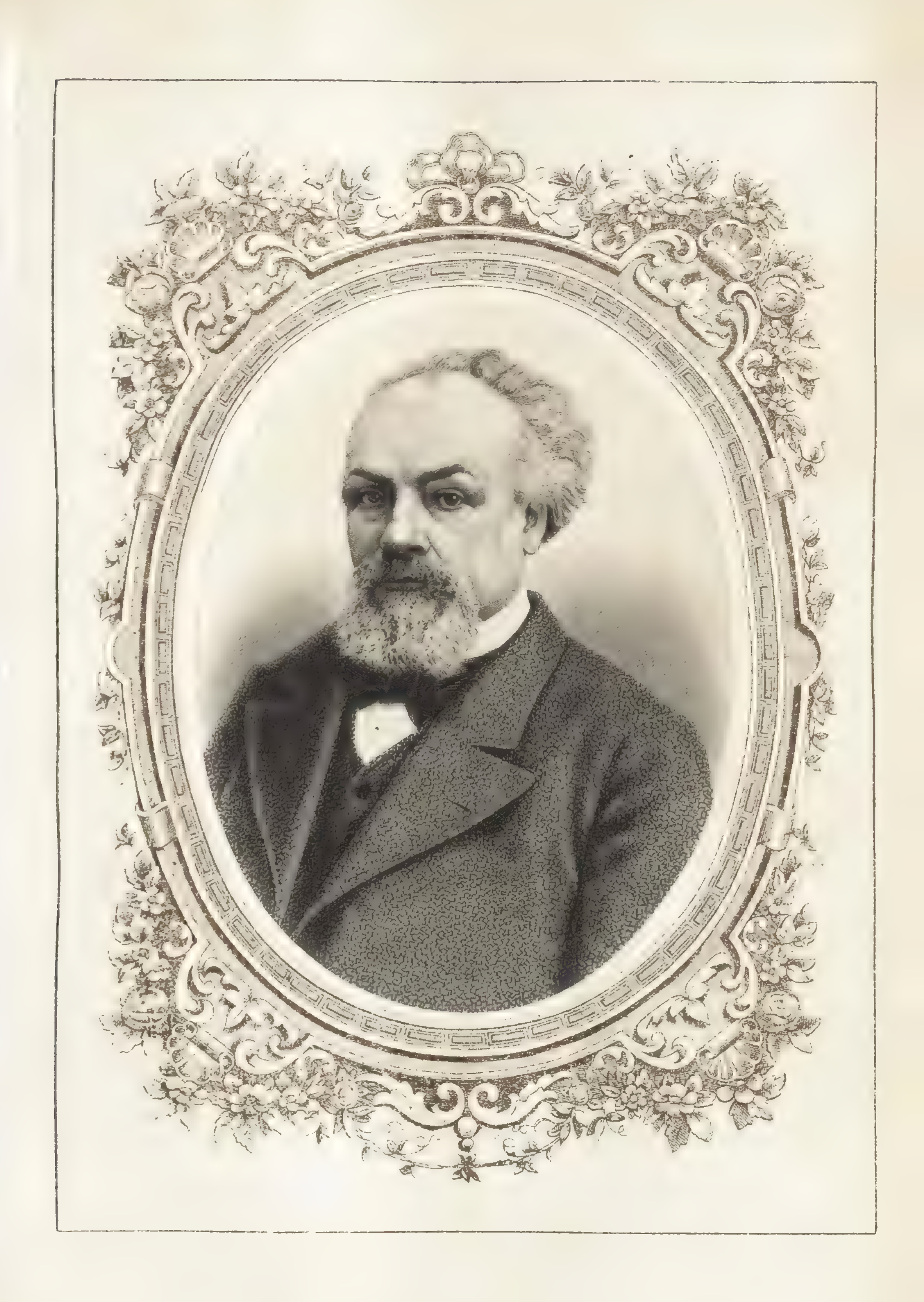
VII.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій.

Алексѣй Ѳеофилактовичъ Писемскій родился 10-го марта 1820 года, въ сельцѣ Раменье, Костромской губерніи, Чухломскаго уѣзда, учился въ Костромской гимназіи и потомъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ и окончилъ курсъ по 2-му отдѣленію философскаго факультета.

Литературная дѣятельность г. Писемскаго началась въ Москвѣ въ 1846 году, романомъ «Боярщина», ходившимъ въ то время по рукамъ въ рукописи и только въ 1858 г. появившейся въ Библіотекѣ для Чтенія. Въ 1850 году въ Москвитянинѣ была напечатана повѣсть «Тюфякъ», потомъ тамъ же повѣсть: «Бракъ по страсти» и «М-ръ Батмановъ», комедія «Ипохондрикъ» и разсказы: «Комикъ» и «Питерщикъ». Почти одновременно съ этимъ было помѣщены въ Современникѣ романъ «Богатый женихъ», повѣсть «Виновата-ли она?» и два разсказа: «Лѣшій» и «Фанфаронъ», а въ Отечественныхъ Запискахъ пьесы «Ветеранъ и новобранецъ», «Плотничья артель» и критическія статьи о Гоголѣ.

Въ 1856 году г. Писемскій былъ командированъ отъ Морскаго Министерства въ Астраханскую губернію и, какъ результатъ этого путешествія, онъ напечаталъ въ Морскомъ Сборникѣ и въ Библіотекѣ для Чтенія рядъ статей подъ названіемъ: «Астрахань», «Таксары», «Астрахан-

Алексѣй Писемскій

скіе Армяне», «Калмыки», «Бирючья коса», «Тюкъ Корачанскій полуостровъ» и «Тюленьи Острова». По возвращеніи изъ командировки г. Писемскій вступилъ въ составъ редакціи Библіотека для Чтенія и завѣдывалъ названнымъ журналомъ до 1863 года, напечатавъ въ немъ разсказъ: «Старая Барыня», романъ: «Боярщина», разсказъ: «Старческій грѣхъ» и трагедію: «Горькая Судьбина» за которую онъ получилъ отъ академіи наукъ Уваровскую премію. Кромѣ того въ 1858 году г. Писемскій помѣстилъ въ Отечественныхъ Запискахъ романъ: «Тысяча душъ» переведенный на нѣсколько иностранныхъ языковъ, въ Русскомъ Словѣ разсказъ: «Батька». Въ 1863 году въ Русскомъ Вѣстникѣ былъ напечатанъ большой романъ: «Взбаломученное море», за тѣмъ въ 1865 году въ Отечественныхъ Запискахъ разсказъ: «Русскіе лгуны». Съ 1866 года по 1869 годъ въ Всемірномъ Трудѣ піэсы: «Поручикъ Гладковъ», трагедія въ пяти актахъ, передѣланная для сцены; «Самоуправцы» тоже трагедія и драма: «Бывые Соколы», явившаяся въ свѣтъ въ совершенно измѣненномъ видѣ. Въ 1869 году въ журналѣ Заря г. Писемскимъ помѣщенъ былъ большой романъ: «Люди сороковыхъ годовъ» и черезъ два года въ журналѣ «Бесѣда»: романъ «Въ водоворотѣ». Въ 1873 году въ журналѣ Гражданинъ комедія: «Подкопы», не допущенная на сцену, а въ Русскомъ Вѣстникѣ драма: «Ваалъ», тамъ же въ 1875 году драма: «Просвѣщенное время». Въ 1876 году въ газетѣ Гатцука драма: «Финансовый геній». Въ 1877 году въ Пчелѣ большой романъ: «Мѣщане».

Г. Писемскій, представляетъ собою одно изъ самыхъ крупныхъ явленій въ нашей литературѣ. Талантъ его, отмѣченный печатью суровой силы, весьма обширенъ и совершенно самобытенъ. Авторъ «Тысячи душъ», «Горькой судьбины» и др., по всей справедливости, можетъ быть названъ русскимъ представителемъ литературнаго реализма, въ томъ именно духѣ, въ какомъ понимаютъ это явленіе

адепты новой реалистической школы на западѣ съ Зола во главѣ. Думаемъ, что споръ, горячо поддерживаемый въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ объ относительныхъ достоинствахъ реалистическаго и идеалистическаго направленія, достаточно наскучилъ нашимъ читателямъ и потому постараемся быть какъ можно кратче. Одинъ изъ французскихъ писателей старой школы -- кто именно, теперь не припомнимъ — выслушавъ доводы поборника новыхъ идей, весьма основательно замѣтилъ: «Да почему же вы думаете, что все сказанное вами—ново? Вѣдь и мы, бывало, желая описать человѣка, не брали себѣ въ образецъ индюка.» Дѣйствительно, смѣшно воображать, будто новѣйшіе реалисты теоріей своей свершили какое-то небывалое открытіе. Надо быть слишкомъ наивнымъ—выражаясь мягко—чтобы приступая къ изображенію человѣческихъ страстей, человѣческой жизни, составляющихъ основу каждаго литературнаго произведенія, не стараться списывать ихъ съ окружающей среды, а искать вдохновенія гдѣ-то въ неопредѣленномъ пространствѣ, въ глубинѣ собственнаго самопознанія. Чѣмъ ближе знакомъ предметъ автору—тѣмъ живѣе, рельефнѣе описаніе. Не сознающій этой простой истины обрекаетъ самъ себя на безсиліе.

Весьма естественно, что горизонтъ человѣческой мысли растетъ съ теченіемъ времени. То что казалось вчера идеаломъ совершенства — завтра кажется лишь плохимъ эскизомъ. Жизнь, а за ней и литература ставятъ свои требованія все выше и выше. Наконецъ наступаетъ моментъ, когда два поколѣнія перестаютъ понимать другъ друга. Завязывается борьба, является ожесточенье. Само собой, что о правильномъ и безпристрастномъ сужденьи не можетъ быть и рѣчи.

Въ настоящее время воинствующей партіей въ литературѣ представляется реализмъ. Образы, созданные предыдущимъ поколѣніемъ, успѣли поблекнуть. Требуются новыя краски, болѣе густыя тѣни. Пошлемъ привѣтъ новой, на-

рождающейся силѣ и—оцѣнимъ по достоинству тѣхъ дѣятелей, труды которыхъ уготовили ей путь.

Смѣшно было бы изъ за случайныхъ увлеченій отвергать достоинства всей теоріи. Въ критическихъ своихъ этюдахъ г. Зола можетъ хватать черезъ край. Намъ нѣтъ надобности придавать значеніе каждому его слову. Какъ искатель новыхъ путей, какъ поборникъ правды онъ заслуживаетъ полнаго сочувствія. Правда и въ жизни и въ искусствѣ—важнѣе всего.

Если позволено возставать противъ чего, такъ это противъ крайностей. Будто ужъ все то никуда не годится, что не подходитъ подъ нами же придуманный шаблонъ? Будто все то ложно, что представлено не съ нашей точки зрѣнія? Область мысли и чувствъ не разграничена, не отмѣрена. Въ ней всѣмъ найдется мѣсто и каждый вкладъ въ нее имѣетъ свою цѣну.

Споря съ ожесточеніемъ оба литературные лагеря упускаютъ изъ виду, что авторъ, какъ бы ни былъ онъ объективенъ, не простая машина, а существо мыслящее, чувствующее, влагающее въ созданіе извѣстную частицу своего моральнаго *я*. Вѣдь и Зола и Додэ—оба реалисты; но ктожъ подведетъ ихъ подъ одинъ уровень? Кто вздумаетъ сказать, что ихъ творчество тождественно?

Вотъ это-то обстоятельство, по нашему мнѣнію, и играетъ самую важную роль въ вопросѣ. Личность автора опредѣляетъ разъ на всегда весь характеръ его произведеній. Тѣ подробности, на которыя въ особенности обратитъ вниманіе одинъ, пройдутъ у другаго совершенно незамѣченными. Типъ, поразившій А, покажется незамѣченнымъ Б и т. д.

Выше мы назвали г. Писемскаго представителемъ реализма въ искусствѣ. Дѣйствительно, хотя начало его литературной дѣятельности относится къ половинѣ сороковыхъ годовъ, онъ, съ самыхъ первыхъ своихъ произведеній, является поборникомъ названнаго направленія, не въ силу ка-

кихъ-либо теоретическихъ соображеній и предвзятыхъ идей, а просто по свойству своего таланта, по индивидуальному складу ума. Въ біографическомъ отношеніи черта эта является важною. Потому мы и останавливаемся на ней.

Личныхъ нашихъ воззрѣній мы, впрочемъ, не желаемъ навязывать читателямъ. Мы предпочитаемъ привести здѣсь выписку изъ статьи Библіотеки для Чтенія за 1859 г., когда редакторомъ названнаго журнала состоялъ г. Писемскій и когда, слѣдовательно, писали о немъ люди, близко къ нему стоящіе. Восхваленій въ этой статьѣ нѣтъ. Есть просто нѣкоторыя біографическія черты и характеристика роли г. Писемскаго въ литературѣ, что собственно намъ и нужно. Потому передаемъ перо неизвѣстному автору.

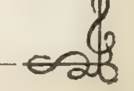
Въ первомъ нашемъ этюдѣ по поводу г. Писемскаго и его «Разсказовъ изъ крестьянскаго быта», мы, кажется, упомянули, что нашъ авторъ долженъ считаться едва ли не самымъ практическимъ, *дѣловымъ* изъ всѣхъ новыхъ русскихъ литераторовъ. Эта дѣловая особенность, составляющая главную силу, и, повременамъ, слабость разбираемаго романиста, происходитъ вовсе не изъ стремленія поучать современное общество, а изъ самой жизни. Г. Писемскій едва ли много думалъ объ указаніи общественныхъ язвъ, или «разведеніи окружающей насъ грязи слезами покаянья», но онъ много жилъ въ сердцѣ Россіи, жилъ и много трудился, много служилъ, много разъ сходился съ самыми разнообразными классами своихъ соотечественниковъ и, наконецъ, тяжелымъ трудомъ пробивалъ себѣ дорогу въ обществѣ. Такой жизнью и такою опытностью онъ во многомъ отличается отъ большинства лучшихъ нашихъ романистовъ, людей, или обезпеченныхъ съ малолѣтства, или прожившихъ свои ученическіе годы въ одной изъ столицъ, посреди жизни условной и не разнообразной. По времени своего появленія на аренѣ русской словесности принадлежа къ группѣ младшаго литературнаго поколѣнія, г. Писемскій этимъ самымъ былъ устраненъ отъ слишкомъ общихъ и нѣсколько туманныхъ теорій, на которыхъ взросли и развились его старшіе товарищи. По всему этому онъ пріобрѣлъ практичность и дѣловую сторону дарованія, пріобрѣлъ ее до такой степени, что она, повременамъ, ему самому становится въ тягость и отклоняетъ

его отъ поэтическихъ сторонъ искуства. Припомнимъ хотя то мѣсто во второмъ томѣ Тысячи Душъ, гдѣ нашъ авторъ, устами своего критика Зыкова, почти отвергаетъ возможность художественнаго созданія, основаннаго на любви или другихъ тонкихъ ощущеніяхъ *). Эта діатриба, которой онъ самъ же поперечитъ, съ любовью вспоминая о барышняхъ стараго времени, воспитанныхъ на поэзіи Пушкина, напомнила намъ слова Джонсона, при которомъ кто-то упомянулъ про аристократическую леди, умиравшую отъ тоски по умершемъ мужѣ. «Она дура,—сказалъ угрюмый лексикографъ. Это все плоды роскоши и нѣжничанья. Будь эта леди прачка и поддерживай она своимъ трудомъ осьмерыхъ дѣтей, некогда было бы ей думать о тоскѣ любовной». Односторонность такого, черезчуръ дѣловаго, воззрѣнія оказывается съ перваго взгляда: отвлеченная законность факта можетъ подлежать обсужденію съ разныхъ точекъ зрѣнія, но пока самый фактъ существуетъ, не составляя аномаліи посреди явленій даннаго общества, онъ всегда будетъ имѣть право на наше сочувствіе и, стало быть, на возсозданіе его въ художественной формѣ.

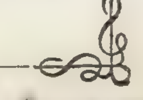
Какъ бы то ни было, г. Писемскій, во всѣхъ своихъ лучшихъ произведеніяхъ, оставался и остается совершенно вѣрнымъ тому самому воззрѣнію, какое вложилъ онъ въ уста одного изъ дѣйствующихъ лицъ романа: «Тысяча Душъ». Въ этомъ отношеніи его произведенія составляютъ какъ бы противуположный полюсъ съ произведеніями Гончарова и Тургенева, по большей части основанными на поэтическихъ особенностяхъ нашего существованія, заимствованныхъ изъ жизни меньшинства русскихъ людей, изъ жизни, обильной тонкими наслажденіями и страстными порывами къ идеалу. Въ лучшихъ трудахъ г. Писемскаго напрасно станемъ мы искать идеальныхъ сторонъ, тонкаго психологическаго анализа, поэтическаго воспроизведенія высокихъ страданій и высокихъ радостей. У него все просто и подчасъ жестко, какъ жесткая дѣловая дѣйствительность. Его герои мало занимаются любовью, рѣдко ду-

*) Вы берете какихъ-то великосвѣтскихъ господъ и разсказываете какъ они страдаютъ отъ странныхъ отношеній. Тьфу мнѣ на нихъ! Знать ихъ я не хочу! Если они и страдаютъ—такъ съ жиру собака бѣсится. И наконецъ, лжете вы на нихъ! Нѣтъ въ нихъ этого, потому что они не способны на то ни по уму, ни по развитію, ни по натуришкѣ, которая давно выродилась: а страдаютъ, можетъ быть, отъ дурнаго пищеваренія, или отъ того что нельзя-ли гдѣ захватить и цапнуть денегъ, или мужа, какимъ бы то ни было путемъ, перепихнуть въ генералы—а вы имъ навязываете тонкія страсти!

маютъ о глубокихъ вопросахъ, набѣгающихъ на душу людей избранныхъ и богато одаренныхъ: для всего этого у нихъ много своей насущной заботы. Имъ некогда жить внутренними ощущеніями и созерцаніями. Каждый изъ нихъ или хлопочетъ о средствахъ жизни, или думаетъ, какъ бы поискуснѣе выполнить обязанность взятую по службѣ, или ищетъ жениться повыгоднѣе, или, за неимѣніемъ дѣла, какъ бы кутнуть до помраченія разсудка. Подобное направленіе можетъ имѣть свои слабыя стороны, когда дѣло идетъ о лицахъ изъ общества развитаго и, стало быть, не всегда подходящихъ къ практической мѣркѣ нашего автора, но оно превосходно въ примѣненіи къ дѣйствующимъ лицамъ изъ простаго, трудоваго званія. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ объясняется все значеніе г. Писемскаго, какъ наблюдателя и воспроизводителя народныхъ нравовъ. Его «Питерщикъ», «Плотничья Артель» и «Старая барыня» рѣшительно нанесли смертельный ударъ псевдо-простонародной литературѣ. Мужицкая идиллія, которой много лѣтъ увлекались самыя разумныя головы, стала у насъ положительной невозможностью, и заслугу эту мы прямо относимъ къ трудамъ г. Писемскаго. Передъ удалой Грачихой (въ Старой Барынѣ), сумрачнымъ Петромъ (въ Плотничьей Артели), и Питерщикомъ, съ его воспоминаніями о томъ какъ ему «Питеръ бока повытеръ», навсегда померкли Меналки Тульской губерніи и Титиры съ береговъ Оки, принаряженные въ современномъ вкусѣ. Время ихъ прошло и, конечно, не вернется болѣе.

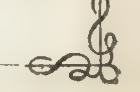
Послѣ всего, нами сказаннаго, читателю будетъ не трудно угадать отношенія г. Писемскаго къ такъ называемой *обличительной* беллетристикѣ. Онъ ей враждебенъ—какъ художникъ, вовсе не желающій жертвовать дарованіемъ своимъ для цѣлей неподходящихъ къ искуству,—онъ ей враждебенъ, какъ практическій человѣкъ, испытавшій на дѣлѣ всесторонность натуры человѣческой. По его понятіямъ, много разъ проводимымъ въ цѣломъ рядѣ литературныхъ трудовъ—задача искуства состоитъ въ дѣльномъ воспроизвеніи темныхъ и свѣтлыхъ сторонъ даннаго предмета, независимо отъ заданныхъ темъ и сантиментальныхъ надеждъ къ исправленію общества. Поученіе, коли оно должно быть, явится само, если въ произведеніи даровитаго писателя окажется вся жизнь въ ея всесторонности — сводить же весь трудъ къ поученію во что бы ни стало, значитъ не понимать коренной задачи искуства. Подобно тому, какъ народные разсказы Писемскаго разрушали сантиментальность и идилличность воззрѣнія на русскаго мужика,—такъ другіе его труды и романъ «Тысяча Душъ»—разрушаютъ дѣло сантиментальнаго общественнаго поученія. Это поученіе, съ нѣкотораго времени захваченное писателями несвѣдущими и непрактическими, по самому ходу дѣла должно было придти къ рутинѣ, къ созданію условныхъ

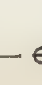
лицъ, къ промахамъ противъ дѣйствительности, къ пустословію и фантастическимъ образамъ. Противодѣйствовать сухому поученію могъ всякій писатель съ поэтическимъ чувствомъ и талантомъ художника, — но для того, чтобы убить рутину, имъ порожденную, нуженъ именно писатель-практикъ. Къ счастію для русской литературы, у насъ нашлись и писатели-поэты и писатели-практики— практикъ даже, какъ оно часто бываетъ, приспѣлъ къ дѣлу ранѣе поэтовъ. Пока гг. Гончаровъ и Тургеневъ готовили свои произведенія, имѣющія очистить нашу атмосферу отъ зловонія обличительной литературы,—г. Писемскій съ своимъ послѣднимъ романомъ повелъ нападеніе съ другой стороны,—и успѣхъ «Тысячи Душъ» показываетъ, что онъ повелъ его не понапрасну.

Многостороннее знаніе жизни,—вотъ главная заслуга г. Писемскаго въ нашей словесности, и вмѣстѣ съ тѣмъ, основаніе успѣха, которымъ его романъ пользуется. Безъ сомнѣнія, сказанное знаніе извлекаетъ всю свою силу изъ того обстоятельства, что человѣкъ, имъ, обладающій, вмѣстѣ съ тѣмъ обладаетъ и многими качествами писателя-художника; и однако же, не однимъ достоинствомъ художественнаго произведенія богатъ романъ Тысяча Душъ. Такую же, и можетъ быть, еще высшую степень художественности замѣчали мы въ прежнихъ, небольшихъ произведеніяхъ нашего автора, достаточно оцѣненныхъ публикою, но не затронувшихъ ее очень глубоко. Романъ, про который говоримъ, открываетъ намъ доступъ въ области до сихъ поръ мало кѣмъ описанныя, ставитъ передъ нами десятки лицъ изъ разнообразнѣйшихъ слоевъ общества и безъ усилія принуждаетъ насъ жить жизнію этихъ лицъ, интересоваться ихъ интересами. Подобнаго романа (съ точки зрѣнія практически-житейской), мы на русскомъ языкѣ не встрѣчали. Не одинъ изъ лучшихъ нашихъ писателей превышаетъ г. Писемскаго способностью видѣть и изображать поэзію человѣческаго существованія, но ни одинъ изъ сверстниковъ нашего романиста не рискнетъ вступить въ тѣ области, по которымъ онъ смѣло ходитъ, какъ хозяинъ и распорядитель. Благодаря своимъ житейскимъ познаніямъ и неотступному изученію быта, какъ столичнаго, такъ и провинціальнаго, г. Писемскій, безъ малѣйшаго усилія надъ самимъ собою, достигаетъ той всесторонности взгляда, которая равно исключаетъ и идеальность, и односторонне-мизантропическое воззрѣніе на дѣла общества.

Самый краткій обзоръ лицъ и происшествій, изображенныхъ въ романѣ «Тысяча Душъ», подтвердитъ все нами сказанное. Мало того, что большая часть лицъ, выведенныхъ на сцену г. Писемскимъ, живы и типичны въ литературномъ отношеніи,—эти лица до мелочи вѣрны всему, что мы видимъ въ дѣйствительной жизни. Персонажи вполнѣ нравственные и благородные (Годневъ, журнальный кри-

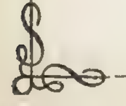
тикъ, другъ Калиновича и т. д.), встрѣчаются въ романѣ рѣдко, но также рѣдко появляются въ немъ лица рѣшительно гнусныя, поражающія своимъ нравственнымъ безобразіемъ. Главные герои и лица, всего чаще приходящія съ ними въ столкновеніе, принадлежатъ къ безконечному большинству веществъ, населяющихъ нашъ міръ, то есть къ людямъ, въ которыхъ пороки и достоинства слиты въ одну нераздѣльную массу. Таковъ Калиновичъ, способный при другихъ случайностяхъ, но въ томъ же самомъ обществѣ, быть полезнѣйшимъ гражданиномъ, такова Настенька, которой нѣжныя свойства уравновѣшены провинціальной эксцентричностью и другими недостатками односторонне развитой женщины. Въ лицахъ самыхъ второстепенныхъ, заброшенныхъ на задній планъ, встрѣчаемъ мы тоже самое. Экзархатовъ намъ милъ, не взирая на его внѣшнюю грязноватость, молодые люди партіи Калиновича (во время его вице-губернаторства) весьма пусты и не надежды, не смотря на честность своихъ убѣжденій. Только изъ этой смѣси житейскаго добра и зла, дѣйствительныхъ пороковъ, перемѣшанныхъ съ лучшими нравственными началами, можетъ зарождаться тотъ внѣшній интересъ, безъ котораго никакой читатель не останется доволенъ никакимъ романомъ, какъ бы романъ ни былъ уменъ и даже поэтиченъ. Борьба, коллизія, напоръ и отпоръ житейскихъ интересовъ—вотъ необходимыя условія истинной занимательности, и мы легко можемъ понять, почему писатель идиллистъ чуждъ всякой занимательности, также какъ чуждъ ей односторонній романистъ-обличитель. Литератору легко передаться на одну изъ сторонъ сейчасъ упомянутыхъ, но не легко справиться съ послѣдствіями такой передачи. Идиллистъ, закрывъ глаза на житейское зло, и все-таки нуждаясь въ злѣ, важномъ ингредіентѣ своихъ созданій, будетъ вынужденъ рисовать размалеванныхъ изверговъ, какъ это дѣлалъ Диккенсъ въ «Святочныхъ разсказахъ». Обличитель, не видя ничего кромѣ зла и страдальцевъ въ силу этога зла, впадетъ въ монотонность, ложь и кислоту, невиданную въ дѣйствительности, гдѣ все борется за себя и гдѣ самое насѣкомое свершаетъ чудеса ловкости, чтобъ спастись отъ грозящей ему опасности. Точно также, какъ односторонность въ искуствѣ неминуемо ведетъ за собой скуку, такъ точно качество ей противоположное, именно всесторонность воззрѣнія, живетъ собою все, къ чему не коснется. Если насъ спросятъ о томъ, какого рода писатели болѣе всего способны къ этой всесторонности, мы, не обинуясь, отвѣтимъ: писатели много жившіе практическою жизнью, писатели собственнымъ опытомъ убѣжденные въ томъ, что безусловное добро, вмѣстѣ съ безусловнымъ зломъ, суть явленія исключительныя, рѣдко усматриваемыя въ дѣйствительности насъ окружающей.»

Алексѣй Потѣхинъ

тикъ, другъ Калиновича и т. д.), встрѣчаются въ романѣ рѣдко, но также рѣдко появля[illegible] нихъ лица [illegible] жающія своимъ нра[illegible] всего чаще п[illegible] безконечному [illegible] есть къ людя[illegible] нераздѣльную [illegible] случайностяхъ [illegible] шимъ гражда[illegible] уравновѣшен[illegible] статками одн[illegible] ростепенныхъ [illegible] самое. Экзар[illegible] ватость, мол[illegible] бернаторства [illegible] весьма [illegible] своихъ убѣжденій. Только изъ этой смѣ[illegible] дѣйствительныхъ [illegible] ными начала[illegible] котораго ни [illegible] номъ, какъ [illegible] коллизія, на[illegible] мыя условія истинной занимательности [illegible] почему писатель идеалистъ чуждъ [illegible] какъ чуждъ ей односторонній [illegible] легко переда[illegible] легко справиться съ послѣдствіями такой [illegible] крывъ глаза на житейское зло, и все-та[illegible] номъ ингред[illegible] малеванныхъ [illegible] разсказахъ» [illegible] въ силу это[illegible] данную въ [illegible] насѣкомое [illegible] щей ему о[illegible] ствѣ немину[illegible] тивоположн[illegible] къ чему не [illegible] тели болѣе [illegible] отвѣтимъ: [illegible] собственнымъ [illegible] бро, вмѣстѣ с[illegible] рѣдко усматри[illegible]

Алексей Потехин

VIII.

Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ.

Умственное развитіе цѣлаго общества совершается тѣмъ же путемъ, какъ и развитіе отдѣльнаго человѣка. Процессъ медленъ, подъ часъ мучителенъ. Ничего сказочнаго, никакихъ скачковъ, никакихъ чудесныхъ превращеній въ немъ мы не встрѣчаемъ. Разъ зароненное въ почву зерно испытываетъ на себѣ мало по малу рядъ естественныхъ метаморфозъ и даетъ плодъ по качеству тождественный съ качествомъ посѣва. Таковъ законъ природы. Само собой разумѣется, что умственное развитіе каждаго народа тѣсно связано съ строемъ его общественной жизни и всего удобнѣе можетъ быть прослѣжено по его литературѣ. Чѣмъ выше народное самопознаніе, тѣмъ шире задачи, преслѣдуемыя послѣдней, чѣмъ обширнѣе горизонтъ, тѣмъ разнообразнѣе вопросы, разработываемые ею.

Обзоръ историческихъ судебъ нашего отечества не можетъ, разумѣется, стать предметомъ настоящей статьи. Но мы не можемъ не напомнить читателю, что умственное развитіе нашего общества, вслѣдствіи различныхъ историческихъ причинъ, совершалось особенно медленно и шло постоянно своимъ особымъ путемъ. Переходные фазисы, давнымъ давно отошедшіе на западѣ Европы въ область пре-

данiй, переживались нами въ сравнительно еще очень недалекiй перiодъ времени. Немудрено, потому, что наша литература долго играла роль праздной забавы. Хотя Карамзинъ въ началѣ своей сказки «Илья Муромецъ» и писалъ

Не хочу съ поэтомъ Грецiи,
Звучнымъ гласомъ Калiопиным,
Пѣть вражду Агамемнонову
Съ храбрымъ правнукомъ Юпитера,

но, въ сущности, всѣ поэты и прозаики начала нынѣшняго столѣтiя занимались у насъ именно тѣмъ, что звучнымъ гласомъ воспѣвали похожденiя различныхъ правнуковъ Юпитера или, сказать по просту, переливали изъ пустого въ порожнее. Надо было родиться Пушкину для того, чтобы извѣстная часть общества взялась за книгу. Надо было родиться Гоголю для того, чтобы писатели изъ юпитерской области снизошли на болѣе подходящую почву. Но даже и послѣ появленiя творенiй Гоголя и Пушкина въ литературѣ нашей оставалось значительная партiя, тянувшая ее вспять. Соловьи, розы и правнуки Юпитера не переводились окончательно. Тѣмъ не менѣе толчокъ былъ данъ и молодыя силы устремились впередъ. Сначала стали проводиться мысли о неудовлетворительности тѣхъ или другихъ явленiй общественной жизни, затѣмъ явилось стремленiе къ созданiю новыхъ идеаловъ, наконецъ весь горизонтъ вообще значительно расширился и вниманiе было обращено на такихъ факторовъ, значенiе которыхъ въ началѣ совершенно упускалось изъ виду.

Такъ, между прочимъ, въ послѣднiя три десятилѣтiя сталъ разрабатываться вопросъ о народномъ бытѣ. Авторы, прежде витавшiе лишь въ великосвѣтскихъ солонахъ, вдругъ почувствовали, что есть еще иной мiръ, совершенно новый, не тронутый, изученiе котораго чрезвычайно важно, такъ какъ именно этотъ мiръ и составляетъ основу всѣхъ тревожныхъ вопросовъ, служитъ почвой, изъ которой выростаютъ явле-

нія всего склада нашей общественной жизни. Первыя, робкія попытки писателей на этой почвѣ были встрѣчены сочувственно. Само общество, повидимому, сознало важность затронутаго предмета. Потому попытки продолжались. Въ настоящее время мы уже имѣемъ цѣлую обширную вѣтвь литературы, посвященную изученію народнаго быта и цѣлый рядъ писателей, по мѣрѣ силъ и возможности, трудящихся надъ этимъ вопросомъ.

«Мужикъ—герой современности, это вѣрно», говоритъ нашъ знаменитый сатирикъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ этюдовъ. «И не со вчерашняго дня такъ повелось, а давненько-таки, продолжаетъ онъ, съ конца сороковыхъ годовъ. Ты, разумѣется, не былъ очевидцемъ «началъ», но я не только помню, но даже лично присутствовалъ при нихъ. Я помню «Деревню», помню «Антона Горемыку», помню такъ живо, какъ будто все это совершилось вчера. Это былъ первый благотворный весенній дождь, первыя хорошія, человѣчныя слезы, и съ легкой руки Григоровича мысль о томъ, что существуетъ мужикъ—человѣкъ, прочно залегла и въ русской литературѣ, русскомъ обществѣ. А съ половины пятидесятыхъ годовъ, эта мысль сдѣлалась уже господствующей въ русской жизни. Все что ни есть въ Россіи мыслящаго и интеллигентнаго, отлично поняло, что куда бы ни обратились взоры, вездѣ они встрѣтятся съ проблемой о мужикѣ. Но ежели эта проблема такъ настойчиво мечется въ глаза, то надо же попытаться рѣшить ее. И вотъ мы видимъ, что лучшіе государственные люди нынѣшняго царствованія отдаютъ ей всѣ свои силы, и что рядомъ съ ними ей же посвящаютъ себя и наиболѣе независимые (въ смыслѣ обезпеченности матерьяльныхъ средствъ) представители нашей интеллигенціи. Припомни годы «освобожденія» и сознайся, что никогда интересъ, возбужденный имъ въ обществѣ, не граничилъ такъ близко съ энтузіазмомъ. Въ теченіи слишкомъ трехъ лѣтъ никакой другой рѣчи нельзя

было слышать, кромѣ рѣчи о мужикѣ. Оказалось, что онъ рѣшительно необходимъ и что даже самое слово мужикъ выражаетъ нѣчто всепроникающее. Всѣмъ онъ нуженъ, у всѣхъ какъ бѣльмо на глазу. Помѣщикъ, заводчикъ, фабрикантъ, подрядчикъ, однимъ словомъ, всякій человѣкъ практикъ, всякъ понялъ, что въ его «дѣлахъ» на первомъ планѣ стоитъ мужикъ. Должна была понять это и литература, и не потому одному, что она обязана все понимать, но и потому, что въ этомъ дѣлѣ ей предстояло оказать существенную услугу. Ежели мужикъ такъ всѣмъ необходимъ, то надо же знать, что онъ такое, что представляетъ онъ собой какъ въ дѣйствительности, такъ и in potentia, каковы его нравы, привычки и обычаи, съ которой стороны и какъ къ нему подойти. И къ удивленію оказывается, что узнать это совсѣмъ не такъ просто и что міръ мужицкихъ отношеній значительно сложнѣе и запутаннѣе, нежели тотъ, въ которомъ обыкновенно вращаемся мы, люди интеллигенціи. Работа изслѣдованія началась, работы произведено пропасть, а конца все-таки не видать».

Къ числу писателей честно потрудившихся надъ этой работой изслѣдованья, о которой говоритъ нашъ знаменитый сатирикъ, принадлежитъ также и Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ. Хотя въ произведеніяхъ своихъ онъ не ограничивался исключительно народной сферой, но тѣмъ не менѣе, главныя его силы были постоянно посвящены ей. Именно въ качествѣ народнаго бытописателя онъ и перейдетъ на судъ потомства. Намъ, разумѣется, рано еще подводить итоги его дѣятельности. Изъ послѣднихъ его произведеній, появившихся въ «Вѣстникѣ Европы» и знакомыхъ читателямъ «Невы» по извлеченіямъ изъ нихъ въ литературныхъ обозрѣніяхъ, мы видимъ что А. А. Потѣхинъ идетъ все далѣе по разъ избранному пути, что онъ пытается не только какъ можно ближе ознакомить насъ съ тѣмъ міромъ, на изученіе котораго онъ посвятилъ себя, но и осмыслить свои на-

блюденія, начертить картину по возможности наиболѣе полную, наиболѣе подробную. Нѣкоторые критики ставятъ послѣднее обстоятельство даже въ упрекъ г. Потѣхину. Они указываютъ на то, что сами писатели еще не достаточно овладѣли предметомъ, и что въ настоящее время возможно лишь собираніе сырого матерьяла для послѣдующихъ разработокъ. Споръ объ этомъ, по нашему мнѣнію, совершенно праздный. Освѣщеніе картины, процессъ творчества, всегда стоитъ въ прямой зависимости отъ характера таланта писателя. Если выводы его невѣрны—ихъ можно всегда отринуть. Суть дѣла въ томъ только, чтобъ факты не извращались, чтобъ художественная передача не искажала существеннаго значенія тѣхъ или другихъ явленій, чтобы, словомъ, она была согласна съ истиной. Такъ какъ дѣятельность А. А. Потѣхина въ этомъ отношеніи безупречна, такъ какъ всюду видны его старанія какъ можно ближе стоять къ истинѣ, то, слѣдовательно, сочиненія его заслуживаютъ серьезнаго вниманія и могутъ назваться полезнымъ вкладомъ въ нашу литературу. Если его можно упрекнуть въ чемъ, такъ только въ идеализаціи нѣкоторыхъ своихъ героевъ. Тамъ же, гдѣ А. А. Потѣхинъ не сходитъ съ реальной почвы, гдѣ онъ имѣетъ дѣло съ отрицательными типами, онъ является опытнымъ наблюдателемъ и рисуемыя имъ сцены дышатъ правдой.

Алексѣй Антиповичъ Потѣхинъ родился 1-го іюля 1829 года въ г. Кинешмѣ (Костромской губерніи) гдѣ отецъ его, небогатый дворянинъ, занималъ лѣтъ 40 сряду мѣсто уѣзднаго казначея.

Первоначальное образованіе г. Потѣхинъ получилъ въ Костромской гимназіи, откуда затѣмъ перешелъ въ Ярославскій Демидовскій лицей, въ то время преобразованный въ камерально-юридическій факультетъ. Между преподавателями послѣдняго, въ бытность г. Потѣхина, состоялъ между прочимъ и извѣстный педагогъ К. Д. Ушинскій.

Начало литературной дѣятельности Алексѣя Антиповича относится къ пятидесятымъ годамъ. Такъ въ 1851 г. написанъ имъ этнографическій очеркъ «Путь по Волгѣ», напечатанный въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Годъ спустя въ «Современникѣ» появились его «Забавы и удовольствія въ городкѣ», а въ «Москвитянинѣ» первая повѣсть изъ народнаго быта: «Титъ Софроновъ Козонокъ». Другая подобная же повѣсть (Бурмистръ), написанная почти одновременно съ первою, по условіямъ того времени не могла быть напечатана и явилась лишь въ шестидесятыхъ годахъ въ «Библіотеки для Чтенія».

Въ 1853 г. напечатанъ въ «Москвитянинѣ» «Судъ людской—не Божій», поставленный на сцену въ Петербургѣ и Москвѣ въ слѣдующемъ же году. Въ 1854 году написаны двѣ драмы: «Чужое добро въ прокъ не идетъ» и «Хоть шуба овечья, да душа человѣчья». Первая изъ нихъ была играна въ Петербургѣ и Москвѣ въ 1855 г., причемъ дала возможность Мартынову, долго подвизавшемуся въ ничтожныхъ водевиляхъ, выступить въ серьезной бытовой роли и выказать свой громадный талантъ въ настоящемъ свѣтѣ. Другая драма «Хоть шуба овечья, да душа человѣчья», не была одобрена театральной цензурой и появилась въ 1867 году. Комедія «Мишура» напечатанная въ 1858 г., поставлена на сцену въ 1862 г. «Отрѣзанный ломоть» запрещенъ вскорѣ послѣ постановки на сцену. «Вакантное мѣсто» не пропущено вовсе. Комедія «Выгодное предпріятіе» и «Въ мутной водѣ» почему-то перестали даваться, несмотря на то что театръ всегда былъ полонъ.

Романы г. Потѣхина слѣдующіе: «Крестьянка» напечатана въ «Москвитянинѣ» 1854 г.; «Крушинскій» въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1855 г.; «Бѣдные дворяне» въ «Библіотекѣ для Чтенія» 1859 г. Въ «Вѣстникѣ Европы» за послѣдніе пять лѣтъ: «Хай дѣвка», «Хворая», «На—міру», «Около денегъ» и «Молодые побѣги».

IX.

Карлъ Юльевичъ
Давыдовъ.

Карлъ Юльевичъ Давыдовъ родился въ Гольдингенѣ, въ Курляндіи въ 1838 г. Благодаря своему таланту онъ весьма легко и скоро пріобрѣлъ себѣ европейскую извѣстность.

Карлъ Юльевичъ взялся за музыку, какъ за спеціальность, уже въ совершенныхъ лѣтахъ: по окончаніи курса въ средне-учебномъ заведеніи, онъ явно выказалъ склонность къ математическимъ наукамъ почему и поступилъ въ 1854 г. въ московскій университетъ на физико-математическій факультетъ. Въ 1858 г. онъ съ успѣхомъ окончилъ курсъ и получилъ степень кандидата математическихъ наукъ. По выходѣ изъ университета Карлъ Юльевичъ измѣнилъ своему намѣренію посвятить себе наукѣ и отдался искусству. Въ томъ же 1858 г. онъ отправился въ Лейпцигъ со спеціальной цѣлью изучить музыку, которою ранѣе занимался у извѣстнаго віолончелиста Шмидта. Въ Лейпцигѣ теорію музыки онъ изучалъ подъ руководствомъ знаменитаго Гауптмана.

Черезъ годъ послѣ своихъ занятій въ Лейпцигѣ (1859 г.) онъ съ успѣхомъ выступилъ передъ публикою какъ солистъ, и вскорѣ послѣ своего дебюта сталъ первымъ віолончелистомъ въ лейпцигскомъ оркестрѣ. Затѣмъ игралъ въ раз-

ныхъ городахъ Германіи и пріобрѣталъ себѣ все большую и большую извѣстность.

Въ 1860 г. его пригласили въ качествѣ профессора игры на віолончели въ Лейпцигскую консерваторію, гдѣ дѣло у него шло столь успѣшно, что слухъ о немъ дошелъ до Петербурга, и въ 1862 году ему предложили фрофессору въ петербургской консерваторіи и званіе солиста Императорскихъ театровъ.

Въ 1876 г. онъ былъ избранъ въ директоры петербургской консерваторіи.

Личныя качества Карла Юльевича давали возможность возлагать на него много надеждъ, какъ на руководителя ввѣряемаго ему заведенія. Дѣйствительно избраніе его не даромъ считалось удачнымъ и было искренно привѣтствуемо всѣмъ музыкальнымъ міромъ. Карлъ Юльевичъ велъ и ведетъ консерваторію съ любовью, тактомъ и полнымъ знаніемъ своего дѣла, за что и пользуется безусловнымъ уваженіемъ не только учащихся въ консерваторіи, но и учащихъ. И не мудрено, что Карлъ Юльевичъ заслужилъ всеобщее уваженіе, учениковъ же въ особенности, такъ какъ онъ не только постоянно заботится о серьезномъ и цѣлесообразномъ ходѣ дѣлъ въ консерваторіи—заботы его распространяются и за стѣны ввѣреннаго ему заведенія: онъ всячески старается помочь недостаточнымъ ученикамъ, и благодаря его попеченію устроены для нихъ дешевыя квартиры.

Въ самой же консерваторіи со времени его директорства сдѣланы многія измѣненія къ лучшему и между прочимъ учреждено преподаваніе предметовъ, необходимыхъ для полнаго музыкальнаго образованія, какъ-то: обязательное, для всѣхъ учащихся, «хоровое пѣніе», которое онъ ведетъ самъ, и «musique d'ensemble» для піанистовъ.

Какъ артистъ Карлъ Юльевичъ принадлежитъ къ лучшимъ современнымъ віолончелистамъ: совершенная техника

игры соединяется у него съ прекраснымъ тономъ и изящнымъ вкусомъ.

Ежегодно въ великомъ посту онъ даетъ концерты, въ которыхъ публика находитъ истинное наслажденіе. Кромѣ его собственныхъ концертовъ публика имѣетъ возможность смышать его въ концертахъ наиболѣе крупныхъ нашихъ артистовъ и артистокъ, въ которыхъ онъ, почти постоянно, принимаетъ участіе.

Его музыкальныя произведенія, состоящія, по преимуществу изъ пьесъ для віолончели и романсовъ обнаруживаютъ солидный талантъ композитора и его въ высшей степени изящный вкусъ.

Приводимъ списокъ наиболѣе извѣстныхъ изъ его пьесъ и романсовъ:

Drei Salonstücke (Mondnacht, Lied, Märchen) für Violoncell und Piano.

Souvenirs d'Oranienbaum (Adieu. Barcarole). Deux pièces de Salon pour Violoncell et Piano.

3-eme Concerto pour Violoncell avec accompagnement de piano.

— le même avec accompagnement de Piano.

Vier Stücke (Sonntagmorgen. Am Springbrunnen. An der Wiege. Abenddämmerung.) fur Violoncell und Piano.

Romances sans paroles pour violoncell avec accompagnement de piano.

Ballade pour violoncell et piano.

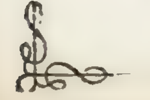
R. Schumann. Op. 68 aus dem Album f. d. Jugend für Violoncell mit Pianobegleitung.

R. Schumann. Op. 124. Schlummerlied. Op. 12. Warum für Violoncell mit Pianobegleitung.

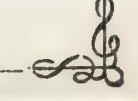
Вечеръ и Пряха соч. Монюшко, переложено для віолончели съ акомпаниментомъ фортепіано.

Романсы:

1. «Утесъ». 2. «Ты не спрашивай». 3. «Былъ старый

король». 4. «Сосна». 5. «Не брани меня». 6. «Изъ водъ подымая головку». 7. «И ночь, и любовь и луна». 8. «Оставь меня». 9. «Шелохнулась занавѣска». 10. «Къ страданьямъ чужимъ». 11. «Въ вечернемъ сумракѣ». 12. «У вратъ обители святой». 13. «Природа зноемъ дня утомлена». 14. «Смеркалось». 15. «Выхожу одинъ я на дорогу». 16. «Меня усыпили восторги любви». 17. «Отчего вдругъ запѣлъ соловей»? 18. «Какое счастье». 19. «Вошла звѣзда».

король». 4. «Сосна». 5. «Не брани меня». 6. «Изъ волн подымая [illegible] тавь [illegible] даньяı [illegible] вратъ [illegible] на». [illegible] 16. «[illegible] запѣл [illegible] 18. «Какое [illegible]» [illegible].

П. Чайковскій

X.

Петръ Ильичъ Чайковскій.

Въ ряду современныхъ русскихъ композиторовъ пользуется вполнѣ заслуженною извѣстностью и симпатіей какъ спеціалистовъ, такъ и публики, Петръ Ильичъ Чайковскій, бывшій профессоръ московской консерваторіи.

Сынъ горнаго инженера, Петръ Ильичъ родился въ 1840 году въ Вятской губерніи, гдѣ онъ и провелъ свои дѣтскіе годы. Съ десятилѣтняго возраста онъ воспитывался въ Петербургѣ, въ Императорскомъ училищѣ Правовѣдѣнія, и въ 1859 г. окончилъ съ успѣхомъ курсъ. Начавъ учиться еще ребенкомъ игрѣ на фортепіано, П. И. продолжалъ эти занятія непрерывно во все время своего пребыванія въ училищѣ, пользуясь уроками извѣстнаго въ то время учителя фортепіанной игры, Кюндингера, такъ что ко времени окончанія курса онъ уже совершенно свободно владѣлъ инструментомъ. Однако въ то время П. И. далекъ былъ отъ мысли посвятить себя музыкальному дѣлу: онъ поступилъ на службу въ Департаментъ Министерства Юстиціи. Между тѣмъ въ 1861 г. покойный Заремба, по предложенію Русскаго Музыкальнаго Общества, началъ читать лекціи по теоріи музыки. Въ числѣ первыхъ его слушателей былъ и П. И. Чайковскій. Всѣмъ извѣстно, съ какимъ увлеченіемъ изла-

галъ слушателямъ свой предметъ покойный Зарембаи какъ интересны были его лекціи. Онѣ главнымъ образомъ и открыли П. И. его призваніе и побудили его въ слѣдующемъ 1862 году продолжать музыкальное образованіе въ открывшейся тогда петербургской консерваторіи. Успѣхи, оказанные П. И. за время пребыванія его въ консерваторіи, совершенно выходили изъ ряда обыкновенныхъ. Краснорѣчивымъ доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что, по окончаніи курса въ консерваторіи въ 1865 году, ему было въ томъ же году предложено преподавать теорію музыки въ московскихъ музыкальныхъ классахъ Русскаго Музыкальнаго Общества. Съ этого года и начинается профессорская дѣятельность П. И. Чайковскаго. 1-го сентября 1866 г. была открыта московская консерваторія, въ которой ему поручены были классы гармоніи и инструментовки. Впродолженіи двѣнадцати лѣтъ П. И. преподавалъ въ московской консерваторіи и только въ прошломъ 1878 году оставилъ ее, съ цѣлью исключительно посвятить себя композиторской дѣятельности.

Приступая къ обозрѣнію многочисленныхъ произведеній П. И. Чайковскаго, нельзя прежде всего не замѣтить, что по формѣ своей они чрезвычайно разнообразны. Можно положительно сказать, что онъ пока единственный русскій композиторъ, испытавшій свои силы во всѣхъ родахъ музыкальнаго искусства. Но, конечно, не всѣ его произведенія имѣютъ равное значеніе для русской музыки. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ должны быть поставлены его симфоническія произведенія. П. И. Чайковскій по преимуществу симфонистъ и оркестраторъ. Его четыре симфоніи и двѣ симфоническія поэмы представляютъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу немногочисленную симфоническую литературу. Первая его симфонія, въ тонѣ G-moll, названная «зимнія грезы», написана авторомъ еще въ самомъ началѣ его композиторской дѣятельности и исполнена была въ первый

разъ въ Москвѣ въ 1867 г. Сравнительно съ другими, позднѣйшими партитурами автора, первая симфонія — произведеніе, не выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, за исключеніемъ первой части, озаглавленной «зимняя дорога», картины весьма красиво и законченно написанной. Значительно большій интересъ представляетъ вторая симфонія, C-moll, посвященная Русскому Музыкальному Обществу въ Москвѣ. Въ первый разъ она была исполнена въ Москвѣ въ 1873 году и имѣла такой значительный успѣхъ, что была въ томъ же году повторена на десятомъ симфоническомъ собраніи. Въ этой симфоніи особеннаго вниманія заслуживаютъ двѣ части: вторая—andantino marciali и послѣдняя—allergo. Вторая часть—граціозный маршъ, очень красиво гармонизованный и плѣняющій легкостью и изяществомъ инструментовки. Въ послѣдней части, основною темою которой послужила извѣстная малороссійская пѣсня «журавель», композиторъ показалъ большую способность въ варіаціонной формѣ. Онъ создалъ изъ этой народной мелодіи въ четыре такта огромный финалъ, бойко, съ чисто русскимъ пошибомъ написанный. Сравнивая это произведеніе съ первою симфоніею, нельзя не подивиться тѣмъ успѣхамъ, которые сдѣлалъ авторъ въ такое короткое время. Послѣ этой симфоніи русская публика имѣла полное право ожидать отъ автора вполнѣ художественнаго произведенія, и онъ не обманулъ ея ожиданій. Третья симфонія, D-dur, написанная въ 1875 году, едва-ли не самое выдающееся произведеніе П. И. Чайковскаго. Разбирая отдѣльныя части этой превосходной партитуры, приходится прежде всего удивляться рѣдкому въ современныхъ композиторахъ качеству—неисчерпаемому роднику мелодическаго изобрѣтенія. Начиная съ первыхъ тактовъ первой части, съ этого прелестнаго похороннаго марша, такъ красиво впадающаго въ торжественное аллегро, и до послѣдняго такта финальнаго полонеза, третья симфонія одинаково богата вдохновеніемъ, одинаково

интересна. Среднія части симфоніи обращаютъ на себя особенное вниманіе. Сколько граціи, сколько изящества въ этомъ медленномъ, нѣмецкомъ вальсѣ (alla tedesca). Какъ мы уже замѣтили выше, мелодическій даръ—одно изъ особенно выдающихся качествъ таланта П. И. Чайковскаго. Но на самой мелодіи его лежитъ совершенно своеобразный отпечатокъ: она преимущественно грустнаго, элегическаго характера. Широкая, плачущая мелодія особенно любимый пріемъ нашего талантливаго композитора. Почти въ каждомъ его произведеніи слушателя чаруетъ эта пѣвучая, грустная мелодія. Въ третьей симфоніи это настроеніе получило особенно изящное и законченное выраженіе въ ея третьей части (andante elegiaco). Вслѣдъ за этой частью идетъ страстное, порывистое скерцо, которое этимъ контрастомъ производитъ особенно сильное впечатлѣніе. Съ какимъ огнемъ, какими красками написана эта страница симфоніи! Въ финалѣ композиторъ возвращается къ торжественному, мажорному настроенію первой части и этимъ блестящимъ полонезомъ вѣнчаетъ одно изъ своихъ замѣчательнѣйшихъ произведеній. Симфонія эта имѣла большой успѣхъ не только въ Россіи, но и заграницей. Не далѣе какъ весною 1879 г. она была съ успѣхомъ исполнена въ Нью-Іоркѣ, въ концертѣ филармоническаго общества. Послѣдняя, четвертая симфонія, F-moll, написана композиторомъ весьма недавно—въ 1877 г. Богатство оркестровки и образцовая техника являются преимущественными качествами этого произведенія. Съ этой стороны особенно выдаются первая часть, скерцо и финалъ. Только замѣчательно искусная рука П. И. Чайковскаго могла создать такія ритмическія красоты, какими блещетъ первая часть этой симфоніи. Особенно обаятельное впечатлѣніе на слушателя производитъ третья часть — скерцо, все почти построенное на pizzicato струнныхъ инструментовъ. При исполненіи этой симфоніи въ 1878 г. въ Петербургѣ въ симфоническомъ собраніи Русскаго Музык. Общества, эта часть,

по требованію публики, была повторена. Это же скерцо, какъ особенно замѣчательное произведеніе русской симфонической музыки, было съ успѣхомъ исполнено на одномъ изъ русскихъ концертовъ во время Парижской всемірной выставки 1878 г. Въ финалѣ композиторъ воспользовался извѣстною народною пѣснью: «во полѣ березынька стояла» и написалъ на нее рядъ очень красивыхъ и интересныхъ варьяцій. При каждомъ повтореніи тема эта сопровождается новою гармоніею, — задача, вполнѣ удавшаяся композитору. Эта симфонія была встрѣчена у насъ въ Россіи и публикою, и критикою весьма сочувственно. Вѣроятно въ самомъ непродолжительномъ времени она будетъ исполнена въ одномъ изъ европейскихъ музыкальныхъ центровъ, такъ какъ произведенія П. И. Чайковскаго съ каждымъ годомъ пріобрѣтаютъ заграницей все большую извѣстность и сочувствіе.

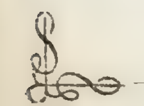
На ряду съ симфоніями нашего талантливаго композитора должны быть поставлены и двѣ его фантазіи для оркестра: «Буря» и «Франческа да Римини», принадлежащія къ области такъ называемой програмной музыки. Сюжетомъ для первой изъ нихъ послужила драма Шекспира подъ тѣмъ же названіемъ. «Буря» принадлежитъ къ наиболѣе европейски извѣстнымъ произведеніямъ автора, благодаря исполненію ея на одномъ изъ русскихъ концертовъ во время Парижской всемірной выставки въ 1878 г. Въ этой фантазіи, начинающейся и оканчивающейся великолѣпной картиною моря, особенно хороша средняя ея часть, изображающая, согласно программѣ, исторію любви Фердинанда и Миранды. Съ какою граціей, съ какою увлекательной мелодичностью написана эта страница фантазіи. Совсѣмъ другимъ характеромъ отличается другая фантазія: «Франческа да Римини», написанная на извѣстный сюжетъ, заимствованный изъ «Божественной комедіи», Данте. Здѣсь также повѣсть любви, но любви несчастной, окончившейся ужасной

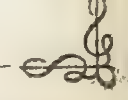
смертью обоихъ любовниковъ. Въ фантазіи этой авторъ изображаетъ адскій вихрь, въ которомъ носились грѣшники втораго круга ада. Картина эта написана имъ превосходно. Нужно удивляться фантазіи композитора, съумѣвшаго передать эту раздирающую душу скорбь людей, носящихся въ адскомъ ураганѣ. Какъ и «Буря», «Франческа да Римини» исполнялась съ большимъ успѣхомъ не только въ Россіи, но и во многихъ городахъ заграницей, какъ напр.: въ Парижѣ, въ Брюсселѣ, въ Берлинѣ, въ Нью-Іоркѣ.

Къ области симфоническихъ произведеній П. И. Чайковскаго слѣдуетъ также отнести двѣ увертюры: 1) увертюру къ драмѣ Шекспира: «Ромео и Джулліетта» и 2) торжественную увертюру на датскій національный гимнъ. Первая увертюра принадлежитъ къ лучшимъ произведеніямъ П. И. Чайковскаго. Это одно изъ раннихъ сочиненій, благодаря которому онъ занялъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди современныхъ русскихъ композиторовъ. Увертюра «Ромео и Джулліетта» была исполнена нѣсколько разъ въ петербургскихъ концертахъ и нашей публикѣ хорошо извѣстна. Напротивъ, другая увертюра, озаглавленная: «Ouverture triomphale sur l'hymne national danois» и принадлежащая также къ раннимъ произведеніямъ автора, почти совершенно неизвѣстна. Впрочемъ она не представляетъ никакихъ выдающихся достоинствъ. Эта увертюра была исполнена въ Москвѣ, при посѣщеніи этой столицы принцессою Дагмарою. Упомянемъ еще объ одной партитурѣ автора, о «Славянскомъ маршѣ на народославянскія темы», исполненномъ съ успѣхомъ въ Москвѣ во время сербской войны.

Значительно ниже симфоническихъ произведеній должны быть поставлены оперы П. И. Чайковскаго. Какъ извѣстно, опера—особенно излюбленная форма музыкальнаго творчества нашихъ композиторовъ. Съ другой стороны, нужно

признаться: всѣ оперы, написанныя ими за послѣднее время, представляютъ только болѣе или менѣе неудачныя попытки, представляющія для русскаго искусства весьма мало серьезнаго значенія. П. И. Чайковскій вполнѣ подтверждаетъ наше мнѣніе. Изъ написанныхъ имъ оперъ пока еще ни одна не можетъ быть признана вполнѣ удачнымъ произведеніемъ. Въ самомъ началѣ композиторской дѣятельности была имъ написана опера «Воевода», но какъ можно судить по напечатаннымъ отрывкамъ этой оперы, она является совершенно блѣднымъ сочиненіемъ начинающаго композитора. Второе произведеніе «Снѣгурочка», музыка къ весенней сказкѣ Островскаго, представляетъ попытку, хотя и болѣе удачную, но страдающую удивительною неровностью письма. Рядомъ съ такими недурными страницами, какъ наприм., хоръ и сцена провожанія масляницы, хоръ слѣпыхъ гусляровъ, попадаются такіе ничтожные нумера, какъ напр., пляска скомороховъ. Весьма слабыми музыкальными достоинствами отличается и слѣдующая опера «Опричникъ», написанная на сюжетъ, заимствованный изъ извѣстнаго романа Лермонтова съ тѣмъ же заглавіемъ. Хотя эта опера изобилуетъ эффектными сценами, какъ напримѣръ, сцена клятвы во второй картинѣ второго дѣйствія, но, повторяемъ, съ музыкальной стороны, эта партитура заключаетъ въ себѣ очень мало выдающагося. Впрочемъ эта опера давалась съ извѣстнымъ успѣхомъ на нашей и московской сценахъ. Въ настоящее время ее намѣрены возобновить на московскомъ Большомъ театрѣ. Гораздо большій интересъ представляетъ и по-нынѣ исполняемая на Маріинской сценѣ опера: «Кузнецъ Вакула». Опера эта получила премію на конкурсѣ, объявленномъ отъ имени въ Бозѣ почившей великой княгини Елены Павловны. Опера эта написана на сюжетъ, заимствованный изъ извѣстной повѣсти Гоголя: «Ночь передъ Рождествомъ», и съ музыкальной стороны стоитъ не-

ковскаго, имъ написано также много вещей для отдѣльныхъ инструментовъ и для пѣнія. Изъ нихъ прежде всего слѣдуетъ упомянуть о концертѣ для фортепіано, B-moll, посвященномъ извѣстному пьянисту Гансу фонъ-Бюлову. Превосходное сочиненіе само по-себѣ, концертъ этотъ, благодаря исполненію его такими двумя артистами, какъ Бюловъ и Н. Г. Рубинштейнъ, сдѣлался произведеніемъ европейски-извѣстнымъ. Бюловъ, питающій большую симпатію вообще къ музыкѣ П. И. Чайковскаго, что онъ уже не разъ высказывалъ въ своихъ критическихъ статьяхъ о русской музыкѣ, игралъ этотъ концертъ болѣе десяти разъ во время своей артистической поѣздки по Америкѣ въ 1876 г., а лѣтомъ 1879 г. онъ вновь исполнилъ его на фестивалѣ въ Висбаденѣ. Но наибольшій успѣхъ имѣлъ этотъ концертъ въ исполненіи нашего знаменитаго пьяниста Н. Г. Рубинштейна, въ Парижѣ, во время послѣдней всемірной выставки 1878 г. Кромѣ концерта П. И. написалъ много піэсъ для фортепіано, между которыми особенно выдаются: соната ор. 37, шесть піэсъ ор. 19 и шесть піэсъ на одну тему ор. 21. Прекрасное знаніе инструмента и свѣжая мелодичность — отличительныя качества этихъ вещей. Изъ сочиненій для скрипки слѣдуетъ упомянуть концертъ, серенаду и вальсъ-скерцо. Всѣ эти вещи написаны для скрипки съ акомпаниментомъ оркестра. Существуетъ также нѣсколько піэсъ для скрипки съ акомпаниментомъ фортепіано, частью самостоятельно, частью въ видѣ переложеній фортепіанныхъ вещей. Для віолончели написана авторомъ пока только одна піэса: варьяціи для віолончели съ сопровожденіемъ оркестра. Это сочиненіе, написанное съ большимъ вкусомъ и прелестно инструментованное, было съ большимъ успѣхомъ исполнено въ Москвѣ и въ Висбаденѣ віолончелистомъ Фитценгагеномъ. Романсы и пѣсни П. И. Чайковскаго хорошо извѣстны русской публикѣ. Такія вещи, какъ напр., «И больно и слад-

ко», и «Нѣтъ только тотъ», пѣлись много разъ въ концертахъ. Въ настоящее время число романсовъ П. И. весьма значительно; но лучшіе изъ нихъ принадлежатъ къ раннимъ его произведеніямъ, хотя и среди позднѣйшихъ встрѣчаются такія красивыя вещи, какъ напр.. «То было раннею весной», серенада Донъ-Жуана и другія.

Въ области духовной музыки П. И. Чайковскій написалъ, въ 1878 году, литургію Іоанна Златоустаго,—произведеніе во всѣхъ отношеніяхъ весьма интересное. Русскіе композиторы, къ сожалѣнію, совершенно не обращаютъ вниманія на эту чрезвычайно важную отрасль русской музычи, почему она и является до сихъ поръ весьма небогатою выдающимися произведеніями.

Въ заключеніе необходимо упомянуть, что П. И. Чайковскій, какъ теоретикъ, оказалъ большую услугу русскому юношеству, занимающемуся изученіемъ теоріи музыки, составивъ руководство къ практическому изученію гармоніи, принятое почти всѣми нашими преподавателями.

Окончивъ краткій обзоръ произведеній П. И. Чайковскаго, который мы постарались сдѣлать, по возможности, полнымъ, нельзя не отдать полной справедливости нашему талантливому композитору въ его постоянной и неутомимой дѣятельности на поприщѣ русскаго музыкальнаго искусства. П. И. Чайковскій, — человѣкъ, посвятившій себя всецѣло своему искусству и безкорыстнымъ служеніемъ ему снискавшій уваженіе всѣхъ, знающихъ его людей. Дарованія его, съ каждымъ годомъ развивающіяся, даютъ намъ полное право выразить надежду, что П. И. Чайковскій займетъ видное мѣсто въ лѣтописи современной русской музыки.

XI.

Елизавета Андреевна Лавровская.

Елизавета Андреевна Лавровская родилась въ 1845 г. 1-го октября, въ городѣ Кашинѣ, Тверской губерніи. Отецъ ея имѣлъ очень ограниченныя средства и кромѣ Елизаветы Андреевны еще пятерыхъ дѣтей. Въ 1847 г. онъ получилъ мѣсто въ Московскомъ межевомъ департаментѣ, въ слѣдствіи чего вся семья переселилась на жительство въ Москву. До 12 лѣтъ Елизавета Андреевна воспитывалась дома, подъ руководствомъ отца; три раза баллотировалась въ институты на казенный счетъ, но безуспѣшно, въ послѣдствіи же поступила въ Елизаветинскій институтъ, только благодаря попечителю, князю Голицину. Хотя Елизавета Андреевна отличалась голосомъ и страстною любовью къ музыкѣ еще въ раннемъ дѣтствѣ, но ея музыкальное образованіе наступило довольно поздно: первые уроки музыки начала 12 лѣтъ; голосомъ же ея, начальница института положительно пренебрегала, говоря, что альтъ возможенъ толькѣ въ хорѣ, соло же не идетъ дѣвицѣ; такимъ образомъ даже и при переходѣ ея въ старшіе курсы, гдѣ уже преподавали пѣніе, Елизаветѣ Андреевнѣ, къ ея крайнему огорченію, не было дозволено брать уроки на казенный счетъ, родители же, по недостатку средствъ, не могли ихъ оплачивать.

Только съ перемѣной начальницы перемѣнилась судьба Елизаветы Андреевны. Въ институтъ, для обученія пѣнію, былъ приглашенъ итальянецъ Фензи; онъ то первый замѣтилъ въ ней необыкновенный голосъ и сценическій талантъ.

Е. Лавровская

XI.

Елизавета Андреевна Лавровская

Елизавета Андреевна Лавровская родилась въ 1845 г. 1-[illegible] ея [illegible]ѣлъ очень ограниченныя средства и кромѣ Елизаветы Ан[illegible]ны еще пятерыхъ дѣтей. Въ 1847 г. [illegible] мѣсто [illegible] Московскомъ межевомъ департаментѣ. [illegible] ствіи [illegible] До 12 [illegible] руков[illegible] туты [illegible] посту[illegible] попеч[illegible] отлич[illegible] въ р[illegible] пило [illegible] голос[illegible] небр[illegible] что [illegible] только [illegible] соло[illegible] такимъ [illegible] пере[illegible] старшіе курсы. [illegible] Ели[illegible] Андреевнѣ [illegible] было дозв[illegible] уроки на казенный [illegible] родители же, по недост[illegible] не могли ихъ [illegible].

Тол[illegible] начальницы перемѣнилась судьба Елизаветы Андреевны. Въ институтѣ, [illegible] былъ приглашенъ итальянецъ Фензи; онъ то первый замѣтилъ въ ней необыкновенный голосъ и сценическій талантъ.

Е. Лавровская

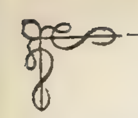
какъ и большинство бѣдныхъ дѣвушекъ. Елизавета Андреевна готовилась къ дѣятельности гувернантки, но учитель положительно воспротивился этому, предсказывалъ ей блестящую будущность и всячески старался развить въ ней желаніе серьезно заняться ея голосомъ.

Въ 1864 г. ее слышалъ проѣздомъ черезъ Москву Государь Императоръ и великая княгиня Елена Павловна, отыскивавшая въ это время хорошіе голоса для консерваторіи. Всѣхъ поражалъ феноменальный голосъ г-жи Лавровской, всѣ были заинтересованы ея будущностью. Шиловъ, извѣстный московскій богачъ, предлагалъ средства отправить ее въ Италію, или къ Віардо, но желаніе Великой Княгини Елены Павловны было, чтобъ она поступила въ петербургскую консерваторію.

Въ 1864 г. Елизавета Андреевна окончила курсъ въ институтѣ съ золотой медалью и переѣхала въ Петербургъ по приглашенію Великой Княгини, однако еще сомнѣвавшейся оставить-ли Елизавету Андреевну здѣсь, или послать за границу. Г-жа Ниссенъ Саломанъ, профессоръ пѣнія въ консерваторіи, прослушавъ Лавровскую, объявила, что если она не будетъ опредѣлена въ ея классъ, то приметъ это какъ знакъ недовѣрія къ себѣ и оставитъ консерваторію. Вел. княгиня Елена Павловна, по совѣту Рубинштейна, согласилась помѣстить ее въ консерваторію и во все время ея тамъ пребыванія не оставляла ее своимъ милостивымъ вниманіемъ.

Въ теченіи двухъ съ половиною лѣтъ, которыя провела Елизавета Андреевна въ консерваторіи, она неоднократно пѣла на ученическихъ вечерахъ и экзаменахъ, всегда приводя въ восхищеніе своихъ слушателей. Ея высокій сценическій талантъ далъ мысль Рубинштейну поставить «Орфея» Глука, которую онъ и привелъ въ исполненіе 21 мая 1867 года въ театрѣ Великой Княгини Елены Павловны, сюрпризомъ для Высокой Покровительницы.

Первый дебютъ увѣнчался полнымъ успѣхомъ; кто слышалъ ее въ то представленіе, никогда не забудетъ того увлеченія, которымъ проникнуты были всѣ: солисты, хоры, дирижеръ, оркестръ. Всей постановкой руководилъ исключи-

тельно Ан. Григ. Рубинштейнъ, г-жа Ниссенъ Саломанъ отказалась въ то время отъ всякаго въ немъ участія; Великая княгиня осталась очень довольна результатомъ и отправила Елизавету Андреевну на лѣто за границу, чтобы дать ей возможность послушать оперы въ Лондонѣ, Парижѣ и посѣтить Віардо въ Баденѣ. Въ Парижѣ Елизавету Андреевну слушалъ Россини и предсказалъ ей блестящую будущность.

Осенью, при возвращеніи ея въ Петербургъ, начались переговоры о поступленіи на сцену русской оперы и 24 января 1868 г. г-жа Лавровская дебютировала съ громаднымъ успѣхомъ въ роли Вани (Жизнь за Царя). Съ тѣхъ поръ она сдѣлалась любимицей публики и остается ею до сихъ поръ, несмотря на всѣ интриги завистниковъ.

Только четыре года была она на сценѣ и въ полной силѣ таланта, вслѣдствіе несогласія съ бывшей дирекціей, происшедшаго не по ея винѣ, оставила сцену, къ великому огорченію всѣхъ дорожащихъ русскимъ искуствомъ.

Когда дирекція не согласилась на предложенныя Елизаветою Андреевною условія: пѣть съ октября до января не менѣе 20-ти разъ по 400 р. разовыхъ, она отправилась на годъ за границу для усовершенствованія своего музыкальнаго образованія у г-жи Віардо. Слѣдующій затѣмъ годъ она дебютировала въ Германіи: Берлинѣ, Лейпцигѣ, Франкфуртѣ, Вѣнѣ, въ Лондонѣ, въ Италіи, всюду съ громаднымъ успѣхомъ и нигдѣ не пропуская случая познакомить иностранцевъ съ нашими Глинкой и Даргомыжскимъ.

Въ Неаполѣ и Флоренціи была принята съ особымъ восторгомъ, музыкальныя общества поднесли ей почетный дипломъ и медаль. Иностранныя газеты печатали о ней самые лестные отзывы, которые, почему то, не были приняты, въ предлагаемомъ переводѣ, ни одной изъ существовавшихъ въ то время въ Петербургѣ газетъ, кромѣ «Гражданина».

Въ 1875 году, возвратясь изъ-за границы, Елизавета Андреевна въ великомъ посту пѣла въ Петербургѣ. Въ это время театральная дирекція возобновила свой вопросъ объ условіяхъ, на который Елизавета Андреевна повторила:

пѣть въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ 20 разъ по 400 р. разовыхъ, если же по нездоровью не успѣла бы въ этотъ срокъ пропѣть означенное число разъ, то остаться долѣе. Дирекція соглашалась съ этими условіями только въ томъ случаѣ, если Елизавета Андреевна прибавитъ къ нимъ бенефисъ въ пользу дирекціи. Елизавета Андреевна, не оправдывая въ принципѣ бенефисной системы вообще, а фиктивной, когда дирекція оставляетъ за собою право назначать какія угодно цѣны, въ особенности, конечно не могла согласиться.

Въ настоящее время бенефисы уничтожены и артистамъ полагается разовая плата, слѣдовательно есть основаніе надѣяться, что дирекція удовлетворитъ горячее желаніе публики, и талантливая артистка наша снова появится на Маріинской сценѣ *).

Въ 1876—1877 гг., зимой, Елизавета Андреевна пѣла на кіевской сценѣ проѣздомъ изъ Малороссіи, гдѣ она обыкновенно проводитъ лѣто; конечно нечего говорить о томъ восторгѣ, съ которымъ ее встрѣчали вездѣ въ Россіи, достаточно ея имени появиться на афишѣ, чтобы тотчасъ собрались массы публики, желающей слышать ея чарующій голосъ.

Елизавета Андреевна въ замужествѣ за княземъ Церетелевымъ, имѣетъ сына и въ семейномъ отношеніи пользуется полнымъ счастіемъ. Натура ея нервная, въ высшей степени честная, ни на какія сдѣлки не способпая. Она первая артистка, отказавшаяся эксплуатировать публику бенефисами и раззорять подарками подобно другимъ ея сотоварищамъ по сценѣ. Въ послѣднее время Елизавета Андреевна получила орденскіе знаки отъ общества Краснаго Креста и отъ общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ. Она своими концертами пожертвовала значительныя суммы въ означенныя общества.

---

*) По газетнымъ сообщеніямъ Е. А. Лавровская уже ангажирована на десять гастъ-ролей.

XII.

Иванъ Александровичъ Мельниковъ.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, а именно 24-го октября 1867 г., на сценѣ Маріинскаго театра давались «Пуритане».—опера не новая и достаточно приглядѣвшаяся петербургской публикѣ. Но на этотъ разъ театръ былъ полонъ и поднятія занавѣса ждали съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ. Причиною этого было появленіе новаго пѣвца—Ивана Александровича Мельникова. Несмотря на неизбѣжныя при первомъ дебютѣ неувѣренность и смущеніе, вслѣдствіе непривычки къ сценѣ,—мягкій и звучный баритонъ дебютанта, отличающійся необыкновенно красивымъ тембромъ, въ соединеніи съ талантливою игрою и вполнѣ сценическою наружностью, сразу завоевали ему симпатіи публики. Успѣхъ его былъ полный, и публика наградила дебютанта шумными и единодушными рукоплесканіями. На этотъ разъ и театральная критика того времени вполнѣ сошлась съ публикой въ оцѣнкѣ новаго дебютанта.

Съ тѣхъ поръ каждое появленіе Ивана Александровича на сценѣ было новымъ для него торжествомъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ новымъ шагомъ впередъ на пути къ усовершенствованію его высокаго таланта, такъ что съ этого времени имя И. А. Мельникова неразрывно связано съ луч-

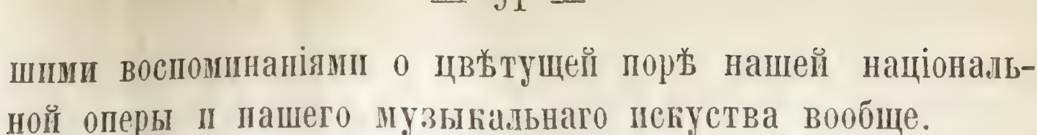
XII.

Иванъ Александровичъ Мельниковъ.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, а именно 24 [illegible] 1867 г., на сценѣ Маріинскаго театра давали «Руслана» — опера не новая и достаточно приглядѣвшаяся петербургской публикѣ. Но на этотъ разъ театръ былъ полонъ и поднятія занавѣса ждали съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ. Причиною этого было появленіе новаго пѣвца — [illegible] Александр[illegible] [illegible]. Несмотря [illegible] первомъ дебютѣ неувѣренность и смущеніе, вслѣдствіе непривычки [illegible] та, отличавшійся необыкновенно красивымъ [illegible] соединеніи съ талантливою игрою и вполнѣ сценическою наружностью [illegible] ему симпатіи публики. Успѣхъ его былъ [illegible] и единодушными рукоплесканіями. [illegible] ральная критика того времени вполнѣ [illegible] кой въ оцѣнкѣ новаго дебютанта.

Съ тѣхъ поръ каждое появленіе Ивана Александровича на сценѣ было [illegible] съ тѣмъ новым [illegible] пути къ усовершенствованію его высокаго таланта, такъ что съ этого времени имя И. А. Мельникова неразрывно связано съ луч-

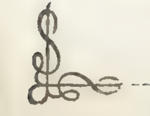

шими воспоминаніями о цвѣтущей порѣ нашей національной оперы и нашего музыкальнаго искуства вообще.

И. А. Мельниковъ родился въ Петербургѣ въ 1831 г. и происходитъ изъ купеческаго званія; воспитывался въ Коммерческомъ училищѣ, гдѣ и окончилъ курсъ съ большимъ успѣхомъ въ 1850 году. По выходѣ изъ училища, онъ, по желанію своихъ родныхъ, посвятилъ себя коммерческой дѣятельности, но любовь къ музыкѣ и пѣнію не позволяла ему всецѣло отдаваться своему дѣлу и постоянно влекла его въ другой міръ, — въ міръ звуковъ. Уже въ ранней юности онъ находилъ истинное наслажденіе въ небольшомъ кружкѣ друзей, большихъ любителей музыки, составлявшихъ дуэты, тріо и квартеты, въ которыхъ И. А. принималъ дѣятельное участіе, исполняя віолончельныя партіи. По словамъ близко знавшихъ его въ ту пору жизни людей, для него не составляло большаго труда сдѣлать пѣшкомъ огромный конецъ изъ Измайловскаго полка на Петербургскую сторону, не забывъ захватить съ собою и любимый инструментъ свой—віолончель, чтобъ поиграть всласть въ кругу своихъ друзей. Эта страстная любовь къ музыкѣ не замедлила принести свои плоды. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ открылась въ Петербургѣ Безплатная Музыкальная Школа подъ управленіемъ Ломакина. Иванъ Алаксандровичъ поспѣшилъ записаться въ члены этой школы, и его сильный и пріятный голосъ обратилъ на него особое вниманіе Ломакина, такъ что уже въ 1860 году ревностный ученикъ имѣлъ возможность показать свои способности и въ первый разъ пѣлъ передъ многочисленной публикой въ концертѣ Безплатной Музыкальной Школы. Несмотря на грандіозные размѣры всѣмъ извѣстной залы Дворянскаго Собранія, гдѣ давался этотъ концертъ, успѣхъ молодаго пѣвца былъ громадный и выходящій изъ ряда вонъ.

Поощренный этимъ успѣхомъ, Иванъ Александровичъ, оставаясь дѣятельнымъ членомъ Безплатной Музыкальной

школы, усерднѣе прежняго занялся развитіемъ своего голоса, и обратилъ на себя вниманіе Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго, всегда чуткаго къ интересамъ отечественной музыки во всѣхъ ея родахъ. Благодаря его участію, И. А. въ 1871 году удостоился высокой чести пѣть при Высочайшемъ Дворѣ въ день рожденія Государыни Императрицы, гдѣ онъ, между прочимъ, спѣлъ балладу на нѣмецкомъ языкѣ, написанную для одного голоса Принцемъ Ольденбургскимъ.

Въ слѣдующія затѣмъ пять лѣтъ постороннія занятія, поглащая все время И. А., лишали его возможности исключительно посвятить себя горячо любимому имъ пѣнію, и только въ 1866 году онъ снова серьезно принялся за дѣло и сталъ брать уроки пѣнія у профессора Репетто, преподавателя С.-Петербургской Консерваторіи. Успѣхи И. А. были такъ значительны, что уже въ 1867 г. онъ дебютировалъ, какъ мы сказали, на сценѣ Маріинскаго театра.

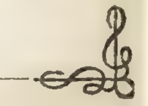
Въ 1869 году имя Ивана Александровича пріобрѣло уже такую извѣстность, что гг. Элла и Бенедиктъ въ Лондонѣ пригласили его пѣть въ концертахъ, устраиваемыхъ ими и въ Хрустальномъ дворцѣ (Cristal Palace) и въ другихъ залахъ столицы Англіи. Пѣніе его приводило англичанъ въ восторгъ, и онъ сдѣлался настоящимъ львомъ тогдашняго сизона.

1871-й годъ занимаетъ очень видное мѣсто въ лѣтописяхъ русской оперы, а также и въ сценической дѣятельности Ивана Александровича. Осенью этого года была возобновлена и заново поставлена опера М. И. Глинки «Русланъ и Людмила», причемъ Дирекція Императ. Театровъ не остановилась ни передъ какими издержками на декоративную часть при постановкѣ этой оперы. Опера по возобновленіи имѣла небывалый успѣхъ благодаря необыкновенному ансамблю, съ какимъ она была исполнена, и въ особенности участію въ ней Ивана Александровича, высту-

пившаго въ первый разъ въ роли Руслана. Обладая высокимъ драматическимъ талантомъ, И. А. создалъ въ лицѣ Руслана истинный типъ древне-русскаго витязя, какимъ представляетъ его народное творчество, такъ что каждое новое представленіе «Руслана и Людмилы» сдѣлалось истиннымъ праздникомъ для любителей національной музыки. И дѣйствительно, никогда, ни прежде, ни послѣ, распредѣленіе ролей не было болѣе удачно. Стоитъ только вспомнить, что партію Фарлафа пѣлъ незабвенный ветеранъ русской оперы О. А. Петровъ, Ратмира—Е А. Лавровская, Финна— Никольскій. Людмилу — Ю. Ф. Платонова, Гориславу—Левицкая; хоры и оркестръ, какъ всегда, были превосходны.

Съ тѣхъ поръ «Русланъ и Людмила» изъ года въ годъ составляетъ лучшее украшеніе русской оперной сцены и на дняхъ состоится 200-е представленіе безсмертнаго творенія Глинки. Не нужно забывать, что еще недалеко то время, когда опера эта считалась гораздо ниже «Жизни за Царя», и если нынѣ взглядъ какъ публики, такъ и музыкальной критики на нее измѣнился, то мы обязаны этимъ исполненію ея въ новомъ составѣ и главнымъ образомъ—участію въ ней И. А. Мельникова. Роль Руслана, по нашему мнѣнію, — лучшая роль въ его репертуарѣ, и кому хоть разъ привелось слышать несравненное adagio «О поле, поле», тотъ никогда не забудетъ высокаго наслажденія, доставляемаго прелестнымъ, полнымъ глубокаго чувства пѣніемъ даровитаго артиста.

Въ слѣдующіе затѣмъ годы Иванъ Александровичъ создалъ превосходный въ художественномъ отношеніи образъ Демона въ оперѣ того же названія А. Г. Рубинштейна. Эта роль также принадлежитъ къ числу самыхъ лучшихъ въ обширномъ репертуарѣ И. А., и новая опера эта, помимо своихъ капитальныхъ достоинствъ, обязана ему значительною долею своего успѣха. Несочувствіе, съ которымъ на

дняхъ встрѣтили эту оперу въ Москвѣ, служитъ нагляднымъ доказательствомъ, какое важное значенiе имѣетъ болѣе или менѣе талантливое исполненiе главной роли (Демона) при постановкѣ этой оперы.

Со смертью О. А. Петрова, представленiе «Русалки» должно было прекратиться, по неимѣнiю исполнителя главной роли — мельника, къ немалому сожалѣнiю многочисленныхъ почитателей таланта покойнаго А. С. Даргомыжскаго. И. А. Мельниковъ, всегда принимающiй близко къ сердцу интересы русской оперы, взялъ на себя эту роль (мельника), не останавливаясь передъ трудностями, сопряженными съ разучиванiемъ такой обширной и притомъ написанной для другаго голоса партiи (партiя написана для баса, голосъ же И. А. — баритонъ). Труды его увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Въ исполненiи Ивана Александровича публика увидѣла типъ мельника совершенно своеобразный и непохожiй на созданный покойнымъ Петровымъ. Драматическiй талантъ, которымъ такъ щедро надѣленъ И. А., особенно даетъ себя чувствовать въ третьемъ дѣйствiи, гдѣ страданiя несчастнаго и безпомощнаго старика изображаются съ такою правдивостью, что невольно заставляютъ зрителя проникнуться его горемъ.

Кромѣ названныхъ, И. А. Мельниковъ участвовалъ еще въ слѣдующихъ операхъ, которыя мы перечислимъ въ хронологическомъ порядкѣ: Лючiа (Доницетти), Трубадуръ (Верди), Травiата (его же), Фаустъ (Гуно), Тангейзеръ (Вагнера), Рогнѣда (Сѣрова), Виндзорскiя Кумушки (бар. Николаи), Нижегородцы (Направника), Ратклифъ (Кюи), Карлъ Смѣлый (Россини), Донъ-Жуанъ (Моцарта), Псковитянка (Римскаго-Корсакова), Гугеноты (Мейербера), Каменный Гость (Даргомыжскаго), Опричникъ (Чайковскаго), Вакула Кузнецъ (его же), Галька (Монюшко), Аида (Верди), Бронзовый Конь (Обера) и Сарданапалъ (Фаминцина). Изъ перечисленныхъ нами оперъ лучшiя роли его—Валентина въ Фаустѣ, Рикардо—въ Пуританахъ, кн. Вяземскаго—въ Оприч-

никѣ, Бориса Годунова, Вольфрама въ Тангейзерѣ, князя Боровскаго—въ Нижегородцахъ и Цингъ-Цинга — въ Бронзовомъ Конѣ.

Одно время Иванъ Александровичъ состоялъ преподавателемъ пѣнія въ С.-Петерб. Консерваторіи, но убѣдившись, что добросовѣстное исполненіе вновь принятыхъ имъ на себя обязанностей не позволяютъ ему всецѣло отдавать свои силы на служеніе русской оперѣ, отказался отъ преподаванія.

Голосъ Ивана Александровича—мягкій, звучный баритонъ, необыкновенно пріятнаго тембра, ровный и одинаковой силы на всемъ протяженіи. Пѣніе его отличается большимъ вкусомъ и замѣчательно ясною фразировкою, обнаруживающими хорошую школу. Широкое пѣніе и плавная кантилена принадлежатъ къ числу наиболѣе любимыхъ имъ формъ. По красотѣ звука трудно найдти на европейскихъ сценахъ такого баритона, какъ И. А. Мельниковъ.

Несмотря на продолжительное пребываніе Ивана Александровича на нашей оперной сценѣ, сочувствіе петербуржцевъ къ его таланту нисколько не охладѣло и каждое появленіе его на сценѣ не обходится безъ шумныхъ овацій со стороны публики, которая, впрочемъ, и внѣ театра старается выразить ему свои симпатіи, нерѣдко въ крайне своеобразной формѣ. Такъ, напримѣръ, весною нынѣшняго года, по окончаніи опернаго сезона, почитательницы таланта Ивана Александровича, въ числѣ пятидесяти особъ, въ нарочно-нанятомъ для того помѣщеніи устроили въ честь его вечеръ, съ музыкой и танцами, на которомъ не было ни одного мужчины, кромѣ виновника торжества.

Иванъ Александровичъ принадлежитъ къ числу тѣхъ артистовъ, для коихъ искуство есть не профессія, ни даже призваніе, а потребность души. Онъ поетъ не потому, что онъ обязанъ пѣть, не потому, что онъ служитъ своему

искуству, а потому, что онъ *не можетъ не пѣть*: это потребность его души, всего его существа.

Для этихъ, такъ сказать, прирожденныхъ артистовъ въ мірѣ вокальномъ, къ которымъ безспорно принадлежитъ и нашъ высокоуважаемый и любимый И. А. Мельниковъ, пѣть значитъ жить, и жить счастливо.

Эта черта характера Ивана Александровича хорошо извѣстна всѣмъ, имѣвшимъ случай узнать его внѣ сценической дѣятельности. Здѣсь артистическая натура Ивана Александровича высказывается во всей ея непосредственной, обаятельной увлекательности, какъ бы служа подтвержденіемъ того, что есть счастіе и внѣ нашихъ земныхъ, такъ сказать, *вѣсомыхъ* благъ: это счастіе въ мірѣ звуковъ, въ которомъ, кажется, только и живетъ нашъ высокоуважаемый И. А. Мельниковъ.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 13 ноября 1879 года.

Протопресвитеръ В. [illegible]

Протопресвитеръ В. Бажановъ.

I.

Василій Борисовичъ

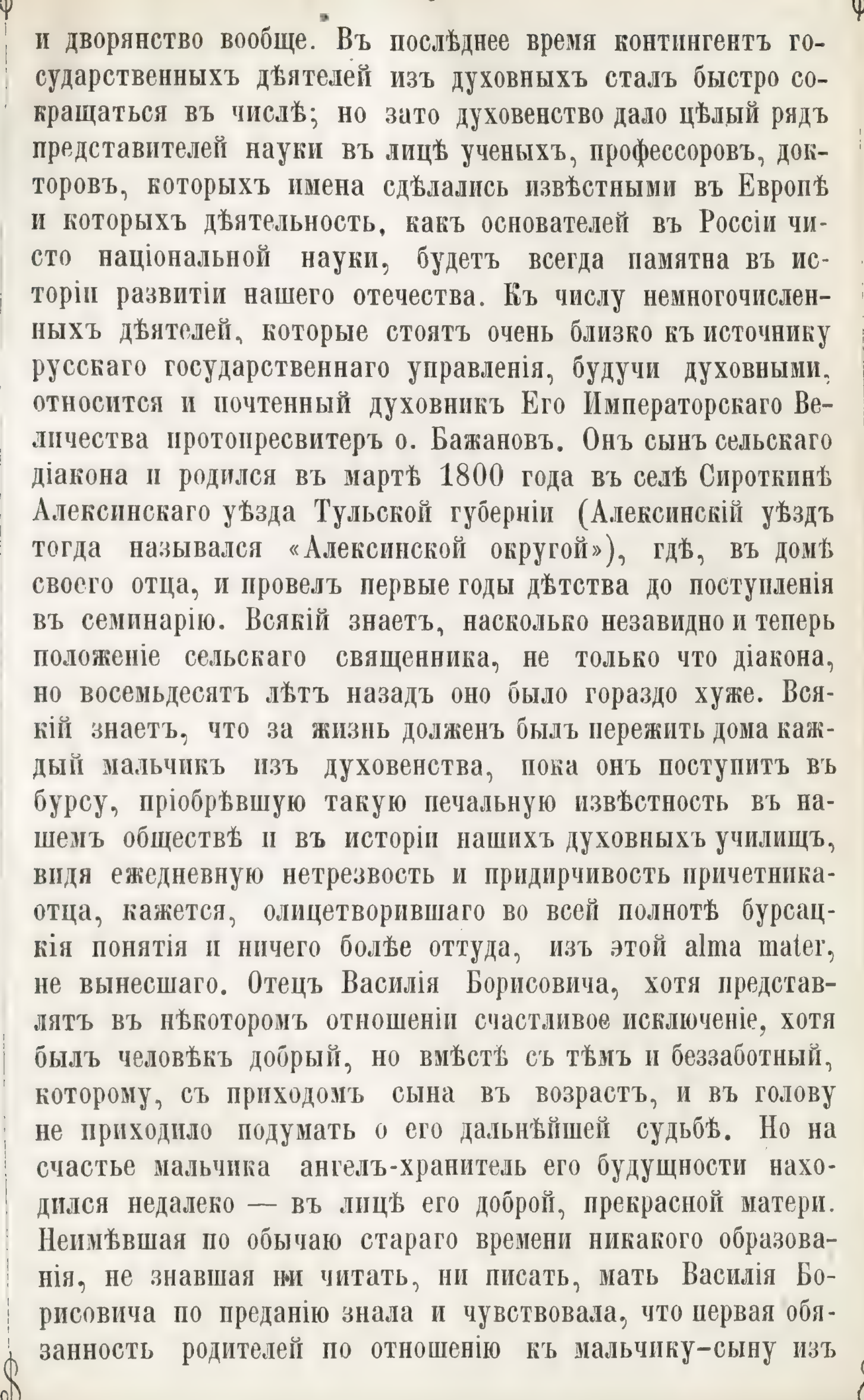
Бажановъ,

протопресвитеръ и духовникъ Его Императорскаго Величества.

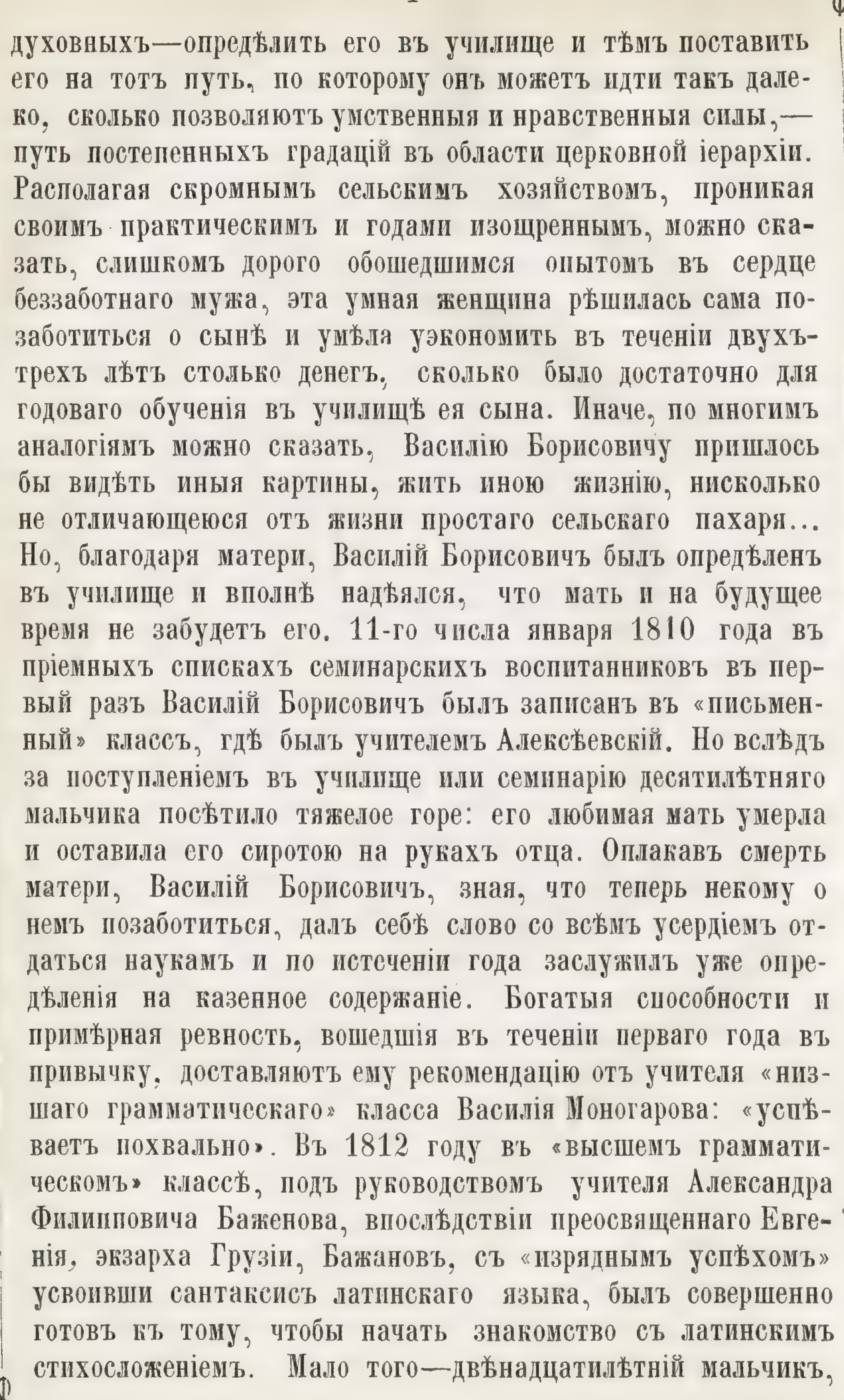
Настоящій годъ въ исторіи и жизни русскаго народа ознаменовался однимъ изъ самыхъ торжественнѣйшихъ историческихъ празднествъ—празднествомъ юбилея двадцатипятилѣтняго славнаго царствованія Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра II. И вся Россія откликнулась на это національное торжество, всѣ, отъ знатнаго сановника до самаго скромнаго русскаго гражданина, отъ мала до велика. Всѣ газеты были наполнены корреспонденціями и сообщеніями о томъ, какъ русскій народъ, какъ вѣрноподданные самыхъ дальнихъ окраинъ обширной русской земли и самыхъ различныхъ національностей изобрѣтали всѣ способы, чтобы увѣковѣчить славную дѣятельность обожаемаго Монарха, и приносили самыя искреннія, самыя горячія мольбы Царю Небесному за Царя земнаго, Царя — воскресителя своего народа, Царя — освободителя родныхъ славянскихъ національностей, Царя — миротворца Европы. При этомъ не были забыты и самые лучшіе сподвижники Государя Императора въ лицѣ Его августѣйшихъ дѣтей и братьевъ и другихъ государственныхъ дѣятелей, которые несли всѣ трудности замѣны однихъ укоренившихся

порядковъ другими новыми. Намъ особенно пріятно напомнить читателю этотъ свѣтлый моментъ русской жизни настоящаго года, въ который сказалась такъ ясно и энергично живучесть русскаго народа въ его готовности отзываться на призывъ благороднѣйшихъ руководителей къ жизни плодотворной, въ умѣніи угадывать и замѣчать смыслъ и направленіе всѣхъ распоряженій, клонящихся къ утвержденію правъ личности и къ одухотворенію общественной организаціи. Вотъ почему мы позволяемъ себѣ украсить первый томъ этого нашего изданія за текущій годъ портретомъ дѣятеля, который не только былъ свидѣтелемъ усвоенія реформы русскому народу, не только самъ принималъ участіе въ ней своимъ сочувствіемъ ко всему благому для роднаго отечества, но и былъ насадителемъ или, по крайней мѣрѣ, вкоренителемъ тѣхъ сѣмянъ правды и добра, которыя заключаются въ ученіи евангельскомъ и которыя являются самымъ характернымъ элементомъ всѣхъ начинаній настоящаго царствованія. Вотъ почему мы рѣшаемся остановить вниманіе читателя на бывшемъ законоучителѣ и теперешнемъ духовникѣ Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича, протопресвитерѣ Василіѣ Борисовичѣ Бажановѣ.

Если прослѣдить русскую исторію отъ начала до конца, то съ первыхъ временъ утвержденія въ Россіи христіанства мы увидимъ вліяніе духовенства на ходъ русскаго историческаго развитія. Иначе и не могло быть; даже въ жизни западныхъ народовъ въ первые вѣка христіанства и долго послѣ роль духовенства была первенствующая, хотя тамъ на развитіе исторіи имѣли вліяніе и другіе элементы, напримѣръ, греко-римская философія и греко-римская литература. Что касается Россіи, то замкнутая въ самой себя до Петра Великаго, она жила почти исключительно религіозною жизнію. Какъ на западѣ первоначально наука вся была въ рукахъ духовенства, такъ точно и русскія духовныя особы были самымъ просвѣщеннымъ и образованнымъ классомъ. и съ ними всегда совѣтовались о политическихъ, государственныхъ и часто семейныхъ дѣлахъ русскіе цари, бояре

и дворянство вообще. Въ последнее время контингентъ государственныхъ дѣятелей изъ духовныхъ сталъ быстро сокращаться въ числѣ; но зато духовенство дало цѣлый рядъ представителей науки въ лицѣ ученыхъ, профессоровъ, докторовъ, которыхъ имена сдѣлались извѣстными въ Европѣ и которыхъ дѣятельность, какъ основателей въ Россіи чисто національной науки, будетъ всегда памятна въ исторіи развитіи нашего отечества. Къ числу немногочисленныхъ дѣятелей, которые стоятъ очень близко къ источнику русскаго государственнаго управленія, будучи духовными, относится и почтенный духовникъ Его Императорскаго Величества протопресвитеръ о. Бажановъ. Онъ сынъ сельскаго діакона и родился въ мартѣ 1800 года въ селѣ Сироткинѣ Алексинскаго уѣзда Тульской губерніи (Алексинскій уѣздъ тогда назывался «Алексинской округой»), гдѣ, въ домѣ своего отца, и провелъ первые годы дѣтства до поступленія въ семинарію. Всякій знаетъ, насколько незавидно и теперь положеніе сельскаго священника, не только что діакона, но восемьдесятъ лѣтъ назадъ оно было гораздо хуже. Всякій знаетъ, что за жизнь долженъ былъ пережить дома каждый мальчикъ изъ духовенства, пока онъ поступитъ въ бурсу, пріобрѣвшую такую печальную извѣстность въ нашемъ обществѣ и въ исторіи нашихъ духовныхъ училищъ, видя ежедневную нетрезвость и придирчивость причетника-отца, кажется, олицетворившаго во всей полнотѣ бурсацкія понятія и ничего болѣе оттуда, изъ этой alma mater, не вынесшаго. Отецъ Василія Борисовича, хотя представлятъ въ нѣкоторомъ отношеніи счастливое исключеніе, хотя былъ человѣкъ добрый, но вмѣстѣ съ тѣмъ и беззаботный, которому, съ приходомъ сына въ возрастъ, и въ голову не приходило подумать о его дальнѣйшей судьбѣ. Но на счастье мальчика ангелъ-хранитель его будущности находился недалеко — въ лицѣ его доброй, прекрасной матери. Неимѣвшая по обычаю стараго времени никакого образованія, не знавшая ни читать, ни писать, мать Василія Борисовича по преданію знала и чувствовала, что первая обязанность родителей по отношенію къ мальчику-сыну изъ

духовныхъ—опредѣлить его въ училище и тѣмъ поставить его на тотъ путь, по которому онъ можетъ идти такъ далеко, сколько позволяютъ умственныя и нравственныя силы,—путь постепенныхъ градацій въ области церковной іерархіи. Располагая скромнымъ сельскимъ хозяйствомъ, проникая своимъ практическимъ и годами изощреннымъ, можно сказать, слишкомъ дорого обошедшимся опытомъ въ сердце беззаботнаго мужа, эта умная женщина рѣшилась сама позаботиться о сынѣ и умѣла уэкономить въ теченіи двухъ-трехъ лѣтъ столько денегъ, сколько было достаточно для годоваго обученія въ училищѣ ея сына. Иначе, по многимъ аналогіямъ можно сказать, Василію Борисовичу пришлось бы видѣть иныя картины, жить иною жизнію, нисколько не отличающеюся отъ жизни простаго сельскаго пахаря... Но, благодаря матери, Василій Борисовичъ былъ опредѣленъ въ училище и вполнѣ надѣялся, что мать и на будущее время не забудетъ его. 11-го числа января 1810 года въ пріемныхъ спискахъ семинарскихъ воспитанниковъ въ первый разъ Василій Борисовичъ былъ записанъ въ «письменный» классъ, гдѣ былъ учителемъ Алексѣевскій. Но вслѣдъ за поступленіемъ въ училище или семинарію десятилѣтняго мальчика посѣтило тяжелое горе: его любимая мать умерла и оставила его сиротою на рукахъ отца. Оплакавъ смерть матери, Василій Борисовичъ, зная, что теперь некому о немъ позаботиться, далъ себѣ слово со всѣмъ усердіемъ отдаться наукамъ и по истеченіи года заслужилъ уже опредѣленія на казенное содержаніе. Богатыя способности и примѣрная ревность, вошедшія въ теченіи перваго года въ привычку, доставляютъ ему рекомендацію отъ учителя «низшаго грамматическаго» класса Василія Моногарова: «успѣваетъ похвально». Въ 1812 году въ «высшемъ грамматическомъ» классѣ, подъ руководствомъ учителя Александра Филипповича Баженова, впослѣдствіи преосвященнаго Евгенія, экзарха Грузіи, Бажановъ, съ «изряднымъ успѣхомъ» усвоивши сантаксисъ латинскаго языка, былъ совершенно готовъ къ тому, чтобы начать знакомство съ латинскимъ стихосложеніемъ. Мало того—двѣнадцатилѣтній мальчикъ,

всего второй годъ обучающійся латинскому языку, занимался даже переводомъ и перифразомъ латинскихъ стиховъ, что въ наше время и для самаго «зрѣлаго» классика-гимназиста сопряжено часто съ большими затрудненіями. Такимъ образомъ, обнаруживая «превосходныя способности» и оказывая «препохвальные успѣхи», Василій Борисовичъ занялъ первое мѣсто въ ученическихъ спискахъ до самаго старшаго, богословскаго класса. Не будемъ однако себя обманывать относительно внутренней состоятельности духовныхъ семинарій тогдашняго времени; образованіе, которое въ нихъ давалось, было крайне неудовлетворительно и еще часто возбуждало вопросы о несовершенствѣ духовныхъ училищъ и необходимости ихъ преобразовать. И, въ самомъ дѣлѣ, что оно могло дать даровитому человѣку? Какой запасъ свѣдѣній выносилъ онъ изъ семинаріи? Въ какомъ направленіи шло его развитіе, съ какимъ направленіемъ онъ вступалъ въ жизнь и чувствовалъ ли въ себѣ призваніе хотя къ какой нибудь полезной дѣятельности? На всѣ эти вопросы приходится отвѣчать самымъ безпощаднымъ отрицаніемъ, что дѣлали и люди, гораздо менѣе насъ отдаленные отъ изображаемой нами эпохи. Даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ выходитъ, что въ первой четверти настоящаго столѣтія наши духовно-учебныя заведенія находились въ самомъ жалкомъ видѣ: ни учебно-воспитательная часть, ни экономическія условія не могли удовлетворять самыхъ невзыскательныхъ требованій, потому что не имѣли полнаго, точно опредѣленнаго и ясно выраженнаго устава, не были поставлены въ связь съ духовными академіями и не давали никакого систематическаго образованія. Введенное въ программу изученіе латинской словесности принесло въ нѣкоторомъ отношеніи семинаріямъ пользу, но съ другой стороны исключительное упражненіе въ ней было причиною того, что изученіе греческой и славянской литературъ, столь необходимыхъ для нашей церкви, стало мало-по-малу ослабѣвать. Правда, въ полный курсъ семинаріи входило множество предметовъ, но часто эти предметы были нестоющими изученія, сухими, схоластичными, мертвящими, и

притомъ, ограниченность ихъ «въ качественномъ и количественномъ отношеніи» не давала почти никакой пищи для ума и другихъ душевныхъ способностей. Тѣмъ не менѣе и этими предметами можно было заниматься отлично, и Василій Борисовичъ въ числѣ двухъ наилучшихъ учениковъ былъ назначенъ въ с.-петербургскую духовную академію. Есть нѣкоторое основаніе предполагать, что товарищемъ Василія Борасовича по семинаріи былъ нынѣшній высокопреосвященный митрополитъ Исидоръ, который, хотя случайно двумя годами позже Бажанова выступилъ на служебное поприще, однако повышался въ степеняхъ параллельно съ нимъ и всю жизнь не переставалъ быть его искреннимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ близкимъ непосредственнымъ другомъ-товарищемъ. Что касается Бажанова, то онъ чуть не сдѣлался жертвою неправильнаго, рутиннаго взгляда одного изъ учителей, который, отдавая полную справедливость успѣхамъ и нравственнымъ достоинствамъ Василія Борисовича, очень энергично противился назначенію его въ с.-петербургскую духовную академію, выставляя благовиднымъ предлогомъ молодость Василія Борисовича, которому однако было уже девятнадцать лѣтъ, и предлагая вмѣсто него другаго, двадцатичетырехлѣтняго претендента. Но голосъ этотъ остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ, а справедливость восторжествовала: мѣстный архіерей и правленіе семинаріи физической зрѣлости соперника предпочли умственную зрѣлость Василія Борисовича, и онъ въ 1819 году поступилъ въ высшее святилище богословскихъ наукъ. Духовныя академіи были поставлены гораздо лучше, чѣмъ низшія духовныя заведенія. Вотъ одинъ изъ отзывовъ обучавшагося въ академіи того времени протоіерея Виноградова: «Учатъ здѣсь хорошо, основательно. Родила и она много людей, отечеству и церкви полезныхъ. Но способъ преподаванія все еще старый, исключая obiectiones et defensiones, которыя не только во времена М. В. Ломоносова, но и въ 1807 году наполняли даже публичныя испытанія и заставляли публику сидѣть и глядѣть на ученую брань. Схоластицизмъ (однако) не вывелся. Богъ знаетъ, не умѣютъ

или не хотятъ монахи своихъ познаній передать? Кажется, они не нѣмцы; тѣмъ только сродно таить отъ учениковъ своихъ многое, дабы не остаться имъ впослѣдствіи безъ куска и пріюта. Слава Богу! съ тѣхъ поръ какъ ввелось новое образованіе по части духовенства, по крайней мѣрѣ, примѣтно прекращается варварство въ наказаніи учащихся. Правда, безъ ужаса и омерзѣнія нельзя вспомнить, какъ жестоко наказывали учениковъ за error въ склоненіи». Особенно оживилась наука богословская во время профессорства въ с.-петербургской академіи о. Павскаго, который внесъ въ изложеніе своего предмета новые взгляды и который былъ предшественникомъ Бажанова на всемъ послѣдующемъ поприщѣ служенія церкви и отечеству. Въ 1823 году Василій Борисовичъ кончилъ курсъ науки духовной академіи со степенью магистра и оставленъ въ ней баккалавромъ нѣмецкаго языка. Вмѣстѣ съ Павскимъ въ это время Василій Борисовичъ Бажановъ несъ труды по изданію журнала «Христіанское Чтеніе», совсѣмъ приходившаго въ упадокъ, Въ 1826 году онъ былъ рукоположенъ во священники 2-го кадетскаго корпуса и опредѣленъ законоучителенъ въ корпусѣ и дворянскомъ полку. Въ 1829 году, оставивъ занятія, какъ баккалавръ духовной академіи, онъ съ 1827 по 1836 годъ состоялъ законоучителемъ въ императорскомъ с.-петербургскомъ университетѣ, въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ и въ высшемъ училищѣ, преобразованномъ впослѣдствіи во 2-ю гимназію. Въ 1830 году о. Бажановъ былъ награжденъ бархатною фіолетовою скуфьею; въ 1832 году за усердную службу въ главномъ педагогическомъ институтѣ съ 1829 года ему былъ пожалованъ брилліантовый перстень въ тысячу рублей. 18-го февраля 1834 года о. Бажановъ былъ награжденъ бархатною фіолетовою камилавкою, 16-го апрѣля 1835 года саномъ протоіерея; 10-го января 1836 года ему было объявлено Монаршее благоволеніе за пожертвованіе въ пользу министерства народнаго просвѣщенія перваго изданія «Нравоучительныхъ повѣстей», составленныхъ имъ по порученію министерства. За отлично-усердную службу и особен-

ные труды въ приготовленіи выпущенныхъ въ первый разъ изъ главнаго педагогическаго института студентовъ, онъ сопричисленъ къ ордену св. Анны третьей степени. Живое, ясное и одушевленное изложеніе евангельскихъ истинъ, отличительное свойство лекцій Василія Борисовича, производило самое благопріятное и благотворное дѣйствіе на умы и сердца слушателей. Заслуга его университету съ примыкавшими къ нему учрежденіями тѣмъ болѣе, что онъ призванъ былъ на каѳедру богословія въ такое время, когда университетъ, переживш͏ій тяжкую годину испытанія, нуждался въ поддержаніи науки на подобающей высотѣ, что съ такимъ успѣхомъ и было выполнено Василіемъ Борисовичемъ относительно богословія. Но особенную извѣстность сдѣлалъ себѣ Бажановъ въ ученомъ мірѣ прекраснымъ курсомъ нравственнаго богословія, озаглавленнымъ: «Объ обязанностяхъ христіанина»; эта книга долго служила руководствомъ при преподаваніи нравственнаго богословія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и пособіемъ въ среднихъ. Сочиненіе обратило на себя вниманіе Двора и много повліяло на дальнѣйшую судьбу Василія Борисовича. Впрочемъ, этому способствовали и нѣкоторыя другія обстоятельства.

Въ ученомъ духовномъ мірѣ были въ тридцатыхъ годахъ двѣ знаменитости: Митрополитъ Филаретъ, пріобрѣвшій такое авторитетное значеніе въ духовной наукѣ каждому извѣстнымъ пространнымъ, православнымъ катихизисомъ, и о. Павскій, законоучитель Государя Наслѣдника, нынѣ царствующаго Государя Императора, который своими лекціями въ высшихъ учебнымъ заведеніяхъ произвелъ уже совершенный переворотъ въ богословскихъ понятіяхъ, а программой Закона Божія, принятой въ руководство въ гимназіяхъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, въ благородномъ университетскомъ пансіонѣ, въ высшемъ училищѣ и инструкціей законоучителю кантонистовъ совершенно овладѣлъ свѣтской сферою преподаванія Закона Божія. Между этими двумя авторитетами возникъ довольно горячій споръ, можетъ быть не совсѣмъ умѣстный по пред-

мету и по сферѣ своего развитія; нужно замѣтить при этомъ, что знаменитый архастырь въ своей полемикѣ съ Павскимъ имѣетъ чуть ли не единственное темное пятно, которое ложится укоромъ на всю его свѣтлую и полезную дѣятельность. Онъ оправдывался возложенной на него саномъ обязанностью строго слѣдить за чистотою православнаго ученія, но все же она, эта обязанность, не давала ему права называть православнаго душой и сердцемъ человѣка чуть не еретикомъ за одно стремленіе примѣняться къ возрасту питомцевъ. Во всякомъ случаѣ высокопреосвященный Филаретъ написалъ подробную критику на всю педагогическую и въ частности законоучительскую дѣятельность Павскаго, обвиняя его въ пристрастіи къ западнымъ неправославнымъ воззрѣніямъ. Этимъ воспользовались враги Павскаго, которыхъ у него было много и среди монашества, и въ самомъ дворцѣ, и не доставало только преемника, чтобы удалить отъ должности законоучителя Наслѣдника престола, человѣка, глубоко вѣрующаго, ученаго и всесторонне образованнаго, обладавшаго свѣтлымъ умомъ, мягкимъ, умиротворяющимъ характеромъ, строгимъ и серьезнымъ пониманіемъ жизни и обязанностей всякаго общественнаго служенія—человѣка, самою личностію своею въ высшей степени добродѣтельнаго и чистаго, способнаго благотворно вліять на нравственное настроеніе своихъ воспитанниковъ—черта драгоцѣнная въ педагогѣ. Но преемникъ скоро нашелся, и притомъ преемникъ достойный—въ лицѣ Василія Борисовича Бажанова, которому Герасимъ Петровичъ Павскій смѣло могъ передать на руки своего Августѣйшаго ученика, котораго рекомендовалъ самъ и который былъ цѣнителемъ и даже носителемъ его богословскихъ взглядовъ. Государь Николай Павловичъ цѣнилъ Павскаго, но онъ не могъ оставаться глухимъ къ голосу такого авторитета, какъ Филаретъ, въ вопросѣ чисто духовнаго свойства и пригласилъ къ его высочеству Наслѣднику Цесаревичу законоучителя. Назначеніе Василія Борисовича на должность законоучителя Наслѣдника Цесаревича состоялось, какъ разсказываютъ слѣдующимъ образомъ. Госу-

дарь Императоръ присутствовалъ въ одномъ учебномъ заведенiи при испытанiи учениковъ по закону Божiю, который преподавалъ Бажановъ. Пе окончанiи испытанiя Государь Николай Павловичъ повелѣлъ призвать Бажанова и объявилъ, что съ завтрашняго дня онъ будетъ законоучителемъ Наслѣдника. Василiй Борисовичъ прiѣхалъ домой и съ восторгомъ разсказывалъ своей женѣ о своемъ назначенiи. Добрая женщина не хотѣла вѣрить своимъ ушамъ, была въ высшей степени возбуждена и не знала, радоваться или нѣтъ высокому назначенiю супруга, потому что одно неосторожное слово въ новомъ положенiи значило, по ея словамъ, очень много: отъ великаго до смѣшнаго только одинъ шагъ. Василiй Борисовичъ успокоилъ ее своей надеждой на Бога и приглашенiемъ Ему молиться. На другой день прiѣхала придворная карета и онъ, сопровождаемый боязливыми взорами супруги, отправился къ исполненiю своей высокой обязанности, которой былъ достоинъ. В. А. Жуковскiй, бывшiй въ это время главнымъ воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича, писалъ отставленному Павскому: «(другимъ) утѣшенiемъ для васъ будетъ то, что вашъ преемникъ вполнѣ заслуживаетъ довѣренности, оказанной ему Государемъ Императоромъ, и что начатое вами святое дѣло довершено будетъ, при благословенiи Божiемъ, съ несомнѣннымъ успѣхомъ». Такимъ образомъ съ 1835 года и по настоящее время Василiй Борисовичъ находится въ непосредственной близости къ престолу. Не будемъ входить въ оцѣнку того влiянiя, которое имѣлъ Бажановъ на Государя Императора въ бытность свою Его законоучителемъ, но скажемъ то же, что говоритъ одинъ изъ бiографовъ о Павскомъ: «будущiй историкъ настоящаго славнаго царствованiя, столь обильнаго дѣлами правды, добра и державной мудрости въ духѣ евангельскаго ученiя, безъ всякаго сомнѣнiя, посвятитъ не одну страницу благодарныхъ воспоминанiй о законоучителѣ Августѣйшаго Виновника славныхъ реформъ послѣдняго двадцатипятилѣтiя».

Остановимся нѣсколько на непосредственномъ участiи Василiя Борисовича Бажанова въ возвышенiи русской науки

и русской церкви. Въ 1836 году онъ былъ избранъ дѣйствительнымъ членомъ Императорской россійской академіи наукъ. Труды Василія Борисовича всѣ сплошь проникнуты постояннымъ стремленіемъ къ просвѣщенію. Кромѣ указанныхъ выше, назовемъ еще «О религіи», «О вѣрѣ и жизни христіанской», за которые духовная академія удостоила его степенью доктора богословія въ 1837 году. Въ 1840 году онъ былъ назначенъ законоучителемъ высоконарѣченной нѣвесты Наслѣдника Цесаревича принцессы Маріи Гессенъ-Дармштадтской, будучи въ тоже время духовникомъ всѣхъ августѣйшихъ дѣтей. Награды быстро слѣдовали за назначеніями, и въ 1840 году Василій Борисовичъ имѣлъ уже орденъ св. Анны второй степени, наперстный крестъ съ драгоцѣнными камнями, орденъ св. Анны второй степени съ императорскою короною. Все это время онъ продолжалъ лекціи по Богословію въ главномъ педагогическомъ институтѣ и 25-го мая 1843 года былъ сопричисленъ къ ордену св. Владиміра третьей степени. 6-го сентября 1845 года онъ однако былъ уволенъ по прошенію отъ должности законоучителя при институтѣ, а чрезъ два года назначенъ законоучителемъ высоконареченной невѣсты Константина Николаевича, принцессы Александры Саксенъ-Альтенбургской. Въ августѣ 1848 года ему ввѣрено управленіе придворнымъ духовенствомъ, а въ декабрѣ того же года Всемилостивѣйше пожалованъ онъ духовникомъ Ихъ Величествъ и протопресвитеромъ придворныхъ соборовъ Зимняго дворца и московскаго Благовѣщенскаго, а въ слѣдующемъ году — членомъ Святѣйшаго Правительствующаго Сѵнода и главнымъ священникомъ гвардіи и гренадеръ. Въ теченіи всего управленія духовенствомъ онъ обнаруживалъ отеческую заботливость къ подчиненнымъ, которые у него встрѣчали всегда ласковый пріемъ и доброе участіе, не чувствуя ни малѣйшей робости въ сношеніяхъ съ начальникомъ, которая составляетъ печальное вѣковое наслѣдіе въ духовномъ званіи. Но вмѣстѣ съ этимъ нельзя не видѣть неуклонной твердости въ управленіи духовенствомъ, которая является отличительной чертой дѣятельности Василія Борисовича Ба-

жанова и при помощи которой устранялась всякая возможность къ нарушенію отлично нравственнаго настроенія священниковъ въ войскахъ гвардіи и гренадеръ. Да и все русское духовенство всегда смотрѣло и смотритъ на протопресвитера Бажанова, какъ на естественнаго защитника его интересовъ предъ престоломъ. Одному изъ священниковъ, лишившемуся мѣста при заграничномъ посольствѣ, когда онъ пріѣзжалъ въ Россію для образованія своихъ дѣтей, и первое время не имѣлъ опредѣленнаго положенія, болѣе пятидесяти голосовъ совѣтовали обратиться къ представительству протопресвитера, но по скромности священникъ не рѣшался этого сдѣлать. Это уже показываетъ, какимъ довѣріемъ пользуется почтенный протопресвитеръ въ эпархіальномъ духовенствѣ. Но мы знаемъ положительный фактъ, гдѣ ходатайство Василія Борисовича спасло отъ нравственнаго униженія одного сельскаго священника, который уже сдѣлался-было жертвою крѣпостнаго безправія. Поселяне всегда смотрятъ на священника, какъ на своего отца и защитника, и потому прихожане отца И..., возмущенные гнусными злоупотребленіями своего помѣщика, обратились къ своему духовнику съ просьбою защитить ихъ. Священникъ отправился съ предстательствомъ за прихожанъ къ архіерею, но получилъ въ нѣкоторомъ смыслѣ благоразумное внушеніе. Это его однако нисколько не смутило; онъ обратился къ исправнику и потомъ опять къ архіерею, но свѣтская власть приняла всѣ мѣры, чтобы заградить уста неспокойному батюшкѣ и довела свое усердіе до того, что отецъ И... очутился въ тюрьмѣ. Онъ не только не достигъ цѣли своего заступничества за крестьянъ, но даже потерялъ для себя лично все, мѣсто и свободу, и только мольба къ почтеннѣйшему отцу протопресвитеру спасла его, и въ настоящее время онъ благополучно священнодѣйствуетъ въ одномъ селѣ Новгородской губерніи, благослсляя своего защитника. Государь Императоръ не могъ не видѣть усердія Василія Борисовича во всѣхъ отношеніяхъ и 22-го апрѣля 1850 года наградилъ его орденомъ св. Анны первой степени, вполнѣ довѣряя ему религіозное воспитаніе (въ 1850

году) государя великаго князя Николая Александровича, въ 1852 году—великаго князя Александра Александровича и въ 1854 году—государя великаго князя Владиміра Александровича. Еще 5-го декабря въ 1848 году Бажановъ получилъ митру и имѣетъ ее въ числѣ немногихъ лицъ изъ бѣлаго духовенства. Въ 1853 году Василій Борисовичъ сопричисленъ къ ордену св. Владиміра втораго класса большаго креста; въ 1857 году избранъ почетнымъ членомъ конференціи с.-петербургской и казанской духовныхъ академій, а въ 1856 году — почетнымъ членомъ императорской академіи наукъ и императорскаго с.-петербургскаго университета. Въ томъ же 1856 г. онъ присутствовалъ на коронаціи бывшаго своего августѣйшаго ученика и получилъ въ этотъ знаменательный день орденъ св. Александра Невскаго, а по возвращеніи съ Государемъ Императоромъ въ С.-Петербургъ имѣлъ счастіе обратить Государя на Его бывшаго законоучителя, Герасима Петровича Павскаго, котораго всегда горячо любилъ и уважалъ, чрезъ что о. Павскій удостоился Высочайшей аудіенціи и драгоцѣннаго брилліантоваго креста изъ кабинета Его Величества. Въ 1857 году Василій Борисовичъ учредилъ первую по времени богадѣльню въ духовномъ вѣдомствѣ, отчасти на своемъ иждивеніи, гдѣ духовныя вдовы и сироты находятъ удобный и обезпеченный пріютъ. Въ 1859 году о. протопресвитеръ Бажановъ пожалованъ алмазными знаками ордена св. Александра Невскаго.

Въ послѣдующее время Василій Борисовичъ Бажановъ, сложивъ съ себя званіе законоучителя и исполняя обязанности свои, какъ духовника Императорскихъ Величествъ и члена Святѣйшаго Сѵнода, принималъ самое дѣятельное участіе въ переводѣ на русскій языкъ библіи съ еврейскаго, которое составляетъ весьма важный фактъ въ исторіи народнаго развитія. Въ этихъ трудахъ засталъ его пятидесятилѣтній юбилей—въ день перваго августа 1873 года, день въ высшей степени счастливый для Василія Борисовича. Въ Царскомъ селѣ, въ присутствіи Государя Императора, юбиляръ совершалъ божественную литургію и передъ нею

благодарственный Господу молебенъ. Одинъ изъ очевидцевъ этого торжества такъ описываетъ душевное состояніе Василія Борисовича Бажанова въ этотъ знаменательный день: «Горяча, искренна была благодарная молитва отца протопресвитера! Въ семьдесятъ слишкомъ лѣтъ жизни, въ пятдесятъ лѣтъ службы, — службы, правда, высоко-почетной, но въ высшей степени трудной и отвѣтственной, Господь хранилъ и сохранилъ досточтимаго Василія Борисовича здравымъ, твердымъ, энергичнымъ и достойно занимающимъ высокій постъ, указанный Царемъ Небеснымъ и Царемъ земнымъ: чувствовалъ, живо чувствовалъ это въ сіи святыя минуты маститый старецъ и слезно, отъ всей полноты души своей, благодарилъ милосердаго Бога. Нельзя было безъ сердечнаго умиленія и слезъ слышать особенную молитву, которую колѣно-преклоненный юбиляръ читалъ въ концѣ этого молебна». Послѣ молебна одинъ изъ сослужителей сказалъ юбиляру привѣтственную рѣчь, а послѣ литургіи самъ Государь Императоръ поздравилъ Василія Борисовича съ днемъ юбилея и съ самымъ почетнѣйшимъ знакомъ своего благоволенія — орденомъ св. Равноапостольнаго князя Владиміра первой степени, въ первый разъ, по словамъ рескрипта, возлагаемаго на протопресвитера. Въ это же самое время въ столицѣ все полковое духовенство собралось въ Преображенскомъ соборѣ и достойно отпраздновало юбилей своего начальника. Послѣ литургіи и молебствія священники написали адресъ Василію Борисовичу и просили согласія въ мѣстѣ родины Василія Борисовича стипендіи для бѣднаго воспитанника одного изъ духовно-учебныхъ заведеній. Самое «празднованіе» юбилея состоялось только на другой день въ скромномъ, собственномъ домѣ Бажанова на Сергіевской улицѣ. Поздравленія, привѣтствія и благожеланія неслись въ этотъ день изъ близкихъ и далекихъ мѣстъ Россіи въ скромный домикъ юбиляра, неслись отъ всѣхъ, начиная съ царскаго престола, разныхъ ученыхъ обществъ, начальниковъ епархій и кончая простымъ сельскимъ пастыремъ. Въ этомъ же день сообщены были юбиляру адресы с.-петербургской духовной ака-

деміи, с.-петербургскаго университета, духовенства гвардейскаго корпуса, московскаго придворнаго духовенства, тульской духовной семинаріи и тульскаго епархіальнаго духовенства, въ которыхъ очерчена вся благотворная дѣятельность Василія Борисовича Бажанова на пользу отечества и которые доставили такое сладкое и пріятное напоминаніе Василію Борисовичу о долговременной жизни, представляющей рядъ блестящихъ событій. Въ Высочайшемъ рескриптѣ говорится: «Сегодня исполняется пятьдесятъ лѣтъ со времени возведенія вашего въ степень магистра богословія. Въ сію знаменательную для васъ годовщину Намъ отрядно обозрѣть многополезное поприще, пройденное вами», и далѣе: «Мы имѣли случай лично узнать и цѣнить высокія качества, которыми вы ознаменовываете всѣ должности, вами проходимыя». С.-петербургская духовная академія въ своемъ адресѣ ставитъ себѣ въ честь, что списокъ ея почетныхъ членовъ украшается именемъ юбиляра, и выражаетъ свою благодарную признательность за участіе, которое всегда оказывалъ юбиляръ къ членамъ ея ученаго сословія. Университетъ говоритъ, что имя юбиляра останется навсегда памятнымъ въ лѣтописи истинныхъ заслугъ на пользу университетскаго образованія. Духовенство гвардейскаго корпуса въ адресѣ выражаетъ свое счастіе, что находится двадцать пятый годъ подъ управленіемъ юбиляра, ознаменованнаго истинно отеческою попечительностію юбиляра, и подноситъ святую икону угодника Божія Василія. Московское духовенство въ своемъ адресѣ признаетъ свое безсиліе изобразить глубину и широту благотворной государственной дѣятельности почтеннаго протопресвитера. Тульская духовная семинарія считаетъ счастіемъ заявить съ своей стороны, что много прежде этого высокопочтимаго пятидесятилѣтія имя юбиляра было извѣстно въ тульской семинаріи, какъ имя отличнаго ея воспитанника. Съ неизъяснимымъ удовольствіемъ прослѣдило начальство семинаріи періодъ обученія юбиляра по семинарскимъ записямъ и нашла не лишнимъ, для полноты торжества, оживить въ памяти юбиляра и нѣчто изъ прекрасно проведеннаго имъ от-

рочества и первыхъ лѣтъ юности, посвященныхъ образованію и воспитанію. Тульское духовенство, родственное юбиляру, свидѣтельствуетъ передъ нимъ чувства удивленія къ неуклонному шествію его отъ совершенствъ къ совершенствамъ и поставленіемъ, наконецъ, рукой блаженной памяти Императора Николая I на высокую степень наставника въ законѣ Божіемъ для наслѣдника Его, благополучно царствующего нынѣ Благочестивѣйшаго Государя Императора. «По благости Царя царей, говоритъ адресъ, при теплыхъ молитвахъ вашихъ, вмѣстѣ съ православною церковью, и при содѣйствіи отеческихъ вашихъ наставленій и примѣра въ христіанской жизни, на престолѣ всероссійскомъ сіяютъ нынѣ всему свѣту, благодареніе Господу Богу, кротость и благочестіе, распространяющія въ предѣлахъ обширнѣйшаго государства свободу и просвѣщеніе, утверждающія всюду судъ и правду съ милостію, служащія предметомъ удивленія и благословеній для многихъ милліоновъ».

Почтеннѣйшій обозрѣватель юбилейнаго торжества о. Желобовскій, утверждаетъ, что, кромѣ означенныхъ, было получено отцомъ протопресвитеромъ отъ Царствующаго Дома и отъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ множество телеграммъ, писемъ и богатыхъ святыхъ иконъ. Достойный почитатель Василія Борисовича Бажанова, онъ замѣчаетъ, что праздникъ юбилея этого былъ праздникъ не сочиненный, не придуманный, не вынужденный и принадлежитъ къ такимъ торжествамъ, которыя оживляютъ душу, пробуждаютъ энергію и располагаютъ къ труду неутомимому и честному.

Въ настоящее время Василій Борисовичъ Бажановъ, продолжая состоять духовникомъ Его Императорскаго Величества, сохраняетъ полную бодрость и свѣжесть и наслаждается сознаніемъ своей долголѣтней, полезной службы отечеству. Отдавши долгъ своего уваженія дѣятельности отца Бажанова этимъ скромнымъ очеркомъ, мы заканчиваемъ пожеланіемъ достойному протопресвитеру еще многихъ лѣтъ плодотворной и драгоцѣнной жизни на пользу церкви и славу отечества.

рочества и первыхъ лѣтъ юности, посвященныхъ образованію и воспи[illegible] Тульское духовенство, родственное юбиляру, сви[illegible] неуклон[illegible] ствамъ [illegible] Импера[illegible] законѣ [illegible] щего н[illegible] благост[illegible] литвахъ [illegible] содѣйст[illegible] христіа[illegible] нынѣ [illegible] благоч[illegible] госуда[illegible] судъ [illegible] нія и [illegible]

По[illegible] лобовс[illegible] лучен[illegible] и отъ [illegible] леграм[illegible] почит[illegible] что [illegible] ный, не придуманный, не вынужденный [illegible] къ т[illegible] торжествамъ, [illegible] душу, пробужд[illegible] труду неутомимому и чес[illegible]

[illegible] доля[illegible] ства[illegible] дает[illegible] чест[illegible] Бажа[illegible] желанie[illegible] плодотворной и драгоцѣнной жизни на пользу церкви и славу отечества.

II.

Графъ Михаилъ Тарiеловичъ Лорисъ-Меликовъ.

Прошли десятки лѣтъ съ того времени, когда русское общество впервые услыхало и узнало фамилiю «Лорисъ-Меликовъ». Это было въ 1848 году. Въ то время еще кипѣла упорная борьба, казавшаяся безконечной, съ кавказскими горцами и туда, на этотъ «погибельный» Кавказъ, мечту юной военной молодежи, стремилось много жизней и силъ русскихъ или искать счастья и военной славы, или сложить свою голову, умереть героемъ. Бывало, конечно, то и другое, но тотъ, кто оставался цѣлъ, всегда, съ восторгомъ вспоминая свою жизнь, могъ смѣло сказать, что прошелъ прекрасную школу жизни, изъ которой человѣкъ съ сердцемъ и умомъ всегда могъ вынести хорошiе задатки. Въ дни кавказской борьбы, тамошняя жизнь не могла представляться, какъ теперь, прiятнымъ препровожденiемъ «сезона», а была преисполнена боевыми треволненiями и лишенiями; часто веселая, задушевная пирушка товарищей, тихая, счастливая жизнь семейнаго очага, прерывались роковыми выстрѣлами и веселье замѣняли слезы, кровь, стоны и вопли. Такая обстановка жизни вырабатывала въ человѣкѣ характеръ, закаляла его, но, въ то же время, не огрубѣвала чувства; она заставляла не только узнать, что такое горе и несчастiе, но и сочувствовать ему, научала опытности, будила умъ и сердце и вела къ сближенiю, товариществу.

Родившись на Кавказѣ, въ 1825 году, Михаилъ Тарiеловичъ Лорисъ-Меликовъ могъ узнать эту жизнь съ ранняго

дѣтскаго возраста, а потому она еще дѣйствительнѣй и сильнѣй могла влiять на него. Родители его, принадлежа къ грузинскимъ дворянамъ, армяно-грегорiанскаго вѣроисповѣданiя, по обыкновенiю тогдашняго времени, конечно, предназначали сына своего къ военной карьерѣ и, озабочиваясь соотвѣтственнымъ такому назначенiю образованiемъ, отдали его въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерiйскихъ юнкеровъ. 1843 году курсъ школы былъ оконченъ и молодой, 18-ти-лѣтнiй, Лорисъ-Меликовъ былъ выпущенъ корнетомъ въ лейбъ-гвардiи Гренадерскiй гусарскiй полкъ. Какъ ни блестяща и заманчива, казалось, была бы для молодаго офицера служба въ гвардейскомъ полку, но родной край и семья, быть можетъ болѣе чѣмъ юныя мечты, манили его къ себѣ и вотъ, по прошествiи четырехъ лѣтъ, въ 1847 г., по полученiи чина поручика, Михаилъ Тарiеловичъ переходитъ на Кавказъ, съ назначенiемъ состоять при главнокомандующемъ кавказскимъ корпусомъ генералъ-адъютантѣ князѣ Воронцовѣ. Будучи знатокомъ военнаго дѣла и умѣя узнавать и цѣнить людей, князь Воронцовъ обратилъ вниманiе на новичка, но немного времени надо было для того, чтобы опытный взглядъ князя увидалъ дѣятельный и энергичный характеръ молодаго человѣка, замѣтилъ же его живой умъ и военныя способности. Этого было достаточно. Воронцовъ сталъ удерживать Михаила Тарiеловича на Кавказѣ, а послѣднiй не замедлилъ оправдать на дѣлѣ мнѣнiе о немъ своего князя-начальника. Въ первый же годъ прiѣзда Лорисъ-Меликова на Кавказъ, началось горячее дѣло съ горцами въ Малой Чечнѣ, куда онъ и былъ отправленъ съ назначенiемъ состоять въ отрядѣ генералъ-лейтенанта Фрейтага. Военныя дѣйствiя затянулись; попавъ въ боевой огонь въ первый разъ въ жизни, Михаилъ Тарiеловичъ не выходилъ изъ него въ теченiи трехъ мѣсяцевъ, съ 18-го ноября 1847 по 18-е февраля 1848 г., участвуя въ дѣлахъ съ горцами почти ежедневно, и выказалъ не только неустрашимость, качество цѣнимое даже, какъ говорится, въ обстрѣленномъ воинѣ, но и отвагу, за что былъ награжденъ чиномъ штабъ-ротмистра и орденомъ Св. Анны

на саблю. Въ томъ-же 1848 г., находясь уже въ составѣ дагестанскаго отряда, бывшаго подъ начальствомъ генералъ-адъютанта князя Аргутинскаго-Долгорукова, Лорисъ-Меликовъ отличался въ дѣлахъ съ 6 іюля по 28 августа, но особую славу доставило ему и сдѣлало его имя извѣстнымъ всей Россіи, дѣло 7 іюля, взятіе штурмомъ сильно укрѣпленнаго аула Гергебиля; за это дѣло онъ получилъ чинъ ротмистра и орденъ Анны 3-й степени съ бантомъ. Затѣмъ наступаетъ какъ бы затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ, но оно продолжается не долго; въ 1849 г. дагестанскому отряду снова приходится браться за работу. Снова война, снова перестрѣлки, вылазки, а иногда жаркій бой съ врагами и неутомимый, неустрашимый молодой Лорисъ-Меликовъ опять не выходитъ изъ огня, то участвуетъ въ лихихъ вылазкахъ, то отличается при устройствѣ редутовъ, батарей, занятіи непріятельскихъ заваловъ, и наконецъ, особенно выказываетъ себя въ дѣлѣ съ Шамилемъ, 1 іюля, при бомбардированіи и штурмѣ укрѣпленія Чахъ. Слѣдующій 1850 г., для него тоже боевой годъ: съ 19 іюля по 16 сентября, онъ постоянно находится въ перестрѣлкахъ и за отличія получаетъ орденъ св. Анны 2-й ст. Зимою 1851 г. на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи началась рубка просѣкъ и открылась зимняя экспедиція, затѣмъ военныя дѣйствія въ Большой Чечнѣ, переходъ р. Аргунъ,— извѣстное пораженіе скопищъ Шамиля и окончательное уничтоженіе отдѣльныхъ отрядовъ горцевъ, предводительствуемыхъ Хаджи-Муратомъ и Магометъ-Аминомъ. Лорисъ-Меликовъ былъ въ этой экспедиціи около 8 мѣсяцевъ, участвуя во всѣхъ главныхъ дѣлахъ. 15 сентября на небольшой отрядъ, состоящій подъ его командой, сдѣлалъ нападеніе многочисленный непріятель, но неустрашимый командиръ не отступилъ передъ грознымъ врагомъ; завязалась горячая схватка и отраженные отовсюду, горцы отступили съ поля сраженія. Дѣло это доставило Лорисъ-Меликову не только большую популярность, но сдѣлало его имя славнымъ между кавказцами и на всемъ Кавказѣ, чего, какъ извѣстно, достигали немногіе. Въ 1852 г., находясь въ соединеніи съ

отрядомъ Бакланова, также извѣстнаго кавказскаго героя, участвуетъ въ блистательномъ дѣлѣ въ Маіортунскомъ лѣсу и въ аттакѣ непріятельской позиціи на Мичинѣ. Но не съ одними черкесами приходилось ему имѣть дѣло, пришлось посчитаться и съ турками: находясь подъ командою генералъ-адъютанта князя Барятинскаго, послѣ дѣла 17 февраля 1853 г. при осадѣ Гордахай, гдѣ Лорисъ-Меликовъ совершенно разсѣялъ отрядъ Шамиля и, затѣмъ, до основанія раззорилъ нѣсколько ауловъ, онъ отличился у Каргаха, на тогдашней кавказско-турецкой границѣ, разбивъ многочисленную турецкую кавалерію, а потомъ, имѣя подъ своей личной командой всего лишь 30 человѣкъ казаковъ, въ аттакѣ близь Баяндурскаго поста, нетолько разбилъ на голову, но и уничтожилъ сильный кавалерійскій турецкій отрядъ. За этотъ послѣдній подвигъ онъ былъ произведенъ въ чинъ полковника. Такимъ образомъ, турецкая кампанія 1853—1856 г. началась при хорошихъ предзнаменованіяхъ для Михаила Таріеловича двумя блестящими дѣлами и полученіемъ чина полковника. Эта новая война, открывавшая новое широкое поприще для славы и подвиговъ, дѣйствительно была для него благопріятной: 13 апрѣля 1854 г., удачное нападеніе на турокъ при Аргунѣ, даетъ побѣдителю орденъ Владиміра съ бантомъ; переступая границы, въ маѣ 1855 г., онъ разбиваетъ турокъ подъ крѣпостью Александрополемъ, совершаетъ подвигъ подъ стѣнами Карса, и наконецъ, отличается въ дѣлѣ 20 декабря, получившемъ названіе: «*молодецкаго дѣла полковника Лорисъ-Меликова*». Въ дѣлѣ этомъ, также какъ и въ 1853 г., Михаилъ Таріеловичъ имѣлъ подъ своей личной командой весьма незначительный отрядъ, состоящій всего изъ 300 казаковъ, но какъ тогда, такъ и на этотъ разъ, малочисленность не помѣшала ему совершенно истребить громаднѣйшую шайку горцевъ, не потерявъ съ своей стороны почти ни одного человѣка; за этотъ доблестный подвигъ герой его былъ награжденъ золотою саблею съ надписью «за храбрость».

Турецкая кампанія, имѣвшая для насъ не совсѣмъ благопріятные результаты въ Крыму, приближалась къ концу и

хотя до полной пріостановки военныхъ дѣйствій происходили еще сраженія, въ которыхъ принималъ участіе Лорисъ-Меликовъ, но перечислять ихъ мы не будемъ. По возвращеніи на Кавказъ, въ 1856 г., т. е. на тринадцатомъ году службы и 31 отъ рожденія, онъ былъ произведенъ въ чинъ генералъ-маіора. Отдыхъ отъ боевой жизни однако-жъ не могъ быть продолжительнымъ, такъ какъ черкесы еще упорствовали въ своей покорности, а ихъ вождь, старикъ Шамиль, напрягалъ всѣ усилія, чтобы отстоять свою независимость. Такое положеніе дѣлъ продолжалось до 1859 г., до времени окончательнаго покоренія всей восточной части Кавказа и взятія 26 августа, въ плѣнъ Шамиля, въ его послѣднемъ убѣжище—Гунибѣ. Не оставался въ бездѣятельности и генералъ-маіоръ Лорисъ-Меликовъ: онъ участвуетъ въ боевыхъ дѣлахъ, опять отличается, за что и удостоивается полученія новыхъ наградъ и Монаршаго благоволенія. Такимъ образомъ, только въ періодѣ съ 1859 и по годъ начала послѣдней турецкой войны, настаетъ какъ бы затишье, интервалъ въ его неутомимой дѣятельности, но если прослѣдить за тѣмъ быстрымъ служебнымъ движеніемъ, которое произошло въ это время: въ 1863 г. производство въ генералъ-лейтенанты, въ 1865—пожалованіе званія генералъ-адъютанта, въ 1875—въ генералъ отъ кавалеріи—и принять во вниманіе, что все послѣднее время передъ войной Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ, находился при Его Императорскомъ Высочествѣ Великомъ Князѣ Михаилѣ Николаевичѣ, то станетъ очевидно, что дѣятельность его перешла только съ боеваго поприща на мирное, которое хотя также не чуждо заслугъ, но не всегда даетъ о себѣ знать.

Итакъ, большая часть служебной дѣятельности Михаила Таріеловича прошла на Кавказѣ; тамъ онъ получилъ почти всѣ чины, начиная съ низшаго ранга и до высшаго, тамъ почти въ безпрерывныхъ бояхъ, въ постоянномъ напряженіи ума и душевныхъ чувствъ, прошло полъ жизни человѣка, начиная съ цвѣтущей, юной поры ея. Все это и тѣ особенности прежней кавказской жизни, о которыхъ замѣ-

чено выше, не могли не оказать большаго вліянія на воспріимчивый, живой умъ, на пониманіе жизни и людей, на образованіе характера и повліять тѣмъ болѣе, глубже и реальнѣе, что всѣ эти стимулы накоплялись постепенно, начиная съ раннихъ лѣтъ. И дѣйствительно, вся дѣятельность графа Михаила Таріеловича Лорисъ-Меликова, до настоящихъ дней, ярко обрисовываетъ всѣ его прекрасныя духовныя качества, которые воспитала въ немъ школа кавказской жизни. Это человѣкъ не только сильнаго ума, но находчиваго, живаго, предусмотрительнаго, не торопящагося ни при какихъ обстоятельствахъ; это характеръ твердый, въ высшей степени подвижной и энергичный, но въ то же время не упрямый и грубый, не надменный и отталкивающій, но мягкій и чрезвычайно симпатичный. Его душѣ не чужды горе, нужда, бѣдствія и страданія другихъ, она отзывчива ко всему этому, потому что давно, и въ жизни дѣйствительной, познала все, а отсюда та доступность, простота въ обращеніи и общительность, которые привлекаютъ къ нему людей даже едва знающихъ его.

«Вы, графъ, говорилъ одинъ духовный ораторъ, обращаясь къ нему съ привѣтствіемъ,—свою служебную дѣятельность, такъ сказать, освящаете особенною какою-то сердечностью, которая всѣхъ привлекаетъ къ вамъ, особенною теплотою присущей, человѣческому сердцу любви, проявляющейся въ законной, конечно, мѣрѣ, даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда отъ вашего единаго слова зависитъ рѣшеніе участи преступнаго и уже осужденнаго человѣка».

Достигнувъ всѣхъ наградъ и высокаго служебнаго положенія лишь благодаря неутомимымъ своимъ трудамъ, во всемъ обязанный лишь самому себѣ, а не какой либо протекціи, онъ умѣетъ отличать и цѣнить трудъ другихъ, а потому наиболѣе свободенъ и самостоятеленъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

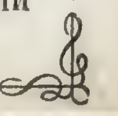
Таковъ нравственный обликъ графа Михаила Таріеловича, таковымъ же проявляется онъ во всей его внѣшней дѣятельности, въ его мѣропріятіяхъ и поступкахъ.

Минувшая русско-турецкая война снова вызываетъ

графа Лорисъ-Меликова къ военной дѣятельности, вовлекаетъ въ давнишнюю и хорошо знакомую ему сферу—въ боевой огонь, на поля битвъ. Но теперь предоставлялось уже иное чѣмъ прежде поприще: прежде—боевой офицеръ, честно и умно исполняющій приказанія начальства и только иногда дѣйствующій самостоятельно, теперь—самъ начальникъ и распорядитель.

Состоя на такомъ посту, какъ командующій отдѣльнымъ корпусомъ, конечно, нельзя уже было заявить о себѣ личными подвигами храбрости, такъ какъ рисковать жизнію было бы дѣломъ нѣсколько неосмотрительнымъ, но за то постъ этотъ давалъ возможность выказать себя въ другомъ отношеніи: имѣя въ своемъ распоряженіи тысячи жизней, надо было умѣть не только направить ихъ силы такъ, чтобы они не пропали даромъ, но чтобы по возможности сберечь ихъ, думать о нихъ. Но и эта новая задача была выполнена Михаиломъ Таріеловичемъ блестящимъ образомъ и такому успѣху содѣйствовали съ одной стороны, прекрасное знаніе военнаго дѣла, пріобрѣтенное многолѣтней опытностью, съ другой, полное знакомство съ тою мѣстностью, гдѣ должны были происходить военныя дѣйствія. Будучи всегда осторожнымъ и осмотрительнымъ, приступая къ дѣлу не иначе, какъ по глубокомъ и всестороннемъ его изслѣдованіи, онъ, въ настоящемъ положеніи не измѣнялъ этому прекрасному правилу. Зная прекрасно турецкій, персидскій, армянскій и грузинскій языки и объясняясь на нихъ совершенно свободно, онъ, съ пользою дѣлу, воспользовался этимъ знаніемъ. Какъ только занималась какая либо мѣстность, графъ Лорисъ-Меликовъ тотчасъ широко раскрывалъ двери своего жилья и дѣлался доступенъ всѣмъ и каждому: самъ принимаетъ всѣхъ вліятельныхъ лицъ изъ туземцевъ, вступаетъ съ ними въ долгую, радушную бесѣду и тутъ же, какъ бы къ слову, ловко распрашиваетъ и узнаетъ отъ нихъ о силахъ и движеніи непріятеля, мало этого, онъ не упускаетъ ни одного случая потолковать, запросто, и съ простолюдинами, встрѣтясь съ ними гдѣ либо на улицѣ, самъ распрашиваетъ плѣнныхъ. Запасшись всѣми свѣдѣ-

ніями и зная, какъ сказано, мѣстность театра войны, онъ уже безошибочно могъ опредѣлять достовѣрность донесеній лазутчиковъ и, затѣмъ, основываясь на собранномъ такимъ образомъ матеріалѣ, онъ строитъ планъ дальнѣйшихъ своихъ дѣйствій. Возможности доставать свѣдѣнія о непріятелѣ сказаннымъ способомъ ни мало содѣйствовала и популярность имени Михаила Таріеловича, пріобрѣтенная гуманнымъ отношеніемъ къ туземцамъ, неустанною заботливостью его не только о своихъ, но и о врагахъ. Туземцы простолюдины, кѣмъ либо обиженные, чѣмъ либо недовольные, нуждающіеся, имѣя свободный доступъ, или обращались прямо къ нему и всегда были выслушаны, по возможности, удовлетворены въ ихъ претензіяхъ; не рѣдко также отпускались имъ на волю и плѣнные турецкіе солдаты, на честное слово, причемъ давалось на дорогу по рублю на человѣка. Всѣмъ этимъ распространялось между туземнымъ населеніемъ не одно только обаяніе имени графа, но и вообще русскаго имени, такъ какъ пріобрѣталась увѣренность въ незлобливости и гуманности русскихъ войскъ и его начальства. Послѣ вышесказаннаго, нужно ли говорить еще объ отношеніяхъ ко ввѣреннымъ его заботливости войскамъ? По свидѣтельствамъ многихъ очевидцевъ, заботливости этой не было границъ; онъ вникалъ во всѣ даже мельчайшія нужды и спѣшилъ удовлетворить ихъ; такъ, объѣзжая Деве-Бойнскую позицію и видя недостатки во многихъ продуктахъ, онъ, въ тотъ же день, отправляетъ своего адъютанта, князя Муранскаго, закупить на свой счетъ все необходимое; послѣ какого либо дѣла, первая мысль его была о предоставленіи раненому всѣхъ возможныхъ удобствъ. Никто, быть можетъ, такъ глубоко не страдалъ и не мучился душевно по случаю какой либо неудачи, какъ онъ:— «вижу, говоритъ одинъ изъ корреспондентовъ, описывающихъ утро слѣдующаго дня послѣ дѣла подъ Зивиномъ, генералъ-адъютантъ Лорисъ-Меликовъ стоитъ у палатки и отдаетъ приказанія. Лицо его было желтое, глаза съ черными кругами вокругъ. Невыразимая печаль и истома запечатлѣлись на этомъ лицѣ—видно было, что командующій

корпусомъ ни на одну секунду не смыкалъ глазъ». Къ счастью и славѣ его, такихъ дней было не много—одинъ упомянутый, и въ немъ-то, можетъ быть, не совсѣмъ повиненъ онъ, а обстоятельства. Трудно допустить, чтобы Михаилъ Таріеловичъ, не будучи вынуждаемъ положеніемъ общаго хода военныхъ дѣлъ, при своей осторожности и личномъ участіи во всемъ, при знаніи превосходной численности противника, рѣшилъ бы самъ, по личной иниціативѣ предпринять это грустное Зивинское дѣло. Думая и готовясь вступить съ непріятелемъ въ борьбу, онъ всегда тщательно провѣрялъ всѣ шансы, лично и неоднократно производилъ рекогносцировки, самъ изучалъ мѣстность, чтобы имѣть возможность лучше воспользоваться ею, какъ для успѣха въ дѣлѣ, такъ и для возможно меньшей потери въ людяхъ. Производя такого рода рекогносцировки, онъ забывалъ о своей личной безопасности, рисковалъ жизнью, и вотъ тому примѣръ. 22 іюля (1877 г.), находясь на рекогносцировкѣ и проѣзжая близь Большой Ягны съ цѣлью ближе ознакомиться съ турецкой позиціей, генералъ былъ осыпанъ непріятельскими гранатами; одна изъ нихъ упала и разорвалась у переднихъ ногъ его лошади, засыпавъ всадника комами земли и осколками, но все обошлось какимъ то чудомъ благополучно. Но и этихъ предварительныхъ ознакомленій было недостаточно для него; начинался бой и корпусный командиръ являлся на полѣ сраженія, лично руководилъ общимъ ходомъ дѣла, находясь не гдѣ либо въ отдаленіи, а въ центрѣ, въ мѣстахъ, осыпаемыхъ какъ градомъ, непріятельскими снарядами; такъ было при штурмѣ Ардагана и въ другихъ дѣлахъ. Вотъ такимъ то исполненіемъ дѣла и объясняется тотъ успѣхъ, съ относительно малымъ урономъ, какой замѣчается во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ графа Михаила Таріеловича.

Хотя событія послѣдней славной войны еще у всѣхъ въ памяти, но мы сдѣлаемъ короткій обзоръ движенія корпуса графа Лорисъ-Меликова.

12 апрѣля 1877 г., графъ Лорисъ-Меликовъ, съ войсками, собранными въ Александрополѣ, вступилъ въ предѣлы

Азіатской Турціи, перейдя границу двумя колоннами. Въ тотъ же день одна изъ этихъ колоннъ дошла до Мулла-Муса, а другая до Бошъ-Шургана, имѣя нѣсколько стычекъ съ непріятелемъ, въ которыхъ было взято въ плѣнъ 7 турецкихъ офицеровъ и болѣе 100 нижнихъ чиновъ. Такимъ образомъ починъ кампаніи былъ удачный. 13 числа колонны дошли до Кишль-Чахчаха, 17 генералъ выступилъ изъ заимскаго лагеря и дошелъ до Визинкева, а 30 апрѣля подступилъ уже къ Ардагану, расположившись съ войсками близь Хевасхора, въ 10 верстахъ отъ крѣпости. На другой день, т. е. 1 мая, графъ Лорисъ-Меликовъ производилъ рекогносцировку съ возвышенности надъ д. Бурдасамъ, противъ Геляверды, куда долетали непріятельскія гранаты, направленныя въ него; дни 2 и 3, ушли на подготовленіе аттаки, 3 и 4, на установку батарей, изъ коихъ одна, предназначавшаяся для бомбардированія крѣпости, заложена была на склонѣ Алагеза. Въ 7 часовъ утра, 5 мая, графъ объѣзжалъ позиціи, а ровно въ 8 была пущена сигнальная ракета и началось бомбардированіе Ардагана. Все время, съ момента начала боя и до окончанія его, командующій корпусомъ не покидалъ поле сраженія, въ самый разгаръ канонады, онъ находился на той возвышенности, откуда производилъ рекогносцировку, гдѣ теперь находилась наша батарея, осыпанная непріятельски снарядами, какъ градомъ, а когда началась общая аттака войскъ, онъ переходилъ на склонъ Алагеза, лично руководить аттакою и подвигаясь шагъ за шагомъ за своими войсками, вмѣстѣ съ ними вступаетъ въ павшій Ардаганъ; здѣсь тотчасъ же отдаетъ распоряженія о призрѣніи раненыхъ, приведеніи въ извѣстность взятаго боеваго имущества и вводитъ гражданское управленіе. Благодаря тщательной рекогносцировкѣ и предварительному артиллерійскому бою, взятіе Ардагана стоило небольшихъ потерь; за взятіе Ардагана, Михаилу Таріеловичу пожалованъ (14 мая) орденъ св. Георгія 3 ст. Въ виду того угрожающаго положенія, какое принялъ Мухтаръ-паша по отношенію къ Тергукасову, графъ Лорисъ-Меликовъ выступилъ изъ Ардагана 8 мая, по направленію къ

Саганлугскимъ высотамъ, 17 прибылъ въ Хаджи-Халиль и зная, что кавалерія Мулы-паши спустилась съ Сангалука, отдалъ приказаніе оттаковать ее; настигнутые въ расплохъ, при селеніи Бегли-Ахисты, турки были разбиты на голову (18 мая). Очистивъ отъ турецкихъ войскъ Карскій Санджакъ и произведя подробныя рекогносцировки Карскихъ укрѣпленій, онъ направляется подъ Зивинъ, гдѣ, 13 іюня, производится аттака укрѣпленнаго турецкаго лагеря, которая, по недостатку силъ, не имѣла желаннаго результата. Послѣ боя у Зивина, графъ Лорисъ-Меликовъ располагается съ своими войсками такимъ образомъ, чтобы лишить Карсъ помощи и облегчить движеніе Тергукасову; 20 числа онъ находится въ Ардаетѣ, а 27 войска его отступили отъ Зивина и направились на соединеніе съ главными силами подъ крѣпостью Карсомъ, гдѣ занимаютъ позицію у Кюрюкдара; 6 августа рекогносцировка, подъ личнымъ руководствомъ графа, противъ войскъ Мухтара-паши, какъ для выясненія его силъ, такъ и для отвлеченія вниманія отъ движенія противъ Измаила-паши; 21, 22 и 23 сентября, сраженіе при Авліярѣ, въ которомъ графъ Лорисъ-Меликовъ находится на правомъ крылѣ, составляющемъ центръ боя, и непосредственно руководитъ его дѣйствіями; 3 октября дѣло на Аладжинскихъ высотахъ противъ арміи Мухтара-паши и разбитіе его на голову, за что, «во вниманіе отличнаго мужества, храбрости и распорядительности», корпусный командиръ былъ пожалованъ (27 октября) орденомъ св. Георгія 2 ст. Трофеямя этой побѣды было: 7 пашей, 100 высшихъ офицеровъ, 32 батареи артиллерійскихъ бригады, 36 орудій и огромное количество военныхъ и продовольственныхъ припасовъ. По прошествіи менѣе чѣмъ мѣсяца, съ 5 на 6 ноября былъ взятъ Карсъ, для чего требовалось составленія самой подробной диспозиціи, такъ какъ крѣпость, имѣя нѣсколько отдѣльныхъ укрѣпленій, дѣлала необходимымъ производить штурмъ съ разныхъ сторонъ. Главная аттака ведена была генераломъ Лазаревымъ, съ востока—Шатиловымъ, а съ запада и сѣвера—Роппомъ, но всѣ распоряженія по штурму предоставлены были Лорисъ-

Меликову, который, на другой день, при въѣздѣ Великаго Князя Михаила Николаевича, у воротъ крѣпости, вручилъ ему ключи г. Карса. Наградою за взятіе Карса было пожалованіе графскаго достоинства. Послѣ взятія Карса, войска наши направились на Эрзерумъ, для обложенія его. Въ происходившемъ по этому случаю военномъ совѣтѣ графу Лорисъ-Меликову предписано было занять важный, въ стратегическомъ отношеніи пунктъ Хиджи и какъ можно тѣснѣе обложить городъ. 29 Декабря, утромъ, онъ вмѣстѣ съ генераломъ Гурчинымъ оставляетъ Карсъ и отправляется подъ Эрзерумъ, въ качествѣ временно командующаго стоящими тамъ войсками.

Такова въ общихъ и главнѣйшихъ чертахъ была дѣятельность его въ минувшую войну, но и эти данныя достаточны для того, чтобы характеризировать не только однѣ заслуги его, но и какъ хорошаго полководца. Послѣдняя война, доставившая гр. Лорисъ-Меликову новую славу. является какъ бы какой-то особой границей: она рѣзко раздѣляетъ его неутомимую и полезную государству дѣятельность на два поприща: военное и гражданское; но такъ какъ о первомъ уже достаточно сказано, то въ заключеніе остается только добавить, что гр. Лорисъ-Меликовъ участвовалъ въ 180 сраженіяхъ и, не смотря на то, что всегда бывалъ въ самомъ жару боя, не только не былъ ни разу раненъ, но и не контуженъ.

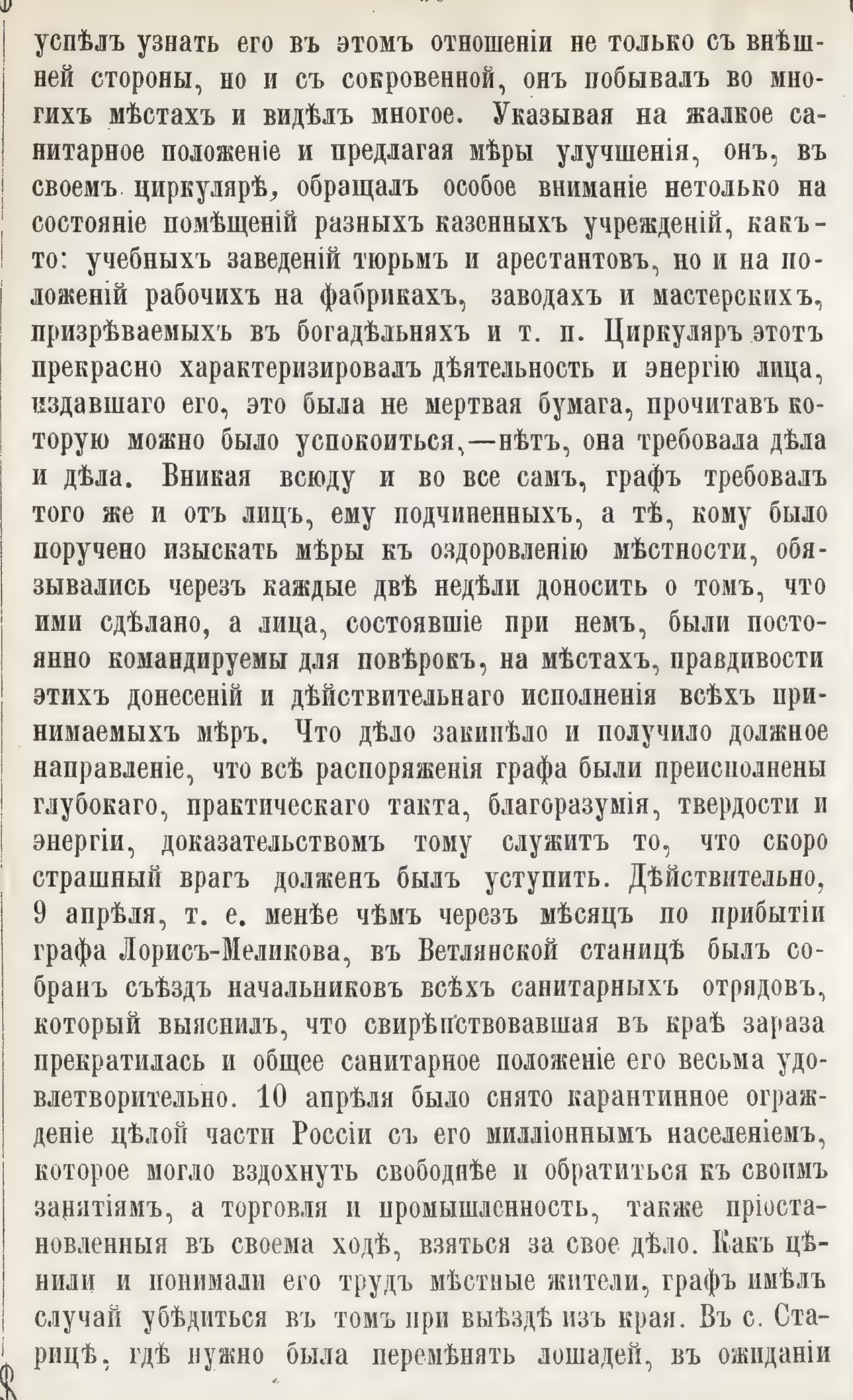
Въ концѣ 1878 года въ обществѣ стали распространяться неясные слухи о какой-то болѣзни, появившейся на востокѣ Россіи, а въ срединѣ декабря впервые было заявлено, что въ Ветлянской станицѣ, Астраханской губерніи, свирѣпствуетъ чума. Извѣстіе это и послѣдующіе за нимъ, не мало встревожили общество, такъ какъ видно было, что болѣзнь эта, не поддаваясь никакому леченію, не смотря на борьбу съ ней мѣстной администраціи, не только не уступала, но все болѣе и болѣе развивалась, расширяя свой районъ.

Въ чемъ именно состояла дѣятельность мѣстныхъ властей, это не входитъ въ планъ настоящаго очерка, но оче-

видно было, что ей недоставало энергіи и находчивости, что она какъ бы ждала чего-то, что дало бы силу и правильное направленіе. Указомъ, даннымъ правительствующему сенату, 25 января 1879 г., графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ временнымъ астраханскимъ, саратовскимъ и самарскимъ генералъ-губернаторомъ для, какъ выражался указъ, «безотлагательнаго принятія мѣръ къ прекращенію обнаружившейся заразы и предупрежденія дальнѣйшаго ея распространенія на другія мѣстности». Высочайше утвержденная инструкція, предоставлявшая ему право дѣйствовать именемъ Государя, между прочимъ, обязывала чиновъ всѣхъ безъ исключенія вѣдомствъ неуклонительно исполнять приказанія и распоряженія графа Лорисъ-Меликова, который имѣлъ право входить въ текущія дѣла губернской администраціи, мѣстнаго хозяйства, судопроизводства, торговли и промышленности, когда дѣла эти имѣли прямое отношеніе къ возложенному на него порученію.

19 февраля 1879 г., въ 3 ч. пополудни, графъ Михаилъ Таріеловичъ прибылъ въ г. Астрахань, гдѣ со стороны жителей встрѣтилъ восторженный пріемъ, а городская депутація, по русскому обычаю, поднесла ему хлѣбъ-соль. Ни мало ни медля, графъ приступилъ къ дѣлу; на другой день пріѣзда онъ принималъ начальниковъ отдѣльныхъ частей, а затѣмъ городскую думу, причемъ обратился къ представителямъ городскаго общества съ нѣсколькими словами, въ которыми выразилъ надежду, что общество окажетъ ему съ своей стороны самое энергическое содѣйствіе въ исполненіи, возложеннаго на него волею Государя порученіе.

Такое вступленіе, конечно, не могло не произвести благопріятнаго впечатлѣнія на всѣхъ тѣхъ, кто, въ силу своего положенія, призывался быть помощникомъ новому главному начальнику, но, въ тоже время не могло быть и принято какъ обычное заявленіе вновь вступающаго лица. Дѣйствительно, еще на пути слѣдованія въ Астрахань, графъ успѣлъ уже обратить вниманіе и замѣтить то ужасное санитарное состояніе, въ какомъ находился край, онъ уже

успѣлъ узнать его въ этомъ отношеніи не только съ внѣшней стороны, но и съ сокровенной, онъ побывалъ во многихъ мѣстахъ и видѣлъ многое. Указывая на жалкое санитарное положеніе и предлагая мѣры улучшенія, онъ, въ своемъ циркулярѣ, обращалъ особое вниманіе нетолько на состояніе помѣщеній разныхъ казенныхъ учрежденій, какъ-то: учебныхъ заведеній тюрьмъ и арестантовъ, но и на положеній рабочихъ на фабрикахъ, заводахъ и мастерскихъ, призрѣваемыхъ въ богадѣльняхъ и т. п. Циркуляръ этотъ прекрасно характеризировалъ дѣятельность и энергію лица, издавшаго его, это была не мертвая бумага, прочитавъ которую можно было успокоиться,—нѣтъ, она требовала дѣла и дѣла. Вникая всюду и во все самъ, графъ требовалъ того же и отъ лицъ, ему подчиненныхъ, а тѣ, кому было поручено изыскать мѣры къ оздоровленію мѣстности, обязывались черезъ каждые двѣ недѣли доносить о томъ, что ими сдѣлано, а лица, состоявшіе при немъ, были постоянно командируемы для повѣрокъ, на мѣстахъ, правдивости этихъ донесеній и дѣйствительнаго исполненія всѣхъ принимаемыхъ мѣръ. Что дѣло закипѣло и получило должное направленіе, что всѣ распоряженія графа были преисполнены глубокаго, практическаго такта, благоразумія, твердости и энергіи, доказательствомъ тому служитъ то, что скоро страшный врагъ долженъ былъ уступить. Дѣйствительно, 9 апрѣля, т. е. менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ по прибытіи графа Лорисъ-Меликова, въ Ветлянской станицѣ былъ собранъ съѣздъ начальниковъ всѣхъ санитарныхъ отрядовъ, который выяснилъ, что свирѣпствовавшая въ краѣ зараза прекратилась и общее санитарное положеніе его весьма удовлетворительно. 10 апрѣля было снято карантинное огражденіе цѣлой части Россіи съ его милліоннымъ населеніемъ, которое могло вздохнуть свободнѣе и обратиться къ своимъ занятіямъ, а торговля и промышленность, также пріостановленныя въ своема ходѣ, взяться за свое дѣло. Какъ цѣнили и понимали его трудъ мѣстные жители, графъ имѣлъ случай убѣдиться въ томъ при выѣздѣ изъ края. Въ с. Старицѣ, гдѣ нужно была перемѣнять лошадей, въ ожиданіи

пріѣзда графа, собралось къ станціи не только все селеніе, которое на этотъ случай разукрасилось флагами, но и крестьяне окрестныхъ деревень и всѣ они въ своихъ безискусственныхъ рѣчахъ благодарили его за дѣятельность по прекращеніи эпидеміи.

Съ окончаніемъ ветлянской заразы совпадаетъ начало наиболѣе безумнаго проявленія дѣятельности, такъ называемаго «общества русскихъ соціалистовъ»—убійства кинжалами, стрѣльбища, взрывы—и вотъ, чтобы положить конецъ этимъ безобразнымъ и безславящимъ Россію явленіямъ, правительство находитъ вынужденнымъ прибѣгнуть къ исключительнымъ, временнымъ мѣрамъ: учреждаются новые генералъ-губернаторства и, наконецъ, Верховная распорядительная коммисія. Еще будучи въ Астрахани, 5 апрѣля 1879 г., графъ Михаилъ Таріеловичъ получилъ новое назначеніе харьковскаго генералъ-губернатора, куда онъ долженъ былъ отправиться изъ Астраханской губ. Это незначеніе, предоставлявшее широкія права власти и болѣе разностороннюю дѣятельность, еще ярче, чѣмъ предшествующее, обнаружило въ графѣ блестящую административную способность и сдѣлало его имя извѣстнымъ въ Россіи всѣмъ и каждому.

Маршрутъ слѣдованія однакожъ былъ нѣсколько измѣненъ и графъ выѣхалъ въ Харьковъ изъ Петербурга, 17 апрѣля, прибывъ на мѣсто 20 числа; на границѣ Харьковской губерніи, на станціи Казачья-Лопань и Деркачи, онъ былъ встрѣченъ обществомъ крестьянъ Удянской и Деркачевской волостей съ хлѣбомъ и солью, а въ самомъ городѣ, помимо должностныхъ лицъ, массою городскаго населенія, наполнявшаго улицы, по которымъ онъ долженъ былъ слѣдовать. Нѣтъ надобности, да и не представляется возможнымъ прослѣдить шагъ за шагомъ всю дѣятельность графа Лорисъ-Меликова на посту харьковскаго генералъ-губернатора, достаточно будетъ указать на нѣкоторыя изъ его распоряженій, едва ли не служившихъ образцомъ для такихъ же распоряженій въ другихъ мѣстностяхъ. Административныя задачи представляются задачами наиболѣе труд-

ными, такъ какъ, имѣя своею ближайшею цѣлью общественное благоустройство, онѣ должны касаться самыхъ живыхъ и чувствительныхъ интересовъ общества, а потому администратору, кромѣ способности, нужно хорошо изучить и самую жизнь. Обладая этимъ послѣднимъ знаніемъ въ высшей степени, графъ Лорисъ-Меликовъ всегда умѣлъ приступить къ дѣлу съ надлежащей стороны и дать ему правильное назначеніе, а его извѣстныя обращенія къ обществу, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, не есть желаніе, какъ, быть можетъ, полагаютъ, искать популярности, а прямое слѣдствіе знанія жизни—это его, такъ сказать, гражданскій, гласный лазутчикъ, съ донесеніями котораго онъ сообразуетъ свою дѣятельность. Отсюда же, та гуманность и большая осторожность, которыя проходятъ черезъ всю послѣднюю его дѣятельность. Имѣя въ послѣдней своей дѣятельности непосредственное соприкосновеніе съ молодежью, попадавшею на преступный путь иногда лишь вслѣдствіе временнаго увлеченія и особыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, онъ не подводилъ все молодое подъ одинъ уровень чего-то опаснаго, вреднаго, что безразлично надлежало подавлять, но тщательно отыскивалъ причину, порождающую зло, изыскивалъ средства къ его устраненію. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ онъ былъ чуждъ произвола, хотя и дѣйствовалъ настойчиво, энергично, а потому-то всякая мѣра и распоряженіе, исходящія отъ его лица, носятъ на себѣ отпечатокъ не только деликатности, но какой-то сердечной теплоты и заботливости. Преслѣдуя разъ избранную цѣль, онъ не упускаетъ изъ виду, повидимому, самыхъ пустыхъ обстоятельствъ и старается устранить все, что такъ или иначе способствовало распространенію зла, нарушало общественное спокойствіе; такъ, воспрещая воспитанникамъ заведеній посѣщать общественные сады кафе-шантаннаго направленія, онъ проситъ содѣйствовать ему родителей, воспитателей, наставниковъ и вообще всѣхъ тѣхъ, на комъ по закону или другимъ отношеніямъ лежитъ священная обязанность воспитанія юношества и нравственная отвѣтственность за будущее его направленіе. «Твердо убѣ-

жденъ, говоритъ графъ Лорисъ-Меликовъ въ своемъ циркулярѣ по этому поводу, что распоряженія мои, направленныя исключительно къ огражденію подростающаго поколѣнія отъ такимъ зрѣлищъ, которыя, преждевременно возбуждая его умъ и воображеніе, не могутъ не вредить и успѣшности ученія, — встрѣтятъ полное сочувствіе и поддержку во всѣхъ благомыслящихъ людяхъ, коимъ физическое и нравственное здоровье юношества и его будущность не могутъ не быть дороги». Факты и дѣйствительность краснорѣчиво говорятъ за то, насколько такія распоряженія и вообще вся послѣдняя дѣятельность графа были цѣлесообразны. Едва ли будетъ ошибка, если мы скажемъ, что графъ первый изъ администраторовъ, рѣшающійся прямо и гласно обвинять дѣйствія нѣкоторыхъ административныхъ установленій, указывать на неправильное пониманіе ими обязанностей и происходящее отъ того общественное неудовольствіе. Такая неправильность въ отношеніяхъ администраціи и общества замѣчена имъ въ дѣйствіяхъ чиновъ полиціи и онъ не только не скрываетъ этого, но выставляетъ на видъ, говоря, что полиція не пользуется должнымъ уваженіемъ со стороны мѣстнаго населенія, что причиною тому дѣятельность самихъ полицейскихъ чиновъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ при столкновеніяхъ съ частными лицами «своими неумѣлыми поступками, грубостью и незнаніемъ своихъ обязанностей подаютъ поводъ къ справедливому неудовольствію и даже противодѣйствію исходящимъ отъ нихъ распоряженіямъ». Послѣ этого не удивительно, что графъ Лорисъ-Меликовъ пріобрѣлъ благорасположеніе не только всего харьковскаго общества, которому онъ предоставилъ тишину и спокойствіе, молодежи, видѣвшей въ немъ не безпощаднаго карателя, а скорѣе добраго совѣтчика и помощника въ трудныхъ обстоятельствахъ, но и всѣхъ вообще, такъ какъ многимъ и весьма многимъ дѣлалъ онъ добро, отеръ слезы скорби.

Если Харьковская губернія, находящаяся подъ непосредственнымъ начальствомъ графа, пользовалась относительнымъ спокойствіемъ, то нельзя было сказать того же

относительно другихъ мѣстностей, гдѣ пропагандисты продолжали безумствовать. Необходимо было положить конецъ такому своеволію злоумышленниковъ; оградить и государство и общество отъ дерзкихъ покушеній на существующій порядокъ, а для того надо было объединить власть въ лицѣ, которое давало одно общее и для всѣхъ обязательное направленіе дѣла. Злодѣйское покушеніе на жизнь Государя Императора, 5 февраля, было, такъ сказать, апоѳеозомъ дерзости злоумышленниковъ, идти далѣе и терпѣть болѣе— было невозможно. 13 февраля 1880 г., по Высочайшему повелѣнію Государя Императора, была учреждена «Верховная распорядительная коммиссія по охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія». Многотрудная задача предсѣдателя этой коммиссіи возложена была державною волею на графа Михаила Таріеловича и онъ оправдалъ это высокое къ нему довѣріе Монарха, онъ не обманулъ тѣхъ надеждъ, которыя возлагала на него вся Россія. И на этомъ высокомъ посту графъ остался вѣрнымъ себѣ, онъ ясно и опредѣленно начертилъ программу предстоящей ему дѣятельности, съ свойственной ему энергіей, но незаносчивостью. «Сознаю всю сложность предстоящей мнѣ дѣятельности, говоритъ онъ въ своей, всѣмъ извѣстной и памятной прокламаціи къ обществу, и не скрываю отъ себя лежащей на мнѣ отвѣтственности. Не давая мѣста преувеличеннымъ и поспѣшнымъ ожиданіямъ, могу обѣщать лишь одно — приложить все стараніе и умѣніе къ тому, чтобы съ одной стороны, не допускать ни малѣйшаго послабленія и не останавливаться ни передъ какими строгими мѣрами для наказанія преступныхъ дѣйствій, позорящихъ наше общество, а съ другой — успокоить и оградить законные интересы благомыслящей его части. Убѣжденъ, что встрѣчу поддержку всѣхъ честныхъ людей, преданныхъ Государю и искренно любящихъ свою родину, подвергшуюся нынѣ столь незаслуженнымъ испытаніямъ. На поддержку общества смотрю, какъ на главную силу, могущую содѣйствовать власти въ возобновленіи правильнаго теченія государственной жизни,

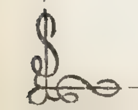
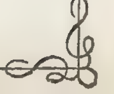
отъ перерыва котораго наиболѣе страдаютъ интересы сама общества».

Но безъ особенно «строгихъ мѣръ», безъ стѣсненія и гнета, даже и послѣ покушенія на жизнь его (20 февраля), безъ насилій, а духомъ любви, гуманности, благоразумія и громаднаго такта, совершилъ онъ свой подвигъ «успокоенія общества, огражденія государства и возобновленія правильнаго теченія его нарушенной жизни». Высочайшимъ указомъ, даннымъ Правительствующему Сенату 6 августа 1880 г., въ виду достигнутаго объединенія дѣйствій всѣхъ властей для борьбы съ крамолою, повелѣвалось: Верховную распорядительную коммиссію закрыть, передавъ дѣла оной въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и въ то же время, находившееся во временномъ подчиненіи графа Лорисъ-Меликова, III-е отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи упразднить, съ передачею дѣлъ его въ вѣдѣніе того же министерства. Наградою за этотъ высокій гражданскій подвигъ служенія государству, графъ Михаилъ Таріеловичъ Лорисъ-Меликовъ былъ награжденъ высшимъ государственнымъ орденомъ Андрея Первозваннаго, препровожденнымъ къ нему при рескриптѣ Государя, преисполненномъ самыхъ милостивыхъ выраженій и благодарности.

Слагая съ себя званіе предсѣдателя Верховной распорядительной коммиссіи, графъ Михаилъ Таріеловичъ занялъ не менѣе высокій постъ въ государствѣ: упомянутымъ выше указомъ Сенату 6 августа онъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, каковую должность занимаетъ и въ настоящее время. Не смотря на краткость срока новаго поприща дѣятельности графа Лорисъ-Меликова, уже и теперь представляется возможнымъ отмѣтить два весьма отрадныхъ факта: обѣщаніе графа «раздвинуть стѣны» подвѣдомственныхъ ему учебныхъ заведеній, чтобы дать возможность юношеству найти образованіе и предоставленіе печатному слову наибольшей свободы, чѣмъ та, которой она пользовалось до селѣ, съ надеждой возврата прежнихъ правъ. Это первые шаги, въ дальнѣйшемъ Россія и общество ожидаютъ мно-

гихъ благихъ распоряженій и преобразованій, но это дѣло будущаго.

Въ заключеніе, для большаго освѣщенія прилагаемаго нами здѣсь портрета, приводимъ внѣшній очеркъ личности графа Михаила Таріеловича, сдѣланный однимъ лицомъ, близко его знающимъ: графъ Лорисъ-Меликовъ «средняго роста, брюнетъ, съ замѣтной просѣдью, съ смуглымъ, продолговатымъ лицомъ, густо зарощенными длинными бакенбардами и усами. Украшеніемъ лица служатъ большіе, черные, выразительные глаза. Наружность его вообще очень чутка къ душевнымъ впечатлѣніямъ и когда улыбка появляется иногда на губахъ, глаза быстро загараются веселостью и всѣ складки лица смѣются. Такія наружности, обыкновенно вызываютъ симпатію и дышатъ умомъ; въ нихъ менѣе всего грубаго или произвола».

гихъ благи [illegible]
будуща [illegible]

Въ [illegible]
нами [illegible]
графа [illegible]
близко [illegible]
роста, [illegible]
долгов [illegible]
бардам [illegible]
ные, [illegible]
чутка [illegible]
являет [illegible]
лосты [illegible]
обыкн [illegible]
нихъ [illegible]

III.

Графъ Карлъ Васильевичъ

Нессельроде.

Отецъ Карла Васильевича Нессельроде, происходившій изъ дворянской нижнерейнской фамиліи, былъ русскимъ посланникомъ въ Лиссабонѣ, когда у него родился сынъ, въ 1780 году. Закончивъ подлежащее образованіе, Карлъ Васильевичъ поступилъ на службу во флотъ въ 1796 году; при Павлѣ I перешелъ въ гражданское вѣдомство, а потомъ, въ слѣдующее царствованіе дѣйствовалъ на дипломатическомъ поприщѣ. Въ 1807 году онъ былъ извѣстенъ, какъ совѣтникъ посольства въ Парижѣ, какъ одинъ изъ дѣятельныхъ дипломатовъ священнаго союза, сопровождалъ императора Александра I на конгрессы ахенскій, троппаускій, лайбахскій и веронскій. Но онъ, графъ Нессельроде, сталъ особенно виднымъ дѣятелемъ съ 1812 года, будучи статсъ-секретаремъ Государя Императора. 13 марта 1812 года онъ представилъ на Высочайшее усмотрѣніе докладъ, изъ котораго видно было, что австрійскій уполномоченный баронъ Лебцельтернъ категорически увѣрялъ, что «до сихъ поръ нѣтъ никакого соглашенія, никакого формальнаго союза между Франціей и Австріей; онъ утверждалъ, что Австрія желаетъ сохранять дружескія отношенія къ Россіи, хотя съ 1809 года Россія дѣйствовала несправедливо въ отношеніи своей прежней союзницы. „Держава, заключалъ графъ Нессельроде, которая, не взирая на семейныя узы съ Наполеономъ, ищетъ поддержки нашей политики въ отношеніи Фран-

ціи, не можетъ быть тайнымъ другомъ послѣдней». Эти слова были написаны графомъ Нессельроде подъ впечатлѣніемъ вышеупомянутаго категорическаго заявленія Лебцельтерна; очевидно, графъ становится на сторону Австріи, довѣряетъ Австріи, защищаетъ Австрію, съ которой ему приходилось имѣть болѣе всего дѣла въ своей жизни. Во всякомъ случаѣ видно, что по мнѣнію графа Нессельроде, въ рукахъ русскаго правительства было предупредить заключеніе союза между Австріею и Франціею. Онъ съ Штакельбергомъ оправдывалъ союзъ Австріи съ Наполеономъ. Но въ 1813 году онъ уже доказывалъ, что поведеніе Вѣнскаго двора болѣе, чѣмъ двусмысленно: пусть Австрія, восклицаетъ онъ, въ эту торжественную минуту соединится съ ними! Пусть она внемлетъ голосу своихъ дѣйствительныхъ друзей, пусть она прислушается къ голосу своихъ народовъ, и Франція будетъ побѣждена». Что касается Россіи, пишетъ онъ Штакельбергу 12-го марта 1813 года, то самолюбіе Императора Александра будетъ удовлетворено, если удастся возвратить Европѣ спокойствіе, счастіе и равновѣсіе, которыхъ она лишилась благодаря Франціи». «Я повторяю, заключаетъ онъ, пусть Австрія намъ по крайней мѣрѣ подробно и точно скажетъ, какую цѣль имѣетъ въ виду ея политика. Наша честь, да и нашъ интересъ гарантируютъ соблюденіе тайны. 13 мая графъ Нессельроде имѣлъ по этому вопросу первое совѣщаніе съ австрійскимъ уполномоченнымъ графомъ Стадіонномъ. Но такъ какъ конфиденціальныя сообщенія Стадіона были очень отличны отъ оффиціальной ноты, то, для лучшей связи судьбы Австріи съ судьбою уже воевавшихъ противъ Наполеона державъ, графу Нессельроде пришлось предпринять поѣздку въ Гочинъ для личныхъ переговоровъ съ Меттернихомъ. Однако бесѣды съ нимъ и даже съ Императоромъ подтверждали смыслъ ноты, и на графа Нессельроде выпалъ весь трудъ убѣдить Вѣнскій дворъ къ подписанію формальнаго договора, опредѣлявшаго основанія нашего союза съ Австріей и разрыва съ Наполеономъ. Со стороны Австріи были предложены слѣдующія условія мира и союза: уничтоженіе варшавскаго герцогства, возстанов-

леніе Пруссіи, возвращеніе Австріи Иллирійскихъ провинцій, отказъ Франціи отъ протектората надъ рейнскимъ союзомъ, возстановленіе ганзейскихъ городовъ Гамбурга и Любека; эти условія по возвращеніи графа Нессельроде въ главную квартиру союзныхъ войскъ были приняты. Въ дѣлахъ отъ 1-го января 1814 года графъ Нессельроде полагаетъ, что при заключеніи мира лучше уступить Франціи въ какомъ нибудь территоріальномъ вопросѣ, нежели допустить вмѣшательство ея въ устройство областей, освобожденныхъ изъ подъ ея власти. Императоръ Александръ I вполнѣ соглашался съ нимъ. Отправляя графа Нессельроде на Вѣнскій конгрессъ, Государь далъ ему замѣчательную инструкцію, съ подробнымъ планомъ дѣйствій на конгрессѣ; въ этой инструкціи онъ совершенно откровенно выражаетъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ Европѣ. Государь категорически заявляетъ, что варшавское герцогство беретъ въ вознагражденіе за образъ дѣйствій, и проситъ державы не вмѣшиваться въ устройство этой его провинціи. Какую услугу отечеству оказалъ графъ Нессельроде по присоединенію къ Россіи Варшавскаго герцогства, видно изъ слѣдующаго. Когда въ 1813 году дѣло шло о возстановленіи Варшавскаго герцогства—Наполеонъ уже давно тѣшилъ поляковъ этой мечтою и Императоръ Александръ I колебался относительно удовлетворенія завѣтныхъ надеждъ мятежной Польши, — графъ Нессельроде представилъ на Высочайшее усмотрѣніе мемуаръ, въ которомъ устанавливалъ слѣдующія пять положеній: 1) возстановленіе варшавскаго герцогства, если оно послѣдуетъ въ началѣ 1813 года, весьма незначительно увеличитъ средства борьбы противъ Франціи; 2) оно вызоветъ безпрерывные раздоры и ревность противъ Россіи со стороны державъ, союзная помощь которыхъ совершенно необходима для Россіи; 3) непосредственнымъ послѣдствіемъ его будетъ потеря нѣсколькихъ провинцій; 4) эта мѣра въ высшей степени противна желаніямъ русскаго народа и 5) на основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній возстановленіе Польши совершенно противорѣчитъ интересамъ Россіи. Съ какой бы точки зрѣнія ни разсматривать этотъ докладъ,

нельзя не придти къ убѣжденію, что графъ обнаружилъ въ немъ значительную долю политической прозорливости и глубокое уваженіе къ интересамъ Россіи. Онъ не могъ не замѣтить, на сколько всѣ открытія князя Чарторыжскаго основываются на мотивахъ, не имѣющихъ ничего общаго съ законами русскаго народа, князь ловко умѣлъ пользоваться дружескимъ расположеніемъ, которое къ нему питалъ Государь. Вотъ потему съ такимъ воодушевленіемъ и твердостію графъ Нессельроде на первой же конференціи объявилъ, что Россія намѣрена присоединить варшавское герцогство. Нессельроде постоянно писалъ отчеты о конференціонныхъ засѣданіяхъ. Но по оканчаніи засѣданій, въ докладѣ отъ 20 февраля 1815 года графъ высказывалъ неудовольствіе за рѣшеніе польскаго вопроса. Конечно, такой защитникъ присоединенія Польши къ Россіи не могъ удовлетвориться неполнымъ успѣхомъ своего дѣла. Его политическіе кзгляды были на столько тверды, что и разрѣшеніе вопросовъ саксонскаго и германскаго онъ нашелъ несправедливыми. «Еслибы, говоритъ онъ—къ Пруссіи были присоединены Саксонія, Германія представляла бы однородный политическій организмъ и могла противостоять Франціи въ попыткахъ вмѣшиваться въ ея дѣла». Въ силу этихъ и подобныхъ соображеній онъ соглашенія державъ считалъ неустойчивымъ, обнаружившимъ лишь коварное поведеніе австрійскаго министерства, интриги Франціи, зависть Англіи и колебанія прусскаго кабинета.

При составленіи главнаго трактата послѣ конгресса графъ Нессельроде былъ съ княземъ Разумовскимъ и графомъ Штакельбергомъ. Императоръ Александръ былъ глубоко убѣжденъ, что союзъ четырехъ великихъ державъ, утвержденный трактатомъ 5-го ноября 1815 года, долженъ служить крѣпкимъ основаніемъ для европейскаго мира. Поэтому вся политика Россіи въ это время была направлена къ закрѣпленію дружественныхъ узъ. Съ этой цѣлію Императоръ часто писалъ собственноручныя письма къ императору Францу. Съ особенною же убѣдительностію и рвеніемъ развивалъ мысли Императора графъ Нессельроде, который желалъ страст-

но мира и въ этомъ желаніи хотѣлъ даже безусловно довѣрять союзницамъ. Но графъ Капидострія относился съ гораздо большимъ недовѣріемъ къ политическимъ стремленіямъ Вѣнскаго кабинета, которымъ неограниченно руководилъ Меттернихъ. А нашъ вѣнскій посланникъ графъ Штакельбергъ былъ до мозга костей проникнутъ подозрительностію къ Меттерниху. Поэтому графъ Нессельроде, въ письмѣ отъ 3-го апрѣля 1817 года, упрекалъ Штакельберга за рѣзкость выраженія мнѣній и «безпощадность къ тѣмъ, которые также думаютъ, что истина на ихъ сторонѣ». Графу Штакельбергу представляли на видъ, что онъ долженъ убѣждать другихъ не своимъ авторитетомъ, а увлекательностію доводовъ.

Будучи уже въ 1817 году управляющимъ департаментомъ иностранныхъ дѣлъ, графъ Нессельроде, вмѣстѣ съ графомъ Каподистрія, былъ уполномоченнымъ Россіи на конгрессѣ въ силезскомъ городкѣ Троппау въ 1820 году. Русскіе уполномоченные не могли не замѣтить, что австрійскій канцлеръ опровергалъ въ засѣданіяхъ ихъ предложенія, чтобы впослѣдствіи къ нимъ возвратиться опять, но какъ уже къ своимъ. Графъ Нессельроде поддавался тактикѣ и идеямъ Меттерниха; онъ готовъ былъ идти навстрѣчу австрійскимъ проектамъ и соединиться съ вѣнскимъ кабинетомъ противъ революціи; но въ этомъ случаѣ и графъ Каподистрія не уступалъ ему въ довѣрчивости. Даже самъ Императоръ, послѣ заключенія іюльской конвенціи, въ 1828 году, на докладѣ графа Нессельроде написалъ собственноручно: да будетъ 1000 разъ благословенъ Богъ и понадѣемся, что все пойдетъ къ лучшему!» Такъ были чисты намѣренія нашего правительства и такъ велико было ихъ довѣріе къ союзникамъ. Но русскому правительству очень скоро пришлось разубѣдиться въ искренности Австріи. Когда Россія вступила въ войну съ Турціей, державы, въ томъ числѣ и Австрія, предположили помѣшать успѣху русскаго оружія. Графъ Нессельроде телеграфировалъ Татищеву, что отношенія между Россіей и Австріей ухудшаются съ каждымъ днемъ. При этомъ онъ увѣрялъ, что вмѣшательство четырехъ дер-

жавъ было бы ничѣмъ инымъ, какъ коалиціей противъ Россіи, которая однако готова защищаться до послѣдней степени; условія же мира при европейскомъ вмѣшательствѣ могутъ сдѣлаться еще болѣе тяжелыми для Турціи. Послѣ этого и былъ заключенъ знаменитый Адріанопольскій миръ.

На престолъ вступилъ Императоръ Николай, который также награждалъ графа Нессельроде своимъ довѣріемъ. Императоръ австрійскій поздравлялъ Императора Николая съ славнымъ окончаніемъ войны, но упрекалъ Россію въ разстройствѣ союза четырехъ державъ, что вслѣдствіе этого революціонный духъ въ Европѣ распространяется. Государь Императоръ приказалъ объявить, что Вѣнскій кабинетъ самъ разстроилъ союзъ потворствомъ Турціи. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ за 1829 годъ, графъ Нессельроде также подвергалъ политику вѣнскаго кабинета строгой критикѣ. Такимъ твердымъ и обдуманнымъ образомъ дѣйствій графъ Нессельроде заставилъ наконецъ, Меттерниха сознаться, что только въ союзѣ съ Россіей Австрія можетъ пріобрѣсть рѣшительное вліяніе на положеніе дѣлъ въ Европѣ. Графъ Нессельроде старался сохранить дружескія отношенія по возможности со всѣми государствами, но относительно Англіи онъ ничего не могъ сдѣлать. Поэтому онъ рѣшилъ воспользоваться возникшимъ въ то время бельгійскимъ вопросомъ, который считалъ единственнымъ, гдѣ Россія можетъ разсчитывать на содѣйствіе Англіи. 25 октября 1830 года онъ заявлялъ, что русское правительство согласно требовать отказа Франціи отъ притязаній на подчиненіе Бельгіи: 1) если король голландскій того потребуетъ, 2) если Англія отнесется съ большею справедливостію къ голландцамъ и 3) если континентальныя державы согласятся на счетъ мѣръ для защиты Голландіи. Занятіе голландской территеріи французскими или англійскими войсками онъ считалъ за casus belli—въ концѣ 1832 года.

Въ 1829 году, какъ членъ комитета для изученія вопроса о распаденіи имперіи Османлисовъ, графъ Нессельроде представилъ замѣчательный меморандумъ, въ которомъ доказывалъ, на сколько въ интересахъ Россіи нежелательно

разрушенія Турціи. На основаніи строго логическихъ соображеній, онъ предлагалъ созвать въ С.-Петербургѣ международный конгрессъ для рѣшенія участи земель, входящихъ въ составъ Турціи, если послѣдняя окончательно распадется. Однако имъ, какъ вице-канцлеромъ Его Величества Императора Россійскаго, была подписана конвенція, направленная къ раздѣленію Оттоманской имперіи, 18-го сентября 1833 года. Значитъ, его слова нужно считать только необходимымъ предостереженіемъ отъ возможныхъ увлеченій.

Графъ Нессельроде былъ ревностнымъ поборникомъ мѣръ противъ революціи. Еще въ 1832 году онъ осуждалъ французское правительство за потворство революціонерамъ. Онъ говорилъ, что французское правительство, не имѣя ни силы, ни авторитета, держится только посредствомъ лести тщеславію врага всѣхъ правительствъ. Онъ призывалъ Австрію и Пруссію къ соглашенію съ Россіею относительно взаимной помощи противъ враговъ общаго порядка. Графу Нессельроде не легко было устранить всѣ препятствія воздвигнутыя со стороны нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ при Берлинскомъ дворѣ. Но наконецъ онъ достигнулъ того, что, подъ условіемъ сохраненія глубочайшей тайны, была подписано уполномоченными трехъ державъ Берлинская конвенція 15 октября 1833 года.

Произведенный въ дѣйствительные тайные совѣтники, графъ 13-го іюля 1840 года подписалъ конвенцію, обезпечивающую свободу судоходства по Дунаю.

Послѣ этого Карлъ Васильевичъ Нессельроде принималъ участіе во всѣхъ извѣстныхъ событіяхъ, оправдывая пріобрѣтенное имъ названіе искуснаго дипломата, пока, наконецъ, назначенъ былъ государственнымъ канцлеромъ, въ какомъ званіи и оставался до 15-го апрѣля 1856 года. Теперь онъ въ своемъ лицѣ соединялъ власть и внутреннюю, и внѣшнюю, и по возможности удовлетворялъ своей высокой роли. Послѣ же означеннаго срока онъ взялъ отставку и умеръ въ С.-Петербургѣ, въ 1862 году.

IV.

Князь Александръ Васильевичъ Суворовъ-Италійскій.

(1729—1800).

Имя нашего великаго полководца Александра Васильевича Суворова пользуется не только всесвѣтною славою, но и огромною популярностью среди всѣхъ классовъ общества въ Россіи. Его громкіе подвиги, оригинальный складъ характера, простота привычекъ, отеческія отношенія къ солдатамъ—все это вмѣстѣ способствовало къ тому. Въ воображеніи народа мало-по-малу сложился типъ какого-то чудо-богатыря, для котораго не существуетъ ни преградъ, ни трудностей, который все преодолѣваетъ, которому все подчиняется и который у ступеней трона остается все тѣмъ же прямодушнымъ солдатомъ-рубакой, который спитъ на голой землѣ, встаетъ до пѣтуховъ и рубитъ правду-матку не стѣсняясь въ глаза. Анекдотовъ, рисующихъ своеобразный характеръ Суворова существуетъ цѣлая бездна. Если бы мы позволили себѣ привести здѣсь хоть половину ихъ, то принуждены были бы написать цѣлую книгу. Кромѣ того, мы рисковали бы дать нашимъ читателямъ исключительно матеріалъ, извѣстный имъ съ дѣтства. Потому мы выбираемъ иной путь и ограничиваемся бѣглой замѣткой въ хронологическомъ порядкѣ, намѣчающей главные моменты жизни и дѣятельности Суворова.

Суворовъ родился въ 1729 году, 13 ноября, въ Москвѣ. Суворовы происходили отъ шведской дворянской фамиліи,

Князь [illegible]

Суворовъ-Италійскій.

[illegible]

Имя нашего [illegible] Суворова [illegible] огромной [illegible] въ Россі[illegible] характера, п[illegible] датамъ—все [illegible] ображеніи на[illegible] чудо-богатыря, для котораго не существ[illegible] ни трудностей, которыя все преод[illegible] подчиняется и который у ступеней [illegible] же прямоду[illegible] голой землѣ [illegible] не стѣсняя[illegible] ный харак[illegible] бы мы поз[illegible] то принуж[illegible] того, мы [illegible] тельно матер[illegible] выбираемъ иной путь и [illegible] въ хронологическомъ порядкѣ, [illegible] жизни и дѣятельности Суворова.

Суворовъ родился въ 1729 году, 13 ноября, въ Москвѣ. Суворовы происходили отъ шведской дворянской фамиліи,

Александръ Суворовъ

переселились въ Россію въ царствованіе Михаила Θеодоровича. Отецъ Александра Васильевича былъ крестникомъ Петра Великаго и умеръ въ чинѣ генералъ-аншефа, въ 1776 году. Онъ былъ человѣкъ хорошо образованный; сына, по причинѣ слабаго здоровья, готовилъ къ гражданской службѣ и воспитаніемъ его занимался сначала самъ, но ребенокъ оказалъ сильное влеченіе къ военнымъ наукамъ и потому былъ въ 1742 году отданъ въ сухопутный кадетскій корпусъ и записанъ солдатомъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ. Въ 1754 году Суворовъ былъ выпущенъ изъ корпуса съ чиномъ поручика арміи. Въ 1761 году, будучи полковникомъ, онъ удивлялъ своею храбростію, сражаясь противъ Фридриха Втораго, въ отрядѣ генералъ-маіора Берга. По окончаніи прусской войны, въ 1762 году, онъ былъ переведенъ полковникомъ же въ Астраханскій пѣхотный полкъ, а въ 1763 году въ Суздальскій.

Съ 1768 года до 1773 года, Суворовъ пробылъ въ Польшѣ, усмиряя конфедератовъ со своею обычною неутомимостію. За этотъ періодъ времени, замѣчательными дѣлами были: разбитіе отдѣльныхъ шаекъ подъ Ландскроною, Пулавскаго у Замостья и Огинскаго подъ Становичами. Въ 1772 году занятъ Краковъ. Въ это время Суворовъ получилъ чинъ генералъ-маіора и ордена св. Анны, св. Георгія и св. Александра Невскаго.

Въ 1773 году Суворовъ, по собственному желанію, поступилъ въ армію Румянцева-Задунайскаго, выступавшую противъ турокъ. Хотя онъ началъ побѣдою, но навлекъ на себя неудовольствіе Румянцева, такъ какъ занялъ Туртукай, не смотря на приказаніе Румянцева къ отступленію и сознавая всю важность занятаго положенія, не винясь въ нарушеніи дисциплины, рапортовалъ Императрицѣ о своемъ подвигѣ стихами:

Слава Богу! слава Вамъ!
Туртукай взятъ—и я тамъ!

Разгнѣванный Румянцевъ хотѣлъ примѣнить къ нему всю строгость закона, т. е. судить военнымъ судомъ, но

Великая Екатерина взглянула на это иначе, со своимъ обычнымъ великодушіемъ и справедливостію, написавъ на докладѣ Румянцева: «побѣдителя не судятъ», наградила его орденомъ св. Георгія 2-го класса, а за побѣду подъ Гирсовомъ—чиномъ генералъ-поручика.

Въ 1774 году, когда Елецкій комендантъ Симоновъ былъ осажденъ Пугачевымъ, Суворовъ явился къ нему на помощь, захватилъ самозванца, отправилъ подъ конвоемъ въ Симбирскъ, гдѣ и сдалъ его главнокомандующему, графу Панину. Въ томъ же 1774 году, Суворовъ помогъ Каменскому подъ Козлуджи, они одержали побѣду надъ сорокатысячнымъ турецкимъ войскомъ. Екатерина, празднуя въ 1775 году миръ съ Турціею, пожаловала Суворова золотою съ бриліантами шпагою и сдѣлала начальникомъ петербургской дивизіи.

Въ 1777 году, принявъ начальство надъ войсками князя Прозоровскаго, онъ разбилъ хана Девлетъ-Гирея, преданнаго Турціи, и содѣйствовалъ Прозоровскому въ утвержденіи ханомъ Шагинъ-Гирея. Въ эти годы Суворовъ много трудился подъ начальствомъ Потемкина надъ дѣлами Турціи, Кавказа и Крыма, за это время были переселены греки и армяне, въ большомъ числѣ, въ Екатеринославскую губернію; основаны города Маріуполь и Нахичевань. Устроивъ дѣла съ Турціею и по случаю болѣзни получивъ увольненіе, Суворовъ въ 1779 году пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ былъ встрѣченъ милостями Императрицы: назначенъ командиромъ Малороссійской дивизіи, получилъ бриліантовую звѣзду ордена св. Александра Невскаго и табакерку, осыпанную бриліантами, съ портретомъ ея Величества. Орденомъ св. Владиміра 1-й степени Суворовъ былъ награжденъ въ 1783 году за покореніе Крыма и приведеніе въ подданство Россіи нагайскихъ татаръ.

Въ 1786 году, когда Екатерина посѣтила городъ Кременчугъ близь котораго Суворовъ стоялъ со своимъ корпусомъ, она сверхъ того еще наградила его второй табакеркой съ бриліантовымъ вензелемъ Ея Величества. Когда миръ съ Турціей былъ нарушенъ, Суворовъ, со ввѣренными

ему войсками, разбилъ многочисленный турецкій корпусъ, оперировавшій подъ прикрытіемъ сильнаго флота, заставилъ его обратиться въ бѣгство и искать спасенія на корабляхъ, большинство турокъ погибло. Въ этомъ бою Суворовъ былъ раненъ пулею въ лѣвую руку и картечью въ бокъ. Императрица при собственноручномъ рескриптѣ наградила его орденомъ св. Андрея Первозваннаго.

1788 годъ былъ тяжелымъ годомъ для Суворова: при осадѣ Очакова, удачно гонясь за турками, сдѣлавшими вылазку, возлѣ крѣпости, въ которую онъ ужъ былъ готовъ проникнуть, съ нѣсколькими отрядами гренадеръ, герой палъ почти замертво, сраженный пулей, ударившей въ шею. Раненый Суворовъ былъ перенесенъ въ Кинбурнъ, потомъ въ Кіевъ. Къ физическимъ страданіямъ присоединилось нравственное. Потемкинъ обвинилъ его въ начатіи боя безъ разрѣшенія. Но когда Суворовъ оправился отъ болѣзни, Императрица вызвала его въ Петербургъ и опять явилась защитницей и въ замѣнъ отставки, которую просилъ оскорбленный полководецъ, украсила брилліантовымъ перомъ его каску съ изображеніемъ буквы К. (Кинбурнъ), примирила съ Потемкинымъ и назначила начальникомъ надъ корпусомъ генерала Дерфельдена для похода противъ Турціи, въ которомъ участвовали австрійцы подъ предводительствомъ принца Саксенъ-Кобургскаго. Тутъ Суворовъ съ 35,000 арміей уничтожилъ 40,000 армію турецкую. Слѣдующая, еще блистательнѣйшая побѣда, была на берегахъ Рымника, гдѣ онъ на голову разбилъ 100,000 армію верховнаго визиря, имѣя маленькое войско, состоящее изъ русскихъ и австрійцевъ. За эту славную побѣду онъ получилъ графское достоинство съ наименованіемъ Рымникскаго, шпагу съ надписью: побѣдителю верховнаго визиря, Андреевскую звѣзду, украшенную брилліантами и орденъ св. Георгія 1-й степени. Взятіе въ 1790 году города Измаила, укрѣпленнаго французскими инженерами, закончило его побѣды надъ турками. За это славное дѣло Суворовъ опять не былъ награжденъ по заслугамъ, благодаря своей честной прямотѣ, которую не умѣлъ цѣнить высокомѣрный Потемкинъ. На во-

просъ Потемкина: «Чѣмъ я могу наградить ваши заслуги», Суворовъ отвѣтилъ: «Ваша свѣтлость, я не купецъ и не торговаться пріѣхалъ къ вамъ. Меня наградить, кромѣ Бога и всемилостивѣйшей Государыни, никто не можетъ». Смѣлый отвѣтъ лишилъ героя ожидаемаго фельдмаршальскаго жезла, вмѣсто котораго ему былъ данъ чинъ подполковника преображенскаго полка, да золотая медаль, выбитая въ память взятія Измаила. Вслѣдъ за этимъ послѣдовало назначеніе его въ Финляндію для укрѣпленія ея границъ со Швеціею.

Въ 1793 году, уже послѣ смерти Потемкина, Суворовъ былъ награжденъ Императрицею брилліантовымъ перстнемъ и эполетомъ, стоимостію въ 60,000 рублей, при собственноручномъ ея рескриптѣ.

Польская революція 1794 года вызвала Суворова снова на поле битвы съ его поста начальника войсками Екатеринославской губерніи и Крыма. Суворовъ принялъ начальство надъ войсками, стоящими въ Польшѣ; выступилъ въ походъ 14 августа съ небольшимъ отрядомъ; 27 августа прибылъ въ Брестъ; 6 сентября при Крупчицѣ разбилъ семнадцатитысячный корпусъ Сераковскаго, чрезъ два дня, въ новомъ бою съ Сераковскимъ и Костинскимъ, взялъ всю ихъ артиллерію. Изъ Станиславова, совмѣстно съ корпусомъ Ферзена, 14 октября, вошолъ въ Прагу послѣ упорнаго сопротивленія поляковъ съ значительно большимъ противъ его войскъ числомъ, засѣвшимъ въ хорошо укрѣпленномъ предмѣстіи. Тутъ уже ничего не мѣшало наградамъ побѣдителя: отъ Государыни онъ получилъ чинъ фельдмаршала и 7000 душъ крестьянъ; отъ Прусскаго короля, ордена чернаго и краснаго орловъ; отъ Австрійскаго государя его портретъ съ брилліантами.

Съ восшествіемъ на престолъ Императора Павла, Суворовъ, по интригамъ враговъ, долженъ былъ оставить службу и посѣлился въ своемъ имѣніи, въ селѣ Коганскомъ, находящимся въ Новгородской губерніи, Боровичевскаго уѣзда. Слѣдя за политическими событіями и побѣдами Наполеона, онъ повторялъ: «Пора, пора унять молодца, посмотрите какъ онъ шагаетъ!» Пора наступила. Въ февралѣ 1779 года

онъ былъ вызванъ Государемъ въ Петербургъ, милостиво принятъ и удостоенъ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, гросмейстеромъ котораго состоялъ самъ Государь. Когда Суворовъ, благодаря Государя, воскликнулъ: «Боже спаси Царя!» то получилъ въ отвѣтъ: «Иди ты спасать царей!» Суворовъ былъ избранъ, согласно желанію союзницъ Россіи, Австріи и Англіи главнымъ начальникомъ надъ австро-россійскою арміею и послѣ совѣщанія въ Вѣнѣ съ Францомъ II отправился въ Сѣверную Италію. Изъ Вероны Суворовъ, 14 апрѣля, выступилъ съ союзными войсками впередъ, принудилъ отступить за Адду Моро, преслѣдовалъ его, ибратилъ въ бѣгство и 29 апрѣля вошолъ въ Миланъ. Послѣ вторичнаго пораженія Моро, котораго онъ оттѣснилъ въ Генуэзскія области и Макьдональда, разбитаго при Требіи, всѣ французскія крѣпости сдались, Италія была свободна отъ враговъ.

Суворовъ не смогъ закончить славныя побѣды по причинамъ, отъ него независящимъ, ему велѣно было идти въ Швейцарію, чтобы и изъ нея изгнать французовъ, не смотря на его справедливыя возраженія противъ похода въ горы съ утомленною арміей, да еще позднею осенью. Перейдя Сенъ-Готардъ съ великимъ трудомъ, онъ узналъ, что корпусъ Корсакова разбитъ Массеной подъ Цюрихомъ, а корпусъ Госице—Сультомъ на Лимматѣ. Австрійцы, не дождавшись его прибытія, оставили Швейцарію. Послѣ всего случившагося, конечно, нельзя было разсчитывать на побѣду, имѣя только 20,000 изнуреннаго войска, противъ непріятеля, обладающаго большими силами. Отступленіе было необходимо. Отступивъ, Суворовъ прибылъ въ Граубинденъ чрезъ верхній Рейнъ. Императоръ возвелъ Суворова въ званіе генералиссимуса, наградилъ титуломъ свѣтлѣйшаго князя съ наименованіемъ Италійскаго и своимъ портретомъ для ношенія на груди. Австрійскій Императоръ прислалъ орденъ Маріи Терезіи 1-й степени. Король Сардинскій наименовалъ его своимъ фельдмаршаломъ и пожаловалъ титулъ гранда. Короли Ноаполитанскій и Баварскій — своими орденами высшихъ степеней.

Возвращаясь въ Россію, въ Краковѣ Суворовъ заболѣлъ и, пріѣхавъ въ свое имѣніе Кобрино, слегъ въ постель, затѣмъ, не излечась вполнѣ, поѣхалъ въ Петербургъ, но достигъ его почти умирающимъ. 6 мая послѣдовалъ выносъ его тѣла, сопровождаемый народомъ, въ Александро-Невскую лавру. На его монументѣ вырѣзано, согласно его завѣщанію, только: «Здѣсь лежитъ Суворовъ». Императоръ Александръ I воздвигъ ему бронзовый памятникъ, работы Козловскаго, который находится на площади близъ Мраморнаго дворца, въ С.-Петербургѣ.

Возвращаясь въ Россію, въ Краковѣ Суворовъ заболѣлъ
и, пріѣхавъ въ свое имѣніе Кобрино, [illegible]
тѣмъ, не [illegible]
стигъ е[illegible]
его тѣ[illegible]
лавру [illegible]
тольк[illegible]
воздв[illegible]
котор[illegible]
С.-Петербургѣ.

V.

Иванъ Андреевичъ

Крыловъ.

Большинство русскихъ, да, пожалуй, и общенародныхъ талантовъ возникало изъ бѣдности, изъ низкихъ слоевъ общества, но всегда изъ здоровой, незараженной зловредными міазмами порока и свѣтлой, незапятнанной преступленіями атмосферы. Такъ и Крыловъ возникъ на лонѣ честной трудовой жизни. Отецъ Ивана Андреевича былъ бѣдный армейскій офицеръ, которому вскорѣ послѣ рожденія Ивана Андреевича — 2 февраля 1768 года — изъ Москвы пришлось отправиться на востокъ Россіи, въ Оренбургскую губернію. Въ Оренбургѣ въ то время «пошаливалъ» Пугачевъ, который до того былъ озлобленъ распорядительностію капитана Крылова, что рѣшилъ въ своемъ поспѣшномъ и преждевременно торжествующемъ умѣ повѣсить его семейство, и нашъ, тогда еще маленькій, баснописецъ не избѣжалъ бы злой участи. Однако Пугачевъ былъ схваченъ и казненъ, а отецъ баснописца счелъ нужнымъ сложить съ себя доспѣхи Марса и перейти къ мирнымъ занятіямъ гражданскимъ. Новый родъ службы перенесъ его въ Тверь, членомъ губернскаго магистра. Очень можетъ быть, что Андрей Прохорычъ искалъ себѣ болѣе широкой дѣятельности, большаго обезпеченія и большаго спокойствія, которое было такъ необходимо для семьи. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ, какъ говоритъ народная пословица, и Андрею Прохоровичу не удалось еще освоиться съ новымъ

положеніемъ, какъ смерть похитила его у семьи и у нашего баснописца. Къ лучшему ли это было, сказать, конечно, нельзя; обыкновенно же это считается несчастіемъ. И въ самомъ дѣлѣ потерять отца въ десять—двадцать лѣтъ, сколько тогда было маленькому Крылову,—это почти всегда значитъ лишиться возможности получить болѣе полное, болѣе солидное образованіе. Если же мы возьмемъ бѣдный чиновническій кругъ, то положенія семейства, лишившагося «кормильца», представляется намъ во всей наготѣ своей безвыходности—хотя-бы изъ скуднаго запаса изъ прежнихъ достатковъ на черный день и безъ всякой надежды на какое нибудь пособіе отъ правительства, если чиновникъ не выслужилъ пенсіи. Въ такомъ именно положеніи очутилась мать Крылова, Марья Алексѣевна, въ такомъ положеніи очутился самъ будущій великій баснописецъ; и нѣкоторыя аналогіи невольно напрашиваются сознанію, говоря уму, что, быть можетъ, безъ этого и самъ Крыловъ не былъ бы тѣмъ Крыловымъ, какимъ мы его знаемъ. Жизнь превратна, незначительныя отступленія производятъ неузнаваемые результаты, все измѣняется самымъ удивительнымъ образомъ Между тѣмъ и при имѣвшемъ мѣсто ходѣ обстоятельствъ Крыловъ сдѣлался великимъ—кто знаетъ, былъ-ли бы онъ выше, еслибы судьба распорядилась его жизнію иначе?

Такимъ образомъ, Иванъ Андреевичъ имѣлъ первымъ и почти единственнымъ своимъ учителемъ свою мать, которая могла выучить его русскому чтенію и письму. Нельзя думать, чтобы мать Ивана Андреича задавалась какими нибудь особенными цѣлями дать сыну возможность къ болѣе полному образованію—она, вѣроятно, не имѣла этихъ претензій; если же она и учила его французскому языку, то только потому, что французкій языкъ тогда былъ въ модѣ, и для нея представлялось не очень затруднительнымъ «офранцузить» хотя немного сына: ей стоило только посылать его къ гувернеру губернаторскихъ дѣтей. Если же бы она, Марья Алексѣевна, признавала и чувствовала, что образованіе для сына—все, тогда бы она нашла способы его образовать, хотя и обрекая себя на всевозможныя лишенія и жертвы.

Но Марьѣ Алексѣевнѣ, мы думаемъ, нужно было одно: чтобы сынъ ея научился писать и могъ перепиской кой-что заработать для поддержанія собственной жизни и жизни своей матери. Пожалуй, при той бѣдности и нуждѣ, которая тяжелымъ бременемъ лежала на одинокой женщинѣ, и въ голову не приходитъ думать о полномъ образованіи; да и мы не думаемъ судить мать нашего знаменитаго дѣдушки, а только констатируемъ фактъ, имѣвшій то или другое вліяніе на развитіе таланта. Мы и той заслугѣ матери Ивана Андреевича, что она сама научила его читать и писать, отдаемъ долгъ справедливаго вниманія; она этимъ все таки дала возможность сыну такъ или иначе воспользоваться тѣмъ богатствомъ, которое состояло въ сундукѣ съ книжками, оставленными въ наслѣдство сыну его отцомъ. Крыловъ, при помощи свѣдѣній, полученныхъ отъ матери, и богатства, оставленнаго отцомъ, пристрастился къ чтенію и, что главное, научился восполнять недостатокъ своего образованія чтеніемъ книгъ, т. е. самостоятельно. Онъ до того проникся этой необходимостью ученья, этой жаждою знаній, что по пріѣздѣ матери въ Петербургъ за произведеніе своей 14-ти лѣтней музы, оперу «Кофейница», взялъ съ книгопродавца на 60 рублей французскихъ книгъ — сочиненій Расина, Мольера и Буало. Онъ взялъ книги, а не деньги, хотя мать не получила пенсіи, для которой пріѣхала въ Петербургъ, и хотя онъ получалъ ежегоднаго жалованья по службѣ всего 24 руб. сер.

Черезъ шесть лѣтъ по пріѣздѣ въ Петербургъ Крыловъ лишился матери Онъ остался одинъ, свободный дѣлать все, что ему угодно, необходимо было лишь доставать себѣ пропитаніе! Въ періодъ отъ смерти отца до смерти матери свободные часы Крыловъ часто проводилъ на базарѣ, площадяхъ, на плотѣ, куда стекались водовозы и прачки; здѣсь-то онъ и учился русскому языку и наблюдалъ свойства русскаго человѣка. Съ другой стороны, его служебная карьера (ему удалось поступить въ писцы, какъ только научился точно писать) ставила его въ ближайшее соприкосновеніе съ чиновничествомъ, столь тогда отличавшимся взяточни-

чествомъ и лихоимствомъ, неподдававшимся никакимъ распоряженіямъ правительства, ни какимъ преслѣдованіямъ власти, точно оно укоренилось со времени нашествія Монголовъ. Но вся эта подготовительная работа долго еще не имѣла у Крылова приложенія. Онъ, какъ мы выше замѣтили, на 15-мъ году выступилъ на литературное поприще подъ увлеченіемъ книгами изъ отцовскаго сундука. И послѣдующія за «Кофейницей» произведенія были полнымъ подражаніемъ волшебнымъ операмъ или драматическимъ произведеніямъ съ изображеніемъ иностранной жизни. Оригинальнаго въ драмахъ и комедіяхъ Крылова было очень мало и русскаго почти ничего. Да и современная ему сцена не представляла почти ничего русскаго, въ русскихъ драмахъ юношества Крылова были только русскія имена, но не было русской жизни. Тѣмъ не менѣе, Крыловъ все болѣе и болѣе пристращался къ этому роду произведеній, съ жадностью поглощалъ драма за драмою, пристращался къ театру, знакомился съ актерами и писателями. Изъ первыхъ можно назвать славнаго Дмитревскаго, изъ вторыхъ — знаменитаго въ свое время трагика нашего Княжнина. Эти два человѣка еще болѣе раздули въ немъ страсть къ театру, какъ оказалось впослѣдствіи, совершенно не имѣвшую основанія въ натурѣ паэта. Послѣ смерти матери, Крыловъ окончательно отдался литературѣ и театру; только, для большаго обезпеченія своей журнальной дѣятельности, онъ принялъ на себя также дѣло типографщика. Крыловъ писалъ въ это время неудачныя и скучныя трагедіи или же колкіе, смѣшные, но въ то же время и пустые разсказы. Недостатокъ образованія сказывался во всемъ: двѣ его неудачныя трагедіи «Клеопатра» и «Филомела» обнаружили его полное невѣжество относительно требованій исторической драмы или и относительно исторіи. Въ 1789 году Крыловъ издавалъ сатирическій журналъ «Почта Духовъ», гдѣ помѣщаль свою «Переписку адскихъ духовъ» въ ненормальностяхъ русской жизни, особенно же о дурномъ воспитаніи дѣтей—въ щегольствѣ французскомъ языкомъ и въ пренебреженіи ко всему отечественному. Въ 1792 году онъ помѣщалъ свои мелкія

стихотворенія и множество другихъ своихъ статей и статеекъ въ новомъ своемъ изданіи, журналѣ «Зритель». Но и этомъ журналъ существовалъ недолго; онъ былъ перемѣненъ на «Петербургскій Меркурій». Здѣсь Крыловъ также помѣстилъ множество мелкихъ стихотвореній, нѣсколько драматическихъ театральныхъ очерковъ и непрестанно нападалъ на слабости и глупости современниковъ. Къ этому же времени относятся его комедіи: «Бѣшеная семья» (комическая опера), «Проказники» и «Сочинитель въ прихожей». Эти комедіи напечалъ въ «Россійскомъ Ѳеатрѣ», изданномъ академіей наукъ, и были играны на сценѣ, но дѣльнаго представляютъ мало — одно только безцвѣтное подражаніе неимѣющимъ достоинствъ образцамъ.

Послѣ этого начался періодъ серьезной работы Крылова надъ собою, продолжавшійся болѣе десяти лѣтъ. Онъ научился читать на языкахъ французскомъ, нѣмецкомъ и италіянскомъ; научился рисовать; достигъ большого совершенства въ игрѣ на скрипкѣ. Въ это же время онъ погрузился въ свѣтскую жизнь, посѣщалъ общество, раздѣлялъ его склонности, развлеченія, кутежи—вообще старался освоиться съ людьми. Еще лучшей практической школой для него была жизнь въ качествѣ домашняго секретаря у рижскаго военнаго губернатора князя Голицина и домашнимъ учителемъ у него въ саратовскомъ имѣніи. Какъ другъ семейства, онъ провелъ у князя пять лѣтъ и научился обдуманно говорить и осторожно дѣйствовать въ средѣ чужихъ людей, научился примѣняться къ характерамъ и положеніямъ. Онъ пользовался также поѣздками и ярмарками для изученія духа русскаго народа. Въ 1807 году онъ напечаталъ двѣ комедіи «Модная лавка» и «Урокъ дочкамъ» и волшебную оперу «Илья Богатырь». Хотя онѣ были удачнѣе предшествовавшихъ опытовъ, но ими Крыловъ закончилъ свое служеніе Мельпоменѣ. Въ одну изъ поѣздокъ въ Москву, именно въ 1806 году, онъ познакомился съ извѣстнымъ живописцемъ Дмитріевымъ, и представилъ ему, какъ опытъ, двѣ переведенныя имъ басни Лафонтена, «Дубъ и Трость» и «Разборчивая Невѣста».

Когда Димитріевъ нашелъ басни прекрасными, Крыловъ перевелъ еще басню «Старикъ и трое молодыхъ». Эти три опыта убѣдили и самаго Крылова въ его истинной способности, и такимъ образомъ, Крыловъ вышелъ на свою дорогу съ того ложнаго пути, по которому онъ шелъ до этого времени. Въ 1808 году онъ напечаталъ 23 первыхъ своихъ басни, въ которыхъ дѣлалъ чудеса сочетаніемъ—словъ, пластикой образовъ, богатствомъ и глубиной содержанія. Ему было тогда 40 лѣтъ.

Мы прослѣдили шагъ за шагомъ ходъ развитія таланта Ивана ндреевича Крылова, пока онъ сталъ на тотъ путь, съ котораго болѣе уже не уклонялся, какъ кажется, ни однимъ взмахомъ пера. Мы видѣли, какимъ превратностямъ подвергалась до сорока-лѣтняго возраста жизнь нашего баснописца, видѣли, какъ онъ постепенно приближался и приближался къ тому идеалу, который былъ цѣлью его высшаго назначенія. Одно только прямо бросается въ глаза— то, что Иванъ Андреичъ въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ, отъ пятнадцати и до сорока, не переставалъ питать своихъ симпатій къ литературѣ, хотя это постоянно не очень награждалось и съ матеріальной стороны, и со стороны внутренняго наслажденія достоинствами произведеній, потому что этихъ достоинствъ въ тогдашнихъ произведеніяхъ Крылова не было. Также почти рѣзко бросается въ глаза перемѣна его жизни и характера: Иванъ Андреевичъ изъ человѣка беззаботнаго, ставившаго себѣ искусственныя цѣли обогащенія посредствомъ умственной и издательской спекуляціи, вдругъ превращается въ сосредоточеннаго мужа, задающаго себѣ серьезныя, менѣе разчитанныя на «авось» цѣли, ведущія однако вѣрнымъ шагомъ къ благодѣтельнымъ слѣдствіямъ. Это какъ разъ было передъ созданьемъ басенъ, какъ будто-бы нравственная переработка требовалась ради высоты басни.

Русскіе государи Александръ Благословенный и Николай I оцѣнили національныя заслуги Ивана Андреевича и щедро его награждали. Императоръ Николай I чувствовалъ такое уваженіе къ уму и нравственному характеру баснописца,

что его бюстъ подарилъ сыну Наслѣднику Цесаревичу въ 1831 году. Императрица Марія Ѳеодоровна приглашала его къ себѣ и заставляла читать все, что у него было написано новаго, посылала ему цвѣты и во время одной болѣзни Крылова приняла въ немъ такое живое участіе, что онъ проникся самой глубокой къ Ея Величеству признательностію и написалъ прекрасную басню «Василекъ». Графъ Строгановъ также былъ его меценатомъ, какъ и А. Н. Оленинъ, двери дома котораго всегда были открыты для Крылова. Участіемъ этихъ покровителей Крыловъ для полной своей свободы и полнаго обезпеченія поэтической дѣятельности получилъ должность въ Императорской публичной библіотекѣ, куда, въ 1812 году, и переѣхалъ на жительство. Онъ велъ холостую жизнь и не заботился объ опрятности и убранствѣ своей квартиры; у него никогда не хватало усердія расположить вещи въ порядкѣ, хотя онъ и покупалъ иногда дорогую мебель, ковры и т. п.; въ скоромъ времени все у него покрывалось пылью и еще болѣе увеличивало безпорядокъ. Гораздо болѣе Иванъ Андреичъ былъ склоненъ къ идилліи, любилъ наблюдать жизнь животныхъ и птицъ, можно сказать, даже жилъ ихъ жизнію, сочувствовалъ ихъ радостямъ и горю, что и высказалось въ томъ пониманіи потребностей птицъ и животныхъ, какое всюду сквозитъ въ его басняхъ.

Крыловъ имѣлъ нѣкоторыя странности въ характерѣ, заставлявшія его принимать часто эксцентричныя рѣшенія, которыя сила воли позволяла ему выполнять съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Напримѣръ, разсказываютъ, что онъ рѣшался достигнуть совершенства фокусника въ устройствѣ вѣнка, играя разноцвѣтными шариками надъ головою, и употребилъ все свое терпѣніе и всю свою сообразительность, чтобы достигнуть этого. Такой же странностью представляется любовь его смотрѣть на пожары, которая поднимала Ивана Андреевича даже ночью съ постели и заставляла его бѣжать въ самыя отдаленныя улицы, не смотря на всю неподвижность его натуры и склонность къ домосѣдству. Онъ научился играть на скрипкѣ съ совершенствомъ виртуоза;

онъ производилъ замѣчательные рисунки, неучившись рисованію систематически. Но особенно давались ему иностранные языки: онъ понималъ въ совершенствѣ французскій, итальянскій и нѣмецкій; выучился англійскому языку, слушая, какѣ читала одна дама; онъ уже на 51-мъ году вздумалъ прочитать въ подлинникѣ Гомера и Анакреона, занялся имъ со всѣмъ свойственнымъ ему усердіемъ и чрезъ два года могъ читать греческія книжки почти такъ же хорошо, какъ и русскія. Всѣ эти странности показываютъ, какими необыкновенными способностями онъ отличался—показываютъ такъ же убѣдительно, какъ и его умѣнье совершенствовать и отдѣлывать басни. Еще разъ намъ приходится пожалѣть, что онъ не получилъ систематическаго образованія; мы побуждаемся къ этому желаніемъ взглянуть, что бы вышло изъ этого даровитаго человѣка, если бы ему были даны въ дѣтствѣ тѣ средства, которыя въ настоящее время считаются необходимыми для выполненія жизненныхъ цѣлей, для служенія своему высокому человѣческому призванію.

Такъ проводилъ свое время Иванъ Андреевичъ съ переселенія въ зданіе Публичной библіотеки, пописывая басенки и занимаясь по службѣ. Работа въ библіотекѣ была сидячая, и потому онъ еще болѣе привыкъ къ неподвижности, которая лежала въ основѣ его натуры. Обѣдалъ онъ въ англійскомъ клубѣ, а до обѣда никуда не выходилъ. Одно только семейство Олениныхъ онъ считалъ какъ бы своимъ и проводилъ тамъ вечеръ въ пріятной бесѣдѣ. Но онъ не отказывался также отъ приглашеній своихъ собратій по литературѣ, считая своимъ долгомъ общеніе съ тѣми, которые поставили себѣ въ жизни одну и ту же съ нимъ цѣль — просвѣщать любезное, дорогое отечество. Это были Державинъ, Нелединскій-Мѣлецкій, Капнистъ, Озеровъ, Димитріевъ, Карамзинъ, Гнѣдичъ, Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій, баронъ Дельвигъ, Баратынскій, Пушкинъ и др.

Въ 1811 году еще Иванъ Андреевичъ былъ избранъ въ члены Императорской Академіи Наукъ, а въ 1818 году, «въ ознаменованіе великой отъ его басенъ пользы русскому языку

и славы отечеству», Академія присудила ему золотую медаль.

Наступилъ 1838 годъ, когда Ивану Андреевичу Крылову исполнилось семьдесятъ лѣтъ и когда прошло полвѣка со дня выступленія его на литературное поприще впервые напечатаннымъ произведеніемъ-оперой «Филомела»». И вотъ, 2-го февраля, въ день рожденія нашего великаго баснописца, отпразднованъ былъ юбилей его пятидесяти-лѣтней литературной дѣятельности. Ходатайствомъ покровителей и настойчивостью друзей, испрошено было у Его Величества Государя Императора Николая Павловича соизволеніе на предполагаемое празднество. Устроенъ въ честь юбиляра обѣдъ, на которомъ присутствовало триста человѣкъ гостей съ министромъ просвѣщенія во главѣ. Государь Императоръ пожаловалъ юбиляру орденъ св. Станислава второй степени со звѣздою, Великіе Князья Николай и Михаилъ Николаевичи пріѣзжали поздравлять его. Министръ просвѣщенія, Оленинъ, Жуковскій и другіе литераторы говорили поэту привѣтственныя рѣчи и читали стихи. Жуковскій, напримѣръ, благодарилъ Крылова, за «юношей прошлаго, настоящаго и будущаго поколѣній и за знаменитость имени, составляющаго сокровище отечества». Въ память этого событія, была выбита съ соизволенія Государя Императора медаль, на счетъ казны, съ изображеніемъ Крылова, а также открыта подписка для составленія капитала на стипендіи имени Крылова. Еще при жизни своей Крыловъ своимъ именемъ собралъ сумму, на которую воспитывалось двое сиротъ въ здѣшнихъ гимназіяхъ.

Въ 1841 году Иванъ Андреевичъ захотѣлъ отдохнуть и отъ той заботы, которую причиняла ему служба въ Публичной библіотекѣ. Получивъ съ Высочайшаго соизволенія пенсію въ 11,700 рублей ас., баснописецъ переселился съ этого времени на жительство къ своей крестницѣ, на Васильевскомъ островѣ, усыновилъ себѣ ея семейство и до смерти своей занимался съ ея дѣтьми грамотой или музыкой. Онъ умеръ 9-го ноября 1844 года. Погребеніе баснописца было совершено съ величайшими почестями на отпу-

щенныя отъ казны 9000 р. ас. Крылову, какъ члену, въ лицѣ своихъ представителей отдали послѣднія почести академія наукъ и с.-петербургскій университетъ. Знатнѣйшія особы государства наравнѣ съ людьми самаго простаго званія провожали гробъ до кладбища Александро-Невской лавры. Въ гробъ была положена медаль, выбитая въ честь имени Крылова; на груди лежали цвѣты, которые ему посылала Императрица Марія Ѳеодоровна и которые были священны для Крылова во всю его жизнь. Голову баснописца увѣнчивалъ тотъ самый лавръ, который былъ приготовленъ для юбилея.

щенныя отъ казны 9000 р. ас. Крылову, какъ члену, въ лицѣ своихъ представителей отдали послѣднія почести академія наукъ и [illegible]петербургская [illegible] знатнѣйшія особы государства [illegible]правит[illegible] [illegible] нія провож[illegible] Въ гробъ [illegible] Крылова; на груди [illegible] Императри[illegible] для Крылова во всю его жизнь. [illegible] валъ тотъ самый лавръ, который [illegible] юбилея.

А. Шифнеръ

VI.

Академикъ Антонъ Антоновичъ

Шифнеръ.

Ноября 4-го, 1879 года, Императорская академія наукъ понесла чувствительную утрату въ лицѣ члена своего Антона Антоновича Шифнера, который былъ на столько же любимъ и уважаемъ друзьями и близкими за прекрасныя свои личныя качества, какъ и уважаемъ всѣмъ ученымъ міромъ безъ изъятія въ Россіи и за границей за услуги, оказанныя наукѣ.

Францъ-Антонъ Шифнеръ родился 6-го іюля 1817 г. въ Ревелѣ. Въ 1831 поступилъ въ тамошнюю риттеръ-шуле, гдѣ какъ извѣстно воспитывался также и его знаменитый собратъ Карлъ Эрнстъ фонъ-Бэръ, умершій года два тому назадъ. Изъ школы Шифнеръ вышелъ въ 1836 г. и поступилъ на юридическій факультетъ въ петербургскомъ университетѣ.

Двое выдающихся учителей ревельской школы, Плате и Пабстъ, оба замѣчательные знатоки классическихъ языковъ и классической древности и искусные толкователи греческихъ и римскихъ авторовъ, пробудили и питали въ Шифнерѣ склонность къ языкознанію и этой склонности онъ предался, вполнѣ лишь только окончилъ курсъ наукъ на юридическомъ факультетѣ. Впрочемъ, еще будучи въ университетѣ, онъ не пренебрегалъ изученіемъ древнихъ языковъ и доказательствомъ тому служитъ серебрянная медаль, полученная имъ за сочиненіе о Гораціи. Такимъ образомъ,

сдавъ экзаменъ въ 1840 г., онъ отправился въ берлинскій университетъ, и тамъ съ особымъ рвеніемъ предался изученію санскритскаго языка. Въ Берлинѣ онъ оставался до 1842 г., когда снова вернулся на родину.

Въ 1843 г. онъ былъ принятъ въ первую петербургскую гимназію старшимъ преподавателемъ латинскаго языка. Въ 1849 г. онъ смѣнилъ это мѣсто на мѣсто учителя греческаго языка, а за нѣсколько лѣтъ до того вступилъ на службу въ академіи въ качествѣ консерватора, каковая должность предоставлена была ему стараніями Бэра.

Такъ какъ Шифнеръ въ теченіе шести лѣтъ прилежно занимался изученіемъ тибетскаго языка и академіей были уже изданы разныя его сочиненія по этому предмету, между прочимъ и о буддизмѣ, то академія избрала его 5-го іюня 1852 г. въ адъюнкты тибетскаго языка и литературы. Два года спустя, въ 1854 г., онъ былъ назначенъ экстраординарнымъ академикомъ. Въ 1856 г.—директоромъ этнографическаго музея, должность котораго исполнялъ до тѣхъ самыхъ поръ, пока названный музей не слился съ антропологическимъ музеемъ. Съ 1863 г. Шифнеръ принялъ на себя, послѣ выхода въ отставку академика Бэра, и обязанности библіотекаря II отдѣленія академической библіотеки.

Дѣятельность и заслуги Шифнера нашли должную оцѣнку въ Россіи, но еще болѣе за-границей уже въ 1862 г. Іенскій университетъ избралъ его докторомъ философіи. Онъ былъ дѣйствительнымъ, почетнымъ членомъ-корресподентомъ большей части ученыхъ обществѣ въ Германіи, Англіи, Франціи и Голландіи. Покойный король Іоаннъ Саксонскій, бывшій самъ замѣчательнымъ ученымъ, пожаловалъ ему орденъ Альбрехта 1-й степени.

Сколько Шифнеръ выдавался, какъ ученый, сколько-же замѣчателенъ онъ былъ, какъ человѣкъ. Отличительную черту его характера составляла безграничная услужливость и рѣдкая доброта. Каждому, кто обращался къ нему за совѣтомъ или помощью, онъ готовъ былъ служить съ полнымъ самоотверженіемъ. Сотни нуждавшихся онъ достав-

лялъ мѣста и занятія, чему не мало способствовали его обширное знакомство и связи. Правда, что люди, пользуясь этимъ, нерѣдко злоупотребляли его добротою, но это ничуть не удерживало его отъ постояннаго сочувствія чужой бѣдѣ.

Обширная дѣятельность на пользу чужихъ интересовъ ни мало не мѣшала однако научными занятіямъ Шифнера. Отъ природы онъ былъ надѣленъ феноменальной памятью и этотъ счастливый даръ облегчалъ ему научныя занятія, сохраняя много времени, употребляемаго другими на справки и перерыванье въ книгахъ. Всѣ названія послѣднихъ онъ удерживалъ тотчасъ, равно какъ и ихъ содержаніе. Кромѣ замѣчательной помяти, онъ обладалъ также драгоцѣнной способностью читать необыкновенно быстро, разумѣется, также быстро и прочно усвоивая прочитанное; поэтому, онъ былъ настолько свѣдущъ въ библіографіи такихъ отдѣловъ, которые вовсе не принадлежали къ кругу его дѣятельности, что могъ давать указанія даже спеціалистамъ.

Въ какой мѣрѣ Шифнеръ обладалъ знаніями, можно видѣть изъ разнообразія языковъ и предметовъ, о которыхъ говорится въ его сочиненіяхъ. Большая часть изъ нихъ состоитъ изъ громадныхъ самостоятельныхъ работъ; но есть конечно между ними и академическіе бюллетени, обработанные въ сотрудничествѣ съ другими учеными. Сверхъ того, Шифнеръ употребилъ много времени и трудовъ на переработку чужихъ собраній и приведеніемъ ихъ въ соотвѣтствующую научную форму, а также и на переводы сочиненій, напечатанныхъ на мало-знакомыхъ языкахъ, сдѣлавъ ихъ такимъ образомъ доступными большему кругу читателей,

Главнымъ предметомъ его академическихъ занятній былъ буддизмъ и состоящіе въ связи съ нимъ языки: санскритскій, тибетскій и монгольскій. Къ нимъ онъ постоянно возвращался послѣ работъ по другимъ областямъ знанія. Къ этой же категоріи относится и его послѣднее сочиненіе, печатаніе котораго было прервано его смертію. Изученіе санскритскаго языка предшествовало другимъ, затѣмъ подъ вліяніемъ

труда Бурнуфа о буддизмѣ, онъ сталъ заниматься тибетскимъ и монгольскимъ.

Сверхъ того, Шифнеръ чрезвычайно интересовался миѳами, сказаніями и преданіями разныхъ народовъ. Съ особеннымъ вниманіемъ онъ слѣдилъ затѣмъ, какъ одна и та же основная идея, переходя отъ одного племени къ другому, разукрашивается подробностями, видоизмѣняясь сообразно племенному различію ихъ характеровъ. Изслѣдованія его монгольскихъ и тибетскихъ сказаній въ высшей степени замѣчательны.

Почти одновременно съ началомъ занятій тибетскимъ нарѣчіемъ, Шифнеръ, заинтересованный финскимъ національнымъ эпосомъ Калевала, обратился къ изученіи финскаго языка. Результатомъ этихъ занятій былъ, между прочимъ переводъ Калевалы.

Происхожденіе словъ и сравнительное языкознаніе служили тоже для Шифнера предметомъ серьезнаго изученія. Его громадная начитанность, знаніе многихъ языковъ и необыкновенная память служили ему при этомъ важнымъ подспорьемъ.

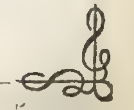
Дальнѣйшимъ поводомъ къ изученію финскаго и родственныхъ съ нимъ языковъ послужило изданіе изслѣдованій и путешествій Кастрена, возложенное на него академіей вскорѣ послѣ его избранія членомъ, а результатомъ этихъ занятій явилось нѣсколько самостоятельныхъ трудовъ по названному предмету.

Имѣя возможность ознакомиться въ Петербургѣ съ представителями различныхъ народностей, населяющихъ Россію, и устно почерпнуть отъ нихъ матерьялъ для сравнительнаго языкознанія, Шифнеръ не приминулъ обратить свое вниманіе также и на кавказскія нарѣчія. Его занятія ими начались уже въ 1854 г. Отчасти онъ самъ сбиралъ матерьялы, частью же пользовался посторонними источниками. Особенно важнымъ пособіемъ для него явилось этнографическое описаніе Кавказа барона П. фонъ Услара, изучившаго край на мѣстѣ.

Еслибъ мы вздумали привести здѣсь названія всѣхъ

сочиненій Шифнера, намъ пришлось бы исписать ими цѣлый листъ. Одинъ бѣглый взглядъ на массу оставленныхъ имъ послѣ себя трудовъ, на ихъ распообразіе убѣждаетъ насъ, что смерть Шифнера, похитившая его въ зенитѣ умственныхъ и физическихъ силъ, незамѣнимая утрата для Академіи, на пользу которой онъ могъ со славой потрудится еще много и много лѣтъ.

Послѣ Шифнера осталась большая библіотека, которую семья покойнаго предложила купить бывшему министру народнаго просвѣщенія для Сибирскаго университета. Соизволенія однако отъ г. министра на это не послѣдовало. Ученый міръ весьма сожалѣетъ объ этомъ, такъ какъ цѣна за библіотеку была назначена самая умѣренная. Лейпцигская книгопродавческая фирма, купившая ее, заплатила почти вдвое дороже.

VII.

Василій Андреевичъ Жуковскій.

Василій Андреевичъ Жуковскій родился въ 1783 году, 29 января, въ селѣ Мишенскомъ, Тульской губерніи, принадлежавшемъ отцу его, богатому помѣщику, Аѳанасію Ивановичу Бунину. Мать Василія Андреевича была плѣнная турчанка, которую привезли своему господину русскіе крестьяне, отправившіеся въ первую турецкую войну въ лагерь Румянцева, въ качествѣ маркитантовъ. Красивая турчанка, Сальха, была окрещена, названа Елисаветой Дементьевной и поступила нянькою двухъ дочерей Бунина въ его домъ, когда ей было всего шестнадцать лѣтъ. Русскій помѣщикъ, представитель блаженной памяти крѣпостничества, прельстился хорошенькой дѣвушкой и, считая недостойнымъ себя любить няньку своихъ дѣтей, поселилъ бывшую Сальху въ отдѣльномъ флигелѣ своего дома, нисколько не стѣсняясь близостью жены, прекрасной женщины, одной изъ лучшихъ представительницъ русскихъ женъ — страдалицъ. Къ довершенію горя послѣдней, Бунинъ вскорѣ переселился во флигель и самъ, забывая свое многочисленное семейство, состоявшее изъ одиннадцати существъ мужскаго пола. Какъ бы въ наказаніе за это безсердечіе по отношенію къ своему семейству, Бунинъ въ непродолжительное время лишился шестерыхъ человѣкъ своихъ дѣтей, а вслѣдъ за ними умеръ и старшій сынъ, общій любимецъ, уже обучавшійся въ Лейпцигскомъ университетѣ. Велико было горе

Василій Андреевичъ

Жуковскій.

Василій Андреевичъ Жуковскій родился въ [illegible] году, 29 января, въ селѣ Миш[illegible], Тульской [illegible], надле[illegible] отцу его, богатому помѣщику, [illegible] Ивановичу Бунину. Мать Василія Андреевича [illegible] ная турчанка, [illegible] крестьяне, [illegible] лагерь Румянцева, въ качествѣ [illegible] турчанка, Сальха, была [illegible] ментьевной и поступила нянюшкою [illegible] дочерей Бунина въ его домъ, когда ей было всего [illegible] лѣтъ. Русскій помѣщикъ [illegible] ства, пре[illegible] хорошенькой дѣвушки [illegible] стойнымъ [illegible] шую Саль[illegible] не стѣсня[illegible] изъ лучш[illegible] лицъ. Къ [illegible] селился [illegible] семейство. [illegible] пола. Какъ [illegible] нію къ своему [illegible] время лишился шестерыхъ человѣкъ своихъ дѣтей, а вслѣдъ за ними умеръ и старшій сынъ, общій любимецъ, уже обучавшійся въ Лейпцигскомъ университетѣ. Велико было горе

Марьи Григорьевны—такъ звали жену Бунина, но она перенесла его въ твердостію и нашлось залечить эту сердечную рану, нанесенною утратой сына, поистинѣ героическимъ средствомъ. Марья Григорьевна приняла на себя материнскія обязанности по отношенію къ незаконному сыну своего мужа отъ ея слишкомъ счастливой соперницы, жившей во флигелѣ. Когда родился у «Салохи» сынъ, Марья Григорьевна согласилась на доводы Андрея Григорьевича Жуковскаго, проживавшаго по бѣдности у нея въ домѣ и усыновившаго сына Сальхи, позволить своей дочери, Варварѣ Афанасьевнѣ быть съ Жуковскимъ воспріемницей усыновленнаго имъ ребенка. Она даже приняла его въ свою семью и воспитывала наравнѣ съ своими дѣтьми. Она была такъ внимательна и даже нѣжна къ маленькому Жуковскому, что Афанасій Ивановичъ былъ тронутъ, возобновилъ свои прежнія отношенія къ женѣ и, умирая въ 1791-мъ году, ввѣрялъ своего незаконнаго сына исключительно своей законной супругѣ, съ полной надеждой, что она замѣнитъ ему мать и дастъ самое приличное воспитаніе, что Марья Григорьевна и оправдала съ необыкновенной полнотой и добросовѣстностью. Что касается собственно образованія или, еще частнѣе, обученія В. А. Жуковскаго, то оно по различнымъ причинамъ шло первоначально очень несистематично и неудачно. Еще къ шестилѣтнему Жуковскому былъ выписанъ изъ Москвы гувернеръ, который однако на собственномъ помѣщичьемъ сынѣ примѣнялъ систему царившаго тогда тѣлеснаго наказанія, а потому скоро и былъ удаленъ. Потомъ, передъ смертію, Бунинъ переселился на жительство въ Тулу, и Василій Андреевичъ здѣсь былъ отданъ въ нѣмецкій пансіонъ Христіана Филипповича Роде. Пансіонъ этотъ славился между обитателями Тулы, но на изнѣженнаго дома Жуковскаго не могъ подѣйствовать—ученье мальчику рѣшительно не давалось. Вслѣдъ затѣмъ Жуковскій былъ отданъ въ тульское народное училище, гдѣ старшимъ учителемъ былъ «докторъ философіи» и даже литераторъ Ѳеофилактъ Гавриловичъ Петровскій (по нѣкоторымъ біографамъ Покровскій), который и самъ любилъ называть

себя «философомъ горы Алаунской». Но это былъ педантъ, который, не умѣя внушить мальчику любви къ математикѣ и нѣкоторымъ другимъ предметамъ, не обратилъ вниманія на склонности Жуковскаго къ извѣстному отдѣлу наукъ и исключилъ его изъ училища за неспособность. Потомъ, когда Жуковскій получалъ домашнее образованіе, то въ массѣ учителей и гувернантокъ также нашелся одинъ весьма образованный молодой человѣкъ, который сказалъ о Жуковскомъ: изъ этого мальчика никакого толку не будетъ. Послѣ этихъ неудачныхъ попытокъ дать Жуковскому научное образованіе въ какомъ нибудь заведеніи, роднымъ пришлось удовольствоваться лишь возможностію домашнихъ уроковъ. Тогда въ судьбѣ и воспитаніи Жуковскаго, по смерти его отца Бунина, приняла самое живое участіе крестная мать его, Варвара Афанасьевна уже Юшкова, которая жила въ Тулѣ и которой домъ былъ средоточіемъ всего научно и художественно образованнаго тульскаго общества. Нестолько обученіе, сколько образованіе давала Василью Андреевичу обстановка юшковскаго дома. Варвара Афанасьевна, сама женщина высокообразованная и любившая музыку, артистка въ душѣ и на практикѣ, собирала вокругъ себя всѣхъ любителей искусства и имѣла такое вліяніе на обитателей Тулы, что даже театръ косвеннымъ образомъ находился въ нѣкоторой отъ нея зависимости. Она устроивала у себя литературные и музыкальные, даже концертные вечера. Литературныя и музыкальныя произведенія появлялись и слушались здѣсь вслѣдъ за выходомъ ихъ въ свѣтъ. Карамзинъ и Дмитріевъ были хорошо знакомы этому кружку, и ихъ литературная дѣятельность подвергалась здѣсь даже критикѣ. Трудно даже представить себѣ въ провинціи то, что было въ Тулѣ у Варвары Афанасьевны Юшковой! И въ такой-то именно обстановкѣ развивался Василій Андреевичъ Жуковскій; здѣсь положено было прочное основаніе литературнымъ и также поэтическимъ наклонностямъ даровитаго мальчика. Но кромѣ этой, можно сказать, парадной, праздничной жизни, начинавшейся притомъ съ солнечнымъ заходомъ, была другая жизнь, буд-

ничная, которая имѣла не менѣе привлекательности. Одна идея, казалось, занимала хозяйку этого дома — идея необходимости прекрасной умственной и нравственной подготовки людей къ жизни, достойной имени человѣка. Домъ ея днемъ—это былъ пансіонъ, въ которомъ до двадцати человѣкъ дѣтей, все почти дѣвочекъ одного возраста, занимались съ массой учителей и гувернантокъ. Этому Жуковскій обязанъ нѣжнымъ и мечтательнымъ характеромъ своей музы, которая, подъ вліяніемъ обстановки, стала служить мальчику чрезвычайно рано, уже на двѣнадцатомъ году. Двѣнадцатилѣтній мальчикъ по поводу пріѣзда Марьи Григорьевны Буниной изъ Мишенскаго (куда по смерти мужа она опять возвратилась) погостить у дочери въ Тулѣ, устроилъ большой праздникъ: перерядивъ всѣхъ дѣвочекъ отъ 17-ти лѣтняго возраста до 3-хъ лѣтняго возраста въ одежды римскихъ консуловъ и сенаторовъ, онъ представилъ написанную имъ для этого случая трагедію «Камиллъ или освобожденіе Рима»; исполняя самъ роль героя піесы, онъ и какъ авторъ, и какъ актеръ — заслужилъ вообще одобреніе. Это было первое произведеніе зародившагося таланта, и успѣхъ такъ польстилъ автору, что онъ сейчасъ же принялся за новую піесу «Павелъ и Виргинія», которая, кажется, по винѣ актеровъ, не понявшихъ ролей, потерпѣла однако fiasco...

Между тѣмъ родныхъ Жуковскаго не покидала мысль дать практическое направленіе молодымъ силамъ Жуковскаго, сдѣлать изъ него современемъ человѣка службы, и они готовы уже были удовлетвориться самымъ простымъ и самымъ моднымъ «маневромъ»—опредѣленіемъ Василья Андреевича въ военную службу, но помѣшалъ случай: человѣкъ, которому поручено было ходатайствовать о зачисленіи его въ полкъ, вдругъ потерялся изъ виду и возвратился только черезъ два года, ничего не сдѣлавши для Жуковскаго. Поэтому, когда мальчику исполнилось четырнадцать лѣтъ, заботливая Марья Григорьевна Бунина отвезла его въ благородный пансіонъ, учрежденный при московскомъ университетѣ. Къ этому времени относится смерть крестной матери Жуковскаго, Вар-

вары Афанасьевны Юшковой, въ которой онъ лишился самой нѣжной, внимательной и образованной воспитательницы, а вмѣстѣ съ нею и того общества дѣвочекъ, въ которомъ до сихъ поръ росъ. Но, къ полному счастію Жуковскаго онъ не только ничего не потерялъ въ образованіи своего ума и таланта, но даже много выигралъ, такъ какъ обстановка пансіонская и товарищескій кружокъ къ прежнимъ образовательнымъ элементамъ присоединилъ еще новые, болѣе живые. Самъ мальчикъ уже нѣсколько возмужалъ, развился и сдѣлался настолько самостоятельнымъ, что даже задавалъ тонъ въ товарищескихъ предпріятіяхъ. Такъ онъ во время предпріятія въ университетскомъ пансіонѣ основалъ общество подъ названіемъ «Собраніе воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона», при открытіи его произнесъ рѣчь и единогласно былъ избранъ его предсѣдателемъ. Членами этого общества были почти всѣ старшіе воспитанники пансіона, цвѣтъ современной Жуковскому молодежи, среди которой попадаются всѣ болѣе или или менѣе громкія имена, какъ: Тургеневы, Блудовъ, Воейковъ, князь Вяземскій, Уваровъ, Дашковъ и др. Особенно характерно то обстоятельство, что Жуковскій съ поступленіемъ въ пансіонъ какъ-бы стряхнулъ съ себя умственную вялость и апатію, потому что съ этого времени, обучаясь двадцати наукамъ и пяти языкамъ, кромѣ того, музыкѣ, рисованію, гимнастикѣ, фехтованію, верховной ѣздѣ, оружейнымъ пріемамъ и танцамъ, онъ, облеченный въ красный суконный мундиръ съ золотымъ шитьемъ вдоль петлицъ на груди и бархатнымъ голубымъ воротникомъ, идетъ по успѣхамъ въ первыхъ ученикахъ, на актахъ получаетъ награды и при окончѣніи курса удостоивается даже занесенія его на золотую доску... Но это было бы не полнымъ обозначеніемъ дѣятельности Василья Андреевича Жуковскаго въ пансіонѣ—онъ, кромѣ того, прочитывалъ отъ начала доконца, отъ корки до корки всѣ журналы, какіе попадали въ пансіонъ, и много другихъ книгъ. Но и это еще не все: Жуковскій писалъ и печаталъ различныя статейки и піесы въ изданіяхъ того времени и много переводилъ по заказамъ

книгопродавцевъ, получая довольно приличное по тому времени вознагражденіе. Онъ бралъ, правда, наполовину книгами. О средствахъ къ существованію ему нечего было заботиться: они доставлялись Марьей Григорьевной Буниной и отчасти вдовцомъ его матери крестной, Юшковымъ. Только карманныхъ денегъ онъ получалъ мало, и потому переводы были для него кстати. Первыми оригинальными произведеніями Жуковскаго въ то время были «Мысли (въ прозѣ) при гробѣ», написанныя и напечатанныя въ годъ смерти В. А. Юшковой и поступленія Жуковскаго въ пансіонъ, т. е. въ 1797-мъ году и стихотвореніе: «Майское утро», напечатанное тогда же (см. «Пріятное и полезное препровожденіе времени», 1797 г. часть XIV). Изъ переводовъ его, относящихся къ пребыванію въ пансіонѣ, можно отмѣтить одинъ, подъ названіемъ «Мальчикъ у ручья», въ которомъ Жуковскій проявилъ уже всѣ будущія свойства переводовъ, именно онъ далъ уже свое заглавіе переводу. Между тѣмъ при помощи переводовъ у него къ окончанію курса въ пансіонѣ составилась довольно значительная библіотека изъ сочиненій нѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ, которою онъ и рѣшился воспользоваться на свободѣ въ родномъ Мишенскомъ послѣ годичной службы въ какой-то соляной конторѣ— службы, о которой онъ впослѣдствіи не могъ вспомнить безъ улыбки.

Идиллическая обстановка Мишенскаго, прекрасная природа, холмы, дубравы, ручейки, близость друзей дѣтства и все прекраснаго пола—дѣлали жизнь Василья Андреевича на родинѣ чрезвычайно привлекательною. Чтеніе поэтовъ и французскихъ романовъ дополняли прелесть положенія, и Жуковскій дѣйствительно проникся поэтическимъ настроеніемъ. Увлекательная романтическая поэзія нѣмцевъ и англичанъ совершенно завладѣла всей духовной природой молодого человѣка, такъ что онъ началъ подражать и переводить. Однако нельзя не видѣть, что выборъ Жуковскимъ сюжетовъ для перевода по большей части элегическихъ, обусловливается его собственнымъ настроеніемъ. Біографы недоумѣваютъ, отчего происходитъ это унылое настроеніе,

когда въ жизни Жуковскаго не было почти никакихъ серьезныхъ лишеній, никакихъ поводовъ къ разочарованію. Одни пытаются объяснить это тѣмъ, что будто-бы Жуковскому было постоянно больно смотрѣть, какъ его мать родные трактуютъ нѣсколько низко: она не пользуется тѣмъ вниманіемъ и тою симпатіей, какія выпали на его долю; между ней и родными все то не могло установиться задушевно-родственныхъ отношеній, въ какихъ онъ стоялъ ко всѣмъ въ домѣ, и это будто бы напоминало ему участіе въ его происхожденіи многихъ выходящихъ изъ ряда обыкновенныхъ условій. Другіе романтическое настроеніе Жуковскаго ставятъ въ зависимость отъ тѣхъ молодыхъ настроеній, которыя охватываютъ общества, особенно молодое, и которые не имѣютъ никакихъ основательныхъ причинъ для своего существованія. Но намъ представляется вѣрнѣе взглядъ Бѣлинскаго, который меланхолическій сентиментализмъ Жуковскаго объясняетъ общимъ свойствомъ юношескаго періода въ жизни каждаго человѣка. Есть поры въ жизни человѣка, говоритъ онъ, когда душу его наполняютъ безотчетныя стремленія, безпричинная тоска, когда человѣкъ ищетъ всего и ничего не находитъ, когда всякая ясность и опредѣленность стремленій представляются мертвяще-холодными, когда всякое удовлетвореніе его цѣлей выражается разочарованіемъ, или тогда кажется, что мы достигли совсѣмъ не того, къ чему стремились, не возвышеннаго и необъятнаго, а мизернаго и чувственно-грубаго... Кто не пройдетъ чрезъ чистилище этого безсознательнаго душевнаго состоянія, тотъ по Бѣлинскому не будетъ совершеннымъ человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова, тотъ никогда не пойметъ прелести истины въ самой ея простотѣ. Зависимость отъ хода исторіи, о которой мы выше говорили, объясняетъ, почему Жуковскій и позже юношескаго періода обращался къ груснымъ мативамъ; но еще болѣе утвердили его въ этомъ родѣ поэзіи личныя обстоятельства. Читатель помнитъ, что первой напечатанной вещью Жуковскаго была прозаическая статья «Мысли при гробѣ» его крестной матери. Теперь, въ Мишенскомъ, онъ получилъ извѣстіе

о смерти своего любимаго товарища Андрея Ивановича Тургенева, юноши, подававшаго блестящія надежды; извѣстіе это произвело самое тяжелое впечатлѣніе на нѣжную натуру Василья Андреевича, и онъ перевелъ подъ вліяніемъ этой утраты элегію Грея «Сельское кладбище». Всѣ окружающіе, или вѣрнѣе, окружающія дѣвушки, племянницы Жуковскаго и ихъ подруги, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за переводомъ, понравившемся съ самаго начала, и еще съ большимъ напраженіемъ ожидали, что-то скажетъ Карамзинъ, въ редактируемый которымъ «Вѣстникъ Европы» Жуковскій послалъ свою піесу—напечатаетъ ее или нѣтъ? Чуткій художественный вкусъ мишенскаго общества не обманулъ ожиданій: Карамзинъ не только напечаталъ стихотвореніе, но и отозвался о немъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, съ чѣмъ мишенскіе друзья и поздравили молодого поэта. Особенное значеніе этого стихотворенія то, что съ него собственно начался у насъ въ литературѣ мелодическій стихъ, который и обратилъ вниманіе Карамзина. Стихотвореніе «Сельское кладбище» очень сблизило двухъ писателей; для Жуковскаго же было важно въ томъ отношеніи, что онъ съ этого времени подпалъ вліянію Карамзина, которое отражается на всей послѣдующей дѣятельности Жуковскаго.

У насъ въ Россіи не было еще своихъ романистовъ, и страсть къ романамъ отчасти удовлетворялась, особенно въ высшемъ свѣтѣ, чтеніемъ французскихъ авторовъ. Но въ среднемъ кругѣ влеченіе къ романамъ было не меньше и возбудило множество переводовъ, находившихъ большой сбытъ. Книгопродавцы съ особенной жадностью пріобрѣтали переводы романовъ и даже дѣлали заказы. Жуковскій не былъ въ сторонѣ отъ общаго теченія, въ 1805-мъ году перевелъ «Донъ-Кихота» Сервантеса и перевелъ превосходно. Главное достоинство перевода — необыкновенно живой разсказъ и чистый слогъ, такъ что и теперь, по истеченіи семидесяти-пяти лѣтъ, читается довольно легко. Но съ 1806 года Жуковскій писалъ очень немного. Это объясняется тѣмъ, вѣроятно, что Жуковскій принялъ на себя нѣкоторыя

другія обязанности. Онъ, видя бѣдность и безпомощность сестры своей Екатерины Афанасьевны, не имѣвшей силъ и средствъ дать дочерямъ какое нибудь болѣе или менѣе основательное образованіе, дѣлается учителемъ своихъ двухъ племянницъ, и обращаетъ свое вниманіе и симпатіи на младшую изъ нихъ—Марью Андреевну. Самый способъ обученія носилъ романтическій характеръ: молодой человѣкъ ежедневно отправлялся пѣшкомъ въ сосѣдній Бѣлевъ, гдѣ Е. А. Протасова наняла домъ, и тамъ имѣетъ дѣло въ качествѣ учителя съ двумя существами прекраснаго пола... Вотъ почему Жуковскій, увлекшійся при томъ изученіемъ нѣмецкой романтической литературы, въ этомъ 1806-мъ году написалъ только одно стихотвореніе «Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей», напечатанное въ № 24-мъ «Вѣстника Европы» того же года. Здѣсь же, въ Бѣлевѣ, на завѣщанныя Бунинымъ 10,000 рублей, Жуковскій пріобрѣлъ небольшое имѣніе и построилъ домъ для своей матери. Удовлетворивъ требованію сыновняго долга, по приглашенію Карамзина, Василій Андреевичъ въ началѣ 1808 года прибылъ въ столицу и принялъ отъ него редактированіе «Вѣстника Европы», слѣдуя совершенно тому духу и характеру, который опредѣлилъ для своего изданія Николай Михайловичъ. Такъ, онъ почти весь журналъ наполнялъ своими произведеніями и статьями, ведя одинъ всѣ отдѣлы за исключеніемъ политическаго, порученнаго профессору Каченовскому. Все различіе «Вѣстника Европы» Карамзинскаго и Жуковскаго въ томъ, что статьи и критическія изслѣдованія Жуковскаго были живѣе и серьезнѣе, да въ видѣ приложенія выходили художественныя гравюры. Изъ оригинальныхъ произведеній, напечатанныхъ въ Вѣстникѣ, обратила на себя вниманіе критики и понравилась публикѣ русская баллада «Людмила», прекрасное подражаніе «Леонорѣ» Бюргера, нѣмецкаго поэта. Жуковскій пріобрѣлъ названіе «пѣвца Людмилы» и онъ считается отцомъ русской баллады; нѣкоторые друзья-современники даже прямо называли его «балладникомъ». Огромный успѣхъ имѣла также его повѣсть въ прозѣ «Марьина роща», подражаніе Карам-

зинской «Лизѣ», но это довольно слабое въ художественномъ отношеніи произведеніе въ настоящее время поражаетъ читателя неестественностью положеній и сантиментальностію, въ наше время непонятной и даже приторной. Потрудившись для журналистики три года, Жуковскій передалъ «Вѣстникъ Европы» Каченовскому и уѣхалъ въ Мишенское въ началѣ 1811-го года; лѣтомъ съ матерью и Марьей Григорьевной Буниной снова возвратился въ Москву, гдѣ хотѣли эти добрыя женщины пользоваться совѣтами столичныхъ докторовъ для поправленія здоровья; но въ то же лѣто онѣ обѣ умерли—новая утрата и также очень тяжелая для Жуковскаго, который такъ безгранично любилъ обѣихъ женщинъ! Эта утрата еще болѣе утвердила Жуковскаго въ элегическомъ настроеніи; жизнь устроила такъ, что къ грусти Жуковскаго въ томъ же году прибавился новый элементъ... Послѣ смерти матери и ея соперницы въ этомъ отношеніи Жуковскій поѣхалъ искать утѣшенія въ кругу бывшихъ друзей, въ кругу родной семьи Протасовыхъ, жившихъ теперь въ мѣстечкѣ Муратовѣ Орловской губерніи. Здѣсь Жуковскій скоро познакомился съ однимъ помѣщикомъ, Алексѣемъ Плещеевымъ, проживавшемъ въ селѣ «Черни» въ 30-ти верстахъ отъ Муратова. Домъ Плещеева былъ открытъ для всѣхъ богатыхъ и бѣдныхъ, образованныхъ и необразованныхъ сосѣдей помѣщиковъ, и жизнь въ Черняхъ представляла одинъ сплошной праздникъ, гдѣ спектакли смѣнялись концертами и гдѣ давались піесы собственнаго сочиненія Плещеева, прекраснаго музыканта и талантливаго декламатора. Изъ Муратова въ Черни и обратно постоянно скакали гонцы съ произведеніями искусства, которыми взаимно обмѣнивались Плещеевъ и Жуковскій, при чемъ романсы послѣдняго клались на музыку и исполнялись въ ближайшій пріѣздъ Жуковскаго въ Черни.

Среди такой обстановки Жуковскій полюбилъ младшую дочь Протасовой Марью Андреевну и полюбилъ такъ сильно, что рѣшился даже просить руки ея у ея матери. Екатерина Афанасьевна считала бракъ между дядей и племянницею предосудительнымъ и, какъ женщина рѣшительная, взяла

съ Жуковскаго слово, что онъ ни однимъ намекомъ болѣе не выразитъ своего чувства. Разочарованный поэтъ написалъ по случаю горькаго отказа романсъ, въ которомъ довольно не тонко намекалъ на неудачу своего предложенія. Протасова услышала этотъ романсъ въ Черняхъ, сочла за нарушеніе даннаго поэтомъ обѣщанія и принудила его идти въ ополченіе, что онъ и сдѣлалъ въ августѣ 1812 года. Въ Муратовѣ Жуковскій въ числѣ другихъ произведеній и переводовъ написалъ свою «Свѣтлану», упрочившую его извѣстность какъ поэта, и «Громобой», балладу, первую половину старинной повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ». 19-го августа Жуковскій выступилъ изъ Москвы и все время отечественной войны состоялъ при главнокомандующемъ арміею Кутузовѣ, помогая Скобелеву писать бюллетени, которые тотъ выдавалъ за свои. Наканунѣ битвы при Тарутинѣ Жуковскимъ было написано стихотвореніе «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», слабое въ художественномъ отношеніи, напыщенное, но вѣрно передававшее настроеніе русскихъ воиновъ, съ воинственнымъ призывомъ отмстить за сожженную первопрестольную столицу, который оказался пророческимъ. Стихотвореніе произвело чрезвычайное впечатлѣніе на все русское войско и на весь русскій народъ и достигло даже покоевъ Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Кутузовъ наградилъ за отличіе Жуковскаго чиномъ штабсъ-капитана и орденомъ св. Анны 2-й степени, но вскорѣ Жуковскій заболѣлъ тифомъ и чуть не умеръ. По распущеніи ополченія онъ, больной, возвратился въ Муратово и лишь благодаря тщательному уходу родныхъ возстановилъ вполнѣ свои утраченныя силы и возобновилъ свою поэтическую дѣятельность. Тутъ наступилъ новый періодъ для поэзіи Жуковскаго: она лишается отчасти и на время своего грустнаго элемента. Жуковскій, какъ сынъ народа, во время всеобщаго патріотическаго восторга не могъ настроить свою лиру на минорный тонъ и ударился въ крайность—въ Державинскую и даже Ломоносовскую напыщенность; всѣ почти его произведенія этого періода носятъ характеръ риторически-возвышенныхъ одъ. Послѣ раз-

личныхъ мелкихъ піесъ въ этомъ родѣ онъ написалъ большое посланіе герою-освободителю Европы Александру первому и захотѣлъ, чтобы оно было представлено Императрицѣ. А. И. Тургеневъ исполнилъ желаніе поэта, «Посланіе Императору Александру» очаровало Государыню и Великихъ Князей, было напечатано па казенный счетъ и издано въ пользу автора весьма роскошно; Жуковскому былъ пожалованъ бриллiантовый перстень. Въ губернскихъ же и уѣздныхъ городахъ Россіи «Посланіе» читалось предъ зерцаломъ, портретомъ Государя Императора, въ театрахъ и другихъ публичныхъ собраніяхъ, получивъ значеніе оффиціальнаго гимна. Жуковскій получилъ приглашеніе во дворецъ и весною 1815 года состоялось его свиданіе съ Государыней, при чемъ онъ былъ назначенъ Ея Величества лекторомъ. Но поэта тянуло въ Дерптъ, гдѣ жили теперь Протасовы; онъ слышалъ даже, что Марья Андреевна выходитъ замужъ. По этому онъ не долго оставался при дворѣ и уѣхалъ въ этотъ маленькій нѣмецкій городокъ. Но слухи не вполнѣ оправдались. Напротивъ, Марья Андреевна какимъ-то образомъ узнала, что Жуковскій ее любитъ и даже сватался, и выразила готовность выйдти за него замужъ. Поэтому, пользуясь выходомъ замужъ младшей изъ дочерей Протасовой за профессора дерптскаго университета Воейкова, Жуковскій еще разъ попросилъ руки Марьи Андреевны, но Екатерина Афанасьевна была непреклонна. Жуковскій, возбуждая опасенія петербургскихъ друзей относительно достоинства поэтической дѣятельности, относительно достойнаго употребленія таланта, совершенно ушелъ въ узкую и мелкую жизнь небольшаго городка, восхищаясь мелкой нѣмецкой литературой и узкими взглядами дерптскихъ профессоровъ. Онъ дописывалъ вторую половину повѣсти «Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», подготовлялъ полное изданіе своихъ сочиненій, какъ вдругъ случились два чрезвычайно важныя событія, повліявшія на его дальнѣйшую судьбу. Марью Андреевну посваталъ дѣйствительно дерптскій профессоръ Майеръ, и Жуковскому показалось несправедливымъ устранять у нея семейное счастье, которое такъ долго служило цѣлью

его тщетныхъ мечтаній; Жуковскій «разрѣшилъ» Марьѣ Андреевнѣ вступить въ бракъ, чѣмъ и кончились его натянутыя отношенія къ семейству Протасовыхъ. Вмѣстѣ съ этимъ петербургскіе друзья выдвинули противъ Жуковскаго чрезвычайно побудительное нравственное средство, чтобы призвать его къ болѣе плодотворной дѣятельности. Они выпросили у Государя Императора для Жуковскаго пожизненный пенсіонъ въ 4000 рублей, послѣ чего самъ Жуковскій считалъ преступленіемъ быть бездѣятельнымъ и распростился съ Дерптомъ... Такимъ образомъ кончился, по собственному выраженію поэта, романъ его жизни въ то время, какъ началась исторія... Весною 1817 года Жуковскій, думавшій было писать историческую поэму «Владиміръ» и начавшій изучать исторію, былъ приглашенъ въ педагоги къ невѣстѣ Николая Павловича, Александрѣ Ѳеодоровнѣ, дочери прусскаго короля и сестрѣ германскаго императора, и до 1826 года не отлучно находился при ея высочествѣ, почти ничего не создавая оригинальнаго и дѣлая переводы для своей ученицы по ея указаніямъ изъ Шиллера, Гёте, Гебеля, Кернера, В. Скотта и др., которые и издалъ постепенно въ шести книжкахъ. Положеніе Жуковскаго при дворѣ въ качествѣ педагога наслѣдницы дало, кому слѣдуетъ, возможность замѣтить его достоинства, и потому въ 1826 году, съ восшествіемъ на престолъ Государя Николая Павловича, онъ былъ назначенъ воспитателемъ нынѣ царствующаго Государя Императора, въ какомъ званіи онъ и оставался до 1841 года, на самомъ дѣлѣ, и послѣ этого времени номинально.

Жуковскій никогда не думалъ, что будетъ въ иныхъ отношеніяхъ къ Императорскому дому, чѣмъ отношенія вѣрноподданнаго. Но любовь къ отечеству приблизила его къ престолу, сдѣлала другомъ Императорскаго семейства, а Россія имѣетъ въ немъ воспитателя ею любимаго Императора. Жуковскій смотрѣлъ на свою задачу въ высшей степени серьезно и готовился къ ней самымъ тщательнымъ образомъ. По случаю разстройства здоровья, онъ поѣхалъ заграницу, но этимъ временемъ воспользовался, чтобы пере-

работать, насколько возможно, себя и о знакомиться со всѣми системами воспитанія, остановивъ свое особенное вниманіе на системѣ швейцарца Песталоцци. Онъ представилъ самый совѣстливый отчетъ о своихъ занятіяхъ заграницей; написалъ обширный планъ ученія великаго князя, нынѣ Государя Императора, въ каковомъ планѣ высказывалъ намѣреніе преподавать ту науку, которая объемлетъ всѣ отрасли знанія, необходимаго въ нашъ, вѣкъ науку, тѣсно связанную съ практическимъ знаніемъ людей всѣхъ сословій, въ особенности Европы, и духа вѣка, вровень съ которымъ Государю слѣдуетъ шествовать для пользы своихъ подданныхъ и для прочной основы будущаго благоденствія народа. Такъ какъ Жуковскій тщательно слѣдилъ за уроками другихъ наставниковъ, свѣряя впечатлѣніе, производимое ими, съ предполагаемымъ по его плану, такъ какъ онъ въ теченіи семьнадцати лѣтъ находился при особѣ Государя Императора, то и всю честь духовно-нравственнаго воспитанія нужно приписать ему. Во время служенія Императорскому семейству, съ 1817 по 1841 годъ, Жуковскій между прочимъ сдѣлалъ свои лучшіе переводы «Орлеанской Дѣвы», тр. Шиллера, «Шильонскаго узника», поэмы Байрона, и лучшую переработку прелестной сказки Ла-Моттъ Фуке «Ундина»; изъ немногихъ оригинальныхъ піесъ «Бородинская годовщина» не уступаетъ въ достоинствѣ лучшимъ произведеніямъ лучшей эпохи его творчества. Но онъ служилъ русской поэзіи косвеннымъ образомъ, ходатайствуя за сосланнаго Пушкина, за бѣдствовавшаго Гоголя и участвуя на всѣхъ литературныхъ празднествахъ, какъ, напримѣръ, на юбилеѣ Ивана Андреевича Крылова.

Въ 1841 году, осыпанный монаршими милостями, теперь уже тайный совѣтникъ и кавалеръ орденовъ Св. Анны, Св. Станислава 1-хъ степеней и Св. Владиміра 2-й степени, поэтъ отправился заграницу, женился на 19 лѣтней дочери небогатаго лифляндскаго помѣщика Рейтерна и избралъ мѣстомъ жительства Дюссельдорфъ. Не зная греческаго языка, по переводамъ нѣмецкому и французскому и постоянному руководству лучшихъ нѣмецкихъ филологовъ, В. А. ознакомился съ

безсмертнымъ произведеніемъ Гомера «Одиссеей» и, побуждаемый въ теченіе семи лѣтъ ожиданіями русскихъ ученыхъ и поэтовъ, между прочимъ и Гоголя, сдѣлалъ прекрасный русскій переводъ этого произведенія. Онъ полагалъ, что искупилъ свою вину, какъ родителя во время оно нѣмецкаго романтизма и поэтическаго дядьку чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ. Послѣднимъ капитальнымъ произведеніемъ Жуковскаго былъ переводъ съ иностраннаго языка персидской поэмы «Рустемъ и Зорабъ», оконченный въ 1848 году. Все время пребыванія заграницей Жуковскій съ женой и ребенкомъ переѣзжалъ для поправленія ея и своего здоровья изъ одного мѣста въ другое. Послѣднимъ мѣстопребываніемъ на землѣ для Жуковскаго былъ Баденъ-Баденъ, гдѣ онъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла. Онъ еще на предсмертномъ одрѣ сочинялъ поэму «Вѣчный жидъ», записываемую камердинеромъ, но смерть 12-го апрѣля 1852 года прекратита работу его ума и воображенія. Тѣло Жуковскаго было перевезено въ Россію и похоронено рядомъ съ могилою Карамзина, на кладбищѣ Александро-Невской лавры. Жуковскій жилъ почти 70 лѣтъ и пережилъ многихъ нашихъ поэтовъ.

И такъ, Василій Андреевичъ Жуковскій усвоилъ русской литературѣ поэзію Европы, по преимуществу нѣмецкую и англійскую, и его достоинство и значеніе, какъ поэта, достойно оцѣнено Бѣлинскимъ. Какъ государственный дѣятель, какъ гражданинъ, онъ душой и тѣломъ участвовалъ въ важномъ историческомъ моментѣ русской жизни, въ низложеніи славы Наполеона, и воспиталъ Россіи Царя-Реформатора, что всего лучше оцѣнено самимъ Самодержцемъ. Въ рескриптѣ, къ которому приложенъ орденъ Бѣлаго Орла, сказано, что орденъ дается въ ознаменованіе особеннаго уваженія къ трудамъ на поприщѣ отечественной литературы, съ такою славою въ теченіе пятидесяти лѣтъ подъемлемымъ, и въ изъявленіе душевной признательности за заслуги, (царскому) семейству оказанныя. Наконецъ, гробъ Жуковскаго несъ Тотъ, Кто держитъ теперь въ рукахъ царственный скипетръ Россіи...

безсмертнымъ п
буждаемый въ
ныхъ и поэтов
красный русск
галъ, что иску
оно нѣмецкаго
вѣдьмъ, нѣмец
нымъ произвед
страннаго язы
оконченный въ
цей Жуковскій
правленія ея и
гое. Послѣдни
скаго былъ Б
лаго Орла. Он
му «Вѣчный ж
12-го апрѣля
ображенія. Тѣ
похоронено р
Александро-Не
и пережилъ м

И такъ,
ской литерату
кую и англій
та, достойно
дѣятель, как
валъ въ ва
въ низложен
Реформатора,
цемъ. Въ ре
лаго Орла,
особеннаго у
ной литературы,
лѣтъ подъемлемымъ, и въ изъявленіе душевной признательности за заслуги, (царскому) семейству оказанныя. Наконецъ, гробъ Жуковскаго несъ Тотъ, Кто держитъ теперь въ рукахъ царственный скипетръ Россіи...

VIII.

Пафнутій Львовичъ
Чебышевъ.

Одно изъ наиболѣе видныхъ мѣстъ въ ряду современныхъ общеевропейскихъ ученыхъ занимаетъ, безъ сомнѣнія, нашъ извѣстный математикъ—заслуженный профессоръ императорскаго с.-петербургскаго университета Пафнутій Львовичъ Чебышевъ, котораго парижская академія почтила, въ 1874 году, избраніемъ въ свои члены (associés). Такимъ образомъ, прославленный математикъ нашъ можетъ считаться первымъ изъ русскихъ ученыхъ, удостоенныхъ чести быть причисленными къ составу французскаго института. Такого почета, на который весьма скупа парижская академія, дождались послѣ Чебышева только: знаменитый англійскій геометръ Томсонъ, русскій академикъ Бэръ и, наконецъ, бразильскій императоръ.

Начиная изложеніе біографіи такого выдающагося ученаго, каковъ Пафнутій Львовичъ, нельзя обойти молчаніемъ его родословную, а потому сообщаемъ краткія изъ нея свѣдѣнія.

Дѣдъ нашего славнаго математика, Павелъ Петровичъ Чебышевъ, служилъ въ гвардіи; но чувствуя гораздо болѣе склонности къ мирнымъ занятіямъ науками, чѣмъ къ военнымъ упражненіямъ, Павелъ Петровичъ, будучи еще молодымъ человѣкомъ, бросилъ службу и, удалившись въ свое имѣніе, предался хозяйству и псовой охотѣ, и цѣлые ве-

чера просиживалъ за выкладками, которыя онъ дѣлалъ мѣломъ на столѣ.

Сынъ Павла Петровича, Левъ Павловичъ, служилъ въ тульскомъ ополченіи, принималъ участіе въ войнѣ 1814 г. и находился при взятіи Парижа. По окончаніи отечественной войны, Левъ Павловичъ служилъ по выборамъ и, передъ освобожденіемъ крестьянъ, былъ предводителемъ дворянства боровскаго уѣзда. Въ 1818 году онъ женился на дѣвицѣ А. И. Позняковой и, затѣмъ, поселился въ имѣніи жены своей, селѣ Окатовѣ, Калужской губерніи, Боровскаго уѣзда. Здѣсь, въ 1821 году, 14 мая, родился Пафнутій Львовичъ.

Съ дѣтскихъ лѣтъ у будущаго великаго математика обнаружилась перешедшая по наслѣдству отъ дѣда склонномъ къ вычисленіямъ разнаго рода, а также и техническимъ производствамъ. Такъ, что, будучи ребенкомъ, Пафнутій Львовичъ, безъ всякой посторонней помощи и научной подготовки, устраивалъ самодвижущіяся машины-игрушки и пр. Ариѳметику прошелъ онъ подъ руководствомъ отца своего. На 10 году отъ рожденія, онъ былъ отправленъ отцемъ съ дядею на Кавказъ, въ Пятигорскъ и Желѣзноводскъ. Послѣ чего вернулся въ родовое помѣстье, гдѣ жилъ безвыѣздно до 13 лѣтняго возраста.

Въ 1834 году, Пафнутій Львовичъ началъ готовиться къ поступленію въ университетъ, причемъ въ эти юношескіе еще года безповоротно рѣшилъ уже поступить на физико-математическій факультетъ, называвшійся въ то время вторымъ отдѣленіемъ философскаго факультета.

Въ 1837 году, много обѣщавшій юноша, имѣя 16 лѣтъ отъ роду, выдержалъ экзаменъ прямо въ университетъ, не побывавъ предварительно ни въ одномъ изъ среднихъ учебныхъ заведеній.

Въ университетѣ, Чебышевъ сразу обратилъ на себя вниманіе профессоровъ, въ особенности замѣтилъ его высокочтимый Брашманъ, угадавшій будущее математическое свѣтило въ юношѣ, научными работами котораго онъ началъ руководить съ особымъ стараніемъ. Пафнутій Льво-

вичъ, не иначе какъ съ глубочайшей любовью и почтеніемъ отзывался объ этомъ своемъ учителѣ въ теченіе всей послѣдующей жизни.

Въ 1841 году, окончивъ слушаніе курса университетскихъ наукъ въ Москвѣ, Пафнутій Львовичъ, имѣя 21 годъ отъ роду, получилъ тамъ же степень кандидата втораго отдѣленія философскаго факультета. Въ теченіе всего университетскаго курса онъ былъ первымъ по своему факультету и первымъ кончилъ курсъ.

Будучи крайне стѣсненъ въ чисто денежныхъ обстоятельствахъ, молодой Чебышовъ, по выходѣ изъ университета, намѣревался было поступить на службу и бросилъ это намѣреніе только благодаря увѣщаніямъ учителя и друга своего, покойнаго профессора Брашмана, постоянно убѣждавшаго талантливаго ученика своего хладнокровно переносить всѣ лишенія и не тратить попусту на служебныя занятія времени, которое можно съ пользою употребить на свое дальнѣйшее научное усовершенствованіе.

И вотъ, не смотря на то, что матеріальное положеніе Пафнутія Львовича было весьма стѣснительно, по причинѣ разстройства дѣлъ отца его, онъ преодолѣлъ всѣ житейскія невзгоды и, не помышляя болѣе о карьерѣ, всецѣло отдался ученымъ своимъ занятіямъ и не покидалъ таковыхъ въ теченіе семи лѣтъ, мирясь съ невзгодами. Вполнѣ преданный наукѣ, онъ не увлекался общественной жизнью. Въ 1843 году, онъ усердно приступилъ къ магистерскому экзамену по разряду математическихъ наукъ. Въ 1845 году, Пафнутій Львовичъ выпустилъ въ свѣтъ первое свое сочиненіе, написанное на французскомъ языкѣ. Въ 1846 году, молодой ученый защищалъ свою дисертацію на степень магистра; а въ 1847 году, — принятъ былъ въ с. петербургскій университетъ доцентомъ. Пафнутію Львовичу исполнилось 26 лѣтъ, когда онъ занялъ каѳедру; съ тѣхъ поръ прошло уже 33 года—и въ теченіи всего этого времени онъ съ громадныхъ успѣхомъ занималъ каѳедру. Ему приходилось читать лекціи по всѣмъ отраслямъ чистой математики и по практической механикѣ. Сначала читалъ онъ высшую алгебру

и теорію чиселъ, а потомъ, вмѣстѣ съ вышепоименованными предметами, онъ читалъ также аналитическую геометрію и сферическую тригонометрію, а сверхъ того—теорію эллиптическихъ функцій. Онъ занимался также временно со студентами реальнаго отдѣленія, преподавая имъ интегрированіе дифференціальныхъ уравненій и практическую механику. Въ 1860 году, когда послѣдовало новое распредѣленіе занятій математическаго факультета — талантливый профессоръ взялъ на себя чтеніе интегральнаго исчисленія, теоріи чиселъ и теоріи вѣроятности, съ исчисленіемъ конечныхъ разностей.

Такъ какъ лекціи Чебышева обыкновенно заключали въ себѣ много самостоятельныхъ изслѣдованій и всегда отличались блестящимъ, остроумнымъ изложеніемъ, то смѣло можно сказать, что онѣ выдерживаютъ весьма успѣшно сравненіе съ лекціями знаменитыхъ европейскихъ ученыхъ, тѣмъ болѣе, что шли всегда въ уровень съ европейскимъ состояніемъ науки и содержали послѣднее слово ея.

Главная заслуга Пафнутія Львовича, какъ педагога, заключается, по общимъ отзывамъ учениковъ его, въ томъ, что онъ обладалъ умѣньемъ пробудить въ своихъ слушателяхъ любовь къ математическимъ изслѣдованіямъ и разумно руководилъ ихъ въ сложныхъ научныхъ занятіяхъ. Не слѣдуетъ забывать, что всѣ молодыя и сильныя дарованія по математикѣ, которыми такъ обогатился петербургскій университетъ въ шестидесятыхъ годахъ, получили развитіе свое подъ руководствомъ прославленнаго нашего профессора, которому русская нація обязана образованіемъ многихъ извѣстныхъ ученыхъ, составившихъ почтенное имя въ математикѣ. Таковъ профессоръ Чебышевъ, какъ университетскій преподаватель. Многіе изъ учениковъ его занимаютъ въ настоящее время каѳедры въ другихъ русскихъ университетахъ и продолжаютъ достойно служить наукѣ своими учеными изслѣдованіями. Нѣкоторые изъ бывшихъ учениковъ его сошли уже въ могилу. Петербургскій университетъ еще и теперь оплакиваетъ неожиданную смерть недавно трагически погибшаго молодаго ученаго, профессора

Золотарева *), главныя работы котораго относятся къ развитію работъ Чебышева. Такъ напримѣръ, послѣдній (что извѣстно математикамъ всего свѣта), отыскалъ особый методъ интегрированія и обнародовалъ его, но безъ приведенія доказательствъ. Золотаревъ же напечаталъ цѣлое изслѣдованіе о методѣ своего уважаемаго профессора подъ заглавіемъ: «Sur la méthode d' intégration de m-r Tchébycheff», гдѣ доказалъ основательность теоріи своего учителя и, затѣмъ, обобщилъ эту теорію въ особой диссертаціи, изданной въ 1874 году, подъ заглавіемъ: «Теорія цѣлыхъ комплектныхъ чиселъ съ приложеніемъ къ интегральному исчисленію». Такое обобщеніе потребовало установленія общей теоріи идеальныхъ чиселъ, которыя и были введены въ науку Куммеромъ, съ цѣлью распространенія закона взаимности двухъ простыхъ чиселъ на вычеты какой-угодно степени. Съ глубокой признательностью и почти съ восторженной любовью отзывался покойный профессоръ объ ученой дѣятельности своего учителя. Однажды въ дружеской бесѣдѣ сказаны имъ были незабвенныя слова, какъ нельзя лучше опредѣляющія взглядъ Золотарева на великаго нашего математика.

— «Найти и вѣрно поставить вопросъ въ математикѣ несравненно труднѣе, чѣмъ его рѣшить, говорилъ молодой ученый, — какъ скоро вопросъ поставленъ и поставленъ вѣрно, то рѣшеніе его такъ или иначе всегда отыщется; Пафнутій Львовичъ отличается изумительную способностью и умѣньемъ ставить новые вопросы въ математикѣ. Это умѣнье ученаго математика служитъ несомнѣннымъ признакомъ его геніальности».

Что же касается до служебной карьеры профессора Чебышева, то она шла своимъ чередомъ, такъ какъ математикъ нашъ никакихъ повышеній не добивался: человѣкъ

*) Поѣздомъ желѣзной дороги несчастному перерѣзало обѣ ноги и онъ умеръ черезъ нѣсколько часовъ въ страшныхъ мукахъ. Одинъ изъ учениковъ его, студентъ университета, случайно попавшій на катастрофу, употребилъ всѣ усилія, чтобы облегчить несчастному послѣднія страдальческія минуты. Впослѣдствіи студентъ этотъ, (фамилію котораго мы, къ сожалѣнію, забыли) опубликовалъ въ печати всѣ подробности этаго печальнаго событія.

науки совершенно заслонялъ въ немъ въ теченіи всей жизни человѣка практики, въ узкомъ обыденномъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ, считаемъ необходимымъ отмѣтить важнѣйшія перемѣны въ служебной дѣятельности заслуженнаго профессора, со времени его пребыванія въ университетѣ въ качествѣ преподавателя, т. е. съ 1847 года. Въ 1849 году Пафнутій Львовичъ пріобрѣлъ докторскую степень петербургскаго университета. Въ 1852 году объѣздилъ онъ, съ учеными цѣлями, преимущественно по вопросамъ практической механики, Францію, Англію, Бельгію и Германію.

Въ слѣдующемъ 1853 году получилъ Чебышевъ званіе экстраординарнаго профессора Петербургскаго университета и выбранъ былъ, независимо отъ этого, въ адъюнкты академіи наукъ. Въ 1856 году, онъ совершилъ, по примѣру 1852 года заграничную поѣздку съ учеными цѣлями, только въ этотъ разъ на болѣе продолжительный срокъ. Въ томъ же 1856 году профессоръ Чебышевъ выбранъ въ члены-корресподенты парижской академіи, а также въ дѣйствительные члены нашего артиллерійскаго комитета и въ почетные члены московскаго университета. Въ 1857 году онъ былъ уже ординарнымъ профессоромъ петербургскаго университета и усердно предался изученію механики, въ области которой ему вскорѣ пришлось совершить множество полезныхъ открытій. Въ 1859 году, Пафнутій Львовичъ выбранъ академіею наукъ въ ординарные академики по прикладной математикѣ; а въ 1865 году, Берлинская академія избрала его своимъ членомъ-корреспондентомъ. Наконецъ, въ 1874 году великій математикъ нашъ удостоенъ былъ, какъ мы уже говорили въ началѣ біографіи, парижскою академіей того почета, который выпадаетъ на долю слишкомъ немногихъ изъ ученыхъ, а именно—избраніемъ въ свои члены. Правительство наше также чтило заслуги Пафнутія Львовича и повышенія въ чинахъ быстро слѣдовали для него одно за другимъ. Въ настоящее время онъ состоитъ въ чинѣ тайнаго совѣтника. Для бо́льшей ясности, перечислимъ въ заключеніе важнѣйшія изъ тѣхъ званій, которыя носитъ заслуженный—профессоръ Императорскаго

петербургскаго университета. Онъ числится: докторомъ мамnetwork матики и астрономіи, членомъ петербургской и парижской академій наукъ, а также лондонскаго королевскаго общества, почетнымъ членомъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, артиллерійскаго Училища, а также Императорскихъ университетовъ—московскаго, кіевскаго, новороссійскаго и московскаго техническаго училища, членомъ-корреспондентомъ берлинской академіи наукъ и разныхъ заграничныхъ обществъ.

Уваженіе европейскихъ ученыхъ къ научнымъ заслугамъ нашего математика выразилось и на послѣднемъ, состоявшемся въ 1878 году, научномъ конгрессѣ въ Парижѣ, гдѣ Пафнутій Львовичъ былъ избранъ почетнымъ предсѣдателемъ двухъ секцій: математической и механической. Онъ сдѣлалъ въ засѣданіяхъ этихъ секцій нѣсколько весьма интересныхъ сообщеній, касательно теоріи вѣроятностей, теоріи чиселъ, практической механики и новаго приложенія математическаго анализа къ предмету, который казался недоступнымъ для строго-научныхъ изслѣдованій, а именно—къ кройкѣ платья. По словамъ французскихъ газетъ, заявленіе о томъ, что русскій ученый Чебышевъ будетъ дѣлать сообщеніе о приложеніи математики къ кройкѣ платья привлекло небывалое множество публики, заинтересованной своеобразностью предмета. Пафнутій Львовичъ показалъ — какимъ способомъ слѣдуетъ вычислять форму данныхъ линій, которыми должны быть ограничены куски матеріи, для того, чтобы изъ нихъ можно было составить чахолъ, ровно покрывающій тѣло какого-либо вида. Онъ вычислилъ, для подтвержденія этой теоріи, форму кусковъ, изъ которыхъ долженъ былъ составиться подобный чахолъ для шара; а затѣмъ сшитъ былъ и самый чахолъ, вполнѣ подтвердившій справедливость ученыхъ изысканій.

Рефераты, прочтенные въ 1878 году Пафнутіемъ Львовичемъ въ засѣданіяхъ французскаго математическаго общества и международнаго конгресса ученыхъ, отпечатаны на французскомъ языкѣ. Ими подкрѣпляется и упрочивается заслуженная учеными трудами извѣстность и слава нашего

течественнаго ученаго, признаваемаго и въ Европѣ, и въ Америкѣ однимъ изъ первыхъ математиковъ нашего времени.

Нельзя не выразить сожалѣнія по поводу скораго выхода профессора Чебышева въ отставку. Потеря такого преподавателя несомнѣнно весьма чувствительна для университета и незамѣнима по отношенію къ интересамъ истинно научнаго образованія въ Россіи. Впрочемъ, оставивъ каѳедру, геніальный математикъ не порветъ окончательно своихъ занятій со студентами и будетъ, по временамъ, читать лекціи, въ качествѣ приватъ доцента. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ предоставилъ въ пользу студенческой читальни, находящейся при петербургскомъ университетѣ, новое изданіе весьма распространеннаго сочиненія своего, носящаго заглавіе: «Теорія сравненій».

Изъ другихъ сочиненій Чебышева отдѣльною книгой имѣется на русскомъ языкѣ, кромѣ «Теоріи сравненій», только сочиненіе «Опыты элементарнаго анализа теоріи вѣроятностей».

Обративъ вниманіе на значительную неточность всѣхъ вообще географическихъ картъ, Пафнутій Львовичъ, послѣ многихъ трудовъ, достигъ способа получать самыя точныя географическія карты. Плодомъ этихъ изслѣдованій былъ трактатъ «О черченіи географическихъ картъ», написанный для университетскаго акта 1856 года и вскорѣ послѣ того изданный въ Парижѣ на французскомъ языкѣ. Одновременно съ этимъ, уважаемый математикъ нашъ занялся разборкою бумагъ, оставшихся послѣ великаго Эйлера и возстановилъ два его мемуара. Около того-же времени, началъ онъ разработку вопроса объ интерполированіи и нашелъ такой общій способъ, который, какъ согласный съ теоріей наименьшихъ квадратовъ, даетъ наилучшіе результаты, а потому успѣлъ уже войти въ употребленіе, какъ у насъ, такъ и на западѣ. Изъ болѣе раннихъ работъ Пафнутія Львовича, изданныхъ на разныхъ языкахъ, особенно выдаются изслѣдованія: 1) «О теоріи вѣроятностей» (1846 годъ); 2) «Объ интегрированіи ирраціональныхъ дифференціаловъ»; и 3) различные мемуары, появлявшіеся около времени вы-

хода въ свѣтъ «Теоріи сравненій»; изъ мемуаровъ этихъ весьма важное значеніе для науки имѣютъ два, изъ которыхъ въ одномъ—теоретически доказаны выводы, къ которымъ извѣстный Гаусъ пришелъ по наблюденіямъ (какъ видно изъ рукописей покойнаго); въ другомъ-же мемуарѣ, представленномъ въ академію наукъ спустя полтора года послѣ перваго, вполнѣ доказано такъ называемое «postulatum» Бертрана. Изъ мемуаровъ Чебышева, появившихся въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, успѣли получить извѣстность между математиками слѣдующіе: 1) «О функціяхъ, наиближе подходящихъ къ нулю»; 2) «О разложеніи въ ряды»; 3) «О наибольшихъ и наименьшихъ» и нѣкоторые другіе, относящіеся къ механикѣ, напр.: «О механическихъ паралелограмахъ», «О центробѣжныхъ уравнителяхъ», «О зубчатыхъ колесахъ» и т. д. Многочисленные труды, стяжавшіе Чебышеву извѣстность въ Европѣ и Америкѣ, помѣщались имъ въ изданіяхъ академіи наукъ и въ математическихъ журналахъ «Ліувилля» (французскомъ) и Крелля (нѣмецкомъ).

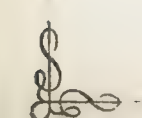
Замѣчательна особенность научныхъ пріемовъ Пафнутія Львовича. Какъ вполнѣ геніальный математикъ, онъ въ произведеніяхъ своихъ употреблялъ совершенно новые пріемы для изслѣдованій и достигъ тѣхъ блистательныхъ результатовъ, которые обезсмертили имя его, только посредствомъ этихъ, до него неизвѣстныхъ, пріемовъ. Особенныя заслуги оказаныя имъ науки тѣмъ, что онъ: 1) отыскалъ предѣлы для числа, показывающаго сколько имѣется простыхъ чиселъ между двумя данными цѣлыми числами; 2) опредѣлилъ условія, при которыхъ интеграмъ алгебраической функціи, содержащей радикалъ, выразимъ алгебраически или логариѳмически; 3) изложилъ общую теорію механизмовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ паралелограммовъ; 4) изложилъ также общій способъ для нахожденія приблизительныхъ выраженій, которыя даютъ для данной функціи значеніе, наиближе подходящее къ *истинному* въ данныхъ предѣлахъ; 5) сдѣлалъ изслѣдованіе о непрерывныхъ дробяхъ, раскрывающее новое и важное значеніе этихъ дробей при разложеніи функцій

въ ряды; 6) произвелъ интерполированіе по способу наименьшихъ квадратовъ, имѣющее значительное преимущество передъ другими способами интерполированія; 7) нашелъ наибольшія и наименьшія суммы, составленныя изъ значеній цѣлой функціи и ея производныхъ; 8) открылъ новый механизмъ, замѣняющій паралелограммъ Витта, какъ наиболѣе удовлетворяющій условію, необходимому для преобразованія прямолинейнаго движенія въ вращательное.

Вообще, математическіе труды нашего ученаго отличаются не только своеобразностью пріемовъ, но и счастливою разработкою такихъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ ранѣе либо вовсе не затрогивалось, либо представляло такія затрудненія, которыя не могли быть преодолѣны даже первостепенными геометрами.

Какъ членъ военно-ученаго комитета, Чебышевъ занимался различными предметами, относящимися къ артиллеріи. Въ 1858 г. онъ производилъ опыты надъ стрѣльбою цилиндро-коническими ядрами особаго вида.

Въ настоящее время, Пафнутій Львовичъ, удалившись отъ свѣта, вполнѣ отдался любимымъ научнымъ занятіямъ въ тиши своего кабинета. Онъ ведетъ сидячую домашнюю жизнь, хотя и не имѣетъ семьи. Въ свободное отъ плодотворныхъ научныхъ трудовъ своихъ время уважаемый математикъ не тратитъ напрасно часовъ отдыха. Онъ предается въ эти часы физическимъ трудамъ, работая на пользу механики, и выполняетъ собственноручно модели, съ которыхъ потомъ дѣлаются настоящія машины. Машины эти московское техническое училище выставляло уже нѣсколько разъ на выставкахъ за границей, въ Вѣнѣ, Филадельфіи и Парижѣ, а также и здѣсь въ Россіи. Паровыя машины съ механизмомъ работы Чебышева многократно обращали на себя вниманіе европейскихъ и американскихъ ученыхъ и возбуждали толки въ журналахъ, газетахъ и изданіяхъ, относящихся до выставокъ.

въ ряды; 6) произв[illegible] интерполированіе по способу наименьшихъ квадрат[illegible] имѣющее [illegible] передъ другими [illegible] интерпо[illegible] большія и [illegible] цѣлой фу[illegible] вый механ[illegible] наиболѣе удовлетворяющій [illegible] образованія прямолинейнаго [illegible]

Вообще, математическіе тр[illegible] не только [illegible] работкою такихъ вопро[illegible] вовсе не затр[illegible] нія, которыя [illegible] ными геометрами.

Какъ [illegible] мался различными [illegible] ріи. Въ 1858 г. онъ [illegible] цилиндро-[illegible]

Въ настоящее время, [illegible] шись отъ свѣта, вполнѣ отд[illegible] занятіямъ въ тиши своего [illegible] домашнюю жизнь, хотя и [illegible] отъ плод[illegible] жаемый [illegible] Онъ пр[illegible] на пол[illegible] съ кото[illegible] эти мо[illegible] скольк[illegible] дельфі[illegible] машин[illegible] обраща[illegible] ученых[illegible] изданіяхъ [illegible]

Алекс. Воскресенский

IX.

Александръ Абрамовичъ

Воскресенскій.

Александръ Абрамовичъ Воскресенскій принадлежитъ къ числу лицъ, дѣятельность которыхъ относится къ эпохѣ развитія русской науки. Онъ духовнаго происхожденія, учился въ Тверской семинаріи, а потомъ поступилъ въ педагогическій институтъ, который занималъ половину зданія, въ которомъ теперь помѣщается университетъ. Многіе профессоры тогда были иностранцы, и лекціи по нѣкоторымъ предметамъ читались на иностранныхъ языкахъ. Средства педагогическаго института были небольшія, и хотя онъ состоялъ также изъ трехъ факультетовъ (физико-математическаго, историко-филологическаго и нѣкоторое время юридическаго), но не обладалъ такимъ количествомъ учебныхъ пособій, какое имѣетъ теперь, напримѣръ, университетъ. Въ этомъ-то заведеніи, имѣвшемъ цѣлію подготовлять преподавателей, и воспитывался Александръ Абрамовичъ, здѣсь-то онъ и познакомился съ начальными основами естественныхъ наукъ, для насажденія которыхъ на русской почвѣ и въ русскихъ умахъ онъ такъ много потрудился.

Въ это время во главѣ министерства народнаго просвѣщенія стоялъ графъ Уваровъ, который поставилъ одною изъ цѣлей своей дѣятельности замѣнить профессоровъ иностранцевъ русскими. Для этого даровитые студенты отправлялись за границу, въ числѣ ихъ былъ отправленъ и Воскресенскій, уже обратившій на себя вниманіе. За границей

Александръ Абрамовичъ скоро усвоилъ все, что не могъ усвоить за недостаткомъ приборовъ и учебныхъ пособій въ институтѣ (на химическую лабораторію тогда ассигновалось 400 рублей *ассигнаціями*), слушалъ лекціи и работалъ у Магнуса и Розе, а потомъ занимался химическими изслѣдованіями въ лабораторіи Либиха, получившій всемірную извѣстность по своему богатству и обилію химическихъ препаратовъ, въ Гиссенѣ. Впослѣдствіи знаменитый германскій ученый, у котораго въ лабораторіи работали всѣ европейскія знаменитости науки, говорилъ, что между множествомъ самыхъ даровитыхъ людей такого талантливаго и такъ много обѣщающаго въ будущемъ ученика, какъ Воскресенскій, онъ не имѣлъ. Чрезъ два года А. А. Воскресенскій явился въ Россію съ диссертаціей, въ которой доказалъ въ хлѣбной коркѣ присутствіе особой кислоты, которую и назвалъ хинною. Это время было еще временемъ зарожденія органической химіи, когда органическая химія стала отдѣляться отъ остальной части химія, какъ самостоятельная, обширная и имѣющая большое значеніе наука. Къ этой области принадлежатъ и другія работы Александра Абрамовича, именно: 1) открытіе алкалоида въ шоколадѣ, названнаго имъ *теоброминомъ*, и 2) открытіе «*хинона* (бензальнаго), прототипа многихъ другихъ хиноновъ, изъ которыхъ напр. антрацитный далъ богатый матеріалъ для приготовленія искусственной краски (марены), и др. Это три самыя важныя работы Александра Абрамовича Воскресенскаго. По пріѣздѣ въ Россію, онъ хотя работалъ для науки вообще, но мало; и это не потому, какъ многіе думаютъ, что мысль Александра Абрамовича, какъ русскаго, получивши только нѣкоторые результаты, охладѣла къ изслѣдованіямъ, что его творческая способность носила характеръ, свойственный первой, низшей степени научнаго самосознанія, характеръ скорой удовлетворительности результатами своей работы, нѣтъ: онъ своимъ проницательнымъ умомъ видѣлъ, что Россія болѣе всего нуждается въ распространеніи научныхъ понятій, что ему предстоитъ одна изъ самыхъ важныхъ и благородныхъ задачъ—подготовить

въ Россіи обширную и твердую почву для самостоятельныхъ изслѣдованій въ области науки. Когда онъ явился изъ-за границы, взоры всѣхъ устремились на эту молодую силу, всѣ захотѣли на мѣсто иностранныхъ учителей имѣть своего русскаго, и всѣ часы у Александра Абрамовича были разобраны для лекцій въ главномъ педагогическомъ институтѣ, въ университетѣ, въ институтѣ путей сообщенія, въ инженерной академіи, въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ и др., такъ что онъ всецѣло превратился въ учителя. И дѣйствительно, Александръ Абрамовичъ въ теченіе 35 лѣтъ воспиталъ цѣлое поколѣніе молодыхъ людей, такъ что, по словамъ друзей Александра Абрамовича, ученики послѣдняго, когда онъ шелъ по улицѣ, попадались ему всюду, и иногда Александру Абрамовичу приходилось идти какъ бы безъ шапки, чтобы отвѣчать на всѣ поклоны многочисленныхъ его почитателей.

Александръ Абрамовичъ Воскресенскій въ теченіе тридцатипятилѣтняго служенія русской наукѣ, направилъ многіе молодые умы на истинный путь научнаго прогресса, такъ что имена многихъ его учениковъ неизгладимо вписаны въ исторію развитія науки вообще, и нѣкоторые изъ нихъ еще и теперь принимаютъ дѣятельное участіе въ ходѣ научнаго развитія. Отличительнымъ свойствомъ чтеній Александра Абрамовича были простота и общедоступность. Одна изъ любимыхъ его фразъ была: «а! да не боги кирпичи обжигаютъ!» Такъ любилъ онъ выражать ту несомнѣнно вѣрную идею, что на западѣ не существуетъ какихъ-либо исключительныхъ условій для научныхъ открытій. И нужно было видѣть, чтобы знать, какое сильное впечатлѣніе производила на слушателей эта фраза, побуждая ихъ къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ. Она имѣла особенное значеніе тогда, лѣтъ сорокъ назадъ, когда иностранные учителя кабинетною суровостью и ученой важностью запугивали молодой умъ, и безъ того очень робкій для самостоятельныхъ попытокъ на поприщѣ научнаго изслѣдованія. Это, конечно, лишнее теперь, когда каждому еще съ гимназической скамьи не страшно думать, что онъ можетъ со-

ставить себѣ имя въ наукѣ. Вообще объ Александрѣ Абрамовичѣ Воскресенскомъ нужно сказать, что это типъ перваго русскаго ученаго и профессора.

Александръ Абрамовичъ нѣкоторое время былъ ректоромъ здѣшняго университета. Усталый отъ профессуры, онъ оставилъ чтенія и, не желая вовсе разстаться съ любезнымъ ему школьнымъ дѣломъ, принялъ предложенный постъ попечителя Харьковскаго учебнаго округа, но чрезъ два года вышелъ въ отставку, откровенно говоря въ кругу своихъ друзей: «это не по мнѣ». Послѣдніе семь-восемь лѣтъ онъ былъ членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія, сохраняя живѣйшее участіе къ успѣхамъ современнаго знанія. Еще недавно онъ участвовалъ на съѣздѣ естествоиспытателей и съ живою радостію и теплою любовію говорилъ о молодыхъ силахъ науки, проявлявшихся въ лицѣ присутствовавшихъ на съѣздѣ молодыхъ ученыхъ. Онъ умеръ вѣрный дѣлу насажденія науки въ Россіи и на послѣдніе пожитки основалъ большую школу въ деревнѣ на своей родинѣ (въ Тверск. губ.), гдѣ и пожелалъ быть похороненнымъ. Отпѣваніе происходило въ четвергъ, 24 января, въ университетской церкви, куда собрались многіе профессорствующіе его ученики и сослуживцы. Небольшая горсть студентовъ слѣдовала до Николаевскаго вокзала за гробомъ этого ветерана русской науки

Приводимъ подробный перечень ученыхъ трудовъ профессора химіи Александра Воскресенскаго.

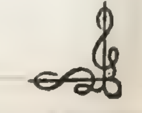
1) Ueber die Einwirkung der wasserfreien Schwefelsaeure auf das oelbildernes Gas. Liebig's Annal. T. 25, p. 113.

2) Ueber die Zusammensetzung der Chinesaeure. Liebig's Annal. T. 27, p. 257.

3) Ueber das Chinoyl, ibid. p. 268.

4) Ueber die Zusammensetzung der Naphtalins, Liebig's Annal. T. 26, p. 66.

5) Sur la Théobromine, substance azotté decouverte dans les fruits de Cacao. Bullet. de l'Acad. Imp. des sciences de S.-Petesrbourg, T. VIII, № 13.

6) Ueber die Einwirkung der Alkalien auf das Chinon. Ibid. T. III, p. 21.

7) Ueber die Zusammensetzung des Innulins. Ibid. T. V, p. 36.

8) Untersuschung ueber die in Russland vorkommenden Brennmaterialien des Mineralreichs. Bullet. de l'Acad. Im. des sciences de S. Petersbourg. T. IV. № 22, 23, 24.

9) Acide perseffocyan-hydrique; I. Liebig, traité de Chim. org. I, 192.

10) Ueber die Einwirkung des Chlors auf das Chinon. Journ. f. prakt. Chem. T. XVIII, p. 419.

X.

Михаилъ Евграфовичъ

Салтыковъ.

Родился Михаилъ Евграфовичъ 15-го января 1826 года, въ селѣ Спасскомъ, Калязинскаго уѣзда, Тверской губерніи. Безбѣдная жизнь въ домѣ отца, богатаго помѣщика, въ здоровой и красивой мѣстности, способствовала его физическому и эстетическому развитію, тогда какъ умственноое развитіе было поставлено въ зависимость отъ двороваго человѣка Салтыковыхъ. Выборъ былъ сдѣланъ тѣмъ не менѣе удачно. Наставникъ Михаила Евграфовича обладалъ многими достоинствами, какія имѣетъ далеко не всякій и образованный человѣкъ: это былъ бойкій, бывалый и насквозь знающій людей и жизнь, и къ тому же еще «художникъ». Когда Михаилу Евграфовичу исполнилось 7 лѣтъ, онъ сталъ учиться читать и писать по методѣ стараго, отеческаго и даже дѣдовскаго времени, по складамъ и съ неизбѣжною указкой въ рукѣ. Подъ руководствомъ этого наставника, занятія Михаила Евграфовича продолжались въ теченіи года, потомъ онъ перешелъ подъ женское образованное вліяніе. Старшая сестра его, Надежда Евграфовна, только что окончила курсъ въ московскомъ екатерининскомъ институтѣ, пріѣхала домой съ подругой своей г-жею Васильевской, и обѣ занялись обученіемъ и воспитаніемъ будущаго сатирика и другихъ дѣтей. Но такъ какъ познаній ихъ было недостаточно для приготовленія мальчика въ московскій дворянскій институтъ, куда

Михаилъ Евграфовичъ

Салтыковъ.

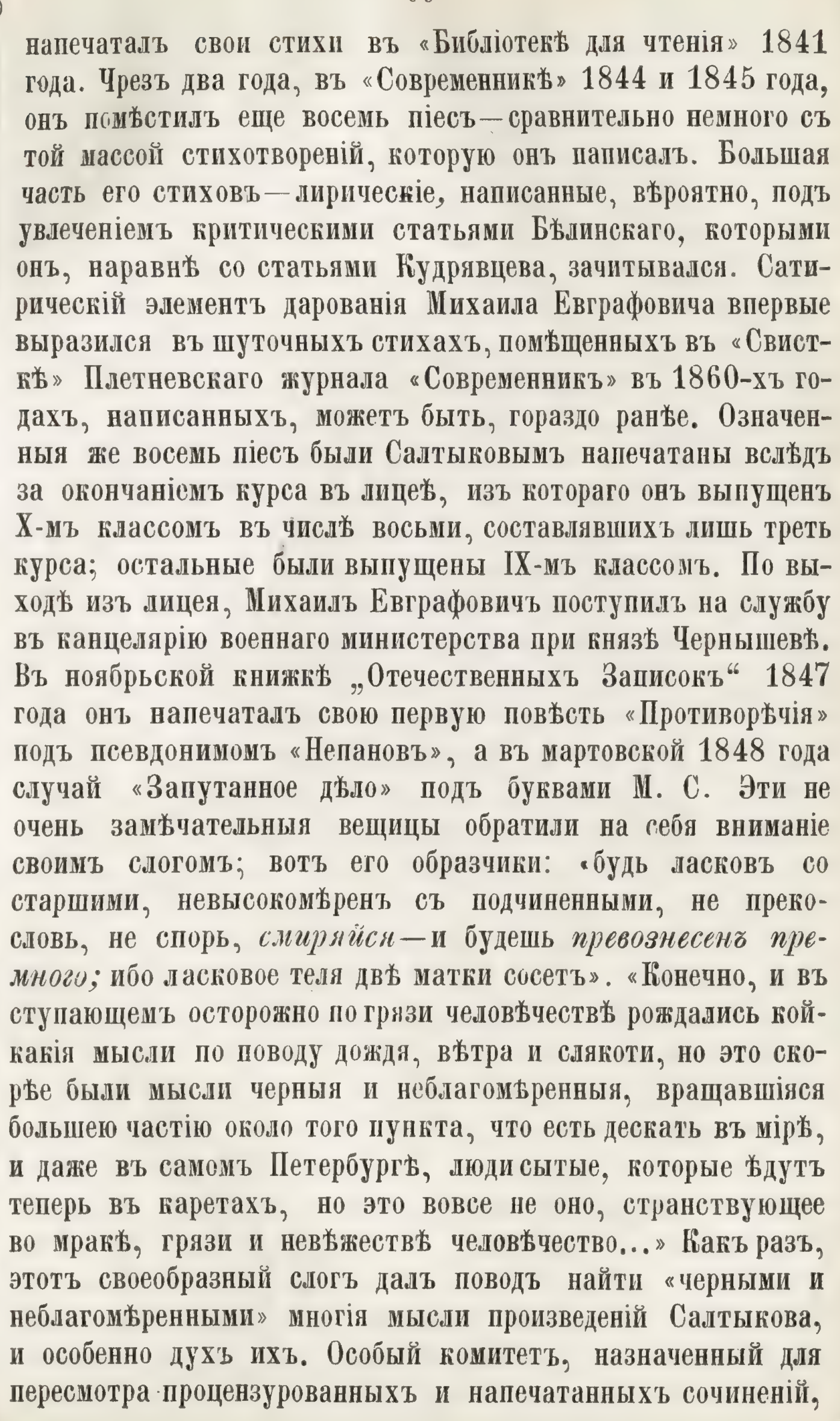
Р[illegible] года,
[illegible]
[illegible]
[illegible]
ств[illegible]
как[illegible]
отъ[illegible]
лан[illegible]
фов[illegible]
лек[illegible]
быв[illegible]
же [illegible]
нил[illegible]
тод[illegible], по
скл[illegible]
вод[illegible]
про[illegible]
жен[illegible]
Евграфовна, только [illegible] въ московскомъ
ека[illegible]
гой [illegible]
и воспит[illegible] будущ[illegible] и другихъ дѣтей. Но
такъ [illegible]
ленія мальчика въ московскій дворянскій институтъ, куда

отецъ думалъ опредѣлить сына, то съ Михаиломъ Евграфовичемъ закономъ Божіимъ и латинскимъ языкомъ занимзлся о. Иванъ, священникъ села Заозерья. Это были постоянные учителя маленькаго Салтыкова. Кромѣ нихъ, отецъ мальчика приглашалъ на лѣтнія вакаціи студента троицкой духовной академіи Матвѣя Петровича Салмина. Студенты духовной академіи въ то время пользовались заслуженнымъ довѣріемъ въ провинціи, и г. Салминъ два лѣта успѣшно занимался съ Михаиломъ Евграфовичемъ, обнаружившимъ большія умственныя дарованія. Десяти лѣтъ отлично подготовленный мальчикъ поступилъ въ третій классъ института и, пробывши въ заведеніи два года, за превосходные успѣхи въ 1838 году отправленъ въ царскосельскій лицей въ числѣ двухъ воспитанниковъ, каждые полтора года поступавшихъ изъ московскаго дворянскаго института, въ силу привиллегіи дарованной.

Съ поступленіемъ въ лицей Михаилъ Евграфовичъ изъ отличнаго ученика вдругъ превратился въ слабаго. Эта перемѣна въ хорошо развитыхъ юношахъ всегда рѣзко бросается въ глаза, приводитъ въ изумленіе учителей и даже возбуждаетъ преслѣдованія, а часто холодное, равнодушное пренебреженіе. Они лишь смутно понимаютъ, что юношу занимаетъ какой-то другой міръ идей и понятій, но это еще болѣе раздражаетъ ихъ, такъ какъ дѣйствительно грустно видѣть, когда даровитый мальчикъ пренебрегаетъ тѣми средствами къ осуществленію своихъ стремленій, къ служенію свеому дарованію, которыя указываются наукой и сообщаются уму человѣка при изученіи различныхъ областей вселенной и исторической жизни народовъ. По большей части однако эти сожалѣнія и сопровождающее ихъ, часто жестокое, преслѣдованіе оказываются напрасными: даровитые юноши самостоятельно и болѣе прочно усвоиваютъ себѣ все, чего они не хотѣли усвоить въ школѣ, которая для нихъ является чѣмъ-то въ родѣ мѣста «прикомандировки». Самыя занятія научныя, какъ нѣчто обязательное, представлиются имъ слишкомъ сухими, скучными; они ищутъ болѣе жизненнаго, въ чемъ бы проявлялась

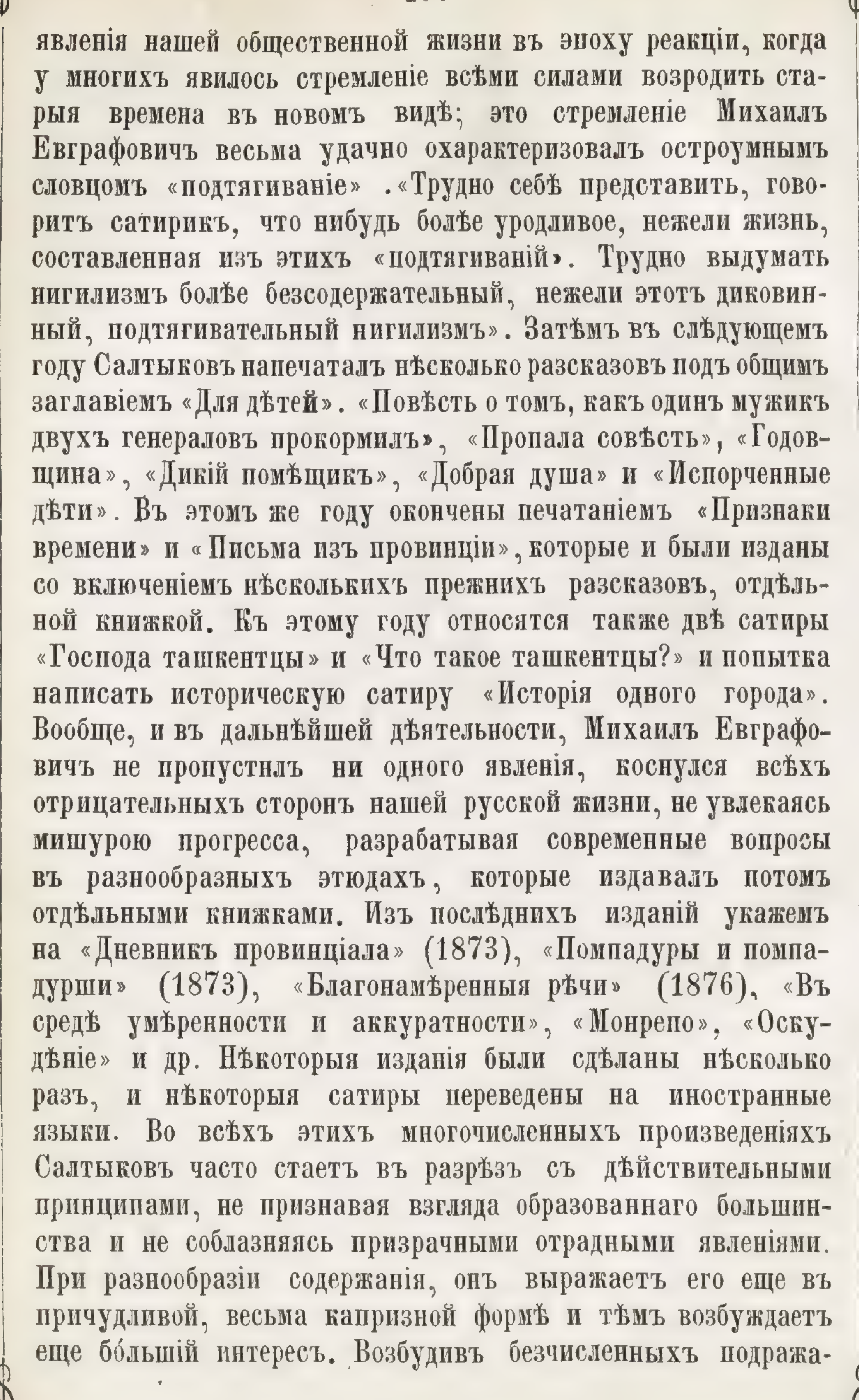
ихъ свободная воля, самостоятельная энергія и живой умъ. Чаще всего юноши отдаются стихописанію и вообще сочиненіямъ на свои темы, а поэтому интересуются всѣмъ, что касается литературныхъ произведеній, набрасываются на романы и критическія статьи. Для Михаила Евграфовича существовала еще другая причина, было другое побужденіе къ литературнымъ занятіямъ. Въ его время въ лицеѣ еще очень живы были преданія о вышедшемъ изъ него величайшемъ поэтѣ Россіи, Пушкинѣ, и одно имя его сообщало лицеистамъ воодушевленіе, часто поэтическое. Всѣ склонные къ стихотворству лицеисты обязаны были его представлять въ курсѣ и подражать ему. Между тѣмъ Пушкинъ только что былъ убитъ на дуэли, и всѣ журналы были заняты критическими и другими статьями о немъ. А лицеисты со втораго курса выписывали почти всѣ журналы, тогда существовавшіе, и Михаилъ Евграфовичъ поставлялъ себѣ въ непремѣнную обязанность всѣ ихъ перечитывать отъ буквы до буквы. Разумѣется, Михаилъ Евграфовичъ въ своемъ курсѣ представлялъ Пушкина и писалъ стихи. Но эта страсть, какъ и слѣдовало ожидать, возбуждала преслѣдованія; не смотря на всѣ предосторожности, которыя Салтыковъ принималъ съ цѣлію скрыть отъ непосвященныхъ глазъ плоды своихъ бесѣдъ съ музами, зоркій глазъ начальства открывалъ ихъ въ рукавахъ куртки и даже за голенищами сапогъ. Юноша получилъ дурныя отмѣтки изъ поведенія; ему рѣдко когда было «изъ поведенія» свыше девяти. Правда, трудно повѣрить, чтобы только стихотворство было причиной такихъ низкихъ отмѣтокъ; вѣроятно, Салтыковъ позволялъ себѣ и другіе безпорядки, куреніе табаку, ношеніе треуголки не по формѣ, пренебреженіе и забывчивость по отношенію къ застегиванію пуговокъ на курткѣ и т. п. Хотя при выпускѣ обязательно каждому ставилось двѣнадцать, но у Михаила Евграфовича въ аттестатѣ значится, что онъ окончилъ курсъ при довольно хорошемъ поведеніи, что означаетъ истинное положеніе дѣла. Еще будучи въ лицеѣ, когда ему исполнилось всего пятнадцать лѣтъ, Михаилъ Евграфовичъ

напечаталъ свои стихи въ «Библіотекѣ для чтенія» 1841 года. Чрезъ два года, въ «Современникѣ» 1844 и 1845 года, онъ помѣстилъ еще восемь піесъ—сравнительно немного съ той массой стихотвореній, которую онъ написалъ. Большая часть его стиховъ—лирическіе, написанные, вѣроятно, подъ увлеченіемъ критическими статьями Бѣлинскаго, которыми онъ, наравнѣ со статьями Кудрявцева, зачитывался. Сатирическій элементъ дарованія Михаила Евграфовича впервые выразился въ шуточныхъ стихахъ, помѣщенныхъ въ «Свисткѣ» Плетневскаго журнала «Современникъ» въ 1860-хъ годахъ, написанныхъ, можетъ быть, гораздо ранѣе. Означенныя же восемь піесъ были Салтыковымъ напечатаны вслѣдъ за окончаніемъ курса въ лицеѣ, изъ котораго онъ выпущенъ X-мъ классомъ въ числѣ восьми, составлявшихъ лишь треть курса; остальные были выпущены IX-мъ классомъ. По выходѣ изъ лицея, Михаилъ Евграфовичъ поступилъ на службу въ канцелярію военнаго министерства при князѣ Чернышевѣ. Въ ноябрьской книжкѣ „Отечественныхъ Записокъ“ 1847 года онъ напечаталъ свою первую повѣсть «Противорѣчія» подъ псевдонимомъ «Непановъ», а въ мартовской 1848 года случай «Запутанное дѣло» подъ буквами М. С. Эти не очень замѣчательныя вещицы обратили на себя вниманіе своимъ слогомъ; вотъ его образчики: «будь ласковъ со старшими, невысокомѣренъ съ подчиненными, не прекословь, не спорь, *смиряйся*—и будешь *превознесенъ премного;* ибо ласковое теля двѣ матки сосетъ». «Конечно, и въ ступающемъ осторожно по грязи человѣчествѣ рождались койкакія мысли по поводу дождя, вѣтра и слякоти, но это скорѣе были мысли черныя и неблагомѣренныя, вращавшіяся большею частію около того пункта, что есть дескать въ мірѣ, и даже въ самомъ Петербургѣ, люди сытые, которые ѣдутъ теперь въ каретахъ, но это вовсе не оно, странствующее во мракѣ, грязи и невѣжествѣ человѣчество...» Какъ разъ, этотъ своеобразный слогъ далъ поводъ найти «черными и неблагомѣренными» многія мысли произведеній Салтыкова, и особенно духъ ихъ. Особый комитетъ, назначенный для пересмотра процензурованныхъ и напечатанныхъ сочиненій,

подъ вліяніемъ политическихъ событій въ западной Европѣ и изъ опасеній за волненіе умовъ, нашелъ вольными повѣсти Салтыкова, взялъ подъ свободный присмотръ свой и наконецъ удалилъ на службу въ Вятку, подъ опеку вятскаго губернатора. Въ Вяткѣ Михаилъ Евграфовичъ прошелъ чрезъ всѣ почти мытарства губернскихъ службъ и должностей, какъ въ 1855 г. его снова перевели въ Петербургъ. Въ 1856 г. онъ женился на Елизаветѣ Аполлоновнѣ Болтиной. Въ этомъ же году былъ напечатанъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» цѣлый рядъ этюдовъ изъ провинціальнаго быта подъ названіемъ «Губернскія очерки» — результатъ тонкаго наблюденія и сатирическаго ума — имѣли попытку «разоблачить закулисную сторону нашей администраціи, съ которой такъ близко соприкасался самъ авторъ». Очерки сразу сдѣлали имя надворнаго совѣтника *Щедрина*, съ какимъ псевдонимомъ появлялись, извѣстнымъ всему образованному русскому міру. Когда они въ 1857 г. появились отдѣльной книжкой, вызвали множество критическихъ статей и рецензій во всѣхъ журналахъ, констатировавшихъ бойкость разсказа, смѣлость изображеній и серьезность поднятыхъ вопросовъ. Добролюбовъ одобряетъ Щедрина за сочувствіе къ низшему классу народа, какъ и ко всему *свѣжему и здоровому* въ Россіи. Публицисту особенно нравилось, что въ «Губернскихъ Очеркахъ» не было ни сантиментальничанья, ни идеализаціи; народъ изображенъ такъ, какъ онъ есть, и «къ нему Щедринъ относится безъ всякаго отрицанія». И дѣйствительно, въ скоромъ времени «Щедринъ» сдѣлался любимцемъ молодежи. Послѣ женитьбы, Михаилъ Евграфовичъ служилъ въ должности вице-губернатора въ Рязанской и Тверской губерніяхъ, не прекращая, но постепенно усиливая свою литературную дѣятельность. Заимствуемъ перечисленіе его работъ съ 1857 по 1863 годъ. Въ «Библіотекѣ для Чтенія» были напечатаны: «Проснулся», сцена и «Губернскіе Честолюбцы», драматическій очеркъ; въ «Атенеѣ» — «Святочный разсказъ»; въ «Сборникѣ въ память Смирдина» — «Яшенька», повѣсть; во «Времени» — Недавнія комедіи: 1) «Соглашеніе», 2) «Погоня за счастьемъ» и «Нашъ

губернскій день»; въ «Современникѣ», куда послѣ «Русскаго Вѣстника» онъ перенесъ свою литературную дѣятельность, — «Женихъ», «Скрежетъ зубовный», «Развеселое житье», «Литераторы-Обыватели», «Клевета», «Наши глуповскія дѣла»,—«Къ читателямъ» и пр. Кромѣ того, Михаилъ Евграфовичъ напечаталъ нѣсколько статей объ общественныхъ вопросахъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», «Современной лѣтописи», какова напримѣръ «Гдѣ истинный интересъ дворянства?» Въ 1863 г. отдѣльные разсказы, напечатанные прежде, онъ издалъ въ двухъ книжкахъ подъ общими заглавіями «Сатиры въ прозѣ» и «Невинные разсказы». Книжки были встрѣчены также благосклонно, какъ и первая, «Губернскія Очерки», но кругъ читателей значительно уменьшился—отхлынули всѣ, кого «Щедринъ» задѣвалъ своей сатирой. Въ томъ же году Михаилъ Евграфовичъ вышелъ въ отставку и сдѣлался усерднымъ сотрудникомъ «Современника», гдѣ помѣстилъ цѣлый рядъ прекрасныхъ беллетристическихъ очерковъ и массу рецензій, серьезныхъ статей и полемическихъ памфлетовъ. Изъ беллетристики назовемъ: «Послѣ обѣда въ гостяхъ», «Какъ кому угодно», «Прощаюсь, ангелъ мой съ тобою», «Здравствуй, милая, хорошая моя». «На зарѣ ты ее не буди» и др. Въ 1863—1864 гг. писалъ фельетонъ «Наша общественная жизнь», возобновилъ «Свистокъ», въ которомъ помѣстилъ множество юмористическихъ статеекъ подъ псевдонимомъ М. Зміева-Младенцева; онъ далъ также нѣсколько статей о театрѣ. Съ прекращеніемъ «Современника» въ 1866 г. и поступленіемъ «Отечественныхъ Записокъ» подъ редакцію Некрасова, Михаилъ Евграфовичъ былъ принятъ въ члены редакціи и всѣ свои силы посвятилъ этому журналу. Съ 1868 по 1878 годъ, онъ являлся тамъ со статьями за подписью Н. Г., М. М. или Н. Гуринъ. Въ 1868 г. были напечатаны его произведенія: «Новый Нарцизъ», «Старый котъ на покоѣ», «Старая Помпадурша», «Письма изъ провинціи» и «Признаки времени». «Этимъ годомъ,—говоритъ одинъ біографъ,—открывается второй и самый важный періодъ сатирической дѣятельности Салтыкова, обнимающій

явленія нашей общественной жизни въ эпоху реакціи, когда у многихъ явилось стремленіе всѣми силами возродить старыя времена въ новомъ видѣ; это стремленіе Михаилъ Евграфовичъ весьма удачно охарактеризовалъ остроумнымъ словцомъ «подтягиваніе» .«Трудно себѣ представить, говоритъ сатирикъ, что нибудь болѣе уродливое, нежели жизнь, составленная изъ этихъ «подтягиваній». Трудно выдумать нигилизмъ болѣе безсодержательный, нежели этотъ диковинный, подтягивательный нигилизмъ». Затѣмъ въ слѣдующемъ году Салтыковъ напечаталъ нѣсколько разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ «Для дѣтей». «Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокормилъ», «Пропала совѣсть», «Годовщина», «Дикій помѣщикъ», «Добрая душа» и «Испорченные дѣти». Въ этомъ же году окончены печатаніемъ «Признаки времени» и «Письма изъ провинціи», которые и были изданы со включеніемъ нѣсколькихъ прежнихъ разсказовъ, отдѣльной книжкой. Къ этому году относятся также двѣ сатиры «Господа ташкентцы» и «Что такое ташкентцы?» и попытка написать историческую сатиру «Исторія одного города». Вообще, и въ дальнѣйшей дѣятельности, Михаилъ Евграфовичъ не пропустилъ ни одного явленія, коснулся всѣхъ отрицательныхъ сторонъ нашей русской жизни, не увлекаясь мишурою прогресса, разрабатывая современные вопросы въ разнообразныхъ этюдахъ, которые издавалъ потомъ отдѣльными книжками. Изъ послѣднихъ изданій укажемъ на «Дневникъ провинціала» (1873), «Помпадуры и помпадурши» (1873), «Благонамѣренныя рѣчи» (1876), «Въ средѣ умѣренности и аккуратности», «Монрепо», «Оскудѣніе» и др. Нѣкоторыя изданія были сдѣланы нѣсколько разъ, и нѣкоторыя сатиры переведены на иностранные языки. Во всѣхъ этихъ многочисленныхъ произведеніяхъ Салтыковъ часто стаетъ въ разрѣзъ съ дѣйствительными принципами, не признавая взгляда образованнаго большинства и не соблазняясь призрачными отрадными явленіями. При разнообразіи содержанія, онъ выражаетъ его еще въ причудливой, весьма капризной формѣ и тѣмъ возбуждаетъ еще бо́льшій интересъ. Возбудивъ безчисленныхъ подража-

телей, Щедринъ-Салтыковъ совершенно оригиналенъ въ своемъ творчествѣ и не имѣетъ образца въ предшествовавшихъ періодахъ. Между тѣмъ дальнѣйшій шагъ, который въ лицѣ Салтыкова сдѣлала сатира, опредѣляется тѣмъ, что Михаилъ Евграфовичъ умѣлъ развѣнчать на степень безнравственности многіе «столпы» наружнаго благочестія и безукоризненности. Тогда какъ Гоголь низводилъ на степень пошлости всякое *казавшееся* нормальнымъ нелѣпое положеніе или условіе, Салтыковъ разоблачалъ все безнравственное, прикрывавшееся священными именами гуманности, дружбы, цивилизаціи, благочестія. Одно изъ такихъ грозныхъ священнодѣйствій, самое разительное и современное, Салтыковъ совершаетъ въ сатирѣ «Столпъ». «Теперь Деруновъ—опора и столпъ. Авторитеты уважаетъ, собственность чтитъ, на счетъ семейнаго союза не сомнѣвается. Это доказывается тѣмъ, что онъ богатъ (слѣдовательно, чтитъ «собственность»), что онъ держитъ въ порядкѣ семью (слѣдовательно, чтитъ «семейный союзъ»), что онъ изъ уваженія «къ вышнему начальству» жертвуетъ на «общеполезное устройство» (слѣдовательно, чтитъ союзъ государственный»). Но что такое этотъ столпъ въ предъидущемъ? «Монополистъ, который всякую чужую копѣйку считалъ гулящею и не успокоивался до тѣхъ поръ, пока не залучитъ все въ свой карманъ». Чѣмъ онъ оказывается потомъ? «Засиліе взялъ, а потому и окружилъ кругомъ. На какой базаръ ни сунься—вездѣ отъ него прикащики». «Въ двухъ семьяхъ счастливъ... у сына, у Яшеньки, жену отнялъ!» «Конечно, съ невыносимою болью въ сердцѣ говоритъ себѣ сатирикъ, Деруновъ не столпъ! Онъ не столпъ относительно собственности, ибо признаетъ неприкосновенною только лично ему принадлежащую собственность. Онъ не столпъ относительно семейнаго союза, ибо снохачъ. Наконецъ, онъ *не можетъ* быть столпомъ относительно союза государственнаго, ибо не знаетъ даже географическихъ границъ русскаго государства»...

XI.

Алексѣй Өедоровичъ Львовъ.

Алексѣй Өедоровичъ Львовъ былъ сынъ Өедора Петровича Львова. Фамилія Львовыхъ была очень извѣстна при Екатеринѣ II. Двоюродный братъ Өедора Петровича, Николай Александровичъ Львовъ, находился въ свитѣ императрицы, и между прочимъ, сопровождалъ ее въ поѣздкѣ въ Крымъ. Тонкій критикъ произведеній искусства, особенно архитектуры, начитанный, многосторонне образованный Николай Александровичъ Львовъ былъ другомъ Хемницера и даже издателемъ его басенъ; Николаю Александровичу представилъ на судъ также и Державинъ свою Фелицу. Николай Александровичъ писалъ самъ и въ своихъ сочиненіяхъ, какъ и всѣ писатели царствованія Екатерины, обнаруживалъ большое сочувствіе къ крестьянамъ. Но на поприщѣ техническаго производства Н. А. Львовъ сдѣлалъ еще болѣе; онъ изобрѣлъ воздушныя печи и открылъ каменный уголь въ Боровичскомъ уѣздѣ, Новгородской губерніи. Конечно, при такихъ связяхъ двоюродный братъ Николая Александровича, Өедоръ Петровичъ Львовъ, не могъ быть неизвѣстенъ и, какъ отличный музыкантъ, при первой же открывшейся вакансіи занялъ мѣсто директора придворной пѣвческой капеллы, которое и занималъ до самой своей смерти въ концѣ 1836 года. Өедоръ Петровичъ Львовъ былъ женатъ на Березиной, внучкѣ Дьякова, который былъ шуриномъ Державина и Н. А. Львова. Отъ этого брака и ро-

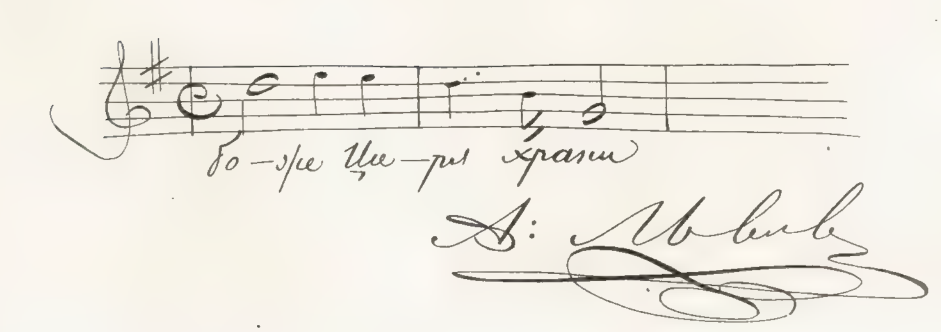

Алексѣй Ѳедоровичъ

Львовъ.

Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ былъ сынъ Ѳедора Петровича Львова. Фамилія Львовыхъ была [illegible] при Екатеринѣ II. Двоюродный братъ Ѳедора Петровича, Николай Александровичъ Львовъ, [illegible] въ свитѣ императрицы, и между прочимъ, сопровождалъ ее въ поѣздкѣ въ Крымъ. Тонкій критикъ произведеній искусства, особенно архитектуры, начитанный, многосторонне образованный Николай Александровичъ Львовъ былъ другомъ Хемницера и даже издателемъ его басенъ, Николаю Александровичу представлялъ на судъ [illegible] и Державинъ свою Фелицу. Николай Александровичъ [illegible] чиненіяхъ, [illegible] обнаруж[illegible] поприщѣ [illegible] еще бол[illegible] ный уго[illegible] Конечно, при такихъ связяхъ двоюродный братъ Николая Александ[illegible] Ѳедоръ Петровичъ Львовъ, [illegible] неизвѣст[illegible] открывш[illegible] пѣвческо[illegible] смерти въ [illegible] 1836 года. Ѳедоръ Петровичъ Львовъ былъ женатъ на [illegible], [illegible] Дьякова, который былъ шуриномъ Державина и Н. А. Львова. Отъ этого брака и ро-

Бо-же Ца-ря храни
А: Львовъ

дился Алексѣй Ѳедоровичъ въ 1798 году 25-го мая въ г. Ревелѣ. Менѣе, чѣмъ двѣнадцати лѣтъ, Алексѣй Ѳедоровичъ лишился своей матери и въ 1810 году пріобрѣлъ себѣ вторую—въ лицѣ Елисаветы Николаевны Львовой, дочери Николая Александровича Львова, на которой женился его отецъ, Ѳедоръ Петровичъ. Елисавета Николаевна, въ 1803 году потерявъ отца и въ 1807 году мать, росла и воспитывалась въ домѣ поэта Державина, жена котораго была ея родная тетка. Державинъ очень любилъ Елисавету Николаевну и, между прочимъ, диктовалъ ей объясненія на свои сочиненія. Вообще Елисавета Николаевна была высокообразованная въ эстетическомъ отношеніи женщина, которая вполнѣ замѣнила для Алексѣя Ѳедоровича родную мать, могла внушить ему склонность къ поэзіи и музыкѣ и впослѣдствіи гордилась имъ, какъ своимъ сыномъ. Мы уже видѣли, какъ она радовалась счастію своего пасынка, когда онъ былъ авторомъ народнаго гимна. Дѣйствительно, родители дали сыну прекрасное, многосторонне музыкальное образованіе, что было тѣмъ необходимѣе, что Алексѣй Ѳедоровичъ обнаруживалъ большую склонность къ музыкѣ. Онъ изучалъ ее во всѣхъ отрасляхъ, какъ солистъ, квартетистъ, и композиторъ. Учителями его на скрипкѣ были, между прочимъ, Кейзеръ, Лафонъ, Вемъ; всѣ они были въ свое время въ большой славѣ. Вемъ, напримѣръ, былъ первый концертистъ, игралъ вѣрно и отчетливо: но онъ однако не имѣлъ дара передавать своихъ познаній другимъ. Кейзеръ былъ капельмейстеромъ въ Ригѣ, сочинилъ «Libussa», особенно же извѣстенъ, какъ скрипачъ и перелагатель уландовыхъ пѣсенъ на музыку. Лафонъ былъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ скрипачей своего времени; извѣстенъ также, какъ авторъ концертныхъ и салонныхъ піесъ. Композиціи Алексѣй Ѳедоровичъ учился у Миллера, знаменитѣйшаго контрапунктиста, піаниста и скрипача, автора ораторіи на латинскомъ текстѣ 164 псалма «Архангелъ Михаилъ», русскаго концерта «Коль возлюбленна твоя селенія, Господи» и многихъ піесъ для фортепіано и скрипки; но русскіе композиторы, особенно Глинка, поняли, что нѣмецкій контра-

пунктизмъ не всегда соглашается съ пылкой фантазіей. Вторымъ замѣчательнымъ учителемъ Алексѣя Ѳедоровича въ композиціи былъ Спонтини, который жилъ во Франціи и Италіи; въ своихъ операхъ онъ отвѣчалъ духу времени (французская революція и завоеванія Наполеона); такъ «Весталка», обратившая на него вниманіе и вызвавшая громадный восторгъ у французовъ, есть непрерывный рядъ самыхъ воинственныхъ маршей. Намъ кажется, что гимнъ «Боже, Царя храни» есть нѣчто среднее между этими двумя противоположностями—нѣмецкимъ или Миллеровскимъ холоднымъ контрапунктизмомъ и спонтиніевскимъ воинственнымъ фанатизмомъ. Здѣсь вполнѣ отразилось вліяніе двухъ различныхъ школъ на талантъ Львова, который однако оттого не пересталъ быть оригинальнымъ и, слѣдовательно, геніальнымъ. Въ двадцатыхъ годахъ, въ началѣ, Алексѣй Ѳедоровичъ уже былъ извѣстенъ, какъ замѣчательно хорошій скрипачъ. Въ это время онъ, выпущенный изъ института корпуса путей сообщенія въ 1816 году первымъ, съ записью на доскѣ золотыми буквами его имени, долженъ былъ служить у графа Аракчеева, учреждавшаго военныя поселенія въ различныхъ мѣстахъ имперіи, гдѣ нужно было производить большія постройки.

Итакъ, отличиый скрипачъ былъ восемнадцати лѣтъ не менѣе отличнымъ офицеромъ, и притомъ *ученымъ* офицеромъ. Служить у графа Аракчеева было не легко, но случайнымъ образомъ выборъ не зависѣлъ отъ самого Львова. Государь Императоръ Александръ I, котораго полнымъ довѣріемъ пользовался графъ Аракчеевъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы первый офицеръ по успѣхамъ, выпущенный изъ института путей сообщенія, поступалъ на службу въ районы военныхъ поселеній, чтобы такимъ образомъ составился у графа контингентъ способнѣйшихъ инженеровъ и помогалъ графу ввести въ государственное устройство Россіи предложенную имъ систему военныхъ поселеній — помогалъ осуществить этотъ, какъ извѣстно, неудавшійся проектъ. Служба у Аракчеева, какъ мы сказали, была хорошей школой для хорошаго офицера, какимъ былъ Алексѣй Ѳедоро-

вичъ. Чувствуя всю ея тяжесть, послѣдній не могъ однако же ее оставить, потому что графъ, угадавъ мотивы отставки, могъ задержать дальнѣйшее возвышеніе по степенямъ чиновъ и отличій. Но теперь, когда Алексѣй Ѳедоровичъ служилъ у него, онъ не могъ не оцѣнить добросовѣстности, съ которою молодой офицеръ относился къ своимъ обязанностямъ, любилъ его и не забывалъ представлять къ чинамъ и наградамъ. Графъ считалъ своею обязанностію даже лично рекомендовать Львова Государю Императору, показывая произведенныя постройки и называя молодаго строителя: «Отличный офицеръ, ваше величество»,—говорилъ графъ. При этомъ былъ и будущій Императоръ Николай I, который обратилъ тогда же вниманіе на Алексѣя Ѳедоровича. Когда Николай I вступилъ на престолъ, Алексѣй Ѳедоровичъ въ 1826 году поступилъ адъютантомъ къ графу Бекендорфу. У графа Аракчеева Львовъ служилъ восемь лѣтъ, что Николай Павловичъ ставилъ ему въ особенную заслугу:

— Возьми его, — сказалъ Императоръ графу Бенкендорфу, когда послѣдній просилъ Львова себѣ въ адъютанты,—отличный офицеръ: восемь лѣтъ выслужилъ у графа Аракчеева.

Графъ Бенкендорфъ былъ возведенъ въ графское достоинство Россійской имперіи Императоромъ Николаемъ, былъ членомъ государственнаго совѣта и шефомъ жандармовъ. Онъ пользовался полнымъ довѣріемъ государя, и Алексѣй Ѳедоровичъ, исполняя при немъ должность секретаря, въ лицѣ его пріобрѣлъ самаго благосклоннаго патрона. Вмѣстѣ съ графомъ онъ участвовалъ въ турецкой кампаніи 1828 года и вскорѣ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ Его Величества. Въ 1831 году Алексѣй Ѳедоровичъ въ первый разъ въ путешествіи Императора по Россіи замѣнилъ графа Бенкендорфа, который заболѣлъ холерою. Привязанный къ Бенкендорфу, Императоръ, когда графъ отказался ѣхать съ съ нимъ, сказалъ:

— Дай мнѣ хоть Львова.

Съ этого времени Алексѣй Ѳедоровичъ въ продолже-

ніе четырнадцати лѣтъ сопровождалъ государя въ его путешествіяхъ. Въ 1833-мъ году государь Николай Павловичъ съ государынею императрицею посѣтилъ помѣстье графа Бенкендорфа близь Ревеля, родины Алексѣя Өедоровича; послѣдній былъ съ нимъ. Алексѣй Өедоровичъ тогда уже былъ извѣстенъ въ Россіи, какъ скрипачъ-виртуозъ. Въ помѣстьѣ графа находился висячій мостъ, когда-то построенный Алексѣемъ Өедоровичемъ,—мостъ, который всѣхъ удивлялъ своею легкостью; онъ былъ построенъ на очень быстрой рѣчкѣ, шириною въ сто футовъ. Государь до того былъ восхищенъ видомъ этого моста, что сказалъ: «это Львовъ свой смычокъ перекинулъ съ берега на берегъ», и припомнилъ объ отличномъ окончаніи Львовымъ курса въ институтѣ путей сообщенія.

6-го декабря 1833 года въ Москвѣ, въ Большомъ театрѣ, по приказанію Государя Императора, въ первый разъ всенародно былъ исполненъ народный гимнъ, сочиненный Львовымъ. Весь театръ былъ полнъ, и публика, лишь раздалось торжественно «Боже, царя храни», вся поднялась съ мѣстъ и стояла, пока гимнъ былъ исполненъ три раза, по ея требованію. Восторженныя рецензіи наполняли всѣ газеты того времени, и пышное описаніе спектакля скоро достигло Петербурга. Во второй разъ публично гимнъ былъ исполненъ въ день Рождества во всѣхъ залахъ зимняго дворца, гдѣ были собраны войска по случаю празднованія изгнанія французовъ изъ Россіи 25 декабря 1813 года. Өедоръ Петровичъ Львовъ, который тогда былъ директоромъ пѣвческой капеллы, не могъ безъ слезъ слышать сочиненіе своего сына. Самъ Алексѣй Өедоровичъ совсѣмъ не пріѣхалъ во дворецъ изъ-застѣнчивости, которую чувствуетъ каждый авторъ, когда его произведеніе исполняется публично. Но ему гр. Бенкендорфъ написалъ въ тотъ же день записку, въ которой выразилъ восхищеніе Государя Императора его піесой и экстазъ принца Оранскаго, который пожелалъ познакомиться съ композиторомъ и приглашалъ его самаго привезти піесу. Алексѣю Өедоровичу тогда было 34 года. Послѣ этого онъ получалъ приглашенія на домашніе кон-

цертные вечера, которые составились при дворѣ и въ которыхъ Государь, Императрица, всѣ великіе князья и княжны и самые приближенные люди принимали участіе. Государь Николай Павловичъ имѣлъ отличный слухъ и амбушюръ, т. е. умѣлъ всегда производить желаемый звукъ, прикладываясь губами къ трубѣ. Тѣмъ не менѣе Алексѣй Өедоровичъ за нѣсколько минутъ предъ концертомъ долженъ былъ приходить и проигрывать съ нимъ въ кабинетѣ его партію. Въ одинъ изъ вечеровъ 1834 г. Алексѣй Өедоровичъ былъ по приглашенію императрицы у нея въ купальнѣ, изящно отдѣланной небольшой комнатѣ, съ ванною изъ бѣлаго мрамора, въ которую лилась вода изъ большой, необыкновенной красоты раковины, куда проведенъ былъ ключъ. Комната была освѣщена слабымъ свѣтомъ, и всѣ великіе князья и княжны, а также графъ Віельгорскій и Толстой находились на лицо. Когда императрица услышала, что идетъ Государь, предложила запѣть «Боже, царя храни» и сама начала. Государь услышалъ чудное пѣніе, остановился и потомъ весь въ слезахъ, кинулся цѣловать царицу и дѣтей. Такое глубокое впечатлѣніе производила музыка народнаго гимна Львова и такъ она завоевывала себѣ права, пока наконецъ превратилась въ неотъемлемое достояніе каждаго русскаго гражданина. Въ концѣ 1836 года скончался отецъ Алексѣя Өедоровича, и мѣсто директора пѣвческой капеллы осталось вакантнымъ. Думали, что на эту должность назначатъ графа Вьельгорскаго или князя Григорія Волконскаго. Но по рекомендаціи приближенныхъ и по личному убѣжденію Государь Императоръ назначилъ директоромъ пѣвчихъ Алексѣя Өедоровича Львова, что было, между прочимъ, непріятно нашему великому композитору Глинкѣ, который почти въ то же время получилъ назначеніе въ капельмейстеры и находился въ дурныхъ отношеніяхъ съ семействомъ отца Львова. Не смотря на то, что Өедоръ Петровичъ Львовъ, прежде необыкновенно внимательный къ Глинкѣ, одинъ разъ въ театрѣ очень рѣзко заявилъ, неизвѣстно почему, о своемъ не желаніи продолжать знакомство, грубо отвернувшись отъ поклона Глинки, —

Алексѣй Ѳедоровичъ принялъ Глинку съ величайшимъ радушіемъ, и они рѣшили идти рука объ руку на ихъ новомъ поприщѣ. Хотя прямымъ дѣломъ директора является лишь хозяйственная часть въ капеллѣ, однако Алексѣй Ѳедоровичъ принималъ большое участіе въ выборѣ пѣвчихъ. Вскорѣ послѣ назначенія его директоромъ капеллы происходилъ наборъ новыхъ пѣвчихъ. Императоръ всегда самъ производилъ имъ экзаменъ, экзаменовалъ строго и хотѣлъ, чтобы его пѣвчіе сдѣлались извѣстны въ Европѣ. Поэтому Львовъ и Глинка ихъ тщательно подготовляли. Алексѣй Ѳедоровичъ всегда заботился о томъ, чтобы размѣщеніе пѣвчихъ былое прекрасное и удобное для капельмейстера, которому почти всегда указывалъ мѣсто, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ, въ присутствіи Государя Императора, даже и позу.

6-го ноября 1838 года Алексѣй Ѳедоровичъ женился, и его бракосочетаніе происходило въ церкви Аничковскаго дворца. Государь былъ его посаженымъ отцомъ. Вообще Государь очень любилъ Львова и обращался съ нимъ, какъ съ роднымъ. Онъ въ день свадьбы Алексѣя Ѳедоровича спросилъ у его матери:

— Не сѣтуете-ли вы на меня за то, что я такъ часто беру у васъ Алексѣя?

Алексѣй Ѳедоровичъ пушествовалъ въ свитѣ Его Величества, которой былъ генералъ-маіоромъ, въ Россіи и за границей. Въ 1837-мъ году Государь Императоръ въ перразъ посѣтилъ Кавказъ. Изъ дневника Алексѣя Ѳедоровича видно, съ какой непринужденностію онъ всегда говорилъ съ Государемъ во время путешествій. Императоръ, во время плаванія Чернымъ моремъ изъ Керчи въ Редутъ-Кале, часто ходилъ по палубѣ и пѣлъ нѣкоторыя молитвы, заставляя то же дѣлать Львова. Когда Львовъ отвѣчалъ, что у него нѣтъ никакого голоса, Императоръ смѣялся и говорилъ.

— Не можетъ быть, ты говоришь, и голосъ долженъ быть.

Такъ какъ это путешествіе было въ сентябрѣ, то на морѣ становилось свѣжо, и Государь, кутаясь въ свою сѣ-

рую шинель, жаловался на погоду. Алексѣй Ѳедоровичъ на это прямо говорилъ:

— Да, Ваше Величество, вамъ не слѣдовало бы путешествовать по Черному морю въ сентябрѣ.—Иногда, пріѣзжая на станцію раньше Императора, Алексѣй Ѳедоровичъ предупреждалъ хозяевъ о вкусахъ и наклонностяхъ Государя и давалъ благоразумные совѣты. До чего доходило самоотверженіе Львова и его ревность, показываетъ слѣдующій случай. Однажды Государь, недовольный тѣмъ, что ему вопреки обыкновенія подали на обѣдъ четвертое блюдо изъ только-что полученныхъ форелей, сѣлъ въ экипажъ, не кончивъ обѣда, и уѣхалъ. Графъ Орловъ, который также сопровождалъ Императора, отправился вслѣдъ за нимъ въ своей коляскѣ. Алексѣй Ѳедоровичъ, который ѣхалъ прежде въ коляскѣ графа Орлова, а теперь не былъ имъ приглашенъ, долженъ былъ ѣхать верхомъ на неумѣлыхъ почтовыхъ лошадяхъ и чрезъ двѣ станціи, весь измокшій и усталый, настигаетъ Государя на той станціи, гдѣ назначенъ былъ ночлегъ. Только милостивыя слова Государя, который встрѣтилъ его на крыльцѣ, заставили Алексѣя Ѳедоровича забыть все, что онъ вынесъ въ этотъ день—болѣе ста верстъ проскакалъ на проливномъ дождѣ.

Какъ виртуозъ, Алексѣй Ѳедоровичъ Львовъ игралъ на скрипкѣ въ первый разъ въ Лейпцигѣ въ 1840 году. Это путешествіе Алексѣя Ѳедоровича вообще было совершено съ артистическою цѣлью. Къ этому же времени относится знакомство А. Ѳ. съ извѣстнымъ композиторомъ Мейерберомъ, авторомъ многихъ оперъ, въ Эмсѣ. Съ этого времени Алексѣй Ѳедоровичъ почти исключительно отдается служенію музыкѣ. Одинъ изъ видныхъ членовъ артистическаго кружка музыкантовъ-меценатовъ, онъ пропагандировалъ среди высшаго общества вкусъ къ камерной музыкѣ, выполняемой въ частномъ кругу и довольствущейся лишь нѣсколькими голосами и инструментами. Послѣ этого аристократія не стала видѣть единственной прелести въ музыкѣ театральной или церковной. Какъ композиторъ, А. Ѳ. Львовъ имѣлъ только небольшое значеніе; его сочиненія причисляютъ къ третье-

степеннымъ произведеніямъ италіанской школы. Тѣмъ не менѣе музыка его была глубокая и производила большое впечатлѣніе. Въ 1841-мъ году онъ написалъ и поднесъ Государю Императору концертъ, который игралъ въ залѣ дворянскаго собранія въ пользу патріотическихъ школъ и въ которомъ участвовали всѣ любители и любительницы. Дворъ и многочисленная публика присутствовали въ этомъ концертѣ, и по окончаніи его Государь прислалъ за Львовымъ, вышелъ къ нему на встрѣчу изъ ложи, обнялъ и сказалъ:

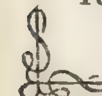
— Никогда такъ музыка на меня не подѣйствовала, какъ сегодня; мнѣ совѣстно было, я прятался за колонну, чтобы никто моихъ слезъ не видалъ; ты заставилъ меня войти въ самого себя!..

Въ 1848 году начальныя слова народнаго гимна Высочайше повелѣно было внести въ гербъ Львовыхъ, какъ девизъ «Боже, царя храни». Алексѣй Ѳедоровичъ въ 1850 году учредилъ «концертное общество», которое давало въ великомъ посту ежегодно по три концерта въ залѣ пѣвческой капеллы. Въ 1852 году онъ былъ главнымъ распорядителемъ празднества, устроеннаго по поводу пятидесятилѣтняго существованія филармоническаго общества; въ составъ игранныхъ піесъ входили и сочиненія Алексѣя Ѳедоровича. Въ этомъ же году подготовленымъ Глинкою по просьбѣ А. Ѳ. Львова хоромъ была исполнена «молитва у креста» (Stabat Mater), сочиненная Львовымъ для хора съ оркестромъ. Въ 1853 году Алексѣй Ѳедоровичъ произведенъ въ тайные совѣтники съ званіемъ гофмейстера, въ 1855 году назначенъ сенаторомъ и скоро послѣ того произведенъ въ оберъ-гофмейстеры. Каждое воскресенье послѣ обѣдни онъ ѣздилъ съ докладомъ къ графу А. Ѳ. Орлову, который представлялъ всѣ бумаги Государю и часа черезъ два послѣ обѣдни присылалъ Алексѣю Ѳедоровичу обратно за царскою подписью. Изъ періода этой дѣятельности Алексѣя Ѳедоровича сохранился въ памяти его родственниковъ случай, свидѣтельствующій о величайшемъ добросердечіи его. Къ нему пришелъ казакъ, служившій пятнадцать лѣтъ въ конвоѣ, и

просилъ со слезами отпустить на родину на Кавказъ, гдѣ много несчастій постигло родную ему семью: умерли отецъ и жена, пять сиротъ остались на рукахъ его матери, хлѣбъ выбило градомъ и хата его сгорѣла. У Алексѣя Өедоровича сердце облилось кровью; онъ тутъ же заставилъ своего писаря написать докладъ Государю прямо отъ лица графа Орлова, въ которомъ изложилъ крайне бѣдственное положеніе казака и его семьи и просилъ выдать ему на подъемъ 75 рублей. Когда графъ Орловъ увидѣлъ докладъ этотъ и велѣлъ вмѣсто 75 рублей написать 25 р., душу Львова наполнило страшно тяжелое чувство, тѣмъ не менѣе онъ выскоблилъ 75 и написалъ 25. Когда докладъ былъ полученъ отъ Государя, первой мыслію Алексѣя Өедоровича было посмотрѣть бумагу о казакѣ, и неизъяснимая радость отразилась на его лицѣ, когда онъ увидѣлъ, что Государь Императоръ зачеркнулъ 25 и написалъ 150 рублей, которые Алексѣй Өедоровичъ и поспѣшилъ выдать казаку. Алексѣй Өедоровичъ управлялъ дѣлами императорской главной квартиры болѣе двадцати лѣтъ. Онъ былъ украшенъ множествомъ орденовъ русскихъ и иностранныхъ и состоялъ членомъ безчисленнаго множества музыкальныхъ обществъ и учрежденій. Директоромъ пѣвческой капеллы онъ былъ по 1861 годъ. Въ послѣднее время онъ занимался разборомъ и приведеніемъ въ порядокъ церковныхъ напѣвовъ. Онъ написалъ книжку о свободномъ или же симметрическомъ ритмѣ, школу для обучающихся на скрипкѣ, сорокъ пять духовыхъ музыкальныхъ сочиненій, привелъ въ порядокъ простое церковное пѣніе и переложилъ церковныя піесы на четырехголосную гармонію, издалъ двѣнадцать книжекъ съ такими нотами. Піесы церковныя, сочиненныя Львовымъ, производятъ необычайно глубокое впечатлѣніе, и Императоръ Николай Павловичъ, въ ознаменованіе глубины производимаго церковной музыкой Львова впечатлѣнія, складывалъ руки на груди, когда хотѣлъ, чтобы въ церкви пѣли «Отче нашъ» или «Херувимскую» Львова, оставленную для исполненія при дворцовой церкви. Самъ Государь говоритъ, что онъ не можетъ слышать

безъ слезъ «Отче нашъ» Львова. Но свѣтскія сочиненія Львова не имѣютъ такого значенія. Кромѣ гимна «Боже Царя храни», Алексѣй Өедоровичъ написалъ «Stabat Mater» для хора съ оркестромъ, три оперы «Біанка и Гвальтьеро», «Ундина», «Эмма», одну оперетку и тридцать различныхъ вокальныхъ инструментальныхъ піесъ. Къ концу жизни онъ сталъ глохнуть и въ 1868 году совершенно лишился слуха, этого чувства, доставлявшаго ему столько сладостныхъ ощущеній. Онъ умеръ въ 1871 году. До послѣдняго года жизни Алексѣй Өедоровичъ не переставалъ поддерживать сношенія съ художниками и музыкантами, старался привязать ихъ къ себѣ и не жалѣлъ для дорогихъ гостей бутылки самаго рѣдкаго вина. По словамъ Глинки, онъ великолѣпно игралъ Моцарта и Гайдна. Съ другой стороны и самъ Алексѣй Өедоровичъ никогда не заставлялъ себя ждать на семейныхъ празднествахъ его знакомыхъ, былъ постояннымъ гостемъ Глинки, котораго очень уважалъ при жизни и по смерти. Такъ онъ удержалъ Глинку на службѣ, пока тотъ дослужился до новаго чина, убѣдивъ, что можно еще потерпѣть для него полтора мѣсяца. По смерти Глинки онъ ходатайствовалъ о почтеніи его памяти панихидою въ Казанскомъ соборѣ и о признаніи его знаменитымъ композиторомъ. Мы отдаемъ справедливую признательность великодушію Алексѣя Өедоровича и по этому считаемъ себя обязанными воспроизвости въ умахъ читателей то впечатлѣніе, которымъ были охвачены москвичи при первомъ исполненіи народнаго гимна, и которое поможетъ намъ яснѣе сознать наши собственныя страстныя ощущенія, какія производитъ на насъ музыка А. Ө. Львова. Вотъ что пишетъ одинъ москвичъ въ 1833 году о о первомъ исполненіи «Боже царя храни».

«Я возвращаюсь сейчасъ изъ театра, восхищенный, тронутый тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ. Всѣмъ извѣстна русская народная пѣсня Жуковскаго: Боже, царя храни; вы, можетъ быть, слышали также, что А. Ө. Львовъ сочинилъ на эти слова музыку. Какъ знаменитый поэтъ, такъ и отличный музыкантъ, оба жители невскихъ бере-

говъ; но только древняя русская столица, одна наша бѣлокаменная Москва могла представить зрѣлище, подобное тому, какое мы видѣли: огромный нашъ театръ былъ весь полнехонекъ; тутъ находилось все лучшее общество; пятьярусовъ ложъ были наполнены прекрасными дамами. Казалось, что посѣтители великолѣпной залы благороднаго собранія перебрались всѣ въ Большой театръ, чтобы представить плѣнительную, разнообразную и вмѣстѣ съ тѣмъ живую картину. Съ самой уже пятницы нельзя было имѣть билетовъ.

«Шли сначала двѣ довольно занимательныя піесы, но нетерпѣливой публикѣ онѣ показались утомительными, ибо всѣхъ привлекало другое чувство, чувство ожиданія. Наконецъ начинается балетъ «Праздникъ въ русскомъ лагерѣ», котораго публика ожидала съ нетерпѣніемъ. Молодцы, подъ музыку скораго марша, дѣлаютъ разныя эволюціи и переходы съ удивительнымъ проворствомъ и ловкостію. Имъ много апплодировали. Потомъ расположились они лагеремъ въ глубинѣ сцены, на прекрасныхъ пригоркахъ, гдѣ составили живописныя группы. Когда подошелъ къ авансценѣ актеръ Бантышевъ, водворилась вдругъ необыкновенная тишина; всякій готовился внимать словамъ и музыкѣ. Едва раздался гласъ: Боже, храни Царя! какъ вслѣдъ за представителями знати поднялись съ мѣстъ всѣ три тысячи зрителей, наполнявшихъ театръ, въ какомъ положеніи и оставались до окончанія пѣнія. Картина была такъ необыкновенна, тишина, царствовавшая въ огромномъ зданіи, была такъ величественна, слова и музыка столь живо дѣйствовали на всѣ чувства, что многіе отъ ихъ избытка проливали слезы... Всѣ безмолвствовали: видно было, что каждый ощущенія свои заключалъ въ глубинѣ души; но когда оркестръ театральный, хоры, полковые музыканты, числомъ до 500 человѣкъ, повторяли вмѣстѣ драгоцѣнный обѣтъ всѣхъ русскихъ; когда Небеснаго Царя стали просить о Царѣ земномъ, когда нѣжныя дѣти предстательствовали за отца, о благѣ ихъ столько пекущагося, тутъ уже шумнымъ восторгамъ не было ни мѣры, ни оплота, рукоплесканія вос-

хищенныхъ зрителей и крики «ура!», смѣшавшись съ хоромъ, съ оркестромъ, и съ духовою музыкою, бывшею на сценѣ, произвели гулъ, колебавшій самыя сцены огромнаго театра. Эти восторги преданныхъ Государю своему москвитянъ токмо тогда прекратились, когда по единодушному и всеобщему требованію всѣхъ зрителей, народная пѣсня была повторена. Зачѣмъ волшебнымъ какимъ-нибудь мановеніемъ не явились въ Москву на этотъ вечеръ представители всѣхъ европейскихъ народовъ, чтобы видѣть, какъ русскіе любятъ своего Государя? Долго, долго останется въ памяти всѣхъ жителей бѣлокаменной столицы этотъ день въ декабрѣ 1833 года!

«Не одинъ разъ случалось мнѣ досадовать, что англичане имѣютъ свою народную пѣсню God save the King, а французы свою: Vive Henri quatre. Пора намъ имѣть свой русскій напѣвъ! Желательно, чтобы новая музыка сдѣлалась неразлучною съ простыми, но исполненными чувства словами Жуковскаго: съ хоромъ производитъ она прекрасный эффектъ, хотя должно сознаться, что она заключаетъ въ себѣ болѣе церковной, нежели простонародной мелодіи».

Не правда-ли, что въ этомъ восторженномъ отзывѣ отражается и наше чувство, которое насъ охватываетъ при могучихъ звукахъ гимна, и вся та торжественная обстановка, при которой обыкновенно нашъ народный гимнъ исполняется.

Самымъ живымъ наслѣдствомъ отъ Алексѣя Ѳедоровича Львова, кромѣ народнаго гимна, остались и теперь употребляемые въ богослуженіи мотивы его музыки и концертное общество, которое съ похвальной твердостію остается вѣрно плану своего учредителя, не допуская въ составъ устраиваемыхъ концертовъ ничего неклассическаго. Во всемъ этомъ живетъ нашъ первый композиторъ, нашъ уважаемый Львовъ, а имя его не будетъ забыто, доколѣ Россія будетъ имѣть и любить царей и доколѣ будетъ держаться единой православной вѣры.

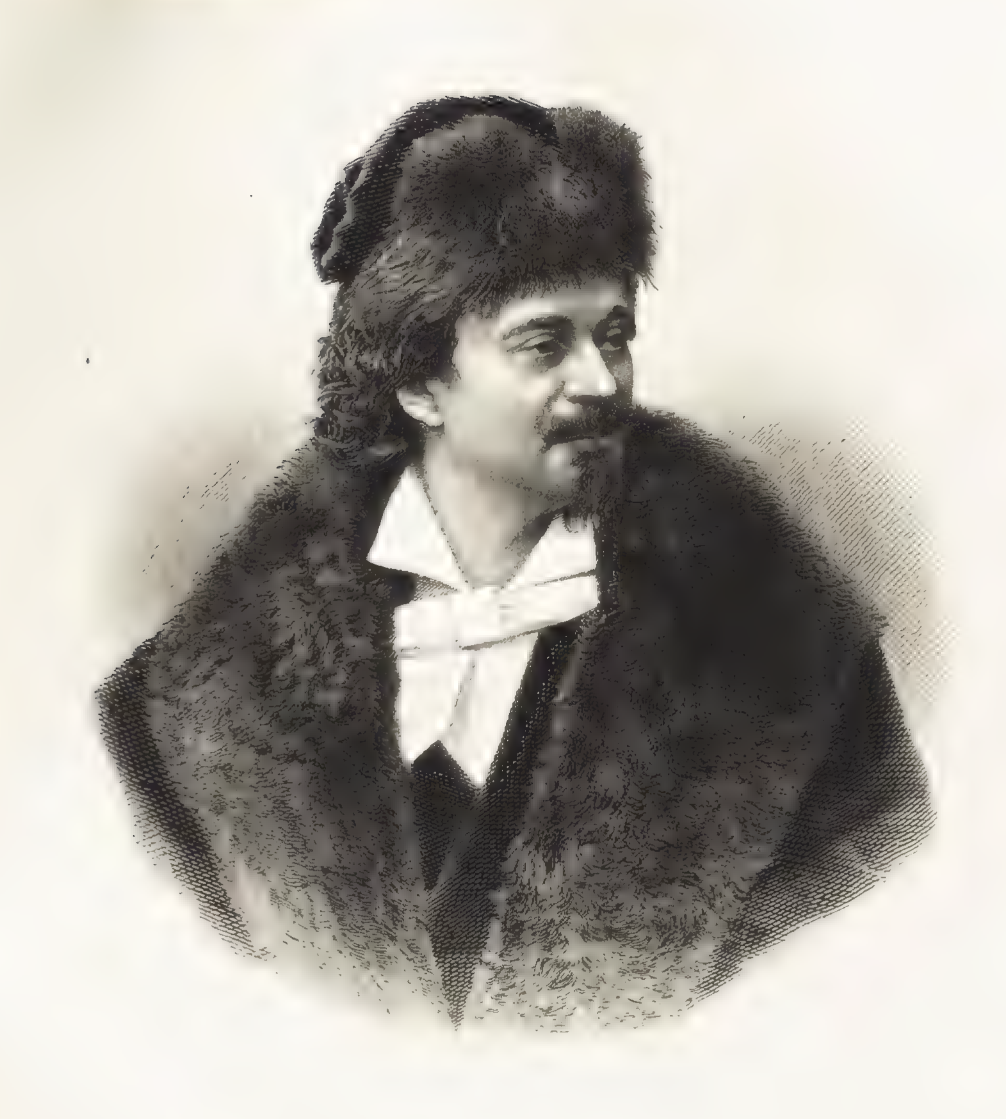

хищенныхъ зрителей и крики «ура!», смѣшавшись съ хоромъ, съ оркестромъ, и съ духовою музыкою, бывшею на сценѣ, про[illegible] театра. Эти восторги преда[illegible] тянъ токмо тогда прекра[illegible] всеобще[illegible] повторена. Зачѣмъ волшебнымъ какимъ-[illegible] не явились въ Москву на этотъ вечеръ представите[illegible] европей[illegible] своего Государя? Долго, долго останется въ [illegible] жителей бѣлокаменной столицы [illegible] 1833 года!

«Не [illegible] имѣютъ свою народную пѣсню [illegible] цузы свою: Vive Henri quatr[illegible] скій на[illegible] неразлучною съ прост[illegible] вами Жуковскаго: съ [illegible] ный эффектъ, хотя должно сознаться, что [illegible] въ себѣ [illegible]

Не правда-ли, что въ этомъ восторженномъ от[illegible] отражае[illegible] могучихъ звукахъ гимна, и вся [illegible] новка, при которой обыкновенно нашъ [illegible] исполня[illegible]

Сам[illegible] Львова, кромѣ народн[illegible] требляе[illegible] ное общ[illegible] вѣрно [illegible] устраива[illegible] этомъ ж[illegible] Львовъ, а [illegible] имѣть и [illegible] православ[illegible]

В. Врубель

XII.

Валерій Ивановичъ Якоби,

профессоръ Императорской академіи художествъ.

Валерій Ивановичъ Якоби родился въ 1836 г. въ Казанской губерніи. Первоначальное воспитаніе онъ получилъ въ мѣстной гимназіи, затѣмъ поступилъ въ университетъ. Страсть къ искусству выказалась у него рано. Живой и подвижный, отличный ѣздокъ и стрѣлокъ, онъ дѣятельно занимался науками, но душою отдыхалъ за рисованіемъ. Послѣ крымской кампаніи, въ которой г. Якоби принималъ участіе въ качествѣ волонтера, онъ поступилъ въ Императорскую академію художествъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ вскорѣ началъ обращать на себя вниманіе профессоровъ необыкновенными успѣхами своими въ рисованіи. Благодаря выдающейся талантливости, на прохожденіе курса ему потребовалось не 12 лѣтъ, какъ бы слѣдовало, а всего 4 года, въ теченіи которыхъ онъ получилъ всѣ обычныя академическія награды.

Первою своею картиною, появившеюся въ 1857 году, г. Якоби примкнулъ къ наиболѣе живому направленію въ русскомъ искусствѣ того времени. Картина эта изображала петербургскаго уличнаго продавца фруктовъ. Художникъ не увлекся такимъ образомъ рутиннымъ академическимъ классицизмомъ, но приступилъ къ изученію обыденной жизни, слѣдуя по стопамъ извѣстнаго Федотова и его послѣдова-

телей. За «Продавца фруктовъ» г. Якоби получилъ вторую серебрянную медаль. Въ 1858 году онъ написалъ вторую подобную-же картину «Татары — продавцы халатовъ». Въ этой картинѣ г. Якоби высказалъ уже тонкую наблюдательность и силу кисти, и былъ удостоенъ за нее большой серебряной медали. Въ 1859 году появилась картина его «Свѣтлый праздникъ нищаго». Въ ней художникъ расширилъ область своего творчества и далъ уже не отдѣльный типъ, а цѣлую бытовую картинку. Старикъ нищій возвратился къ своей семьѣ въ день Св. Пасхи, со сборомъ доброхотныхъ даяній. Сборъ былъ обиленъ. Около старика его внучекъ, радующійся вынимаемымъ изъ мѣшка краснымъ яичкамъ. Въ сторонѣ жена и дочь нищаго. За эту картину г. Якоби получилъ малую золотую медаль. Въ слѣдующемъ 1860 году Валерій Ивановичъ обратилъ на себя вниманіе не только любителей живописи, но и всего интеллигентнаго Петербурга своимъ «Приваломъ арестантовъ». Въ то время партіи ссыльныхъ весь далекій путь изъ Москвы въ глубь Сибири проходили пѣшкомъ по этапу. Художникъ изобразилъ одну изъ такихъ партій сдѣлавшую привалъ въ безлѣсной, снѣжной степи. Безотрадная мѣстность и грустныя фигуры закованныхъ въ цѣпи каторжниковъ, одѣтыхъ въ лохмотья, дышатъ правдою и невольно щемятъ сердце... За эту картину, имѣвшую полнѣйшій успѣхъ на академической выставкѣ того года, г. Якоби былъ удостоенъ большой золотой медали, которая, какъ извѣстно, даетъ право ѣхать на казенный счетъ заграницу. Этимъ правомъ Валерій Ивановичъ воспользовался въ слѣдующемъ 1861 году и пробылъ заграницею цѣлыя семь лѣтъ.

Первоначально художникъ направился въ Германію, гдѣ изучалъ музеи и картинныя галлереи. Затѣмъ занимался въ Цюрихѣ живописью подъ руководствомъ профессора Колера и наконецъ прибылъ въ Римъ, гдѣ провелъ шесть лѣтъ. Заграницею г. Якоби написалъ много картинъ частію бытовыхъ — изъ римской жизни, — частію историческихъ. Картины эти выставлялись не только въ Петербургѣ, но и на всемірныхъ выставкахъ — лондонской въ 1862 году и

парижской въ 1867 г: Между прочимъ, къ этому времени относятся слѣдующія произведенія его кисти: «Полдень» (двое нищихъ освѣщены солнцемъ, имъ подаетъ милостыню женщина), «Осень» (дѣвочка съ мальчикомъ). 1863 г.— «Закатъ»; «Знахарка»; «Шифонье». 1864 г. — «Террористы и умѣренные» (картина эта была на выставкѣ того года подъ названіемъ «Робеспьеръ»); «Голова Колиньи и герцогъ Гизъ» (за эту картину художникъ получилъ званіе академика). 1868— 1869 г.: «Какъ аукнется, такъ и откликнется» (кошкѣ стригутъ ногти); «Выходъ изъ траторіи» (фигуры пьяныхъ); «Политика послѣ завтрака»; «Тарантелла на зубахъ» (фигуры цыганятъ); «Модная мать»; «Бандуристъ» и др. Въ число наиболѣе интересныхъ изъ этихъ картинъ слѣдуетъ несомнѣнно поставить «Политику послѣ завтрака», въ нее г. Якоби внесъ элементъ тонкой сатиры. Картина изображаетъ отдыхъ римскаго кардинала послѣ обильнаго завтрака. На столѣ остатки роскошныхъ блюдъ и не мало открытыхъ бутылокъ съ виномъ, отчасти опустошенныхъ; кардиналъ полулежитъ. Находящійся вмѣстѣ съ нимъ молодой прелатъ, блѣдный, съ лицомъ аскета, почтительно прочитываетъ своему патрону текущія новости. Картина «Террористы» была на парижской выставкѣ 1867 года.

В. И. Якоби возвратился изъ-заграницы въ 1869 году. Съ этого года и начался наиболѣе блестящій періодъ дѣятельности художника. Онъ посвятилъ себя русской исторической живописи и далъ рядъ картинъ безспорно замѣчательныхъ и по техникѣ, и по выбору сюжетовъ, показывающихъ, кромѣ того, тщательное изученіе эпохи. Шестидесятые и семидесятые года, какъ извѣстно, принесли массу новаго историческаго матеріала. Много появилось за эти года изысканій, напечатано мемуаровъ и записокъ, рельефно освѣтившихъ разныя эпохи русской исторической жизни. Г. Якоби остановился исключительно на царствованіи Императрицы Анны Іоанновны и несчастнаго младенца Императора Іоанна Антоновича. Къ этой эпохѣ относятся четыре его картины «Арестъ Бирона», «Утро во дворцѣ

Анны Іоанновны въ 1740 г.», «Ледяной домъ», «Волынскій въ кабинетѣ министровъ». Послѣ смерти Императрицы Анны Іонановны вся власть въ государствѣ сосредоточилась въ рукахъ регента герцога курляндскаго Бирона. Ни одинъ голосъ не возвышался противъ жестокаго временщика, все дрожало передъ нимъ. Въ своемъ высокомѣріи онъ поговаривелъ даже о высылкѣ заграницу матери и отца малолѣтняго Императора Іоанна VI — принца Антона Ульриха и Анны Леопольдовнаы, послѣ открытія одного заговора, въ которомъ участвовалъ между прочимъ и адъютантъ принца. Но нашелся рѣшительный человѣкъ. задумавшій положить конецъ такому ненормальному положенію вещей — это былъ знаменитый фельдмаршалъ Минихъ, всегда честный слуга престола. Онъ предложилъ принцессѣ арестовать Бирона въ его дворцѣ. Анна Леопольдовна лично передала приказъ офицерамъ преображенскаго полка, состоявшимъ въ караулѣ въ Зимнемъ дворцѣ, Минихъ-же воодушевилъ солдатъ. Они двинулись къ деревянному лѣтнему дворцу, бывшему въ лѣтнемъ саду, гдѣ нынѣ великолѣпная рѣшетка), ведомые адъютантомъ Миниха — Манштейномъ. Картина г Якоби «Арестъ Бирона» представляетъ тотъ моментъ, когда Манштейнъ уже проникъ въ роскошную спальню регента. Обѣ половинки дверей распахнуты настежъ. У входа часовой и группа солдатъ преображенцовъ въ походной формѣ. Спальна озарена яркимъ свѣтомъ брошеннаго на стулъ фонаря. Съ этимъ фонаремъ, безъ сомнѣнія потайнымъ, Манштейнъ прошелъ по комнатамъ дворца. У кровати поверженъ Биронъ; онъ тщетно хватается за шпагу; стулъ, шпага и китайскія ширмы летятъ на полъ. Вся фигура Бирона сдѣлана весьма схожею съ лучшими его портретами, но такъ какъ герцогъ захваченъ въ постели, то мы видимъ его въ моментъ борьбы безъ парика, что разумѣется даетъ другой видъ его головѣ и лицу. Фигуру Манштейна художникъ поставилъ такъ, что лица его не видно; сдѣлано это, безъ сомнѣнія, потому, что портретъ Манштейна до сихъ поръ не найденъ, и неизвѣстно даже, былъ ли онъ когда-либо изданъ. На крикъ Манштейна бѣжитъ старый офицеръ, съ

эспантономъ и шарфомъ, готовый перевязать ненавистнаго правителя... Комната Бирона отдѣлана въ китайскомъ вкусѣ, какъ и было дѣйствительно; надъ кроватью занавѣси голубаго бархата, подбитыя желтымъ атласомъ; онѣ шиты золотомъ съ гербами герцога. Одѣяло атласное, ваточное, стеганое, бѣлое съ цвѣтами. Стулъ у постели обдѣланъ золотомъ и обитъ малиновымъ бархатомъ; на полу богатый красноватаго цвѣта коверъ. На фигурномъ, золотомъ обдѣланномъ столѣ—шкатулка съ андреевской звѣздою и голубою къ ней лентою; тутъ-же лежитъ парикъ герцога. У кровати легкія ширмы. Рубашка на герцогѣ кружевная, съ блондами... Вѣсть о низверженіи Бирона мгновенно облетѣла весь Петербургъ и произвела общій, искренній восторгъ. Надъ герцогомъ былъ учрежденъ судъ особой коммисіи, члены которой единогласно приговорили его къ смертной казни, но Анна Леопольдовна замѣнила этотъ приговоръ вѣчнымъ заточеніемъ. Вслѣдствіе чего Биронъ и былъ сосланъ съ семействомъ въ слободу Тобольской губерніи — Пелымъ. Изъ ссылки Биронъ былъ возвращенъ черезъ 20 слишкомъ лѣтъ при воцареніи Петра III.

Одною изъ любимыхъ забавъ Анны Іоанновны были шуты. При дворѣ ея ихъ было шесть; двое—Балакиревъ и Янъ д'Акоста, португальскій еврей, были шутами и при Петрѣ Великомъ, имена остальныхъ Пьетро-Мира (называвшійся обыкновенно Педрилло), родомъ неаполитанецъ, Волконскій, Апраксинъ и Голицынъ. Надо замѣтить, что шуты при Аннѣ Іоанновнѣ вовсе не играли роли, которую предназначалъ имъ Петръ Великій. Петръ держалъ шутовъ, какъ одно изъ орудій насмѣшки, употреблявшейся имъ иногда противъ грубыхъ предразсудковъ и невѣжества, коренившихся въ тогдашнемъ обществѣ. Шуты Анны Іоанновны должны были только забавлять. Картина В. И. Якоби «Утро во дворцѣ Анны Іоанновны въ 1740 г.» даетъ намъ понятіе о родѣ этихъ забавъ. Картина эта въ три аршина длины и два высоты, включаетъ въ себѣ до 26-ти лицъ, изъ которыхъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ фигуръ, всѣ остальные суть историческіе портреты. Анна Іоанновна пред-

ставлена лежащей въ постелѣ, въ обширной спальнѣ; она не домогаетъ. Въ покоѣ собранъ весь кругъ близкихъ придворныхъ лицъ. Подлѣ постели сидитъ въ небрежной позѣ Биронъ. На ухо ему шепчетъ что-то начальникъ страшной тайной канцеляріи, генералъ Андрей Ивановичъ Ушаковъ. Съ противоположной стороны постели жена Бирона подаетъ больной лекарство, тутъ-же сидитъ карлица, калмычка Буженинова. Посрединѣ комнаты шуты играютъ въ чехарду. Голицынъ стоитъ склонившись къ полу головой, черезъ него перепрыгнулъ и лежитъ на полу Апраксинъ; на Голицына вскочилъ Волконскій, а на спинѣ послѣдняго возвышается веселая фигура умнаго Балакирева. Шутъ Педрилло въ забавной позѣ, стоя у дверей, играетъ на скрипкѣ. Д'Акоста бичемъ, съ привязаннымъ къ нему пузыремъ, сидя на полу, подстегиваетъ всю группу играющихъ въ чехарду, а съ другой стороны стегаетъ ее бичемъ-же малолѣтній, но уже грубый, нравственно-испорченный сынъ Бирона... Государыню, однако, видимо уже не забавляютъ эти, столь обыденныя для нея потѣхи,—она едва улыбается; за то весело смѣется кружокъ придворной знати: красавица статсъ-дама Лопухина, герцогиня гессенъ-гамбургская и графъ Левенвольде, фаворитъ Лопухиной; они трое сидятъ въ ногахъ больной и играютъ въ карты, но игра прервана—они любуются на чехарду. Въ глубинѣ спальни находятся будущая правительница Анна Леопольдовна, французскій посолъ маркизъ де-Шетарди и хирургъ Лестокъ—они также слѣдятъ за шутами. Графъ Минихъ и князь Трубецкой, съ озабоченными лицами, ведутъ за постелью дѣловой разговоръ, а въ противоположномъ концѣ комнаты, близь станка съ попугаями, въ униженной позѣ, согбенно, стоитъ піита В. К. Третьяковскій: въ его рукахъ свитокъ—новая ода. На него никто не обращаетъ вниманія. Двѣ фигуры: черемисянка въ національномъ костюмѣ и негритенокъ, сидящія на полу, дополняютъ картину. Единственное лицо, протестующее противъ забавы—это входящій въ дверь кабинетъ-министръ Волынскій. Никѣмъ изъ присутствующихъ еще не замѣченный: онъ съ негодованіемъ смотритъ на шутовъ.

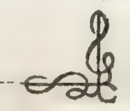
Картина Валерія Ивановича «ледяной домъ» представляетъ эпизодъ одной довольно грандіозной шутовской потѣхи того времени. Какъ-то порѣшено было женить шута Голицына на шутихѣ, немолодой и некрасивой калмычкѣ Бужениновой. Камергеръ Татищевъ подалъ идею построить на Невѣ домъ изо льда и обвѣнчать въ немъ молодыхъ «курьезнымъ» образомъ. Подъ предсѣдательствомъ кабинетъ-министра Волынскаго была, составлена особая «маскарадная коммиссія», которой поручено было исполненіе предложенія Татищева. Домъ изъ ледяныхъ плитъ дѣйствительно былъ выстроенъ между Адмиралтействомъ и Зимнимъ дворцомъ и имѣлъ до 8 саженъ въ длину и 3 въ вышину. Стекла въ окнахъ, цвѣты на нихъ, мебель, каминъ, даже дрова въ каминѣ, обливаемыя нефтью, чтобы могли горѣть,—все изо льда. Передъ домомъ стояли двѣ ледяныя мортиры и шесть ледяныхъ пушекъ, изъ которыхъ не разъ стрѣляли. У воротъ находились два ледяные дельфина, выбрасывавшіе по вечерамъ изо рта, съ помощью насосовъ, горящую нефть. Не малою диковинкою былъ стоящій по правую сторону дома ледяной слонъ въ натуральную величину, о которомъ Крафтъ говоритъ, что онъ «внутри былъ пустъ и столь хитро сдѣланъ, что днемъ воду вышиною на 24 фута пускалъ; ночью, съ великимъ удивленіемъ всѣхъ смотрителей, горящую нефть выбрасывалъ. Сверхъ же того, могъ онъ, какъ живой слонъ, кричать, который голосъ потаенный въ немъ человѣкъ трубою производилъ».—При «ледяномъ домѣ» была выстроена ледяная же баня; ее нѣсколько разъ топили и охотники могли въ ней париться. Къ свадьбѣ были доставлены представители разныхъ племенъ и народовъ, насѣлявшихъ Россію, по два человѣка обоего пола, всего 300 человѣкъ. Изъ всѣхъ этихъ инородцевъ былъ устроенъ въ день бракосочетанія свадебный поѣздъ. Одни ѣхали на верблюдахъ, другіе на оленяхъ, третьи—на собакахъ, на волахъ, на козлахъ, на свиньяхъ и т. д. Шествіе открывали «молодые», ѣхавшіе въ большой желѣзной клѣткѣ, поставленной на слонѣ. Въ манежѣ герцога курляндскаго былъ устроенъ для поѣзжаныхъ обѣдъ.

Послѣ плясокъ инородцевъ, молодые были отвезены въ

ледяной домъ и тамъ оставлены на всю ночь. Чтобы, иззябнувъ, не ушли они до утра, къ дому былъ приставленъ караулъ. На другой же день утромъ отправился къ нимъ въ маскарадной процессіи весь дворъ для поздравленія... Моментъ поздравленія и взятъ г. Якоби для своей картины. Шуты и придворные, въ причудливыхъ костюмахъ наполняютъ «ледяную комнату». Заяцъ, верхомъ на палкѣ, держа въ поводу медвѣдя, предводительствуетъ процессіей. Отвратительный карликъ подходитъ къ ледяному алькову несчастныхъ, полузамерзшихъ молодыхъ, и съ жестокой ироніей предлагаетъ имъ вѣеръ.

Четвертая картина представляетъ «Волынскаго въ кабинетѣ министровъ», произносящаго запальчивую рѣчь противъ одного изъ рѣшеній своихъ сотоварищей, казавшагося ему несогласнымъ съ выгодами Россіи. Волынскій всталъ и, гордо откинувъ назадъ голову, говоритъ. Рѣчь несомнѣнно задѣваетъ Бирона, подслушивающаго за ширмами на первомъ планѣ. Онъ видимо старается не проронить ни одного слова... и думаетъ о мести. Канцлеръ графъ Остерманъ, страдающій припадками подагры, полулежитъ справа также на первомъ планѣ въ креслахъ на колесахъ. Личный и политическій врагъ Волынскаго, канцлеръ не спускаетъ съ глазъ. Рядомъ съ Волынскимъ съ одной стороны князь Н. Трубецкой, съ другой вице-канцлеръ графъ Головкинъ, они, равно какъ и сидящій за отдѣльнымъ столомъ слѣва секретарь Эйхлеръ, видимо поражены рѣчью и серьезностію момента. Только сидящій рядомъ съ Остерманомъ князь А. М. Черкасскій не раздѣляетъ общаго впечатлѣнія; онъ даже задремалъ подъ звуки пламеннаго протеста. Врагъ «нѣмцевъ» и въ частности Бирона, Артемій Петровичъ Волынскій сложилъ, какъ извѣстно, свою голову на плахѣ 27 іюня 1740 г.

Таковы четыре замѣчательныя картины В. И. Якоби съ сюжетами изъ русской исторіи, составившія ему европейское имя.

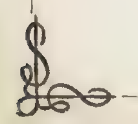

[illegible]

ледяной [illegible] ночь. Чтобы, из-зябну[illegible] утра, къ дому былъ пристав-лен[illegible] другой же день [illegible] отправился къ ним[illegible] маскарадной процессіи [illegible] для поздравле-нія. [illegible] поздравленія [illegible] для своей кар[illegible] Шуты и [illegible] мах[illegible] пал[illegible] про-цесс[illegible] аль[illegible] стокой ироніей предлагаетъ имъ вѣеръ...

Ч[illegible] тѣ [illegible] одно[illegible] несо[illegible] отки[illegible] дѣва[illegible] плав[illegible] слов[illegible] стра[illegible] на [illegible] поли[illegible] глаз[illegible] Н. Т[illegible] они, [illegible] секре[illegible] момен[illegible] А. М. Черкасскій не раздѣляетъ [illegible], онъ даже [illegible]. Врагъ «нѣм[illegible] и въ частности Бирона, [illegible] Во-лынс[illegible] 27 іюня 1740 г.

Таковы [illegible] О. И. [illegible] съ сю-жетами изъ русской исторіи, составившія ему европейское имя.

Платонъ Митрополитъ Московскiй

I.

ПЛАТОНЪ

Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Высокопреосвященный Платонъ родился въ 1737 году 29-го іюня въ селѣ Чашниковѣ, Московской губерніи. Отецъ его, Георгій Левшинъ былъ священникомъ въ выше названномъ селѣ, при крещеніи назвалъ сына Петромъ; воспитывать отдалъ въ Московскую словено-греко-латинскую академію. По синодскому указу 1757 года, до окончанія четырехлѣтняго академическаго курса, Петръ Левшинъ былъ назначенъ преподавателемъ россійской поэзіи и латинскаго языка, въ той же академіи онъ исполнялъ должность публичнаго катихизатора. Архимандритъ Троицко-Сергіевской Лавры, Гедеонъ Криновскій, ходатайствовалъ о переводѣ Петра Левшина въ семинарію Лавры учителемъ риторики.

Въ 1758 году 14-го августа онъ былъ постриженъ въ монашество и нарѣченъ Платономъ, 20-го числа того же мѣсяца рукоположенъ во діаконы, а въ 1759 году 20-го іюля въ Петербургѣ во іеромонахи и назначенъ префектомъ семинаріи и учителемъ философіи. Въ 1762 году будучи уже ректоромъ семинаріи и учителемъ богословіи, Платонъ по пріѣздѣ въ Петербургъ съ архимандритомъ Лавры, въ іюнѣ мѣсяцѣ представлялся къ вошедшей на престолъ Екатеринѣ Великой. Въ томъ же году

въ октябрѣ Императрица пріѣхала въ Лавру и Платонъ привѣтствовалъ ее по этому случаю своею знаменитою рѣчью. Екатерина удостоила его большой денежной наградой за богословскій диспутъ поднятый княземъ Орловымъ.

Въ 1763 году, по именному указу Государыни, Платонъ назначенъ намѣстникомъ Лавры. Въ томъ же году Императрица изволила, отправившись на богомолье въ Ростовъ, посѣтить проѣздомъ Лавру. Сказанная Платономъ проповѣдь *о пользѣ благочестія* была тотчасъ напечатана по приказанію Государыни. Платонъ былъ приглашенъ Екатериной сопровождать ее въ Ростовъ, но онъ, будучи въ то время не совсѣмъ здоровымъ, не могъ исполнить ея желанія. Возвращаясь изъ Ростова Императрица опять заѣхала въ Лавру, приказала Платону прибыть ко двору и подарила ему кусокъ бархата на рясу.

По прибытіи Платона въ Петербургъ, ему было объявлено графомъ Никитою Ивановичемъ Панинымъ о его назначеніи преподавателемъ богословіи къ Наслѣднику Павлу Петровичу. 30 августа 1760 года начались занятія съ Великимъ Княземъ, которыя и продолжались до 1766 года. Жалованья Платонъ получалъ 1,000 рублей, квартиру на Мойкѣ, въ деревянномъ дворцѣ, (мѣсто занимаемое въ настоящее время домомъ Елисѣева) кромѣ того, по запискамъ самого Платона, „на столъ 300 рублей, по штофу водки на недѣлю, по бутылки рейнвейну на день, меду полпива, кислыхъ щей, дровъ и свѣчь — неоскудное число, бѣлье столовое и посуда всякая дворцовая, да истопникъ и работникъ; а сверхъ того карета дворцовая съ парою лошадей и конюхомъ.“ Въ 1766 году 16-го іюля, по высочайшему повелѣнію, Платонъ изъ іеромонаховъ былъ посвященъ въ архимандриты Троице-Сергіевской Лавры. Въ это время къ его содержанію прибавилось еще 2 тысячи рублей отъ Лавры и 500 рублей отъ высочайшаго двора „вмѣсто выѣзду.“

Въ 1763 году 18-го января Платонъ былъ пожалованъ членомъ Св. Синода. Въ 1770 году 10-го октября, въ присутствіи принца прусскаго Генриха, лаврская архимандрія была оставлена за нимъ же. Однако Тверь онъ посѣтилъ не скоро и не надолго, проживъ тамъ полгода, Платонъ пріѣхалъ жить въ

Петербургъ и съ 1773 года былъ преподавателемъ Закона Божія невѣсты Цесаревича Павла Петровича, принцессы гессенъ-дармштадтской. Послѣ брака Наслѣдника, окончивъ преподаваніе Платонъ получилъ пожизненую пенсію въ 1000 рублей и годовой отпускъ въ свою епархію.

Въ 1775 году 20-го января Императрица Екатерина посѣтила Платона въ Твери, гдѣ и назначила его архіепископомъ Московскимъ, не смотря на то, что Платонъ былъ противъ этого назначенія; подарила ему брилліантовую панагію и денегъ 5 тысячъ рублей. Въ томъ же году 18-го ноября его полному вѣдѣнію, какъ архіепископу Московскому, была поручена словено-греко-латинская академія. Пребываніе Платона въ Москвѣ хотя и было кратковременно, но онъ успѣлъ послужить на пользу академіи, имъ были открыты, въ пособіе ей, училища въ Звенигородѣ, Дмитровѣ и на Перервѣ.

Платонъ былъ вызванъ въ Петербургъ въ 1776 году для приготовленія къ православію принцессы виртембергской, невѣсты овдовѣвшаго Цесаревича Павла Петровича. Въ 1783 году архіепископъ Платонъ выстроилъ на собственныя суммы Спасо-Виѳанскій монастырь, находящійся близь Лавры. 29-го іюня 1787 года при совершеніи архіепископомъ литургіи въ московскомъ Успенскомъ соборѣ, онъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, провозглашенъ митрополитомъ; о такомъ намѣреніи Императрицы Платонъ ничего не зналъ заранѣе.

Въ 1797 году митрополитъ Платонъ въ послѣдній разъ былъ въ Петербургѣ; онъ пріѣзжалъ благодарить Императора Павла за пожалованные ему алмазные знаки орденовъ св. Александра Невскаго и св. Андрея Первозваннаго. 15-го сентября 1801 года, при коронаціи Александра Благословеннаго, Платонъ былъ первенствующимъ духовнымъ лицомъ. Императоръ Александръ пожаловалъ Платона орденомъ св. Владиміра 1-й степени 30-го августа 1809 года.

Въ 1811 году митрополитъ испросилъ себѣ позволеніе удалиться на покой, посѣлился въ своемъ Спасо-Виѳанскомъ монастырѣ, въ Москву же пріѣзжалъ рѣдко и не надолго. Пожаръ Москвы сильно повліялъ на здоровьѣ Владыки, онъ умеръ въ

въ 1812 году 11-го ноября; тѣло его покоится въ Соборной Преображенской церкви Спасо-Виѳанскаго монастыря.

Покойный митрополитъ Платонъ обладалъ очень красивою наружностью и сильнымъ пріятнымъ голосомъ. Извѣстный ораторъ и писатель, онъ отличался блестящимъ краснорѣчіемъ, которое вмѣстѣ съ его просвященнымъ умомъ производило глубокое впечатлѣніе на слушателей. Кромѣ древнихъ языковъ, Платонъ не пренебрегалъ изученіемъ и новыхъ, такъ напримѣръ французскій языкъ онъ изучилъ уже во время прибыванія своего при Дворѣ. Изъ сочиненій его извѣстны: „Краткая богословія,“ „Краткая церковная россійская исторія,“ „Два краткихъ катихизиса,“ „Увѣщаніе раскольникамъ,“ „Записки путешествія,“ (въ Кіевъ въ 1804 году), „Акаѳистъ Сергію Радонежскому.“ „Поучительныхъ словъ“ издано двадцать тысячъ томовъ съ 1765 по 1807 годъ.

въ 18 [illegible]
Пр [illegible]
[illegible]
нар [illegible]
тор [illegible]
тор [illegible]
впе [illegible]
не [illegible]
цуз [illegible]
Дв [illegible]
„К [illegible]
хи [illegible]
(въ [illegible]
„П [illegible]
17 [illegible]

A Baeyer

II.

ГРАФЪ ПЕТРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ВАЛУЕВЪ.

Едва-ли есть въ Россіи государственный дѣятель, котораго многолѣтняя практика такъ ясно и громко говорила бы за себя и придавала такой вѣскій авторитетъ имени человѣка, какова практика и каковъ авторитетъ состоящаго нынѣ предсѣдателемъ комитета министровъ графа Петра Александровича Валуева. Для каждаго мыслящаго человѣка очевидно то громадное значеніе, которое имѣетъ практика въ административномъ отношеніи; рядъ всевозможныхъ изворотливыхъ выходовъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ и положеній, связанный съ тысячами естественныхъ и даже необходимыхъ ошибокъ, изощряетъ умъ; крѣпнетъ память; развивается самосознанье и самоувѣренность, столь необходимыя въ каждомъ государственномъ человѣкѣ. Если къ этому присоединяется теплое сердце и отзывчивость на современныя событія, если государственный человѣкъ идетъ на ряду съ вѣкомъ, а не держится на одной точкѣ, не хватается за саломину, чтобы отстоять отжившую старину и рутину, то поступательное движеніе его по службѣ обезпечено навсегда; такой человѣкъ забираетъ въ свои руки все болѣе и болѣе широкія области, на которыя вліяетъ и своимъ примѣромъ, и своими распоряженіями, все большую часть людей смѣло

и неуклонно ведетъ по пути широкаго и всеобъемлющаго прогресса, самъ не зная ни устали, ни разочарованія; все прошедшее кажется ему очень естественнымъ, но на него онъ уже смотритъ съ улыбкой снисходительности; въ настоящемъ онъ ни на минуту не обманывается, видитъ его сильныя и слабыя стороны, поддерживаетъ первыя и устраняетъ вторыя; наконецъ, будущее всегда рисуется ему въ самыхъ розовыхъ краскахъ, въ самыхъ счастливыхъ положеніяхъ и самыхъ очаровательныхъ картинахъ: вѣдь это его идеялъ, къ которому онъ такъ стремительно шелъ, который помогаетъ ему за ничто считать скорби въ настоящемъ, который придаетъ ему бодрость и мощь, осуществленіе котораго въ постепенныхъ усовершенствованіяхъ даетъ право на истинное человѣческое достоинство... Такой государственный человѣкъ не имѣетъ претензіи самодовольно наслаждаться счастіемъ, которое онъ далъ милліонамъ людей: по этому счастію онъ только провѣряетъ себя, свою дѣятельность, свои силы; въ этомъ счастіи онъ видитъ критерій того направленія, по которому идетъ. Но оно не позволяетъ ему ни на минуту оставаться бездѣятельнымъ—нужно его упрочивать, дополнять, возвышать... „О, еще сколько дѣла!“ постоянно говоритъ онъ въ душѣ своей, и не ограничивается только этими словами, а постепенно, по немногу, по своимъ силамъ и по мѣрѣ возможности, приводитъ въ исполненія свои широкія задачи. Да, много еще остается совершить человѣчеству прекраснаго, чтобы возвыситься до пониманія и усвоенія уму и сердцу того идеала, который указанъ въ евангеліи и въ примѣрѣ Христа, которому мы должны подражать и который есть верхъ человѣческаго достоинства. Но несомнѣнно, что вся цивилизація, все совершенствованье человѣческой природы идетъ именно къ направленію къ этому идеалу, — иначе невозможно объяснить и цѣли человѣческой жизни... Отсюда видно, какую отвѣтственность принимаютъ на себя люди, стоящіе у кормила правленія и потому обязанные руководить на пути къ прогрессу ввѣренную имъ часть рода человѣческаго. Уже за это одно они заслуживаютъ нашего вниманія, что чувствуютъ рѣшимость выполнить высокую жизненную задачу. Конечно, не всѣ оказываются на мѣстѣ, не всѣ входятъ вполнѣ

въ свою роль — это зависитъ отъ природныхъ силъ каждаго и только отчасти отъ личнаго усердія. Напротивъ, почти всегда государственные люди обнаруживаютъ полное вниманіе и полное усердіе къ своимъ обязанностямъ. Если къ этому еще присоединяются счастливыя умственныя способности, то совокупность этихъ качествъ создаетъ тотъ авторитетъ, который привлекаетъ къ себѣ знаки всеобщаго уваженія, который возбуждаетъ довѣріе въ высшихъ и почти безотчетное повиновеніе низшихъ. Такимъ довѣріемъ награжденъ отъ престола графъ Петръ Александровичъ Валуевъ, назначеніе котораго на дняхъ на должность предсѣдателя коммиссіи по пересмотру законовъ о печати встрѣчено было прессой весьма сочувственно; а заслуги предъ отечествомъ и обществомъ въ теченіи пятидесяти лѣтъ службы обязываютъ и насъ занести его имя въ сборникъ виднѣйшихъ представителей русскаго общества текущаго вѣка, съ сообщеніемъ нѣкоторыхъ подробностей о его жизни.

Графъ Петръ Александровичъ Валуевъ, происходитъ отъ древняго дворянскаго рода. Предокъ Валуевыхъ, знатный литовскій уроженецъ, по имени Окатья Волъ, прибылъ въ Россіи въ началѣ XIV вѣка и принялъ здѣсь православную вѣру. У этого Окатья Воля были два сына, изъ которыхъ старшій, Василій Окатьевичъ Волуй, служилъ окольничимъ при великомъ князѣ Симеонѣ Гордомъ, а младшій, Иванъ, былъ воеводою надъ войсками Димитрія Донскаго и убитъ въ сраженіи на Куликовомъ полѣ. Въ томъ же сраженіи убитъ сынъ Василья Окатьевича, Тимоѳей Васильевичъ Волуевъ, предводительствовавшій полками Владимірскимъ и Юрьевскимъ, и его имя записано на вѣчное поминовеніе въ синодикѣ московскаго Успенскаго собора. Отъ этого Тимоѳея Васильевича и происходятъ дворяне Валуевы. Одинъ изъ потомковъ Тимоѳея Васильевича, Матвѣй Ивановичъ Валуевъ, сопровождалъ въ числѣ другихъ боярскихъ дѣтей въ Литву княжну Елену Іоанновну, невѣсту литовскаго великаго князя Александра, въ 1495-мъ году. Въ 1514-мъ году какой-то Григорій Петровичъ Валуевъ заключилъ въ Новгородѣ отъ имени великаго князя Василія Іоанновича договоръ съ послами семидесяти ганзейскихъ городовъ. Подъ однимъ изъ

приговоровъ земской думы о войнѣ съ Польшею въ 1566-мъ году значится имя Ѳедора Степановича Валуева, боярскаго сына въ Суздальскомъ уѣздѣ. У него были сыновья Михайло и Никита Ѳедоровичи, внукъ Григорій Михайловичъ, правнукъ Андрей Григорьевичъ и праправнукъ Степанъ Андреевичъ. У нѣкоего Григорья Андреевича Валуева, убитаго въ 1550-мъ году во время зимняго казанскаго похода и занесеннаго въ синодикъ московскаго Успенскаго собора, остались два сына, Леонтій и Прокопій Григорьевичи, изъ которыхъ первый въ 1578-мъ году выдерживалъ осаду ливонскихъ рыцарей въ замкѣ Левенгарденѣ, былъ намѣстникомъ Бѣлой 1580—1581 годовъ и воеводою въ Невли съ 1582 по 1584 годъ. Дѣти ихъ, Григорій Леонтьевичъ и Борисъ Прокопьевичъ были продолжителями рода, хотя линія отъ Григорья Леонтьевича скоро пресѣклась. Тогда родъ продолжался чрезъ потомство сына Бориса Прокопьевича, Семена, который оставилъ двухъ сыновей съ именемъ Ивана, Ѳедора и Тимоѳея. Послѣдніе не оставили потомства, а у обоихъ Ивановъ родилось по сыну — у старшаго Миронъ, у младшаго Иванъ. Степанъ Мироновичъ Валуевъ былъ хорошимъ инженеромъ и дослужился до генералъ-маіорскаго чина. Старшій сынъ его, Михаилъ Степановичъ, былъ убитъ при взятіи Бендеръ въ 1771-мъ году, а второй сынъ, Петръ Степановичъ, былъ оберъ-церемоніймейстеромъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, затѣмъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ, а въ царствованіе Александра Благословеннаго — сенаторомъ и главнымъ начальникомъ московской кремлевской экспедиціи и оружейной палаты, кавалеромъ орденовъ св. Александра-Невскаго и св. Владиміра первой степени. У Петра Степановича было четыре сына, изъ которыхъ старшій убитъ подъ Бородинымъ, а второй, Александръ Петровичъ, и есть отецъ нынѣшняго предсѣдателя комитета Министровъ, Петра Александровича Валуева. Петръ Александровичъ Валуевъ родился въ Москвѣ 22-го сентября 1815-го года, мать его была урожденная фонъ-деръ-Бринкенъ, впослѣдствіи m-me Фелькерзамъ.

Петръ Александровичъ до пятнадцати лѣтняго возраста оставался дома. Въ ту пору было въ модѣ давать дѣтямъ до-

машнее образованіе, и потому Петръ Александровичъ не испыталъ на себѣ вліянія никакой школы, съ ея достоинствами и недостатками. Школа, есть въ нѣкоторомъ смыслѣ уже общественное учрежденіе, потому человѣкъ научается примѣняться въ ней къ другимъ людямъ, подпадаетъ вліянію сильныхъ характеровъ или вліяетъ на другихъ самъ, выражаетъ всѣмъ своимъ существомъ тенденціи того или другаго товарищескаго кружка, или же сторонится отъ всѣхъ, углубляется въ науку, въ себя—приготовляетъ въ своемъ лицѣ кабинетнаго труженика или уединяющагося отъ людей мизантропа. Есть свои удобства и свои недостатки въ домашнемъ и школьномъ воспитаніи, если разсуждать объ этомъ и въ общемъ смыслѣ; если же принять въ разсчетъ различныя „семейныя обстоятельства“ и различное направленіе и положеніе школъ въ различное время, тогда рѣшеніе вопроса о достоинствахъ домашняго или школьнаго воспитанія усложнится еще болѣе, такъ что объ этомъ предметѣ почти невозможно говорить безотносительно къ какому нибудь частному случаю. Что касается Петра Александровича, то уже вся его дальнѣйшая дѣятельность показываетъ, что онъ нисколько не потерялъ отъ того, что не учился ни въ какой школѣ. Однако очень интересно знать, о чемъ заботились родители, какія знанія старались они сообщить своимъ дѣтямъ въ первой четверти текущаго вѣка. Что рѣзче всего бросается въ глаза, такъ это настойчивое желаніе имѣть учителемъ, а чаще даже и гувернеромъ француза. Отъ такого учителя требовалось по возможности всестороннее образованіе, широкій и здравый взглядъ на вещи, изысканная вѣжливость въ обращеніи и находчивость въ отвѣтахъ и выраженіяхъ. Рѣдко, разумѣется, можно было встрѣтить француза, который бы совмѣщалъ въ себѣ всѣ эти достоинства; да и лучшіе изъ французовъ въ концѣ концовъ оказывались только терпимыми ради моды. Завоевывая на первыхъ парахъ расположеніе патроновъ, иноземные учители влюблялись въ свѣтскихъ мумій съ порядочнымъ состояніемъ, влюбляли ихъ въ себя и женились на горе и досаду ихъ благодѣтелей, разочарованіе которыхъ не знало предѣловъ. Такъ, напримѣръ, было съ однимъ изъ учителей гр. Растопчина, г. Дальивилемъ, кото-

рый сначала показался „совсѣмъ другаго разбора, чѣмъ прочіе французы-учители“, а потомъ, прибавляя къ прежнимъ все новыя мерзости, до того себя довелъ, что совсѣмъ перестал заниматься ученьемъ сына (Сережи), просыпалъ до 11 часовъ и большую часть дня дѣлилъ между женою и всеобщей исторіей, которую принялся на просторѣ писать. „Разочарованіе заставляетъ даже графа воскликнуть“: какое несчастіе, что Петръ Первый насъ обрилъ, а Шуваловъ заставилъ говорить нечестивымъ этимъ французскимъ языкомъ!“ Затѣмъ были учители русскаго языка, русской исторіи, географіи, ариѳметики, знаніе которой пользовалось почетомъ, и рисованія. Почти всегда необходимымъ аксессуаромъ въ аристократическомъ кругѣ была англичанка, домашній докторъ-нѣмецъ и учитель или учительница „игры на клавикордахъ“. Родители очень внимательно слѣдили за способностями дѣтей и, если замѣчали талантъ, выписывали живописцевъ и другихъ артистовъ. Вотъ въ такой обстановкѣ жилъ и переживалъ свои дѣтскіе годы Петръ Александровичъ. Какъ видно, образованіе домашнее не отличалось особенной широтой; но, чтобы считаться образованнымъ, тогда было совершенно достаточно говорить по французски, нѣмецки и англійски, знать русскій языкъ и русскую исторію по преимуществу, не быть невѣжей въ математическихъ наукахъ и быть подготовленнымъ къ нѣкоторымъ другимъ, болѣе мелочнымъ, требованіямъ свѣта. Поэтому образованіе кончалось очень рано, а затѣмъ вся надежда и вся обработка характера всецѣло возлагалась на практику, которая, начинаясь съ пятнадцатилѣтняго возраста, могла быть очень продолжительной. Такъ въ наше время дѣти бѣднѣйшихъ провинціальныхъ чиновниковъ поступаютъ еще мальчиками въ писцы уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ и дослуживаются передъ смертью до чина губернскаго секретаря.

Пятнадцати лѣтъ Петръ Александровичъ поступилъ на службу, а въ 1832-мъ году опредѣленъ былъ въ канцелярію московскаго военнаго генералъ-губернатора. Здѣсь вскорѣ онъ имѣлъ случай обратить на себя вниманіе покойнаго Императора Николая Павловича. Много значитъ удача на первыхъ же порахъ служенія отечеству и всякаго вообще предпріятія, и изъ

этого случая встрѣчи съ императоромъ можно было выводить самыя блестящія предположенія о будущей карьерѣ Петра Александровича Валуева. Однако взглядъ на всю дѣятельность графа показываетъ, что своей извѣстности и своему возвышенію онъ исключительно обязанъ своимъ рѣдкимъ достоинствамъ, своему уму и усердію. Въ 1834-мъ году Петръ Александровичъ былъ переведенъ въ первое отдѣленіе собственной Е. И. В. Канцеляріи, и вскорѣ послѣ этого, какъ старшій чиновникъ, назначенъ оберъ-прокуроромъ въ девятый департаментъ сената. Въ 1845-мъ году онъ опредѣлень былъ чиновникомъ особыхъ порученій къ рижскому генералъ-губернатору, а съ іюня 1853-го года по апрѣль 1858-го года управлялъ Курляндскою губерніей. Въ 1858 же году онъ ужъ былъ приглашенъ М. Н. Муравьевымъ принять должность директора 2-го департамента министерства государственныхъ имуществъ, въ 1859-мъ году приглашенъ къ управленію департаментомъ сельскаго хозяйства и вслѣдъ затѣмъ назначенъ предсѣдателемъ ученаго комитета министерства. 1-го января 1861-го года графъ Валуевъ вступилъ въ управленіе дѣлами комитета министровъ, 23-го апрѣля назначенъ управляющимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и 9-го ноября утвержденъ въ должности министра. Въ началѣ 1868-го года Петръ Александровичъ вслѣдствіе разстроеннаго здоровья оставилъ службу въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ и назначенъ былъ членомъ государственнаго совѣта. Со времени отставки до 1871-го года онъ былъ нѣкоторое время предсѣдателемъ правленія ссуднаго и учетнаго банка и участвовалъ въ управленіи главнаго общества россійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ 1871-мъ же году Петръ Александровичъ Валуевъ назначенъ почетнымъ опекуномъ, начальникомъ Николаевскаго сиротскаго института, реальнаго женскаго училища и Александровскаго сиротскаго дома. Принявъ въ послѣдующее время участіе въ трудахъ коммиссій объ училищной реформѣ, податной и нѣкоторыхъ другихъ, 16-го апрѣля 1872-го года, Петръ Александровичъ Валуевъ занялъ постъ министра государственныхъ имуществъ. 19-го февраля 1880-го года, состоя статсъ-секретаремъ, членомъ государственнаго совѣта, предсѣдателемъ комитета ми-

нистровъ, кавказскаго комитета и коммиссіи прошеній, на Высочайшее имя приносимыхъ, и имѣя чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, П. А. Валуевъ возведенъ съ нисходящимъ его потомствомъ въ графское Россійской Имперіи достоинство. Назначеніе въ предсѣдатели комитета министровъ есть высшая степень довѣрія, оказываемаго П. А. Валуеву Государемъ Императоромъ; оно послѣдовало 22-го декабря 1879 года. Но онъ, какъ мы видѣли, заслужилъ это довѣріе на многихъ другихъ высшей степени постахъ, къ которымъ былъ достаточно подготовленъ раннею и хорошею практикой. Такимъ образомъ всю дѣятельность графа Валуева по дѣлу служенія отечеству до назначенія предсѣдателемъ комитета министровъ можно раздѣлить на три періода: первый, по преимуществу подготовительный, продолжавшійся отъ вступленія Петра Александровича на государственную службу до управленія миниистерствомъ внутреннихъ дѣлъ, представляетъ школу, въ которой вырабатывался практичный и многосторонній, сильный въ самыхъ мелочахъ умъ. Уже служба въ канцеляріи Московскаго военнаго генералъ-губернатора, въ которой служили всѣ сколько нибудь замѣчательные административно-государственные дѣятели, имѣла большое вліяніе на образованіе государственнаго склада ума П. А. Валуева. Но еще болѣе значило въ этомъ отношеніи руководство графа Сперанскаго, къ которому Валуевъ поступилъ и при которомъ находился съ 1834 года, состоя чиновникомъ 1-го отдѣленія собственной Е. И. В. канцеляріи. Этотъ великій государственный человѣкъ, оказавшій необыкновенныя административныя способности, возбуждавшій своимъ горячимъ и серьезнымъ отношеніемъ къ дѣлу довѣріе Императора Александра I, долженъ былъ производить необычайное впечатлѣніе на молодаго Валуева. Множество мѣръ, въ которыхъ обнаруживалось въ высшей степени гуманное и просвѣщенное чувство графа Сперанскаго, не могли неразвивать чувства гуманности и въ Петрѣ Александровичѣ. Сочувствіе западной цивилизаціи, соединенное съ пламенною любовью къ отечеству производило обаяніе на всѣхъ, кто имѣлъ возможность лично наблюдать дѣятельность графа. Твердость же его въ насажденіи западной цивилизаціи

на русской почвѣ, какъ извѣстно, дала въ руки клеветниковъ и завистниковъ Сперанскаго средство обвинить его въ измѣнѣ отечеству, въ пристрастіи къ Наполеону, геній котораго графъ цѣнилъ по достоинству. Если примѣръ графа Сперанскаго еще и теперь на юные умы воспитанниковъ и учащихся производитъ впечатлѣніе, то мы можемъ представить, какъ долженъ былъ этотъ примѣръ, лично наблюдаемый, закалить духъ П. А. Валуева въ стремленіяхъ къ возвышенію славы отечества, чего можно было достигнуть лишь при стремленіи къ высшимъ должностямъ. Достойно же исправлять высшія должности возможно лишь при полномъ знакомствѣ съ государствомъ, по всей его обширности, при знаніи центра столько же, какъ и окраинъ. Это знакомство съ дѣлами и положеніемъ провинціи особенно не трудно было П. А. Валуеву пріобрѣсть въ прибалтійскихъ губерніяхъ, админстративное устройство которыхъ нѣсколько сложнѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ имперіи, и потому представляетъ лучшую школу всякой практической дѣятельности на административномъ поприщѣ. Дѣйствительно, состоя сначала чиновникомъ особыхъ порученій при рижскомъ генералъ-губернаторѣ и управляя потомъ самостоятельно и самовластно Курляндскою губерніею, Петръ Александровичъ обнаружилъ и практическую опытность, и природныя способности. Продолжительное пребываніе въ прибалтійскомъ краѣ, съ 1845 по 1858 годъ, дало ему такое знаніе губерній и вообще губернскаго общества и состава, что онъ обратилъ на себя вниманіе извѣстнаго государственнаго дѣятеля М. Н. Муравьева, принялъ, по предложенію послѣдняго, должность директора 2-го департамента министерства государственныхъ имуществъ, а потомъ и завѣдываніе департаментомъ сельскаго хозяйства. Необходимо также указать хоть на то обстоятельство, что Петръ Александровичъ не былъ исключительно только практикъ; онъ обладалъ достаточно и научной теоріей, даже въ то время, въ 1858 году, и это именно было поводомъ, чтобы его назначить предсѣдателемъ ученаго комитета министерства государственныхъ имуществъ. Управляя затѣмъ нѣкоторое время дѣлами комитета министровъ, П. А. Валуевъ получилъ наконецъ одну изъ обширнѣйшихъ областей

управленія — область министерства внутреннихъ дѣлъ въ концѣ 1861 года, какъ мы уже знаемъ. Притомъ это была область, въ которой въ ту пору была сосредоточена почти вся духовная жизнь лучшей части нашего общества, гдѣ было намѣчено совершить самыя живительныя реформы и гдѣ кипѣла самая быстрая и самая плодотворная работа. Но здѣсь мы должны указать на одно, въ высшей степени важное обстоятельство, относящееся къ чести русскаго правительства и народа.

Исторія всѣхъ народовъ обильна переворотами всякаго рода, внѣшними погромами и внутренними потрясеніями, разрушительными или обновительными, смотря по степени живучести того общества, надъ которыми они разражаются. Но такія грозныя очистительныя эпохи сравнительно рѣдки въ исторіи каждаго отдѣльнаго народа. Къ счастію для человѣчества, тоже обновительное дѣло, тотъ же ускоренный процессъ цивилизаціи можетъ съ успѣхомъ совершиться и въ короткихъ періодахъ мирнаго, гуманно-разумнаго развитія, всецѣло направленнаго къ коренному измѣненію общаго порядка, оказавшагося несостоятельнымъ, и къ замѣнѣ старыхъ, отслужившихъ свой историческій срокъ, и уже явно негодныхъ „устоевъ“ общественныхъ и государственныхъ другими, болѣе надежными основами. Главная сила, огромное преимущество такихъ мирно-преобразовательныхъ историческихъ моментовъ заключается въ отсутствіи въ нихъ обычнаго антагонизма между управляющими и управляемыми классами общества и въ поразительномъ согласіи и единодушіи, съ которыми тѣ и другіе идутъ въ такія времена по одному и тому же пути любовнаго разрѣшенія самыхъ важныхъ государственныхъ задачъ. Съ одной стороны правительственная иниціатива встрѣчаетъ всюду самое искренее сочувствіе и одобрѣніе; съ другой — голосъ страны и заявленія общественнаго мнѣнія выслушиваются почти всегда съ должнымъ вниманіемъ. Цѣлой вереницей тянутся реформы одна за другой, одна другой важнѣе, одна другой живительнѣе и плодотворнѣе. Преобразованія касаются послѣдовательно всѣхъ сторонъ общественно-государственнаго быта. Одна реформа логически вытекаетъ изъ другой, а при всякомъ новомъ начинаніи, какъ само собою разумѣется, преобразова-

тельная работа не можетъ остановиться ни на одну минуту, пока изъ народной жизни и государственнаго механизма не исчезнутъ послѣднія аномаліи и несообразности унаслѣдованныя отъ стараго порядка вещей, т. е. усовершенствованіе жизни продолжались бы вѣчно, если бы этотъ внѣшній міръ былъ вѣченъ. Все выше сказанное относится къ эпохи, которую мы начали переживать около четверти вѣка назадъ и которую переживаемъ въ настоящее время. Этотъ характеръ и имѣетъ прогрессивное развитіе нашего отечества, и въ этомъ именно духѣ пришлось дѣйствовать Петру Александровичу Валуеву по вступленіи его въ управленіе министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Три самыхъ кореныхъ реформъ пришлось проводить въ русскую жизнь Петру Александровичу и проводить безъ всякаго шума, не возбуждая никакихъ волненій. Безъ сомнѣнія, самою важнѣйшею реформою, которою, можно сказать, началъ свое широкое и высокое служеніе Россіи Валуевъ, была реформа крестьянская. Толки объ освобожденіи крестьянъ начались гораздо ранѣе; въ это время выработана была уже программа, по которой должна была приводиться въ исполненіе реформа — эту исторію знаютъ всѣ рускіе патріоты. За достоинства и состоятельность программъ ручается уже то одно, что въ составленіи ея участвовали многіе комитеты, спеціально для того образованные, и въ одномъ изъ которыхъ предсѣдательствовалъ самъ Государь Императоръ, котораго гуманность признана всей образованной Европой. Тѣмъ не менѣе трудности проведенія этой реформы въ жизнь, разсроченнаго на нѣсколько лѣтъ, очевидны: съ одной стороны, при всемъ усердіи дворянства откликнуться на призывъ правительства къ освобожденію крестьянъ, имъ было далеко не легко разстаться съ укоренившимися привычками въ существовавшемъ положеніи вещей. Съ другой стороны крестьяне, въ сердцѣ которыхъ накипѣло чувство мести, возбужденное злоупотребленіями отдѣльныхъ помѣщиковъ, часто глубоко возмутительными, едва, и то не вездѣ, могли сдерживать свой восторгъ по поводу освобожденія отъ рабства и выражали его въ грубыхъ и часто насильственныхъ поступкахъ. Все это по возможности нужно было устранить, и эта обязанность всецѣло лежала на министрѣ

внутреннихъ дѣлъ. Дѣйствительно, съ быстротою и разумностію предпринимаемыя мѣры достигали своей цѣли, и число печальныхъ фактовъ достигало того минимума, который превзошелъ ожиданія Европы, усердно слѣдившей за обновленіемъ Россіи. Не меньшую услугу оказалъ министръ внутреннихъ дѣлъ Валуевъ и устройству земскихъ учрежденій, этому исторически-естественному основанію и фундаменту русской жизни. Всякій народъ, болѣе или менѣе претендующій на сознательное развитіе, долженъ развиваться самостоятельно, долженъ жить полною жизнію, все видить, все понимать и все чувствовать; онъ самъ долженъ заботиться о себѣ, о своихъ нуждахъ, заявлять о развитіи и состоятельности своего самосознанія и тѣмъ имѣть право на существованіе: съ выходомъ народнаго развитія изъ младенческаго періода посторонняя опека должна утрачивать часть своего смысла, т.-е. становиться осмысленною и осязательною въ глазахъ всякаго народа. Это какъ нельзя лучше сознано самимъ нашимъ правительствомъ, даровавшимъ русскому народу самостоятельныя земскія учрежденія. Но извѣстно, какъ еще не окрѣпли земскія учрежденія даже въ настоящее время; отсюда ясно, съ какимъ трудомъ они вводились въ провинціи, и вся эта тяжесть задачи опять таки всецѣло и главнымъ образомъ лежала на дѣятельности Петра Александровича Валуева. Однако этимъ не ограничилась государственная проницательность министра; 6-го апрѣля 1865 года дѣло о печати, перешла изъ министерства народнаго просвѣщенія къ министерству внутреннихъ дѣлъ. П. А. Валуевъ принималъ довольно дѣятельное участіе въ составленіи положеній о печати, дѣйствовавшихъ въ 1865 году, и при его наблюденіи придано этимъ положеніямъ систематическая законченность, хотя нѣкоторыя положенія и оказываются въ настоящее время не вполнѣ состоятельными. Но вѣдь не возможно же написать законовъ на цѣлые вѣка впередъ; жизнь развивается съ каждымъ годомъ; человѣчество совершенствуется; являются новыя требованія, новыя стремленія, все болѣе высокія и законныя, которыхъ удовлетворенію должны отвѣчать новыя узаконенія. Эти три отдѣла дѣятельности Валуева, какъ министра внутреннихъ дѣлъ, не

исчерпывали однако же всей его предпріимчивости. Замѣчательно, что болѣе мелкая предпріимчивость Петра Александровича служила выраженіемъ его гуманности, каково, напримѣръ, его распоряженіе о замѣнѣ прежняго пѣшаго препровожденія ссыльныхъ перевозкой ихъ на лошадяхъ и водою. Но самая существенная часть его менѣе важной дѣятельности, чѣмъ три означенныхъ выше реформы, касалась улучшенія положенія тюремъ и арестантскихъ ротъ. Въ отчетѣ 1869 года указываются недостатки тюремнаго дѣла. Тѣснота помѣщенія, лишеніе заключенныхъ часто самой необходимой вещи—свѣжаго воздуха, дурное довольствіе одеждой, недостатокъ средствъ медицинской помощи для больныхъ заключенныхъ, а главное—праздность, продолжавшаяся мѣсяцы и годы во многихъ мѣстахъ заключенія: все это какъ нельзя болѣе способствовало расширенію дурныхъ нравственныхъ результатовъ въ состояніи арестантовъ, которые потомъ выходили на свободу совершенно негодными для здоровой общественной жизни. Это тѣмъ печальнѣе, что среди заключенныхъ находятся часто люди только заподозрѣнные, а на самомъ дѣлѣ невинные. Вотъ слова одного газетнаго отчета: „Помѣщенія заключенныхъ тѣсны, больницъ во многихъ мѣстахъ нѣтъ вовсе, медицинская помощь подается въ камерѣ, назначенной для здоровыхъ арестантовъ, смертность въ тюрмахъ довольно значительна, а праздность, эта язва тюремныхъ учрежденій, преобладаетъ по прежнему во многихъ мѣстахъ заключенія. Относительная медленность судопроизводства отнимаетъ время у заключенныхъ и деньги на ихъ содержаніе у казны". Петръ Александровичъ Валуевъ нѣсколько преобразовалъ арестантскія роты, прежде находившіяся въ вѣдомствѣ министерства путей сообщенія; онъ примѣнилъ арестантскій трудъ къ исполненію государственныхъ работъ и возбудилъ частную, рукодѣльную промышленность арестантовъ, хотя немного чрезъ это отнимая часовъ въ день отъ постоянной и растлѣвающей праздности.

Послѣ указаннаго нами перерыва въ государственной службѣ П. А. Валуева онъ управлялъ, послѣ генералъ-адъютанта Зеленаго, министерствомъ государственныхъ имуществъ въ теченіи

почти восьми лѣтъ. И этотъ округъ государственной дѣятельности Петръ Александровичъ умѣлъ расширить, присоединивъ къ нему горное вѣдомство и управленіе государственнаго коннозаводства. Однимъ изъ первыхъ трудовъ Петра Александровича на этомъ поприщѣ было предсѣдательствованіе въ Высочайше назначенной коммиссіи по изслѣдованію положенія сельскаго хозяйства въ Россіи; труды этой коммиссіи были напечатаны и долго служили матеріаломъ для нашей печати. Однимъ изъ послѣднихъ распоряженій министерства П. А. Валуева было также распоряженіе о сельскомъ хозяйствѣ, влѣдствіе котораго въ настоящее время печатаются выпусками „Матеріалы для изученія совершеннаго положенія землевладѣнія и сельско-хозяйственной промышленности Россіи.“ Программа изданія, составленная по указаніямъ министра, вызвала большія похвалы почти во всѣхъ органахъ печати. Особенное вниманіе было обращено П. А. Валуевымъ на два существенныхъ вопроса: осушеніе болотъ и лѣсоразведеніе. Болѣе строгій надзоръ за счетною частью уменьшилъ расходы казны по горному вѣдомству; арендныя статьи государственныхъ имуществъ значительно возрасли. Все это показываетъ, съ какимъ вниманіемъ относится графъ П. А. Валуевъ ко всѣмъ важнѣйшимъ нуждамъ современной жизни, и это уважеиіе къ современнымъ требованіямъ дѣлаетъ большую честь графу.

Нужно думать, что и къ послѣднему своему назначенію по предсѣдательству коммиссіей о пересмотрѣ законовъ о печати графъ П. А. Валуевъ отнесется со всей шпротой своего взгляда и полнымъ сожалѣніемъ нуждъ современной Россіи, изъ которыхъ первая есть почти современное отсутствіе печатной гласности, хотя и есть гласность судебная. Пожелаемъ графу съ достоинствомъ исполнить его задачу, Высочайшимъ довѣріемъ на него возложенную — для пользы и славы нашего отечества!..

почти [illegible]
ности [illegible]
къ нему [illegible]
заводст[illegible]
на этом [illegible]
значени [illegible]
зяйства [illegible]
долго с[illegible]
слѣдни[illegible]
распор[illegible]
настоя[illegible]
ченія [illegible]
ственн[illegible]
ленная [illegible]
во вс[illegible]
П. А. [illegible]
болот[illegible]
частьк[illegible]
ныя с[illegible]
Все э[illegible]
П. А [illegible]
жизни [illegible]
больш[illegible]

Н[illegible]
предс[illegible]
граф[illegible]
и по[illegible]
рыхъ [illegible]
ности [illegible]
досто[illegible]
на него [illegible]

III.

АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

САБУРОВЪ.

Человѣкъ, какъ существо разумное, долженъ господствовать надъ неразумною природой; въ этомъ проявляется его свободная воля, которая и отличаетъ собственно человѣка отъ другихъ животныхъ существъ, подчиненныхъ исключительно законамъ необходимости и случая. Въ этой разумности и свободѣ воли вся мощь и сила человѣка; безъ нихъ онъ самъ стаетъ на одну низкую степень длинной лѣстницы организмовъ, также дѣлается рабомъ случая и даже его жизнь становится въ зависимость отъ окружающей мертвой и живой природы. Человѣкъ долженъ овладѣть природой, долженъ изучить законы ея и извлечь изъ нея все, что она можетъ дать; онъ долженъ подчинить себѣ тайныя силы физическаго міра, а для этого долженъ сдѣлать ихъ для себя видимыми, явными. При помощи этихъ же самыхъ силъ онъ долженъ воспользоваться всѣми сокровищами, которыя заключены въ нѣдрахъ земли, въ водахъ и пространствѣ воздушномъ; сама природа поможетъ достать ихъ, если только человѣкъ хорошо и смѣло возьмется за работу. Много уже изучено силъ природы, много добыто сокровищъ изъ земли, но какъ еще много неизвѣстнаго, какъ много недоступнаго, неподдающагося человѣческимъ стараніямъ овладѣть имъ!

И все зло происходитъ отъ того, что человѣчество обладаетъ недостаточнымъ количествомъ знаній, хотя кажется, что все уже изучено, что изученнаго такъ много, что его невозможно усвоить умомъ, обнять памятью... А между тѣмъ есть еще міръ нравственный, міръ души, почти такой же необъятный какъ міръ природы, и такой же, какъ онъ, неизвѣстный, чуть поддающійся наблюденію и изученію. Знать его также необходимо, чтобы владѣть собою, чтобы направлять свои силы къ полезной дѣятельности и такимъ образомъ совершенствовать его, т. е. сообщать ту красоту и гармонію, которая сама по себѣ живительна, плодотворна, такъ какъ даетъ полезныя во всѣхъ отношеніяхъ результаты. Опять какъ изученіе, такъ отчасти и усовершенствованіе міра психическаго достигается образованіемъ. Но не меньшее значеніе образованіе имѣетъ и въ отношеніи къ развитію общественности, этого необходимаго и прекраснаго элемента жизни, основаннаго на взаимной матеріальной и нравственной поддержкѣ человѣческихъ существъ, устроняющаго въ человыческомъ обществѣ нѣкоторые мотивы борьбы за существованіе, которой мѣсто прилично имѣть въ сферѣ чисто животной. Образованіе помогаетъ людямъ понимать другъ друга, уважать чужіе интересы такъ же, какъ свои; образованіе даетъ возможность замѣтить силы другихъ, направить ихъ къ общей пользѣ; наконецъ, образованіе даетъ почувствовать, что лишь совокупныя, единодушныя усилія могутъ покорить человѣку природу и что въ этомъ все величіе общественности. Такова роль образованія въ жизни, всѣми признанная высокою, но образованія въ точномъ смыслѣ, а не пріобрѣтенія лишь теоретическихъ познаній, хотя и это необходимо, какъ средство. Важность образованія заставляетъ насъ серьезно относиться ко всему, что касается этого дѣла: предметы, входящіе въ кругъ образованія, способы усвоенія знаній, личности, стоящія близко къ образованію все требуетъ самаго усерднаго вниманія, самаго тщательнаго разсмотрѣнія. Понятно поэтому, какую высокую роль берутъ на себя люди, которые стоятъ во главѣ управленія и завѣдыванія дѣломъ образованія въ государствѣ. Это люди, имѣющіе право на всеобщее уваженіе, люди, заявившіе о себѣ со сто-

роны высокой нравственности и глубокаго, сильнаго ума и большаго практическаго такта. Одно изъ такихъ лицъ, завоевавшихъ себѣ вниманіе всей Россіи въ послѣднія мѣсяцы, есть министръ просвѣщенія, тайный совѣтникъ и статсъ секретарь Андрей Александровичъ Сабуровъ.

Андрей Александровичъ Сабуровъ получилъ высшее образованіе въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, этомъ разсадникѣ русскихъ дѣятелей, который такъ богатъ преданіями, въ 1857 году. По окончаніи курса онъ поступилъ на службу сначала въ канцелярію комитета министровъ, имѣя чинъ титулярнаго совѣтника, а потомъ, чрезъ два года перешелъ въ вѣдомство министерства юстиціи. Въ 1861-мъ году Андрей Александровичъ былъ Всемилостивѣйше пожалованъ въ званіе камеръ-юнкера, и скоро затѣмъ принялъ на себя должность директора попечительнаго комитета о тюрьмахъ. Нѣкоторое время онъ исправлялъ должность оберъ-секретаря 2-го отдѣленія 5-го департамента сената, а въ 1865-мъ году утвержденъ въ должности оберъ-секретаря съ назначеніемъ въ уголовный кассаціонный департаментъ сената. Годы 1858—1864—годы незабвенные, годы особенно плодотворные въ новѣйшей исторіи нашего отечества. Андрею Александровичу Сабурову пришлось начать свою службу именно въ это время всеобщей энергіи, и онъ принималъ участіе въ разработкѣ великихъ реформъ, возникшихъ и совершенныхъ по волѣ Преобразователя Россіи. Ему пришлось видѣть энергію одного изъ достойнѣйшихъ по уму, дарованію и высоконравственнымъ качествамъ государственнаго дѣятеля настоящаго царствованія Петра Алексѣевича Зубова, этого спеціалиста практика въ области уголовнаго права, который принесъ свою долю трудовъ въ сложный, громадный процессъ созданія дѣйствующихъ нынѣ положеній по судебной части Россіи. Такимъ образомъ Андрей Александровичъ былъ свидѣтелемъ того, какъ судебная реформа все болѣе и болѣе входила въ плоть и кровь русскаго народа, внося собою самые живительные соки въ общественный организмъ. Заявивъ о себѣ съ хорошей стороны, исправнаго, добросовѣстнаго и живаго отношенія къ дѣлу, онъ въ 1866-мъ году былъ назначенъ предсѣ-

дателемъ с.-петербургскаго окружнаго суда. Всѣ, кто имѣлъ случай наблюдать Андрея Александровича на этомъ постѣ, особенно же юристы-адвокаты признаютъ, что лучшаго и болѣе безпристрастнаго предсѣдателя суда нельзя и представить. Когда при святѣйшемъ синодѣ образовалась коммиссія о преобразованіи суда въ духовномъ вѣдомствѣ, Андрей Александровичъ былъ назначенъ ея членомъ, а вскорѣ потомъ товарищемъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента правительствующаго сената. Тутъ еще болѣе онъ могъ наблюдать неутомимую энергію Петра Александровича Зубова, слышалъ, какъ онъ звучнымъ прекраснымъ голосомъ излагалъ въ докладахъ самое запутанное дѣло съ поразительною ясностію, неторопливо, спокойно и съ большимъ достоинствомъ, которое есть результатъ нравственной высоты и твердости. Тутъ же, когда нужно было все установить, во всемъ разобраться и воплотить на практикѣ то, что было создано въ теоріи, образовывался у него глубокій государственный тактъ, который составляетъ такое необходимое условіе для всякаго государственнаго дѣятеля. Кромѣ того онъ принималъ самое дѣятельное и непосредственное участіе въ трудахъ коммиссіи о пересмотрѣ второй главы уложенія о наказаніяхъ, состоявшей подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣт- Фриша, и коммиссіи о преобразованіи тюремъ, состоявшей подъ предсѣдательствомъ тайнаго совѣтника графа Саллогуба. Всѣ эти труды еще ждутъ своего изслѣдователя для оцѣнки той доли участія, которое выпало на долю Сабурова. Но ближайшее начальство очень цѣнило дѣятельность Андрея Александровича, давая все высшія порученія и награждая чинами: въ 1872-мъ году А. А. Сабуровъ занималъ должность вице-директора департамента министерства юстиціи и въ томъ же году за отличіе произведенъ изъ статскихъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники. Въ 1873-мъ году онъ уже входилъ въ составъ новой коммиссіи, образованной при министерствѣ юстиціи, для разсмотрѣнія вопроса объ установленіи взысканія за кражу растительнаго лѣса, а въ слѣдующемъ году принималъ участіе въ трудахъ коммиссіи объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для ссыльныхъ женщинъ. Такимъ образомъ онъ участвовалъ въ установленіи са-

мыхъ гуманнѣйшихъ законоположеній и тутъ уже проявилъ свои гуманныя наклонности, равно какъ и тѣ административныя способности, которыя потомъ снискали ему высокій постъ, который онъ занимаетъ въ настоящее время. Но судьба подготовляла Андрея Александровича къ управленію министерствомъ просвѣщенія гораздо болѣе серьезнымъ образомъ. Всякій интеллингентный гражданинъ знаетъ о той вѣковой враждѣ, которая существуетъ между нѣмецкимъ и русскимъ элементами въ прибалтійскомъ краѣ. Еще въ недавнее время мы видѣли одинъ изъ печальныхъ примѣровъ послѣдствій этой національной розни и притомъ видѣли примѣръ самый рѣзкій, самый поразительный, такъ какъ онъ произошелъ въ средѣ, имѣющей претензію на образованность, въ средѣ учащейся молодежи. Всѣ знаютъ, какое презрѣніе оказываютъ нѣмцы къ русскому языку, и это презрѣніе обнаружилось въ томъ, что одна нѣмецкая корпорація съ башибузукскою жестокостью избила студента изъ русскихъ, и профессоръ, производившій дознаніе, съ чисто нѣмецкой честностію подписывалъ факты и гнусное преступленіе возвелъ на степень обыкновенной товарищеской распри. Мы уже небудемъ говорить о чисто звѣрскихъ расправахъ нѣмцевъ, не имѣющихъ никакого отношенія къ образованію, хотя и вышедшихъ изъ дерптскаго универсисета. Всѣ помнятъ, какое возмутительное впечатлѣніе произвела кровавая драма, совершенная среди бѣлаго дня вблизи Риги, драма которой дѣйствующимъ лицомъ былъ помѣщикъ фонъ-Раутенфельдъ... Вотъ въ эту-то мѣстность и посланъ былъ служить Андрей Александровичъ Сабуровъ, чтобы повозможности умиротворить враждующія стороны, особенно же враждующихъ учителей и учениковъ-нѣмцевъ съ учителями и учениками-русскими: въ 1875-мъ году, награжденный за труды по министерству юстиціи орденомъ Св. Анны 1-й степени, онъ былъ назначенъ попечителемъ дерптскаго учебнаго округа. Андрей Александровичъ самъ чувствовалъ всю тяжесть возложеннаго на него порученія; еще болѣе находили труднымъ этотъ постъ друзья Андрея Александровича, которые говорили, что въ Дерптѣ онъ встрѣтитъ много условій самыхъ неблагопріятныхъ, какъ: своеобразный, чуждый для русскаго бытъ, недовѣрчивую обособлен-

ность университетской корпораціи, буйный духъ между студентами. Но Андрей Александровичъ находилъ въ себѣ громадныя силы, вѣрилъ въ свои способности и надѣялся, что выйдетъ изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, если внесетъ въ свою дѣятельность любовь къ своему дѣлу и неутомимую энергію, и смѣло пошелъ на встрѣчу всѣмъ трудностямъ. При немъ не состоялось въ дерптскомъ округѣ никакихъ перемѣнъ въ системѣ школьнаго дѣла, поставленнаго, какъ говорятъ, не на почвѣ шаткихъ теорій, а на прямой почвѣ дѣйствительной жизни съ ея требованіями и нуждами. Но онъ съ искусствомъ и знаніемъ дѣла съ умѣлъ поощрить школьную практику, оживить школьное дѣло; личными сношеніями съ профессорами университета и преподавателями гимназій, непринужденнымъ обращеніемъ съ учащеюся молодежью ему удалось достигнуть того, что школьное дѣло выросло свободно, а не въ видѣ тепличнаго растенія. Такъ по его указаніямъ основано не мало нѣмецкихъ и русскихъ училищъ, число учащихся въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ быстро возросло и число студентовъ благодаря относительному увеличенію числа преподаваталей возрасло за послѣднее десятилѣтіе на цѣлую треть. Скоро А. А. Сабуровъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе и избранъ послѣдовательно въ члены ученнаго эстлянскаго общества, въ почетные члены общества естествоиспытателей въ Дерптѣ и, наконецъ, не давно въ почетные члены Дерптскаго университета. Такимъ образомъ Андрей Александровичъ отличился на трехъ поприщахъ какъ администраторъ, какъ предсѣдатель суда и какъ попечитель учебнаго округа. Онъ всюду обнаруживалъ свои просвѣщенные взгляды, чуткость къ общественнымъ нуждамъ и вниманіе къ либеральнымъ стремленіямъ, обративъ на себя этими достоинствами вниманіе Государя Императора, и вотъ 24-го апрѣля текущаго 1880 года онъ Высочайшимъ указомъ произведенъ въ статст-секретари Его Величества и назначенъ управляющимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія на мѣсто уволеннаго графа Толстаго. Вотъ что пишутъ дерптскіе корресподенты поповоду этого назначенія: „До сихъ поръ не было ни одного попечителя дерптскаго учебнаго округа, который сумѣлъ бы возбудить къ себѣ такое

всеобщее довѣріе, какъ Сабуровъ. Онъ первый повелъ дѣло такъ, что начала сглаживаться закоренѣлая вражда между русскими и нѣмецкими заведеніями, еще нѣсколько лѣтъ такого управленія, и отъ этой вражды осталось бы одно воспоминаніе. Въ Сабуровѣ мы особенно цѣнили то, что онъ человѣкъ не партій, не личностей, но человѣкъ въ принципѣ уважающій все хорошее въ каждой личности, въ каждомъ учрежденіи. Онъ всѣми силами оберегалъ самостоятельное развитіе отдѣльныхъ заведеній, отдавая должное мѣстнымъ, исключительнымъ условіямъ, въ которыхъ они находились; гдѣ только была возможность, онъ отстранялся отъ всякой регламентаціи. Потому-то Дерптъ, а вмѣстѣ съ нимъ, навѣрное, и весь нашъ ученный округъ, при всемъ сожалѣніи, что лишаются своего любимаго попечителя, не могутъ не порадоваться, пріобрѣтая въ немъ такого министра, который по своей враждeнной способности, съумѣетъ поставить дѣло народнаго образованія такъ, что немыслимы уже будутъ упреки, до сихъ поръ такъ часто раздававшіеся. Хорошо зная нашъ край, г. Сабуровъ позаботится, конечно, назначить себѣ преемника именно такого, какой здѣсь, по положенію дѣлъ, требуется". 24-го апрѣля былъ устроенъ прощальный обѣдъ со множествомъ рѣчей, а также необходимое факельное шествіе. Когда ему нужно было отправляться въ Петербургъ къ своимъ новымъ обязанностямъ, въ вокзалѣ желѣзной дороги собрались почти всѣ студенты. Выслушавъ самыя сердечныя заявленія студентовъ о сожалѣніи по поводу разлуки, А. А. Сабуровъ обратился къ нимъ съ простой, но своеобразной рѣчью. Онъ сравнилъ себя съ дервишемъ, героемъ одного аравійскаго разсказа, который, по своей добротѣ и духу миролюбія, къ наслѣдству трехъ братьевъ изъ семнадцати верблюдовъ прибавилъ своего, чтобы они могли подѣлиться согласно остроумному завѣщанію отца, прекращая уже возникшія между ними ссоры. Андрей Александровичъ сказалъ, что онъ жилъ со студентами мирно и дружно, какъ они и сами видятъ, но онъ счастливѣе миротворца-дервиша: тотъ за свое миролюбіе не получилъ никакой награды, хотя его верблюдъ и остался при немъ; а А. А. Сабуровъ вмѣстѣ со своею любовью къ студентамъ уноситъ также и ихъ любовь

къ себѣ. Онъ заявилъ, что его ждетъ отвѣтственный, причиняющій много безпокойства постъ, но за Дерптъ онъ спокоенъ, такъ какъ увѣренъ, что никогда ничто не помѣшаетъ взаимному довѣрію, установившемуся между нимъ и Дерптскимъ университетомъ. И быстрый поѣздъ умчалъ отъ Дерпта бывшаго попечителя и въ Петербургъ прибылъ новый министръ просвѣщенія, который и вступилъ вскорѣ въ отправленіе своихъ обязанностей.

Одновременно съ этимъ Россія простилась съ однимъ изъ добросовѣстнѣйшихъ фанатиковъ своего убѣжденія — министромъ графомъ Толстымъ, въ продолженіи четырнадцати лѣтъ твердо и высоко несшимъ знамя классицизма. Эта энергичная личность заслуживаетъ глубокаго уваженія къ себѣ; дѣятельность графа, безъ сомнѣнія, оказала много полезныхъ результатовъ. Правда, предпочтеніемъ классицизму было отчасти задержано послѣдовательное развитіе русскаго ума въ реалистическомъ отношеніи; но кто осмѣлится сказать, что чрезъ это самый реализмъ не сталъ глубже, самое реальное направленіе не привилось къ умамъ, могущимъ вмѣстить его — ибо русскій умъ далеко еще не зрѣлъ, не постояненъ, — сильнѣе и прочнѣе? Но вмѣстѣ съ этимъ произошло много печальныхъ результатовъ, частію вслѣдствіе неумѣлаго отношенія къ дѣлу преподавателей, вслѣдствіе свойства самаго предмета, требовавшаго или серьезнаго къ себѣ отношенія, или же никуда негоднаго, даже приносящаго вредъ. Отсюда явилось почти исключительное преобладаніе мертвыхъ языковъ, греческаго и латинскаго, въ гимназіяхъ, а съ ними явилась мертвенная наука, часто недававшая никакихъ полезныхъ практическихъ результатовъ. Духъ жизненности, духъ самостоятельности мало по малу изчезъ; протестъ выразился въ крайнихъ видахъ реализма, удивившаго не только Россію, но и Европу. Вмѣстѣ съ этимъ живительный, средній, такъ сказать, реализмъ совершенно стушевался или же въ глуши незамѣтно жилъ, недавая никакихъ видимыхъ выгодъ для государства. Явилось обѣднѣніе, замѣченное вслѣдствіе все возраставшихъ и возраставшихъ матеріальныхъ подробностей и другихъ случайныхъ причинъ — войнъ, пожаровъ и т. п. золъ, постигавшихъ любезное отечество.

Но одну изъ самыхъ крупныхъ государственныхъ ошибокъ сдѣлало прежнее министерство въ томъ, что устранило отъ самостоятельнаго участія въ образованіи юнаго поколѣнія не только отцовъ и матерей, но даже учителей, которые были подчинены назначеннымъ отъ министерства директорамъ, не имѣя права самастоятельнаго голоса. Профессоръ университета такъ же, какъ и учитель гимназіи — всѣ чувствовали тяжесть какой-то безсознательной зависимости, безотчетнаго порабощенія мысли и воли. Самую же горькую обиду понесло общество. Школьное дѣло, затрогивающее самые глубокіе и животрепещущіе общественные интересы, вездѣ и при всѣхъ обстоятельствахъ народной жизни дожно быть прежде всего и главнымъ образомъ дѣломъ общества. Только при этомъ условіи оно можетъ развиваться сообразно потребностямъ и запросу жизни на образованіе, встрѣчать матеріяльную помощь и нравственную поддержку и оказывать должное воспитательное вліяніе на народную жизнь. Министерство же графа Толстаго считало совершенно лишнимъ участіе общества въ дѣлѣ образованія и совершенно обезличило его. Вслѣдствіе этого ассигновки общественныхъ учрежденій на народное образованіе уменьшились, учительскія семинаріи, спеціальныя заведенія и даже народныя школы, учрежденныя и содержавшіяся на счетъ земства, не увеличивались, а сокращались въ числѣ; при этомъ расходы земства на поддержаніе граматности въ народѣ, на учительскіе курсы и съѣзды почти вовсе прекратились. При такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ принялъ на себя завѣдываніе народнымъ образованіемъ А. А. Сабуровъ. Его дѣятельности, предстоялъ полный просторъ, его способностямъ полное выраженіе. И нужно сказать, что вступивъ въ управленіе министерствомъ, Андрей Александровичъ энергично взялся за свое дѣло. Немедленно были разосланы по всѣмъ гимназіямъ циркуляры съ предложеніемъ педагогическимъ совѣтомъ заняться обсужденіемъ вопроса объ облегченіи учащися, обремененныхъ внѣшкольными работами. Уже 15-го мая текущаго года сдѣланъ первый шагъ къ расширенію у насъ реальнаго образованія. Андрей Александровичъ отлично сознаетъ, что реальное образованіе теперь на очереди въ Россіи,

что наше отечество, богатое естественными сокровищами, нуждается въ образованныхъ предпринимателяхъ, что въ этомъ будущая сила и спасеніе Россіи вообще и народнаго образованія въ частности. Въ виду такихъ соображеній г. управляющій министерствомъ народнаго просвященія ходотайствовалъ предъ Государемъ Императоромъ о правѣ учреждать реальныя школы въ Дерптскомъ учебномъ округѣ и, получивъ разрѣшеніе, представилъ сводъ измѣненій въ уставѣ реальныхъ училищъ, примѣнительно къ мѣстнымъ и современнымъ условіямъ. Новый министръ счелъ долгомъ присутствовать на торжественнѣйшемъ національномъ праздникѣ по поводу открытія памятника въ Москвѣ величайшаго русскаго поэта Александра Сергѣевича Пушкина. Наконецъ, съ открытіемъ послѣ каникулъ дѣятельности жизни въ учебныхъ заведеніяхъ, Андрей Александровичъ предпринялъ серьезное путешествіе по Московскому учебному округу для личнаго и непосредственнаго знакомства съ повсемѣстною постановкою школъ и заведеній, а также для установленія болѣе живой связи между собою и преподавателями. Отъ университетской клиники до послѣдняго частнаго пансіона Андрей Александровичъ обозрѣвалъ въ Московскомъ учебномъ округѣ, осматривалъ все до мелочей, разспрашивалъ самыя тонкія подробности, посредствомъ живаго слова устанавливалъ прямыя и ненатянутыя отношенія съ каждымъ преподавателемъ собирая конференціи, чтобы предъ ними выразить свой самый общій взглядъ на дѣло просвѣщенія отечества, но съ большимъ искусствомъ отстраняя отъ себя дѣло самой постановки школъ, зависящей отъ мѣстныхъ условій, отъ взглядовъ корпораціи, основанныхъ на продолжительномъ опытѣ. Онъ ни одного раза не высказался за исключеніе классическихъ языковъ изъ преподаванія, даже въ реальныхъ училищахъ ввелъ или предложилъ необязательный курсъ латинскаго языка съ тѣмъ, чтобы извлечь реальныя школы изъ той опалы, которая тяготѣла при прежнемъ министерствѣ и которая состояла въ совершенномъ почти разобщеніи съ университетскою наукой, хотя бы даже и не съ филологическимъ факультетомъ. Но Андрей Александровичъ сознался, что прежде принимали средство за цѣль, и отсюда то

утомительное мертвящее дѣйствіе, которое производила на живое сознаніе классическая система. Между тѣмъ дѣло не въ зазубриваніи грамматическихъ тонкостей, а въ разумномъ толкованіи классическихъ произведеній, не въ исключительномъ преобладаніи какого нибудь предмета, а въ толковомъ преподаваніи каждаго предмета. Что касается самой постановки школы, то министръ считаетъ школьное дѣло живымъ, а потому оно и должно гармонировать съ потребностями жизни; иначе оно пойдетъ не впередъ, а назадъ. Вообще министръ желаетъ самаго близкаго участія предподавателей въ дѣлѣ усовершенствованія школьной системы. Онъ всюду предлагалъ на совѣтахъ обсуждать тщательнѣе каждый параграфъ устава и потомъ представить ему свои соображенія по этому поводу, а также прислать и всѣ особыя по этому предмету мнѣнія. Удобства или неудобства устава лучше всего извѣстны тѣмъ, которымъ ежедневно приходится примѣнять его на дѣлѣ, и школа только тогда сдѣлается болѣе живой, близкой къ дѣйствительной жизни и ея нуждамъ и болѣе удобной для самихъ преподавателей, когда они примутъ участіе не только въ исполненіи предписаній высшаго начальства, но и въ начертаніи тѣхъ условій, при которыхъ школа была бы наиболѣе цѣлесообразной, т.-е. вполнѣ соотвѣтствующей нуждамъ науки и общества. Въ одной изъ гимназій министръ сказалъ преподавателямъ: „мы будемъ не спѣша, постепенно стремиться съ вами къ осуществленію нашего идеала воспитанія. Но только помните, господа, что не изъ моего кабинета получите вы всѣ тѣ благодѣянія для школы, о которыхъ мечтаете“. Установивъ такимъ образомъ участіе преподавателей въ постановки учебнаго дѣла, А. А. Сабуровъ старался выяснить также и роль общества въ образованіи, сказавъ для многихъ нѣчто новое и неожиданное. Онъ находитъ, что дѣло народнаго образованія можетъ развиваться только при согласіи и взаимодѣйствіи учрежденій общественныхъ и министерства народнаго просвѣщенія. Онъ считаетъ совершенно необходимымъ, чтобъ въ управленіи учебными заведеніями участвовали тѣ, которые ихъ содержатъ. Общественныя учрежденія, платя за школы, должны радѣть и о нравственномъ ихъ преуспѣяніи, по выраженію министра.

Между тѣмъ при прежнемъ министерствѣ общественныя учрежденія встрѣчали въ немъ неуклонное стремленіе создать препятствіе всякому земскому или общественному почину и тайное, а иногда и явное рвеніе затормозить успѣхъ той или другой школы или совершенно закрыть ее, даже втянуть земство въ пререканіе съ высшими слоями учебной администраціи. Новый министръ хочетъ облечь школьное дѣло въ такую форму, которая сама собою устраняла бы возможность всякихъ пререканій между земствомъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія, устанавливаетъ между этими важнѣйшими факторами народнаго образованія органическую связь, единство въ направленіи и цѣли и полное взаимное довѣріе. Разъясняя въ своихъ рѣчахъ это педагогамъ, министръ всюду собираетъ представителей общества, предводителей дворянства и земскихъ гласныхъ и выражаетъ надежду, что они будутъ всѣми силами содѣйствовать его начинаніямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что теперь земство отнесется къ дѣлу народнаго образованія съ тою же энергій, какъ лѣтъ двѣнадцать тому назадъ, примется за устройство учительскихъ семинарій и организацію учительскихъ курсовъ, чтобы выработать и приготовить составъ развитыхъ, образованныхъ и солидно подготовленныхъ въ педагогическомъ отношеніи учителей. Земство не замедлитъ осуществить свой планъ относительно подвижныхъ школъ граматности, устройства народныхъ библіотекъ и читаленъ, чтобы сдѣлать граматность доступною всѣмъ дѣтямъ школьнаго возраста и дать полную возможность лицамъ уже граматнымъ постепенно учиться и развиваться съ помощію чтенія. Еще симпатичнѣе представляется взглядъ министра просвѣщенія на участіе въ постановкѣ учебнаго дѣла отцовъ и матерей. Андрей Александровичъ желаетъ принципами взаимной любви и уваженія связать семью со школой и учениковъ съ ихъ руководителями. Въ Орлѣ онъ высказалъ увѣренность, что отнынѣ всякія недоразумѣнія между лицами, завѣдывающими администраціей школъ, и обществомъ будутъ прекращаться въ самомъ началѣ и что всѣ русскіе люди, сочувствующіе дѣлу народнаго образованія, дружно и согласно будутъ содѣйствовать его преуспѣянію, по мѣрѣ силъ и средствъ каждаго. Въ самомъ

Петербургѣ министръ просвѣщенія назначилъ дни, когда всякій можетъ лично объяснять свои взгляды на дѣло образованія. Такимъ образомъ всѣ учебныя заведенія, отъ университета до низшей школы, призваны принести свою лепту въ сокровищницу народнаго блага. Не смотря на всю сложность подобнаго предпріятія, это единственно возможный путь къ самой широкой и цѣлесообразной постановкѣ школы, и нужно видѣть, какъ просто и ясно А. А. Сабуровъ ставитъ вопросы. Зная при этомъ его твердость и неуклонность въ проведеніи убѣжденій и здравый взглядъ на вещи, можно надѣяться, что коренное благо русской націй находится въ надежныхъ рукахъ.

Андрей Александровичъ Сабуровъ еще очень недавно вступилъ въ управленіе министерствамъ, и потому не возможно судить о немъ съ совершенною полнотой и опредѣленностію. Но мы видѣли, какой практическій тактъ онъ обнаруживалъ при участіи въ самыхъ разнообразныхъ трудахъ различныхъ коммиссій; мы видѣли, какимъ гуманнымъ цѣлямъ онъ служилъ съ самаго выступленія на арену государственной дѣятельности, видѣли также его неутомимое отношеніе къ учебному дѣлу во время занятія поста попечителя учебнаго округа; наконецъ, со времени назначенія управляющимъ министерства просвѣщенія, статсъ-секретарь Сабуровъ уяснилъ для насъ, какой высокій и широкій взглядъ имѣетъ на дѣло образованія, равно какъ и свою наклонность къ устраненію всякой натянутости между начальниками и подчиненными. Всего этого слишкомъ достаточно, чтобы поручиться за дальнѣйшую благотворную дѣятельность новаго министра въ будущемъ. Мы опять таки скажемъ, что онъ вступилъ въ управленіе ходомъ образованія Россіи при благопріятныхъ обстоятельствахъ. Уже одного назначенія новаго лица на постъ министра всѣхъ повергнуло въ радость или, по крайней мѣрѣ, сняло со многихъ тяжесть отвѣтственности, безотчетной отвѣтственности за ошибки прежней школы предъ обществомъ и особенно предъ юнымъ поколѣніемъ. Это обстоятельство способствуетъ еще болѣе установленію между министромъ и отъ него зависящими самыхъ теплыхъ, довѣрчивыхъ отношеній, которыя во всякомъ случаѣ составляютъ уже большое пріобрѣ-

теніе для русскаго общества. Въ заключеніе мы пожелаемъ министру встрѣтить какъ можно менѣе препятствій къ проведенію въ жизнь своихъ живительныхъ взглядовъ — пусть русское общество оживится, стряхнетъ съ себя апатію и безучастное отношеніе къ общественнымъ интересамъ, которые составляютъ одно изъ наслѣдствъ прежней системы. Тогда и между отцами и дѣтьми установится гораздо болѣе довѣрія: отцы съ сочувствіемъ отнесутся къ живому духу новаго вѣянія, не будутъ навязывать юношамъ своихъ предразсудковъ и взглядовъ, уже отжившихъ и составляющихъ тяжесть и, такъ сказать, болѣзнь прошлаго; а дѣти съ большимъ удовольствіемъ выслушаютъ каждый разумный совѣтъ отцовъ, будутъ рады прежде всякаго увлеченія выслушать любезный, дружескій призывъ осмотрѣться, не пускаться очертя голову въ омутъ жизни, — а этимъ отцы должны быть совершенно удовлетворены. Польза будетъ общая, жизнь потечетъ широко, все оживетъ, все встрепенется — настанетъ цвѣтущая, добрая весна, украшеніе которой будутъ составлять правда, трудъ и польза.

тенiе для русскаго общества. Въ [illegible]

[illegible] Польза будетъ [illegible]

IV.

ВАЛЕРІАНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

ТАТАРИНОВЪ.

В. А. Татариновъ занимаетъ одно изъ наиболѣе почетныхъ мѣстъ въ ряду русскихъ администраторовъ, хотя дѣятельность его не была блестяща на видъ и для многихъ прошла малозамѣченной. Всю жизнь Валеріанъ Алексѣевичъ посвятилъ на служеніе неблагодарному дѣлу — государственнаго контроля; на это служеніе онъ отдалъ всю свою энергію, трудолюбіе, рѣдкій умъ и безукоризненную честность. Его труды по переустройству контроля ограничились, по самому существу задачи, только созданіемъ новыхъ „формъ“ — смѣтъ, отчетности, ревизіи, но эти „новыя формы“ внесли порядокъ въ хоатическое сотояніе нашего государственнаго бюджета, они ограничили царившій до нихъ произволъ въ расходованіи казенныхъ суммъ и были необходимымъ звеномъ въ ряду реформъ, обновившихъ нашъ общественный строй въ шестидесятыхъ годахъ.

Валеріанъ Алексѣевичъ родился 16-го августа 1816 года въ Переяславскомъ уѣздѣ Владимірской губ. По окончаніи курса въ Благородномъ пансіонѣ при Московскомъ университетѣ съ правомъ на членъ X класса, онъ поступилъ 14-го августа 1835 г. на службу въ канцелярію государственнаго контроля, откуда вскорѣ перешелъ во временную контрольную коммиссію морскаго вѣдомства. Въ январѣ 1836 г. Валеріанъ Алексѣевичъ былъ переведенъ въ государственную экспедицію для ревизіи счетовъ, а по преобразованіи ея въ контрольный департаментъ, сдѣланъ младшимъ контролеромъ. Въ 1838 г. онъ былъ

назначенъ помощникомъ управляющаго особою экспедиціею при государственномъ контролѣ, а въ 1840 г. — чиновникомъ особыхъ порученій VII класса при департаментѣ. Въ 1842 г. онъ участвовалъ въ составленіи свода контрольныхъ законовъ при II отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи и состоялъ членомъ коммиссіи для ревизіи казначейскихъ книгъ государственнаго контроля. Въ слѣдующемъ году онъ былъ командированъ въ Казань для контрольной повѣрки на мѣстѣ, и по исполненіи этого порученія назначенъ въ 1844 году экспедиторомъ канцеляріи государственнаго контроля. Въ началѣ 1848 г. онъ состоялъ членомъ общаго присутствія контрольнаго департамента гражданскихъ дѣлъ и въ этомъ званіи произвелъ ревизію отчетовъ по заграничнымъ денежнымъ операціямъ министерства финансовъ за 1847 г. и отчетовъ государственныхъ кредитныхъ установленій; въ концѣ того-же года онъ занялъ мѣсто вицедиректора канцеляріи государственнаго контроля. Въ этой должности Валеріанъ Алексѣевичъ занимался составленіемъ положенія и штатовъ ревизіонной коммиссіи по отчетности главнаго Черноморскаго управленія, пересмотромъ правилъ отчетности министерства внутреннихъ дѣлъ, ревизіею отчетовъ по заграничнымъ денежнымъ операціямъ министерства финансовъ за 1848 годъ и ревизіею государственныхъ кредитныхъ установленій. Въ 1851 г. онъ былъ произведенъ за отличіе въ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, а въ 1852 г. назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій V класса при государственномъ контролѣ. Въ этомъ послѣднемъ году онъ занимался производствомъ дѣлъ по комитету объ устройствѣ отчетности и ревизіи, по ревизіонному комитету для повѣрки отчетовъ государственныхъ кредитныхъ установленій, по ревизіи заграничныхъ оборотовъ кредитной канцеляріи, устройствомъ учрежденной при государственномъ контролѣ центральной бухгалтеріи и пр. Въ 1853 г. Валеріанъ Алексѣевичъ былъ назначенъ директоромъ канцеляріи государственнаго контроля и предсѣдателемъ особой коммиссіи для опредѣленія недостатка въ капиталахъ комитета, основаннаго 18-го августа 1814 г. Въ 1855 г. онъ былъ сдѣланъ генералъ-контролеромъ контрольнаго департамента граж-

данскихъ отчетовъ и въ ноябрѣ того-же года командированъ по Высочайшему повелѣнію заграницу для изученія дѣйствующихъ въ западныхъ европейскихъ государствахъ счетныхъ и контрольныхъ учрежденій. По исполненіи этого порученія онъ былъ назначенъ производителемъ дѣлъ коммиссіи для разсмотрѣнія коренныхъ началъ государственной отчетности, въ непродолжительномъ времени пожалованъ въ званіе статсъ секретаря Его Величества, затѣмъ опредѣленъ членомъ совѣта государственнаго контроля и предсѣдателемъ коммиссіи для устройства кассоваго и ревизіоннаго порядка. Въ 1861 г. Валеріанъ Алексѣевичъ былъ назначенъ членомъ коммиссіи ученаго комитета при министерствѣ финансовъ, въ 1862 г.— членомъ въ коммиссію о губернскихъ учрежденіяхъ, въ 1863 г.— членомъ комитета финансовъ и исправляющимъ должность государственнаго контролера и наконецъ 17-го апрѣля 1864 г. утвержденъ государственнымъ контролеромъ, съ оставленіемъ въ званіи статсъ-секретаря. Въ этой должности въ теченіи 7 лѣтъ онъ трудился надъ введеніемъ въ жизнь и дальнѣйшею разработкою составленныхъ при его ближайшемъ участіи новыхъ системъ смѣтъ, отчетности и контроля, пока труды его не были прерваны слишкомъ рановременною для пользъ государства смертію. Валеріанъ Алексѣевичъ скончался въ 2 часа ночи 14-го февраля 1871 г., на 55 году отъ рожденія. Изъ высшихъ административныхъ отличій при концѣ жизни онъ имѣлъ ордена святаго Станислава 1-й ст., св. Анны 1-й ст., св. Владиміра 2-й степени, Бѣлаго Орла и чинъ тайнаго совѣтника.

Таковъ незатѣйливый послужной списокъ почтеннаго администратора, представляющій внѣшнюю сторону его служебной дѣятельности. Для ознакомленія съ внутреннимъ характеромъ трудовъ Валеріана Алексѣевича сдѣлаемъ краткій очеркъ реформъ, произведенныхъ въ шестидесятыхъ годахъ, при его ближайшемъ участіи, даже, скажемъ, о руководствѣ и касающихся составленія смѣтъ отчетности и контроля.

Нужно ли говорить о значеніи правильной отчетности въ жизни государства? Финансовая исторія Франціи въ концѣ прошлаго столѣтія, съ которую тѣсно связана была политическая

судьба этого государства, показываетъ, что трудное положенiе французскихъ финансовъ накануне революцiи заключалось не столько въ бедности казны, сколько въ полномъ отсутствiи известности относительно действительнаго состоянiя. Невозможность знать свои обороты — быть можетъ самая опасная бедность. Правильное денежное хозяйство любаго банкирскаго дома немыслимо безъ строгаго и точнаго знанiя оборотовъ — что-же говорить о государстве. Между темъ бывшiй до реформъ В. А. Татаринова въ нашемъ отечестве финансовый порядокъ нельзя не назвать крайне запутаннымъ. Предварительныя сметы расходовъ и доходовъ правда составлялись, но оне не представляли всехъ средствъ и потребностей государственныхъ, потому что въ нихъ не вносились ни капиталы экономическiе т. е. остатки прежнихъ назначенiй, ни такъ называемыя рессурсы экстраординарные. Теми и другими каждое ведомство распоряжалось совершенно по произволу. Вводимыя въ предварительную смету назначенiя не подкреплялись данными. Общiе расходы не разделялись отъ тратъ по взиманiю доходовъ. При исполненiи сметъ статьи сметныхъ назначенiй не служили неизменными пределами, все ведомства могли перечислить суммы изъ одной статьи въ другую. Действiе сметъ не было ограничено никакимъ срокомъ, такъ что распорядители требовали суммы вдругъ по несколькимъ сметамъ и остатки обращали въ экономическiе капиталы, которые лежали по несколько летъ непроизводительно, служа лишь распорядителямъ рессурсами къ произвольнымъ, нигде не заявляемымъ расходамъ. Вследствiе такого порядка государственное казначейство весьма часто затруднялось въ средствахъ и прибегала къ займамъ, когда въ распорядительныхъ управленiяхъ имелись значительныя свободныя суммы. Такъ напр. къ 1-му января 1855 г. въ кассахъ министерства финансовъ состояло 75 миллiоновъ, а въ кассахъ другихъ ведомствъ более 200 миллiоновъ. Поверка отчетности была чисто номинальная. Прямыхъ исполнителей (кассировъ) поверяли сами управленiя въ ведомстве которыхъ состояли кассиры. Правда, управленiя (распорядителей) поверялъ государственный контроль, но не по подлиннымъ документамъ, а по генеральнымъ отчетамъ, предста-

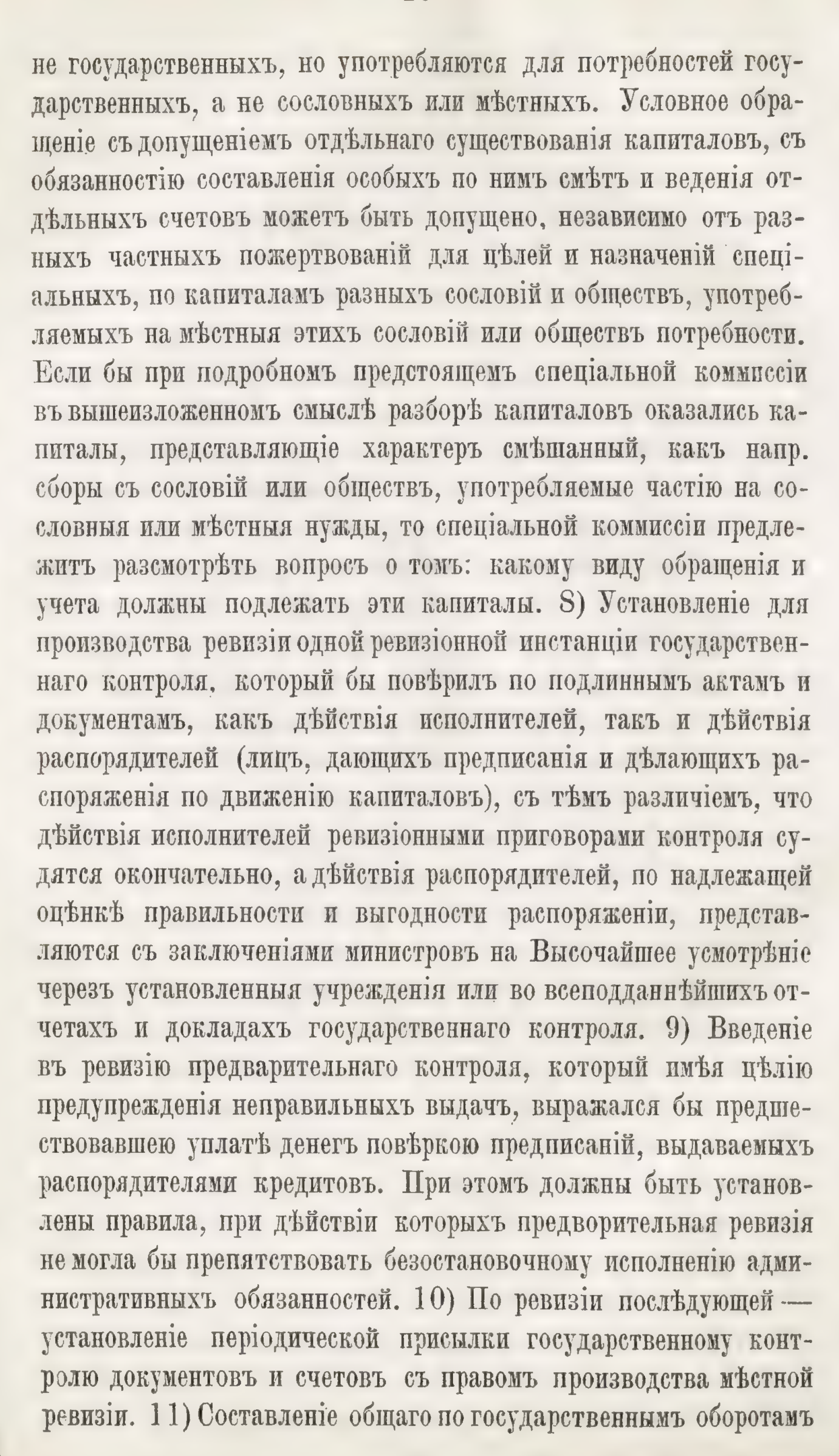
влявшимъ собою своды голыхъ цифръ съ удостовѣреніемъ самыхъ управленій, что показанныя въ отчетѣ обороты согласны съ документами. Такимъ образомъ фактическій контроль, ревизія по документамъ, лежала на обязанности самихъ распорядителей, другими словами имъ приходилось провѣрять собственныя свои дѣйствія. При этомъ даже такая упрощенная ревизія отличалась удивительною медленностію. Къ 1856 г. въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ было не обревизовано до 13 тыс. счетовъ, отъ министерства юстиціи не доставлено отчетовъ съ 1843 г., въ главномъ управленіи путей сообщенія не обревизовано болѣе 10 тыс. счетовъ, а неразсмотрѣнныхъ дѣлъ было на 78 милл. руб. Окончательное заключеніе ревизіи совершалось часто по прошествіи 5—6 лѣтъ со времени отчетнаго дѣйствія, да и то положительно государственный контроль не могъ сказать за какой именно годъ повѣрены окончательно государственные обороты, такъ какъ неизвѣстно было въ какихъ именно суммахъ должны быть представляемы отчеты: вслѣдствіе неопредѣленія срока заключенія смѣты, можно было всякій годъ ожидать расходовъ на смѣты давнопрошедшія.

По возвращеніи въ 1859 г. изъ заграничной коммандировки, Валеріанъ Алексѣевичъ представилъ записки о государственной отчетности въ Франціи, Бельгіи, Австріи и Пруссіи, объ отчетности собственно военнаго и морскаго вѣдомства во Франціи, вмѣстѣ съ составленнымъ имъ общимъ сравнительнымъ образомъ дѣйствующихъ въ иностранныхъ государствахъ системъ отчетности. На основаніи этихъ записокъ и разсмотрѣнія недостатковъ нашей контрольной системы, былъ выроботанъ всеподданнѣйшій докладъ Государю Императору, въ которомъ за основанія новой системы ревизіи были приняты слѣдующія положенія, имѣющія мѣсто въ контроляхъ западныхъ государствъ, именно: 1) для всѣхъ управленій однообразное и раціональное состояніе, исполненіе и заключеніе смѣтъ; 2) единство кассы, т. е. сосредоточеніе всѣхъ денежныхъ рессурсовъ въ одномъ вѣдомствѣ; 3) предварительный контроль правильности расходовъ; 4) ревизія государственныхъ оборотовъ въ учрежденіи независимомъ по подлиннымъ документамъ и 5) соединеніе въ этомъ учрежде-

ніи повѣрки исполнителей и распорядителей. При этомъ огововорено, что подробности и степень примѣненія каждаго изъ этихъ началъ къ нашей отчетности надо заимствовать изъ тѣхъ именно государствъ, гдѣ они являются развитыми съ большею полнотою и законностію. По прочтеніи этого доклада Его Величество изволилъ собственноручно изложить на немъ: „По важности сего дѣла желаю, чтобы оно было прочитано въ совѣтѣ министровъ. А съ своей стороны совершенно раздѣляю вашъ взглядъ и желалъ бы, чтобы и прочіе министры убѣдились въ необходимости приступить къ радикальному улучшенію какъ нашего счетоводства, такъ и вообще финансовой системы нашей“. Вслѣдствіе означенной Высочайшей воли представленныя государственнымъ контролемъ бумаги были разсмотрѣны 5 ноября 1858 г. въ совѣтѣ министровъ въ присутствіи Его Величества, причемъ Высочайше повелѣно: для разсмотрѣнія и обсужденія пользы и необходимости принятія коренныхъ началъ, кои должны служить основаніемъ для установленія правильнаго движенія капиталовъ и раціональной отчетности и ревизіи, учредить особую коммиссію изъ предсѣдателей департаментовъ экономіи и законовъ государственнаго совѣта, члена государственнаго совѣта и дѣйств. тайнаго совѣтника князя Гагарина, государственнаго контролера и министра финансовъ, назначивъ предсѣдателемъ ея старшаго члена предсѣдателя департамента экономіи графа Гурьева, а производителемъ дѣлъ В. А. Татаринова. Докладъ коммиссіи былъ представленъ 13 февраля 1859 г., въ коемъ обсужденные и по единогласному заключенію коммиссіи признанные не только полезными, но даже необходимыми, 11 пунктовъ коренныхъ началъ изложены со всѣми отзывами министерствъ, какъ общими, такъ и частными и съ возраженіями коммиссіи на эти отзывы. Приведемъ означенные 11 пунктовъ:

1) Составленіе смѣтъ по системѣ однообразной для всѣхъ управленій, съ приведеніемъ всѣхъ данныхъ, потребныхъ для удостовѣренія въ необходимости назначенія. 2) Тщательное отдѣленіе въ смѣтѣ расходовъ по взиманію доходовъ отъ общихъ расходовъ государства. 3) Классификація расходовъ и доходовъ временныхъ. 4) Одновременность разсмотрѣнія и утвержденія

смѣтъ съ разсмотрѣніемъ послѣдняго отчета по государству, какъ матеріала, представляющаго для всѣхъ постоянныхъ расходовъ лучшее мѣрило назначеній. 5) Обращеніе смѣтныхъ сбереженій на недостатки по однимъ лишь второстепеннымъ подраздѣленіямъ смѣтъ съ сохраненіемъ неизмѣняемою нормою всѣхъ главныхъ подраздѣленій. 6) Заключеніе смѣтъ въ опредѣленный срокъ, послѣ котораго всѣ кредиты должны быть уничтожены. 7) Установленіе въ Россіи единства кассы, т.-е. сосредоточеніе всѣхъ денежныхъ средствъ въ рукахъ одного министерства финансовъ, которое взимая всѣ въ государствѣ доходы удовлетворяло бы изъ нихъ всѣхъ прямыхъ кредиторовъ казны непосредственно по предписаніямъ распорядителей, визируемыхъ министерствомъ финансовъ. При установленіи этого правила имѣть въ виду: а) что изъятіе отъ него можетъ быть допущено только въ отношеніи отпуска распорядителямъ однихъ незначительныхъ авансовъ, на мелочные и нетерпящіе отлагательства расходы, но съ тѣмъ, чтобы отпускъ новаго каждому управленію аванса всегда обусловливался представленіемъ отчета въ авансѣ предшествующемъ; б) что хотя строгое и раціональное примѣненіе къ дѣлу правила объ единствѣ кассы и предполагаетъ непосредственное подчиненіе министерству финансовъ взиманія всѣхъ вообще доходовъ, но безусловному утвержденію этого правила долженъ предшествовать подробный со стороны спеціальной коммиссіи разборъ степени возможности примѣненія этого правила ко всѣмъ отраслямъ государственныхъ доходовъ. При этомъ названная коммиссія должна имѣть въ виду, что если бы правило это оказалось въ настоящее время неудобопримѣнимымъ въ отношеніи какой-либо отрасли доходовъ, то доходы этого управленія должны быть во всякомъ случаѣ немедленно въ полной цифрѣ сбора передаваемы въ вѣдѣніе министерства финансовъ и в) единство кассы предполагаетъ обращеніе въ государственное казначейство капиталовъ разныхъ управленій называемыхъ экономическими и хозяйственными. Это обращеніе должно быть безусловное для всѣхъ капиталовъ, образовавшихся изъ источниковъ, принадлежащихъ государственному казначейству, а равно и для тѣхъ, кои хотя и составились изъ суммъ или сборовъ

не государственныхъ, но употребляются для потребностей государственныхъ, а не сословныхъ или мѣстныхъ. Условное обращеніе съ допущеніемъ отдѣльнаго существованія капиталовъ, съ обязанностію составленія особыхъ по нимъ смѣтъ и веденія отдѣльныхъ счетовъ можетъ быть допущено, независимо отъ разныхъ частныхъ пожертвованій для цѣлей и назначеній спеціальныхъ, по капиталамъ разныхъ сословій и обществъ, употребляемыхъ на мѣстныя этихъ сословій или обществъ потребности. Если бы при подробномъ предстоящемъ спеціальной коммиссіи въ вышеизложенномъ смыслѣ разборѣ капиталовъ оказались капиталы, представляющіе характеръ смѣшанный, какъ напр. сборы съ сословій или обществъ, употребляемые частію на сословныя или мѣстныя нужды, то спеціальной коммиссіи предлежитъ разсмотрѣть вопросъ о томъ: какому виду обращенія и учета должны подлежать эти капиталы. 8) Установленіе для производства ревизіи одной ревизіонной инстанціи государственнаго контроля, который бы повѣрилъ по подлиннымъ актамъ и документамъ, какъ дѣйствія исполнителей, такъ и дѣйствія распорядителей (лицъ, дающихъ предписанія и дѣлающихъ распоряженія по движенію капиталовъ), съ тѣмъ различіемъ, что дѣйствія исполнителей ревизіонными приговорами контроля судятся окончательно, а дѣйствія распорядителей, по надлежащей оцѣнкѣ правильности и выгодности распоряженіи, представляются съ заключеніями министровъ на Высочайшее усмотрѣніе черезъ установленныя учрежденія или во всеподданнѣйшихъ отчетахъ и докладахъ государственнаго контроля. 9) Введеніе въ ревизію предварительнаго контроля, который имѣя цѣлію предупрежденія неправильныхъ выдачъ, выражался бы предшествовавшею уплатѣ денегъ повѣркою предписаній, выдаваемыхъ распорядителями кредитовъ. При этомъ должны быть установлены правила, при дѣйствіи которыхъ предворительная ревизія не могла бы препятствовать безостановочному исполненію административныхъ обязанностей. 10) По ревизіи послѣдующей — установленіе періодической присылки государственному контролю документовъ и счетовъ съ правомъ производства мѣстной ревизіи. 11) Составленіе общаго по государственнымъ оборотамъ

отчета самимъ государственнымъ контролемъ съ установленіемъ движенія счетовъ и ревизіи такимъ образомъ, чтобы отчетъ сей былъ представляемъ на Высочайшее усмотрѣніе не позже конца года слѣдующаго за отчетнымъ и слѣдовательно могъ быть принимаетъ въ соображеніе при разсмотрѣніи смѣты на слѣдующій годъ.

Кромѣ выработки коренныхъ началъ отчетности, высшая коммиссія обсуждала также вопросъ объ изъятіяхъ отъ ревизіи государственнаго контроля нѣкоторыхъ капиталовъ и составила програму работъ специальной коммиссіи, долженствовавшей развить и выработать окончательное приложеніе къ дѣлу и порядокъ введенія коренныхъ началъ въ подробностяхъ. Изъятыми отъ ревизіи государственнаго контроля положено считать слѣдующія управленія и капиталы: министерство Императорскаго двора; суммы по министерству иностранныхъ дѣлъ, назначаемыя на предметы тайнѣ подлежащіе и извѣстные Его Величеству; по всѣмъ вообще управленіямъ суммы, ассигнуемыя на извѣстное Его Величеству употребленіе; суммы дворянскія, городскія и мірскія; тѣ изъ заведеній или капиталовъ вѣдомства Императрицы Маріи, Императорскаго человѣколюбиваго общества и благотворительныхъ обществъ при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, ревизія которыхъ представлена самимъ жертвователямъ, учредителямъ или спеціально указаннымъ ими лицамъ и по вѣдомству Святѣйшаго Синода, по сбору отъ продажи свѣчъ, вѣнчиковъ и листовъ разрѣшительной молитвы; по доходамъ съ недвижимыхъ имѣній, заведеній и капиталовъ, принадлежащихъ архіерейскимъ домамъ, соборамъ и монастырямъ; суммъ, поступающихъ отъ доброхотныхъ дателей, а равно и суммъ, отпускаемыхъ изъ государственнаго казначейства на нештатное содержаніе означенныхъ учрежденій и по доходамъ и расходамъ попечительствъ о бѣдныхъ духовнаго званія.

Учрежденная при государственномъ контролѣ подъ предсѣдательствомъ В. А. Татаринова коммиссія, дѣйствуя на основаніи данной ей программы, основанной на вышеупомянутыхъ Высочайше утвержденныхъ коренныхъ началахъ вносила труды свои, по мѣрѣ выполненія работъ, на утвержденіе Высочайшей власти. Такъ

изъ наиболѣе существенныхъ утверждены и введены въ дѣйствіе: 1) Правила составленія разсмотрѣнія, утвержденія и исполненія государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ Высочайше утвержденныя 22 мая 1862 г., главными статьями коихъ должно считать слѣдующія: никакой расходъ въ финансовыхъ смѣтахъ непоказанный и неразрѣшенный экстраординарнымъ кредитомъ не допускается къ исполненію; дѣйствіе смѣтъ оканчивается 31 декабря того года, который даетъ наименованіе смѣтѣ, но по нѣкоторымъ кредитамъ (напр. строительнымъ) допускается льготный срокъ въ 6 мѣсяцевъ, по истеченію коего всѣ кредиты по этой смѣтѣ закрываются; кредиты экстраординарные испрашиваются въ законодательномъ порядкѣ чрезъ государственный совѣтъ. Дополнительными правилами постановлено было кромѣ того всѣ остатки отъ прежнихъ смѣтъ передать въ кассы министерству финансовъ непремѣнно къ 30 іюня 1864 года. 2) организація единства кассы, т. е. правила о поступленіи государственныхъ доходовъ и производствѣ расходовъ. Правила эти Высочайше утверждены въ іюнѣ 1863 г. и введены въ видѣ опыта въ Петербургѣ съ 1 января 1864 г., а съ 1 января 1866 г. повсемѣстно. Главнѣйшія статьи ихъ суть слѣдующія: 1) Всѣ вообще доходы государственные сосредоточиваются въ кассахъ министерства финансахъ (казначействахъ) и изъ нихъ уплачиваются непосредственно въ руки прямыхъ кредиторовъ казны всѣ расходы управленій. 2) Никто изъ распорядителей не получаетъ на руки суммъ для расходованія, кромѣ незначительныхъ авансовъ. 3) Для производства выдачи денегъ необходимо существованіе кредита, испрошеннаго въ законодательномъ порядкѣ, выше размѣра коего никакой расходъ не допускается. 4) Платежи производятся кассами министерства финансовъ по ассигновкамъ, выданнымъ распорядителями кредиторовъ. 5) Правила эти распространяются на всѣ вообще казенныя суммы, въ томъ числѣ и на спеціальныя средства и на поступающія въ управленія суммы партикулярныя и депозиты. 6) Взиманіе и расходованіе суммъ общественныхъ и сословныхъ возлагается на кассы министерства финансовъ не иначе какъ по соглашенію подлежащихъ министерствъ или хозяйственныхъ, общественныхъ

и сословныхъ учрежденій съ министерствомъ финансовъ. При этомъ государственныя кассы были организованы такъ: взиманіе доходовъ предоставлено кассамъ спеціальныхъ сборщиковъ и уѣзднымъ казначействамъ, а расходованіе суммъ самостоятельно (уплата по ассигновкамъ) — губернскимъ казначействамъ и расходнымъ ихъ отдѣленіямъ, открытымъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ движенія по уплатамъ значительны, а нѣтъ вблизи казначействъ уѣздныхъ. Для оборотовъ центральныхъ управленій и разсчетовъ съ государственнымъ банкомъ, учреждено было казначейство въ С.-Петербургѣ.

Во исполненіе мысли о независимости и отдѣльности контрольныхъ учрежденій, выраженной въ приведенныхъ выше коренныхъ началахъ реформы, были открыты по Высочайшему повелѣнію отъ 21 декабря 1864 г., къ 1 января 1865 г., въ 12-ти губерніяхъ, а черезъ годъ и во всѣхъ другихъ—контроль палаты. Учрежденія эти не причислены къ общимъ губернскимъ учрежденіямъ, но независимы подобно судебнымъ и состоятъ въ исключительномъ вѣдѣніи государственнаго контролера. Они производятъ самостоятельно ревизію мѣстныхъ по губерніи оборотовъ капиталовъ и обязаны: наблюдать за правильностію движенія и сохранностію денежныхъ и матеріальныхъ капиталовъ и составлять особыя соображенія о выгодности хозяйственныхъ операцій, независимо отъ законности ихъ производства. Кромѣ того, контрольныя палаты обязаны производитъ внезапныя свидѣтельствованія мѣстныхъ кассъ при депутатѣ отъ подлежащаго вѣдомства. Прибавимъ, что всѣ учрежденія государственнаго контроля по дѣламъ ревизіи имѣютъ характеръ коллегіальный.

Мы не станемъ приводить дальнѣйшія потребности контрольной реформы, наша задача была сообщить только суть ея, для выясненія ея громаднаго значенія. Всѣ коренныя начала, выработанныя высшею коммиссіею были приняты за основанія въ дальнѣйшей разработкѣ, исключая только предварительный контроль. По новомъ разсмотрѣніи вопроса объ этомъ контролѣ въ совѣтѣ министровъ 6 іюня 1863 г., рѣшено было признать возможнымъ отложить введеніе его.

Заканчивая нашъ очеркъ дѣятельности В. А. Татаринова на административномъ поприщѣ, прибавимъ нѣсколько чертъ характеризующихъ его личность. Для приведенія и разработки контрольной реформы, онъ, понятно нуждался въ дѣльныхъ помощникахъ. Въ нахожденіи такихъ сотрудниковъ Валеріанъ Алексѣевичъ былъ всегда счастливъ, благодаря рѣдкому умѣнію своему быстро оцѣнивать людей. Краткаго личнаго разговора было достаточно для него, чтобы составить себѣ вѣрное опредѣленіе способностей даннаго лица. Въ частныхъ сношеніяхъ Валеріанъ Алексѣевичъ былъ чресвычайно ласковъ и доступенъ, но въ исполненіи долга суровъ и непреклоненъ, хотя бы эта твердость и могла навлечь негодаваніе вліятельныхъ лицъ. Мы видѣли въ какомъ положеніи было все финансовое хозяйство государства до реформы. Понятно, противъ нея вооружились всѣ мелкія самолюбія, всѣ привыкшіе распоряжаться казеннымъ карманомъ, какъ своимъ собственнымъ, не говоря уже о злоупотреблявшихъ запутанное положеніе отчетности. Противники не смогли, конечно, уничтожить реформы или измѣнить ея основаній—за нее какъ и въ дѣлѣ освобожденія крестьянъ, была Верховная власть: вспомнимъ приведенные выше Всемилостивѣйшія слова Государя Императора, изложенныя Его Величествомъ на первоначальномъ всеподданѣйшемъ докладѣ. Но отраженіе придирокъ въ реформѣ стоило Валеріану Алексѣевичу тѣжелой борьбы и многихъ трудовъ. Всецѣло отдавшись дѣлу, онъ чуждался всякихъ развлеченій и совершенно не щадилъ себя. Несомнѣнно, что такія чрезмѣрныя умственныя занятія, а также и рядъ непріятныхъ столкновеній по службѣ и были причинами ранней смерти Валеріана Алексѣевича. Онъ умеръ, какъ мы уже привели выше, всего на 55-мъ году отъ рожденія. По показанію медиковъ, вскрывавшихъ тѣло, смерть В. А. Татаринова послѣдовала главнымъ образомъ отъ аневризма сердца; сверхъ того въ мозгу открыта была внутренная водянка, а въ легкихъ разрушеніе легочной ткани.

Заканчивая нашъ очеркъ дѣят[illegible]
на административномъ поприщѣ [illegible]
характ[illegible] его личность. [illegible]
контро[illegible] реформы, онъ, [illegible]
мощникахъ. Въ нахожденіи [illegible]
Алекс[illegible]
нію с[illegible]
вора [illegible]
опред[illegible]
Валер[illegible]
но въ [illegible]
тверд[illegible]
видѣл[illegible]
госуд[illegible]
мелкі[illegible]
маном[illegible]
требл[illegible]
смогли[illegible]
ній—[illegible]
Верх[illegible]
вѣйші[illegible]
ствомъ[illegible]
ражен[illegible]
тѣжел[illegible]
онъ ч[illegible]
Несом[illegible]
и ряд[illegible]
ранне[illegible]
приве[illegible]
нію м[illegible]
послѣ[illegible]
того въ [illegible]
разрушеніе легочной ткани.

——oo:❖:oo——

Князь Михаилъ Г: Кутузовъ

V.

Генералъ-Фельдмаршалъ, князь

МИХАИЛЪ ИЛЛАРІОНОВИЧЪ

ГОЛЕНИЩЕВЪ-КУТУЗОВЪ-СМОЛЕНСКІЙ.

Кутузовъ, сподвижникъ Румянцова, Суворова и Потемкина, незабвенный герой отечественной войны, родился въ С.-Петербургѣ, 5-го сентября 1745 г. Первыми его наставниками были — отецъ, инженеръ-генералъ-поручикъ Илларіонъ Матвѣевичъ человѣкъ очень умный и развитый, и бабушка, теща отца. Подготовленный дома, онъ поступилъ въ артиллерійскую дворянскую школу, преобразованную впослѣдствіи въ артиллерійскій инженерный кадетскій корпусъ. Учился въ школѣ Михаилъ Илларіоновичъ вообще отлично, но особенно занимался словесными науками. Получивъ послѣдовательно званіе капрала артиллеріи, каптенармуса и кондуктора, онъ былъ произведенъ, 1-го января 1761 г., въ офицеры и назначенъ ротнымъ командиромъ въ Астраханскій полкъ, которымъ командовалъ тогда Суворовъ. Изъ этого полка Кутузовъ, впрочемъ, вскорѣ перешелъ на службу къ Ревельскому генералъ-губернатору, принцу Голштейнъ-Бекскому, на мѣсто адъютанта и правителя канцеляріи. Зоркій глазъ Императрицы Екатерины II, удивительно умѣвшей угадывать талантливыя личности и давать имъ ходъ, скоро замѣтилъ молодаго адъютанта — онъ былъ пожалованъ въ капитаны, а затѣмъ, въ 1764 г., переведенъ въ Польшу, въ дѣй-

ствующую армію. Здѣсь онъ отличился въ сраженіяхъ подъ Вильною, при Орьенѣ и рѣкѣ Овручѣ и въ 1770 г. перешелъ въ армію графа Румянцева, съ которою участвовалъ въ томъ-же году въ сраженіяхъ при Рябой-могилѣ, у Ларги и при Кагулѣ. За первое онъ былъ произведенъ въ оберъ-квартирмейстеры премьеръ-маіорскаго ранга, за второе и третье — пожалованъ маіоромъ, а въ слѣдующемъ 1771 году за подвиги въ бою при Попештахъ получилъ чинъ подполковника.

Въ 1772 г. Кутузовъ имѣлъ непріятность по службѣ, прервавшую на время его блестящую карьеру. Даже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, при своей тучности и медленности въ движеніяхъ сибаритъ Кутузовъ, бросавшій сибаритство только въ походахъ, отличался веселымъ нравомъ, былъ всегда душою общества, въ которомъ блисталъ остроуміемъ и даромъ слова; въ молодости-же эта наклонность къ веселости и шуткѣ выражались въ немъ, конечно, еще рѣзче. Между прочимъ онъ любилъ копировать разныхъ личностей, что дѣлалъ весьма сходно. Въ упомянутомъ выше году, подъ веселую минуту, въ кружкѣ сотоварищей, онъ чрезвычайно живо скопировалъ манеры главнокомандующаго, что дошло, конечно, до свѣдѣнія послѣдняго. Кутузовъ впалъ въ немилость и былъ переведенъ во вторую армію, подъ начальство генералъ-аншефа Долгорукова. Но и здѣсь, храбростію и военными дарованіями, онъ вскорѣ снова обратилъ на себя вниманіе. Такъ, въ теченіи 1773 г., онъ удерживалъ турокъ со стороны Кинбурна, а въ 1774 году отличился при овладѣніи турецкими окопами у деревни Шумны, при чемъ получилъ замѣчательную рану: пуля ударила ему въ лѣвый високъ и прошла позади обоихъ глазъ на вылетъ въ правый високъ. Не смотря на столь страшное пораненіе, Михаилъ Илларіоновичъ остался живъ, только поправлялся медленно и получилъ отъ Императрицы, вмѣстѣ съ орденомъ св. Георгія 4-го класса, разрѣшеніе ѣхать лечиться заграницу и притомъ на счетъ Ея Величества. Въ поѣздкѣ Кутузовъ побывалъ во многихъ странахъ Европы, какъ-то: въ Германіи, Англіи, Голландіи, Италіи и посѣщалъ разныхъ военныхъ знаменитостей напр. извѣстнаго австрійскаго генерала Лаудона, представлялся Фридриху Великому и пр. Воз-

вратившись въ 1776 г. въ Россію онъ отправился на службу въ Крымъ. Главнокомандующіе — Суворовъ и затѣмъ Потемкинъ относились къ нему очень благосклонно, и Кутузовъ получилъ здѣсь рядъ наградъ. Такъ, въ 1777 г., онъ былъ сдѣланъ полковникомъ, чрезъ два года — бригадиромъ, въ 1784 г., за усмиреніе мятежа въ Крыму — генералъ маіоромъ и наконецъ въ 1787 г., за блистательно состояніе сформированнаго имъ егерскаго корпуса, награжденъ орденомъ св. Владиміра 2-го класса. Открывшаяся въ 1787 г. вторая война при Императрицы Екатеринѣ II съ турками принесла Михаилу Илларіоновичу новые боевые лавры. Уже въ слѣдующемъ году онъ отличился при штурмѣ Очакова, за участіе въ которомъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-го класса. Въ этомъ сраженіи онъ получилъ вторую замѣчательную рану въ голову, опять-таки съ удивительно счастливымъ исходомъ. Пуля ударила ему въ щеку и вышла въ затылокъ, Кутузовъ остался живъ и въ 1789 г. снова поражалъ турокъ въ различныхъ сраженіяхъ, такъ напр. разбилъ турецкій отрядъ между Днѣпромъ и Бугомъ, участвовалъ въ штурмѣ замка Гаджибея и захватилъ подъ Каушанами трехбунчужнаго пашу. Въ 1790 г. онъ особенно отличился, обративъ въ бѣгство сильный турецкій отрядъ на пути къ Измаилу, куда двинулся по приказанію Суворова; подъ самыми стѣнами Измаила, онъ снова поразилъ турецкое войско двухбунчужнаго паши, при чемъ взялъ пашу въ плѣнъ и наконецъ блистательно участвовалъ въ штурмѣ Измаила, подъ начальствомъ Суворова, который аттестуя дѣйствія своихъ подчиненныхъ выразился: „генералъ Кутузовъ шелъ у меня на лѣвомъ крылѣ, но былъ моею правою рукою.“ За эти подвиги Михаилъ Илларіоновичъ былъ удостоенъ орденовъ св. Александра Невскаго и св. Георгія 3-го класса, а также чина генералъ-поручика. Въ слѣдующемъ году онъ одержалъ побѣду надъ турками при Бабадахѣ и участвовалъ, подъ начальствомъ Репнина, въ побѣдѣ при Мачинѣ, за которыя получилъ орденъ св. Георгія 2-го класса. По заключеніи мира съ Турціею въ 1791 г., Кутузовъ снова перешелъ въ дѣйствующую армію въ Польшѣ. При праздновании дня заключенія Ясскаго мира съ Турціею въ 1793 г., Императрица за заслуги

Кутузова въ компанію 1787 — 91 годовъ, дополнительно наградила его 2000 душъ крестьянъ въ Волынской губ. и почетнымъ званіемъ генералъ губернатора Казанскаго и Вятскаго. Слѣдующіе два года Михаилъ Илларіоновичъ посвятилъ дипломатическому поприщу, пробывъ съ 1793 — 95 гг. посломъ въ Константинополѣ, при чемъ оказалъ отечеству и на новомъ поприщѣ немаловажныя услуги. Ему здѣсь значительно помогли основныя качества его характера: любезность, веселость и остроуміе, соединенныя съ скрытностью и хитростью. Очаровавъ турецкихъ сановниковъ, онъ сохранилъ перевѣсъ русскаго вліянія въ Портѣ надъ таковымъ западныхъ державъ. Въ 1795 году Кутузовъ вернулся изъ Константинополя и былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣхъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ Финляндіи и директоромъ сухопутнаго кадетскаго корпуса. Занявшись также тщательно педагогическими дѣлами какъ ранѣе военными и дипломатическими, и видя недостаточность тогдашняго обученія въ корпусѣ, онъ приглашалъ лучшихъ кадетовъ къ себѣ и самъ лично преподавалъ имъ различныя науки. Къ должностямъ его вскорѣ прибавилось еще одно назначеніе — состоять при шведскомъ дворѣ, прибывшемъ въ С.-Петербургъ. Назначеніе это особенно сблизило его съ тѣснымъ кружкомъ Императрицы Екатерины II, съ которою ему привелось провести послѣдній вечеръ ея жизни, какъ позже тоже, случайно, и съ Императоромъ Павломъ. Павелъ очень цѣнилъ Кутузова. По воцареніи своемъ въ 1796 году, онъ назначилъ его посломъ въ Берлинъ, произведя въ генералы отъ инфантеріи и въ шефы Рязанскаго пѣхотнаго полка. Въ 1799 году Кутузовъ былъ назначенъ главнокомандующимъ русскихъ войскъ въ Голландіи, но въ сраженіяхъ въ этомъ званіи не привелось участвовать. Доѣхавъ до Гамбурга онъ вернулся обратно, вслѣдствіе перемѣны политическихъ обстоятельствъ, былъ награжденъ большимъ крестомъ ордена Іоанна Іерусалимскаго и получилъ должность генералъ-губернатора въ Литвѣ. 1800 годъ принесъ ему орденъ св. Андрея Первозваннаго и назначеніе главнокомандующимъ арміи, выставленной противъ Австріи. Будучи вызванъ въ Петербургъ для маневровъ онъ случайно, какъ мы уже

упомянули, провелъ съ Императоромъ Павломъ послѣдній вечеръ его жизни. Императоръ Александръ I, воцарившійся въ 1801 году, назначилъ Михаила Илларіоновича С.-Петербургскимъ генералъ-губернаторомъ, а затѣмъ, въ день коронаціи своей, пожаловалъ ему табакерку съ своимъ портретомъ, украшенную бриллiантами.

Въ слѣдующемъ 1802 г. Кутузовъ, чувствуя ослабленіе здоровья отъ ранъ, полученныхъ въ прежнія компаніи, сталъ просить объ увольненіи отъ всѣхъ должностей, на это послѣдовало Высочайшее соизволеніе, и Михаилъ Илларіоновичъ поселился въ своей деревнѣ, гдѣ пробылъ до 1805 г., когда война съ Франціею вновь вызвала его на боевое поприще. Получивъ назначеніе командовать арміею, дѣйствовавшею въ союзѣ съ австрійцами, онъ отправился заграницу въ Браунау принялъ начальство надъ русскимъ корпусомъ. Положеніе дѣлъ было чрезвычайно серьезно. Союзники наши, австрійцы, только что потерпѣли жестокое пораженіе — ихъ генералъ Маккъ съ 30-ти тысячною арміею сдался Наполеону подъ Ульмомъ. Кутузовъ долженъ былъ начать отступленіе къ Ольмюцу, для соединенія съ шедшими изъ Россіи войсками, но отступленіе это, выполненное съ удивительнымъ искусствомъ занесено въ исторію наравнѣ съ знаменитыми побѣдами. Онъ отступалъ съ 25-ти т. арміей предъ 150 т. французовъ, предводительствуемыхъ геніальнымъ Наполеономъ, не только безъ значительныхъ пораженій, не только отбивая съ урономъ нападенія непріятеля (подъ Ламбахомъ, у Амштетена и пр.), но даже нанося врагамъ частныя пораженія, такъ 30-го октября подъ Кремсомъ были уничтожены 3 французскія бригады корпуса Мортье, самъ Мортье раненъ и едва спасся, оставивъ 1,500 человѣкъ плѣнныхъ и 5 пушекъ.

Однако же не смотря на всѣ тактическія уловки, со взятіемъ французами Вѣны, казалось, что и русская армія должна будетъ или положить оружіе, или погибнуть. Кутузовъ прибѣгнулъ тогда къ своимъ дипломатическимъ способностямъ, къ своей хитрости. При Голлабрюнѣ, какъ бы сознаваясь въ безсиліи, онъ вступилъ въ переговоры съ Мюратомъ, но умышленно

задержалъ болѣе 20-ти часовъ актъ, составленный о перемиріи. Мюратъ поддался на уловку: наступленіе французовъ было пріостановлено, а армія Кутузова, маскируясь 6-ти т. отрядомъ Багратіона, ушла впередъ на 2 перехода. Багратіонъ также не погибъ — его отрядъ штыками пробился чрезъ французскіе кадры и соединился съ Кутузовымъ. 8-го ноября окончилось это замѣчательное отступленіе — русскія арміи соединились. Послѣдовавшій вскорѣ затѣмъ знаменитый Аустерлицкій бой въ которомъ арміи союзниковъ потерпѣли, какъ извѣстно сильное пораженіе, былъ начатъ вопреки мнѣнію Кутузова, совѣтовавшаго подождать подкрѣпленій свѣжими войсками. Въ этомъ сраженіи Михаилъ Илларіоновичъ получилъ еще одну рану въ лицо. Послѣ боя онъ повелъ армію на родину, гдѣ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 1-го класса и вскорѣ, осенью 1806 г. назначенъ Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ. Съ 1808 г. Михаилъ Илларіоновичъ получилъ назначеніе въ молдавскую армію, но не поладивъ съ главнокомандующимъ, княземъ Прозоровскимъ, вернулся обратно и въ слѣдующемъ 1809 году былъ назначенъ Виленскимъ военнымъ губернаторомъ. Съ 1811 г. онъ былъ назначнеъ главнокомандующимъ молдавской арміи и 19-го іюня этого года переправою черезъ Дунай съ 30-ю т. солдатъ открылъ замѣчательный по быстротѣ и грандіозности боевыхъ подвиговъ походъ противъ турокъ.

Чрезъ три дня послѣ переправы, 23-го іюня, послѣдовало пораженіе 60-ти т. арміи великаго визиря, за что Кутузовъ былъ награжденъ портретомъ Императора, украшеннымъ бриллiантами. 2-го октября послѣдовало вторичное пораженіе великаго визиря Ахмеда, при чемъ въ руки побѣдителей достались лагерь, весь обозъ, вся турецкая артиллерія и двадцать два знамени. За этимъ пораженіемъ турокъ послѣдовало паденіе крѣпостей Туртукая и Силистріи. Награжденный титуломъ графа, Кутузовъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ взялъ въ плѣнъ 35-ти т. армію сераскира. Между тѣмъ наступилъ роковой 1812 годъ. Россіи надо было собрать всѣ силы, для отраженія грозы, направленной противъ нея съ запада. Кутузовъ по просьбѣ Императора Александра I, поспѣшилъ заключить миръ съ Турціею, что было ис-

полнено имъ очень удачно, не смотря на всѣ препятствія Россія получила часть Молдавіи и Бессарабію. Возвратившись въ Петербургъ, Михаилъ Илларіоновичъ принялъ начальство надъ всѣми войсками столицы и Финляндіи, оставаясь впрочемъ, пока въ сторонѣ отъ важныхъ боевыхъ событій. Задумавъ разгромить Россію Наполеонъ собралъ громадныя силы. Австрія, Пруссія, Саксонія, Баварія и всѣ государства Рейнскаго союза обязались выставить вспомогательныя войска и императоръ французовъ, имѣя въ началѣ 1812 г. болѣе 1.200,000 солдатъ, двинулся съ 700 т. при 1,300 орудіяхъ на Россію. Предъ такими силами не смотря на всѣ достоинства русскихъ генераловъ Барклая де Толли, Витгенштейна, Багратіона, Дохтурова и др., приходилось отступать, довольствуясь частными болѣе или менѣе важными успѣхами (пораженіе Удино и остановка французовъ на Двинѣ, удержаніе ихъ при Островкѣ, защита Раевскимъ и Дохтуровымъ Смоленска). Но благоразумное отступленіе дѣйсвовало угнетательно на народъ и войско. Видя противъ себя почти всю Европу, русскіе считали настоящую борьбу, за борьбу православныхъ съ иновѣрцами и приписывали неудачи тому, что во главѣ арміи стоялъ Барклай де Толли, неправославный и некоренной русскій. Голосъ народа сталъ указывать на графа Кутузова, какъ на настоящаго національнаго вождя. 17-го іюня дворянство Петербурга и Москвы, каждое порознь, выбрали его въ начальники своего ополченія и Михаилъ Илларіоновичъ энергично приступилъ къ новымъ занятіямъ организуя необученныя военному дѣлу толпы крестьянъ. Это было начало вовлеченія его въ потокъ событій, скоро Кутузовъ былъ поставленъ во главѣ ихъ. Императоръ, самъ глубоко цѣня заслуги его отозвался на желанія народа и войска. Пожалованный 29-го іюля въ князья, за заключеніе мира съ Турціею и сдѣланный вслѣдъ затѣмъ членомъ государственнаго Совѣта, 8-го августа Михаилъ Илларіоновичъ былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми регулярными войсками и ополченіями. Онъ отправился немедленно къ арміи, которою была уже занята позиція для генеральнаго боя при Царево-Займищѣ. Восторженно привѣтствованный войсками при въѣздѣ, Кутузовъ нашелъ позицію неудобною для

боя, и повелъ армію ближе къ Москвѣ, въ 108 верстахъ отъ которой между Гжатскомъ и Можайскомъ, онъ наконецъ занялъ знаменитую позицію на берегахъ р. Колочи, при селѣ Бородинѣ, гдѣ и произошелъ великій бой 26 августа 1812 г. длившійся цѣлый день, стоившій обѣимъ сторонамъ 100 т. человѣкъ и имѣвшій какъ извѣстно, исходъ нерѣшительный. За Бородинское сраженіе Кутузовъ получилъ чинъ генералъ-фельдмаршала и подарокъ въ 100 т. руб.; его супруга была назначена кромѣ того статсъ-дамой. Послѣ сраженія русская армія продолжала отступать и наконецъ дошла до Москвы. 1-го сентября не вдалекѣ отъ города былъ собранъ военный совѣтъ, для рѣшенія вопроса — отдавать-ли первопрестольную столицу нашу безъ боя или снова принять сраженіе подъ стѣнами ея.

Голоса раздѣлились, и такъ какъ рѣшающее слово было за Кутузовымъ, то заявивъ свое убѣжденіе, что съ потерею Москвы, не потеряна еще Россія, онъ приказалъ отступать. Истинно-русскому человѣку, каковъ былъ Михаилъ Илларіоновичъ, не легко было такое рѣшеніе: всю ночь, послѣдовавшею за совѣтомъ, онъ провелъ безсонно и нѣсколько разъ горько плакалъ, но это рѣшеніе было необходимо — оно повело къ уничтоженію арміи иноплеменныхъ. 2-го сентября русскіе войска прошли Москву на Коломенскую дорогу, а слѣдовавшіе за нимъ по пятамъ французы вступили въ городъ. На другой день начались поджоги — Москва загорѣлась въ нѣсколькихъ мѣстахъ, и чрезъ пять дней представляла груду развалинъ. Между тѣмъ русскія войска перешли на старую Калужскую дорогу и укрѣпились при селѣ Тарутинѣ въ 80-ти верстахъ отъ Москвы. Геніальная мысль Кутузова — прикрыть южныя губерніи и заставить двинуться обратно по той же Смоленской дорогѣ, по которой онъ пришелъ и гдѣ было все выжжено и раззорено, была выполнена въ первой ея части. Выполненіе второй половины ея облегчилъ самъ Наполеонъ, оставшись въ Москвѣ пять недѣль, при чемъ армія его, терпѣвшая недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ, значительно разстроилась и изнурилась, тогда какъ русская армія усилилась вновь сформированными 26-ю полками казаковъ и 30,000 т. регулярныхъ солдатъ. Подкрѣпленный такимъ обра-

зомъ Кутузовъ могъ принимать сраженія и даже дѣйствовать наступательно. Отвергнувъ посольство Лористона съ мирными предложеніями, онъ разбилъ 6-го октября Мюрата подъ Тарутинымъ, за что получилъ отъ Императора шпагу украшенную алмазами и лавровымъ вѣнкомъ изъ изумрудовъ. Сломивъ затѣмъ 12-го октября у Мало-Ярославца попытку французовъ пробиться по Калужской дорогѣ, онъ двинулся къ Вязьмѣ и нанесъ здѣсь 22-го октября новое жестокое пораженіе непріятелю. 26-го октября начались морозы, особенно жестокіе въ тотъ годъ и французская армія, чрезвычайно страдавшая отъ холода за неимѣніемъ теплыхъ одеждъ, тѣснимая къ тому же партизанскими отрядами и русскою арміею начала стремительно отступать по старой Смоленской дорогѣ. Въ великолѣпной арміи Наполеона начались дезорганизація: французы бросали пушки, уничтожали зарядные ящики, тысячами сдавались въ плѣнъ. Пробывъ нѣсколько дней въ Смоленскѣ, непріятель продолжалъ отступленіе къ Красному, но здѣсь въ рядѣ сраженій съ 3 по 7 ноября снова потерпѣлъ жесточайшее пораженіе. Французы лишились въ этихъ бояхъ 10 т. человѣкъ убитыми, 26-ти т. плѣнными, 230 орудій и всего обоза. Чрезвычайно ослабленная и еще болѣе дезорганизованная армія Наполеона бросилась тогда къ Березинѣ. По предначертаніямъ Кутузова здѣсь должно было произойти окончательное уничтоженіе ея, но Чичаговъ, командовавшій молдавскою арміею, опоздалъ своевременно занять позиціи и далъ возможность французамъ переправиться чрезъ рѣку, причемъ всетаки послѣдовало жестокое пораженіе ихъ занесенное кровавыми буквами въ исторію отечественной войны. Послѣ Березина наступило полнѣйшее бѣгство великой арміи, полки и корпуса смѣшались, люди гибли отъ морозовъ на каждомъ шагу. Не доходя Вильны, въ мѣстечкѣ Сморгонахъ Наполеонъ бросилъ армію и уѣхалъ на почтовыхъ впередъ, въ Парижъ, со своими любимцами Коленкуромъ и Дюрономъ. Русскіе шли по пятамъ за французами; 26-го ноября пала Вильна, а 1-го декабря остатки Наполеоновской арміи перешли за Нѣманъ, причемъ изъ 700 т. вступившихъ въ Россію, не перешло за эту рѣку и десятой части. Въ награду за славные успѣхи Михаилъ Илларіоно-

вичъ получилъ 6-го декабря наименованіе — Смоленскимъ, 12-го орденъ св. Георгія 1-го класса и наконецъ 31-го декабря 1812 г., когда въ землѣ русской не осталось ни одного непріятеля — алмазные знаки къ ордену св. Андрея Первозваннаго. 1-го января 1813 г. Кутузовъ перешелъ Нѣманъ и вскорѣ занялъ Варшаву, а затѣмъ Познань. Императоръ прибылъ къ арміи, и она направилась къ Калишу, куда по заключеніи союзнаго договора Россіи съ Пруссіей, пріѣхалъ и прусскій король. Послѣдній пожаловалъ Кутузову орденъ Чернаго Орла и табакерку со своимъ портретомъ осыпаннымъ бриллiантами. 5-го апрѣля въ Гайнау происходило совѣщаніе союзныхъ монарховъ о дальнѣйшихъ дѣйствiяхъ, Кутузовъ присутствовалъ на этомъ совѣщаніи, но дни его уже были сочтены. Изъ Гайнау онъ отправился въ Бунцлау, гдѣ и заболѣлъ. Вскорѣ болѣзнь приняла опасный характеръ и 16-го апрѣля 1813 г. не стало нашего народнаго вождя, на склонѣ лѣтъ отведшаго страшную грозу отъ своей родины. Престарѣлый фельдмаршалъ скончался на 68-мъ году отъ рожденія.

Отъ войскъ смерть его была скрыта нѣкоторое время. Императоръ Александръ I почтилъ вдову Михаила Илларіоновича особенно милостивымъ рескриптомъ и повелѣлъ отправить фельдмаршала для погребенія въ С.-Петербургъ. Всю дорогу народъ встрѣчалъ печальное шествіе съ великимъ почетомъ, въ городахъ выпрягали лошадей и везли колесницу на себѣ, тоже повторилось и въ Петербургѣ 13-го іюня въ день погребенія Кутузова въ Казанскомъ соборѣ.

Князь Смоленскій былъ женатъ на Екатеринѣ Ильинишнѣ Бибиковой и оставилъ послѣ себя 5 дочерей. У него былъ только одиннъ сынъ, умершій въ дѣтствѣ. Въ память фельдмаршала воздвигнуты два монумента, на мѣстѣ кончины, въ Бунцлау, по повелѣнію прусскаго короля Фридриха Вильгельма III, и въ С.-Петербургѣ, на Казанской площади, работы скульптора Орловскаго.

вичъ по...
12-го о...
1812 г...
теля —...
1-го ян...
нялъ Варшаву, а затѣмъ...
арміи, и она направилась къ Калишу, куда по закл...
наго до...
Послѣд...
керку...
апрѣля...
о дальн...
совѣща...
правил...
няла о...
шего...
грозу...
на 68...

О...
ператор...
особен...
маршала для погребенія въ С.-П...
встрѣчали печальное шествіе...
выпр...
лось...
въ К...

Биб...
толь...
мар...
Бун...
гельма...
скульпторъ...

Алексей Кольцовъ

VI.

АЛЕКСѢЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КОЛЬЦОВЪ.

Человѣкъ, личность котораго насъ занимаетъ, заслужилъ наше вниманіе не всей своей жизнію, не всѣми ея сторонами, большая часть которыхъ представляются очень обыкновенными, ни даже главной стороной своей дѣятельности, которая не особенно важна по необширности свого примѣненія и по малому количеству вытекающихъ изъ нея благодѣтельныхъ послѣдствій, нѣтъ! насъ подкупаетъ та сторона его жизни, которая представляетъ проявленіе высшаго, внутренняго человѣческаго достоинства, которая наполняла всѣ его желанія, которая составляла причину борьбы для ума, выбирающаго между двумя дѣятельностями, изъ коихъ одна имѣетъ высокое значеніе въ глазахъ самаго человѣка и есть ничто въ глазахъ другихъ, окружающихъ, а другая — все для послѣднихъ и только средство для перваго. Это та сторона, которая была пробнымъ камнемъ для его воли, нерѣшавшейся оторваться отъ тяжелаго, но твердаго положенія обыденной посредственности и ступить на скользкую почву, которую представляетъ положеніе человѣка, чувствующаго въ себѣ необъятные порывы и неувѣреннаго въ своихъ

силахъ для выполненія своихъ высокихъ стремленій. При этомъ ея выраженіе сохранилось до нашего времени, даетъ пищу нашему уму и чувству и награждаетъ насъ высокимъ наслажденіемъ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ родился въ 1809 году въ Воронежѣ. Отецъ его торговалъ саломъ и къ тому же занятію готовилъ сына, который однако, научившись грамотѣ, обнаруживалъ большую склонность къ чтенію и любознательность. Видя эти задатки, отецъ Кольцова отдалъ сына въ уѣздное училище, очень разсчетливо соображая, что онъ тамъ пріобрѣтетъ навыкъ въ выкладкахъ и счисленіяхъ и научится соображать, даже записывать соображенія, и потому впослѣдствіи представитъ собою надежную опору въ его торговыхъ операціяхъ. Но онъ почувствовалъ нужду въ сынѣ уже черезъ годъ и потому взялъ его изъ училища и заставилъ вести кой-какія дѣла по сложному своему промыслу. Кольцовъ добросовѣстно велъ дѣла, хотя душой рвался къ какой-то другой, неясно представляемой жизни. Онъ долженъ былъ проводить все время въ степи, смотрѣть за стадами домашняго скота, а между тѣмъ жадно хватался за всякую книжку, которая ему попадалась въ руки, жадно поглощалъ ея содержаніе и чувствовалъ сильное, непреодолимое желаніе весь необъятный міръ волновавшихъ его грудь ощущеній сдѣлать яснымъ, осязательнымъ въ своихъ глазахъ и даже высказать въ сильныхъ и образныхъ выраженіяхъ предъ другими. Понятно, что при тѣхъ средствахъ, которыми онъ располагалъ, онъ не могъ найти себѣ серьезнаго, подходящаго чтенія, но и тѣ копѣйки, которыя ему давалъ отецъ, онъ употреблялъ на покупку книгъ. Это были обыкновенныя, ходячія въ нашемъ народѣ сказки о Бовѣ Королевичѣ и Еруслапѣ Лазаревичѣ, со всѣмъ богатствомъ грубой, чувственной фантазіи, съ безграничной пустотою содержанія и со всѣми красотами искусственно-нелѣпаго риторическаго изложенія. Тѣмъ не менѣе, возбуждая и развивая фантазію, эти книженки въ рукахъ людей, богато одаренныхъ чутьемъ, становятся похожими на книги, даютъ матеріалъ для размышленія, тогда какъ въ другихъ читателяхъ рождаютъ чувство скоропреходящей радости за удачу героя и

дешеваго негодованія противъ злыхъ враговъ его цѣлей, больше же всего заставляютъ смѣяться нелѣпостямъ, придуманнымъ авторомъ. Вотъ и Кольцову пришлось воспитываться на этихъ сказкахъ; ему захотѣлось даже самому что-нибудь написать въ этомъ родѣ. Но силы его были очень юны, и ему не только неудавалось придумать образовъ и положеній для разсказа, но и найти сколько-нибудь оригинальный сюжетъ: самые вышеозначенные перлы народной литературы, какъ мы уже замѣтили не давали знаній и не научали пріемамъ для разработки самаго несложнаго матеріала и для отлитія душевныхъ образовъ и ощущеній въ формы слова. И гулялъ Кольцовъ по степи со своими гуртами, полный какихъ-то неясныхъ стремленій, между тѣмъ степная природа, теплыя степныя ночи и знойные дни врѣзывались въ его воображеніи ясными до осязательности, какъ-бы рельефными картинами. Кромѣ главнаго занятія — смотрѣть за стадами, Кольцовъ долженъ былъ разъѣзжать съ отцомъ по деревнямъ, закупать сало и потомъ отвозить на салотопенные заводы — занятія, крайне для Кольцова непріятныя, потому что они отвлекали его отъ степи, начинавшей ему нравиться, наслажденіе которой наполняло его душу и картины которой искали отраженія во впечатлительномъ умѣ молодаго пастуха....

Между тѣмъ молодое сердце искало привязанности, и вотъ Кольцовъ полюбилъ дѣвушку, которая жила у его отца въ услуженіи. Дѣвушка отвѣчала на привязанность, и между ними начались близкія отношенія, которыя не могли укрыться отъ родителей. Отецъ поэта, который вообще представляется человѣкомъ съ деспотическими замашками, имѣлъ совершенно другіе разсчеты и очень не сочувствовалъ выбору сына. Поэтому, когда онъ замѣтилъ сильное увлеченіе сына, отослалъ его въ степь для занятій, а дѣвушку въ это время удалилъ. Когда Кольцовъ возвратился и не нашелъ въ домѣ дѣвушки, которую такъ стремился увидѣть, страстная натура его не вынесла, и онъ опасно заболѣлъ. Его привязанность была такъ сильна, что и послѣ продолжительной болѣзни, которая должна была или убить его совершенно или сильно ослабить, даже заглушить боль сердца, онъ принялся за розыски удаленной дѣвушки и не прекращалъ

ихъ до тѣхъ поръ, пока не узналъ, что она умерла — можетъ быть, тоже въ слѣдствіе горя и истомы по любимомъ человѣкѣ. Кольцовъ послѣ этого еще съ большимъ отвращеніемъ приступилъ къ своимъ обыкновеннымъ дѣламъ, но никогда не позволялъ себѣ какой нибудь оплошности въ предпріятіяхъ или недобросовѣстнаго отношенія къ промыслу отца, повиновеніе которому онъ считалъ своею первою хотя и тяжелою обязанностію. Единственное утѣшеніе онъ находилъ въ собственной внутренней жизни и въ чтеніи тѣхъ книжекъ, которыя ему удавалось добывать. Разъ ему попались стихотворенія Димитріева и произвели такое впечатлѣніе, что онъ самъ сталъ дѣлать попытки писать стихи. Одно изъ такихъ юныхъ произведеній онъ принесъ содержателю книжной лавки въ Воронежѣ, купцу Кошкину, разсчитывая, встрѣтить въ человѣкѣ, который постоянно обращается съ книгами, компетентнаго судью въ литературномъ дѣлѣ. Книгопродавецъ не отказался отъ такой съ неба свалившейся чести и выслушавъ стихи Кольцова, съ важностію сказалъ, что они не хороши, хотя въ нихъ и есть *что-то*... Польщенный притомъ довѣрчивостью Кольцова, который просто не зналъ, къ кому обратиться, онъ подарилъ юному стихотворцу книгу, прибавивъ, что въ этой книгѣ написано, какъ нужно стихи писать. Это была Русская просодія; необразованный купецъ однако смекнулъ, что видитъ предъ собою не совсѣмъ обыкновеннаго человѣка, и позволилъ Кольцову читать всѣ книги, находившіяся въ книжной лавкѣ. Кольцовъ несказанно обрадовался этому предложенію, все свободное время сталъ проводить за книжками и изрѣдка „кропалъ“ стихи. Жадные до наживы глаза отца не могли равнодушно смотрѣть на то, что его сынъ съ такой преданностію, съ такимъ рвеніемъ и такъ серьезно отдается чтенію. Онъ не могъ видѣть, что столько труда уходитъ не на „дѣло,“ а на взбалмошную прихоть сынишки, на пустыя книженки; его завистливому воображенію чудилось, что этимъ онъ лишается выгодъ, хотя Кольцовъ читалъ книги въ свободное отъ торговли время и хотя, какъ мы знаемъ, онъ очень усердно помогалъ отцу въ его промыслѣ. Но не взлюбилъ отецъ эти книжки, а съ ними и своего сына, и началась между ними

сильная, часто нѣмая, молчаливая и потому еще болѣе тяжелая для Кольцова—поэта борьба.

Между тѣмъ обстоятельства столкнули Алексѣя Васильевича съ умнымъ юношей Серебрянскимъ, который сдѣлался другомъ Кольцова и сталъ на всю жизнь, правда, короткую, незамѣнимымъ его руководителемъ. Серебрянскій получилъ первоначальное образованіе въ семинаріи, которая при всей своей „бурсацкой“ обстановкѣ не убиваетъ и не заглушаетъ умственныхъ силъ, а на болѣе сильныя души дѣйствуетъ положительно хорошо. Такія личности скоро понимаютъ всю сухость схоластики и всю грубость бурсачества, высасываютъ, какъ медъ, все жизненное и лучшее, отталкиваются отъ всего остальнаго, болѣе обширнаго цикла наукъ, и этимъ заставляютъ начальство становиться къ нимъ во враждебныя отношенія. Въ результатѣ получается отпаденіе отъ семинаріи, а съ нею и отъ всей сухости и схоластики, какой очень и очень много и въ другихъ сферахъ жизни. Серебрянскій принадлежалъ къ числу такихъ натуръ. Онъ отпалъ отъ семинаріи, занялся самообразованіемъ и намѣтилъ цѣлью своей жизни медицинскую дѣятельность. Онъ-то и былъ первымъ и очень строгимъ редакторомъ стихотвореній прасола, а вмѣстѣ съ тѣмъ внимательнымъ и безпристрастнымъ критикомъ, анализируя стихотворенія Кольцова называя дурное дурнымъ и указывая истинныя достоинства. Для этого, какъ мы знаемъ и по наслышкѣ, семинарскаго образованія почти достаточно, если человѣку удастся прочесть двѣ-три дѣльныя книги. Кольцовъ очень былъ привязанъ къ Серебрянскому, довѣрялся всѣмъ своимъ страстнымъ существомъ, и разлука показалась ему очень тяжела, когда Серебрянскому пришлось уѣхать въ московскую медикохирургическую академію.

Между тѣмъ въ торговомъ дѣлѣ Кольцовъ становился все свѣдущѣе и свѣдущѣе, и отецъ сталъ давать ему очень серьезныя порученія: не могъ же онъ не отдать сыну справедливости, когда это сопровождалось бы метерьяльными убытками... По торговымъ дѣламъ Кольцовъ сталъ ѣздить время отъ времени въ Петербургъ и Москву. Въ Москвѣ онъ какъ-то познакомился со студентомъ Московскаго университета Станкевичемъ, который принялъ

большое участіе въ поэтической дѣятельности Кольцова и даже предложилъ на свой счетъ напечатать его стихи. Тогда же были напечатаны двадцать три піесы. По замѣчанію Бѣлинскаго, болѣе половины этихъ піесъ были подражательныя, т. е. составлены подъ увлеченіемъ стихотвореніями нашихъ поэтовъ, но было уже нѣсколько піесъ оригинальныхъ, характеръ которыхъ свойственъ одному только Кольцову — въ нихъ онъ внесъ свой собственный оригинальный духъ. Книжечка сряду обратила на себя вниманіе всего литературнаго міра, хотя по замѣчанію Бѣлинскаго, всѣхъ интересовало болѣе слово „прасолъ", прибавленное къ имени автора. Бѣлинскій говоритъ, что критики того времени не захотѣли бы, да и не въ состояніи были оцѣнить оригинальный и саморазвившійся талантъ, и еще менѣе — его примѣнить, если бы не было сказано, что поэтъ—самоучка. Это было въ 1831 году.

Вскорѣ послѣ этого Кольцову пришлось очень долго оставаться въ столицѣ, чтобы очистить отца отъ векселя болѣе, чѣмъ на два десятка тысячъ рублей. Исправляя отцовское порученіе, Кольцовъ получалъ приглашенія писателей и литераторовъ и всюду у нихъ былъ принятъ. Конечно, нѣкоторые смотрѣли на него, какъ на диковинку; другіе хотѣли порисоваться тѣмъ фарисейскимъ смиреніемъ, что подаютъ руку „мужику"; но было нѣсколько искреннихъ цѣнителей самороднаго таланта: къ числу такихъ принадлежалъ, безъ сомненія, и нашъ даровитый критикъ Бѣлинскій. Кольцову однако было нравственно—тяжело „показывать" себя; поэтому онъ не ко всѣмъ охотно отправлялся; но посѣщеніе лучшихъ литературныхъ дѣятелей доставляло ему истинное наслажденіе. Жизнь вдали отъ грязныхъ, торговыхъ спекуляцій была отличнымъ отдохновеніемъ для возвышенной до идеальности, честной и чистой души Кольцова. Отдыхъ этотъ былъ тѣмъ нужнѣе, что недовольство отца литературными занятіями сына перешло въ ненависть. Правда, къ этому примѣшивались еще нѣкоторыя другія обстоятельства. Кольцовъ полюбилъ еще разъ. Онъ былъ человѣкъ сильныхъ привязанностей и потому хотѣлъ жениться на предметѣ своей новой любви, но отецъ низачто не согласился на этотъ бракъ, хотя былъ бы

очень радъ, если бы сынъ женился по его выбору. Вотъ это обстоятельство еще болѣе усиливало вражду къ Кольцову его отца, который называя сына „палатой ума“, насмѣшливымъ и жестокимъ отношеніемъ къ нему заставлялъ перебраться сына въ мезонинъ. Такъ какъ это началось еще до жизни Кольцова въ столицѣ, то послѣдняя и была для него отдыхомъ. Возвратившись, Кольцовъ почувствовалъ отвращеніе и къ своей домашней жизни, хотя не отрывался отъ торговыхъ дѣлъ, взваленныхъ отцомъ почти совершенно на него. Въ 1836 году Кольцовъ писалъ своимъ друзьямъ въ столицу, жаловался на тяжелое положеніе въ семьѣ и признавался въ своемъ отвращеніи къ мелкимъ торговымъ занятіямъ, которыя всегда не лишены грязи и надувательства. Какъ были усилены его занятія въ это время, видно изъ его писемъ: „дома я одинъ, —пишетъ онъ; дѣлъ много. Покупаю свиней... въ рощѣ рублю дрова, осенью пахалъ землю; на скорую руку ѣзжу въ села; дома по дѣламъ хлопочу съ зари до полночи.“ Въ другомъ письмѣ онъ говоритъ о своемъ отношеніи къ занятіямъ: „въ Воронежѣ жить мнѣ противу прежняго вдвое хуже; скучаю, грустно, бездомно въ немъ... Матеріализмъ дрянной, гадкій и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимый. Плавай, голубчикъ, на всякой водѣ, гдѣ вѣлятъ дѣла житейскія: ныряй и въ тинѣ, когда надобно нырять.“ Въ 1848 году онъ пишетъ еще рѣзче; „грязенъ мой міръ, горько жить въ немъ мнѣ, и я не знаю, какъ я еще не потерялся въ немъ давно. Какая нибудь добрая сила поддерживаетъ меня отъ паденія.“ Все это влекло его въ Петербургъ, въ другой, ему нравившійся міръ, но отецъ этого низачто не хотѣлъ, пока Кольцовъ не устроилъ дѣлъ отца какъ тому хотѣлось. Своей ловкостью въ дѣлахъ доставивъ отцу выгодъ болѣе чѣмъ на 20,000 рублей, поэтъ надѣялся, что отецъ дастъ ему, по крайней мѣрѣ, нѣсколько тысячъ съ которыми бы онъ могъ безбѣдно существовать первое время въ столицѣ. Но корыстолюбивый отецъ не цѣнилъ заслугъ сына и недовалъ ни гроша: „отправляйся, кула хочешь, и живи, какъ знаешь — теперь ты мнѣ не нуженъ,“ — вотъ какъ можно резюмировать взглядъ жаднаго отца. Кольцовъ не имѣлъ рѣшимости поселиться въ Петербургѣ, разсчитывая только на литератур-

ный гонораръ. Онъ очень жалѣлъ, что не умѣлъ писать прозою; между тѣмъ какъ его письма показываютъ, что у него былъ очень хорошій и сильный, хотя и не окрѣпшій отъ упражненія слогъ. Дѣло не въ прозѣ, не въ изложеніи вообще, но въ неумѣньи Кольцова ставить вопросы, въ недостаткѣ положительныхъ систематическихъ знаній, въ совершенномъ безсиліи группировать понятія; всѣхъ нужныхъ для составленія статей познаній, хотя бы въ элементарномъ видѣ, не могло дать уѣздное училище, въ которомъ Кольцовъ пробылъ съ нибольшимъ годъ и въ которомъ не научился даже писать сколько нибудь грамотно.

Такимъ образомъ поэтъ оставался дома и влачилъ трудовую и полную лишеній и обидъ жизнь. Онъ строилъ каменный домъ для отца и все надѣялся, что отецъ отведетъ ему помѣщеніе подъ книжную лавку и дастъ нѣсколько денегъ для обзаведенія торговлей. Но его очень поразило, когда отецъ и этого не хотѣлъ сдѣлать для своего сына; довѣрчивость поэта была сильно наказана. Мало того, отецъ продолжалъ ненавидѣть поэта, и послѣдній все-то жилъ въ мезонинѣ, не смотря на холодъ и затхлость, зимою и лѣтомъ. Сыну не позволяли даже брать дровъ, а когда разъ онъ тихонько утащилъ нѣсколько полѣнъ ему грозили изгнаніемъ изъ дома. Ему часто не давали ѣсть и пить, и только маленькая сестра, которую поэтъ очень любилъ, съ опасностію для себя, приносила иногда нѣсколько хлѣба. Совершенно одинокій во всемъ Воронежѣ, Кольцовъ не имѣлъ даже, предъ кѣмъ излить всю печаль своей наболѣвшей души, и тяжесть этого сознанія лежала на немъ громаднымъ грузомъ. Серебрянскій давно уже захирѣлъ и умеръ отъ чахотки. Во время болѣзни и по смерти его Кольцовъ тосковалъ по немъ сильно; никогда не забывалъ о добромъ юношѣ упоминать въ разговорахъ и письмахъ, скорбѣлъ о его участи, вообще обнаруживалъ сильную горечь своей преданной души. Въ Петербургъ Кольцовъ уже не ѣздилъ — не было денегъ. Наболѣвшее сердце сломило наконецъ худо поддерживаемое пищею тѣло — Кольцовъ опасно заболѣлъ и слегъ въ постель. Къ нему ежедневно приходилъ докторъ не смотря на незначительность платы, и

Кольцовъ еще разъ выздоровѣлъ, питая сильную признательность къ доктору. Но усиленныя занятія, которымъ онъ предался, въ конецъ сломили его мощную, степную натуру, и онъ умеръ всего 33 лѣтъ отъ роду — въ 1842 году.

Изъ этого небольшаго очерка, мы видимъ, что Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ все главное время своей жизни посвящалъ хлопотамъ по торговлѣ и промышленнымъ занятіямъ отца. Его собственно литературная дѣятельность ограничивается по этому очерку отношеніями къ Московскимъ и Петербургскимъ литераторамъ, чтеніемъ книгъ и поэтовъ и собственными поэтическими опытами въ немногое свободное время, которое еще оставалось отъ трудовыхъ промышленныхъ занятій и отъ усиленнаго чтенія. Всѣ его стихотворенія, собранныя вмѣстѣ, представляютъ небольшую по толщинѣ и размѣрамъ книжечку. Честь собранія ихъ воедино принадлежитъ нашему незабвенному Бѣлинскому, который такъ любилъ свою родную словесность и такъ способствовалъ ея развитію и росту. И стихотворенія Кольцова онъ собралъ въ тѣхъ видахъ, что хотѣлъ придать его поэзіи характеръ цѣльности и личности, который бы свидѣтельствовалъ о художественности міровоззрѣнія поэта. Прежде же этого, стихотворенія были разбросаны по разнымъ мелкимъ и крупнымъ изданіямъ. Бѣлинскій съ присущимъ ему знаніемъ дѣла и изумительной проницательностію и чуткостію критическаго ума и чувства вполнѣ безпристрастно и справедливо оцѣнилъ поэзію Кольцова, раздѣливъ въ своемъ изданіи сочиненій Кольцова всѣ піесы по ихъ достоинству. Въ началѣ своей книги онъ помѣстилъ лучшія изъ начальныхъ, т. е. подражательныхъ, стихотвореній поэта и пѣсни съ народнымъ характеромъ, которыя составляютъ перлъ поэіи Кольцова и которымъ послѣдній сообщилъ всю оригинальность своего художественнаго чувства. Въ этихъ пѣсняхъ Кольцовъ съ чистонароднымъ міровоззрѣніемъ съ чисто народными пріемами, — правда, очищенными художественно образованнымъ на геніальныхъ созданіяхъ чутьемъ Кольцова отъ всего немузыкальнаго, негармоническаго и нехудожественнаго, — развиваетъ народныя темы: сердечную кручину молодца — въ пѣсняхъ „Дуютъ вѣтры, вѣтры буйные,“

„Въ непогоду вѣтеръ,“ „Разлука,“ „Не шуми ты, рожь“; неудовлетворенную любовь дѣвушки — въ пѣсняхъ „Ахъ зачѣмъ меня силой выдали,“ „Кольцо,“ „Молодая жница,“ „Пора любви“ и др.; жалобу молодца на злую судьбу и безталанность — въ пѣсняхъ „Перепутье,“ „Путь,“ „Раздумье селянина,“ „Вторая пѣсня Лихача Кудрявича,“ „Сяду я за столъ;“ желаніе развернуть всѣ свои силы и молодецкую удаль, незнающую никакихъ препятствій — „Удалецъ,“ „Бѣгство,“ „Косарь,“ „Хуторокъ“ и др.; прелести сельской природы и міровоззрѣнія поселянъ — въ пѣсняхъ „Урожай,“ „Пѣсня пахаря,“ „Крестьянская пирушка,“ „Что ты спишь, мужичекъ“ и др. — Вслѣдъ за пѣснями Бѣлинскій помѣстилъ піесы другаго, собственно Кольцовымъ со́зданнаго рода поэзіи — „думы.“ Это такія произведенія въ которыхъ поэтъ ищетъ отвѣта на запросы своего жаждущаго истины ума и присоединяетъ свои посильные отвѣты. Но эти отвѣты по большей части неудовлетворительны, не сильны и портятъ общее впечатлѣніе каждой піесы, обнаруживая полное невѣжество Кольцова относительно многихъ частей науки и жизни. За то первая часть каждой „думы,“ та, въ которой выражается самый вопросъ, не уступаетъ въ красотѣ и силѣ пѣснямъ и, какъ выраженіе степени развитія народнаго духа, имѣетъ большое значеніе. — Въ концѣ книги помѣщены всѣ остальныя, болѣе или менѣе слабыя произведенія поэта, по которымъ однако можно прослѣдить постепенное развитіе таланта и отыскать зачатки оригинальности среди многаго безцвѣтнаго подражанія.

Къ красотамъ поэзіи Кольцова нужно отнести простоту и безискусственность изложенія, энергію, силу и пластичность изложенія, богатство и роскошь картинъ, полноту чувства и оригинальную музыкальность стиха мягкую и граціозную. Достаточно привести здѣсь всѣмъ извѣстную „Пѣсню пахаря,“ чтобы увидѣть всѣ эти прелести. Вотъ она:

Ну, тащися, сивка,
Пашней, десятиной;
Выбѣлимъ желѣзо
О сырую землю.
Красавица зорька
Въ небѣ загорѣлась,

Зернышку сготовимъ
Колыбель святую.
Его вспоитъ, вскормитъ
Мать — земля сырая;
Выйдетъ въ полѣ травка —
Ну! тащися сивка!

Изъ большаго лѣса
Солнышко выходитъ.
Весело на пашнѣ.
Ну, тащися, сивка!
Я самъ — другъ съ тобою,
Слуга и хозяинъ.
Весело я лажу
Борону и соху,
Телѣгу готовлю,
Зерна насыпаю,
Весело гляжу я
На гумно, на скирды,
Молочу и вѣю,—
Ну, тащися, сивка!
Пашеньку мы рано
Съ сивкою распашемъ,
Выйдетъ въ полѣ травка —
Выростетъ и колосъ,
Станетъ спѣть, рядиться
Въ золотыя ткани.
Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь,
Зазвенятъ здѣсь косы;
Сладокъ будетъ отдыхъ
На снопахъ тяжелыхъ.
Ну! тащися, сивка;
Накормлю до сыта,
Напою водою,
Водой ключевою...
Съ тихою молитвой
Я вспашу, посѣю:
Уроди мнѣ, Боже,
Хлѣбъ — мое богатство.

Такія выраженія, какъ „выбѣлимъ желѣзо,“ „красавица зорька,“ „Зернышку сготовимъ колыбель святую,“ „Выростетъ и колосъ, станетъ спѣть, рядиться въ золотыя ткани“ — подкупаютъ эстетическо чувство каждаго непредубѣжденнаго читателя, неразвращеннаго притомъ цѣнической грубостью псевдо-реализма.

Или вотъ примѣръ силы и энергіи выраженія. Кольцовъ говоритъ отъ лица „Косаря“:

Раззудись плечо!
Размахнись рука!
Ты пахни въ лицо,
Вѣтеръ съ полудня!
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную..,
Зажужжи, коса,
Засверкай кругомъ!

Или вотъ, напримѣръ, картина зарожденія бури:

Краснымъ полымемъ
Заря вспыхнула,
По лицу земли
Туманъ стелется;
Загорѣлся день
Огнемъ солнечнымъ,
Подобралъ туманъ,
Выше темя горъ;
Нагустилъ его
Въ тучу черную.
Туча черная
Понахмурилась;
Понахмурилась,
Что задумалась,
Словно вспомнила
Свою родину...
Понесутъ ее
Вѣтры буйные
Во всѣ стороны
Свѣта бѣлаго...
Ополчается —
Громомъ — бурею,
Огнемъ — молніей,
Дугой — радугой!
Ополчилася,
И расширилась —
И ударила,
И пролилася
Слезой крупною,
Проливнымъ дождемъ
На земную грудь,
На широкую.

Еще роскошнѣе олицетвореніе „Лѣса“:

Что, дремучій лѣсъ,
Призадумался,
Что Бова — сплачъ
Заколдованный,
Съ непокрытою
Головой въ бою,
Ты стоишь, поникъ,
И не ратуешь
Съ мимолетною
Тучей-бурею?
Густолиственный
Твой зеленый шлемъ
Буйный вихръ сорвалъ
И разсѣялъ въ прахъ.
Плащъ упалъ къ ногамъ
И разсыпался...
Ты стоишь, поникъ
И не ратуешь
Гдѣ жъ дѣвалася
Рѣчь высокая,
Сила гордая,
Доблесть царская?

Грустью темною
Затуманился?
У тебя ль было —
Въ ночь безмолвную
Заливная пѣснь
Соловьиная...
У тебя ль было,
Въ дни роскошества,
Другъ и не другъ твой
Прохлаждаются...
Утебя-ль было
Поздно вечеромъ
Грозно съ бурею
Разговоръ пойдетъ.
Распахнетъ она
Тучу черную,
Обойметъ тебя
Вѣтромъ — холодомъ.
И ты молвишь ей
Шумнымъ голосомъ:
«Вороти назадъ,
Держи около!»

Изъ всего этого мы заключаемъ, что Кольцовъ былъ вполнѣ самобытный, оригинальный талантъ,— предъ которымъ должны преклоняться многіе безцвѣтные подражатели и оригинальные стихокропатели. Онъ написалъ немного, и въ числѣ этого немногаго есть піесы положительно слабыя; но за то есть нѣсколько піесъ, которыя дышутъ теплотою и неподдѣльностію чувства, богатствомъ и прелестію картинъ и оригинальностію художественнаго творчества.

Повторяя теперь вопросъ, который мы поставили въ началѣ очерка, именно: имѣетъ ли право на общее вниманіе Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, какъ человѣкъ который не могъ сдѣлать поэзіи, какъ призванія, главною дѣятельностію своей жизни, который не могъ отрѣшиться отъ обыденной посредственности для служенія высшимъ идеаламъ духовнаго творчества? мы можемъ теперь прямо и рѣшительно отвѣтить на этотъ вопросъ: да, Кольцовъ заслуживаетъ полное наше уваженіе. И вотъ на какихъ основаніяхъ.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, не смотря на всѣ препятствія и преграды, сдѣлалъ все, что могъ для развитія своего поэтическаго дарованія: не смотря, на порицаніе, которое онъ встрѣтилъ уже дома, въ своемъ родномъ отцѣ, онъ нашелъ себѣ книги и руководителей въ лицѣ книгопродавца Кошкина, семинариста Серебрянскаго и студента Станкевича, а потомъ пріобрѣлъ дѣйствительно литературныхъ друзей въ лицѣ поэтовъ и писателей.

Алексѣй Васильевичъ никогда не думалъ ставить своего поэтическаго призванія ниже промышленной аферы своего отца, и если отдавалъ послѣдней свои силы и свое время, то никакъ не потому, что чувствовалъ ея превосходства: напротивъ, онъ чувствовалъ къ ней отвращеніе и только изъ почтительности и сыновьяго повиновенія, а также свойственной всѣмъ возвышеннымъ душамъ добросовѣстности относился съ похвальнымъ усердіемъ къ дѣлу своего отца.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ постоянно надѣялся, что отецъ оцѣнитъ его трудъ по торговымъ операціямъ, какъ слѣдуетъ вознаградитъ его и въ тоже время освободитъ его отъ дальнѣйшаго участія въ этомъ занятіи — освободитъ для всецѣльнаго служенія поэзіи и искусству. Такимъ образомъ промышленныя занятія Кольцова были на самомъ дѣлѣ только средствомъ къ осуществленію его завѣтной мечты — служить своему призванію.

При всемъ томъ Алексѣй Васильевичъ оставилъ намъ нѣсколько піесъ, на которыхъ воспитывались мы и воспитываются наши дѣти, — піесы, которыя даютъ пищу уму и чувству, которыя выражаютъ почти во всей полнотѣ не широкое народное міровоззрѣніе, ту степень духовнаго развитія, на которой стоялъ русскій народъ при жизни Кольцова; Кольцовъ далъ намъ произведенія, которыя дозволяютъ своими неподдѣльными красотами и прямыми положительными достоинствами высокое и полное наслажденіе нашей душѣ.

Мы тѣмъ болѣе обязаны Кольцову своимъ вниманіемъ, что онъ такъ долго и съ такимъ успѣхомъ несъ борьбу съ окружавшимъ его невѣжествомъ и грубостію; мы должны чувствовать

глубокое благоговѣніе предъ человѣкомъ, котораго свели въ могилу ненормальныя условіи общественной жизни; Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ есть дѣйствительно видный общественный дѣятель, который высоко держалъ знамя національной гордости, который съ такой любовію относился къ трудовой жизни селянина и который своими пѣснями и насъ заставилъ уважать поселянъ, полюбить ихъ со всѣмъ небогатымъ ихъ міровоззрѣніемъ, со всею немногимъ довольствующеюся терпѣливостію и со всѣми недалекими надеждами и желаніями. Вообще Кольцовъ — русскій народный поэтъ.

глубокое благоговѣніе предъ человѣкомъ, котораго свели въ могилу не [illegible] силье [illegible] дѣят [illegible] сти, [illegible] селя [illegible] посе [illegible] ніем [illegible] со [illegible] цовъ [illegible]

В. Буняковскій

VII.

ВИКТОРЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ БУНЯКОВСКІЙ.

Викторъ Яковлевичъ Буняковскій родился въ 1804 году въ г. Барѣ Подольской губерніи. По обыкновенію того времени и благодаря особенно счастливымъ обстоятельствамъ, онъ получилъ домашнее воспитаніе вмѣстѣ съ сыномъ графа Тормасова. Хотя домашнее воспитаніе въ то время не отличалось особенной полнотою и серьёзностью въ выборѣ предметовъ, тѣмъ не менѣе его было совершенно достаточно, чтобы продолжать образованіе самостоятельно. Большую часть книгъ, не имѣющихъ спеціальнаго характера, получившіе домашнее образованіе понимали очень легко, и благодаря хорошему положенію въ то время частныхъ библіотекъ часто пристращались къ чтенію. Не нужно, конечно, думать, что подборъ книгъ дѣлался въ строго систематическомъ порядкѣ; но всѣ лучшіе европейскіе мыслители и поэты въ ихъ произведеніяхъ были любимымъ украшеніемъ объемистыхъ шкафовъ аристократическихъ библіотекъ. При знаніи языковъ, которое было въ такой модѣ въ началѣ текущаго столѣтія, которое и теперь у аристократовъ играетъ не послѣднюю роль, всѣ юноши имѣли счастіе, если только хотѣли, читать образцовыя міровыя произведенія въ подлинникѣ. Было совершенно дѣломъ случая, къ какому роду книгъ юные умы почувствуютъ расположеніе; поэтому одни отдавались беллетристическимъ произведеніямъ, другіе увлекались философ-

скими сочиненіями, третьи находили особенную, здоровую пищу для ума въ научныхъ разсужденіяхъ. Одно только несомнѣнно: всѣ чувствовали, что западъ богатъ всякаго рода сокровищами, которыхъ очень немного въ отечествѣ, всѣхъ влекло заграницу, всѣ чувствовали къ заграничному особенное довѣріе и даже любовь—многіе на самомъ дѣлѣ удалялись заграницу. Но судьба, наряду съ такими русскими западниками, воздвигала людей, которые, чувствуя превосходство и зрѣлость западной жизни и науки, проникались однимъ стремленіемъ — поставить на ту же степень образованности свое любимое отечество, которыхъ влекло заграницу именно желаніе "обобрать до чиста" сокровищницу европейской учености и перенести её въ рудную Русь переработанною энергическимъ русскимъ умомъ. Викторъ Яковлевичъ вмѣстѣ съ графомъ Тормасовымъ—сыномъ, по окончаніи домашняго воспитанія, шестнадцати лѣтъ отъ роду, отправился заграницу. Сначала онъ бралъ уроки въ Кобургѣ, потомъ въ Лозанской академіи, въ Швейцаріи, и наконецъ въ Парижѣ, въ Сорбоннѣ Collége de France. Его наставниками были Лапласъ, Лежандръ, Пуасонъ, Лакруа, Фурье; онъ слушалъ знаменитыхъ математиковъ Ампера, Араго, Біо, Гелюссака; но особенно много онъ унаслѣдовалъ отъ Коши, доблестнаго наставника своего, замѣчательнаго глубиною и многосторонностію изслѣдованій. Въ 1824 году онъ защитилъ въ Парижѣ первую свою диссертацію по части механики и былъ удостоенъ званія баккалавра-лиценціата, а въ слѣдующемъ году, защитивъ публично сочиненіе по части механической теоріи теплоты, получилъ степень доктора математическихъ наукъ одного изъ древнѣйшихъ ученыхъ европейскихъ учрежденій, Парижскаго университета. Съ этой степенью въ 1826 году Викторъ Яковлевичъ возвратился въ отечество и поступилъ на службу въ первый кадетскій корпусъ преподавателемъ математики и съ 1827 года преподавалъ математику въ морскихъ офицерскихъ курсахъ и другихъ морскихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ что большая часть его педагогической дѣятельности принадлежитъ флоту. Съ перваго дня онъ постоянно умѣлъ приковывать къ себѣ общее уваженіе и преданность своимъ умомъ, дарованіями, трудами, своею добротой,

искреннею лаской и готовностію служить всѣмъ и каждому. Всѣ постоянно видѣли ясное, свѣтлое выраженіе лица и слышали всегда кроткую, деликатную и разумную рѣчь Виктора Яковлевича. Съ первыхъ же поръ онъ обнаружилъ добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ, терпѣніе, педагогическій тактъ — ясность изложенія и одушевленіе, которыми привязывалъ къ своему предмету начинающихъ и неразвитыхъ еще учениковъ. Такая личность рѣзко выдѣлялась изъ ряда посредственностей, среди которыхъ попадаются два три имени, дѣйствительно имѣющихъ право на благодарность потомства. По словамъ одного изъ ветерановъ русской науки, въ Петербургѣ тогда свѣтилами первой величины были: въ академіи — Фусъ, въ университетѣ — Чижовъ, въ морскомъ корпусѣ — Кузнецовъ, но и того посадили за аналитическіе склады; Кондеревъ, Кушакевичъ, Кирпичевъ красовались въ другихъ заведеніяхъ; Базелъ и Дестремъ, дошедшіе уже до генеральскихъ чиновъ оставляли свою дѣятельность. Севастьяновъ едва-ли не первое мѣсто занималъ въ Институтѣ Путей Сообщенія. Москва, послѣ Дмитрія Матвѣевича Перевощикова, только что знакомилась съ Брашманомъ и Зерновымъ, которыхъ ученики, на ряду съ учениками Буняковскаго, достойно украшаютъ академію. Въ Казани были Лобачевскій и Симоновъ. Въ Харьковѣ догоралъ Осиновскій, замѣчательный учитель Остроградскаго, который такъ много обѣщалъ и такъ мало сдержалъ, размѣнявъ на мелочи свой огромный талантъ. Вотъ почти и весь составъ математическихъ свѣтилъ, уже угасавшихъ въ то время, когда на учебное поприще выступилъ Викторъ Яковлевичъ Буняковскій въ качествѣ преподавателя математики въ кадетскомъ корпусѣ и морскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Вскорѣ область его преподаванія много расширилась; онъ сдѣлался наставникомъ — наблюдателемъ въ пажескомъ корпусѣ, а вслѣдъ затѣмъ и профессоромъ въ горномъ, и инженерномъ корпусахъ и въ университетѣ. Много поколѣній онъ посвятилъ въ таинства математической науки, математическое образованіе быстро подвигалось впередъ, и труды нашихъ математиковъ одинъ за другимъ стали занимать видныя мѣста въ европейской наукѣ.

Самая, конечно, существенная часть дѣятельности В. Я. Буняковскаго — это его сочиненія и изслѣдованія. Въ началѣ своей учебной дѣятельности Викторъ Яковлевичъ занимался по порученію министерство народнаго просвѣщенія составленіемъ руководствъ для учебныхъ заведеній, подвѣдомственныхъ этому министерству, а въ 1839 году выпустилъ первый томъ лексикона чистой и прикладной математики, доведенный, къ сожалѣнію, только до буквы Д. Элементарная ариѳметика и математическій лексиконъ, первые труды Виктора Яковлевича, сразу обнаружили превосходныя литературно-математическія силы его. Ариѳметика признается образцовымъ учебникомъ, а математическій словарь заключаетъ въ себѣ многія статьи, въ которыхъ разсматриваются, среди другихъ, любопытные вопросы изъ математической физики; особенно замѣчательна статья о теплотѣ. Этимъ прекраснымъ математическимъ лексикономъ Викторъ Яковлевичъ установилъ русскую математическую терминологію и номенклатуру науки и далъ богатый матеріалъ для многосторонняго историческаго изученія различныхъ вопросовъ въ области математики. Но эти сочиненія обнаружили не только обширную математическую эрудицію Буняковскаго, а также и тонкій филологическій тактъ, рѣдко сопровождающій проницательныя и глубокія способности геометровъ. Этихъ двухъ сочиненій было совершенно достаточно, чтобы Буняковскій въ 1828 году былъ избранъ въ адъюнкты академіи наукъ, чрезъ два года удостоенъ званія экстраординарнаго академика и въ 1841 году ординарнымъ членомъ академіи, хотя онъ представилъ за это время много другихъ научныхъ записокъ, каковы: „Recherches numériques“ (1829), „Sur les congruences du second degré“ (1830), „Краткое изложеніе уроковъ о дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіи“, переводъ съ французскаго (Коши) *съ примѣчаніями переводчика* (1831), „Du mouvement dans la machine d'Atwood, en ayant égard à l'élasticité du fil“ (1831), „Объ остаточныхъ сравненіяхъ третьей степени“ (1832) и еще до пятнадцати манускриптовъ.

Въ „Маякѣ современнаго просвѣщенія и знанія, въ третьемъ томѣ, за подписью „академикъ Буняковскій“, Викторъ Яковле-

вичъ помѣстилъ статью подъ заглавіемъ: „Мысли о неосновательности нѣкоторыхъ теорій, относящихся къ общежитію и преимущественно къ играмъ и лотереямъ“. Здѣсь авторъ выражаетъ сожалѣніе, что между людьми, даже такъ называемыми образованными, слишкомъ мало распространены многія полезныя и важныя истины, вытекающія изъ разныхъ отраслей знанія и имѣющія связь съ общежитіемъ. По его замѣчанію, было бы полезно издать сборникъ соединенными усиліями нѣсколькихъ ученыхъ, для восполненія этого пробѣла. Вотъ подобный сборникъ или руководство къ общественной жизни, говоритъ Викторъ Яковлевичъ долженъ бы заключать въ себѣ общепримѣнительныя результаты наукъ физическихъ, нравственныхъ и политическихъ“. Для примѣра авторъ представляетъ, въ видѣ афоризмовъ, нѣсколько выводовъ объ играхъ и лотереяхъ, основанныхъ на анализѣ вѣроятностей. Мы видимъ здѣсь начало того метода исчисленія, котораго разработка впослѣдствіи доставила автору такую громкую и заслуженную извѣстность. Это характеризуетъ Виктора Яковлевича съ той стороны, что онъ совмѣщалъ въ своей личности рѣдкую ученость съ нравственнымъ достоинствомъ и чувствомъ изящнаго, глубину умозрѣній съ постояннымъ стремленіемъ обращать ихъ на пользу человѣчества, съ соблюденіемъ высокаго завѣта: „плодъ правды сѣется въ мирѣ“. Эти два отступленія отъ строго научныхъ занятій только и выдаются особенно рѣзко изъ цѣлаго ряда исполненныхъ работъ; вся остальная дѣятельность была посвящена исключительной чистой математики и ея примѣненіямъ, хотя, разумѣется, и нельзя усмотрѣть за всѣми рѣшительно замѣтками, вытекающими изъ подъ пера русскаго патріота, столь отзывчиваго на запросы жизни. Въ 1846 году академикъ Буняковскій выпустилъ въ свѣтъ свое сочиненіе „основанія математической теоріи вѣроятностей“, одно изъ важныхъ пріобрѣтеній, какія только сдѣлала русская математическая литература. Здѣсь впервые на русскомъ языкѣ сведено все, что сдѣлано по этой части усиліями величайшихъ математиковъ съ Паскаля и Ферма, къ чему съ своей стороны, Буняковскій присоединилъ новыя рѣшенія трудныхъ вопросовъ. Въ этомъ сочиненіи Буняковскій пошелъ нѣсколько

дальше, чѣмъ его наставникъ Коши; наученный примѣромъ послѣдняго, онъ неудовольствовался черновымъ наброскомъ своихъ изысканій, но далъ до того изящную и законченную отдѣлку, что по этому чисто математическому сочиненію Гаусъ и Біенеме выучились русскому языку. Точно также въ этомъ сочиненіи Буняковскій далеко оставилъ позади своихъ предшественниковъ, Эйлера и Гольдбаха. Изъ другихъ сочиненій Виктора Яковлевича мы можемъ указать на замѣчательное изслѣдованіе на французскомъ языкѣ „Recherches sur quelques fonctions numeriques“, „Теорія параллельныхъ линій“ и многочисленныя работы по приложенію теоріи вѣроятностей къ статистикѣ. „Recherches sur quelques fonctions numeriques“ заключаютъ въ себѣ изслѣдованія о различныхъ числовыхъ функціяхъ, имѣющихъ важное значеніе въ теоріи чиселъ, въ которыхъ авторъ, основываясь на безконечныхъ рядахъ особаго рода, вывелъ для доказательства функцій множество соотношеній или тождествъ, которыя всѣ вытекаютъ изъ одного и того же начала. Въ „Теоріи параллельныхъ линій“ авторъ, принявъ за исходную точку особенно простое начало, вытекающее изъ закона однородности величинъ, доказываетъ сперва одну изъ многихъ характеристическихъ истинъ, на которыхъ можетъ быть основана вся теорія, и отсюда переходитъ къ свойствамъ другихъ параллельныхъ линій. Пріемъ этотъ оказался гораздо проще и нагляднѣе прежняго, потому что при немъ устранено совокупное разсматриваніе двухъ элементовъ, т.-е. прямолинейной длины и угла, и въ доказательство вводится собственно только первый элементъ. Но особенное вниманіе и особенныя усилія обращалъ Буняковскій на примѣненіе теоріи къ практики и разработку законовъ движенія народонаселенія, основываясь на трактатѣ о теоріи вѣроятностей. До появленія этого трактата ничего не имѣлось на русскомъ языкѣ по предмету, хотя Лапласъ и Гаусъ давно уже положили прочное основаніе той отрасли знаній, которая служитъ необходимымъ основаніемъ всѣхъ опытныхъ изслѣдованій, опредѣляя значеніе окончательныхъ выводовъ и степень заслуживаемаго ими довѣрія. Къ числу замѣчательнѣйшихъ приложеній этой теоріи, которая, по глубинѣ содержанія, изяществу и полнотѣ

изложенія, составляетъ одно изъ прекрасныхъ руководствъ по этому предмету, принадлежатъ изслѣдованія Виктора Яковлевича о народонаселеніи Россіи, смертности и средней продолжительности жизни людей различныхъ возрастовъ. Буняковскій предложилъ болѣе точныя правила для рѣшенія относящихся сюда вопросовъ и достигъ выводовъ болѣе благонадежныхъ, чѣмъ какими довольствовались прежде. Правильность его соображеній блистательнѣйшимъ образомъ оправдалась на дѣлѣ. При учрежденіи эмеритальной кассы морскаго вѣдомства имъ составлены были разсчеты пенсій и различныхъ уплатъ; цвѣтущее положенія этого учрежденія доказываетъ вѣрность основныхъ вычисленій. Это было въ 1856 году. Между тѣмъ преподавательская дѣятельность очень вредно вліяла на здоровье академика, и онъ принужденъ былъ оставить чтеніе лекцій въ университетѣ, въ которомъ, въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ до 1859 года, не пропустилъ ни одной лекціи и не опоздалъ ни на одну изъ нихъ. Слушатели Виктора Яковлевича сохранили самыя отрадныя воспоминаніи о вниманіи къ нимъ профессора и лекціяхъ, въ которыхъ самыя отвлеченныя понятія становились занимательными, по ясности и основательности изложенія. Съ 1859 года Викторъ Яковлевичъ почти исключительно посвятилъ себя кабинетнымъ занятіямъ. Въ 1865 году онъ пришелъ къ весьма утѣшительнымъ выводамъ относительно жизненности въ Россіи, вопреки существовавшему дотолѣ мнѣнію. Изъ его изслѣдованій, опубликованныхъ подъ заглавіемъ: „Опытъ изслѣдованія о законахъ смертности въ Россіи и о распредѣленіи православнаго народонаселенія по возрастамъ“, оказалось, что неблагопріятное положеніе наше относительно законовъ смертности въ сравненіи съ другими европейскими государствами, принимавшееся прежде за несомнѣнный фактъ, было не болѣе, какъ лишенное всякаго основанія научное недоразумѣніе. Способы, придуманные Викторомъ Яковлевичемъ, приложены къ ариѳметическимъ вычисленіямъ таблицъ смертности, отдѣльно для мужскаго и женскаго населенія. Сближеніемъ многочисленныхъ выводовъ, относящихся къ Россіи, съ однородными результатами для другихъ европейскихъ государствъ онъ несомнѣнно доказалъ, что условія жизни

у насъ не представляютъ никакой особенной и невыгодной анамалiи и что сомнѣнiе относительно надежности показанiй нашихъ метрическихъ книгъ совершенно несправедливо. Въ январской книжки „Русскаго Вѣстника" 1868 года Викторъ Яковлевичъ помѣстилъ статью, въ которой разсматриваетъ фактъ численнаго перевѣса младшаго поколѣнiя надъ старшимъ. Сопоставленiе цифръ, относящихся до Россiи и до Европы, привело его къ тѣмъ результатамъ, что возрастная группировка населенiя Россiи представляетъ болѣе ручательствъ за успѣхъ народоприращенiя у насъ, сравнительно съ Францiей, Бельгiей, Голландiей, Великобританiей и Пруссiей. Сравненiе цифръ показало, что по группировкѣ населенiя Россiя наиболѣе подходитъ къ Пруссiи, даже съ нѣкоторымъ перевѣсомъ на сторонѣ нашего молодаго поколѣнiя. Кромѣ того, Буняковскiй разсматривалъ вопросъ о томъ, какое влiянiе имѣетъ увеличенiе нормы средняго возраста пенсiонеровъ на полный итогъ пенсiонеровъ, соотвѣтствующiй болѣе или менѣе отдаленной эпохи, считая отъ времени открытiя дѣйствiй пенсiонной кассы. Этотъ нормальный или наибольшiй составъ пенсiонеровъ, какъ обусловливающiй собою средства, которыми касса должна была располагать, не подвергаясь опасности сдѣлаться несостоятельною, представляетъ элементъ, крайне необходимый при разсчетѣ всякаго пенсiоннаго учрежденiя.

Изслѣдованiя Буняковскаго, основанныя на одномъ эмпирическомъ законѣ смертности составляютъ удачное приложенiе математическихъ вычисленiй въ весьма важной задачѣ статистики. Рѣшенiе вопросовъ, относящихся къ страхованiю пожизненныхъ доходовъ и капиталовъ основано, какъ извѣстно, на сложномъ сочетанiи роста процентовъ съ указанiемъ таблицъ смертности, и нѣкоторыя задачи этого рода требуютъ утомительныхъ численныхъ выкладокъ. Это обстоятельство побуждало многихъ математиковъ и статистиковъ искать какiя нибудь эмпирическiя формулы, по которымъ можно бы было опредѣлить сколько изъ даннаго числа новорожденныхъ доживаетъ до извѣстнаго возраста, и попытки выразить алгебрически закона смертности дѣлаемы были Маавромъ, а также и нѣкоторыми другими.

Къ той же цѣли стремился и Буняковскій, но избралъ путь, совершенно отличный отъ того, по которому шли его предшественники. Вмѣсто того, чтобы искать непосредственной зависимости между возрастомъ и числомъ лицъ, доживающихъ до этого возраста изъ даннаго числа новорожденныхъ, онъ принялъ въ соображеніе другой элементъ—среднюю жизнь, и, основываясь на простой зависимости средней жизни отъ возраста, вывелъ аналитическимъ путемъ законъ смертности.

По приглашенію разныхъ вѣдомствъ, В. Я. Буняковскій занимался теоретическою разработкой множества уставовъ эмеритальныхъ кассъ, принимая дѣятельное участіе въ трудахъ повѣрочной коммиссіи, учрежденной для обозрѣнія дѣйствія эмеритальной кассы военно-сухопутнаго вѣдомства за первыя десять лѣтъ ея существованія. По желанію московскаго митрополита Иннокентія, Викторъ Яковлевичъ занимался разсмотрѣніемъ проектовъ эмеритальной кассы для духовенства московской эпархіи, дополнивъ ихъ собственными соображеніями о размѣрахъ пожизненныхъ пенсій. Въ 1873—1874 годахъ Викторъ Яковлевичъ издалъ свои „Антропобіологическія изслѣдованія и ихъ приложоніе къ мужскому населенію Россіи,“ трудъ вѣсьма почтенный и во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательный, а въ приложеніи къ запискамъ академіи наукъ помѣстилъ прекрасную статью: „Вѣроятный контингентъ русской арміи въ 1883—1886 г.“, служащую руководствомъ при рѣшеніи вопросовъ воинской повинности.

Съ 1864 года В. Я. Буняковскій состоитъ вице-президентовъ академіи наукъ, и въ этомъ званіи оказываетъ просвѣщенную заботливость всѣмъ подвѣдомственнымъ академіи учрежденіямъ и лицамъ, постоянно стремясь улучшать положенія первыхъ и обнаруживая доброту, справедливость и вниманіе къ интересамъ послѣднихъ. Самъ Викторъ Яковлевичъ ставитъ себѣ въ особенную заслугу участіе въ выборѣ членовъ въ академію наукъ, которое ознаменовалось самымъ блестящимъ успѣхомъ.

19-го мая 1875 года исполнилось пятьдесятъ лѣтъ съ того времени, какъ Викторъ Яковлевичъ былъ признанъ докторомъ матиматическихъ наукъ отъ парижскаго университета. Къ этому

времени имъ было написано до 115-ти мелкихъ сравнительно, и весьма крупныхъ мемуаровъ, и онъ былъ уже избранъ почетнымъ членомъ с.-петербургскаго и московскаго университетовъ московскаго математическаго общества, почетнымъ членомъ казанскаго и харьковскаго университетовъ. Многочисленность и важность трудовъ, которыми почтенный математикъ ознаменовалъ свою пятидесятилѣтнюю дѣятельность, польза, какую онъ принесъ долговременнымъ преподаванiемъ высшей математики въ разныхъ учебныхъ заведенiяхъ столицъ, и въ собщность уваженiя, которое снискалъ онъ себѣ у всѣхъ знающихъ его,—все это внушило ближайшимъ друзьямъ и почитателямъ Виктора Яковлевича мысль достойнымъ образомъ отпразновать день его юбилея и увѣковѣчить память о заслугахъ юбиляра учрежденiемъ въ честь его особой премiи. Съ этою цѣлью, за нѣсколько мѣсяцевъ до наступленiя 19-го мая 1875 года, вице-адмиралъ Зеленый, и академики Чебышевъ, Веселовскiй, Сомовъ и Савичъ образовали собою комитетъ для обсужденiя подробностей предположеннаго торжества. Согласно предложенiю этого комитета было испрошено, чрезъ Министра Народнаго просвѣщенiя, Высочайшее соизволенiе на празднованiе юбилея и наоткрытiе подписки для сбора денежныхъ пожертвованiй, съ тѣмъ, чтобы составившуюся такимъ образомъ сумму употребить на выбитiе медали, а если затѣмъ окажется остатокъ, обратить его на какое либо предпрiятiе, полезное для науки. Вслѣдствiе этого многимъ лицамъ, выразившимъ желанiе содѣйствовать комитету, были розданы подписные листы, которые вскорѣ и наполнились именами жертвователей. За расходами на торжество отъ этой подписки осталось болѣе трехъ съ половиной тысячъ капитала, на проценты съ котораго основана премiя имени г. Буняковскаго.

Начало юбилейнаго праздника Виктора Яковлевича было ознаменовано радостною для него вѣстiю о Монаршихъ высокихъ милостяхъ. Г. Министръ просвѣщенiя графъ Дмитрiй Андреевичъ Толстой лично поздравилъ юбиляра съ двумя Высочайшими наградами: орденомъ св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго и назначенiемъ пожизненнаго аренднаго производства по двѣ тысячи пятьсотъ рублей ежегодно. Затѣмъ онъ

былъ осчастливленъ милостивѣйшимъ рескриптомъ Его Императорскаго Высочества Августѣйшаго Генералъ-Адмирала.

Въ двѣнадцать часовъ дня въ квартирѣ В. Я. Буняковскаго принесла ему задушевное поздравленіе академія наукъ въ составѣ своихъ трехъ отдѣленій и служащихъ при ней, съ Президентомъ ва главѣ. Тутъ же Президентъ академіи графъ Ѳедоръ Петровичъ Литке вручилъ Виктору Яковлевичу выбитую въ память юбилея медаль и роздалъ серебрянные экземпляры ея членамъ семейства юбиляра. Удостоили юбиляра адресами и телеграммами поздравительнаго содержанія университеты: петербургскій, московскій, харьковскій, казанскій, варшавскій и дерптскій; Николаевская главная астрономическая обсерваторія, Московское вѣдомство, Академическій курсъ морскихъ наукъ, замѣнившій прежніе офицерскіе классы, въ многолѣтнею службою въ которыхъ соединены самыя отрадныя воспоминанія Виктора Яковлевича, Горный Институтъ, Николаевская Академія генеральнаго штаба, Центральный статистическій Комитетъ, Московское Математическое Общество, Московское Общество Русскихъ врачей, сѣверозападный Отдѣлъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества, Петровская Полтавская военная гимназія—всѣ эти учрежденія съ задушевною признательностію вспомнили благодѣтельные для нихъ труды юбиляра. Въ тотъ же день происходилъ, въ честь Буняковскаго, обѣдъ по подписки въ обширной залѣ отеля „Демутъ.“

Въ 1878 году семейнымъ образомъ былъ отпразднованъ пятидесятилѣтній юбилей академической научной дѣятельности Виктора Яковлевича Буняковскаго, въ его собственной квартирѣ. На этомъ празднествѣ присутствовалъ предсѣдатель его, графъ Литке, а академикъ Гротъ прочелъ соотвѣтствующее случаю стихотвореніе. Въ оба раза вполнѣ обнаружилось горячее участіе и любовь къ Буняковскому его сослуживцевъ и собратій по науки, что очень тронуло юбиляра.

VIII.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ДОБРОЛЮБОВЪ.

Николай Александровичъ Добролюбовъ происходилъ изъ той среды, которая дала не мало общественныхъ дѣятелей, особенно въ областяхъ литературы и медицины. Онъ сынъ священника Никольской церкви въ Нижнемъ-Новгородѣ. Дѣтство до одинадцатилѣтняго возраста провелъ дома, въ своей семьѣ, состоявшей изъ десяти—двѣнадцати членовъ. Многочисленная семья и сравнительно скудныя матеріальныя средства поглощали всю энергію и спокойствіе ея главы, дѣлали изъ него человѣка мрачнаго, подъ—часъ несправедливаго, способнаго на придирки ко всѣмъ и каждому отъ выносливой жены и до нѣжно любимаго дитяти включительно. Добролюбовъ въ своемъ дневникѣ слѣдующимъ образомъ рисуетъ внутреннее настроеніе своего отца: „Можетъ, я ужъ не долго проживу,—говорилъ отецъ. Отъ такихъ безпокойствъ, тревогъ и непріятностей поневолѣ захочешь умереть; лучше прямо въ могилу, чѣмъ этакъ жить. Ничего въ свѣтѣ нѣтъ для меня радостнаго; ни гдѣ я не найду отрады, весь свѣтъ—подлецъ.“ Самъ энергично занимаясь дѣлами и вникая въ мельчайшія потребности хозяйства, Александръ Ивановичъ требовалъ тоже и отъ пятнадцатилѣтняго сына; хотѣлъ, чтобы тотъ имѣлъ уже практическій взглядъ на жизнь. „Умѣй беречь деньгу,

VIII.

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ
ДОБРОЛЮБОВЪ.

[illegible]
той [illegible]
бев [illegible]
ни [illegible]
до [illegible]
сос [illegible]
сем [illegible]
вск [illegible]
мра [illegible]
ко [illegible]
дит [illegible]
дук [illegible]
„М [illegible]
без [illegible]
рет [illegible]
тѣ [illegible]
свѣ [illegible]
мел [illegible]
бова [illegible]
имѣлъ у [illegible]

Н Добролюбовъ

безъ денегъ ничего не сдѣлаешь; деньги — охъ, трудно достаются. Надо умѣть да и умѣть ихъ пріобрѣтать.“ Александръ Ивановичъ поэтому не могъ видить равнодушнаго отношенія сына къ хозяйству и не допускалъ, что-бы сынъ въ то время, какъ отецъ озабоченъ потерей въ хозяйствѣ, могъ спокойно идти спать. Онъ позвалъ Николая Александровича и высказалъ, что, если-бы онъ хоть мало-мальски радѣлъ отцу, жалѣлъ его, если бы у него было хоть немного мозгу въ головѣ, то онъ не оставилъ бы отца безъ вниманія. „Ты дуракъ, изъ тебя толку немного выйдетъ; говорилъ Добролюбову отецъ; ты ученъ, хорошо сочиняешь, но все это вздоръ. Ты дуракъ и будешь всегда дуракомъ въ жизни, потому что ты ничего не умѣешъ и не хочешь дѣлать.“ При такомъ настроеніи, конечно, виноваты были всѣ: „вы меня не слушаетесь, вы меня мучите; когда нибудь вспомните, что̀ я говорилъ, да будетъ поздно. Какъ меня не будетъ, вы съ голоду всѣ умрете. Не много въ тебѣ мозгу, а еще умнымъ считаешься. „Хотя это бы лописано Добролюбовымъ на пятнадцатомъ году жизни, но вѣроятно, и его дѣтскіе годы проходили подъ такими же впечатлѣніями, подъ такимъ практически-дѣловымъ вліяніемъ.

При помощи отца и матери Зинаиды Васильевны, женщины умной и доброй, уже на пятомъ году Добролюбовъ умѣлъ читать и писать; Зинаида Васильевна со словъ научала его произносить нѣкоторыя басни Крылова, что онъ и дѣлалъ, почти безъ всякихъ усилій, въ совершенствѣ. Когда Добролюбову исполнилось восемь лѣтъ, къ нему былъ приглашенъ учитель, семинаристъ философскаго класса, Костровъ, который впослѣдствіи женился на сестрѣ Добролюбова. Подготовленный основательно Костровымъ, Николай Алексанровичъ въ 1847 году поступилъ въ духовное училище и черезъ два года былъ переведенъ въ семинарію. Тотчасъ съ поступленіемъ въ семинарію Добролюбовъ обратилъ на себя вниманіе любовью къ чтенію, которому отдался со всею страстью молодой души, причемъ одинаково интересовался учеными и „легкими“ статьями. По успѣхамъ собственно въ семинарскихъ наукахъ онъ стоялъ первымъ; но привелъ въ удивленіе професоровъ своими объемистыми сочиненіями, дохо-

дившими до ста листовъ и написанными менѣе, чѣмъ въ мѣсяцъ; замѣчательно, что такое вниманіе онъ отдавалъ философіи. Для характеристики Добролюбова въ это время будетъ имѣть значеніе слѣдующее его стихотвореніе:

Силъ молодецкихъ размахи широкіе!
Я никогда васъ не зналъ.
Съ первыхъ лѣтъ дѣтства усвоилъ уроки я
Смиренно-мудрыхъ началъ.
Только и зналъ, что корпѣлъ всё надъ книжками.
Горбясь да портя глаза.
Если ругнетъ кто, бывало, мальчишкою —
Такъ и прохватитъ слеза.
Гордо смотрѣлъ я на шалости сверстниковъ,
Бѣгалъ ихъ игръ молодыхъ:
Все добивался быть въ роли наперстниковъ.
У резонеровъ сѣдыхъ.
Старцы мой умъ и степенность прославили;
Въ школѣ все первымъ я былъ:
Дѣтямъ знакомымъ въ примѣръ меня ставили —
Какъ я послушенъ и милъ.
Сами товарищи местью обычною
Мнѣ вы хотѣли платить:
Видно, фигуру такую приличную
Было не ловко дразднить.

Проходя семинарскій курсъ Добролюбовъ не переставалъ мечтать объ университетѣ. Но при мысли объ университетѣ у каждаго молодаго человѣка той среды, изъ которой происходилъ Добролюбовъ, является вопросъ, на какія средства онъ будетъ существовать. Естественно было со стороны его обратиться къ отцу. Но отецъ прямо заявилъ что средствъ на то, онъ дать не въ состояніи. Пришлось отправиться на казенный счетъ въ духовную академію. По пріѣздѣ въ Петербургъ Добролюбовъ узналъ, что есть еще одно заведеніе куда принимаютъ на казенное содержаніе—это Педагогическій Институтъ существовавшій при Университетѣ. Онъ великолѣпно сдалъ экзаменъ по всѣмъ предметамъ, кромѣ математики, физики и французскаго языка, которыя зналъ хуже, и въ 1853 году зачисленъ студентомъ Педогогическаго Института. Но не успѣлъ Добролюбовъ, какъ слѣдуетъ, углубиться въ изученіе предметовъ новаго курса, какъ

судьба нанесла ему два, почти сряду одинъ за другимъ послѣдовавшіе удара. Страшная вѣсть о смерти нѣжнолюбимой имъ матери поразила его до глубины сердца, и не свыкся еще онъ съ этой потерей, какъ тяжкая болѣзнь свела въ могилу его отца: семья изъ восьми человѣкъ осталась нарукахъ Добролюбова почти безъ всякихъ средствъ къ существованію. Въ отчаяніи Добролюбовъ хотѣлъ покинуть институтъ и опредѣлиться учителемъ уѣзднаго училища; но, къ его счастію, родственники настояли на томъ, что-бы онъ кончилъ курсъ, а дѣтей взяли къ себѣ. Тѣмъ не менѣе Добролюбова не покидала мысль о нравственной обязанности замѣнить для братьевъ и сестеръ отца, и онъ сталъ давать уроки и писать статьи, что-бы послать нѣсколько денегъ роднымъ. Конечно, вся тяжесть семейнаго горя, упавшая такъ неожиданно на его голову, не могла не повліять какъ на его здоровье, такъ и на умственныя и нравственныя убѣжденія. „За что́ такъ строга судьба?“ сказалъ онъ разъ одному изъ своихъ товарищей по Институту: „матушка моя — была такъ религіозна, такъ набожна и такъ необходима для всей семьи нашей... Зачѣмъ было отнимать её у насъ?.. Поневолѣ задумаешься...“ Однако его энергія была такова, что сломить её было не подъ силу и такому большому горю. Добролюбовъ очень усердно посѣщалъ лекціи професоровъ, записывая ихъ, но не хотѣлъ тратить времени на писательную отдѣлку или даже переписку ихъ. Все свободное отъ занятій время онъ употреблялъ на чтеніе журналовъ и книгъ самаго разнообразнаго содержанія, хотя, позамѣчанію одного біографа, оставлялъ и охотно всякое ученое занятіе для живаго разговора съ умными товарищами или знакомыми. Онъ окончилъ курсъ въ 1857 году съ аттестатомъ на званіе старшаго учителя гимназіи. Благодаря однако ходатайству профессоровъ Срезневскаго и Благовѣщенскаго, замѣтившихъ въ студентѣ талантъ, Николай Алексанровичъ былъ освобожденъ отъ обязательной службы и по выходѣ изъ института посвятилъ свои силы исключительно литературѣ.

Влеченіе къ литературнымъ занятіямъ проснулось въ Добролюбовѣ рано. Въ среднемъ отдѣленіи семинаріи онъ изготовилъ сорокъ стихотвореній своихъ для Москвитянина, хотя ему

не удалось почему-то послать ихъ туда; въ 1852 году онъ послалъ въ „Сынъ Отечества" двѣнадцать пiесъ подъ псевдонимомъ Владимiра Ленскаго. Съ переходомъ въ институтъ Николай Александровичъ переводилъ для журналовъ, съ 1-го сентября 1855 года сталъ издавать свою рукописную газету „Слухи", окончившую свое существованiе черезъ четыре мѣсяца на 19-мъ нумерѣ. Вмѣстѣ съ этимъ онъ испробовалъ свои силы по части беллетристики и, написавъ нѣсколько главъ повѣсти, понесъ ее въ редакцiю „Современника," гдѣ ему сказали, что онъ пишетъ *критику* на придуманныя имъ самимъ сцены, а вовсе не художественно-беллетристическое произведенiе. Это замѣчанiе навело Добролюбова на мысль заняться критикой. И дѣйствительно будучи студентомъ 3-го курса, онъ выступилъ на литературное поприще въ „Современникѣ" статьею „Собесѣдники Любителей русскаго слова," напечатанной лѣтомъ 1856 года. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, тамъ же напечаталъ онъ разборъ „Акта Главнаго Педагогическаго Института," Въ обѣихъ этихъ статьяхъ," говоритъ Скабичевскiй въ своихъ „Очеркахъ развитiя нашего Общества," „Добролюбовъ выступилъ не такъ, какъ обыкновенно выступаютъ начинающiе писатели, а во всей силѣ и зрѣлости таланта, вполнѣ сформировавшагося; онъ уже стоялъ впереди своего вѣка, и первыя статьи его являются передъ нами нисколько не слабѣе послѣднихъ, писанныхъ передъ смертью, и въ статьѣ объ актѣ вы видите ту же спокойную, сдержанную и тѣмъ болѣе безпощадную иронiю, какую можете встрѣтить и въ послѣднихъ статъяхъ „Свистка." Не смотря однако на основательность статей, мы смѣло называемъ ихъ подготовительной работой Добролюбова: чрезъ нихъ онъ убѣдился въ силѣ своего таланта, но не началъ вслѣдъ за ними своего непрерывнаго участiя въ литературѣ. Этому причиной было то дальновидное предположенiе критика, что его статьи могутъ доставить ему много непрiятностей въ Институтѣ и что лучше еще на годъ отложить предложенное сотрудничество въ „Современникѣ." Въ половинѣ 1857 года Николай Александровичъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ журнала, а черезъ годъ принялъ на себя отдѣлъ критики и библiографiи, которые и стали наполнятся почти

исключительно его статьями. Псевдонимами его были: Конрадъ Лиліеншвагеръ, Яковъ Хамъ, Лайбовъ (Ник*олай* Добролю*бовъ*), и др.; ими онъ подписывалъ по большей части стихотворные экстромпты для осмѣянія различныхъ отрицательныхъ явленій литературъ и жизни. Дѣятельность Николая Александровича Добролюбова, продолжалась около пяти лѣтъ, хотя собраніе его литературныхъ трудовъ, вѣроятно, всѣхъ удивляетъ массою того, что́ имъ сдѣлано, а еще болѣе достоинствомъ написаннаго и количествомъ вопросовъ имъ поднятыхъ. Ему принадлежитъ значительная доля участія въ передѣлкѣ нравственнаго имущества доставшагося намъ по наслѣдству отъ прошедшаго поколѣнія. Мы знаемъ, какой тонкій цѣнитель художественности въ литературѣ былъ Бѣлинскій; это была исключительно его однаго сфера, въ которой онъ вращался свободно и блисталъ своимъ талантомъ и чутьемъ, прекрасно анализируя мельчайшія подробности художественныхъ произведеній. Если онъ обращался къ жизни, то не могъ взглянуть на нее прямо, потому что не могъ отрѣшиться отъ горячаго, мечтательнаго пантеизма Шеллинга и отъ безпощадной діалектики Гегеля. Добролюбовъ недолго останавливался на художественной оцѣнкѣ; весьма часто онъ ограничивался нѣсколькими строками, немедленно переходилъ къ важнѣйшему для него вопросу, къ жизни, породившей это произведеніе, раскрывалъ тайные и явные ея изгибы, отыскивалъ причины нашихъ горестей и страданій, воодушевлялъ на борьбу, на подвигъ. Вооруженный болѣе реальными требованіями, чѣмъ Бѣлинскій, этой стороной онъ часто заслонялъ выводы эстетической критики, которой никогда не отвергалъ и только на основаніи ея подходилъ къ тому или другому художественному произведенію. Вотъ почему художественная оцѣнка какъ бы являлась у него на второмъ планѣ, какъ и слѣдовало ожидать по времени, когда успѣхи естественныхъ наукъ расшатали авторитетъ нѣмецкихъ идеалистовъ. Естествоиспытатели внесли слово отрицанія въ сферу обольстительнаго идеализма, у многихъ явилась смѣлость подойти къ истинѣ и прямо взглянуть на нее. Критика поняла, что опираясь только на реальное знаніе, можно подойти къ близкой оцѣнкѣ предмета. Мѣрой достоинства

писателя или отдѣльнаго произведенія Добролюбовъ принималъ отношенія ихъ къ стремленіямъ извѣстнаго времени или народа. Съ этими качествами Добролюбовъ оцѣнилъ Тургенева, Гончарова и Островскаго — вотъ первая заслуга его плодотворной хотя и непродолжительной дѣятельности.

Самый серьезный и замѣчательный результатъ критической дѣятельности Добролюбова представляетъ его оцѣнка Островскаго. Чѣмъ Бѣлинскій былъ для Гоголя, то Добролюбовъ для Островскаго. Островскому отдаетъ Добролюбовъ предпочтеніе предъ всѣми современными ему писателями—художниками, потому что другіе брали частныя явленія, временныя; внѣшнія требованія общества, которыя изображали съ большимъ или меньшемъ успѣхомъ. Но тѣ писатели, которые брали внутреннюю сторону жизни, ограничивались очень тѣснымъ кругомъ и подмѣчали такія явленія, которыя далеко не имѣли общенароднаго значенія. Таково, напримѣръ, въ безчисленномъ множествѣ повѣстей изображеніе людей, ставившихъ по развитію выше окружающей ихъ среды, но лишенныхъ энергіи воли и погибающихъ въ бездѣйствіи. Всѣ они попадали лишь въ небольшую часть общества и не имѣли почти никакого отношенія къ большинству. Не говоря о массѣ народа, даже въ среднихъ слояхъ общества мы видимъ гораздо даже больше людей, которымъ еще нужно пріобрѣтеніе и уясненіе правильныхъ понятій, нежели такихъ, которые съ пріобрѣтенными идеями не знаютъ, куда и дѣваться. Дѣло Островскаго, по мнѣнію Добролюбова, гораздо плодотворнѣе: онъ захватилъ такія общія стремленія и потребности, которыми проникнуто все русское общество, которыхъ голосъ слышится во всѣхъ явленіяхъ нашей жизни, которыхъ удовлетвореніе составляетъ неоходимое условіе нашего дальнѣйшаго развитія. Опредѣляя талантъ Островскаго, Добролюбовъ показываетъ, какъ обширна сфера, подлежащая его наблюденіямъ, до какой степени важны тѣ стороны фактовъ, которыя его занимаютъ, и какъ глубоко проникаетъ онъ въ нихъ. Для этого, говоритъ Добролюбовъ, необходимо реальное разсмотрѣніе того, что есть въ его произведеніяхъ. Островскій умѣетъ заглядывать въ глубь души человѣка, умѣетъ отличать натуру отъ всѣхъ извнѣ при-

нятыхъ уродствъ и наростовъ; оттого внѣшній гнетъ, тяжесть всей обстановки, давящей человѣка, чувствуются въ его произведеніяхъ гораздо сильнѣе, чѣмъ во многихъ разсказахъ, страшно возмутительныхъ по содержанію, но внѣшнею, оффиціальною стороною дѣла заслоняющихъ внутреннюю, человѣческую сторону.—Дѣятельность общественная мало затронута въ комедіяхъ Островскаго, такъ какъ у насъ недостаточно развито чувство общественности. За то у Островскаго чрезвычайно полно и рельефно, по словамъ Добролюбова, выставлены два рода отношеній — отношенія семейныя и отношенія по имуществу. Поэтому драматическія каллизіи и катастрофы у Островскаго всѣ происходятъ вслѣдствіе столкновенія двухъ партій — старшихъ и младшихъ, богатыхъ и бѣдныхъ, своевольныхъ и безотвѣтныхъ. Ясно, что развязка подобныхъ столкновеній по самому существу дѣла, должна имѣть довольно крутой характеръ и отзываться случайностію. Съ такими предварительными соображеніями вступаетъ Добролюбовъ въ этотъ міръ, открываемый произведеніями Островскаго, и всматривается въ обитателей этого міра, который называетъ „темнымъ царствомъ“ и которой живописуетъ своей кретически-анализирующей талантливой кистью. Это безспорно лучшія страницы, оставленныя Добролюбовымъ и свидѣтельствующія о его горячемъ патріотизмѣ. Такова заслуга Добролюбова русской литературѣ.

Но не менѣе важна заслуга Добролюбова русской жизни заслуга, которую онъ оказалъ разсмотреніемъ вопросовъ о воспитаніи и о состоятельности современнаго ему направленія русскаго общества.

Вопросъ о воспоминаніи былъ самый близкій и дорогой для Добролюбова. Съ напряженнымъ вниманіемъ и горячей любовью онъ слѣдилъ за всѣмъ, что происходило въ жизни отражалось въ литературѣ по этому вопросу. Это весьма естественно. Ложь и неправда, порокъ и невѣжество, суевѣріе и самодурство до того срослись съ жизнію „Темнаго царства“, мрачныя силы его до того сильно дѣйствовали даже на лучшихъ представителей, парализовали ихъ добрыя начинанія, вселяли тоску и апатію, подтачивали самостоятельную дѣятельность, сковывали волю,

что есть изъ за чего прійдти въ отчаяніе. Вотъ почему люди такого закала, какъ Добролюбовъ, переносятъ всю свою надежду на будущія поколѣнія, отъ нихъ ожидаютъ выхода на свѣтъ и широкую дорогу истины. Для нихъ вопросъ о воспитаніи положительно самый важный, самый главный. Съ дѣятельностію Добролюбова по этому вопросу тѣсно связано его столкновеніе съ взглядами на этотъ предметъ Пирогова, извѣстнаго въ медицинѣ и въ педагогикѣ дѣятеля. Добролюбовъ первоначально вѣрилъ всей силой своей молодой души въ авторитетъ Пирогова, какъ педагога; но возмущенъ былъ до глубины сердца уступкой, которую Пироговъ сдѣлалъ будто-бы мѣстнымъ условіямъ для тѣлеснаго наказанія. Добролюбовъ написалъ такую безпощадно-ироническую статью по этому поводу, что возбудилъ необычайный шумъ и нападки противъ себя во всей литературѣ. Это его знаменитая статья: „Всероссійскія иллюзіи, разрушаемыя розгами“.

Послѣдніе полтора года своей жизни Добролюбовъ провелъ за границей для поправленія своего здоровья, вернулся однако въ Петербургъ больнымъ и 17-го ноября 1861-го года скончался. Могила этого честнаго русскаго дѣятеля находится на Волковомъ кладбищѣ.

что есть изъ за чего прійдти въ отчаяніе. Вотъ почему люди такого зака [illegible] надежду на [illegible] поколѣнія, отъ [illegible] на св [illegible] питан [illegible] тельно [illegible] Добролюбова по этому вопросу [illegible] столк [illegible] наго въ медицинѣ и въ педагогикѣ дѣятеля. Добролюбовъ первоначал [illegible] тетъ [illegible] сердца [illegible] нымъ [illegible] салъ [illegible] что возбудилъ необычайный шумъ и нападки противъ себя во всей [illegible] иллюзі [illegible]

П [illegible] за гра [illegible] въ Пе [illegible] чался. [illegible] на Волковомъ кладбищѣ.

A. H. Caburb

IX.

АКАДЕМИКЪ АЛЕКСѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ САВИЧЪ.

А. Н. Савичъ родился 17-го марта 1811 года, въ Бѣловодскѣ, Сумскаго уѣзда, Харьковской губерніи. Образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, въ которомъ окончилъ курсъ наукъ по физико-математическому факультету. Въ 1833 году удостоенъ степени магистра; съ 1834 года занимался въ Дерптскомъ Университетѣ Астрономіею подъ руководствомъ В. Я. Струве. Въ 1836 году былъ назначенъ членомъ экспедиціи для измѣренія возвышенія уровня Чернаго моря надъ уровнемъ Каспійскаго моря.

Со временъ Палласса, члена С.-Петербургской Академіи Наукъ и знаменитаго, ученаго путешественника по Европейской Россіи и Сибири въ послѣдней четверти прошедшаго столѣтія, Каспійское море стало обращать на себя вниманіе естествоиспытателей. Чѣмъ развѣданнѣе становились воды и окрестности этого величайшаго соленаго озера въ зоологическомъ и геологическомъ отношеніяхъ, тѣмъ болѣе росло желаніе ученаго міра узнать наконецъ съ точностью величину разности между уровнями Каспійскаго и Чернаго морей.

Многіе изъ весьма заслуженныхъ членовъ С.-Петербургской Академіи Наукъ, какъ то Парротъ, Энгельгардтъ, Вишневскій

Ленцъ и Гёбель старались рѣшить эту задачу посредствомъ барометрическихъ нивелированій. Результаты добытые этими учеными, сводились къ тому, что съ большою вѣроятностью уровень Каспійскаго моря лежитъ ниже Чернаго моря; но по существу самого барометрическаго нивелированія, невозможно было достигнуть болѣе опредѣлительного результата и касательно этого предмета продолжала существовать довольно значительная разногласица.

Для уничтоженія этого разногласія и для окончательнаго точнаго рѣшенія вопроса, Императорская Академія Наукъ составила въ 1863 году проэктъ о снаряженіи специальной экспедиціи для производства точной тригонометрической нивелировки между Чернымъ и Каспійскимъ морями. Проэктъ сей удостоился всемилостивѣйшаго утвержденія Императоромъ Николаемъ Павловичемъ и по повеленію его были отпущены на экспедицію самыя щедрыя средства, такъ что, она могла еще въ іюлѣ того же 1836 года, снабженная превосходными инструментами, отправиться къ мѣсту своего назначенія.

Членами этой экспедиціи Академія избрала кромѣ А. Н. Савича, бывшаго тогда еще молодымъ магистромъ, двухъ молодыхъ астрономовъ Фусса и Саблера. Хотя эти ученые и работали по инструкціи, составленной нашимъ знаменитымъ астрономомъ В. Струве; но по трудности исполненія точной тригонометрической нивеллировки на столь большомъ протяженіи, успѣхъ работы во многомъ зависилъ отъ искуства этихъ молодыхъ наблюдателей. Операціонная линія этой нивелировки начиналась съ береговъ Азовскаго моря и проходила частью по Екатеринославской губерніи, частью по землѣ Войска Донскаго, и затѣмъ шла далѣе чрезъ всю Кавказкую область вплоть до береговъ Каспійскаго моря. Мѣстность представляла сначала равнину, усѣянную небольшими холмами, или курганами; не доходя 10 миль до Ставрополя она стала постепенно возвышаться и достигла своей наибольшей высоты нѣсколько миль къ юговостоку, пройдя этотъ городъ. Это наивысшее мѣсто составляетъ повидимому водораздѣлъ, по отношенію кавказскихъ рѣкъ, между Каспійскимъ и Азовскимъ или Чернымъ морями. Далѣе

къ востоку мѣстность мало по малу понижается и отъ города Георгіевска тянется непрерывно, совершенно плоскою равниною, до береговъ Каспійскаго моря.

Мы не можемъ вдаваться здѣсь въ изложеніе многоразличныхъ затрудненій, представлявшихся молодымъ ученымъ во время производства нивелированія, и способовъ употребленныхъ А. Н. Савичемъ для преодолѣнія ихъ; но мы должны сказать нѣсколько словъ о полученномъ имъ окончательномъ результатѣ относительно разности, существующей между уровнями Каспійскаго и Азовскаго или Чернаго морей.

Если возьмемъ въ соображеніе результаты однихъ спокойныхъ визированій, то по способу противуположныхъ и одновременныхъ измѣреній зенитныхъ разстояній оказывается, что уровень Азовскаго моря лежитъ выше уровня Каспійскаго моря на 78,1 футовъ. По способу же визированія изъ средины стана оказывается, что превышеніе уровня Азовскаго моря надъ уровнемъ Каспійскимъ равняется 82,5 футамъ.

Кромѣ этого А. Н. Савичъ опредѣлилъ болѣе точнымъ образомъ, нежели какъ было сдѣлано до него, географическое положеніе и высоты замѣчательнѣйшихъ изъ кавказкихъ сопокъ.

Исполинскія Кавказкія горы, простирающіяся на разстояніе болѣе 100 миль, были неоднократно и съ живѣйшимъ участіемъ посѣщаемы естествоиспытателями. Еще въ 1812 году академикъ Парротъ старался посредствомъ барометрическихъ измѣреній опредѣлить высоту Казбека, а позже него и тѣмъ же путемъ академикъ Купферъ опредѣлялъ высоту Эльборуса, но для А. Н. Савича и его сотрудниковъ въ особенности интересны опредѣленія высоты Эльборуса академикомъ Вишневскимъ, который, не смотря на скудность своихъ средствъ, измѣрилъ эту высоту превосходнѣйшимъ образомъ и съ большею точностью. Работа этого ученаго не оставляла бы ничего желать болѣе, еслибы ему были точнѣе извѣстны превышенія мѣста наблюденія надъ уровнемъ моря и еслибы коеффиціенты рефракціи, которые онъ употреблялъ, были вѣрнѣе. Поэтому заслуга А. Н. Савича несомнѣнна, что онъ во время производства тригоно-

метрической нивелировки по вышеприведенной операціонной линіи, не упускалъ изъ виду, когда только представлялась къ тому возможность, наблюдать главнѣйшія сопки кавказкихъ горъ, и хотя разстоянія становъ Савича отъ этихъ сопокъ никогда не были меньше 15 миль; не смотря однако же на это, имѣлась возможность изъ совокупности всѣхъ измѣреній опредѣлить съ достаточною точностью, какъ географическое положеніе главнѣйшихъ сопокъ, такъ и вышину ихъ.

Въ 1839 г. Алексѣй Николаевичъ удостоенъ степени доктора философіи Совѣтомъ Дерптскаго Университета и въ концѣ того же года былъ опредѣленъ экстраординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ астрономіи и геодезіи въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Въ 1846 году онъ произведенъ въ ординарные профессоры, а въ 1861 году избранъ членомъ С.-Петербургской Академіи. Сверхъ того преподавалъ астрономію и геодезію въ Морской Академіи и въ Академіи Генеральнаго Штаба по Геодезическому Отдѣленію.

Въ 1866, 1867 и 1868 годахъ по порученію Академіи Наукъ онъ произвелъ наблюденія, вмѣстѣ съ гг. Ленцомъ и Смысловымъ, для опредѣленія длины секунднаго маятника въ разныхъ точкахъ дуги меридіана между Торнео въ Финляндіи и берегами Дуная. Результаты наблюденій помѣшены въ Запискахъ С.-Петерб. Академіи Наукъ.

Сверхъ того онъ наблюдалъ въ теченіи многихъ годовъ въ Малой астрономической Обсерваторіи положенія планетъ во время ихъ противостоянія.

Списокъ сочиненій А. Н. Савича.

Приводимъ заглавія сочиненій А. Н. Савича на русскомъ языкѣ, хотя многія изъ нихъ написаны авторомъ на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ.

1. О высотѣ Каспійскаго моря и главнѣйшихъ кавказскихъ сопокъ. Дерптъ. 1839.

2. Практическая Астрономія вышла въ двухъ изданіяхъ и въ переводѣ на нѣмецкій языкъ, что свидѣтельствуетъ о пре-

восходствѣ этой книги, при богатствѣ нѣмецкой ученой литературы.

3. Начало математической географіи и космографіи. 1851.

4. Приложеніе теоріи вѣроятностей къ геодезіи и астрономіи. Переведена на нѣмецкій.

5. Опредѣленіе времени чрезъ наблюденіе прохожденія звѣздъ чрезъ вертикалъ полярной звѣзды. 1845.

6. Опредѣленіе орбиты спутника около его планеты. 1852.

7. Вычисленіе коеффиціента земной рефракціи. 1855.

8. Опредѣленіе географической долготы по луннымъ разстояніямъ. 1843.

9. Учебникъ Дифференціальнаго и Интегральнаго исчисленія. 1862.

Многія изъ его трудовъ помѣщены 1) въ Запискахъ Спб. Академіи Наукъ (объ астрономическомъ и земномъ преломленіи, объ удобнѣйшемъ вычисленіи орбитъ планетъ и колитъ изъ наблюденій и т. д.); 2) въ Memoirs of Astronomical Society (объ опредѣленіи орбиты вновь открытаго спутника изъ наблюденій; о силѣ тяжести въ разныхъ мѣстахъ западной части Россіи); 3) въ Американскомъ ученомъ журралѣ: Astronomical Journal (разныя неблюденія и статьи относящіяся къ теоріи движеній свѣтилъ) 4) вь журналѣ Германскаго астрономическаго Общества: объясненіе погрѣшностей при употребленіи штативовъ оборотныхъ маятниковъ, которое приходитъ въ колебательное движеніе вмѣстѣ съ качаніями маятника).

4) Въ разныхъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ 1880 году Алексѣй Николаевичъ покончилъ свои занятія въ Университетѣ и вышелъ въ отставку сохранивъ только званіе почетнаго члена Спб. Университета.

X.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ
УШИНСКІЙ.

Едва ли найдется уголокъ Россіи, гдѣ бы не было извѣстно имя Константина Дмитріевича Ушинскаго. Вотъ уже больше двадцати лѣтъ, какъ почти все молодое поколѣніе, едва взявшись за букварь, иначе не знакомится съ роднымъ языкомъ, какъ по его превосходнымъ учебникамъ. Его право на вниманіе русскаго общества, его заслуги въ педагогическомъ мірѣ такъ велики и несомнѣнны, что дать портретъ и біографію Константина Дмитріевича было давнишнимъ нашимъ желаніемъ, и если мы не могли сдѣлать этого раньше, то причина лежала въ трудности пріобрѣсти наиболѣе схожее его изображеніе.

Предлагая читателямъ главнѣйшія свѣдѣнія о жизни и дѣятельности К. Д. Ушинскаго, мы ограничиваемся только перечисленіемъ фактовъ, не имѣя возможности въ снятомъ очеркѣ входить въ разсмотрѣніе и не смѣя взять на себя оцѣнку педагогическихъ и литературныхъ трудовъ великаго поборника нашего общественнаго воспитанія и нашей народной школы,— трудовъ, поставившихъ его имя народу съ именами Амоса Коменскаго, Песталоцци и Карла Шмидта. Подробная біографія Ушинскаго составитъ вѣроятно, объемистую книгу. Не смотря на значительный промежутокъ времени со смерти Ушинскаго,

X.

КОНСТАНТИНЪ ДМИТРІЕВИЧЪ УШИНСКІЙ.

[illegible] имя [illegible] два[illegible] ши[illegible] ка[illegible] ру[illegible] ве[illegible] ти[illegible] мы [illegible] сдѣлать этого раньше, то причина лежала въ тру[illegible] но[illegible] наиболѣе схожее его изображеніе.

[illegible] тельности [illegible] пере-чи[illegible] входить въ разсмотрѣні[illegible] оцѣнку педагогическихъ и литературныхъ [illegible] поборника на-ше[illegible] трудовъ [illegible] скаго, [illegible] Ушинскаго составитъ вѣроятно, объемистую книгу. Не смотря на значительный промежутокъ времени со смерти Ушинскаго,

она еще не появилась и все ждетъ своего историка. Мы надѣемся что между лучшими представителями нашего педагогическаго міра найдутся люди, которые пополнятъ пробѣлъ и воздадутъ должное этому скромному труженику, достойному стать въ ряду съ самыми выдающимися государственными дѣятелями.

К. Д. Ушинскій родился въ Тулѣ, въ 1824 году. Онъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Отецъ его служившій сначала въ военной службѣ, былъ впослѣдствіи уѣзднымъ судьею въ Новгородъ-Северскѣ, Черниговской губерніи. Гимназія этого города пользовалась хорошею репутаціей, и молодой Ушинскій былъ отданъ въ нее, послѣ серьезной подготовки въ родительскомъ домѣ. Намъ не удалось добыть свѣдѣній о первыхъ годахъ жизни Ушинскаго и о гимназическомъ его ученіи. Извѣстно только, что онъ обучаясь въ гимназіи, жилъ въ домѣ родителей, удаленномъ отъ города версты на четыре, и каждый день пѣшкомъ ходилъ въ классы. Впослѣдствіи, Ушинскій всегда съ любовію вспоминалъ то мѣсто, въ которомъ провелъ первые годы юности. У его отца былъ довольно удобный домъ на высокомъ берегу Десны. Къ дому прилегалъ большой садъ въ которомъ вѣковые дубы. Здѣсь въ этомъ тихомъ уголкѣ, онъ научился любить природу и сельскую жизнь, и сохранилъ эту любовь до самой смерти.

Будучи 16-ти лѣтъ и съ успѣхомъ окончивъ гимназическій курсъ, въ 1840 году онъ поступилъ въ Московскій университетъ, по юридическому факультету. Съ самаго поступленія въ университетъ, онъ обратилъ на себя вниманіе товарищей. Его симпатичная наружность, черные выразительные глаза и бойкая рѣчь, его оригинальныя и вѣрныя сужденія о лекціяхъ о тогдашней литературѣ, о театрѣ, невольно возбуждали общее сочувствіе. Попечителемъ университета состоялъ тогда графъ С. Г. Строгановъ. Управленіе его составляетъ эпоху въ лѣтописяхъ университета, совершенно обновленнаго новыми силами. Большая часть каѳедръ занята была молодыми преподавателями, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшими изъ Германіи, гдѣ они до-

канчивали свое образованіе. Лекціи такихъ профессоровъ, какъ Грановскій, Крыловъ, Чивилевъ и др. имѣли громадное вліяніе на умственное развитіе Ушинскаго и на дальнѣйшее направленіе его занятій.

Съ самаго поступленія въ университетъ, Ушинскій уже выдавался изъ среды товарищей своими необыкновенными способностями. Получивъ посредственное первоначальное образованіе, какое давали наши провинціальныя гимназіи 30-хъ годовъ, плохо зная въ то время иностранные языки, которые онъ весьма основательно изучилъ впослѣдствіи,— онъ однако съ необыкновенною ясностью и легкостью усвоивалъ себѣ самыя трудныя философскія и юридическія теоріи. Онъ былъ совершенной находкой для своихъ товарищей по курсу, зачастую излагая имъ, ясно и просто, только-что прочитанную лекцію, понять которую было не легко, по ея крайней отвлеченности и сухости. Въ этихъ случаяхъ, а равно и на переходныхъ экзаменахъ, его объемистая память приносила ему громадную пользу. Во время студенчества, онъ много читалъ и старательно изучалъ нѣмецкій языкъ, чтобъ читать въ подлинникѣ своихъ любимыхъ авторовъ: Гёте, Гофмана и Жанъ-Поль-Рихтера. Пушкинъ также принадлежалъ къ числу его любимѣйшихъ поэтовъ. Въ послѣдніе годы университетскаго курса онъ началъ весьма прилежно заниматься изученіемъ философіи и русской исторіи, которую основательно зналъ по источникамъ.

Въ частномъ студенческомъ быту Константинъ Дмитріевичъ всегда былъ добрымъ и превосходнымъ товарищемъ, готовымъ подѣлиться съ своимъ ближнимъ послѣднимъ рублемъ. Онъ уже тогда отличался нѣкоторыми качествами, которыя впослѣдствіи надѣлали ему много враговъ,— именно полнѣйшею независимостью характера и привычкою высказывать каждому откровенно свои убѣжденія. Не смотря на это, онъ пользовался уваженіемъ и любовью своихъ товарищей. Природа, такъ щедро наградивъ его своими дарами, однимъ только его обидѣла — здоровьемъ. Городская жизнь всегда дѣйствовала губительно на его слабый организмъ и къ концу академическаго года онъ обыкновенно блѣднѣлъ, худѣлъ и харкалъ кровью. На время ва-

націй онъ всегда покидалъ Москву и проводилъ лѣто у своего отца — въ Новгородъ-Сѣверскѣ.

Весною 1844 года Константинъ Дмитріевичъ окончилъ университетскій курсъ вторымъ кандидатомъ правъ. Графъ С. Г. Строгоновъ обратилъ особенное вниманіе на его необыкновенныя способности и многостороннее образованіе и предложилъ ему мѣсто профессора въ ярославскомъ Демидовскомъ лицеѣ. Предложеніе было принято и Ушинскому поручено было преподавать энциклопедіи законовѣдѣнія государственнаго права и науки финансовъ.

Пробывъ лѣтъ шесть преподавателемъ въ Демидовскомъ лицеѣ, въ началѣ 50-хъ годовъ Константинъ Дмитріевичъ переселился въ Петербургъ женился тамъ и поступилъ на службу въ министерство внутреннихъ дѣлъ, которымъ управлялъ тогда Л. А. Перовскій, охотно привлекавшій къ себѣ на службу людей науки. Не будучи особенно стѣсняемъ службою и имѣя достаточно свободнаго времени, Ушинскій началъ изучать англійскій языкъ и литературу и много занимался изученіемъ философіи. Къ тому же времени относятся его первая статья, подъ заглавіемъ: „Поѣздка на Волховъ“ напечатанная въ сентябрьской книжкѣ „Современника“ за 1852 годъ. Съ этого времени онъ могъ бы сдѣлаться постояннымъ сотрудникомъ этого журнала, но позволилъ переманить себя г. Старчевскому, издававшему тогда „Библіотеку для Чтенія“. На Ушинскаго взвалили всю тяжелую журнальную работу, какъ-то: составленіе хроникъ и обозрѣній, разборъ выходившихъ книгъ и т. п. Этотъ безпрерывный и монотонный трудъ сильно отзывался на разстроенномъ здоровьѣ Ушинскаго и плохо обезпечивалъ его въ матеріальномъ отношеніи.

Къ счастію Константина Дмитріевича, въ 1855 году онъ случайно встрѣтился въ Петербургѣ съ П. В. Голохвостовымъ, бывшимъ начальникомъ своимъ по Демидовскому лицею, занимавшимъ тогда мѣсто директора Гатчинскаго сиротскаго Института. По предложенію Голохвостова, онъ принялъ должность преподавателя словесности и законовъ, а потомъ и инспектора классовъ въ Гатчинскомъ Институтѣ.

Однажды, осматривая библіотеку Института, онъ открылъ цѣлый шкапъ съ педагогическими сочиненіями первой четверти нынѣшняго столѣтія, къ которому никто не прикасался. Эта находка побудила его заняться изученіемъ педагогики. Онъ началъ изучать Базедова, Песталоцци, Дистервега, Карла Шмидта и др., и съ тѣхъ поръ до конца жизни, вся его дѣятельность была посвящена исключительно наукѣ воспитанія. Въ единственномъ тогдашнемъ „Журналѣ для Воспитанія" начали появляться одна за другой его статьи: „О пользѣ педагогической литературы" (1857 г.), „О народности въ общественномъ воспитаніи" (1857), „Три элемента школы" (1857), „Школьная реформа въ Америкѣ" (1858) и „Внутреннее устройство сѣверо-американскихъ школъ" (1858).

Къ этому же времени относится начало наиболѣе важныхъ трудовъ Ушинскаго — по составленію его руководствъ для первоначальнаго обученія. Такъ, „Дѣтскій Міръ и Христоматія" онъ началъ составлять еще въ 1858 году и выпустилъ ее въ свѣтъ только въ началѣ 1861 года. Эта превосходная во всѣхъ отношеніяхъ книга, составленная повидимому изъ такихъ простыхъ, легкихъ и безъискуственныхъ разсказовъ и описаній потребовала цѣлыхъ три года усидчиваго труда. Онъ по нѣскольку разъ передѣлывалъ каждую статейку, стараясь изложить ее въ такомъ видѣ, чтобъ она вполнѣ годилась для достиженія назначенной цѣли — постепеннаго развитія вниманія и мыслительной способности дѣтей. Языкъ этой книги представляетъ замѣчательный образецъ простого, правильнаго, логическаго и художественнаго изложенія мысли. „Дѣтскій Міръ" былъ напечатанъ въ количествѣ 3600 экземпляровъ. Книга имѣла громадный успѣхъ и въ томъ же 1861 году потребовалось еще два изданія; въ настоящее же время обѣ части „Дѣтскаго Міра" выдержали уже восемнадцать изданій и разошлись въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, сдѣлавшись, вслѣдствіе значительнаго пониженія цѣны, доступными для народныхъ школъ.

Педагогическіе труды и улучшенія въ учебной части, сдѣланныя Конст. Дм. въ Гатчинскомъ Институтѣ, обратили на него вниманіе начальства IV Отдѣленія собств. Е. И. В. Кан-

целяріи и онъ, въ 1859 г. назначенъ былъ инспекторомъ классовъ Императорскаго воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ и Спб. Александровскаго училища (Смольнаго Института). По его инициативѣ и подъ его руководствомъ произведены были въ Институтѣ очень важныя преобразованія и обновленъ составъ преподавателей.

Въ то время, — горячее время реформъ и обновленія общественнаго строя, министерство народнаго просвѣщенія приступало къ коренному преобразованію своихъ учебныхъ заведеній, не исключая низшихъ и среднихъ училищъ. Составляя и печатая въ своемъ журналѣ проекты уставовъ школъ и гимназій, министерство задумало преобразовать это изданіе въ спеціально-педагогическое. Съ этою цѣлью оно предложило въ 1860 г. Конст. Дмитр. взять на себя редакціи журнала. Однако тогдашняя печать отнеслась не сочувственно къ новой редакціи. Въ особенности же статьи Ушинскаго „Трудъ" и „О нравственномъ элементѣ въ русскомъ воспитаніи" вызвали противъ него рѣзкія нападки со стороны нѣкоторыхъ журналовъ.

Къ веснѣ 1862 года здоровье Конст. Дмитр. настолько разстроилось, что онъ долженъ отказаться отъ всѣхъ своихъ занятій и отправиться за границу. Семейство его послѣдовало за нимъ же. Кромѣ заботы о поправленіи здоровья, его влекло заграницу желаніе наглядно ознакомиться съ народнымъ воспитаніемъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно сдѣлало наиболѣе существенные успѣхи. Съ 1862 по 1867 годъ провелъ большею частію въ Швейцаріи, близь Веве, и въ Гейдельбергѣ, пріѣзжая иногда на короткое время въ Россію для изданія своихъ сочиненій.

Поселившись въ Швейцаріи, Конст. Дмитр. усердно занялся изученіемъ ея школьнаго устройства, въ особенности народныхъ школъ учительскихъ семинарій и женскихъ училищъ. Результаты своихъ наблюденій онъ изложилъ въ шести чрезвычайно любопытныхъ письмахъ, озаглавленныхъ „Педагогическая поѣздка по Швейцаріи [1]), гдѣ онъ знакомитъ читателя не только

[1]) См. «Собраніе педагогическихъ сочиненій», К. Ушинскаго.

съ устройствомъ и состояніемъ швейцарской школы, но и съ духомъ ея и тѣми условіями, которыя способствуютъ ея процвѣтанію.

Живя въ Швейцаріи, Констант. Дмитр. началъ составлять свои книжки для первоначальнаго обученія отечественному языку дѣтей младшаго возраста и издалъ ихъ, въ 1864 году, давъ имъ не лишенное прелести заглавіе: „Родное Слово“ годъ первый и годъ второй. Приводимъ превосходный отзывъ объ этомъ учебникѣ, помѣщенный въ „Систематическомъ обзорѣ русской народноучебной литературы“.

„Родное Слово“ Ушинскаго имѣло безпримѣрный доселѣ успѣхъ; оно разошлось и расходится ежегодно въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ; оно проникло въ семью, въ школу, въ самыя отдаленныя и глухія мѣстности Россіи; оно, безспорно, сдѣлало имя Ушинскаго народнымъ въ истинномъ смыслѣ этого слова.

„Родное слово“ внесло новый лучшій методъ въ обученіе русской грамоти. Но одинъ методъ еще не составилъ бы учебника: теперь въ пріемахъ обученія грамоти по „Родному Слову“ можно было бы указать много недостатковъ; значеніе и сила его — въ чисто народной, талантливой обработки матеріала для чтенія“.

Заботясь о томъ, чтобъ книжки эти могли принести пользу не только въ школахъ, но и въ домашнемъ воспитаніи, Ушинскій приложилъ къ нимъ превосходное руководство для родителей и наставниковъ, подъ названіемъ „Книга для учащихъ“. Эта книга несомнѣнно оказала огромныя услуги нашему народному образованію, распространивъ между родителями и наставниками хорошій методъ первоначальнаго обученія, которому въ то время, при совершенномъ отсутствіи учительскихъ семинарій, можно было выучиться только по книгамъ. Годъ первый „Роднаго Слова“ выдержалъ уже до 50-ти, а годъ второй — до 40 изданій, отъ 25 до 50 тысячъ каждое.

Впослѣдствіи къ первымъ *двумъ годамъ* „Роднаго Слова“ Ушинскій прибавилъ еще „годъ третій“, представляющій единственный у насъ опытъ нагляднаго изложенія грамматики. Книга

эта появилась въ 1870 году и также была снабжена руководствомъ для преподавателей. „Годъ третій“ также выдержалъ больше 10-ти изданій и разошелся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ. Достоиства этой книги тѣже, что и первыхъ двухъ годовъ „Роднаго Слова“ практичность, жизненность и занимательность вмѣстѣ съ простотою и ясностью изложенія.

Послѣдній трудъ Конст. Дмитр., къ сожалѣнію не оконченный, есть его опытъ педагогической антропологіи, изданной подъ заглавіемъ: „Человѣкъ какъ предметъ воспитанія“. Почтенный трудъ этотъ, задуманный имъ почти одновременно со вступленіемъ на педагогическое поприще, пользуется такою обширною извѣстностью, что о немъ знаетъ едвали не всякій учитель. Въ немъ авторъ даетъ такое руководство для изученія человѣка, въ которомъ педагогъ могъ бы найти разумныя основанія для своей воспитательной дѣятельности. Сочиненіе дѣлится на двѣ части, изъ которыхъ первая распадается на два отдѣла: физіологію и психологію: физіологическая часть принадлежитъ къ лучшимъ и заслуживаетъ особеннаго вниманія. Вторая часть заключаетъ въ себѣ изложеніе области чувствованій и разсматриваетъ различные виды чувствъ. Въ заключеніе, авторъ раскрываетъ нравственное и педагогическое достоинство труда. „Педагогической Антропологіи“, составляющей капитальное и пока единственное пособіе для учителя, предпослано авторомъ предисловіе, проникнутое вѣрой въ науку, въ опытъ, въ изслѣдованіе. Онъ твердо вѣритъ, что только наука можетъ создать лучшую будущность общественному и домашнему воспитанію.

Въ третьемъ томѣ „Антропологіи“, Ушинскій предполагалъ закончить часть психологическую, изложивъ въ немъ анализъ тѣхъ духовныхъ особенностей, которыя составляютъ отличительную черту психической жизни человѣка, и затѣмъ изложить тѣ педагогическія мѣры, правила и наставленія, которыя сами собою вытекаютъ изъ изложенныхъ авторомъ явленій человѣческаго организма и человѣческой души. Большая часть этого послѣдняго тома была уже написана, но смерть автора помѣшала его окончанію.

Пятилѣтнее пребываніе Константина Дмитріевича за границей принесло обильные научные результаты. Укрѣпивъ свое здоровье, будучи удаленъ отъ всякихъ треволненій, неизбѣжныхъ въ литературной и служебной дѣятельности, онъ имѣлъ возможность исключительно посвятить себя научнымъ трудамъ. Глубокое изученіе философскихъ и естественныхъ наукъ, личное знакомство съ лучшими ихъ представителями и непосредственное наблюденіе политической и соціальной жизни наиболѣе развитыхъ обществъ, придали необыкновенное развитіе его интеллектуальнымъ силамъ.

Но тихая и обезпеченная жизнь за границей не мѣшала Ушинскому по прежнему горячо любить свою Россію, и въ 1867 году имъ одолѣла такая тоска по родинѣ, что онъ навсегда покинулъ гостепріимную Швейцарію и съ семействомъ возвратился въ Россію. Здоровье его до такой степени поправилось, что онъ смѣло могъ поселиться если не въ Петербургѣ, климатъ котораго пользуется такой невыгодной репутаціей, то на югѣ Россіи,—въ Кіевѣ или Одессѣ. Но и самые умные люди, когда дѣло касается здоровья, способны дѣлать непростительные промахи. Константинъ Дмитріевичъ выбралъ именно Петербургъ для своего жительства, покидая его только на лѣтніе мѣсяцы. Въ эти послѣдніе годы своей жизни онъ казался бодрымъ и настолько здоровымъ, что не возбуждалъ въ своихъ друзьяхъ серьозныхъ опасеній. Повидимому, онъ могъ бы еще долго жить и работать, если бы не случилась страшная катастрофа въ его семействѣ, которая окончательно подорвала его силы и свела его въ могилу.

Раннею весною 1870 года Константинъ Дмитріевичъ отправился въ Крымъ, для пользованія кумысомъ, съ тѣмъ, чтобъ въ срединѣ лѣта вернуться въ имѣніе Ушинскихъ Богданку, Черниговской губ. Новгородо-сѣверскаго уѣзда. Семейство его отправилось изъ Петербурга прямо въ деревню въ началѣ іюня. Старшій сынъ Ушинскихъ, Павелъ, 17-ти лѣтній юноша, тогда окончилъ полный гимназическій курсъ съ отличнымъ успѣхомъ. Его первоначальнымъ обученіемъ съ любовію занимался самъ Конст. Дмитріевичъ. Этотъ первенецъ Ушинскихъ,

отличавшійся симпатичнымъ характеромъ и прекрасными качествами души, имѣлъ несчастіе ранить себя нечаянно на охотѣ, заряжая ружье, и промучившись нѣсколько часовъ, умеръ на рукахъ матери. Конст. Дмитр., вернувшійся домой черезъ недѣлю послѣ смерти сына, вовсе не зная о случившемся, былъ сраженъ роковою вѣстью. Ударъ былъ слишкомъ силенъ для нервной и впечатлительной натуры Ушинскаго. Онъ упалъ въ обморокъ и съ того времени здоровье его уже болѣе не поправлялось. Онъ переѣхалъ сначала въ Кіевъ, потомъ въ Одессу, гдѣ въ концѣ октября слегъ въ постель и скончался, окруженный горячо имъ любимою семьею, 21 декабря 1870 года, имѣя 47 лѣтъ отъ роду.

Преждевременная кончина Ушинскаго представляетъ невознаградимую утрату для всего русскаго общества и для русской науки, въ особенности же для русской народной школы. Личность его далеко выходила изъ ряда обыкновенныхъ и представляла рѣдкое соединеніе необыкновенныхъ способностей ума, глубокой вѣры, высокихъ качествъ души и независимости характера. Онъ былъ образцомъ гражданина, христіанина и семьянина. Обогативъ педагогическую и учебную литературу драгоцѣнными сочиненіями, достигнувъ извѣстности и обезпечивъ себя матеріально, онъ не успокоился на лаврахъ, но продолжалъ неустанно работать на пользу родной страны и горячо любимой имъ народной школы, отдавая имъ всю свою кровь и всѣ свои силы.

XI.

СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ БОТКИНЪ.

Сергѣй Петровичъ Боткинъ родился въ 1832-мъ году въ Москвѣ, куда переѣхалъ изъ Пскова его дѣдъ, занимавшійся чайною торговлей. Первоначальное образованіе получилъ въ пансіонѣ Эклеса, откуда по окончаніи курса перешелъ на медицинскій факультетъ Московскаго Университета. Хотя нѣкоторые біографіи приписываютъ развитіе молодаго Боткина вліянію кружка Бѣлинскаго, Грановскаго, основываясь на знакомства съ этими личностями старшаго брата Сергѣя Петровича, Василія Петровича Боткина, и основывая на этомъ правильный свободный отъ увлеченія ходъ ученья въ университетѣ нашего доктора, однако съ этимъ едва ли можно согласиться: Сергѣю Петровичу въ годъ смерти Бѣлинскаго было немного болѣе десяти лѣтъ, и онъ не могъ въ этомъ возрастѣ находиться часто въ обществѣ ученыхъ; тѣмъ менѣе это вліяніе могло имѣть мѣсто въ университетскій періодъ его жизни. Но очень не удивительно, что тогда въ университетѣ еще были живы воспоминанія о высокой личности Грановскаго и въ полной силѣ царило увлеченіе прекрасными увлекательными статьями Бѣлинскаго, такъ что

XI.

СЕРГѢЙ ПЕТРОВИЧЪ БОТКИНЪ.

Сергѣй Петровичъ Боткинъ родился въ 1832-[illegible]
въ Москвѣ, куда переѣхалъ изъ П[illegible]
чайною торговлей. Первоначальное образованіе [illegible]
сіонѣ Эк[illegible]
скій фак[illegible]
біографіи приписываютъ развитіе молодаго Б[illegible]
кружка [illegible]скаго, Грановскаго, основ[illegible]
съ этими [illegible]
лія Петр[illegible]
бодный о[illegible]
тора, одн[illegible]
тровичу в[illegible]
лѣтъ, и о[illegible] въ этом[illegible]
ществѣ у[illegible] менѣе это [illegible] имѣть м[illegible]
въ университе[illegible] его жизни. [illegible]
что тогда в[illegible]
сокой личности Грановскаго и въ полной силѣ царило увлеченіе
прекрасными увлекательными статьями Бѣлинскаго, такъ что

вліяніе этихъ личностей на студента Боткина было скорѣе преемственное, но непосредственное. Пять лѣтъ пребыванія Сергѣя Петровича въ Университетѣ протекли очень спокойно и благопріятно, и въ 1855-мъ году онъ успѣсшно окончилъ курсъ, значитъ, въ самый разгаръ крымской войны. Въ это время, подъ начальствомъ нашего знаменитаго хирурга, „патріарха русской хирургіи", Н. И. Пирогова, образовывался лазаретъ въ Бахчисараѣ по иниціативѣ великой княгини Елены Павловны, память о которой такъ глубоко сохранилась въ сердцахъ всѣхъ тогда служившихъ врачей, которой благія предначинанія всѣми исполнялись съ горячей ревностію и довѣріе которой давало труженику силу и энергію, одушевляло всѣхъ сослуживцевъ, составляло ихъ гордость. Въ числѣ другихъ молодыхъ врачей отправился на театръ военныхъ дѣйствій въ отрядъ Пирогова и нашъ Сергѣй Петровичъ Боткинъ. Большія войны всегда считались двигателями и измѣрителями успѣховъ нашего медицинскаго образованія. Такъ и во время севастопольскихъ громовъ нашъ русскій врачъ не только готовымъ былъ къ дѣятельности, но и твердымъ въ ней. „Въ эту достопамятную эпоху онъ получилъ возможность доказать цѣлому свѣту, что у насъ есть свои учители, свои ученые, свои практики и что наши Дюпюитрены и Ларреи не ниже какихъ бы то ни было иностранныхъ знаменитостей. Оставалось немного — чтобы укрѣпилось самосознаніе и самонадѣятельность нашего медицинскаго сословія. Такъ отзывается одинъ ученый писатель о состояніи медицины въ то время, когда на медицинское поприще выступилъ и началъ дѣйствовать Сергѣй Петровичъ Боткинъ. Не нужно говорить, какое значеніе имѣло вліяніе высоко-ученаго хирурга Пирогова на молодыхъ медиковъ; одного этого имени достаточно, чтобы понять, что во время крымской кампаніи Сергѣй Петровичъ не находился безъ дѣла, не заглушалъ въ себѣ врожденнаго призванія, что и видно изъ дальнѣйшей его дѣятельности. Вслѣдъ за окончаніемъ войны и приведеніемъ въ нормальный порядокъ лазаретовъ, Сергѣй Петровичъ почувствовалъ жажду къ болѣе многостороннему медицинскому образованію и отправился за границу для ознакомленія съ дѣятельностію европей-

скихъ медицинскихъ знаменитостей. Вся профессорская дѣятельность С. П. Боткина показываетъ, сь какою неизмѣримой пользой онъ употребилъ свое пребываніе за границей. Однимъ изъ его лучшихъ учителей былъ Клодъ—Бернаръ, эта знаменитость Франціи и цѣлаго свѣта. Всѣ въ ученомъ мірѣ знаютъ заслуги К. Бернара въ области біологіи. Что касается собственно медицины, то онъ стремился поставить ее на тѣже основанія, на которыхъ стоятъ другія экспериментальныя науки. Простое наблюденіе, училъ онъ, недостаточно для медицины; оно не можетъ объяснить явленій; для этого нужно обращаться въ лабораторію, къ эксперименту, чтобы потомъ опять вернуться къ клиники. Бернаръ далѣе проповѣдывалъ, что посредствомъ одной анатоміи нельзя понять отправленій органовъ, какъ недостаточно одной кристаллической формы, чтобы знать химическій составъ минерала. Онъ открылъ отправленіе поджелудочной желѣзы и печени не путемъ изученія строенія ихъ, а преслѣдуя тѣ преобразованія, которымъ подвергается жиръ въ кишечномъ каналѣ, и то исчезновеніе сахара, которое наблюдается въ организмѣ. Каждая идея Клода Бернара была основана на точномъ фактѣ и этимъ обусловливалась неотразимая сила его научныхъ доказательствъ. Клодъ Бернаръ былъ одаренъ и высокими человѣческими достоинствами. Онъ съ удовольствіемъ указывалъ на достоинства лицъ, того заслуживающихъ, и открывалъ имъ дорогу къ славѣ. Одному изъ достойныхъ своихъ учениковъ онъ уступилъ кафедру общей физіологіи, для другаго, извѣстнаго гистолога, добился открытія новой кафедры. Его наука, по выраженію одного француза, имѣла своей сестрою простоту, и необыкновенно было видѣть сочетаніе въ одномъ лицѣ высокаго авторитета и большой скромности. Таковъ былъ одинъ изъ учителей нашего Боткина; мы потому остановились такъ подробно на характеристикѣ Клода Бернара, что его ученикъ представляетъ поразительно точную копію съ своего учителя, что не однажды приходило на мысль каждому ученику профессора Боткина. Другимъ учителемъ Сергѣя Петровича былъ знаменитый изслѣдователь Траубе и третьимъ—Вирховъ въ Берлинѣ. Люд. Траубе завѣдывалъ груднымъ отдѣленіемъ въ Charité (Paris),

которое благодаря ему, пріобрѣло міровую извѣстность подъ именемъ пропедевтической клиники Траубе. Въ этой клиникѣ и многіе другіе русскіе врачи закончили свое клиническое образованіе. Что касается Вирхова, то въ Европѣ очень много музеевъ, но мало такихъ, какъ у него въ Берлинѣ. По отношенію собственно къ патологической химіи только его музей во всей Европѣ достигаетъ своей цѣли: всѣ препараты выходятъ изъ рукъ самого профессора, наглядны, хорошо сохранены и съ большимъ знаніемъ выбраны вообще отвѣчаютъ всѣмъ требованіямъ хорошо поставленнаго дѣла. Такова была сфера, въ которой Сергѣй Петровичъ совершенствовался въ медицинѣ. О его пребываніи за границей сохранился слѣдующій фактъ. Во время жизни въ Парижѣ Боткину пришлось лечить больную, въ высшей степени нервную особу. Всѣ средства, дѣйствующія на нервную систему, даже въ самыхъ ничтожныхъ дозахъ давали тотъ или другой результатъ въ ходѣ болѣзни; Боткинъ прописалъ ей пилюли; съ первыхъ же пріемовъ лѣкарства, больной стало лучше. Но какъ только пріемъ пилюль прекратился, болѣзнь проявилась снова. Больная желала чтобы ей были пилюли прописаны снова; Боткинъ дѣйствительно прописалъ пилюли, но другаго состава, который не дѣйствовалъ на нервную систему. Больная, не подозрѣвавшая обмана, не могла понять, почему пилюли, такъ помогшія вначалѣ, перестали оказывать свое благодѣтельное дѣйствіе. Докторъ долго оставлялъ ее въ такомъ положеніи, пока снова назначилъ пилюли перваго сорта, и больная скоро поправилась. Этотъ обманъ былъ ничто иное, какъ опытъ молодаго врача, употребленный съ большою осторожностію и съ большою пользою для науки: онъ показалъ Сергѣю Петровичу, какъ дѣйствуютъ извѣстныя средства на различные нервы человѣческаго организма. По возвращеніи изъ-за границы, Сергѣй Петровичъ Боткинъ въ 1860-мъ году былъ приглашенъ въ С.-Петербургскую медико-хирургическую академію адъюнктомъ профессора Шипулинскаго, который завѣдывалъ терапевтической клиникою. Чрезъ годъ, вслѣдствіе смерти Шипулинскаго, Сергѣй Петровичъ произведенъ въ ординарные профессора и вступилъ въ завѣдываніе тою же

самой клиникой, а вмѣстѣ съ этимъ сдѣлался совѣщательнымъ членомъ военно-медицинскаго комитета и медицинскаго совѣта. Изящное и въ высшей степени основательное изложеніе лекцій стало все болѣе и болѣе привлекать слушателей. Чтобы познакомить читателей съ краснорѣчіемъ и уважительной простотою лекцій профессора, мы приведемъ здѣсь выдержку изъ первой лекціи (1862 года) профессора, въ которой выражается тотъ высокій взглядъ, какой Сергѣй Петровичъ имѣетъ на медицину. „Нынѣшній академическій годъ, говорилъ профессоръ, намъ приходится начинать въ очень грустную минуту для ученаго сословія вообще и для медико-хирургической академіи въ особенности. Кому изъ насъ не горько было слышать тѣ нареканія и порицанія, которымъ мы подвергались въ послѣднее время? Конечно, время сниметъ съ насъ всю тяжесть возложенныхъ обвиненій, но предоставляя времени залѣчивать нашу болящую рану, мы съ своей стороны должны употребить всѣ усилія уменьшить эту боль и вмѣстѣ съ этимъ доказать обществу всю несправедливость его поспѣшныхъ и тяжкихъ обвиненій. Серьезный трудъ и истинная любовь къ науки—эти неисчерпаемые источники гражданскихъ доблестей—дацутъ намъ столько нравственныхъ силъ, что поставятъ насъ выше всѣхъ порицаній. Серьезное изученіе практической медицины, имѣющей высокую цѣль облегчать страданія ближняго—даетъ намъ право не только на имя честныхъ гражданъ, но и на искреннюю любовь со стороны общества, которому мы служимъ. Итакъ милостивые государи, во имя науки и любви къ ближнему, со всею силою молодости и вѣрою въ будущее приступимъ къ нашимъ занятіямъ. До сихъ поръ вы трудились въ продолженіе трехъ лѣтъ, чтобы приступить къ окончательной цѣли медицинскихъ наукъ—лѣчить ближняго. Клиника представляетъ вамъ средство достигнуть этой благородной цѣли. Въ теоретическихъ своихъ занятіяхъ вы познакомились съ строеніемъ, съ составамъ, съ отправленіями здороваго и больнаго организма; познакомились также въ теоріи съ тѣми средствами, которыми обладаетъ знаніе, чтобы предотвращать и лѣчить болѣзни; клиника же съ своей стороны даетъ вамъ возможность приложить къ дѣй-

ствительности ту сумму теоретическихъ свѣдѣній, которыми вы запаслись; а потому клиническая медицина есть связывающее звѣно теоріи съ практикой и имѣетъ главною цѣлію—научить лѣчить больнаго. Изъ вашихъ предъидущихъ занятій вы знаете, какой громадный запасъ свѣдѣній необходимъ для того, чтобы приступить къ окончательной цѣли медицинскихъ наукъ. Можетъ быть, у кого нибудь изъ васъ являлось или теперь явилось сомнѣніе въ необходимости этихъ предварительныхъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе, что эти сомнѣнія могутъ основываться на тѣхъ нерѣдкихъ явленіяхъ людей лѣчащихъ и даже помогающихъ въ болѣзняхъ, но не врачей, людей, не получившихъ никакого предварительнаго медицинскаго образованія, но если вы всмотритесь въ тѣ средства, которыми эти люди достигли возможности приносить хотя какую нибудь пользу человѣчеству, то вы ужаснетесь этихъ средствъ. Незнакомые съ организмомъ человѣка ни въ физіологическомъ, ни въ патологическомъ его состояніи, незнакомые съ средствами лѣченія, они блуждали, пробуя эмпирически то одно, то другое, и предоставляли паціентовъ своихъ случаю. Только долгій опытъ съ врожденнымъ запасомъ хорошей наблюдательности выводилъ ихъ изъ положенія, невыносимаго для всякаго добросовѣстнаго человѣка. Чтобы избавить больнаго отъ случайностей, и себя отъ лишнихъ угрызеній совѣсти и принести истинную пользу человѣчеству, неизбѣжный для этого путь есть научный, по которому вы пошли съ самаго начало и котораго не должны оставлять, приступая къ практической медицинѣ; а потому въ клиникѣ вы должны научиться раціональной практической медицинѣ, которая изучаетъ больнаго человѣка и отыскиваетъ средства къ излѣченію или облегченію его состраданій, а по тому занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ ряду естествовѣдѣнія. А если практическая медицина должна быть поставлена въ рядъ естественныхъ наукъ, то понятно, что пріемы, употребляемые въ практикѣ для изслѣдованія, наблюденія и леченія больнаго, должны быть пріемами естествоиспытателя, основывающаго свое заключеніе на возможно большомъ количествѣ строго и научно наблюдаемыхъ фактовъ. Поэтому вы поймете, что научная

практическая медицина, основывая свои дѣйствія на такихъ заключеніяхъ, не можетъ допускать произвола, иногда тутъ и тамъ проглядывающаго подъ красивой мантіей искусства, медицинскаго чутья, такта и т. д.". Изъ этой лекціи каждый видитъ, что преслѣдовалъ и преслѣдуетъ Сергѣй Петровичъ Боткинъ въ своемъ курсѣ клиническихъ лекцій. Одинъ изъ современныхъ авторовъ говоритъ слѣдующее: „Около пятнадцати лѣтъ назадъ въ медико-хирургической академіи начался періодъ жизни, богатой внутреннимъ содержаніемъ. Научное преданіе, освященное именемъ Пирогова, дѣятельность Н. Н. Зинина, В. Грубера и и нѣкоторыхъ другихъ, плодотворныя сами по себѣ, были все таки не въ состояніи вдохнуть „душу живу" въ академію. Энергія Дубовицкаго и другихъ свѣжихъ силъ въ лицѣ Якубовича, Сѣченова, Боткина, Беккера и др. воскресили славное время. Въ клиникахъ и лабораторіяхъ закипѣла дѣятельность, раздалось живое научное слово въ аудиторіяхъ; гдѣ прежде жила оффиціальная наука, стало развитаться русское медицинское сознаніе, и академія доказала, что у насъ есть своя научная медицина. Хорошее сѣмя не упало на безплодную почву: явился цѣлый рядъ учениковъ, изъ которыхъ многіе своими дарованіями и дѣятельностію записали свое имя въ наукѣ." Но особенно впослѣдствіи, какъ мы сказали, велико было вліяніе Боткина, который умѣлъ овладѣвать вниманіемъ слушателей, вводить ихъ мышленіе на дорогу прямо ведущую къ цѣли, и не замѣтно дѣлать ихъ участниками той психической работы, вѣнцомъ которой было вѣрное распознаваніе болѣзни, большею частію оправдываемое до мелочей при вскрытіи. Значеніе школы Боткина одно уже придавало врачу авторитетъ, и учиники его пользовались всюду вниманьемъ общества и ученыхъ, если послѣднимъ приходилось замѣщать вакантныя профессорскія кафедры. Вотъ что говоритъ самъ профессоръ въ одномъ изъ своихъ изданій о своихъ ученикахъ. Современные способы изслѣдованія, наблюденія и леченія больныхъ, освободившіе практическую медицину отъ старой рутины, открываютъ вмѣстѣ съ тѣмъ неисчерпаемый источникъ для разработки различныхъ вопросовъ по части паталогіи и терапіи. При кли-

ническихъ занятіяхъ съ современнымъ направленіемъ неизбѣжно явленіе разнаго рода задачъ, разрѣшеніе которыхъ ожидаетъ только дружнаго и совокупнаго труда. Въ теченіи десяти лѣтъ завѣдыванія мною клиникой многіе русскіе врачи и нѣкоторые изъ студентовъ усердно и добросовѣстно трудились подъ моимъ руководствомъ надъ разработкою разныхъ специальныхъ вопросовъ, представлявшихся при клиническихъ занятіяхъ. Результаты этихъ трудовъ въ свое время были публикуемы въ разныхъ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ, и я смѣло надѣюсь, что имена многихъ изъ трудившихся не остались незамѣченными читающей публикой. Напомню работы Виноградова, Покровскаго, Кошлакова, Лашкевича, Успенскаго, Пруссака, Полотебнева, Подкопаева и др." Въ 1867 году С. П. Боткинъ издалъ самую капитальную свою работу „Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней." Затѣмъ въ послѣдующее время для пополненія этого труда онъ время отъ времени, смотря по матеріалу, издавалъ и труды (подъ его руководствомъ) студентовъ и врачей. Этихъ выпусковъ въ настоящее время восемь и они носятъ названіе „Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней." Профессоръ постоянно отдавалъ должную признательность своимъ ученикамъ и въ 1870 году говоритъ, что считаетъ святымъ долгомъ высказать сердечную благодарность неутомимымъ своимъ сотрудникамъ по клиникѣ въ теченіе лесяти лѣтъ считаетъ „это обязательнымъ тѣмъ болѣе, что вполнѣ" сознаетъ вліяніе этихъ соединенныхъ трудовъ на взаимное развитіе." Помимо лекцій и личной практики Сергѣй Петровичъ учредилъ при клиникѣ лабараторію и пріемную, нисколько ни уступающія своимъ прототипамъ и задуманныя Сергѣемъ Петровичемъ еще во время пребыванія за границей. Благодаря всѣмъ этимъ заслугамъ, Боткинъ пользуется уже давно европейскою извѣстностію. Что касается собственно Россіи, то со всѣхъ концовъ ея съѣзжаются къ профессору трудно больные за совѣтами, и тысячами считаются тѣ, воторые получили при помощи Боткина облегченіе болѣзни и даже избавленіе отъ смерти. Въ 1870 году наконецъ Сергѣй Петровичъ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ. На этомъ посту еще имѣлъ счастіе излечить отъ тяжкой болѣзни Государя

Наслѣдника Цесаревича, а въ 1872 году, въ Крыму, лечилъ Государыню Императрицу, съ самыхъ благопріятнымъ результатамъ, за что и былъ пожалованъ совершенно исключительною наградой: безъ соблюденія обычныхъ градацій, съ обходомъ цѣлаго низшаго ряда наградъ, онъ получилъ Владимірскую звѣзду. Но при всемъ успѣхѣ своей жизни Сергѣй Петровичъ сохраняетъ сердечную доброту; имѣя многочисленную ежедневную практику, онъ не только даромъ лѣчитъ бѣдныхъ, но на собственныя средства покупаетъ даже лекарства для нихъ. Намъ остается еще указать на одну въ вышей степени симпатичную черту въ характерѣ Сергѣя Петровича Боткина. Онъ неутомимо слѣдитъ за статистикой заболѣваній, изучаетъ ихъ подробно и предупреждаетъ о всѣхъ тѣхъ, которыя относятся къ эпидемическимъ. Онъ излагаетъ всѣ наблюденные признаки заболѣваній, публикуетъ ихъ въ періодическихъ изданіяхъ, заставляя такимъ образомъ общество осматриваться и принимать предохранительныя мѣры. Въ 1864 году съ открытіемъ клиническихъ лекцій онъ сталъ наблюдать особую лихорадочную форму. Большая часть приходившихъ больнымъ жаловалась на слабость, головную боль, шумъ въ ушахъ, жажду, потерю аппетита, на боль въ сторонѣ печени и селезенки, на боли въ конечностяхъ; сознаніе въ большинствѣ случаевъ было полное, ночью безсонница. у немногихъ бредъ по ночамъ. Изслѣдовавъ научно всѣхъ больныхъ, профессоръ мельчайшія подробности опубликовалъ въ „Медицинскомъ Вѣстникѣ.“ Онъ нашелъ, что эту форму лихорадки нельзя отнести ни къ одной изъ обычныхъ у насъ въ Петербургѣ. Онъ описалъ столько фактовъ, что они положительно говорили о существованіи въ столицѣ эпидеміи возвратной лихорадки, ни одного случая который онъ не наблюдалъ въ теченіи четырехлѣтней практики. Дѣйствительно, были приняты мѣры, и эпидемія была прекращена. Но это усердіе Сергѣя Петровича, его вниманіе къ общественнымъ интересамъ было въ 1879 поду причиной одного прискорбнаго случая. Всѣ помнятъ, какую панику поселило въ Россіи и Европѣ появленіе на югѣ Россіи чумной эпидеміи; всѣ знаютъ, въ какомъ возбужденомъ состояніи находилось русское общество. Но всѣхъ болѣе возбу-

ждены были врачи и между ними такой отзывчивый на общественные интересы профессоръ С. П. Боткинъ. Поэтому очень неудевительно, что послѣднiй принялъ признаки одной изъ обыкновенныхъ болѣзней за признаки легкой формы эпидемiи, которая не имѣла еще опредѣленнаго вида, но по многимъ обстоятельствамъ была чрезвычайно сходна въ признакахъ съ указанною болѣзнiю. С. П. Боткинъ энергично принялся доказывать существованiе въ Петербургѣ зародыша эпидемiи чѣмъ переполошилъ весь Петербургъ и нашихъ сосѣдей нѣмцевъ, такъ что это отозвалось вредно на нашемъ курсѣ. Подобная ошибка, самая естественная въ дѣлѣ медицинскаго распознаванiя, все же была неизмѣримо выше равнодушнаго отношенiя прочихъ врачей. Истинно ученые люди поняли это, и 23-го февраля 1879 года было апогеемъ С. П. Боткина, когда его товарищи выразили самымъ яснымъ образомъ, что ихъ довѣрiе не нарушилось вслѣдствiе произшедшей ошибки. Это было въ засѣданiи общества русскихъ врачей, котораго Сергѣй Петровичъ соотоялъ предсѣдателемъ. При входѣ предсѣдателя въ залу, переполненную многочисленными посторонними посѣтителями, ему были поднесены два адреса, изъ которыхъ въ одномъ излагались заслуги его, какъ врача, учителя, профессора и президента общества русскихъ врачей. Другой же адресъ былъ слѣдующаго содержанiя: Милостивый Государь, Сергѣй Петровичъ! на поприщѣ дѣятельности врача и учителя часто встрѣчается трудная обязанность объявлять семействамъ и даже цѣлому обществу весьма тяжкiя, по своимъ послѣдствiямъ, открытiя. Какъ учитель академiи, какъ предсѣдатель общества русскихъ врачей, вы, Сергѣй Петровичъ, никогда не уклонялись отъ этой священной обязанности, готовый нести послѣдствiя нежелательной истины въ отдѣльномъ случаѣ. Наука медицинская далеко отъ своего послѣдняго слова, но путь науки неизмѣнно установленъ, и Вы изъ первыхъ у насъ стали на этотъ путь: точное клиническое наблюденiе можетъ быть опровергнуто только такимъ же точнымъ наблюденiемъ. Вполнѣ понимая ваше положенiе, какъ учителя и представителя науки, въ настоящее время мы считаемъ долгомъ выразить вамъ свое неизмѣнное уваженiе и сочувствiе. Адресъ этотъ подписанъ началь-

никомъ академіи Быковымъ, профессоромъ анатоміи Груберомъ, 24-ми профессорами медико-хирургической академіи и 200-ми врачей. Глубоко тронутый такимъ вниманіемъ, Сергѣй Петровичъ отвѣтилъ слѣдующими словами: „Почтенные товарищи! Своимъ сочувствіемъ вы сняли съ меня тяжелый камень и подкрѣпили въ моей работѣ. Но не преувеличивайте мои заслуги, а встаньте вмѣстѣ со мною на почву хладнокровнаго наблюдателя и разсмотрите съ должнымъ вниманіемъ ту картину заболѣваній, о которыхъ въ послѣднее время было такъ много говорено. Публика не понимаетъ нашихъ работъ, она недочитываетъ наши протоколы и не уясняетъ себѣ, что не всѣ случаи чумы могутъ вызвать панику. Обращаюсь къ вамъ еще разъ съ просьбой отнестись спокойнѣе къ оцѣнкѣ сдѣланныхъ мною клиническихъ наблюденій. Чтобы не стѣснять преній, позвольте мнѣ на сегодняшній день сложить съ себя званіе президента; изберите на мое мѣсто, кого вамъ будетъ угодно и позвольте мнѣ стать въ ряды желающихъ дебатировать вопросъ.“ Однако по просьбѣ всѣхъ С. П. Боткинъ остался предсѣдателемъ.

никомъ ака[illegible]
24-ми [illegible] медико-хирургической [illegible] и 200-м
врачей. [illegible]
вичъ о[illegible]
Своимъ [illegible]вствіемъ вы сняли съ меня тяжелый [illegible]
крѣпили [illegible] работѣ. [illegible]
а вста[illegible]
дателя [illegible]
болѣван[illegible]
говорено [illegible] работъ, [illegible]
тываетъ [illegible]
чумы мо[illegible]
съ прос[illegible]
клиничес[illegible] наблюденій. Чума [illegible]
мнѣ на [illegible]
изберите [illegible]
мнѣ стат[illegible]
по просьб[illegible]

А. Даргомыжскій

XII.

АЛЕКСАНДРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ДАРГОМЫЖСКІЙ.

Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій родился въ 1813 году въ одной глухой деревеньки Смоленской губерніи отъ богатыхъ родителей, которые вскорѣ послѣ его рожденія переѣхали на жительство въ Петербургъ и дали здѣсь сыну прекрасное домашнее воспитаніе. Но особенную склонность маленькій Даргомыжскій чувствовалъ къ музыки. Шести лѣтъ онъ началъ учиться играть на фортепіано, восьми лѣтъ на скрипкѣ и уже въ двадцать лѣтъ былъ весьма бойкимъ піанистомъ и отлично исполнялъ въ квартетахъ вторую скрипку и альта. Послѣднимъ его учителемъ былъ извѣстный, весьма хорошій музыкантъ Шоберлехнеръ. Почти ребенкомъ, Даргомыжскій сочинялъ разныя мелкія вокальныя и инструментальныя піесы, но знакомство съ Глинкой и его примѣръ заставили его обратиться къ болѣе серьезнымъ композиціямъ. Всю свою жизнь онъ отдалъ всецѣло музыкѣ, его душа и сердце жили въ мірѣ звуковъ; поэтому и біографическія подробности о немъ ограничиваются указаніемъ его музыкальныхъ работъ. Небольшое исключеніе составляютъ два его путешествія заграницу изъ Петербурга, который онъ оставлялъ въ обыкновенное время лишь для того, чтобы принять участіе въ постановкѣ своихъ оперъ на московской оперной сценѣ.

Первымъ шагамъ творчества Даргомыжскаго отъ мелкихъ кампозицій къ болѣе крупнымъ было нѣсколько нумеровъ „Лукреціи Борджіа", которую онъ однако скоро оставилъ, такъ какъ сюжетъ ея былъ невозможенъ въ Россіи того времени. Первая написанная имъ опера „Эсмеральда", окончена въ 1839 году, когда Даргомыжскому было около 25-ти лѣтъ. Сюжетъ „Эсмеральды" былъ заимствованъ Даргомыжскимъ изъ романа „Notre-Dame de Paris", Виктора Гюго. Музыка была написана здѣсь на французскій текстъ, а французскій языкъ, съ своимъ e muet, мало способенъ къ музыкальной декламаціи. Русскій переводъ былъ сдѣланъ потомъ и представлялся „подогнаннымъ" къ музыкѣ. Восемь лѣтъ театральная дирекція отказывала въ постановкѣ оперы, и только въ 1847 году „Эсмеральда" впервые появилась на московской сценѣ. Не смотря на слабость музыкальной стороны въ „Эсмеральдѣ", эта опера показала все-таки въ Даргомыжскомъ его способность къ удачному выбору сюжетовъ. Даргомыжскій доказалъ, что музыка и слова могутъ пополнять другъ друга, что музыка выраженію страсти можетъ придать ту глубину, силу, увлекательность, можетъ выразить то внутреннее психическое состояніе, которыхъ выразить не въ состояніи слово; показалъ съ другой стороны, что слово придаетъ музыкѣ то опредѣленное значеніе, котораго она сама по себѣ не имѣетъ. Еще болѣе способность къ удачному выбору сюжетовъ Даргомыжскій проявилъ въ слѣдующихъ операхъ. Только вторая изъ его оперъ, „Торжество Вакха", составляетъ нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи; эта опера-балетъ, въ которой хореграфическія затѣи самыя банальныя, а сюжетъ не представляетъ почти никакого интереса. Нужно думать, что въ „Торжествѣ Вакха" Даргомыжскій былъ подкупленъ хорошимъ текстомъ и прелестію Пушкинскаго стиха. Театральная дирекція на отрѣзъ отказала поставить эту оперу, и только черезъ двадцать лѣтъ она была поставлена — опять въ Москвѣ. Въ 1856 году Даргомыжскій окончилъ и поставилъ третью свою оперу „Русалка". Сюжетъ опять Пушкинскій, хотя Даргомыжскій сдѣлалъ значительныя отступленія отъ оригинала, измѣнилъ текстъ и много дополнилъ отъ себя. Въ „Русалкѣ" въ

ея речитативахъ, Даргомыжскій является великимъ, вдохновеннымъ композиторомъ. Каждая фраза текста находитъ у него соотвѣтствующую музыкальную фразу, глубоко прочувствованную, живую, страстную. Даргомыжскій въ драмѣ признаетъ драматическія положенія и стремиться къ музыкальному ихъ выраженію.

Итакъ, „Эсмеральда" и „Торжество Вакха" довольно еще слабы, но „Русалка" есть уже крупный шагъ впередъ въ исторіи драматической музыки у насъ въ Россіи. Послѣ „Русалки" въ музыкальной дѣятельности Александра Сергѣевича Даргомыжскаго наступило продолжительное затишье и нѣкоторое колебаніе. Во первыхъ, на его впечатлительную натуру сильно подѣйствовалъ сомнительный тогда успѣхъ „Русалки" и равнодушное къ композитору отношеніе публики и театральнаго міра. Во вторыхъ Александръ Сергѣевичъ чувствовалъ разладъ въ своей душѣ по поводу безподобной драматической музыки „Русалки" и весьма посредственныхъ оперныхъ ея нумеровъ: аріи, дуэты, ансамбли, составляя не совсѣмъ удачное подражаніе Глинки, очень слабы и суть какъ бы уступка которую Даргомыжскій сдѣлалъ рутиннымъ требованіямъ старой оперы. Поэтому великій композиторъ не рѣшался немедленно приступить къ новой оперѣ и сталъ писать романсы, изъ которыхъ нѣкоторые представляютъ верхъ совершенства, какъ по декламаціи, такъ и по музыки, напримѣръ—„Старый капралъ" и „Паладинъ"; послѣдній выражаетъ уже совершенный переходъ Даргомыжскаго на сторону новой школы. Количество романсовъ, написанныхъ Александромъ Сергѣевичемъ, болѣе ста и разнообразіе ихъ удивительное. Едва-ли кто можетъ сравниться изъ русскихъ композиторовъ — романсистовъ въ этомъ отношеніи, — такъ тонко, вѣрно и музыкально переданы у него всѣ изгибы, всѣ оттѣнки чувства, выраженные въ текстѣ. У него мы находимъ не мало неподражаемыхъ образцовъ романсовъ и драматическихъ, изъ которыхъ „Паладинъ" есть цѣлая и глубокая поэма въ немногихъ звукахъ, и юмористическихъ („Охъ-тихъ-тихъ"), и комическихъ. („Онъ былъ титулярный совѣтникъ"). Въ это же время Александръ Сергѣевичъ написалъ свои комическія оркестровыя

фантазіи: „Казачёкъ", „Баба-яга" или „Съ Волги nach Riga" и „Чухонскую фантазію", изъ которыхъ первая составляетъ слабое подражаніе Глинки, но зато двѣ послѣднія совершенно оригинальны и поражаютъ своимъ юморомъ и небывалой новизной звуковъ. Сюда относятся, далѣе, нѣсколько отрывковъ изъ неоконченной волшебно-комической оперы „Рогдана", изъ которыхъ особенно замѣчательны граціозный женскій хорикъ и сильный по мысли, замѣчательно оригинальный мужской хоръ „Восточная молитва", который показалъ общую русскимъ композиторамъ склонность Даргомыжскаго къ восточной музыкѣ. Тогда же, въ періодъ затишья, Александръ Сергѣевичъ дѣлалъ попытки писать отдѣльныя драматическія сцены изъ „Мазепы", Пушкина, и „Каменный гость" въ строго-декламаціонномъ стилѣ. Въ этотъ періодъ своей дѣятельности онъ не предполагалъ, что декламаціонная музыка можетъ производить впечатлѣніе на публику, привыкшую къ оперной лжи; онъ думалъ, что правда еще не въ силахъ пробить себѣ дорогу. Однако, укрѣпленный размышленіемъ и ободренный удачей первыхъ пробныхъ сценъ, а также сильнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ этими опытами, въ 1868 году онъ предпринялъ великое дѣло, съ необычайной энергіей приступивъ къ сочиненію „Каменнаго гостя". Съ одушевленіемъ, съ силой и твердостью убѣжденія онъ создавалъ нумеръ за нумеромъ и менѣе, чѣмъ чрезъ годъ почти окончилъ этотъ первый опытъ оперы-драмы, строго выдержанный отъ первой до послѣдней ноты безъ малѣйшей уступки прежней рутины. Нужно замѣтить, что въ эти годы онъ близко сошелся съ молодыми русскими композиторами Балакиревымъ, Мусоргскимъ, Корсаковымъ, Кюи и др., подъ вліяніемъ кружка которыхъ и задумалъ „Каменнаго гостя". Опера „Каменный гость" представляетъ верхъ творчества Даргомыжскаго и вѣнецъ его музыкальной дѣятельности; поэтому мы и остановимся на ней.

Въ Каменномъ Гостѣ нѣтъ хоровъ, потому что хоръ гостей у Лауры, поющій одинъ стихъ. „О, bravo, bravo! чудно безподобно" хоромъ считаться не можетъ. А между тѣмъ хоръ есть могучее музыкальное средство, которое составляетъ прекрасный

контрастъ съ пѣніемъ отдѣльныхъ лицъ. Во вторыхъ, въ „Каменномъ гостѣ“ мало лирическихъ мѣстъ, самыхъ выгодныхъ для музыки, и много прозаически-обыденныхъ разговоровъ, самыхъ невыгодныхъ въ музыкальномъ отношеніи. Не смотря на эти недостатки, которые необходимо должны были отразиться на музыкѣ, Даргомыжскій не отступилъ ни на шагъ отъ Пушкина, такъ какъ не хотѣлъ чтобы его твореніе слѣдовало общей рутины и текстъ въ ней игралъ роль второстепенную. Дѣлая сознательную и серьезную попытку полнаго осуществленія идеала опера-драма, въ которомъ текстъ играетъ равносильную музыки роль, композиторъ не могъ никакимъ образомъ трогать Пушкина. Даргомыжскій самоотверженно отказалъ себѣ во всѣхъ недостойныхъ искусства приманкахъ и былъ настолько вѣренъ драматическому принципу, что не помѣстилъ въ своей партитурѣ ни одной аріи, ни одного ансамбля, ни одного хора. Онъ принялъ на себя трудную роль положить на музыку всѣ слова избранной поэмы и не позволилъ ни одного сокращенія и ни одного дополненія текста. Могущество речитатива Даргомыжскаго одержало верхъ надъ трудностью задачи, и опера превзошла ожиданія современной музыкально критики и составила эпоху въ исторіи русской оперы.

Отъ оперной музыки требуется: вѣрная декламація, музыкальное очертаніе характеровъ дѣйствующихъ лицъ, музыкальный колоритъ данной эпохи и, наконецъ, музыка особенно, т. е. красивость звуковъ, мелодія и гармоническій строй, и все это почти въ совершенствѣ выполнено Даргомыжскимъ. О декламаціи Даргомыжскаго нечего много распространяться. У него не только всюду вѣрно соблюдено удареніе, но оно всегда находится на томъ словѣ, которое въ данной фразѣ имѣетъ наибольшее значеніе; часто соблюдено также возвышеніе и пониженіе интонаціи голоса, вѣрной и естественной. Декламаторская сила Даргомыжскаго, а также сила музыки его такова, что весьма дюжинный исполнитель, лишь бы онъ спѣлъ ноты съ соблюденіемъ темпа и такта, превращается въ хорошаго декламатора и производитъ впечатлѣніе. Талантливая декламаціонная музыка избавляетъ слушателей отъ тѣхъ терзаній, на которыя они

обречены, слушая драматическія произведенія въ исполненіи бездарностей. Декламація въ „Каменномъ гостѣ“ — верхъ совершенства отъ начала до конца; это кодексъ, который вокальнымъ композиторамъ слѣдуетъ изучать постоянно и съ величайшимъ тщаніемъ.

Характеры дѣйствующихъ лицъ оттѣнены и выдержаны у Даргомыжскаго въ такой же мѣрѣ, какъ у Пушкина; рѣзче другихъ охарактеризованъ Лепорелло и монахъ. Первый сплошь комиченъ и обнаруживаетъ вполнѣ свою нелицемѣрную злобу къ барину. Монахъ весь проникнутъ религіознымъ; но не глубокимъ, а скорѣе поверхностнымъ чувствомъ. Остальныя лица менѣе рѣзко отличаются другъ отъ друга; но вникнувъ попристальнѣе въ ихъ музыкальную рѣчь, можно найти у каждаго лица свои индивидуальныя черты, и пылкая, страстная, легкомысленная Лаура слышна со сцены совсѣмъ другою, чѣмъ холодная, благоразумная осторожная сдержанно-кокетливая донна-Анна. Всякій отличитъ обыденнаго гостя Лауры отъ гостя глупаго, съ его единственной, затверженной фразой, и искренній Донъ-Карлосъ совсѣмъ не походитъ по музыкальнымъ рѣчамъ своимъ на Донъ-Жуана, у котораго среди самыхъ страстныхъ порывовъ, не смотря на его увлеченіе собственной игрой, все же звучитъ, правда, еле замѣтныя фальшъ, фразы и ходульность.

Музыкальнаго калорита данной эпохи въ „Каменномъ гостѣ“, какъ драммы неисторической, нѣтъ. Мѣстный музыкальный колоритъ выраженъ Даргомыжскимъ только въ двухъ романсахъ Лауры; остальная музыка — музыка общая. Это произошло оттого, что мѣстный колоритъ ярче всего выражается въ народѣ, въ его движеніяхъ и мотивахъ его хоровыхъ пѣсенъ; и въ „Каменномъ гостѣ“ хоровъ нѣтъ, въ немъ сплошь драма; языкъ же страстей — языкъ общій, въ которомъ оттѣнки разныхъ народностей стушевываются и сглаживаются.

„Каменный гость“ почти весь музыкальный въ собственномъ смыслѣ, почти сплошь мелодиченъ, хотя въ немъ и нѣтъ такъ называемыхъ итальянскихъ мелодій въ восемь тактовъ, съ репликой и непремѣнно съ репризомъ, т. е. повтореніемъ пер-

выхъ фразъ; только два романса Лауры составляютъ исключеніе опять въ этомъ отношеніи. Но въ „Каменномъ гостѣ“ есть мелодія, въ томъ смыслѣ, въ какомъ подъ мелодіей разумѣется всякая послѣдовательность звуковъ, неограниченная продолжительностію времени, не связанная никакой формой. Здѣсь мелодіи неразрывно связаны со словомъ и всецѣло отъ него зависятъ; какъ фразы текста, онѣ то длиннѣе то короче, почти не повторяются, а льются одна за другою. Безъ текста каждая изъ такихъ фразъ имѣетъ свою музыкальную красивость, свое значеніе, но въ цѣломъ, въ ихъ послѣдовательности нѣтъ абсолютно музыкальной связи, нѣтъ абстрактно-музыкально-логическаго ихъ развитія; потому что это не чистая симфоническая музыка, а музыка прикладная, вокальная. Ея развитіе и послѣдовательность зависятъ отъ текста, только съ текстомъ ее должно слушать, и тогда сила ея громадна. Въ гармоническомъ отношеніи „Каменный гость“ тоже чрезвычайно замѣчателенъ. Свободная гибкость, для чувства осязательная роскошь и возбудительная прелесть — вотъ неотъемлевыя свойства гармоній „Каменнаго гостя“ и эти густые, сочные аккорды способствуютъ достиженію той всеобъемлющей объективности и выразительности той жизненной правды, которыхъ такъ добивался Даргомыжскій.

Есть въ „Каменномъ гостѣ“ и недостатки, проистекающіе главнымъ образомъ отъ недостатковъ текста, написаннаго, какъ выше замѣчено, не для музыки. Помимо отсутствія хоровъ, народныхъ массъ, народнаго движенія, помимо недостатка лиризма, чувствуется изрѣдка отрывочность музыкальныхъ фразъ. Но первый недостатокъ отчасти выкупается короткостію и сжатостію оперъ, а второй совершенно исчезаетъ въ массѣ достоинствъ. Кое гдѣ въ „Каменномъ гостѣ“ слабъ музыкальный интересъ, особенно когда Даргомыжскому приходилось писать музыку на самыя безсодержательныя фразы обыденнаго разговора. Вотъ примѣръ.

Лаура: Откуда ты? Давно-ли здѣсь?
Донъ-Жуанъ. Я только-что пріѣхалъ
И то тихонько.

Лаура. Ты мимо шелъ случайно
И домъ увидѣлъ?
Донъ-Жуанъ. Нѣтъ, моя Лаура, спроси у Лепорелло.

Частая перебивка также убійственно холодныхъ фразъ съ фразами болѣе теплыми не выгодна для музыкальныхъ цѣлей. Наконецъ, въ „Каменномъ гостѣ“ попадаются модуляціонныя странности и гармоническія смѣлости, доходящія до некрасивости. Первое вездѣ присуще Даргомыжскому, имѣющему одну изъ самыхъ оригинальныхъ музыкальныхъ физіономій. Второе произошло, надо полагать, отъ того, что онъ эту оперу не успѣлъ докончить и инструментовать: смерть застигла его предъ самымъ заключеніемъ оперы въ 1869 году. Вѣроятно, при инструментовкѣ онъ-бы кое-что сгладилъ. Замѣчательно, что передъ смертью, Александръ Сергѣевичъ Даргомыжскій сдѣлалъ всѣ нужныя распоряженія къ постановкѣ оперы, которую видѣть ему не позволила судьба. Онъ распорядился о томъ, чтобы оперу докончилъ Кюи, инструментовалъ Римскій — Корсаковъ; чтобы распредѣленіе ролей было сдѣлано согласно его желанія, которое онъ заявилъ тогдаже; чтобы, наконецъ театральной дирекціи было заплачено за эту оперу 3000 рублей. Всѣ эти распоряженія по возможности были выполнены. Кюи дописалъ послѣдніе десять съ половиной стиховъ въ концѣ первой картины перваго дѣйствія — единственственное мѣсто, неоконченное Даргомыжскимъ; онъ же написалъ вступленіе къ оперѣ, хотя заботился о его краткости, чтобы какъ можно меньше подбавлять посторонней музыки къ музыкѣ Даргомыжскаго. Для своего вступленія Кюи взялъ только двѣ личности-командора и Донъ-Жуана, и то только отношеніе послѣдняго къ статуѣ, и построилъ вступленіе на темы цѣлыми тонами командора и на темы Донъ-Жуана, когда онъ подходитъ къ статуѣ; придалъ этимъ темамъ нѣкоторое развитіе, соединилъ ихъ контрапунктически, закончилъ вступленіе входомъ статуи къ Доннѣ-Аннѣ.

Инструментовалъ оперу Римскій-Корсаковъ съ обычною талантливостью. Инструментовка „Каменнаго гостя“ отличается простотою, сдержанностію, прозрачностію, красивостію и вмѣстѣ съ тѣмъ разнообразіемъ колорита. Корсаковъ придалъ монаху

прекрасный органный характеръ, и тѣмъ не мало содѣйствовалъ рельефному музыкальному очертанію этой личности. Пѣснямъ Лауры онъ придалъ блестящій, эфектный испанскій колоритъ, командору — роковой, могильный характеръ неотразимой судьбы и т. д.

Въ таковомъ видѣ опера Даргомыжскаго, въ 1-й разъ исполнена была 16-го февраля 1872 года на сцѣнѣ Петербургскаго Маріинскаго театра. Роли были расположены дѣйствительно согласно желанію Даргомыжскаго, съ небольшими лишь отступленіями, вызванными необходимостію (выходомъ актеровъ изъ труппы). Одно только не выполнено дирекціей: она совершенно отказалась уплатить наслѣдникамъ Даргомыжскаго, согласно волѣ послѣдняго, болѣе 1143 рублей maximum вознагражденія русскимъ композиторамъ по существенному тогда правилу. Только почитатели и друзья Даргомыжскаго нашли возможнымъ выполнить завѣщаніе великаго отечественнаго композитора, дополнилъ остальные 1857 рублей при помощи устроенной подписки. Фактъ этотъ послужилъ къ отмѣнѣ несправедливаго закона столь обиднаго для русскихъ композиторовъ.

Нѣкоторыя ставятъ Даргомыжскому въ упрекъ, что новизна музыки дѣлаетъ „Каменнаго гостя“ непонятнымъ для массы и есть музыка для немногихъ или еще рѣзче — для воображаемой, несуществующей публики. Но этотъ упрекъ несправедливъ: въ искусствѣ есть такіе же перевороты, какъ въ жизни, необходимость которыхъ доказывается исторіею, такъ какъ они обусловливаютъ собою обновленіе жизни и изчезновеніе рутинъ. Заслуга Александра Сергѣевича Даргомыжскаго предъ русскимъ искусствомъ велика, и творчество его можетъ служить образцемъ для современныхъ композиторовъ.

